№ 38

АЗБУКА

СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Нусвальта, Литейная, № 13-й, д. Денфера.
1871.

2-й экз.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Введеніе 1

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЗНАЧЕНІЕ СИЛЬНЫХЪ И СЛАБЫХЪ ВЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА

Глава первая Опасность обожанія силы и богатства Хищники и мирныя племена 13

Глава вторая Кто былъ источникомъ благосостоянія и цивилизаціи—сильные или слабые? 23

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ДИКАРИ.

Глава третья Инстинктъ, указывающій на назначеніе человѣка Дикарь на первой ступени развитія 35

Глава четвертая Дикарь на второй ступени развитія.—Другой инстинктъ, указывающій на назначеніе человѣка. 47

Глава пятая. Почему дикари владѣютъ до сихъ поръ третьею частью земнаго шара 60

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ГОСУДАРСТВА ЗАСТОЯ

Глава шестая Государства застоя. — Сходство между ихъ населеніемъ и дикарями — Рядъ цивилизацій — Результаты ряда цивилизацій — Какъ отразились цивилизующія вліянія на сѣверо-восточной Африкѣ: Абиссинія, Египетъ и Нубія 69

Глава седьмая. Государства застоя. — Три четверти земнаго шара занято дикарями и племенами застоя Причина заключается не въ недостаткѣ способ-

Стр

ностей, а въ нравственномъ неразвитіи людей. — Инстинкты міровой жизни тутъ дѣйствуютъ также сильно, но направленіе ихъ совершенно ложное — Человѣкъ возвышается въ общественномъ мнѣніи хищничествомъ . 89

Глава восьмая Государства застоя —Человѣкъ возвышается здѣсь въ общественномъ мнѣніи роскошью —Послѣдствія такихъ воззрѣній — Чѣмъ способнѣе правитель, тѣмъ онъ вреднѣе —Исторія развитія этихъ государствъ. — Простота первоначальныхъ завоевателей — Времена процвѣтанія . 104

Глава девятая. Государства застоя.—Времена упадка —Крайнее злоупотребленіе изъ инстинктовъ міровой жизни.—Организація обществъ застоя — Власть избирательная, наслѣдственная и порожденная борьбою — Неограниченная власть надъ людьми.—Неограниченная власть надъ имуществомъ. 123

Глава десятая. Государства застоя —Вредъ большихъ вознагражденій за трудъ въ высшихъ сферахъ общества —Ограниченная способность вещей удовлетворять человѣческимъ потребностямъ. — Борьба за существованіе — Жалкія послѣдствія ограниченія силы силой въ сферахъ власти,— въ сферахъ имущества 139

Глава одиннадцатая Государства застоя —Благосостояніе можетъ явиться только тогда, когда сильный хотя отчасти употребляетъ свою силу на пользу общества —Не слѣдуетъ ли ему всѣ свои силы употреблять на пользу общества?— Сильные, которые вели строгую жизнь съ религіозною или военною цѣлью, увеличивали свои силы и свое счастье, но ложная цѣль неизбѣжно заставляла ихъ вновь впадать въ слабость. — Ихъ вліяніе на массы и вліяніе гуманнаго высшаго сословія.—Цивилизаціи застоя не опасались гибельнаго вліянія вещей и быстро падали — Греки развились болѣе арабовъ потому, что были бѣднѣе — Значеніе политическихъ и соціальныхъ формъ . . 153

Глава двѣнадцатая Государства застоя. — Инстинкты міровой жизни и политическія формы —Инстинкты міровой жизни и централизующія чувства — лесть. 180

Глава тринадцатая. Государства застоя.—Результаты политики лести въ качествѣ объединяющаго принципа.—Просвѣщеніе какъ орудіе централизаціи — Какимъ образомъ ложное воззрѣніе на величіе и гибельное вліяніе вещей губило самостоятельную мысль —Что выходило, если при этомъ люди брались за дѣло, къ которому они не способны. 192

Глава четырнадцатая. Государства застоя. — Счастливъ ли неспособный человѣкъ, имѣющій власть и богатство?—Значеніе власти и богатства въ сравненіи съ нравственнымъ развитіемъ въ качествѣ источниковъ счастья. Когда любовь даетъ наибольшее счастье?—Былъ ли бы восточный вельможа счастливѣе, если бы онъ отказался отъ роскоши? — Отчего въ немъ не можетъ развиться нравственное чувство и что отъ этого происходитъ? — Состояніе Персіи.—Нормальное употребленіе времени и средствъ.—Фатальная ошибка человѣчества.—Условія для порожденія самыхъ счастливыхъ людей. . . . 206

Глава пятнадцатая. Государства застоя.—Заключеніе. — Какъ достигается правильное удовлетвореніе потребностей Почему наибольшее счастье для каждаго отдѣльнаго человѣка и для всѣхъ вмѣстѣ можетъ быть достигнуто только тогда, когда вознагражденіе за трудъ будетъ одинаково въ разныхъ и увеличиваться только въ каждой отдѣльной отрасли по мѣрѣ успѣшности труда.— Почему при другихъ условіяхъ и при возвеличеніи за власть и богатство не-

Стр

возможно правильное раздѣленіе труда. – Спеціальность военная, интеллигенція, соціально-политическая община краснокожихъ. 217

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ГОСУДАРСТВА, ЗАДЕРЖИВАЕМЫЯ ФОРМАЛЬНОЮ РЕЛИГІЕЮ.

Глава шестнадцатая Государства, задерживаемыя формальною религіею —Пространство, занимаемое ими, сравненіе съ государствами застоя —Мѣстности, занятыя дикарями, государствами застоя и государствами, задерживаемыми формальною религіею, составляютъ шесть седьмыхъ суши на землѣ —Можетъ ли человѣкъ получить раціональное понятіе о своемъ назначеніи и объ условіяхъ своего счастья? —Номадъ смотритъ такъ же ошибочно на земледѣльца, какъ современный образованный человѣкъ на человѣка съ нормальнымъ развитіемъ — Изъ чего мы видимъ, что нормальный человѣкъ будетъ счастливѣе? – Какимъ образомъ неправильное пониманіе счастья привело къ формальной религіи?— Проповѣдовавшіе эти религіи нетолько заблуждались, но умышленно обманывали—Іосифъ Смитъ, Магометъ, Зароастръ. 235

Глава семнадцатая Государства, задерживаемыя формальною религіею Духовенство формальныхъ религій пріучаетъ къ чудовищной недобросовѣстности.— Его вымыслы въ Полинезіи, въ Мехикѣ, у буддистовъ, испанскіе историки.— Вражда формальныхъ религій противъ умственнаго развитія —Значеніе духовенства —Перу, Вавилонъ, Испанія, Мехика — Добродѣтель заключается не въ томъ, чтобы плодить жизнь, а чтобы пренебрегать ею —Св Тереза.—Людоѣдство, человѣческія жертвы, Карѳагенъ, Мехика. — Завоеваніе Америки испанцами.—Сравненіе между испанцами и монголами, испанцы показываютъ болѣе черствости и презрѣнія къ людямъ.—Сравненіе съ турками.—Вліяніе духовенства на Кортеса и Пизарро — Въ какое время государства, задерживаемыя формальною религіею, легко дѣлаются добычею завоевателей. — Византійская имперія, Испанія передъ завоеваніемъ арабовъ, Перу —Способности испанцевъ убиты формальною религіею — Парагвай, любимое дѣтище и гордость духовенства —Какъ набирались жители колоній . . 246

Глава восемнадцатая Государства, задерживаемыя формальною религіею.—Обзоръ исторіи Парагвая до 1868 года — Сравненіе съ восточными деспотическими государствами застоя.—Какимъ образомъ ненормальное удовлетвореніе инстинктовъ міровой жизни въ государствахъ, задерживаемыхъ формальною религіею, приводитъ къ такому же обожанію за силу, богатство и геройство, какъ въ государствахъ застоя —Понятіе о Богѣ, которое даютъ формальныя религіи.—Испанія во время Фердинанда и Изабеллы —Филиппъ прекрасный. инквизиція и человѣческія жертвы, сравненіе съ Таити и съ Ацтеками . . 258

Глава девятнадцатая. Государства, задерживаемыя формальною религіею —Связь между аскетизмомъ и стремленіемъ къ великолѣпію, Хименесъ, Карлъ V-й.— Движеніе къ свободѣ въ Испаніи, народъ—орудіе духовенства.—Филиппъ II-й.— Какимъ образомъ изъ формальной религіи вытекаетъ господство военнаго элемента и страсть къ завоеваніямъ —Заносчивая политика — Многочисленность духовенства, презрѣніе народа къ земнымъ благамъ, нищенство и великолѣпіе, духовевство порицаетъ трудъ и экономію, изгнаніе мавровъ, по-

Стр.

нятіе дворянъ о величіи, реформаторы, вліяніе женщинъ, духовенство во главѣ правительства и во главѣ оппозиціи, народъ доволенъ, прогрессъ втеченіе тысячи лѣтъ, французская революція, внезапное разложеніе Испаніи — Испанская Америка и вліяніе идей Соединенныхъ Штатовъ . 274

Глава двадцатая Государства, задерживаемыя формальною религіею — Судьбы Испаніи въ XIX столѣтіи.—Проповѣдь либерализма и ненависть всѣхъ партій къ либеральнымъ идеямъ.—Разница между европейскими и испанскими реакціонерами —Сходство между испанской анархіей и анархіей въ государствахъ застоя.—Очарованіе и разочарованіе Европы.– Вліяніе формальной религіи въ Португаліи –Способности португальцевъ и ихъ открытія, всѣ ихъ успѣхи уничтожаются вліяніемъ формальной религіи, сходство съ Испаніею — Испанское господство—утрата колоній, обезлюдѣнье —Вліяніе Англіи — Почему цивилизація испанцевъ, португальцевъ и ихъ бывшихъ колоній неблагонадежна? — Огромное и вредное значеніе ложнаго направленія инстинктовъ міровой жизни, сравненіе съ другими инстинктами —Вредъ этого ложнаго направленія въ другихъ государствахъ Европы —Современное состояніе испанцевъ и португальцевъ — Тиморъ.—Вліяніе Соединенныхъ Штатовъ и сходство между южной Америкой и государствами застоя.–Отсталость и фанатизмъ въ Португаліи и Испаніи 286

ВВЕДЕНІЕ.

Какъ скоро человѣку пришла идея, которая показалась ему великою, то не онъ ею овладѣетъ—она имъ. Онъ сдѣлается вѣчнымъ, безропотнымъ ея слугою и на ней онъ сосредоточитъ всѣ свои помыслы, все свое счастье жизни. Желая сбросить это могучее иго рабства, онъ будетъ тысячи разъ задавать себѣ вопросъ: дѣйствительно ли это истина? а если это истина, то дѣйствительно ли она имѣетъ такое большое значеніе?— Онъ будетъ углубляться все болѣе въ міръ своей идеи, онъ будетъ подбирать данныя, анализировать жизнь, дѣлать умственныя напряженія, отъ которыхъ ему будетъ казаться, что онъ долженъ сойти съ ума. Но чѣмъ болѣе онъ будетъ свою идею терзать и мучить, тѣмъ могущественнѣе она будетъ разрастаться въ его сердцѣ, тѣмъ тѣснѣе она будетъ его обхватывать своими крѣпкими руками и порабощать себѣ. Истощивъ въ многолѣтней, страстной борьбѣ весь свой запасъ скептицизма и сомнѣній, человѣкъ наконецъ не будетъ имѣть болѣе силъ бороться—онъ признаетъ себя побѣжденнымъ. Склонивъ смиренно свою голову, онъ откажется отъ дальнѣйшихъ изысканій и произнесетъ роковое слово — я убѣжденъ. — Ну, а за тѣмъ? — Вѣдь за убѣжденіемъ должно слѣдовать дѣйствіе, за идеей ея проявленіе. Ее нужно выразить ясно, отчетливо и въ тоже время показать всю ея глубину. Лишь только человѣкъ примется за разрѣшеніе этой задачи, лишь только онъ будетъ въ нее вдумываться передъ его умственнымъ взоромъ будетъ разростаться то безконечно тѣсное сцѣпленіе, въ которомъ находятся всѣ великія начала въ природѣ. Долго разбивая всѣ свои усилія о безплодную задачу полнаго уединенія и выдѣленія какого-нибудь начала, мыслитель наконецъ начнетъ повторять себѣ — нужно понять все, или ничего не поймешь! — Но возможно ли понять все? — Послѣ тяжкихъ трудовъ и усилій, остановившись наконецъ передъ этой бездонной пропастью, человѣкъ почувствуетъ припадки безумнѣйшаго отчаянія; ни въ какомъ другомъ положеніи чувство своего безсилія не способно такъ глубоко потрясти все его существо. Все, что достигнуто было такими большими напряженіями, все нужно опять-таки бросить при первой же попыткѣ къ осуществленію. Но вѣдь такимъ образомъ для человѣка будетъ совершенно невозможно двигаться впередъ. Понять все никто не въ состояніи, а правильно и всесторонне понять часть этого всего, не понимая всего, не мыслимо. Человѣкъ долженъ обречь себя или на полную бездѣятельность, неподвижность и безплодность, или на несовершенное знаніе. Только одно безконечное отвращеніе отъ безплодности и непо-

движности можетъ заставить человѣка сдѣлать въ этомъ случаѣ выборъ. Какъ принять на себя отвѣтственность разъяснять людямъ то, что и самъ не вполнѣ понимаешь?—Всякій, кто углубится въ этотъ вопросъ пойметъ всю его горечь. Даже и послѣ полной рѣшимости отъ этой горечи нельзя будетъ отдѣлаться никогда. Только неодолимая власть, которую пріобрѣла надъ вами великая идея, можетъ заставить васъ съ тяжкимъ сердцемъ идти далѣе. Но вѣдь и потребность понять вполнѣ — великая и могучая потребность, отъ нея нельзя отказаться безъ борьбы; человѣкъ тутъ можетъ уступить только тогда, когда онъ уже разбитъ крайнимъ утомленіемъ, но никогда онъ на эту уступку не будетъ въ состояніи смотрѣть иначе, какъ на что-то весьма близкое къ малодушію, на порожденіе его слабости, никогда это не перестанетъ его грызть. Вотъ, углубляясь все далѣе, въ центръ своей задачи, онъ объединилъ въ своей душѣ всѣ юридическія, политическія и соціально-экономическія науки, чтобы отъискать то основное свойство, откуда вытекаютъ всѣ эти проявленія; это стоило ему большихъ усилій, а все-таки въ результатѣ оказалось, что свойство это онъ не въ состояніи понять. Онъ чувствуетъ потребность изучать теологію, общественную жизнь, въ обычаяхъ, привычкахъ и всѣхъ проявленіяхъ, поддающихся наблюденію. Послѣ этого у него дѣйствительно составляется что-то похожее на цѣлое, какъ въ туманѣ ему представляется какая-то сила, имѣющая свои особыя формы. Но ему скоро дѣлается яснымъ, что эта сила расплывается въ существѣ другаго цѣлаго, не отдѣлима отъ него, не понятна безъ него, это часть духовныхъ силъ человѣка. Чтобы разъяснить себѣ эти силы, надо заниматься психологіей и психіатріей. Ступите на этотъ путь и вы тотчасъ увидите, какъ вамъ необходимо для глубокаго пониманія знать всѣ стороны организаціи человѣка Но развѣ возможно понять физіологію человѣка, не зная физіологіи вообще, и физіологія и психологія одинаково непонятны безъ знанія животнаго и растенія, а знаніе животнаго и растенія непонятны безъ химіи и физики. Чѣмъ дальше онъ будетъ идти, тѣмъ съ большею жадностью его будетъ хватать и привлекать къ себѣ одна наука за другою, развѣ только одна математика будетъ обнаруживать менѣе другихъ силы притяженія, да и то только потому, что она не наука, а искуство, человѣкъ тутъ не изучаетъ, а упражняется и изобрѣтаетъ пріемы—это пособіе при изученіи, а не предметъ изученія. Все это человѣкъ дѣлалъ для того, чтобы изучаемому имъ явленію дать надлежащее мѣсто среди явленій природы, чтобы его раціональнымъ образомъ выдѣлить и вдвинуть въ надлежащую рамку въ системѣ очищенныхъ анализомъ знаній человѣческихъ. Онъ съ такимъ усердіемъ кинулся на это дѣло и къ чему же онъ приходитъ?—Дѣлить науку на ботанику, зоологію, физіологію, біологію, антропологію, соціологію и т. д. не есть ли это точно такой же пріемъ раздѣленія, какъ и пріемъ первобытной науки—это раздѣленіе по внѣшнему виду, по оболочкѣ; развѣ для науки можетъ существовать человѣкъ, животное, растеніе? Для науки должна существовать только матерія, очищенная анализомъ до крайней возможной степени уединенія, т. е. простое тѣло съ его силами и

свойствами — и сила не матерьяльная, если бы такая гдѣ-либо отыскана была наблюденіемъ и возможность ея существованія была доказана строго научнымъ изслѣдованіемъ. Послѣ описанія свойствъ и силъ простыхъ тѣлъ должно быть возможно опредѣлять, какой результатъ дастъ ихъ комбинація; за тѣмъ изученіе сложныхъ явленій должно приводить только къ тому, чтобы далѣе разъяснять эти свойства и силы уединенной матеріи и каждое свойство, выдѣленное анализомъ изъ смѣси, должно совершенствовать наше понятіе о матеріи. Я спрашиваю — изъ всѣхъ названныхъ мною наукъ, есть ли хотя одна, которая бы занималась свойствами и силами уединенной матеріи. Есть наука, которая, по видимому, должна была бы имѣть прямою цѣлью именно разрѣшить эту задачу — это философія. Но приходило ли хотя когда нибудь какому нибудь философу въ голову сдѣлать что-нибудь подобное? — Наше дѣло — дѣло изучающихъ сложныя явленія, — должно было бы заключаться въ томъ, чтобы подъ контролемъ философовъ-систематиковъ правильно анализировать, какія силы простыхъ тѣлъ и какими свойствами учавствуютъ въ произведеніи явленія и подмѣчать, какимъ образомъ комбинація силъ даетъ форму, т. е. то, что обыкновенно называютъ новой силой или новымъ тѣломъ. Образованіе формъ должно также имѣть свой законъ — это будутъ общія свойства уединенной матеріи. Вотъ положеніе, въ которомъ вы очутились, та идея, которая такъ могущественно толкаетъ васъ на путь изученія, неустанно требуетъ отъ васъ, чтобы вы разработывали и разработали окончательно. Взявшись за эту разработку, вы тотчасъ почувствовали, что вамъ нужно узнать все и что узнать всего для васъ невозможно; вы покорились, вы отказались отъ знанія всего, но вы хотите, по крайней мѣрѣ, для вашего предмета найдти то мѣсто въ ряду знаній, которое онъ долженъ занимать, вы хотите узнать, какія свойства силъ простыхъ тѣлъ, т. е. уединенной матеріи, создаютъ эту форму, какъ и отчего эти свойства развиваются и по какому слѣдовательно закону должна совершенствоваться самая форма. И что же? Вы находите науку въ такомъ грубомъ состояніи, что она довольствуется самымъ поверхностнымъ описаніемъ явленій, которыя произошли отъ самыхъ сложныхъ и отдаленныхъ комбинацій силъ. Формы, порожденныя этими комбинаціями, въ наиболѣе совершенныхъ наукахъ принимаются просто за новыя силы и говорится объ ихъ свойствахъ, какъ будто эти свойства произведеніе формы, а не первоначальныхъ силъ уединенной матеріи, простыхъ тѣлъ, изъ которыхъ она скомбинировалась. Въ большинствѣ же менѣе совершенныхъ наукъ явленія не только не относятся къ свойствамъ и силамъ уединенной матеріи, но не сводятся даже и къ формѣ. Передъ вами набрасываютъ массу самаго разнороднаго матерьяла, которую систематизируютъ съ помощью самыхъ грубыхъ и первобытныхъ пріемовъ, напр. въ исторіи въ хронологическомъ порядкѣ, въ медицинѣ вамъ пишутъ книги о дѣтскихъ, о женскихъ, о грудныхъ болѣзняхъ и объ ихъ леченіи и эти книги относятъ даже не къ искуству, а къ наукѣ. Когда вы сравниваете эти пріемы съ тѣми, которые употреблялъ человѣкъ тысячи лѣтъ тому назадъ, составляя

себѣ первобытное міровоззрѣніе, когда вы видите какъ велико между ними сходство и подумаете о томъ, съ какимъ заносчивымъ презрѣніемъ современный ученый смотритъ на этого первобытнаго знахаря, какимъ жалкимъ и грубымъ проявленіемъ покажется вамъ эта неумѣстная гордость. Измученный безплодными усиліями, вы должны сдѣлать новую уступку. Вы вполнѣ отказываетесь понять тѣ свойства и силы уединенной матеріи, изъ которыхъ произошли изучаемыя вами комбинаціи. Вы изучаете внѣшнюю работу машины, а не знаете, какая сила ее двигаетъ, какая механическая комбинація ее направляетъ. Вы похожи на предводителя дикарей, который, никогда не видавъ и не слыхавъ объ огнестрѣльномъ оружіи, внезапно очутился передъ укрѣпленіемъ, защищаемымъ европейцами, и долженъ его брать. Какимъ тяжелымъ камнемъ должно лежать на немъ его поверхностное пониманіе. Только крайняя необходимость сражаться можетъ заставить его изучать и произносить свое сужденіе. Только одно сознаніе пользы, которая должна произойдти отъ этого перваго шага, можетъ заставить васъ сдѣлать его; это сознаніе должно долго и упорно мучить васъ прежде чѣмъ вы рѣшитесь Вотъ почему я называю свое сочиненіе «*азбукой*». Это первое, самое несовершенное начало. Это самое поверхностное обобщеніе, сдѣланное по внѣшнему виду, съ полнымъ невѣжествомъ относительно внутренняго существа. Но если польза сдѣлалась самымъ главнымъ стимуломъ, побудившимъ меня писать, то мудрено ли, если я желалъ, чтобы эта польза была возможно большая? Могъ ли я думать иначе?—Я очень хорошо зналъ, что какъ бы я популярно ни написалъ свою книгу, но при самомъ блестящемъ успѣхѣ въ моемъ отечествѣ изъ десяти тысячъ человѣкъ ее прочтетъ одинъ. Это равняется почти полному игнорированію. Неужели я долженъ былъ затруднять чтеніе непонятными терминами и сдѣлать книгу до того недоступною, чтобы ее прочли только одни люди менѣе всего склонные отказываться отъ рутины. Но чтобы быть понятнымъ, мнѣ пришлось употреблять неточную и сбивчивую терминологію. Форму, порожденную комбинаціей, я долженъ былъ называть силой, употреблять слова инстинктъ, счастье Инстинктъ, въ качествѣ начала, побуждающаго къ дѣятельности, противупоставлять сужденію. Если растеніе тянется къ свѣту, не есть ли это точно такое же инстинктивное побужденіе, какъ у животнаго хватающаго пищу для удовлетворенія своего голода, не есть ли это также своего рода дѣйствіе, а чѣмъ инстиктивное дѣйствіе животнаго отличается во внѣшнемъ своемъ проявленіи отъ дѣйствія, порожденнаго сужденіемъ?—Если дѣйствіе произведено сужденіемъ, то внѣшняя сторона процесса, которымъ оно произошло, намъ нѣсколько болѣе извѣстна. Мы можемъ наблюдать, какъ произошла въ насъ камбинація понятій и какъ порожденный этою камбинаціею выводъ побудилъ насъ дѣйствовать Въ инстинктивномъ дѣйствіи за предѣлами намъ извѣстнаго можетъ быть точно такой же процессъ понятія и сужденія, которыхъ происхожденіе не поддается наблюденію. И вотъ я долженъ былъ останавливаться у этихъ предѣловъ извѣстнаго для меня и называть побужденіе, которое порождалось за ними, инстиктомъ. Я чув-

ствовалъ, до какой степени чрезъ это мое сужденіе дѣлалось поверхностнымъ и неточнымъ, но передо мною не открывалось ни одного пути, чтобы идти далѣе. За тѣмъ мнѣ представлялось еще затрудненіе я понималъ, какъ это побужденіе, вытекавшее изъ неизвѣстнаго мнѣ источника, оплодотворялось и росло по мѣрѣ того, какъ расширялись свѣдѣнія людей о мірѣ и объ условіяхъ міровой жизни, но я могъ передавать это читателю только въ самомъ неполномъ видѣ. И безъ того книга такъ обременена была данными, что они мѣстами крайне затрудняли чтеніе; разъяснять еще болѣе, это значило сдѣлать ее совершенно недоступною. Довольно, кажется; вѣроятно, что я здѣсь кончилъ тяжкое и пригнетающее признаніе о борьбѣ съ затрудненіями, превышавшими силы человѣческія. Читатель могъ себѣ представить, какъ трудно было сознаться въ невозможности одолѣть эти препятствія, какъ трудно было рѣшиться идти далѣе, оставивъ ихъ не побѣжденными. Неужели за тѣмъ должно было имъ давать еще что-нибудь въ томъ жѣ родѣ?— Увы! Оказалось, что это было только еще болото, а за тѣмъ оставалось перейдти безконечную, безводную и каменистую степь, которая разстилалась передъ изслѣдователемъ грязнымъ и неумолимымъ призракомъ. Если невозможно было проникнуть скрытыя причины, порождавшія формы и, разоблачивъ ихъ, добраться до истиннаго источника,— до силъ, то, по крайней мѣрѣ, слѣдовало вполнѣ познакомиться съ явленіями формъ и свести ихъ къ общимъ источникамъ, которые еще раскрыты передъ нами и лежатъ на поверхности. Но лишъ только вы принимаетесь за эту задачу, передъ вами раскрывается съ безконечнымъ разнообразіемъ неодолимая литература. Вотъ вы начали изучать политическую экономію и стремившіяся ее усовершенствовать соціальныя ученія. Если къ ней присовокупить текущую литературу, то уже будетъ надъ чѣмъ поработать; но значительное облегченіе для васъ будетъ составлять единообразіе идей и стремленій, которыя здѣсь проявляются. Вамъ такъ часто будутъ приготовлять одно и то же съ разными приправами, что это вамъ начнетъ нестерпимо надоѣдать. Это васъ заставитъ обратиться отъ новаго къ старому и вы не безъ удивленія увидите, что то, что говорилось прежде, иногда вовсе не было такъ поверхностно и близоруко, а то, что говорится теперь, сравнительно вовсе не такъ глубоко и умно, какъ вамъ старались это представить. Насытившись подобнымъ чтеніемъ, вы постепенно эманципируетесь, вамъ наконецъ будетъ досадно читать повтореніе одного и тогоже, повтореніе идей, которыя уже приходили людямъ сотни лѣтъ тому назадъ; вы захотите стать на собственныя свои ноги и это заставитъ васъ преимущественно сосредоточиться на статистикѣ. Но тутъ вы тотчасъ будете имѣть дѣло съ матерьяломъ прямо неодолимымъ. Но замѣчательнѣе всего то впечатленіе, которое произвидетъ на васъ изученіе этого матерьяла. Прежде всего васъ будетъ мучить неточность статистическихъ цифръ и описаній, а за тѣмъ тамъ, гдѣ они сравнительно точны, они выражаютъ собою результаты такихъ сложныхъ явленій, что для васъ почти невозможно будетъ опредслить значеніе отдѣльныхъ дѣятелей, способствовавшихъ произведенію результата; вы бу-

дете чувствовать, что эти данныя съ неодолимою силою удерживаютъ васъ на поверхности и не даютъ вамъ проникать въ глубь Мало этого, вы замѣтите другое явленіе. Цифры и данныя дѣлаются выразительнѣе тамъ, гдѣ идея уже возникла ранѣе, гдѣ вопросъ уже возбужденъ; она хорошее орудіе для разъясненія стараго, но очень плохая помощь на новомъ пути. Вы ухватились за нее, чтобы эманципироваться, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ, и чувствуете, что васъ ведутъ на помочахъ — собираніе данныхъ зависитъ не отъ васъ, оно дѣлается другими, а эти другіе собираютъ ихъ не по вашей, а по своей мысли. Чтобы ваша мысль могла разъясниться статистикой, вы должны сначала ею заинтересовать другихъ. Вы не успѣли еще одолѣть эти неодолимыя и постоянно наростающія массы и вы чувствуете уже потребность взяться за другое. Вы чувствуете, что глубокое начало должно быть сначала угадано и только со временемъ оно оплодотворится точными данными. Но какъ же взяться за то, чтобы его угадать, отъ чего будетъ зависѣть, чтобы догадка какъ можно болѣе приблизилась къ истинѣ? Вы начинаете понимать, что лучшій шансъ въ этомъ случаѣ—это разсмотрѣніе дѣла со всѣхъ сторонъ. Вы начинаете съ поверхности, поэтому не мудрено вамъ сосредоточить свое вниманіе на разсмотрѣніи именно тѣхъ частей поверхности, которыя всего громче говорятъ о себѣ, всего крикливѣе призываютъ къ себѣ. Со стороны распредѣленія богатства—вотъ откуда раздается даже не зовъ, а стонъ и крикъ отчаянія. Вы невольно обращаетесь туда— и что же?— Вы замѣчаете, что это дѣло имѣетъ очень важную и совершенно другую сторону, чѣмъ ту, на которой вы до сихъ поръ сосредоточивались. И въ самомъ дѣлѣ— вамъ очень не трудно увидать до какой степени распредѣленіе богатства зависитъ отъ правъ — какимъ образомъ вы можете себѣ составить ясное понятіе объ условіяхъ распредѣленія, если вы не знакомы съ многосложнымъ механизмомъ, изъ котораго слагается господство человѣка надъ вещами, права на вещи, право собственности, обязательства и съ великимъ распредѣлителемъ благъ земныхъ — съ правомъ наслѣдованія. Тутъ передъ вами раскрывается литература не только болѣе древняя, но и несравненно болѣе многотомная и плодовитая. Углубляясь въ эту науку, которая такъ часто выводитъ васъ изъ терпѣнія своей сухостью, вы дѣлаетесь свидѣтелемъ оригинальнаго явленія. Всѣ усилія дѣятелей этой науки направлены къ тому, чтобы создать изъ нея стройное, послѣдовательное цѣлое, рядъ началъ, изъ которыхъ бы слѣдовали всѣ ея выводы съ безукоризненной правильностью. На этомъ сосредоточиваются всѣ стремленія ученыхъ. И чтоже?— Сколько бы они ни употребляли хитростей, искуственностей и натяжекъ — это имъ никогда не удается. Вы видите какую-то неодолимую силу, которая постоянно заставляетъ ихъ отступать отъ правильнаго логическаго вывода. Вы хотите проникнуть въ источникъ этой силы, вамъ приходится обращаться даже не къ законодательствамъ, а къ сборникамъ рѣшеній, въ которыхъ выражался постепенный ростъ юридическихъ понятій. Это неодолимыя массы, которыя исчерпать невозможно и въ которыхъ сверхъ того вы видите повтореніе прежняго, —

постоянное стремленіе къ логически послѣдовательному сужденію и неодолимую силу, которая этому мѣшаетъ, безпрерывно логическая послѣдовательность обрывается и, не смотря на всѣ ухищренія и натяжки, на ея мѣсто становится что-то другое. Постоянно повторяютъ, что это что-то другое есть ничто иное, какъ чувство естественной справедливости, которое навязываетъ свои рѣшенія наперекоръ логической послѣдовательности и дѣлается источникомъ юридическаго развитія; но вы скоро видите, что это совершенно невѣрно: сила, которая въ рѣшеніяхъ и юридическихъ сочиненіяхъ разрушаетъ логическую послѣдовательность, часто проявляетъ самую грубую и наглую несправедливость И вотъ въ вашемъ воображеніи возникаетъ картина. — Законодательство, юридическая практика, юридическая логика ученыхъ, все это сѣть, которая стремится обхватить и заковать жизнь, а жизнь творитъ и растетъ подъ нею, безпрерывно пробивается и разрываетъ ее; юристы-муравьи напрасно кидаются сцѣплять узлы и создать непрерывные ряды нитокъ—имъ это никогда не удается: лишь только они сцѣпили кое-какъ здѣсь, тамъ новый разрывъ. Эти-то мѣста, гдѣ прорывается сила и сосредоточиваютъ на себѣ вашъ интересъ, это ростъ вытекающаго изъ народа обычнаго права, ходъ исторіи, полемика при перемѣнѣ и примѣненіи законодательства. Тутъ вы не имѣете уже болѣе дѣла съ мертвящимъ и безразличнымъ стремленіемъ послѣдовательности, которое васъ такъ давило при изученіи юриспруденціи, это оппозиція стремленію заковать въ неподвижныя формы, это кипучая жизнь. Послѣ того, какъ вы пройдете весь истощающій ваше терпѣніе путь сухой юриспруденціи и дойдете до живаго источника, вы почувствуете, сколько вы выиграли въ вашемъ развитіи. Политическая экономія принимала людей такими, какими она ихъ находила въ нашемъ обществѣ, ей и въ голову не приходило, что они могутъ быть совсѣмъ другими. Безсознательно исходя отъ предположенія какой-то неподвижности человѣческаго рода, она строила свои теоріи и называла ихъ законами политической экономіи, между тѣмъ какъ эти законы были ничто иное, какъ наглядныя проявленія, зависѣвшія отъ извѣстнаго состоянія чувствъ и настроеній въ людяхъ. Его понятія о ростѣ кажутся политико-эконому безупречно вѣрными, и дѣйствительно для человѣка изъ нашей среды они имѣютъ неотразимую убѣдительность,—однакоже оказывается, что могутъ быть настроенія общества, при которыхъ законы о ростѣ будутъ весьма дѣйствительными законами; въ борьбѣ партій въ свободныхъ обществахъ они служили такимъ могущественнымъ орудіемъ, отъ котораго борцы никакъ не могли отказаться безъ опасности для себя; васъ поражаетъ мысль, какъ смѣшны были бы въ этомъ случаѣ доводы политической экономіи и для васъ сразу сдѣлается яснымъ, до какой степени они мелки. Гражданское право развило васъ — оно показало вамъ болѣе глубокія чувства людей и обличило всю мелкость политической экономіи, оно послужило для васъ гимнастикой и дало вамъ извѣстную механическую ловкость, вы легко переходили затрудненія, передъ которыми политико-экономы становились въ тупикъ, научившись нырять, вы не безъ нѣкотораго тор-

жества смотрѣли на этихъ людей, которые, измѣряя глазами поверхность воды, напрасно старались догадаться, что происходитъ на днѣ; для васъ было смѣшно, когда вы видите, какъ они пѣтушатся и спорятъ о томъ напр., нужна или не нужна собственность. Но за то же какъ обширна эта наука: ученѣйшіе юристы едва могутъ совладать съ матерьяломъ своей собственной цивилизаціи, изучить самихъ себя, за ея предѣлами вы можете знакомиться только съ обрывками и обломками, а между тѣмъ вамъ не трудно увидать, какими узкими дѣлаются эти ученые отъ того, что они принимаютъ свой муравейникъ за эссенцію всего міра. Откуда же берутся эти борящіяся силы, въ которыхъ вы замѣтили подкладку для юриспруденціи и для политической экономіи? Эти силы порождаются чувствами, а чувства порождаются воспитаніемъ. Желаніе изучить народное воспитаніе васъ вводитъ въ полицейское право съ его пестротой, незамѣтно завлекаетъ васъ въ область финансовъ и силой центростремительности вы разомъ очутились въ сферѣ государственныхъ наукъ, въ центрѣ государственнаго и международнаго права. Лишь только вы вступили въ этотъ храмъ съ его грандіозными и смѣлыми сводами, вы чувствуете, что вы попали въ средоточіе той силы, откуда выходятъ незримые удары на поверхность. Въ прежнихъ сферахъ передъ вами выводили какія-то формулы, старались васъ убѣдить, что въ этихъ формахъ и заключается вся суть дѣла, вся непреложная истина; здѣсь внѣшніе покровы сброшены, формы на вашихъ глазахъ превращаются въ тактическіе пріемы и построенія, и вы видите открыто и ясно, что вся суть въ борьбѣ силъ. Здѣсь каждое слово—это мечъ, каждое сужденіе—это ударъ. Вы чувствуете себя въ той средѣ, гдѣ схватились самыя живыя и жгучія страсти, гдѣ всякій чувствуетъ, что здѣсь нужно или погибнуть или побѣдить. За тоже передъ вами открывается такая литература, что вы отступаетесь передъ нею съ ужасомъ, вы чувствуете, что всей вашей жизни недостаточно, чтобы прочесть и сотой доли. Всякій чувствуетъ свою зависимость отъ этой борьбы, всякій хочетъ принять въ ней участіе. Ученый Моль задумалъ написать исторію этой литературы, онъ ограничился только новѣйшею, ограничился одними книгами,—между тѣмъ какъ главнымъ источникомъ въ развитіи политическихъ идей служили не книги, а газеты и брошюры,—онъ назвалъ болѣе четырехъ тысячъ сочиненій и все таки далеко не исчерпалъ ее Чѣмъ болѣе вы будете читать этихъ сочиненій, тѣмъ глубже вы будете убѣждаться, что тутъ менѣе всего научнаго изслѣдованія, тутъ передъ вами не стараются раскрывать истину, тутъ вамъ стараются прививать извѣстныя убѣжденія, васъ то принимаютъ за десятилѣтняго мальчишка и на сотняхъ и тысячахъ страницъ сухимъ, голословнымъ тономъ авторитета внушаютъ вамъ мнимыя истины, то стараются васъ увлечь блестящимъ остроуміемъ и ловко подобранными данными. Чѣмъ живѣе вы будете чувствовать, какъ вами помыкаютъ, тѣмъ сильнѣе въ васъ будетъ желаніе увидать самому на дѣлѣ и эти восхваляемыя и порицаемыя учрежденія и людей, которые въ нихъ дѣйствуютъ. Но приступите къ дѣлу и вы увидите не только массы, но цѣлый потопъ книгъ, вы не будете знать за что взяться, от-

куда начать. Однако же вамъ стоитъ только не испугаться этого моря буквъ и вы имъ увлечетесь. Вы будете съ большимъ интересомъ читать изслѣдованія по важнымъ и не важнымъ политическимъ вопросамъ, рѣчи, которыя говорились, по сборникамъ этихъ рѣчей вы будете слѣдить за ними до тѣхъ поръ, пока для васъ будетъ ясно, какими стимулами руководились эти люди. Вы съ любопытствомъ будете просматривать мѣстныя движенія и отчеты мѣстныхъ управленій Тутъ вы только почувствуете, какъ увлекательна политическая жизнь; въ тиши вашего уединенія, въ пыли библіотечныхъ галлерей, въ вашемъ воображеніи будетъ олицетворяться борьба народныхъ собраній и вы будете переживать минуты невольной страсти, которая для васъ будетъ смѣшна, когда она испарилась изъ вашей души. Къ чему однако же приведетъ васъ все это? Мало по малу вы начнете убѣждаться, что эти борцы—люди, которые имѣютъ столько же человѣческаго и очень много сходства съ безчисленными другими борцами, не знавшими болѣе совершеннаго орудія представительныхъ учрежденій. Читая книги, вы готовы были подумать, что представительная форма, это какое то чудесное твореніе, которое сдѣлало людей вдругъ совершенно другими, что послѣ этого не стоитъ и обращать вниманія на прошлыя несовершенныя формы и на политическую жизнь людей среди этихъ формъ. Но изучая эти учрежденія на дѣлѣ, вы убѣдитесь, что люди въ нихъ по прежнему остались людьми, что для нихъ сдѣлалось только нѣсколько удобнѣе постоянно и мирно проявляться. Желаніе изучать другія и прежнія формы жизни въ васъ живо возродится. Чѣмъ прилежнѣе вы ихъ будете изучать, тѣмъ скорѣе передъ вами явится новый интереснѣйшій изъ предметовъ изученія, вы замѣтите, что тѣ же самыя формы въ различныя времена и при различныхъ условіяхъ могли дѣйствовать чрезвычайно различно; тогда-то вы увидите, какое огромное значеніе въ жизни человѣческой имѣли чувства и воззрѣнія, въ которыхъ воспитывались люди, какъ та же самая форма въ рукахъ другихъ людей дѣлалась орудіемъ совершенно другаго рода. Если изученіе гражданскаго права васъ развило, то изученіе политическихъ наукъ васъ эманципируетъ; съ одной стороны вы сильно утратите вѣру въ значеніе формъ, а съ другой вамъ будутъ смѣшны близорукія убѣжденія, по отношенію ко многимъ формамъ, противнымъ будто бы природѣ человѣческой, требующія идеальныхъ людей и т д. Какъ скоро вы начинаете придавать все большее значеніе зависимости, которая существуетъ между чувствами и воззрѣніями людей и формами жизни, ваше любопытство будетъ направлено къ исторіи. Вы бросите глубокій взглядъ въ сердце человѣческое и вы поймете, какую великую важность имѣетъ все, что порождаетъ въ людяхъ могущественныя и сильныя чувства. Вотъ вы уже совсѣмъ вышли изъ области, въ которой вы прежде такъ долго вращались, васъ неожиданно начинаетъ привлекать такой предметъ, о которомъ вы прежде никогда не думали—это теологія. Читатель, имѣете ли вы понятіе, что такое теологія? Существуетъ толстый фоліантъ, гдѣ вкратцѣ, иногда въ нѣсколькихъ словахъ, разсказываются ученія и исторія различныхъ сектъ; вамъ трудно будетъ пересчитать эти секты, а между тѣмъ учители

каждой секты писали многотомныя сочиненія. Перечислены тутъ только христіанскія секты, да и то далеко и весьма далеко не всѣ. Есть страны, гдѣ очень мало или вовсе не писали по различнымъ отраслямъ наукъ; но вездѣ, гдѣ только писались книги, писались и многотомныя сочиненія теологическаго содержанія—эти творенія многочисленны, какъ степной песокъ. Къ счастью вы скоро убѣждаетесь въ безплодности этого изученія, васъ будетъ только интересовать исторія религій, ихъ современная жизнь и ихъ вліяніе на бытъ. Разъ углубившись въ тайники человѣческихъ чувствъ, вы увидите, что если вы прежде опускались до подводныхъ скалъ, то теперь вы на днѣ морскомъ, вы именно тамъ, откуда все исходитъ, и вотъ тутъ-то вамъ нужно понять въ чемъ дѣло. Лишь только вамъ это удастся, вы въ тѣхъ средствахъ, которыя вы пріобрѣли до сихъ поръ, получите орудіе совершенно другой силы и дѣйствительности. Передъ вами будетъ раскрываться цѣльное свойство человѣческой природы, то свойство, которое имѣетъ самое существенное вліяніе въ его религіозной, политической и экономической жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ вы скоро убѣдитесь, что эта особенность человѣка играетъ первостепенную роль не только въ этихъ сферахъ, но вездѣ, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ и сходится съ человѣкомъ. Вы увидите, что ваше понятіе объ этомъ свойствѣ будетъ совершенно недостаточное, если вы не познакомитесь съ обычаями и съ общественной жизнью людей вообще, и вотъ ко всѣмъ источникамъ, изъ которыхъ вы прежде почерпали ваши знанія, присовокупится еще одинъ не менѣе многоплодный—это путешествія, современныя и былыя описанія странъ и мѣстностей. Вамъ кажется наконецъ, что вы нашли тотъ ключъ, который вы такъ долго и такъ безплодно искали, вы можете уже сдѣлать описаніе того свойства, до котораго вы добрались такимъ длиннымъ путемъ и прослѣдить его проявленія до самой поверхности. Но возможно ли вамъ одолѣть тотъ источникъ, ту литературу, изъ которой вы все это выработали, возможно ли вамъ одолѣть половину, третью часть? Вы видите, какъ дѣйствовали другіе ученые, которые брали на себя иногда не менѣе обширную задачу Они наполняли свои сочиненія ссылками, и ссылки эти занимали иногда половину или болѣе половины сочиненія Затѣмъ писатели, въ родѣ Бокля, къ многочисленнымъ ссылкамъ присовокупляютъ еще цѣлый списокъ сочиненій. Все это должно вполнѣ успокоить читателя, вполнѣ убѣдить его, что предметъ разсмотрѣнъ авторомъ окончательно и что читателю остается только вѣрить ему на слово. Я чувствую потребность прямо противуположную, я понимаю, что мое знаніе не можетъ быть полное и окончательное, что читатель долженъ самъ провѣрить и усовершенствовать его. Что можетъ значить списокъ въ родѣ того, который приклеенъ къ сочиненію Бокля? Какъ скоро авторъ имѣетъ дѣло съ литературой неодолимой, то развѣ онъ читаетъ все: однѣ книги онъ прочитываетъ со вниманіемъ съ доски до доски, другія онъ просматриваетъ, изъ третьихъ онъ читаетъ только нѣкоторыя части и мѣста, изъ четвертыхъ онъ беретъ только справки, пятыя перелистываетъ только для того, чтобы увидать, не попадется ли въ нихъ чего-либо интереснаго. Точно также разнообразно и значеніе этихъ книгъ для тѣхъ идей, кото-

рыя онъ себѣ выработалъ; если вліяніе нѣкоторыхъ книгъ для него громадно и очевидно, то вліяніе другихъ для него совершенно ускользаетъ. Книга, изъ которой онъ ничего не взялъ, могла имѣть на его сужденіе несравненно большее вліяніе, чѣмъ книга, изъ которой онъ взялъ цѣлый рядъ фактовъ. Что же значитъ этотъ безмолвный списокъ книгъ, для чего онъ тутъ?—Чтобы убѣдить читателя,—но къ чему же это искуственное стараніе убѣдить, когда этому списку вовсе не удалось оградить Бокля отъ важныхъ ошибокъ; когда вы очень ясно видите, что если Бокль не рѣдко угадывалъ истину, то онъ этимъ гораздо болѣе обязанъ своей прекрасной и здоровой натурѣ, чѣмъ своей учености; гораздо большая ученость, при плохой натурѣ, никогда не была бы въ состояніи оградить его отъ заблужденій. Если писатель разрабатываетъ спеціальный предметъ, котораго литературу онъ въ состояніи исчерпать, или когда онъ раскрылъ забытую область литературы, тогда и ссылки, и перечисленіе сочиненій вполнѣ раціональны и совершенно на своемъ мѣстѣ. Но если писатель избралъ себѣ предметъ слишкомъ обширный для того, чтобы его обозрѣть, тогда его первая обязанность не только не навязывать своего авторитета читателю искуственно, но предупредить его и показать ему слабую сторону дѣла. Чтобы сильнѣе заставить читателя почувствовать это, я въ теченіи всей книги не сдѣлалъ ни одной ссылки и не сослался ни на одно сочиненіе. Читатель самъ увидитъ, что иногда это представляло для меня важное неудобство, что ссылка была бы для меня облегченіемъ; при другихъ обстоятельствахъ я бы не стѣснялся; но предметъ, о которомъ я говорю, имѣетъ такую первостепенную важность, что я хотѣлъ выразить свой рѣшительный протестъ противъ убаюкиванья читателя авторитетомъ. Но мнѣ скажутъ, что у дѣла есть другая сторона, что я даю недобросовѣстной критикѣ въ руки оружіе для введенія публики въ заблужденіе. Я взываю къ литературной чести всякаго, кто будетъ писать или печатать на мою книгу критику, я взываю къ его совѣсти: пусть онъ подумаетъ о важности дѣла и взвѣситъ каждое свое слово, пусть онъ подумаетъ сколько зла онъ сдѣлаетъ, если легкомысленно введетъ своихъ читателей въ заблужденіе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЗНАЧЕНІЕ СИЛЬНЫХЪ И СЛАБЫХЪ ВЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОПАСНОСТЬ ОБОЖАНІЯ СИЛЫ И БОГАТСТВА.

ХИЩНИКИ И МИРНЫЯ ПЛЕМЕНА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Когда явилось ученіе Дарвина, говорившее о борьбѣ за существованіе въ царствѣ животныхъ, то совершилось весьма благопріятное для развитія человѣчества обстоятельство. Такъ какъ ученіе это воспламеняло умы стремящихся впередъ людей, то все, желающее задерживать движеніе человѣчества, стало на него нападать, объявлять его безнравственнымъ и т. д. Это лишило противниковъ соціальнаго прогресса случая воспользоваться тѣмъ аргументомъ, который возможно было изъ него извлечь для оправданія господства силы и создать теорію общественной жизни въ родѣ той, какая нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ создана была швейцарцемъ Галлеромъ. Впрочемъ тотъ, кто будетъ предаваться мечтамъ оптимизма по случаю этой счастливой случайности, выпавшей на долю человѣчества, жестоко ошибется. Ученіе Галлера забыто, но симпатіи его остались. Изъ ученія Дарвина уже дѣлаются примѣненія совершенно въ этомъ духѣ и не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя воззрѣнія принесутъ человѣчеству столько же вреда и набросаютъ на путь цивилизаціи столько же баррикадъ, сколько создали для нея ошибки ученія Мальтуса и Смита съ ихъ послѣдователями. Если Мальтусъ и Смитъ, наперекоръ ложности и зловредности даннаго ими направленія, были признаны великими учеными, вслѣдствіе давно укоренившагося въ обществѣ обожанія богатства; то учитель, умѣющій также вѣрно угадать тайныя желанія образованнаго общества, которыхъ скрытый источникъ заключается въ обожаніи силы, безъ всякаго

сомнѣнія пріобрѣлъ бы еще большую славу, чѣмъ Смитъ и Мальтусъ; обожаніе силы гораздо болѣе укоренилось въ человѣчествѣ, чѣмъ обожаніе богатства. Бороться въ этомъ случаѣ противъ отдѣльныхъ порождаемыхъ этими чувствами идей, даже противъ обширныхъ и пользующихся громкою извѣстностью системъ совершенно безполезно, потому что на столько, на сколько вы уничтожите старыхъ, на столько явится новыхъ,— и всѣ сдѣланныя усилія окажутся безплодными. Самымъ лучшимъ примѣромъ тутъ можетъ послужить борьба соціалистовъ съ экономистами. Соціалисты не только не уничтожили экономистовъ, но они показали, что имъ самимъ присущи тѣ же самыя чувства, изъ которыхъ вытекли ошибки ученія Смита и Мальтуса, и чувства эти имѣли такое сильное вліяніе на ихъ образъ мыслей, что нѣкоторые изъ нихъ не только измѣняли себѣ, но очень часто были похожи на роялистовъ, которые ведутъ оппозицію противъ короля и на красныхъ республиканцевъ, которые убѣждены въ необходимости диктатуры,—ихъ чувства были въ разладѣ съ выражаемымъ ими направленіемъ идей, и парализировали другъ друга. Такая борьба противъ проявленій помимо источника, изъ котораго они выходятъ, въ особенности если она переходитъ на поле практической дѣятельности, крайне утомительна для борцовъ; чѣмъ болѣе они борются, тѣмъ болѣе они видятъ передъ собою препятствій: это лишаетъ ихъ мужества и сочувствія въ обществѣ. Если бы борьба между рабочими и имущественными классами давала осязательные практическіе результаты, то всѣ усилія имущихъ классовъ не могли бы помѣшать тому, чтобы симпатіи общества сосредоточились на дѣлѣ рабочихъ точно также, какъ привилегированные классы не могли противустоять идеямъ XVIII-го вѣка; но къ несчастью общество видитъ борьбу тяжелую и истощающую силу рабочихъ, а результаты таковы, что они совершенно неспособны одушевить его симпатіи. Защитники массъ разбиваютъ одно рутинное воззрѣніе за другимъ, создаютъ одну идею за другою, но разбиваемыя идеи держатся упрямо даже на совершенно расшатанномъ основаніи. По большой части, имъ достаточно принять на себя какую либо лживую личину великаго принципа жизни, чтобы преспокойно процвѣтать подъ надѣтою маскою. Подъ личиною собственности скрываются до сихъ поръ не только капиталисты и крупные поземельные собственники, но даже рабовладѣльцы, обладатели наслѣдственныхъ должностей, высасывающее народъ духовенство и всякаго рода монополисты. Совершенно разбитая и уничтоженная идея замѣняется новою, и защитники массъ встрѣчаются съ новымъ препятствіемъ, не сдѣлавъ виднаго для общества шага впередъ. Безнадежное состояніе, въ которомъ находятся борцы передовыхъ идей, кидаетъ ихъ на самый жалкій изъ всѣхъ путей— на путь прожектерства и принциповъ, защищаемыхъ во что бы то ни стало. Составлять проэкты вовсе не дѣло ученаго и человѣка идеи; проэктъ у мѣста только тогда, когда идеи и чувства уже созданы и окрѣпли въ обществѣ; онъ долженъ быть составленъ не тѣми, кто создаетъ идеи, а людьми практическими, имѣющими своимъ назначеніемъ согласовать формы, среди которыхъ живетъ общество, съ его идеями и чувствами. За формой

должна быть прочная сила, иначе она никуда не годится. Существованіе этой силы мы узнаемъ потому, что общество стремится къ формѣ, одолѣвая всѣ препятствія и тогда, когда форма является передъ нимъ во всей своей наготѣ, безъ всякихъ прикрасъ. Между тѣмъ научные прожектеры девятнадцатаго столѣтія, подобно прежнимъ мечтателямъ или жалкимъ политическимъ интриганамъ, должны были приписывать изобрѣтеннымъ ими формамъ для того, чтобы сдѣлать ихъ плѣнительными, такія свойства, которыя не только эти формы, но никакія формы имѣть не могутъ, напр. свойство создавать богатую и роскошную жизнь и безоблачное счастье для всѣхъ людей. Превосходство американской или швейцарской системы податей и повинностей надъ системою, гдѣ существуютъ привилегированные классы и всѣ прямые и косвенные сборы сосредоточены на бѣдной части населенія, съ прибавленіемъ еще рекрутской и постойной повинности, не требуетъ проповѣди о безоблачномъ блаженствѣ, котораго она дать не можетъ, потому что умы и чувства уже къ ней приготовлены и идея эта понятна самому необразованному члену нашего общества безъ всякихъ прикрасъ,—какъ скоро проэктъ требуетъ прикрасъ, то онъ никуда не годится.

Послѣ этого не мудрено придти къ убѣжденію, что единственный правильный пріемъ заключается въ борьбѣ противъ самаго источника вмѣсто борьбы противъ проявленій, которыя изъ него вытекаютъ. Кому удастся ослабить тѣ чувства, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ ложныя современныя соціальныя и политическія воззрѣнія, т. е. обожаніе богатства и силы, тотъ сдѣлаетъ для успѣха въ соціальномъ и политическомъ отношеніи гораздо болѣе, чѣмъ всѣ борцы противъ проявленій. Борцы эти не рѣдко не только вполнѣ раздѣляютъ чувства, изъ которыхъ эти проявленія вытекаютъ, но своей проповѣдью и своимъ образомъ дѣйствія помогаютъ имъ укорениться еще глубже въ душѣ человѣческой. Проповѣдуя противъ высшихъ сословій, утопающихъ среди роскоши и искуственныхъ потребностей, они сами плѣняются и этой роскошью и эгими искуственными потребностями и дѣлаютъ изъ нихъ для народа идеалъ счастья. Идеалъ такой для него недостижимъ и изъ него выходитъ только то, что руководители народа, которыхъ онъ выдвинулъ тяжелой борьбою и поддержалъ тяжелыми усиліями, тотчасъ усваиваютъ пріемы свергнутыхъ ими предшественниковъ. Человѣкъ, считающій для себя величайшимъ счастьемъ напиться пьянымъ, плохой распространитель умѣренности.

Если мы обратимся къ народамъ, которые не вошли еще въ составъ европейской цивилизованной семьи, то мы найдемъ тамъ два, хотя не всегда рѣзко противуположныхъ другъ другу, типа. У однихъ отличительная черта—это мягкость характера и робость, у другихъ—суровая дикость и хищническія наклонности. Эти два типа замѣчались путешественниками даже на островахъ и въ самыхъ малонаселенныхъ равнинахъ и пустыняхъ Колумбъ тотчасъ же встрѣтился съ тѣмъ и съ другимъ типомъ дикихъ, какъ скоро онъ подъѣхалъ къ островамъ Америки; путешественники постоянно описывали ихъ на островахъ между восточнымъ

берегомъ Азіи и западнымъ берегомъ Америки, въ пустынныхъ лѣсахъ и тундрахъ на сѣверѣ восточнаго и западнаго материковъ, на безконечныхъ равнинахъ и среди дѣвственныхъ лѣсовъ Америки. Между дикарями встрѣчаются племена не только просто миролюбивыя, но которыя прямо выставляютъ миролюбіе единственнымъ истинно-человѣческимъ свойствомъ. Кексы въ восточной Африкѣ вырываютъ себѣ нѣкоторые зубы, чтобы не имѣть сходства съ хищнымъ животнымъ; хищничество представляется имъ наименѣе человѣческимъ и наиболѣе приближающимъ человѣка къ животному свойствомъ. Въ центральной Африкѣ найдено много племенъ, которыя совершенно не способны ни воевать, ни защищаться. Въ степи Калагари племя Бакалагари сами отыскиваютъ смѣлыхъ бедшуановъ и отдаются имъ въ подданство. Если они не найдутъ себѣ покровителя, то они бросаютъ свои земли и скотъ и удаляются въ самыя недосягаемыя пустыни, гдѣ все-таки умѣютъ разводить растенія и животныхъ. Баджиджи очень ловкіе рыбаки и охотники, но они совершенно неспособны воевать, они покоряются завоевателямъ безъ сопротивленія; всѣ попытки заставлять ихъ защищаться оказывались безплодными: при первомъ появленіи непріятеля они бросали оружіе и бѣжали. Дамары большаго роста, сильны, красивы умѣютъ воспитывать громадныя стада, но они до того миролюбивы и такъ неспособны защищаться, что предполагаютъ, что они будутъ совершенно истреблены готентотами. Изъ наблюденій надъ племенами, стоящими на болѣе высокомъ уровнѣ, можно даже придти къ заключенію, что племена миролюбиваго типа въ средѣ человѣчества, составляютъ значительное большинство. Къ этому типу относится населеніе Индіи и Китая, сарты, евреи; на матер кѣ Азіи воинственное населеніе составляетъ всего семь процентовъ, остальные отличаются миролюбіемъ и робостью, поражающими европейцевъ. На островахъ, которые причисляются къ Азіи, громадное большинство японцевъ, малайцевъ и другихъ островитянъ, китайцевъ, индѣйцевъ также принадлежитъ къ крайне миролюбивому типу. Одно это населеніе миролюбиваго типа составляетъ приблизительно двѣ трети всего населенія земнаго шара. Между тѣми племенами, которыя сдѣлались болѣе воинственными, вслѣдствіе помѣси съ хищниками, по большой части все-таки преобладаютъ типы миролюбивые. Если это преобладаніе не такъ значительно, какъ между китайцами, индѣйцами, японцами и мирными малайцами, то оно все-таки иногда очень замѣтно, напр. между итальянцами Преобладаніе хищнической крови, которое замѣтно напр. у турокъ и испанцевъ, составляетъ даже рѣдкость. Есть писатели и даже весьма извѣстные и глубокіе мыслители, которые полагаютъ, что племенами дикими и находящимися на низкой степени цивилизаціи, можно управлять не иначе, какъ деспотически, на томъ основаніи, что будто бы между племенами этими преобладаютъ хищническія наклонности, даже рабство въ ихъ средѣ оправдываютъ и находятъ естественнымъ. Наблюденіе убѣждаетъ насъ въ совершенно противуположномъ. Такъ какъ громадное большинство людей принадлежитъ къ миролюбивому типу, то существованіе на низкихъ степеняхъ развитія деспотическаго управленія,

которое постоянно тамъ встрѣчается, нужно считать несчастнымъ препятствіемъ для успѣховъ человѣческой цивилизаціи. Хищники дѣлаются деспотами, завладѣваютъ людьми миролюбивыми, деморализируютъ ихъ и портятъ ихъ нравъ. Такое явленіе, напр., очень рѣзко бросается въ глаза въ западной Африкѣ: — деспотическія государства, созданныя тамошними хищниками, являлись тамъ самымъ сильнымъ деморализирующимъ элементомъ; они были разсадниками рабства и торговли невольниками; они лишали населеніе всѣхъ ихъ хорошихъ качествъ, прививали имъ всѣ пороки и наконецъ до того истощали страну, что сами лишали себя возможности продолжать свое существованіе и погибали почти безслѣдно. Но какимъ же образомъ это происходитъ, отчего большинство людей такого низкаго мнѣнія о миролюбивомъ типѣ, отчего хищникъ производитъ на нихъ впечатлѣніе величія и прелести? Справедливо ли распространенное мнѣніе, что натура хищника заключаетъ въ себѣ болѣе залоговъ развитія и цивилизаціи, что это типъ силы, между тѣмъ какъ миролюбіе—это признакъ слабости? Дикіе мирнаго настроенія, привѣтливы, любопытны, но крайне робки; обыкновенно у нихъ находили оружіе самое несовершенное, такъ что можно было сказать, что они вовсе не вооружены; тѣлесное сложеніе ихъ обыкновенно слабое; но даже въ дикомъ состояніи у нихъ можно замѣтить наклонность къ трудолюбію и къ пріобрѣтенію. Эта послѣдняя наклонность въ нихъ такъ сильна, что не только заставляетъ ихъ одолѣвать врожденную свою робость, но дѣлаетъ ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ замѣчательно смѣлыми и предпріимчивыми. Между сѣверными инородцами встрѣчаются очень робкія племена, которыя обнаруживаютъ замѣчательную смѣлость въ морѣ; робкіе евреи и финны превращаются въ смѣлыхъ контрабандистовъ. Способность плѣняться всѣмъ красивымъ и увеличивающимъ удобства жизни и терпѣніе, доходящее до наклонности къ аскетизму—не рѣдко характеристическія черты этого типа. Къ этому можно еще присовокупить большую наклонность придерживаться старинныхъ обычаевъ. Первая характеристическая черта хищниковъ, это не храбрость, а звѣрство и полное презрѣніе къ человѣческой жизни. Когда путешественники разсказываютъ про малайскія племена, у которыхъ любовь женщины можно пріобрѣсти только цѣною шести головъ непріятелей, то не вѣрится такому звѣрству; но не подлежатъ никакому сомнѣнію разсказы про малайцевъ и монголовъ, среди которыхъ человѣкъ начинаетъ пользоваться уваженіемъ только тогда, когда онъ убилъ непріятеля. Убійства совершаютъ даже и дѣти. У малайцевъ женщины, принимая отъ мужчинъ своего племени головы убитыхъ непріятелей, обмазываются ихъ кровью, жилища украшаются человѣческими черепами, невольники избиваются для удовольствія. Краснокожіе и другіе хищники смотрятъ съ наслажденіемъ на мученія людей и животныхъ, и подвергать враговъ своихъ хитро измышленнымъ пыткамъ составляетъ для нихъ большое удовольствіе. Потомки хищниковъ, даже на сравнительно высокой степени цивилизаціи, смотрятъ съ наслажденіемъ на пытки и мученія. Исторія представляетъ намъ примѣры государей, которые исполнены были самаго глубокаго и искренняго ува-

женія къ наукѣ и къ цивилизаціи и которые смотрѣли на пытки съ наслажденіемъ, какъ на зрѣлище. Любовь къ кровавымъ зрѣлищамъ сопровождаетъ хищниковъ даже на высокихъ ступеняхъ цивилизаціи; у нѣкоторыхъ она не только не уменьшается, но развивается вмѣстѣ съ ихъ развитіемъ. У болѣе развитыхъ малайскихъ хищниковъ, и кровавыя зрѣлища совершенствуются и носятъ на себя явные слѣды развитія. Самые развитые изъ малайскихъ хищниковъ устраиваютъ кровавыя зрѣлища, гдѣ тигръ доводится до ярости и съ могучей граціей вспрыгиваетъ на щетину изъ пикъ, находящуюся въ рукахъ нападающихъ на него людей. Но и эти сцены не выдерживаютъ ни малѣйшаго сравненія съ кровавыми представленіями у римлянъ и современныхъ испанцевъ. При звукахъ оркестра, огромный быкъ развиваетъ свою силу и свое мужество, среди пестрой толпы смѣлыхъ и ловкихъ людей, одѣтыхъ въ яркіе костюмы; для драматичности обстановки бѣгаютъ по аренѣ израненныя быкомъ, окровавленныя и разукрашенныя лошади. Сотни гладіаторовъ дерутся между собою на смерть и умираютъ въ изящныхъ позахъ. Наконецъ на арену выходятъ женщины, и толпа любуется, какъ тигръ разрываетъ своими когтями геройски умирающую красавицу. Это звѣрство, принимающее утонченныя и изящныя формы.

Храбрость и сила, хотя не въ такой степени какъ звѣрство, но все-таки характеризуютъ хищниковъ. Близь береговъ Америки, нѣсколько дикихъ на маленькой лодкѣ встрѣтили европейское судно; хотя имъ въ первый разъ въ жизни пришлось видѣть такое морское чудовище, но они смѣло приготовились къ оборонѣ и не обнаружили робости даже передъ пушечнымъ выстрѣломъ, о которомъ до этого не имѣли также никакого понятія. Когда часть изъ нихъ была перебита, а остальные обезоружены, тогда они съ гордымъ видомъ и безъ малѣйшихъ признаковъ страха вступили на корабль въ среду людей, которые казались имъ какими то чудовищами.

Болѣе общая имъ характеристическая черта—это лѣнь и отсутствіе впечатлительности. Черты эти проявляются тѣмъ болѣе рѣзко, чѣмъ болѣе развивается племя. Конечно праздная жизнь отличаетъ всѣхъ дикарей хищниковъ, ее замѣчали у древнихъ германцевъ, ее видно теперь у малайцевъ, монголовъ и краснокожихъ индѣйцевъ; но эти отличительныя свойства болѣе явственно выступаютъ при нѣкоторой степени цивилизаціи. Сартъ, еврей, китаецъ чрезвычайно легко плѣняются всякимъ новымъ предметомъ, въ особенности блестящимъ или красивымъ. Въ тоже время бухарецъ или турокъ смотритъ на все съ величайшимъ равнодушіемъ; нужно много усилія, чтобы распространить въ ихъ средѣ какой-нибудь новый товаръ. Я полагаю, что это именно то свойство, которое дѣлаетъ изъ извѣстныхъ племенъ хищниковъ. Краснокожіе часто даже совершенно не способны къ труду и гибнутъ отъ него. Всѣ хищники рѣшительно не способны къ усиліямъ для достиженія малыхъ результатовъ; имъ нужно заразъ много—только грабежъ и эксплуатація удовлетворяютъ ихъ. Къ имуществу они питаютъ такое же презрѣніе, какъ къ жизни, и плѣняются только необыкновеннымъ великолѣпіемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Въ хищникахъ обыкновенно восхваляютъ прямодушіе и великодушіе; но такое ложное пониманіе есть плодъ поверхностнаго наблюденія. Хищники—это самые коварные и вѣроломные люди; люди, которые, не умѣя цѣнить имущество, въ тоже время отличаются ненасытной жадностью. Стоитъ вникнуть въ жизнь и воспитаніе хищника, чтобы понять, какъ въ немъ развиваются эти черты. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ хищникъ пріучается къ хитрости, обману и воровству. Малаецъ обвязываетъ себя вѣтвями и такъ ловко изображаетъ изъ себя кустъ, что способенъ обмануть всякій глазъ; но, лишь пройдетъ вблизи обманутый имъ человѣкъ, онъ кидается на него сзади и убиваетъ его. Не удастся ему обманъ въ видѣ куста, онъ обкладываетъ себя мхомъ и представляетъ моховую кочку. Всѣмъ извѣстно, какъ у спартанцевъ хитрость и обманъ считались добродѣтелями. Турки, которыхъ такъ часто восхваляли за благородство и прямодушіе, оказываются самымъ коварнымъ племенемъ на востокѣ. Только одинъ страхъ въ состояніи заставить ихъ выполнять свои договоры; заключить миръ и потомъ измѣнически схватить врага и увести въ плѣнъ или умертвить его—это у нихъ самый обыкновенный пріемъ. Еще недавно Мехметъ-Али посредствомъ такого вѣроломства одолѣлъ своихъ враговъ въ знаменитой войнѣ съ ваггабитами и шерифами Аравіи. Чудовищное вѣроломство предводителей франковъ въ то время, когда они совершали свои великія завоеванія, вполнѣ обличаютъ такое же свойство германскихъ хищниковъ: человѣкъ, который измѣнически умертвилъ всѣхъ своихъ родственниковъ, внушалъ этому племени одни только восторги. На болѣе высокой степени цивилизаціи, Карлъ Смѣлый считалъ себя типомъ воина, т. е. хищника, и вслѣдствіе этого образцомъ прямодушія, а Людовика XI—образцомъ коварства; но на дѣлѣ вышло, что онъ былъ также вѣроломенъ, какъ и Людовикъ XI: ему только не доставало ума, чтобы обманывать съ такимъ же успѣхомъ.

Изъ коварства хищниковъ прямо вытекаетъ ихъ мрачная подозрительность. Яркій свѣтъ на оба эти свойства и на связь, которая между ними находится, бросаетъ исторія отношенія спартанцевъ къ своимъ гелотамъ. Всѣмъ извѣстно, какъ они вооружили гелотовъ и потомъ храбрѣйшихъ изъ нихъ собрали подъ предлогомъ возданія имъ почестей и умертвили; этотъ измѣнническій поступокъ вызванъ былъ одной мрачной подозрительностью. Для хищника несносна жизнь среди мирныхъ людей и онъ привыкаетъ къ ней только съ большимъ трудомъ. Извѣстно, что германцы не любили жить въ городахъ, тоже свойство замѣчается и у другихъ хищниковъ. Даже путешественники настоящаго столѣтія застаютъ въ Индіи потомковъ завоевателей живущими въ уединенныхъ замкахъ, на неприступныхъ скалахъ, подобно хищнымъ птицамъ. Послѣ всѣхъ преобразованій, сдѣланныхъ въ Египтѣ Мехметомъ-Али для введенія европейской цивилизаціи, мы застаемъ тамъ пашу Аббаса, который бѣжитъ городовъ и устраиваетъ себѣ неприступное убѣжище среди песчаной степи. Въ этихъ уединенныхъ твердыняхъ подозрительность и вѣролом-

ство не оставляютъ ихъ и дѣлаются невыносимымъ бичемъ всѣхъ ихъ приближенныхъ, а для нихъ самихъ постояннымъ источникомъ насильственной измѣнической смерти; такой смертью умеръ и Аббасъ.

Ненасытная жадность испанцевъ пріобрѣла громкую извѣстность еще за долго до ихъ дѣятельности въ Америкѣ, во время многочисленныхъ средневѣковыхъ войнъ; а въ цивилизованной Европѣ и Америкѣ нѣтъ племени, среди котораго типъ хищниковъ преобладалъ бы въ такой степени, какъ между испанцами. У турокъ страсть эта такъ сильна, что они привили ее покореннымъ народамъ, вмѣстѣ съ разбойничьими привычками; она рѣзко проявлялась во многихъ герояхъ, боровшихся въ Турціи за христіанскую свободу, ею прославились греческій герой Колокотрони и сербскій Милошъ. Уменьшеніе этого свойства у освободившихся сербовъ и грековъ, съ тѣхъ поръ какъ они избавились отъ турецкаго вліянія, такъ поразительно, что оно бросилось въ глаза наблюдателямъ. Не менѣе рѣзко проявлялась ненасытная алчность у древнихъ римлянъ. Послѣ звѣрства это самое отвратительное изъ свойствъ хищниковъ; оно тѣмъ болѣе антипатично, что они при этомъ вовсе не умѣютъ пользоваться и наслаждаться награбленными сокровищами, напротивъ склонны вести грубую жизнь и имѣютъ мало потребностей. Это въ нихъ инстинктъ гарпагона. Послѣ тысячи историческихъ примѣровъ можно привести современный примѣръ Аббиссинскаго императора Феодора. Этотъ человѣкъ любилъ всего болѣе вести образъ жизни простаго солдата, носить солдатское платье, солдатскій щитъ. Въ тоже время жадность его была до того ненасытна, что онъ не только постоянно грабилъ всѣхъ своихъ сосѣдей, но раззорялъ своими безпрерывными грабежами и подданныхъ; онъ не постыдился предать грабежу и раззорить въ конецъ ту область, которая его возвела на престолъ.

Въ первобытномъ состояніи хищники и миролюбивые дикари одинаково пользуются свободою, но въ ихъ общинной жизни рѣзко проявляются отличительныя ихъ черты. У хищниковъ въ основаніи общины лежитъ иногда настоящее демократическое равенство. Никто не имѣетъ права ему приказывать, налагать на него какія-нибудь подати или обязанности, стѣснять его дѣятельность или наказывать его—вотъ какъ понимаетъ свободу хищникъ. Онъ страстно добивается начальства, но не признаетъ его надъ собою; начальникъ часто получаетъ власть только временно, но и тутъ дѣло не обходится безъ несносной оппозиціи (нравы древнихъ германцевъ). Хищникъ хочетъ заниматься дѣлами непремѣнно самъ и самъ ходитъ въ собраніе вооруженный съ головы до ногъ; на сходкѣ вмѣсто подачи голосовъ дѣло не рѣдко рѣшается битвою. Миролюбивый дикарь, напротивъ, отличается крайнимъ невниманіемъ къ общинной жизни, общественныя дѣла для него тягость; онъ радъ, если кто-нибудь возмется за нихъ и легко подчиняется его управленію. У подобныхъ дикарей начальникомъ дѣлается тотъ, кому хочется начальствовать. Бакалагари во внутренней Африкѣ вовсе не имѣютъ старшинъ, хотя и подчиняются всякой власти, которая имъ навязывается. У хищниковъ иногда очень долго можетъ сохраняться демократическое устройство, и они высоко его

цѣнятъ. Если они не имѣютъ случая сдѣлаться завоевателями, то они могутъ достигнуть высокой степени благосостоянія и все-таки сохранить свою первобытную чистую демократію—это въ особенности замѣчается въ горахъ. Въ послѣднее время громкую извѣстность пріобрѣла подобная демократія кабиловъ. Демократическое устройство этого племени пережило цѣлый рядъ движеній народовъ, отстояло себя и противъ арабовъ, и противъ турокъ; они достигли густоты населенія, которая поражала французовъ и превосходила даже то, что они видѣли у себя на родинѣ. На равнинахъ и въ степяхъ организація хищныхъ племенъ скоро принимаетъ аристократическій характеръ. Наслѣдственная власть деспотична, произвольна и грозна, но даже и тутъ духъ независимости и врожденное чувство своего достоинства не оставляютъ хищника. Характеристическій образецъ отношеній, которыя при этомъ устанавливаются, представляютъ собою бедуины. Не смотря на кровавый произволъ ихъ деспотическихъ начальниковъ, они ведутъ себя съ самымъ высшимъ, какъ съ равнымъ, безъ всякой церемоніи входятъ въ его домъ, подаютъ ему руку; чтобы не возбудить противъ себя всеобщее неудовольствіе, онъ долженъ дѣлиться съ ними своими награбленными сокровищами и оказывать имъ самое широкое гостепріимство. Миролюбивыя племена такъ легко поддаются завоеванію и чужой власти, что трудно и едва ли даже возможно найдти племя, которое достигло бы извѣстной степени гражданственности и не находилось бы подъ непосредственнымъ или посредственнымъ вліяніемъ хищниковъ. Къ счастью иногда это вліяніе не достаточно сильно для того, чтобы скрыть отъ насъ тѣ отношенія, которыя вырабатываются у миролюбивыхъ людей, вслѣдствіе врожденныхъ имъ чувствъ. И у нихъ общество принимаетъ характеръ аристократическій, но аристократія эта вырабатывается точно также, какъ и наслѣдственное занятіе извѣстными ремеслами—рыболовствомъ, земледѣліемъ. Если бы мы не имѣли передъ собою этихъ примѣровъ, то мы не могли бы себѣ составить никакого понятія о разницѣ между деспотическимъ и патріархальнымъ управленіемъ. У хищниковъ или вовсе нѣтъ правленія, что приводитъ у нихъ къ чистой демократіи, или правленіе деспотическое, все равно будетъ ли оно феодальное или единоличное. Племена, которыя подобно цивилизованнымъ европейцамъ унаслѣдовали чувства и мировоззрѣнія хищниковъ, не могутъ себѣ даже составить понятія о патріархальномъ управленіи, для нихъ это правленіе деспотическое. Такое воззрѣніе совершенно естественно, потому что какъ скоро на мѣста патріархальныхъ правителей поступаютъ хищники, они тотчасъ превращаютъ это правленіе въ деспотическое, и преобладающему миролюбивому племени всегда стоитъ много труда, чтобы хотя сколько-нибудь смягчить нравы своихъ побѣдителей и возстановить что-нибудь похожее на прежнія отношенія. Начальники въ патріархальномъ обществѣ скорѣе посредники, чѣмъ начальники: они совѣтуютъ, убѣждаютъ, дѣйствуютъ пріемами нравственнаго вліянія и это оказывается достаточнымъ. Подобныя общины встрѣчались даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ напр. островъ Суматра. Утверждаютъ, что тамъ есть мѣстности, гдѣ единственная по-

дать, платимая султану жителями, состоитъ въ извѣстномъ количествѣ сарачинскаго пшена, приносимаго ко двору самимъ владѣльцемъ; но и эта подать скорѣе можетъ быть названа знакомъ уваженія къ султану, который всегда отплачиваетъ почти равнымъ подаркомъ—его доходъ состоитъ въ пошлинахъ съ товаровъ. Въ Африкѣ у подобныхъ племенъ случается, что вовсе нѣтъ никакихъ податей, управляютъ старики съ помощью общаго вѣча. Есть многоженство, но ревновать считается позоромъ; есть рабство, но рабамъ вовсе не извѣстна постоянная работа на своихъ господъ только въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда напр. господинъ строитъ домъ, рабы обязаны ему помогать. Часто эти рабы бываютъ богаче своихъ господъ. Богатый рабъ на вопросъ, отчего онъ не откупается, отвѣчаетъ: «я имѣю достаточно сводобы и не хочу дѣлать нелѣпаго употребленія изъ своихъ средствъ». Случается, что рабъ и его господинъ женятся на родныхъ сестрахъ Такими людьми легко управлять даже тогда, когда они совершенно испорчены продолжительнымъ вліяніемъ хищниковъ; англійскихъ офицеровъ поражала легкость, съ которою можно управлять сипаями, между которыми столкновеніе также рѣдко, какъ и непослушаніе; они представляли въ этомъ случаѣ рѣзкую противуположность съ англійскими солдатами. Сборы начальниковъ совершенно незначительны и при томъ по большей части косвенные или пени за преступленія. При малѣйшемъ сопротивленіи они отступаютъ—эта черта сохраняется даже при такой высокой гражданственности, какъ въ Китаѣ, гдѣ жители иногда стрѣляютъ въ чиновниковъ, пріѣзжающихъ сбирать подати и тѣмъ отдѣлываются. Такая власть совершенно не способна ограждать отъ хищническихъ наклонностей тамъ, гдѣ онѣ встрѣчаются; хищники въ подобномъ обществѣ пріобрѣтаютъ большую силу, и даже воровъ задобриваютъ данью. Интересно видѣть, какъ въ подобныхъ обществахъ видоизмѣняются иногда учрежденія и взгляды, занесенные туда хищниками. Въ то время, какъ у трукменъ рабы и плѣнники ходятъ постоянно въ цѣпяхъ, и даже слово сожалѣнія и участія къ нимъ рѣзко порицается общественнымъ мнѣніемъ, на островахъ близь береговъ южной Азіи путешественники разсказываютъ о миролюбивыхъ племенахъ, гдѣ рабы стоятъ наравнѣ со всѣми другими членами семейства и гдѣ мало держатъ рабовъ, потому что не умѣютъ извлекать изъ нихъ выгоду посредствомъ принужденія. Тамъ же хищническое понятіе о рабствѣ жены выродилось такимъ образомъ, что въ одномъ случаѣ жена, покупаемая мужемъ, поступаетъ въ полное его распоряженіе, въ другомъ мужъ вступаетъ зависимымъ человѣкомъ въ семью своей жены, и жена распоряжается всѣмъ, онъ лишается права даже на то, что выработалъ; въ третьемъ случаѣ имущество считается общимъ достояніемъ мужа и жены. Тамъ, гдѣ хищники не успѣли повліять, отношеніе еще интереснѣе. Во время первыхъ изслѣдованій острова Сахалина, въ сѣверныхъ его частяхъ найдено племя, которое не имѣло никакихъ начальниковъ и не было подвластно никакой управѣ. Путешественники не видали тамъ ни малѣйшей ссоры: взаимное ихъ радушіе и нѣжность къ дѣтямъ представляли трогательное зрѣлище. Жен-

щины не исправляли никакой тягостной работы: всѣ ихъ хлопоты ограничивались кройкою и шитьемъ платья, раскладкою рыбы для сушенья и уходомъ за дѣтьми. Имъ оказывали уваженіе, ни одного торга не заключали безъ ихъ согласія. Когда патріархальное общество сталкивается съ хищниками, оно покоряется и раболѣпіе дѣлается отличительной чертой его членовъ. Въ этихъ случаяхъ ему приходится много и тяжко страдать, но если оно достаточно многочисленно, то ему удается положить свою печать даже на необузданный нравъ хищниковъ. Европейскимъ ученымъ невольно приходитъ мысль, что должна же быть какая нибудь разница между деспотическимъ и патріархальнымъ управленіемъ, когда въ Китаѣ императоръ обыкновенно достигаетъ глубокой старости и умираетъ естественной смертью, между тѣмъ какъ въ западной Азіи государи обыкновенно падаютъ жертвою насильственной смерти или преждевременнаго истощенія. Наши ученые привыкли такъ мало обращать вниманія на чувства и душевное настроеніе людей и такъ много на внѣшнія формы, что они никогда не учились порождать въ людяхъ хорошія чувства и настроенія, а старались только оцѣнить значеніе формъ. Отъ однѣхъ формъ ожидали для людей спасенія, не замѣчая того, что дѣйствіе и вліяніе этихъ формъ находится въ полной зависимости отъ чувствъ и душевныхъ настроеній, на развитіи которыхъ и слѣдуетъ сосредоточивать свои усилія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КТО БЫЛЪ ИСТОЧНИКОМЪ БЛАГОСОСТОЯНІЯ И ЦИВИЛИЗАЦІИ — СИЛЬНЫЕ ИЛИ СЛАБЫЕ?

Сравненіе смѣлыхъ хищниковъ съ племенами миролюбивыми и робкими ясно показываетъ, что первые представляютъ собою олицетвореніе силы, а послѣднія типъ слабости. Если слѣдовать ученію, что побѣда въ жизненной борьбѣ достается болѣе сильному, то нужно заключить, что господство надъ земнымъ міромъ должно достаться хищникамъ точно также, какъ оно достается животнымъ болѣе другихъ сильнымъ и лучше другихъ вооруженнымъ для жизненной борьбы. Если предоставлять дѣла своему теченію, то оно и выйдетъ такъ. Но за тѣмъ слѣдуетъ вопросъ: хорошо ли это, дѣйствительно ли такой порядокъ способенъ расплодить на землѣ всего болѣе жизни и счастья? Интеллектуальная и нравственная сила даны человѣку не затѣмъ, чтобы онъ съ тупой апатіей смотрѣлъ на происходящія вокругъ явленія жизни и предоставлялъ дѣла своему теченію, не прикладывая къ нимъ рукъ. Онъ можетъ оставлять дѣла своему естественному теченію только тогда, когда онъ убѣдится, что это естественное теченіе приводитъ дѣйствительно къ наилучшему результату. Между животными борьба за существованіе отдаетъ землю въ руки самыхъ совершенныхъ породъ, а такъ какъ эти породы, по причинѣ болѣе совершенныхъ своихъ органовъ, способны въ большихъ размѣрахъ

эксплуатировать естественныя богатства земли, то преобладаніе ихъ и плодитъ на поверхности земной наиболѣе жизни. Повторяется ли тоже самое явленіе между людьми, и можемъ ли мы отдать землю во власть сильныхъ въ полной увѣренности, что это приведетъ къ общему благу? Здѣсь было бы неумѣстно подробное разсмотрѣніе населенія всего земнаго шара въ современномъ и историческомъ его состояніи, такимъ разсмотрѣніемъ пришлось бы наполнить цѣлые томы; я полагаю возможнымъ достаточно убѣдить читателей, бросивъ взглядъ на Азію, въ которой живетъ двѣ трети всего населенія земнаго шара и гдѣ до сихъ поръ очень рѣзко отдѣляются страны съ преобладающимъ хищническимъ и миролюбивымъ населеніемъ. Прежде всего мы должны раздѣлить Азію на двѣ огромныя и неровныя половины — это сѣверо-западную и среднюю Азію и юго-восточный уголъ. Къ первой половинѣ будетъ принадлежать: восточно-азіатская плоская возвышенность и гористая мѣстность Тибета, иранское плоскогорье, туранская низменность, месопотамская долина, малая Азія, Сирія и Аравія. Наконецъ сюда же слѣдуетъ причислить восточный индѣйскій полуостровъ и большую часть малоазійскихъ острововъ. Вторую половину составятъ: Японія, китайская низменность западный индійскій полуостровъ и немногіе изъ малоазійскихъ острововъ (Ява, Тиморъ и пр.) Въ первой половинѣ мы замѣчаемъ полное господство и рѣшительное преобладаніе хищниковъ и ихъ потомковъ. Во второй господство также принадлежитъ хищникамъ, но миролюбивое населеніе до того многочисленно, что получаетъ наконецъ значительное вліяніе на строй общественной жизни. Въ первой половинѣ мы видимъ на пространствѣ 350,000 квадратныхъ миль населеніе приблизительно въ 95.000 000; во второй на пространствѣ въ 130 000 квадратныхъ миль населеніе почти въ семьсотъ милліоновъ. Гдѣ преобладаютъ хищники, тамъ приходится 270 человѣкъ на квадратную милю, средимирнаго населенія—5,300 человѣкъ, т. е. почти въ двадцать разъ болѣе. Страны мирныхъ поселенцевъ— это страны робкаго и слабаго населенія, населенія малорослаго и съ женственно слабымъ сложеніемъ: въ то время, какъ хищники восхищаютъ путешественниковъ своимъ величественнымъ и гордымъ видомъ, своей осанкой, исполненной простоты и достоинства, слабосильные и раболѣпные индійцы и китайцы внушаютъ имъ отвращеніе къ своей слабости, робости и низкому ласкательству. Старшины хищниковъ съ острова Минданао поражаютъ въ своемъ собраніи европейца своей мужественной и гордой граціей. Видъ этотъ они сохраняютъ даже и тогда, когда, уступая превосходной европейской силѣ, они рѣшаются отказаться отъ того, что они считаютъ несомнѣннымъ и священнымъ своимъ правомъ— отъ морскихъ разбоевъ. Ихъ сдержанное грозное молчаніе приводитъ въ смущеніе уполномоченнаго европейской державы, не смотря на то, что онъ находится подъ защитою всемогущихъ пушекъ. Какое жалкое презрѣніе послѣ этого чувствуетъ путешественникъ къ поселенцу Тимора или Явы, слабому, раболѣпному и униженному до того, что онъ голландскаго резидента считаетъ Богомъ. Но отчего же Ява и Тиморъ составляютъ средоточіе малоазійской цивилизаціи, отчего на островахъ этихъ

тѣмъ менѣе промышленнаго развитія, тѣмъ болѣе невѣжества и бѣдности, чѣмъ болѣе на нихъ преобладаютъ хищники? Вѣдь хищники должны были бы быть богаче и цивилизованнѣе; они типъ силы, они кромѣ труда имѣютъ еще важный источникъ обогащенія—это свои смѣлые разбои, они не сидятъ, подобно робкимъ явайцамъ, всю жизнь на одномъ мѣстѣ, а во время смѣлыхъ своихъ предпріятій знакомятся съ различными людьми и съ различными цивилизаціями. Отчего домосѣды явайцы скорѣе перенимаютъ европейское искусство и пріемы европейской промышленности, чѣмъ легко перемѣщающіеся и со всѣмъ знакомящіеся хищники? Отчего самыя счастливыя, богатыя и промышленныя мѣстности на этихъ островахъ это тѣ, гдѣ сплошными массами разселились китайцы, самое робкое и слабое изъ азіатскихъ племенъ? Отчего населенія на островахъ Явѣ и Тиморѣ по числу своему вдвое превосходитъ все остальное населеніе острововъ въ то время, какъ они по пространству своему составляютъ едва пятнадцатую ихъ часть? Въ остальной Азіи мѣстности, населенныя робкими и слабыми племенами, точно также составляютъ средоточіе азіатской промышленности и азіатской цивилизаціи Китайцы принадлежатъ къ самому древнему и несовершенному изъ типовъ, населяющихъ теперь Азію. Языкъ ихъ указываетъ на принадлежность къ наименѣе совершенному изъ племенъ, населяющихъ міръ. Не смотря на это, только благодаря своему миролюбію, они достигли того, что составляютъ теперь не только самую густо населенную страну въ свѣтѣ, но въ Азіи стоятъ на самой высокой степени гражданственности. Замѣчательные и совершенные пріемы ихъ сельскаго хозяйства даютъ имъ возможность производить такія массы питательныхъ веществъ, что они могутъ прокормить населеніе баснословной густоты, не смотря на то, что окружены полудикими народами. Всѣмъ извѣстны совершенство и крайняя степень раздѣленія труда въ китайскихъ ремеслахъ. Чистота и черты цивилизаціи составляютъ принадлежность даже самыхъ отдаленныхъ деревень китайскихъ. Они уже не разъ показывали превосходство своего промышленнаго генія. Когда португальцы поселились въ Макао, они составляли одну изъ самыхъ передовыхъ странъ Европы. Не смотря на это, они оказались на столько ниже китайцевъ въ промышленномъ отношеніи, что тѣ ими совершенно завладѣли. Китайцы обстроили Макао, они соорудили тамъ дома, набережныя, складочные магазины, они были тамъ дѣльцами, переводчиками и маклерами и, чрезъ превосходство своей дѣятельности и интеллигенціи, поставили отъ себя португальцевъ въ полную зависимость. Монголы съумѣли завоевать пол-міра, но когда имъ пришлось управлять имъ, они должны были обратиться къ китайцамъ и покориться ихъ нравственному вліянію. Китаецъ управлялъ Азіею подъ именемъ наслѣдника Чингисъ-Хана. Вотъ чего можетъ достигнуть самая низшая раса, одаренная трудолюбіемъ и мирными наклонностями, если она достаточно многочисленна, чтобы не подвергнуться полному истребленію и полному порабощенію со стороны хищниковъ; вотъ развитіе, которое могутъ получить ея интеллектуальныя силы. На югѣ китайцы показали такое превосходство надъ португальцами, что эти послѣдніе не могли въ Макао находить работы даже

у своихъ соотечественниковъ и должны были нищенствовать, а женщины ихъ были счастливы, если имъ удавалось выдти замужъ за китайца; на сѣверѣ они показали себя болѣе искусными торговцами, чѣмъ русскіе. Самый поразительный признакъ китайской культуры—это ихъ умѣнье производить чай. Чайное дерево это можетъ быть самое капризное изъ всѣхъ растеній; оно требуетъ такихъ сложныхъ условій со стороны почвы и обстановки, что размножать его можетъ только народъ, обладающій высокой культурой; чтобы производить его, нужно рѣдкое искусство изучать условія, при которыхъ растеніе можетъ процвѣтать,—однако же китайцы успѣли усвоить себѣ это искусство. Китайцы окружены расами болѣе совершенными по своей природѣ, но хищными. Расы эти постоянно завоевывали Китай и до сихъ поръ стоятъ во главѣ народа. Вліяніе ихъ ограничилось однако же только тѣмъ, что они отъ времени до времени опустошали страну и низводили ее на болѣе низкую степень благосостоянія и культуры. Населеніе Китая, быстро размножавшееся во время мира, также быстро уменьшалось отъ тиранніи хищниковъ; были примѣры, что оно уменьшалось на половину. Исторія Китая вѣченіе многихъ вѣковъ представляетъ эти постоянныя колебанія. Въ настоящее время у этихъ сосѣдей, считающихся въ составѣ Имперіи, на вдвое большемъ пространствѣ, находится въ двадцать разъ меньшее населеніе На западъ отъ густо-населеннаго Китая живетъ самая совершенная изъ всѣхъ расъ, населяющихъ земной шаръ—арійская. Путешественники восхищаются красотой и благородствомъ физіономіи. Тутъ же разселились потомки смѣлыхъ хищниковъ туранскаго и монгольскаго племени. И что же? оказывается, что эти слабые китайцы, у которыхъ, по увѣренію ученыхъ, не доразвита цѣлая часть мозга, дѣлаются учителями и цивилизаторами смѣлыхъ хищниковъ даже изъ совершенной арійской расы; мало этого, ученики оказываются до того бездарными, что труды учителей, по большей части, погибаютъ безплодно. Миролюбивые китайцы тамъ не рѣдко должны ходить вооруженными до зубовъ—за тоже и населеніе тамъ въ десять разъ менѣе густое. Вмѣсто промышленныхъ китайскихъ селеній и ихъ полей, обработанныхъ съ безпримѣрной тщательностью, и гдѣ въ одно время растетъ двѣ жатвы, тутъ путешественникъ встрѣчаетъ чаще всего разбойничій таборъ и пустынную дорогу Въ Китаѣ мы находимъ страну съ безпримѣрно густымъ населеніемъ, гдѣ земля подвергается самой тщательной обработкѣ зимой и лѣтомъ, гдѣ промышленныя руки съ безпримѣрнымъ искусствомъ плодятъ жизнь и на водѣ, и на болотѣ, и это дѣлаетъ слабосильный народъ, котораго языкъ своею односложностью напоминаетъ языкъ самыхъ несовершенныхъ расъ новой Голландіи. Въ тоже время на другомъ концѣ Азіи племена болѣе совершенныя – арабы, турки сдѣлали пустыню изъ страны, которая считалась раемъ земнымъ. Гдѣ теперь густое населеніе мессопотамской долины и ея тщательно воздѣланныя поля? какова судьба Египта и малой Азіи? отчего среди болѣе совершенной расы арабовъ мы видимъ однихъ нищихъ и голяковъ? На туранской низменности мы встрѣчаемся съ миролюбивыми сартами, тщательно старающимися воздѣлывать поля и плодить жизнь, въ то время

какъ хищные узбеки и трухмены уничтожаютъ всѣ плоды ихъ усилій и даже водятъ ихъ въ цѣпяхъ. За тоже какъ нравится путешественникамъ величественная фигура хищнаго киргиза или узбека и какимъ жалкимъ кажется ему раболѣпный сартъ. На югѣ Азіи мы встрѣчаемся съ такими же явленіями. Изъ двухъ полуострововъ, лежащихъ къ югу отъ Китая и Гималайскихъ горъ, западный населенъ искусными земледѣльцами и ремесленниками, отличается послѣ Китая самымъ густымъ населеніемъ въ свѣтѣ и самой высокой цивилизаціей въ Азіи. Его населеніе слабое и робкое постоянно дѣлалось добычею хищниковъ и предметомъ завоеваній. Когда Англичане послѣ легкаго завоеванія этой страны, гдѣ населеніе превышало все населеніе западной Европы, перешли на восточный полуостровъ, они тотчасъ же замѣтили разницу. Въ бирманской имперіи, съ четырехмилліоннымъ населеніемъ, они встрѣтили сопротивленіе, какого нигдѣ не встрѣчали въ двухсотмилліонномъ населеніи Индіи. Что же мы встрѣчаемъ на этомъ восточномъ полуостровѣ?—бѣдность, невѣжество, рѣдкое населеніе. Съ этими явленіями мы встрѣчаемся, не смотря на то, что значительное большинство жителей принадлежитъ къ слабымъ и мирнымъ племенамъ, и все несчастье полуострова состоитъ въ томъ, что эта послѣдняя часть населенія не достаточно многочисленна, чтобы произвести здѣсь тѣже явленія, какія слабые и мирные люди породили въ Китаѣ, на Явѣ, Тиморѣ и западномъ полуостровѣ Индіи. Хищники господствуютъ тутъ, какъ и вездѣ. Въ то время, какъ въ нижнихъ слояхъ общества тутъ видны миролюбіе и уступчивость, въ верхнихъ господствуютъ нравы совершенно другаго рода. Въ Сіамѣ вы встрѣчаетесь съ государемъ, который зашиваетъ рты слишкомъ много говорящимъ и разрѣзываетъ ихъ слишкомъ молчаливымъ. Въ самомъ воинственномъ изъ государствъ полуострова, въ Бирманской имперіи судьба государей и престола вполнѣ сходна съ судьбами деспотовъ въ западной Азіи. Послѣ смерти Аломпры тамъ втеченіе двадцати четырехъ лѣтъ было шесть государей и изъ нихъ только одинъ вошелъ на престолъ мирнымъ путемъ. Только два раза на престолѣ возсѣдалъ законный государь. Одинъ изъ этихъ государей царствовалъ только одиннадцать дней, другой четыре года, но изъ этихъ четырехъ лѣтъ втеченіе трехъ было всеобщее возмущеніе въ странѣ, государь не имѣлъ никакой возможности управлять, а долженъ былъ только защищаться противъ внутреннихъ враговъ. На всемъ полуостровѣ, лишь только гдѣ-либо водворялся болѣе или менѣе продолжительный миръ, мирное населеніе размножалось, а съ нимъ вмѣстѣ и благосостояніе, являлись многолюдные города; но скоро цвѣтущее состояніе страны привлекало къ себѣ хищниковъ, возникавшая цивилизація уничтожалась, города срывались до основанія, жители массами истреблялись или насильственно переселялись въ другія мѣстности, или бѣжали добровольно и водворялось прежнее безлюдье. Вездѣ страна носитъ на себѣ слѣды этого насильственнаго обезлюденья, и населеніе не можетъ тамъ размножаться и достигать какого-либо промышленнаго совершенства, не смотря на самыя благопріятныя естественныя условія. Обезпечить себѣ жизнь въ этихъ странахъ, при такомъ рѣдкомъ населеніи, почти ничего не стоитъ. Жилище стоитъ едва нѣсколько

рублей, одежда, пища добываются также легко. При нѣкоторой безопасности населеніе тотчасъ быстро увеличивается. Не смотря на все это оно на полуостровѣ не только не пріобрѣло значительной густоты, но большая частъ мѣстностей представляетъ видъ дикаго запустѣнья и слѣды обезлюденья. На западномъ полуостровѣ, гдѣ многочисленность мирнаго населенія не допускала такого же опустошенія страны, какъ на восточномъ, хищники, спускавшіеся изъ Гималайскихъ горъ, порождали однако же результаты аналогическіе. На полуостровѣ этомъ населеніе теперь значительно менѣе, чѣмъ въ былыя времена. Юговосточный уголъ Азіи показываетъ намъ, что степень цивилизаціи общества, густота его населенія, его промышленное развитіе и благосостояніе находятся въ строгой соразмѣрности съ отношеніемъ потомковъ хищниковъ къ мирному населенію. Въ Китаѣ мирное населеніе громадно; въ свѣтѣ нѣтъ страны, гдѣ бы постоянное войско и высшее сословіе были такъ малочисленны,— и мы здѣсь видимъ самую цивилизованную и самую промышленную страну Азіи. Болѣе воинственности мы встрѣчаемъ въ Индіи; высшее сословіе, которое составило высшія касты, уже гораздо многочисленнѣе и къ этому присовокупляются еще многочисленные потомки хищниковъ и завоевателей арійской, монгольской и симетической расы,—за тоже въ Индіи обработка земли стоитъ на болѣе низкой степени, мы видимъ менѣе промышленнаго развитія и менѣе густое населеніе На восточномъ полуостровѣ населеніе хищниковъ уже несравненно многочисленнѣе, но мирные труженики составляютъ все-таки большинство Даже у бирмановъ постоянное войско вовсе не значительно—оно составляло отъ пяти до шести тысячъ. Тутъ путешественникамъ бросается въ глаза контрастъ бѣдности и богатства. Роскошь златоногаго величества, составляющая безсмысленное накопленіе дорогихъ цѣнностей въ самомъ рѣзкомъ контрастѣ съ трехрублевыми домиками его подданныхъ. Тутъ почти нѣтъ средняго сословія, пользующагося благосостояніемъ, тутъ можно встрѣчать только богачей и нищихъ. Далѣе на востокъ на островахъ, населенныхъ малайцами, мы встрѣчаемъ мѣстности, гдѣ число хищниковъ рѣшительно преобладаетъ надъ мирнымъ населеніемъ. Тутъ нашимъ глазамъ представляется назидательная картина. Общество состоитъ изъ двухъ частей—изъ хищныхъ воиновъ и изъ рабовъ. Положеніе рабовъ, которые составляютъ всю рабочую силу населенія, самое бѣдственное, и на нихъ смотрятъ съ крайнимъ презрѣніемъ. Владѣльцы не только не обращаютъ никакого вниманія на ихъ нужды, но даже и на ихъ жизнь. За то же они и сами, по своему благосостоянію, едва отъ нихъ отличаются; потребности у нихъ такъ мало удовлетворяются, что для нихъ почти все равно—быть вольными людьми или рабами. Между ними господствуетъ многоженство, они накупаютъ себѣ гаремы и отношеніе къ женщинамъ у нихъ такое же, какъ у другихъ хищниковъ магометанъ; слѣдовательно не трудно понять, что они не могутъ особенно высоко цѣнить свою связь съ гаремной женщиной. Не смотря на то путешественники разсказываютъ, что они цѣлыми селеніями отдавались въ рабство, когда ихъ жены попадались въ плѣнъ, только для того, чтобы сохранить связь съ ними. Не подлежитъ никакому

сомнѣнію, что ни златоногое величество, ни даже мандаринъ восточнаго индійскаго полуострова не рѣшатся отдать себя въ рабство ради женщины своего гарема, какъ бы онъ ни былъ къ ней привязанъ. Вся промышленность этихъ мѣстностей сосредоточивается на удовлетвореніи военныхъ потребностей, но и въ этомъ отношеніи результаты ея оказываются крайне жалкими. Ничтожное европейское купеческое судно, на которомъ человѣкъ десять или двѣнадцать экипажа, иногда наводитъ страхъ на сотню этихъ пиратовъ не смотря на то, что оно имѣетъ только деревянныя раскрашенныя пушки и ржавое, ни куда негодное оружіе. Для достиженія этого результата экипажу стоитъ иногда только смѣло закричать, и это не смотря на несомнѣнную храбрость малайцевъ. Они такъ плохо вооружены, такъ хорошо понимаютъ, что одного удачно-пущеннаго ядра достаточно для уничтоженія ихъ силы, такъ мало имѣютъ средствъ разсмотрѣть обманъ, сдѣланный на европейскомъ суднѣ,—что не рѣшаются, безъ крайней необходимости, сдѣлать нападеніе, которое можетъ грозить имъ совершеннымъ уничтоженіемъ. Когда на Волгѣ производились грабежи, тогда купеческія суда, проѣзжая мимо жегулевыхъ горъ, имѣли обыкновеніе стрѣлять холостыми зарядами изъ маленькой пушки;— оказывается, что разбойники жегулевскихъ горъ были грознѣе малайскихъ пиратовъ—чтобы отогнать послѣднихъ, не нужно даже стрѣлять, достаточно кричать.

Въ Азіи мы яснѣе чѣмъ гдѣ либо можемъ видѣть черту, отдѣляющую миролюбивыя племена отъ хищныхъ, и въ то же время мы тутъ съ такою же ясностью видимъ, что миролюбивое населеніе представляетъ изъ себя типъ слабости, а хищное — типъ силы. Натура этихъ слабыхъ людей такъ мало симпатична и плѣнительна, что путешественники обыкновенно изображали ихъ въ черныхъ, а не въ розовыхъ краскахъ. Какое жалкое впечатлѣніе на путешественниковъ и изслѣдователей производитъ напр. наклонность къ женскимъ работамъ, которая встрѣчается такъ часто у робкихъ племенъ: у древнихъ египтянъ, у явайцевъ, у китайцевъ. Путешественники несравненно чаще отзывались съ похвалой о хищникахъ, чѣмъ объ этихъ мирныхъ людяхъ—превосходство типа хищниковъ постоянно бросалось имъ въ глаза. Ту же самую черту мы можемъ подмѣтить и въ сказаніяхъ о другихъ мѣстностяхъ и не только между путешественниками, но и между историками. Какъ ярко напр. выступаетъ эта черта въ описаніи царства Инковъ, сдѣланномъ Прескотомъ: хищники, владѣющіе страною, тутъ прямо изображаются возвышеннымъ и совершеннымъ типомъ; подмѣтивъ въ нихъ типъ силы, историкъ приписываетъ имъ процвѣтаніе и промышленное совершенство въ краѣ, поддаваясь до наивности тому самообольщенію, которое такъ часто мѣшаетъ людямъ распознавать настоящія причины явленій. Очень рѣдко удается намъ читать у путешественниковъ описаніе слабаго и мирнаго типа въ идеализированномъ и розовомъ свѣтѣ. Какихъ-нибудь два три путешественника оставили намъ подобное описаніе жителей цѣпи острововъ, протянувшихся отъ Формозы къ Японіи; какой-нибудь Веньяминовъ сочувственно описалъ мирное племя крайняго сѣвера, да и тутъ причина заключалась въ личныхъ от-

ношеніяхъ писателя къ населенію. Только силѣ приписываются качества, которыхъ она не имѣетъ, и присвоиваются заслуги, сдѣланныя другими. Изъ описаній мы ясно видимъ, какъ свойства миролюбивыхъ племенъ вытекаютъ изъ ихъ слабости, ихъ совершенная неспособность защищаться, безсиліе, съ которымъ они отступаются отъ плодовъ собственнаго труда и даже отъ своей личности; такъ что имъ наконецъ остается для сохраненія своего существованія прибѣгать къ подлости и низости. Отсутствіе симпатіи къ этимъ слабымъ племенамъ дѣлается совершенно понятнымъ; нужно быть очень проницательнымъ человѣкомъ, чтобы не сбиться съ толку ихъ отвратительной привычкой хитрить и обманывать и тѣмъ обстоятельствомъ, что они путемъ своей робости доходятъ иногда до большой жестокости и до большаго звѣрства. Мы видимъ, что изъ всѣхъ слабыхъ типовъ самый слабѣйшій и несовершенный—это китайцы, племя до того несовершенное, что о немъ можно было утверждать, что его разговорный языкъ состоитъ не болѣе, какъ изъ трехъ сотъ пятидесяти словъ первобытнаго односложнаго строенія, что его умъ не можетъ совершенствоваться, потому что не можетъ выражать словами новыя понятія. И это-то племя довело промышленность и искусство до самой высокой степени совершенства въ Азіи; оно оказалось на столько способнымъ удовлетворять самому утонченному вкусу, что Лордъ Мекартней, который во время своего посольства въ Китаѣ издержалъ два съ половиною миліона, поражался во дворѣ императора не только роскошью, но и изяществомъ отдѣлки, онъ, англичанинъ, восхищался расположеніемъ парковъ и садовъ. Сколько нибудь подробное разсмотрѣніе развитія европейской промышленности скоро привело бы насъ къ тому же самому результату. Припомнимъ, что древній міръ обязанъ былъ своимъ промышленнымъ совершенствомъ рабамъ и вольноотпущеннымъ, т. е. самой слабой части населенія. Они удовлетворяли самымъ утонченнымъ потребностямъ безпечныхъ и лѣнивыхъ гражданъ. Греческіе философы, которые съ такой заносчивостью выставляютъ гражданъ самой сильной и совершенной частью населенія, созданной для однихъ наслажденій, ясно показываютъ намъ, кто былъ источникомъ промышленнаго совершенства древности.—Если бы рѣзецъ и челнокъ могли работать сами, замѣчаетъ Аристотель, то рабство было бы не нужно.

Кромѣ матерьяльной производительности благосостояніе людей зависитъ еще отъ развитія науки и интеллигенціи. Изъ какого источника люди почерпали этотъ родъ совершенства? Первая наука, первая философія высказывалась въ видѣ религіознаго ученія. Это ученіе преподавалось въ видѣ поэмъ и въ такой формѣ выражалось міровоззрѣніе, которое уже обнаруживало большую силу мысли и глубокое наблюденіе. Историческія преданія передавались точно также въ видѣ пѣсенъ, поэтическую форму принимала у Грековъ и первая свѣтская наука. Къ какому же роду людей принадлежали творцы этихъ первыхъ умственныхъ произведеній? Творцы эти, по большой части, намъ неизвѣстны, но мы все-таки можемъ себѣ составить приблизительное понятіе объ источникѣ первобытной поэзіи. Намъ извѣстно, какую роль играли поэты среди варва-

ровъ, разграбившихъ Римъ. Они менѣе всего выходили изъ высшихъ рядовъ гордыхъ завоевателей— это были льстецы и потѣшники, стоявшіе на ряду съ домашней челядью. Изъ низшихъ же рядовъ общества набирались средневѣковые трубадуры. Въ настоящее время мы также встрѣчаемъ пѣвцовъ у хищныхъ номадовъ. Пѣвцы эти стоятъ на одномъ уровнѣ съ домашней прислугой. Вездѣ хищники смотрятъ на нихъ свысока, какъ на людей, которые могутъ доставить удовольствіе, но которые не должны забывать своего мѣста. Гомера изображаютъ намъ слѣпымъ нищимъ, который своими пѣснями выпрашивалъ для себя милостыню. Одинъ путешественникъ разсказываетъ, что когда въ Тунисѣ сказали про него, что онъ тальба (ученый), то тунисская аристократія получила о немъ весьма низкое понятіе. Преданія иначе говорятъ о людяхъ, которымъ приписывается начало религій. Христу, Буддѣ, Конфуцію приписывается аристократическое происхожденіе. Но это аристократическое происхожденіе рѣзко противоположно тому, что разсказывается объ ихъ жизни. Христосъ родился въ конюшнѣ, учениковъ онъ набиралъ изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества. Онъ родился въ мѣстности, гдѣ жило населеніе, наименѣе уважаемое между евреями. Будда нищенствовалъ. Религія браминовъ точно также произошла отъ нищихъ, и потому истинный религіозный философъ этой секты долженъ быть нищимъ.

Не трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ первоначальные вѣроучители попадали впослѣдствіи въ ряды аристократовъ. Самые древніе религіозные источники показываютъ намъ, что первоначальная религіозная философія имѣла чисто свободный научный характеръ, она не составляла догмата, она не была неподвижною. Такое состояніе религіозной философіи не только прямо высказывается въ ея самыхъ первобытныхъ источникахъ, напр. въ древнѣйшихъ пѣсняхъ Ведъ, но подобныя же наблюденія могли сдѣлать миссіонеры во время проповѣди между дикарями. Не только простые дикари, но даже ихъ жрецы тотчасъ принимали извѣстное религіозно-философское міровоззрѣніе, какъ скоро оно казалось имъ болѣе возвышеннымъ по своей природѣ, но рядомъ съ этимъ сохранили свои суевѣрія до тѣхъ поръ, пока они мало по малу не истреблялись разными путями. Религіозно-философскія свои воззрѣнія они измѣняли на столько же легко или трудно, на сколько и всякія другія воззрѣнія и предразсудки. Измѣненія эти слѣдовали у нихъ тому же закону, которому у всякаго человѣка слѣдуетъ измѣненіе всякаго рода убѣжденій и предзвятыхъ мнѣній; они напримѣръ отчасти открыто признавали новые взгляды и отчасти оставались при старыхъ. Такой характеръ религіозныхъ воззрѣній покажется совершенно естественнымъ, если припомнить, что на островахъ тихаго океана находили дикихъ, которые дошли даже до отвлеченнаго понятія невидимаго бога и не имѣли ни храмовъ, ни жрецовъ. Но уже рано не трудно было замѣтить, что религіозное ученіе способно соединять людей, что оно имѣетъ такое сильное вліяніе на душу человѣческую, что можетъ порождать въ нихъ неразрывную привязанность и восторженное, добровольное повиновеніе. Побѣдосные хищники скоро съумѣли этимъ воспользоваться. Они

то сами дѣлались жрецами, то вводили въ свой составъ духовенство и для этого старались возвысить религію до себя и давали ей аристократическое происхожденіе. Обративъ ее въ орудіе для своихъ цѣлей, они старались придать ей единство и неподвижный характеръ. Такимъ образомъ зародились наслѣдственно переходящія въ семействахъ и письменахъ вѣроученія и господствующая церковь. Мало этого, они старались сдѣлать изъ философскаго ученія, лежащаго у религіи въ основаніи, таинство, недоступное народу, и всю религію обратить для него въ рядъ внѣшнихъ обрядовъ, которыхъ истинный смыслъ долженъ былъ остаться непонятнымъ.—Это значило, пользуясь другимъ свойствомъ человѣческой природы, убивать въ людяхъ стремленіе къ религіозно-философскому мышленію, укореняя грубое суевѣріе, которое считаетъ нетерпимость высшей своей добродѣтелью. Успѣхъ ихъ въ самомъ дѣлѣ былъ такъ великъ, что религія лишилась своего научнаго смысла уже у индійцевъ и персовъ, а у грековъ превратилась въ грубое идолопоклонство Это наконецъ привело къ тому, что наука совершенно отъ нея отдѣлилась и пошла своимъ путемъ, олицетворяя все въ большихъ размѣрахъ интеллектуальный прогрессъ въ то время, когда религія сдѣлалась образомъ неподвижности. Не смотря на это религія не скоро позабыла свое плебейское происхожденіе. Живо напомнило объ этомъ распространяющееся христіанство, гдѣ среди заносчиваго направленія феодальнаго варварства, духовенство набиралось преимущественно изъ угнетенныхъ классовъ общества, изъ рабовъ, добровольно принимало внѣшніе признаки рабства и далѣе бывало организаціей, которая давала слабымъ средство защищаться противъ сильныхъ.

Изъ среды слабыхъ вышла первая наука, первая созерцательная философія въ видѣ религіознаго мировоззрѣнія. Она достигла уже высокой степени совершенства, хотя и преклонялась предъ сильными и льстила имъ. Грозилъ установиться порядокъ вещей, при которомъ наука, опираясь на религіозное чувство, должна была сдѣлаться достояніемъ массъ и развиваться вмѣстѣ съ ними, но захваченная сильными руками, эта первая наука сдѣлалась безплодною, утрачена была даже и этими сильными и выродилась въ грубое суевѣріе. Религіозное чувство, должно было оживлять умъ человѣческій, сдѣлать изъ научной истины для него святыню и цѣль жизни, а это чувство обращено было въ орудіе, которое ратовало противъ всякой науки и всякаго изслѣдованія. Наука лишилась своего значенія, даже почти погибла; истина, которая подъ вліяніемъ религіознаго чувства обожалась какъ святыня, утратила въ глазахъ народовъ свою прелесть, ихъ религіозное чувство, при новомъ его направленіи, сдѣлало святыню изъ лжи и суевѣрія, бичующихъ истину. Но природа человѣческая такова, что наука не могла погибнуть. Какъ же относились къ ней сильные — хищники и ихъ потомки. Это отношеніе видно довольно ясно изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ о глубокомъ презрѣніи, которое показывали хищники Азіи и Африки къ людямъ, занимающимся научными изслѣдованіями. Точно также относились къ ней Спартанцы и Римляне. Германцы завоеватели, составившіе аристократію среднихъ

вѣковъ гордились своимъ невѣжествомъ. Тѣ части населенія современной Европы, гдѣ всего болѣе преобладаютъ хищники — турки, испанцы, относятся къ ней почти такимъ же образомъ до настоящаго дня. Но наука, точно также какъ и религія, сдѣлалась со временемъ силою. Люди науки вышли изъ среды угнетенныхъ, ради своей слабости, массъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые порождены были развившеюся въ той же средѣ промышленностью и составляли среднее сословіе. Сословіе это, подъ именемъ демоса, плебеевъ, тьерсъ-эта, вело вѣковую борьбу противъ сильныхъ во имя слабыхъ, борьбу, втеченіе которой оно постоянно подвергало науку новымъ и ожесточеннымъ преслѣдованіямъ. Эта антипатія къ наукѣ, эта страсть ее преслѣдовать и до сихъ поръ далеко не исчезла въ высшихъ слояхъ общества. Она внушаетъ имъ мысли и чувства поразительной нелѣпости. Что можетъ быть общаго между открытіемъ въ химіи или математикѣ и народнымъ волненіемъ, возбужденнымъ тягостью какой-нибудь рекрутской повинности или феодальнаго права,—однако же въ XIX столѣтіи высшіе слои общества цивилизованной Европы умѣли какъ-то связывать эти вещи, приписывать политическія волненія развитію естественныхъ наукъ и подвергать ихъ гоненію на этомъ основаніи. Когда мы встрѣчаемся съ этимъ настроеніемъ, гдѣ постоянно опасаются, чтобы чья-нибудь слабая голова не постигла истины и не распространила ее между слабымъ населеніемъ, когда мы видимъ, какъ въ 1809 году во Франціи, что всѣ рукописи объявляются государственной собственностью и опубликованіе ихъ дозволяется только съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, какъ въ 1839 году, правительство предоставляетъ себѣ право назначать библіотекарей во всѣ библіотеки, принадлежащія разнымъ обществамъ, съ тѣмъ, чтобы жители могли учиться только настолько, насколько это нужно высшимъ его слоямъ, какъ въ 1852 году, архивныя кригохранилища этихъ обществъ признаны государственною собственностью и недоступными для публики, когда мы видимъ все это, намъ кажется, что такое настроеніе должно весьма замедлять изслѣдованіе истины и развитіе науки. Оказывается однако же, что презрѣніе къ наукѣ средневѣковыхъ завоевателей и подозрительность по отношенію къ ней со стороны наслѣдовавшихъ имъ высшихъ слоевъ общества еще несравненно болѣе счастливое обстоятельство, чѣмъ слишкомъ горячая любовь къ ней. Мы видѣли, что сдѣлалось изъ религіи, когда она попала въ руки высшихъ, господствовавшихъ въ человѣчествѣ племенъ—она стала источникомъ умственной и нравственной неподвижности; таже самая судьба постигала науку, когда она, подобно религіи, принималась господствовавшею частью населенія съ открытыми объятіями и находила тутъ для себя средоточіе. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ случаѣ опять-таки можетъ служить Китай. Стоитъ только обратить вниманіе на ту проницательность, съ которой китайцы умѣютъ наблюдать процессы, совершающіеся въ природѣ и пользоваться ими для своихъ цѣлей, на способность точнаго анализа и правильнаго обобщенія, безъ которыхъ невозможны были бы ихъ агрономическія и техническія открытія, невозможно сомнѣваться въ ихъ способности къ наукамъ. Посмотрите однако же, что

сдѣлали китайцы изъ науки въ своемъ царствѣ ученыхъ. Всякій сколько нибудь значительный мандаринъ, по большей части, человѣкъ ученый и высоко ставящій науку; у него можно найдти собраніе книгъ и въ особенности собраніе древностей и рѣдкостей, но онъ знаетъ очень хорошо, что наука должна быть рутиной, иначе она будетъ для него невыгодна и непріятна высшимъ, и употребляетъ всѣ силы своего ума, чтобы держать ее въ этой рамкѣ. Въ послѣднее время римской имперіи способъ переписыванія книгъ былъ такъ усовершенствованъ, что книги было легче распространять, чѣмъ въ первое время книгопечатанія, можно было продавать книги съ выгодою по семи копѣекъ за экземпляръ, книгопродавцы и издатели наживались; не смотря на это, наука находилась въ упадкѣ. Одни геніальные люди не могутъ создать науку: необходимо, чтобы людямъ обыкновенныхъ способностей было возможно идти самостоятельными путями, уничтожать старыя направленія и даже цѣлыя науки; необходимо, чтобы существовала самостоятельная критика, которая могла бы давать славу новымъ людямъ, и публика, которая могла бы дѣлать выборъ, руководствуясь однимъ своимъ здравымъ смысломъ. Тамъ, гдѣ люди власти вмѣстѣ съ тѣмъ и высшій научный авторитетъ, гдѣ ихъ общественное положеніе тѣсно связано съ репутаціею ихъ учености, гдѣ и критика, и публика находятся отъ нихъ въ полной зависимости,—тамъ возможно только восхваленіе рутины и наука должна сдѣлаться столь же неподвижною, какъ религія.

Итакъ вотъ результатъ, къ которому приводитъ насъ жизнь человѣчества. Цивилизація во всѣхъ ея отрасляхъ, густое населеніе и обильная производительность страны,—все это дѣло слабыхъ, которые мало по малу дѣлаются сильными, все это возможно только тогда, когда слабые многочисленны, а сильныхъ такъ мало, что они не въ состояніи осудить страну на вѣчное варварство и вѣчную бѣдность. Тамъ, гдѣ сильные составляли большинство, они приводили къ истребленію населенія, оно уменьшалось до тѣхъ поръ, пока слабые не стали составлять значительнаго большинства. Здраволи послѣ этого обожаніе силы, возможно ли примѣнить къ людямъ ученіе Дарвина о пользѣ преобладанія силы, истребленія слабыхъ породъ сильными. Здраво ли слѣдовать за экономистами въ ихъ обожаніи богатства, когда мы видимъ, что совершенство производительности и развитіе науки зависѣли отъ дѣятельности тѣхъ, которые не только получали ничтожное вознагражденіе, но, по слабости своей, безвозмездно должны были уступать большую часть своихъ произведеній сильнымъ, и потому вездѣ составляли самую бѣдную половину населенія. Можно ли утверждать, что стимулъ къ развитію соотвѣтствуетъ величинѣ матерьяльнаго вознагражденія, когда оказывается, что тѣ, которые получали наибольшее матерьяльное возгражденіе, по этой именно причинѣ не только сами дѣлались безплодными, но плодили безплодіе Какимъ же образомъ эти двѣ коренныя ненормальности—обожаніе силы и обожаніе богатства—водворились среди человѣчества? Почему изъ нихъ вытекали міровоззрѣнія людей, почему эти міровоззрѣнія раздѣлялись нетолько малочисленными сильными, но и многочисленными слабыми, для которыхъ они однако же должны

были сдѣлаться неизсякаемымъ источникомъ страданій? Для здраваго разсудка очень трудно понять такую крайнюю степень нездравости. Но чѣмъ больше ея значеніе въ жизни человѣчества, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ нужно ее изучать. Изученіе это показываетъ, какъ подобная ненормальность окончательно помѣшала людямъ выработать въ своей средѣ тѣ чувства и наклонности, которыя составляютъ единственное условіе для достиженія наибольшаго благополучія какъ сильными, такъ и слабыми, и для того, чтобы человѣкъ исполнялъ свое назначеніе на землѣ. Благодаря этой уродливости, люди до сихъ поръ не понимаютъ солидарности, существующей между ними и солидарности ихъ съ природою.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ДИКАРИ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Инстинктъ, указывающій на назначеніе человѣка. — Дикарь на первой ступени развитія.

Изучая явленія жизни человѣческой, начиная отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ степеней его цивилизаціи, легко можно понять, гдѣ самая слабая его сторона. Передъ изучающимъ обнаруживается очень ясно, что инстикты и свойства человѣка таковы, что они прямо указываютъ на цѣль его существованія, и слѣдовательно невольно навязывается убѣжденіе, что цѣль человѣческаго существованія — это плодить жизнь на землѣ, и убѣжденіе это тѣмъ болѣе укореняется, чѣмъ далѣе онъ идетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все яснѣе дѣлается и главный изъ человѣческихъ недостатковъ — это недостатокъ сознательности стремленій. Умъ, который служитъ человѣку орудіемъ для достиженія его цѣлей и которымъ человѣкъ обладаетъ сообща съ животными, обнаруживается въ немъ въ такой превосходной степени, что постоянно внушаетъ ему понятіе о своемъ первенствѣ на землѣ. Конечно и этотъ умъ обнаруживаетъ многія ненормальности; но эти недостатки не имѣютъ такого существенно-вреднаго вліянія на жизнь земную, какъ недостатокъ сознательности стремленій, сознательности, указывающей людямъ цѣль, къ которой имъ слѣдуетъ стремиться. Это проявленіе есть результатъ сложныхъ стремленій и въ сложномъ своемъ видѣ. Этого свойства вовсе нѣтъ у животныхъ; силы животнаго такъ ограничены, что оно вовсе не можетъ составить себѣ понятія о мірѣ, а потому и не можетъ жить міровою жизнью. Сила сознанія обнаруживаетъ въ человѣкѣ самыя

замѣчательныя ненормальности. Исторія намъ показываетъ людей, имѣвшихъ самыя необыкновенныя умственныя способности, людей, которые, достигая своихъ цѣлей, обнаружили такую замѣчательную проницательность, что единогласно были признаваемы геніальными, — эти люди показывали въ то же время такое совершенное непоминаніе человѣческаго назначенія и цѣлей, къ которымъ имъ слѣдовало бы стремиться, что въ этомъ отношеніи они могутъ быть, безъ всякаго преувеличенія, поставлены на одну ступень съ идіотомъ. Благодаря этого рода тупости, они были тѣмъ болѣе вредны, чѣмъ они были проницательнѣе и сильнѣе по характеру и интеллектуальнымъ своимъ способностямъ. Замѣчательно тутъ именно то, что, дѣйствуя такимъ образомъ, они не увеличивали, а уменьшали свое счастіе.

Послѣднія изслѣдованія науки способны создать убѣжденіе, что было такое время, когда человѣкъ нуждался въ клыкахъ хищника для своей защиты и для своего обезпеченія, что было и такое, когда онъ не имѣлъ человѣческаго образа; но для нашей цѣли намъ нѣтъ надобности говорить объ этомъ. Для насъ достаточно знать, что уже во время мамонта мы встрѣчаемся съ человѣкомъ на такой ступени развитія, что онъ и въ настоящее время имѣетъ людей, стоящихъ ниже его. Эти низшіе люди однакоже обладаютъ уже такими свойствами, которыя нетолько дѣлаютъ ихъ болѣе сильными, чѣмъ остальныя животныя, но которыя даютъ имъ возможность плодить жизнь на землѣ. Слѣдовательно уже во время мамонта и ранѣе человѣкъ могъ постигнуть истинное свое назначеніе—размножать жизнь, въ то время, когда животное можетъ только сохранять себя и продолжать свой родъ, а не способно искусно пользоваться силами природы и чрезъ это создавать условія, при которыхъ на землѣ можетъ явиться жизнь въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Во время мамонта мы видимъ человѣка, который уже зналъ огонь, имѣлъ оружіе, былъ охотникомъ, а слѣдовательно по всей вѣроятности пастухомъ и земледѣльцемъ. Его способность организоваться должна была быть уже болѣе совершенною, онъ зналъ искуство дѣлать изображенія и могъ передавать свою мысль не только точками, но очертаніями; онъ пользовался этимъ не только для того, чтобы передавать, но и для того, чтобы производить впечатлѣніе; онъ создавалъ образы игривые и фантастическіе. Если человѣкъ уже такъ давно находился на такой степени развитія, то можетъ показаться совершенно непонятнымъ, отчего до сихъ поръ земля такъ мало населена и отчего на ней еще такъ мало жизни. На первой степени развитія мы видимъ человѣка не умѣющимъ или почти не умѣющимъ еще ни охотиться, ни ловить рыбу. Онъ умѣетъ питаться только растительными веществами, насажеными самою природою, раковинами, падалью и животными, способными только плохо защищаться и скрываться отъ преслѣдованія. Онъ имѣетъ уже оружіе и посуду, строитъ себѣ жилище, искуственно создаетъ себѣ украшенія и одежду и способенъ къ организаціи. Первая степень организаціи—это родъ, когда люди живутъ нетолько семействами, но изобрѣли уже начала и обычаи родовой жизни. Человѣкъ, почти не умѣющій питаться охотою и рыбною ловлею, можетъ

пойдти гораздо далѣе. На островахъ Тихаго океана найдены были подобныя племена, которыя имѣли уже старшинъ и даже іерархію болѣе, чѣмъ изъ одного ряда начальниковъ. Способность плодить жизнь тутъ конечно весьма ограниченная; она обнаруживается только нѣкоторыми искуственными мѣрами, принимаемыми для охраненія рѣдкихъ и полезныхъ породъ растеній и для огражденія плодовъ отъ преждевременнаго и вреднаго истребленія. Рѣдкія деревья и растенія превращаются съ этою цѣлью въ частную собственность, установляется обычай, вслѣдствіе котораго всякій, замѣтившій плоды на какомъ-нибудь лѣсномъ деревѣ, можетъ сдѣлать на этомъ деревѣ извѣстный знакъ, и тогда плоды эти не будутъ никѣмъ тронуты и могутъ окончательно дозрѣть. Способность человѣка плодить жизнь тутъ еще такъ ограничена, что невозможно и ожидать, чтобы онъ имѣлъ ясное сознаніе объ этомъ своемъ назначеніи, но уже проявляются тѣ свойства, которыя необходимы для полнаго его выполненія. Уже на этой степени онъ понемногу пріучается ловить рыбу и бить животныхъ, приручать ихъ и искуственно размножать деревья и растенія. Невозможно сказать, чтобы изъ четырехъ отраслей человѣческой дѣятельности — охоты, рыбной ловли, скотоводства и разведенія растеній — какая-либо рѣшительно предшествовала другой или указывала бы на бо̀льшія способности. Мы видимъ, что на одномъ и томъ же уровнѣ человѣкъ дѣлается, смотря по обстоятельствамъ, то лучшимъ плантаторомъ, скотоводомъ, рыболовомъ или охотникомъ.

Человѣкъ, умѣющій садить деревья и растенія, можетъ быть весьма плохимъ охотникомъ или рыбакомъ и почти вовсе не обладать искуствомъ приручать животныхъ,—и наоборотъ, онъ можетъ быть знакомъ со всѣми этими тремя отраслями дѣятельности и въ тоже время очень плохо пользоваться естественными дарами, которые природа предлагаетъ ему безъ всякаго труда съ его стороны и которые ему остается только собирать. Такъ въ Африкѣ есть племена, которыя вовсе не умѣютъ ловить рыбу, но имѣютъ уже стада домашнихъ животныхъ. Въ Америкѣ рыболовство и земледѣліе получили несравненно большее развитіе, чѣмъ скотоводство; тамъ найдено было много земледѣльцевъ, которые не знакомы были съ скотоводствомъ. Не надо упускать только изъ виду, что слово земледѣліе очень неудобное выраженіе для обозначенія того искусственнаго разведенія питательныхъ растеній, которое дѣлаетъ человѣка изъ кочующаго осѣдлымъ. Дикарь сначала дѣлается чѣмъ-то вродѣ огородника и садовника, а потомъ уже земледѣльцемъ. Краснокожіе Америки, знакомые съ одними каменными или даже съ кожаными и мѣдными орудіями, воздѣлывали свои поля съ употребленіемъ большаго труда; они съ помощью громадныхъ усилій создавали себѣ искуственное орошеніе, но не употребляли при этомъ животныхъ и могли воздѣлывать только небольшія пространства, такъ что это было огородничество, а не земледѣліе; они не умѣли разчищать лѣса и обращать его въ плодоносную землю; они пользовались многими полезными деревьями и растеніями, напр. банановъ, но не умѣли разводить ихъ. Краснокожіе никогда не умѣли жить исключительно охотой и преріи были совершенно безлюдны, хотя

тамъ были мильоны буйволовъ; рыбныя воды были безусловно необходимы для бродячихъ индѣйцевъ. На островахъ Тихаго океана искуственное размноженіе растеній, повидимому, предшествовало домашнимъ животнымъ и усовершенствованіямъ въ охотѣ и рыбной ловлѣ. Если только можно сдѣлать заключеніе по слѣдамъ, сохранившимся отъ первобытнаго человѣка въ Европѣ, то онъ зналъ искуственныя орудія уже въ третичномъ періодѣ; но втеченіе десятковъ тысячъ лѣтъ жилъ охотою, сравнительно недавно сталъ имѣть домашнихъ животныхъ и только въ послѣдній періодъ доисторическаго времени сталъ земледѣльцемъ. Это совершенно естественно: въ суровомъ климатѣ всего легче охотиться, трудно плодить домашнихъ животныхъ и еще труднѣе разводить растенія; дикарь, живущій въ одномъ климатѣ съ сѣвернымъ оленемъ, и на нашихъ глазахъ обходится безъ земледѣлія.

Послѣднюю степень культуры нужно ограничивать не отсутствіемъ четырехъ искусственныхъ способовъ питанія, а такимъ ограниченнымъ умѣньемъ пользоваться природою, что человѣку можетъ случиться умереть съ голоду, хотя онъ окруженъ растеніями, которыя выросли сами собою и которыми можно питаться, — хотя онъ ловитъ, убиваетъ и даже имѣетъ прирученными при себѣ животныхъ и не знаетъ, что онъ ими можетъ кормиться. На островахъ Тихаго океана встрѣчаются дикари, которые, имѣя домашнюю птицу, не умѣли употреблять ее въ пищу; въ Америкѣ пили кровь рогатыхъ животныхъ, а не умѣли пользоваться ихъ молокомъ, имѣли домашнюю птицу и не питались ею. Попытки ученыхъ доказали, какъ трудно тутъ дѣлать разграниченія по отдѣльнымъ признакамъ и по степенямъ искусства при обезпеченіи своего существованія. Цивилизованный народъ безъ всякаго сомнѣнія искусснѣе дикаго: но самый лучшій представитель цивилизаціи можетъ погибнуть отъ неумѣнья тамъ, гдѣ легко прокормится дикарь. Съ точки зрѣнія ученыхъ, которые раздѣляютъ людей на охотниковъ, пастуховъ и земледѣльцевъ, пастухъ, не пасущій своихъ стадъ, стоитъ на одной изъ самыхъ низшихъ ступеней, а я въ Сибири зналъ русскихъ крестьянъ, которые производили неслыханные въ Россіи урожаи на своихъ поляхъ и не пасли своихъ стадъ. Они въ этомъ отношеніи стояли ниже африканскихъ дикарей, которыхъ Бекеръ приравниваетъ къ обезьянѣ. Вообще раздѣленіе людей на степени, принимая для руководства какую-либо отрасль ихъ производительности, едва ли можетъ быть удовлетворительно. Такъ напр предлагали принимать за основаніе развитіе гончарнаго искусства. Въ такомъ случаѣ на самой низкой степени будутъ стоять тѣ, которые вовсе не имѣютъ глиняной посуды, напр. Гудабиры въ Африкѣ; но это было бы совершенно не справедливо, потому что они напр. нетолько посѣщаютъ города, но даже живутъ въ нихъ и знакомы съ нѣкоторыми правилами вѣжливости, извиняются, если потревожили человѣка.

Если мы возьмемъ людей самыхъ неразвитыхъ, но которые достаточно часто представлялись для наблюденія, такъ что изъ нихъ можно сдѣлать отдѣльную группу, то мы увидимъ, что,—хотя на этой ступени способность плодить жизнь у человѣка такъ незначительна, что не рѣдко есте-

ственная пища у него преобладаетъ надъ искусственно добытою, — даже тутъ онъ обнаруживаетъ слабость, которая въ силу предразсудка мѣшаетъ ему пользоваться пищей, находящейся у него подъ руками и заставляетъ его лучше погибать отъ голода, чѣмъ одолѣвать свое нерацiональное отвращеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже тутъ мы видимъ у человѣка такую сильную склонность жить для общества, что нетолько всѣ его потребности, лежащія за предѣлами крайне необходимаго для огражденія его отъ смерти и упадка силъ, опредѣляются стремленіемъ быть угоднымъ для общества и высокимъ въ его мнѣніи; но это стремленіе ограничиваетъ удовольствіе, которое онъ способенъ ощущать отъ удовлетворенія самыхъ сильныхъ требованій, самаго существеннаго изъ своихъ инстинктовъ—инстинкта самосохраненія. Наблюденіе показываетъ, что стремленіе производить великое или благопріятное впечатлѣніе на окружающихъ людей — это самый сильный изъ человѣческихъ инстинктовъ; инстинктъ этотъ безъ всякаго сомнѣнія сильнѣе инстинкта самосохраненія Когда человѣкъ взвѣшиваетъ удовольствіе и неудовольствіе, которое онъ способенъ ощущать отъ удовлетворенія различнымъ своимъ инстинктамъ, то рѣшительный голосъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, принадлежитъ стремленію внушать обществу о себѣ высокое и хорошее мнѣніе. Этотъ инстинктъ въ свою очередь есть ничто иное, какъ зародышъ стремленія жить міровою жизнью, того стремленія, которое заставляетъ человѣка ради сознательно понятаго имъ міроваго блага жертвовать всѣми своими интересами и даже хорошимъ мнѣніемъ о себѣ людей. При такихъ свойствахъ нужно было бы предрекать человѣчеству самое счастливое будущее—однако же вышло не такъ. При силѣ своей инстинктъ, заставляющій человѣка жить для общества, неизбѣжно долженъ былъ проявляться на самой низкой степени развитія. Дѣйствительно мы видимъ многочисленныя проявленія. Прежде чѣмъ человѣкъ начинаетъ думать о томъ, какъ бы ограждать свое тѣло отъ разныхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній, онъ старается украшать себя, чтобы нравиться и возвышаться во мнѣніи другихъ. Дикіе, которые размалевывали себя, чтобы показать путешественникамъ употребленіе красокъ, обнаруживали при этомъ самое живое удовольствіе, надувались и показывали знаками, какъ они возвышались чрезъ это во мнѣніи общества. Люди, которые по силѣ, уму и прирожденнымъ качествамъ превосходили окружающихъ ихъ и не нуждались ни въ какихъ искусственныхъ пріемахъ, чтобы нравиться, иногда просто тиранили себя татуировкой; они дѣлали себѣ глубокія раны, чтобы производить большіе рубцы; они разсказывали путешественникамъ о своихъ страданіяхъ при этомъ и старались имъ дать понять, какое большое нужно для этого терпѣніе. Такъ какъ это были самые сильные люди среди общества, то ихъ никто не могъ принудить къ этому; мало этого, своей оппозиціей они легко могли бы измѣнить взглядъ общества на красоту; но желаніе нравиться было въ нихъ такъ сильно, что они всѣ безъ исключенія уродовали себя съ величайшимъ усердіемъ; удовольствіе, которое они ощущали удовлетворяя своему инстинкту, заставляло ихъ презирать физическое страданіе. Воинъ вагабитъ,—

который, изъ желанія убѣдить въ своемъ мужествѣ, добровольно позволялъ сдирать съ себя мало по малу и болѣзненно кожу, громко выкликивалъ при этомъ подвиги своихъ предковъ и умиралъ отъ этой операціи,—представляетъ собою несомнѣнное доказательство силы этого инстинкта. Каждый шагъ дикаря регулировался обычаемъ, и онъ жилъ, такъ сказать, въ угоду обществу. Иго это онъ носилъ нетолько добровольно, но съ какой-то восторженной преданностью; когда кто-нибудь рѣшался отступить отъ общественнаго устава, то это ожесточало его болѣе, чѣмъ личная обида. Въ Африкѣ по берегамъ Индѣйскаго океана, есть приморскія племена, которыя чрезвычайно страдаютъ отъ недостатка пищи, а между тѣмъ они не осмѣливаются ѣсть превосходную рыбу, которая въ изобиліи находится вблизи ихъ береговъ; они не осмѣливаются питаться птицей, газелью, зайцемъ и другой дичью; у домашнихъ животныхъ они ѣдятъ только нѣкоторыя части. Все это запрещено когда-то установившимся обычаемъ, никто не осмѣливается возстать противъ общественнаго мнѣнія и отказать ему въ повиновеніи.

Посредствомъ такого вліянія своего общество могло давать перевѣсъ и даже господство слабому надъ сильнымъ, и мы встрѣчаемъ дикія племена, гдѣ женщина распоряжалась хозяйствомъ и гдѣ мужъ отдавалъ ей все, что онъ добывалъ; еще чаще встрѣчается повиновеніе, оказываемое самой слабой части населенія — старикамъ и даже старухамъ. При такомъ вліяніи общества на человѣка не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно могло воспитывать въ людяхъ чувства и міровоззрѣнія наиболѣе согласныя съ общественнымъ благомъ и дѣятельность ихъ никогда бы не противорѣчила общей пользѣ. Къ несчастью мы видимъ, что въ пользованіи своимъ вліяніемъ общество обнаруживаетъ недостатокъ умственной силы, граничащій съ идіотизмомъ. Оно заставляетъ людей отрѣзывать себѣ пальцы, выбивать себѣ зубы и дѣлать безчисленныя глупости, но не побуждаетъ ихъ ни къ чему, что могло бы быть дѣйствительно полезно общему благу. Вмѣсто того, чтобы воспитывать чувства людей, оно ихъ уродуетъ точно также, какъ и тѣло.

Люди, зараженные логикою хищниковъ, обыкновенно представляютъ себѣ первобытнаго человѣча какимъ-то дикимъ звѣремъ, который не можетъ увидать другаго безъ того, чтобы не кинуться на него. Имъ кажется, что люди расталкиваются вслѣдствіе своихъ варварскихъ наклонностей. Они утверждаютъ, что только самый жестокій деспотизмъ можетъ сдерживать ихъ вмѣстѣ, посредствомъ кровавой расправы. Странно приписывать человѣку свойство, которое между хищными звѣрями принадлежитъ только немногимъ. Только самыя свирѣпыя породы хищныхъ звѣрей уединяются и избѣгаютъ встрѣчи другъ съ другомъ; но даже волки ищутъ общества себѣ подобныхъ, сбираются стадами и тогда, когда у нихъ мало пищи, голодные, нетолько не кидаются свирѣпо другъ на друга, но повидимому утѣшаются сообща, затягивая свои жалобныя пѣсни. Когда первобытный человѣкъ въ тишинѣ дѣвственныхъ лѣсовъ или на своихъ свѣтлыхъ ароматныхъ лугахъ встрѣчаетъ другаго незнакомаго ему человѣка, онъ чаще чувствуетъ не свирѣпость, а скорѣе симпатическое

любопытство—они другъ друга обнюхиваютъ, ощупываютъ и стараются сблизиться, хотя конечно не безъ нѣкотораго чувства опасенія. «Новости—это жизнь», говорятъ дикари Африки. Цѣлая деревня сбирается немедленно вокругъ новаго лица и забрасываетъ его вопросами. Путникъ лишь увидитъ станъ, бѣжитъ туда, вонзаетъ въ землю свое копье и начинаются безконечные взаимные вопросы. Привычки гостепріимства, которыя такъ распространены у первобытныхъ народовъ, основываются именно на этомъ инстинктѣ. Какъ естественно онъ прирожденъ человѣку, видно изъ того, что привычки гостепріимства сохраняются у племенъ, которыя впослѣдствіи втеченіе тысячелѣтій развивали въ себѣ хищническія наклонности. Какъ бы ни испортился человѣкъ, но все въ немъ остается что-то истинно человѣческое. Тамъ, гдѣ дикари испытали уже болѣе горя, они окружаютъ незнакомца закрывшись до глазъ щитами, незнакомецъ подходитъ также съ разными предосторожностями, а все-таки они сближаются; нужно, чтобы они были сильно напуганы для того, чтобы страхъ взялъ верхъ надъ любопытствомъ. У дикарей на самой низкой степени развитія мы видимъ обычаи, которые явно порождены стремленіемъ къ общительности, желаніемъ объединяться и какъ можно болѣе создать между собою связей. Въ этомъ отношеніи поразительны, какъ извѣстно, весьма распространенные обычаи многихъ дикарей, древнихъ и новыхъ, напр. австралійцевъ, которые ведутъ свое происхожденіе не отъ отца, а отъ матери. При этомъ всѣ, которые имѣютъ одну женщину родоначальника, носятъ одно имя какого-нибудь животнаго или растенія. Они не могутъ жениться на женщинахъ, носящихъ это имя. Такимъ образомъ родъ разсѣвается на большомъ пространствѣ и всѣ члены рода считаютъ себя находящимися въ священной связи. Мѣстная община составляется совершенно отдѣльно отъ рода и въ то время, когда каждая мѣстная община состоитъ изъ нѣсколькихъ родовъ, каждый родъ разсѣянъ во множествѣ общинъ. Къ такимъ искуственнымъ измышленіямъ приводитъ потребность общительности самаго грубаго дикаря. Тамъ, гдѣ родоначальникомъ считается мужчина, также часто воспрещается у дикарей жениться на женщинѣ своего рода. Тамъ, гдѣ люди живутъ уже болѣе значительными массами, потребность общительности болѣе удовлетворена и подобные искусственные пріемы начинаютъ изчезать.

Вездѣ люди жмутся другъ къ другу, всегда они встрѣчаются группами. Не рѣдко находятъ нѣсколько племенъ, сжавшихся въ одномъ мѣстѣ; они ссорятся изъ-за пищи, которая оказывается недостаточно изобильною въ то время, когда кругомъ раскинулась обширная и безлюдная страна, гдѣ они безпрепятственно могли бы питаться. Можно скорѣе утверждать, что инстинктъ, заставляющій людей сближаться, слишкомъ силенъ по сравненію съ ихъ способностью питаться, и приводитъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ, которыхъ бы не было, если бы они имѣли болѣе склонности расталкиваться.

Стѣснившись, людямъ конечно трудно было ужиться въ мирѣ. Тутъ былъ самый лучшій случай для общества обратить свое вліяніе въ бла-

годѣтельное орудіе общественнаго блага, но оно показало себя точно также безтактнымъ и нелѣпымъ, какъ и при установленіи другихъ обычаевъ. У него явилась та несчастная и злополучная идея, которая до сихъ поръ такъ твердо коренится въ сознаніи людей и причиняла и причиняетъ имъ такъ много зла. Если человѣкъ сдѣлалъ зло другому, то нужно ему отвѣтить еще большимъ зломъ и тогда онъ будетъ бояться и воздерживаться Во имя этой идеи общество не дѣйствовало само, а предоставляло дѣйствовать обиженному, оно только лишало своего уваженія того, кто не мстилъ за обиду. Сверхъ того люди оказались очень мало изобрѣтательными на счетъ средствъ мести и первая мысль, которая имъ представлялась при этомъ—это была мысль объ убійствѣ. Кто нибудь нанесъ дикарю обиду, дикарь разсказываетъ о случившемся въ томъ обществѣ, гдѣ живетъ. Убей его, говорятъ ему со всѣхъ сторонъ съ дѣтскимъ легкомысліемъ, убей его, даже если бы онъ былъ нашъ, мы бы его не пожалѣли. Сколько разъ путешественники могли наблюдать это печальное легкомысліе, съ которымъ произносится дикарями слово «убей», явно безъ всякаго представленія о томъ, какое ужасное дѣйствіе имъ предписывается. Между тѣмъ дикарь, къ которому оно относится, видитъ изъ этого, что возстановить свою честь въ общественномъ мнѣніи онъ можетъ только убійствомъ. Въ результатѣ оказывается, что убійства совершаются иногда въ отмщеніе самыхъ ничтожныхъ оскорбленій. Но когда разъ убійство совершено, оно производитъ на окружающую убитаго среду впечатлѣніе ужаса и ожесточенія иногда большее, чѣмъ на людей образованныхъ. Такой ужасный поступокъ требуетъ мести кровавой, позоръ его забыть, позоръ не воздать врагу вдвое или даже вдесятеро. Обыкновенно дикарь тяготится родовою местью; часто ему приходится мстить за обиду, которую онъ давно уже позабылъ, часто за лицо, къ которому онъ не чувствуетъ или утратилъ привязанность. Но страхъ опозорить себя въ общественномъ мнѣніи преслѣдуетъ его, заставляетъ его, легкомысленнаго и все забывающаго, глубоко запомнить обиду и искать случая мести втеченіе десятковъ лѣтъ. Этотъ порядокъ вещей постепенно ожесточаетъ его нравъ и вызываетъ плачевныя явленія; за раззоренье какого-нибудь шалаша воздается кровавая месть и порождаетъ длинный рядъ убійствъ, тянущійся на нѣсколько поколѣній. Можно предполагать, что на этой первой ступени человѣческаго развитія родовая месть не только существенно вліяла на ходъ населенія и не давала ему увеличиваться, но приводила къ уничтоженію цѣлыхъ поколѣній. До какихъ нелѣпостей можетъ доводить обычай родовой мести, мы видимъ въ западной Африкѣ. Если кто-нибудь нанесетъ оскорбленіе бушмену, напр. похититъ у него жену, то бушменъ гонится за нимъ, чтобы отомстить; если онъ не нагонитъ бѣглеца, то онъ въ ближайшей деревнѣ убиваетъ перваго человѣка, который ему подвернулся. Затѣмъ онъ удаляется въ безопасное убѣжище и кричитъ оттуда причину, которая его заставила такъ поступить. Жители деревни волнуются, но гнѣвъ свой они не обращаютъ на убійцу, а бѣгутъ въ ближайшую деревню и тамъ также убиваютъ того, кто попа-

дется. Эта деревня дѣйствуетъ точно такимъ же образомъ и, втеченіе одной ночи убивается до полдюжины людей. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока вся страна приходитъ въ волненіе, всѣ остерегаются и дальнѣйшее убійство дѣлается невозможнымъ. Наконецъ дѣлается народное собраніе, виновный требуется къ отвѣту, и страна умиротворяется. На первомъ шагу, сдѣланномъ общественнымъ мнѣніемъ, мы видимъ, что оно тратитъ свое могущество на то, чтобы заставлять людей, будто бы для красы, выбивать себѣ зубы, отрѣзывать и прокалывать члены и наносить себѣ глубокія раны. Порождая родовую месть, оно дѣйствуетъ въ направленіи діаметрально противуположномъ тому, въ которомъ ему слѣдовало бы дѣйствовать, и, вмѣсто того, чтобы заставлять людей плодить на землѣ жизнь и воспитывать въ нихъ нужныя для этого чувства, оно ожесточаетъ ихъ нравъ и побуждаетъ ихъ, насилуя инстикты, уменьшать населеніе и истреблять цѣлыя поколѣнія. Какъ бы твердо ни рѣшился человѣкъ смотрѣть хладнокровно на естественный ходъ человѣческаго развитія, но, понявъ значеніе подобныхъ фактовъ, онъ можетъ помышлять объ нихъ только съ чувствомъ самой глубокой грусти. Инстинкты даже первобытнаго человѣка не могли не возмущаться результатами, къ которымъ приводило его общественное мнѣніе, но увы! исправляя зло, онъ поступалъ точно также, какъ онъ поступаетъ и въ наши дни; чтобы задержать порожденный имъ же самимъ могучій потокъ злополучій, онъ кидалъ въ него ничтожные камешки, которые уносились имъ безъ всякаго труда и никакимъ образомъ не могли служить ему преградою. Чтобы уменьшать число столкновеній, первобытный человѣкъ прибѣгалъ къ раздѣлу: онъ дѣлилъ землю, онъ вводилъ раздѣленіе труда. Случайный раздѣлъ земель менѣе всего приводилъ къ правильному распредѣленію ея произведеній между племенами и отдѣльными людьми; умирающіе съ голоду, видя изобиліе у своихъ сосѣдей, прибѣгали къ воровству и бросали сѣмя раздора и безконечной родовой мести. Раздѣленіе труда должно было въ свою очередь по временамъ производить самое невыгодное вліяніе на развитіе населенія, напр. когда на долю женщинъ выпадало собираніе на днѣ морскомъ животныхъ, употреблявшихся въ пищу: какъ должны были отзываться на беременныхъ сильныя напряженія, необходимыя при ныряніи на значительную глубину. Встрѣчались и мѣры болѣе энергическія для уменьшенія столкновеній, напр. умерщвленіе всѣхъ младенцевъ, рожденныхъ женщиною, которая имѣла уже трехъ дѣтей. Конечно, если подумать о томъ, что даже въ наше время ученіе Мальтуса, представляющее изъ себя самый разительный примѣръ самаго тупаго непониманія человѣческаго назначенія—плодить жизнь на землѣ, не только пріобрѣло себѣ множество поклонниковъ, но даже сдѣлалось господствующимъ,—то можно не удивляться такому же безчеловѣчью дикихъ. Но если принять въ соображеніе смертность, господствующую между дѣтьми вообще и между дѣтьми дикихъ въ особенности, то необходимо придти къ заключенію, что населеніе земное до сихъ поръ было бы въ первобытномъ состояніи, если бы такой обычай господствовалъ повсемѣстно. Извѣстнѣйшіе ученые полагаютъ даже, что обычаи дѣтоубійства у ди-

карей болѣе мѣшали развитію населенія, чѣмъ родовая месть и междоусобныя войны Этотъ обычай, долженствовавшій предупреждать пагубныя послѣдствія отъ развитія ожесточенія и родовой мести, ясно указываетъ намъ, какія опустошенія эта месть должна была производить между дикими. Въ то же время это для насъ поучительный урокъ; онъ показываетъ, къ чему приходитъ человѣкъ, когда онъ, махнувъ рукою, въ припадкѣ малодушія, отказывается отъ своего назначенія плодить на землѣ жизнь и утѣшается мальтузьянскими ученіями объ опасностяхъ слишкомъ густаго населенія. Мы всѣ бы ходили теперь нагими, обмазывали себя жиромъ или жили бы въ дымныхъ юртахъ, если бы ученіе дикихъ, предвосхитившихъ геніальныя мысли Мальтуса, пользовалось всеобщимъ сочувствіемъ Къ счастью мы видимъ, что между дикими нашлись и такіе, которые шли другимъ путемъ. Имъ пришла въ голову счастливая мысль, что безпорядочные поступки можно обуздывать, воздавая за зло не бо́льшимъ, а меньшимъ зломъ. Убійцу ставили подъ удары родственниковъ убитаго и онъ, при ловкости и счастьи, могъ отдѣлаться легкой раной и даже однимъ страхомъ. Противъ идеи родовой мести, которая доводила людей до звѣрства и одичанія, это было конечно лекарство, хотя и слабо дѣйствующее лекарство — но оно все-таки способствовало смягченію нравовъ.

Первобытное общество показало также мало умѣнья пользоваться своими силами и своимъ естественнымъ вліяніемъ, когда оно придумало достигать болѣе благопріятныхъ условій для спокойной жизни и для развитія посредствомъ организаціи съ начальниками, установляющими порядокъ. Старшина этихъ дикарей, хотя онъ въ эти времена и превосходилъ обыкновенно другихъ физической и интеллектуальной силой, относился къ обществу точно также, какъ и всѣ прочіе. Онъ точно также былъ подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и находилъ величайшее удовольствіе даже мучить себя для того, чтобы ему угодить; онъ наносилъ себѣ раны, вырѣзывалъ узоры на своемъ тѣлѣ съ бо́льшимъ усердіемъ, чѣмъ всякій другой, и создалъ понятіе, что сильно изрѣзанное тѣло есть признакъ высокаго достоинства. Совершенно ясно, что при такомъ настроеніи обществу легко было бы заставить его своими силами способствовать общему благу и воспитывать въ сильныхъ чувства и міровоззрѣнія, вслѣдствіе которыхъ они находили бы величайшее удовольствіе, если бы они могли излишекъ своихъ силъ обращать на пользу общества. Но общество требовало отъ нихъ жертвъ самыхъ нелѣпыхъ и въ тоже время установляло предразсудки, на основаніи которыхъ начальникъ возвышался въ общественномъ мнѣніи, если онъ заставлялъ слабыхъ приносить тяжелыя для нихъ и совершенно безполезныя для него жертвы. Установивъ раздѣлъ и отдѣльную собственность, дикимъ случалось установлять въ тоже время обычай, что собственность не существовала по отношенію къ начальнику и онъ могъ брать у каждаго все, что онъ хотѣлъ. Такой нелѣпый взглядъ на величіе былъ совершенно не нуженъ для начальника. Первобытный человѣкъ, незнавшій никакого искусственнаго производства, появлялся только тамъ, гдѣ сама природа порождала

для него изобильную пищу. Сильный никогда не могъ имѣть въ ней недостатка; обыкновенно онъ могъ давать слабому и бралъ только для того, чтобы показать свое величіе и возвыситься въ общественномъ мнѣніи. Въ тоже время искусственное производство обязано своимъ происхожденіемъ самымъ слабымъ частямъ дикаго населенія. Слабосильный, который не имѣлъ ни достаточно силы, ни мужества, чтобы отыскивать себѣ пищу на морѣ, въ лѣсу и безконечныхъ степяхъ, чтобы спастись отъ голода, а садилъ около себя дерево или придумывалъ искусственное разведеніе растеній. Не будучи въ состояніи, подобно сильному своему сосѣду, покравшись между скалъ, бить птицу палками, на бѣгу догонять животноеи и, поймавъ его, убивать или ныряя, хватать свою пищу въ морѣ, онъ придумывалъ искусственныя орудія, ставилъ ловушку изъ петель или палокъ; такимъ образомъ достигалъ той же цѣли и спасалъ себя отъ смерти, на которую онъ уже былъ обреченъ во мнѣніи своихъ соплеменниковъ. Добывать себѣ пищу одной силой у дикихъ иногда долго считается болѣе почетнымъ, чѣмъ прибѣгать къ хитропридуманнымъ искусственнымъ орудіямъ точно также, какъ впослѣдстіи добывать грабежемъ считалось болѣе почетнымъ, чѣмъ добывать трудомъ. Послѣ того какъ Аравія была свидѣтельницею нѣсколькихъ цивилизацій, хотя впрочемъ во времена предшествовавшія Магомету, въ арабскихъ пѣсняхъ еще воспѣвался герой, который добывалъ себѣ пищу, догоняя газелей бѣгомъ,—и лошадь и верблюдъ были извѣстны, а размѣры геройства все еще опредѣлялись быстротою бѣга. На островѣ Формозѣ дикари искустно умѣютъ метать копья и стрѣлы и все-таки продолжаютъ добывать себѣ дичь, ловя ее на бѣгу, и высоко цѣнятъ подобную ловкость. Слабый создавалъ охотника и рыболова. Когда это было сдѣлано, то первобытное животное, которое подпускало къ себѣ человѣка такъ близко, что даже летающихъ птицъ можно было ловить руками, стало осторожнѣе, добывать для себя пищу дѣлалось для человѣка труднѣе по мѣрѣ того, какъ онъ цивилизовался. Опять-таки слабый дѣлался источникомъ новаго прогресса; онъ привлекалъ къ себѣ животныхъ ласковымъ обращеніемъ, удовлотвореніемъ ихъ потребностей и приручалъ ихъ. Если люди сдѣлались охотниками, рыболовами, пастухами и земледѣльцами, то они всѣмъ этимъ обязаны были слабой части населенія. Нерѣдко у ученыхъ философовъ можно встрѣтить выраженіе вродѣ слѣдующаго: «Человѣкъ, который первый изобрѣлъ искуственную обработку земли, сдѣлался царемъ, а потомъ богомъ.» Это показываетъ очень плохое пониманіе жизни дикаго человѣка. Тотъ, кто изобрѣлъ какое нибудь особенно вредное оружіе, дѣйствительно, могъ сдѣлаться царемъ, а потомъ богомъ, но изобрѣтатель полезнаго труда навѣрное былъ или рабъ, или женщина. Изобрѣтеніе его по всей вѣроятности не доставило ему ни славы, ни почета. Земледѣліе и огородничество долго послѣ того, какъ оно было изобрѣтено, пользовалось однимъ только презрѣніемъ. Краснокожимъ индѣйцамъ охотникамъ очень трудно было жить въ сѣверной Аме, икѣ вслѣдствіе особенныхъ условійстраны. По серединѣ, материка на западѣ отъ скалистыхъ горъ широкой полосой тянулась безплодная пустыня,

на востокъ еще шире разстилалась прерія, на сѣверѣ уже у 61° широты начиналась безплодная тундра; большинство сѣверныхъ лѣсовъ представляло мало удобствъ для охоты, охотой онъ не могъ существовать даже и въ болѣе южныхъ лѣсахъ, для этого ему нужны были еще обильныя рыбныя ловли. Самыя обильныя ловли находятся около острововъ королевы Шарлоты и въ бассейнѣ Колумбіи, но и тутъ въ англійскихъ владѣніяхъ на огромномъ пространствѣ считается только 80,000 человѣкъ. При такихъ условіяхъ какъ бы не оцѣнить человѣка, научившаго воздѣлывать землю —роскошная почва прерій, которыя были совершенно безлюдны, потому что, не имѣя лошади, индѣецъ не могъ успѣшно охотиться за буйволомъ, могли бы при воздѣлываніи содержать огромное населеніе, точно также оживиться могли бы и лѣса. Не-тутъ то было. Краснокожій глубоко презиралъ и земледѣліе и земледѣльца. Будучи исключительно охотникомъ, онъ считалъ себя неизмѣримо выше и Ацтека, и еще болѣе цивилизованнаго Мая Юкатана. Полукочевой индѣецъ считаетъ земледѣліе самымъ презрѣннымъ занятіемъ и предоставляетъ его женщинамъ. Легендарные изобрѣтатели полезныхъ искусствъ въ родѣ земледѣлія дѣлались богами и героями только по истеченіи сотенъ и тысячъ лѣтъ послѣ изобрѣтенія. Геніальное и истинно полезное изобрѣтеніе, рѣдкій и полезный трудъ всегда и вездѣ подвергались преслѣдованію, начиная отъ дикарей, живущихъ въ безлюдныхъ степяхъ и кончая цивилизованными европейцами девятнадцатаго столѣтія. Всегда и вездѣ громкую славу пріобрѣтало только то, что льстило страстямъ сильныхъ. Презрѣніе, съ которымъ дикари смотрятъ на часть общества, занимающуюся усовершенствованнымъ трудомъ, принимаетъ иногда самыя забавныя формы. Бедшуаны внутренней Африки считаютъ почетнымъ только быть охотникомъ и пастухомъ, они не позволяютъ женщинѣ вступить на скотный дворъ, сами ухаживаютъ за скотомъ и доятъ его; женщина должна заниматься огородомъ, садомъ и воздѣлываньемъ земли.

Начальники обирали у тружениковъ плоды ихъ вновь изобрѣтенной промышленности. Они конечно никогда бы этого не сдѣлали, если бы это не нравилось обществу или возбуждало противъ нихъ негодованіе; они дѣлали это именно потому, что это не только не унижало, но возвышало ихъ въ общественномъ мнѣніи; дикіе гордились тѣмъ, что домы ихъ начальниковъ были окружены деревьями, которыхъ искусственное произведеніе было рѣдкостью и которыя были насажены не ихъ рукою. Очень не трудно понять, что тутъ общественное мнѣніе было главнымъ источникомъ грабительства начальника, потому что тотъ же самый начальникъ ни подъ какимъ предлогомъ не соглашался ѣсть вкусную пищу, противъ которой существовалъ въ его обществѣ предразсудокъ—употребленіе этой пищи сдѣлало бы его весьма несчастнымъ, унизивъ его во мнѣніи окружающихъ. Такимъ образомъ общественное мнѣніе употребляло свое вліяніе на первобытнаго человѣка точно также, какъ оно слишкомъ часто дѣйствуетъ и теперь; оно парализировало изобрѣтательность слабыхъ и деморализировало самыхъ сильныхъ; оно давало зловредное направленіе чувствамъ и дѣятельности тѣхъ, которые при нормальномъ вос-

питаніи могли бы быть наиболѣе для него полезными. Мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить, какъ долго эта уродливость удерживала человѣчество на первой ступени, но что это было очень долго, ясно изъ того, что и до настоящаго дня существуютъ на землѣ люди, находящіеся въ этомъ первобытномъ состояніи. Изобрѣтательность человѣческая встрѣтила въ этомъ ненормальномъ нравственномъ настроеніи такую существенную преграду для своей дѣятельности, что каменныя и костяныя орудія, которыя употреблялись человѣкомъ уже во время далювіальнаго періода, когда онъ жилъ въ Европѣ вмѣстѣ съ пещернымъ львомъ, пещернымъ медвѣдемъ и мамонтомъ, встрѣчаются мѣстами въ исключительномъ употребленіи въ Европѣ почти три тысячи лѣтъ тому назадъ, а во многихъ мѣстахъ земнаго шара нѣчто подобное употребляется еще и теперь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дикарь на второй ступени развитя. — Другой инстинктъ, указывающій на назначеніе человѣка.

Отдѣленіе I.

Вторая ступень цивилизаціи характеризуется тѣмъ, что произведенія природы, которыя можно собирать, получать, ныряя въ воду или ловить, составляютъ меньшую и, наконецъ, ничтожную часть средствъ человѣческаго пропитанія. Человѣкъ питается по большей части и, наконецъ, исключительно охотой, домашними животными и искусственно разводимыми растеніями. Тутъ человѣкъ уже вполнѣ является существомъ способнымъ плодить на землѣ жизнь. На югѣ распложается множество людей и тамъ, гдѣ безъ помощи искусственныхъ насажденій не могло существовать ни одного. Человѣкъ появляется на крайнемъ сѣверѣ. Стоитъ сравнить мѣстности, гдѣ нѣтъ людей, съ тѣми, гдѣ господствуетъ скотоводство и земледѣліе, чтобы увидать его вліяніе на количество животныхъ. На крайнемъ сѣверѣ можно проѣхать сотни верстъ и не встрѣтить ни одного живаго существа; но гдѣ явился человѣкъ, тамъ пасутся стада оленей и рогатаго скота. Въ монгольской степи тишина и безжизненное безмолвіе только изрѣдка нарушаются появленіемъ какой-нибудь дикой козы или хищной птицы; но рядомъ съ стоянкой номада пасется многочисленное стадо. Человѣкъ сдѣлалъ значительный прогрессъ въ искусствѣ плодить жизнь на землѣ, но въ сознаніи своего назначенія онъ не сдѣлалъ никакого. Общество нетолько не исправляло первыя, сдѣланныя имъ ошибки, но чѣмъ далѣе оно жило, тѣмъ нелѣпѣе становилось его общественное мнѣніе. Люди жили теперь уже другъ возлѣ друга не родами, а цѣлыми племенами. Все населеніе имѣло на каждое отдѣльное племя точно такое же

нравственное вліяніе, какъ въ прежнее время общество на отдѣльнаго человѣка. Они выработывали въ себѣ одинаковый языкъ, одинакіе нравы и міровоззрѣнія. Путешественниковъ не только поражаетъ одинаковость чувствъ, выроботанныхъ дикими на большихъ пространствахъ: они то всѣ вороваты, то всѣ скромны, то всѣ горды и прямодушны, то льстивы и лукавы,—но они сходятся въ несравненно большихъ подробностяхъ: иные убѣждены, что лучше всего начинать съ наглаго, безстыднаго образа дѣйствія, другіе начинаютъ съ заискиванья и потомъ коварно обманываютъ. Предразсудокъ, распространившійся въ населеніи, передается отъ поколѣнія къ поколѣнію. Какая нибудь кость, надѣтая на рукѣ, считается признакомъ благородства и нужно ее защищать съ бо́льшею ревностью, чѣмъ собственную жизнь; дѣйствительно люди разныхъ племенъ извѣстной мѣстностей жертвуютъ своей жизнью для спасенія костей, надѣтыхъ у нихъ на рукѣ. Въ этомъ періодѣ, точно также какъ и въ предъидущемъ, счастье и благополучное развитіе общества было въ его рукахъ, ему стоило распространить міровоззрѣнія. которыя соотвѣтствовали бы общему благу и въ отдѣльныхъ людяхъ развились бы чувства, которыя заставили бы ихъ охотно работать для этого блага. Но и здѣсь общество преслѣдовала старая его идея о пользѣ воздавать зломъ за зло. Месть племенная считалась дѣломъ почетнымъ, не мстить было постыдно. Мало этого, цѣлое племя мстило за обиду, нанесенную однимъ человѣкомъ Инстинкты человѣка таковы, что они не только заставляютъ искать его общества, но разнообразнаго общества и чѣмъ рѣже человѣкъ видитъ другаго, тѣмъ болѣе онъ ему радъ Эти инстинкты рѣзко обнаруживаются уже на самыхъ низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія. Дикари любятъ сидѣть вмѣстѣ, но имъ надоѣдаетъ видѣть все тѣ же лица и слышать все тѣ же разговоры: они радуются появленію въ ихъ средѣ новыхъ людей. Этотъ инстинктъ чрезвычайно способствуетъ сообщенію между племенами. Сообщаются между собою дикіе, которые раздѣлены иногда огромными пространствами, даже тысячами верстъ; но сосѣди обыкновенно во враждѣ между собою. Ради ничтожной причины они сталкиваются другъ съ другомъ, происходитъ битва, побѣдители кидаются на добычу; но инстинктъ общительности въ человѣкѣ такъ силенъ, что они сначала оказываютъ вниманіе даже къ интересамъ своихъ враговъ. Они убираютъ плоды съ деревьевъ, уносятъ съ собой запасы, но деревьевъ не трогаютъ и не дѣлаютъ лишнихъ опустошеній. Мало по малу ожесточеніе возрастаетъ: въ мѣстности, оставленной непріятелемъ, срубаютъ деревья, съ наслажденіемъ уничтожаютъ все, что только можно уничтожить, порождаютъ крайнюю нужду, которая сразу положитъ основаніе столѣтней враждѣ. Втеченіе цѣлыхъ поколѣній ни одинъ дикій этого племени не рѣшится перейдти черезъ рѣку или за пограничную гору и ступить на землю врага, потому что его тамъ тотчасъ же ожидаетъ смерть. Такой образъ дѣйствія нетолько не возмущаетъ окрестныя племена и неголько не заставляетъ ихъ энергически подѣйствовать на перваго зачинщика борьбы и вліяніемъ своего общественнаго мнѣнія вынудить миролюбивое расположеніе съ обѣихъ сторонъ; но напротивъ, онъ не рѣдко

приводитъ ихъ въ восторгъ, они видятъ въ немъ проявленіе энергіи и мужества, злодѣи выростаютъ въ ихъ глазахъ и въ своихъ собственныхъ. Поощряемые общественнымъ мнѣніемъ, они идутъ все далѣе—отъ раззоренія непріятельской земли они переходятъ къ избіенію всѣхъ взятыхъ плѣнныхъ—наконецъ, они этихъ плѣнныхъ нетолько бьютъ, но и ѣдятъ. Такимъ образомъ общественное мнѣніе, восхваляющее мѣсть, дѣлается главнымъ источникомъ людоѣдства. Людоѣдство распространяется на второй ступени человѣческой цивилизаціи. Даже людоѣдство отъ голода едва ли часто встрѣчалось на первой ступени: если человѣкъ, имѣя у себя прирученное животное, не умѣлъ догадаться съѣсть его во время голода, то едва ли возможно ожидать, чтобы ему легче приходило въ голову съѣсть человѣка. Тѣ, которые говорятъ, что человѣкъ былъ плотоядным прежде, чѣмъ получилъ человѣческій образъ, утверждаютъ въ то же время, что онъ тогда былъ такъ слабъ, что своей слабости обязанъ былъ развитіемъ своихъ способностей. Поэтому плотоядные инстинкты никогда не могли быть въ немъ сильны. Въ первобытномъ человѣкѣ они были такъ слабы, что ему часто не приходило въ голову ѣсть животныхъ, которые его сильно безпокоили, напр. крысъ, которыя уничтожали его запасы. Людоѣдъ кажется намъ олицетвореніемъ звѣрства; не смотря на то и людоѣды не смотрятъ на человѣка тѣми же глазами, какими они смотрятъ на животное. Гостепріимство и вниманіе къ нуждамъ своего ближняго нерѣдко бываетъ принадлежностью людоѣда. Новозеландскіе людоѣды упрекали цивилизованныхъ людей за то, что въ Европѣ пауперъ гибнетъ отъ нужды и недостатка пищи. У насъ, говорили они, бѣдный не можетъ умереть съ голоду, онъ всегда найдетъ у богатаго пріютъ и кусокъ хлѣба безъ всякаго возмездія. Наслажденіе, съ которымъ людоѣдъ ѣстъ своего врага, происходитъ не отъ голода и не отъ гастрономическихъ наклонностей—это торжество удовлетворенной мѣсти. Если справедливо, что дикари, неупотреблявшіе въ пищу мяса, были все-таки людоѣдами, то не указываетъ ли это на происхожденіе людоѣдства отъ чувства ненависти и мести. На то же указываютъ разнаго рода церемоніи съ религіознымъ характеромъ, которыми оно сопровождалось. Большинство людоѣдовъ пожираетъ только своихъ враговъ, попавшихся въ плѣнъ и неволю. Но если общественное мнѣніе, восхвалявшее воздаяніе за зло большимъ зломъ, довело людей до людоѣдства, то людоѣдство въ свою очередь до того деморализировало ихъ, что человѣкъ былъ напр. въ состояніи откормить и съѣсть свою собственную жену.

Какъ скоро племя начинаетъ тѣмъ болѣе возвышаться въ общественномъ мнѣніи, чѣмъ болѣе оно унижаетъ своихъ враговъ, — то появляется учрежденіе рабства — плѣнные враги обращаются въ рабовъ. Сначала дикарь имѣетъ надъ рабомъ своимъ право жизни и смерти, но не извлекаетъ пользы изъ его труда: скорѣе онъ содержитъ своего раба, чѣмъ рабъ его. По обычному раздѣленію труда, самыя трудныя работы выпадаютъ на долю господина, рабъ нетолько до нихъ не допускается, но подвергаетъ свою жизнь опасности, если онъ ихъ подсмотритъ. Свободный дикарь самъ строитъ себѣ жилище и лодку, укрѣпляетъ свою деревню,

онъ старается, чтобы рабъ какъ можно болѣе сосредоточивался на домашнихъ услугахъ и не отлучался отъ жилища, чтобы онъ даже не зналъ, какъ устроены укрѣпленія, гдѣ лежатъ запасы, какъ расположы плантаціи и гдѣ самыя удобныя мѣста для охоты и рыбной ловли; онъ постоянно боится, чтобы рабъ не бѣжалъ къ его врагамъ и не выдалъ его секретовъ. Подозрительность неоднократно заставляетъ его подъ ничтожнымъ предлогомъ убивать и ѣсть своего раба. Даже тамъ, гдѣ дикари сдѣлали уже значительные шаги въ своемъ развитіи, рабство продолжаетъ имѣть совершенно другой видъ, чѣмъ въ государствахъ цивилизованныхъ и полуцивилизованныхъ. Искуство обременять рабовъ работою и извлекать изъ нихъ такимъ образомъ выгоду еще очень мало извѣстно. На западномъ берегу Африки, въ государствѣ Ашанти, менѣе всего господствуютъ мягкіе нравы, однако же тамъ рабы преимущественно служатъ для того, чтобы составлять свиту своего господина и доказывать его богатство или прислуживать ему въ походѣ. Въ полѣ они работаютъ вмѣстѣ съ господиномъ и путешественники замѣчаютъ, что они пользуются несравненно большей свободой, чѣмъ сельскіе работники въ Европѣ. Не смотря на неумѣнье извлекать выгоду изъ рабовъ, дикарь желаетъ имѣть ихъ: это живое доказательство его мужества и его побѣдоносной силы, это возвышаетъ его въ общественномъ мнѣніи. Чтобы доставить себѣ вознагражденіе за тягость висящихъ на его шеѣ рабовъ, которые подозрительному дикарю нерѣдко не даютъ спокойно спать, онъ вводитъ обычаи, которые заставляли бы другихъ чувствовать его превосходство—это месть своего рода. Напр., при извѣстныхъ обстоятельствахъ дикарь не имѣетъ права дѣйствовать руками и брать свою пищу, а долженъ унизительнымъ образомъ ловить ее ртомъ; между тѣмъ какъ человѣкъ, имѣющій невольника, важно принуждаетъ его кормить себя. Въ Ашанти рабовладѣльцы точно также тяготятся своими рабами. Особыхъ выгодъ отъ рабовъ они не имѣютъ, а между тѣмъ они мучатся суевѣрной подозрительностью, такъ какъ они въ каждомъ рабѣ предполагаютъ знахаря, который можетъ причинить имъ безчисленныя страданія. Однакоже тщеславіе беретъ верхъ надъ страхомъ и они все-таки стараются имѣть какъ можно болѣе рабовъ. Такой порядокъ вещей нетолько не заключаетъ въ себѣ прогресса по отношенію къ сознанію человѣкомъ своей задачи на землѣ, но ставитъ для этого сознанія трудно-одолимую преграду. Люди раздѣляются на два сословія, изъ которыхъ болѣе сильное питаетъ къ болѣе слабому безконечное презрѣніе. Это презрѣніе дѣлаетъ его совершенно равнодушнымъ къ страданіямъ младшихъ братій и заставляетъ его смотрѣть безъ вниманія на ихъ мученія, нищету и смерть. Стоитъ вникнуть въ эту бездну нелѣпости, къ которой привело людей тупоуміе ихъ общественнаго мнѣнія. Въ угоду ему племена расталкивались безвыходной враждой, которая уничтожала непрочное благосостояніе, достававшееся первобытному человѣку съ такимъ трудомъ; въ угоду ему создалось рабство и кичливое обращеніе съ рабами, хотя каждый изъ членовъ этого общества рисковалъ при случаѣ сдѣлаться плѣнникомъ и рабомъ и прямой его интересъ состоялъ въ защитѣ возможно—лучшаго обращенія съ ра-

бами плѣнниками. Посредствомъ своего общественнаго мнѣнія люди побуждали сильныхъ возвышать себя, унижая все общество.

Сначала послѣдствія всего этого были для общества еще не такъ чувствительны или по крайней мѣрѣ, не такъ унизительны. Число рабовъ было незначительно, начальники сами работали, удили рыбу и добывали себѣ пищу. Они дѣйствовали преимущественно убѣжденіемъ и старались побуждать общество къ поступкамъ, которые возвышали его въ своемъ собственномъ мнѣніи. Поэтому они, по большей части, славились краснорѣчіемъ. Они болѣе всякаго другаго имѣющіяся въ ихъ рукахъ средства склонны были употреблять на пользу общую. Одинъ предпріимчивый новозеландскій начальникъ рѣшился отправиться въ Англію, тамъ очаровалъ короля и всю аристократію своимъ гордымъ и исполненнымъ достоинства поведеніемъ. Онъ получилъ много блестящихъ и дорогихъ подарковъ, которые такъ плѣняютъ дикарей, но лишъ только онъ оставилъ Англію, онъ все это тотчасъ промѣнялъ на оружіе и порохъ для своихъ сподвижниковъ и показалъ этимъ какъ сильно въ дикарѣ дѣйствуетъ инстинктъ, который заставляетъ человѣка высокое объ немъ мнѣніе общества предпочитать удовольствію, доставляемому вещами. Къ несчастью это общественное мнѣніе возвышало только военныхъ героевъ и всякій старался отличаться военными подвигами. Въ какой-нибудь Новой-Зеландіи являлись герои, которые нетолько побѣждали всѣхъ своихъ сосѣдей, но заносили свое побѣдоносное оружіе въ отдаленные концы острова. Славу одного изъ этихъ героевъ новозеландцы сравнивали со славою Наполеона. Герои, стремившіеся подражать Наполеону и ставившіе его себѣ за образецъ, встрѣчались и между неграми въ Африкѣ. Изъ этого мы можемъ вполнѣ убѣдиться, какъ мало человѣческое общественное мнѣніе выиграло въ здравости, пройдя путь отъ второй ступени развитія, на которой оно стояло, можетъ быть, уже нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ тому назадъ до настоящаго времени. Это воинственное направленіе привело къ тому, что изобрѣтательный геній и способности новозеландцевъ получили направленіе прямо противуположное цѣли размноженія жизни на землѣ. Ихъ искусство сооружать укрѣпленія и защищаться за ними обратило на себя вниманіе даже европейскихъ воиновъ. Подобное искусство встрѣчалось и у другихъ дикарей на той же степени развитія. Ихъ укрѣпленія съ выходящими и входящими углами имѣли сильныя и слабыя стороны равно какъ и сооруженія, которыя внезапно поражали непріятеля при нападеніи и вводили его въ заблужденіе; поэтому они весьма дорожили тайною своихъ хитро-придуманныхъ военныхъ построекъ. Самые способные умы обращали свою дѣятельность въ эту сторону, между тѣмъ нетрудно понять, что для достиженія цѣли наибольшаго размноженія жизни на землѣ они должны были бы обратить свой геній на увеличиваніе средствъ пропитанія, сохраненія жизни дѣтей и борьбы съ природою. Въ этомъ отношеніи ихъ дѣятельность была такъ мало успѣшна, что огромныя плодородныя пространства оставались не воздѣланными и населеніе не увеличивалось или увеличивалось слабо, не смотря на то, что если бы плантаціи и стада были размножены по окрестностямъ, то несравненно

большее населеніе могло бы содержаться безъ всякаго усовершенствованія въ искусствѣ добыванія пищи и другихъ необходимыхъ предметовъ. Мало этого, на Новой Зеландіи напр. развившаяся страсть къ войнѣ и обожаніе геройства привели къ тому, что населеніе истреблялось и уменьшилось: европѣйцы нашли тамъ множество плантацій, которыя прежде обрабатывались и потомъ одичали при уменьшеніи населенія. Истребленіе населенія и одичаніе расы еще значительнѣе на островахъ Фиджи: тамъ случалось, что на многолюдномъ островѣ послѣ войны остается неболѣе ста человѣкъ. Эти безпрерывныя войны дѣлались источникомъ порабощенія нетолько для побѣжденныхъ, но и для побѣдителей. Европѣйцы удивлялись раболѣпной дисциплинѣ между жителями острововъ Фиджи: отъ одного грознаго слова начальника прекращалась шумная суматоха и водворялось гробовое молчаніе.

Дальнѣйшая жизнь приводитъ къ организаціямъ въ большихъ размѣрахъ: нѣсколько обширныхъ родовъ соединяются въ одно племя и является князь, окруженный старшинами. Старшины пользуются самостоятельностью, дѣла рѣшаются на совѣтѣ князя съ ними и по большинству голосовъ. Тутъ ходъ предъидущаго развитія уже принесъ свои плоды. Значеніе лица, высокое о немъ мнѣніе общества соразмѣряются не съ количествомъ услугъ, оказанныхъ обществу, а съ количествомъ жертвъ, которыя приносятся обществомъ въ его пользу. Чѣмъ болѣе дикій начальникъ подобнаго общества желаетъ возвыситься, тѣмъ болѣе онъ старается заставлять работать на себя—производятся постройки въ большомъ числѣ, преимущественно стратегическія. Начальники тщеславятся толщиною возведенныхъ ими стѣнъ и запутанностью своей системы укрѣпленій. Каждый второстепенный старшина также старается имѣть укрѣпленныя зданія. Требовательность князей доходитъ до того, что на ихъ могилахъ должны быть имъ приносимы человѣческія жертвы. Являются обычаи непостижимо уродливые, напр. обычай казнить человѣка, наступившаго на тѣнь своего вождя. Никто не долженъ имѣтъ что либо, кромѣ необходимаго по обычаю для поддержанія его существованія: дикіе тщательно прятали подарки, получаемые ими отъ европѣйцевъ, потому что по обычаю они должны были все передавать, въ распоряженіе начальника. Начальники уже могутъ жить безъ труда, они всего легче могутъ возвыситься въ общественномъ мнѣніи, посредствомъ воинскихъ подвиговъ; они воюютъ отъ бездѣлья и безпрерывно. Подъ самыми ничтожными предлогами они воюютъ каждый мѣсяцъ и каждую недѣлю; они отрываютъ своихъ подданныхъ отъ мирныхъ занятій, и способствуютъ избіенію большаго числа людей. Это избіеніе еще значительнѣе, когда водворяется обычай, по которому смерть начальника на войнѣ, считается несчастнымъ исходомъ и позоромъ для племени, такъ что начальникъ, котораго бездѣлье поощряетъ воевать, еще пользуется относительно большею безопасностью, и отъ этого дѣлается задорнѣе. На Соломоновыхъ островахъ, по обычаю, подданные должны были представлять царю всѣ произведенія своей рыбной ловли, своихъ фруктовыхъ деревьевъ, своихъ работъ и добычу, взятую у непріятеля. Царь выбиралъ для себя, что ему

нравилось, а остальное возвращалъ хозяину. За тоже острова эти раздирались безпрерывными войнами, и никто не зналъ покоя. Въ подобныхъ условіяхъ является положеніе, при которомъ прогрессъ и размноженіе жизни могутъ имѣть мѣсто, только въ рѣдкихъ случаяхъ, воинственный пылъ начальниковъ останавливается только тогда, когда населеніе окончательно выведено изъ терпѣнія безпрерывными помѣхами въ мирныхъ занятіяхъ, необходимыхъ для ихъ обезпеченія, опустошеніями и жертвами войны

Отдѣленіе II.

Если, не смотря на все это, богатство природы, трудолюбіе и природныя способности жителей сдѣлаютъ возможнымъ увеличеніе населенія, то является новое положеніе. Кромѣ инстинкта, который побуждаетъ человѣка угождать человѣческому обществу, и заставляетъ его находить удовлетвореніе даже въ страданіяхъ, перенесенныхъ съ этою цѣлью, въ немъ существуетъ другой инстинктъ, столько же могущественный, который заставляетъ его обращать свою дѣятельность нетолько на пользу людей, но и на пользу всей окружающей его природы. Этотъ инстинктъ, изъ котораго вытекаетъ религіозное чувство, проявляется позднѣе наклонности служить человѣческому обществу и долго онъ находится въ такой грубой смѣси, что его трудно отличить. Сначала чувство это проявляется въ видѣ самаго неопредѣленнаго стремленія питать религіозное уваженіе къ чему-нибудь. Предполагали, что потребность боготворить внушается великими, неодолимыми силами, съ которыми человѣкъ встрѣчается въ природѣ; но опытъ вполнѣ убѣждаетъ въ ложности такого взгляда. Могучія проявленія и неодолимыя силы природы, землетрясенія, грозы, морозъ, жаръ, тутъ ни при чемъ или играютъ по крайней мѣрѣ самую второстепенную роль. Человѣкъ просто чувствуетъ неодолимую потребность обожать. Потребность, которая сначала слаба, но развивается съ его развитіемъ и можетъ наконецъ превратиться въ чувство, которое будетъ заставлять его съ восторгомъ приносить всякую жертву. Въ Австраліи различные роды производятъ себя отъ различныхъ животныхъ, птицъ и рыбъ. Родъ считаетъ это животное своимъ покровителемъ. Полезность животнаго или страхъ, который оно внушаетъ, не играютъ тутъ никакой роли. Родъ называетъ себя именемъ этого животнаго, иногда дикари называютъ себя также именемъ растенія. Къ животному питается особое уваженіе религіознаго характера. Уваженіе это однакоже еще такъ слабо, что дикарь только избѣгаетъ дѣлать вредъ животному, но при случаѣ даже убиваетъ его. По мѣрѣ того, какъ развивается это чувство, дикарь уже начинаетъ считать несчастьемъ убить животное, которое онъ признаетъ своимъ покровителемъ. Ему кажется, что это животное съ нимъ разговариваетъ. Наконецъ, онъ ему угождаетъ и ни за что не рѣшится его убить, даже если это животное крайне вредное или опасное, напр.—

змѣя или крокодилъ. Эта исторія развитія религіознаго инстинкта, явно предназначеннаго для того, чтобы побуждать человѣка употреблять свои силы съ міровыми цѣлями и для того, чтобы плодить жизнь на землѣ, крайне интересно. Она показываетъ, какъ неопредѣленны инстинкты міровой жизни и какъ необходимо человѣку правильное міровоззрѣніе для того, чтобы инстинкты эти дѣйствительно исполняли свое назначеніе. По мѣрѣ того, какъ религіозный инстинктъ развивается, люди дѣлаются способными переносить отъ священныхъ животныхъ болѣе страданій и, наконецъ, эти животныя могутъ сдѣлаться истиннымъ бичемъ извѣстной мѣстности. У брасменовъ на берегахъ, прилегающихъ къ Гвинейскому заливу, въ Африкѣ, невозможно держать птицъ, козъ, овецъ или свиней, потому что все это поѣдается змѣями, которыхъ они считаютъ священными; страна рѣшительно раззоряется ими, между тѣмъ англичанамъ запрещено было даже договоромъ, заключеннымъ въ 1856 г., убивать священныхъ змѣй брасменовъ. Такимъ образомъ инстинктъ этотъ при слабомъ сужденіи, точно также, какъ и инстинктъ, заставляющій человѣка угождать обществу и возвышаться въ его мнѣніи, дѣлаетъ зло вмѣсто добра. При такомъ положеніи человѣкъ не можетъ наконецъ не понять всего безсмыслія такой дѣятельности инстинкта, но до истины ему еще чрезвычайно далеко. Прежде всего это приводитъ къ отвлеченному мышленію. Человѣкъ начинаетъ чувствовать, что тутъ что-то не такъ, что предметъ, который онъ обожаетъ, вовсе не есть тотъ предметъ, ради котораго вложены въ него самоотверженныя чувства, но внезапно перейдти къ мысли, что предметъ этотъ есть весь міръ и что этотъ инстинктъ вложенъ въ него для того, чтобы онъ жилъ міровою жизнью для него совершенно невозможно; поэтому онъ сначала просто только начинаетъ понимать, что истинное его религіозное чувство должно быть обращено на что-то другое и это другое представляется ему чѣмъ-то отвлеченнымъ-фантастическимъ. Иногда ему во время этого настроенія начинаетъ казаться, что прежній предметъ его обожанія заслоняетъ ему путь, мѣшаетъ ему, не даетъ доступа къ истинному. Такъ древнѣйшіе обитатели Явы, которые обожали камни, представляли себѣ, что эти камни мѣшаютъ имъ, заслоняютъ имъ доступъ къ истинному божеству, они завѣса, которая отдѣляетъ ихъ отъ всего божественнаго. Наконецъ человѣкъ, собравшись съ духомъ, начинаетъ уже обожать божество, не предметъ, а божественное начало, которое онъ влагаетъ въ предметъ и священное животное дѣлается у него только символомъ. Вмѣсто дѣйствительнаго животнаго обожается его изображеніе, изъ животнаго дѣлается фантастическій образъ, является идолъ. Наконецъ человѣкъ начинаетъ приближаться къ понятію о творческой силѣ. Дагомейцы обожаютъ земную и небесную змѣю. Земная змѣя составляетъ первое лицо ихъ троицы, второе составляютъ деревья, третье океанъ. Змѣя эта источникъ добра, она всемогуща, безсмертна и всевѣдуща. Небесная змѣя— источникъ богатства. Наконецъ, и все таки еще въ дикомъ состояніи и на очень низкой ступени человѣкъ можетъ доходить до идеи о единомъ отвлеченномъ богѣ. Но въ тоже самое время потребность обожать по-

родила въ немъ уже безчисленное множество боговъ, ихъ приходится считать не единицами, а цѣлыми категоріями; одну категорію составляютъ герои, другую—свѣтилы небесныя, третью—животныя и растенія, четвертую—фантастическія существа. Сверхъ-естественная сила, которая приписывается этимъ предметамъ для того, чтобы ихъ сдѣлать достойными обожанія, порождаетъ фетишъ. Сначала приписывается сверхъ-естественная сила давно умершимъ героямъ, свѣтиламъ небеснымъ, животнымъ, а потомъ эта сила переносится на безчисленные другіе предметы, которымъ эта сила будто бы сообщена религіозными обрядами или колдовствомъ. Дикарь западной Африки приписываетъ такую силу освященному куску дерева или металла, рогу козы, подковѣ антилопы, а затѣмъ это вѣрованіе переходитъ на чудотворныя будто бы изображенія и человѣческія кости. Когда наконецъ тотъ же дикарь западной Африки дошелъ до идеи единаго бога, этотъ богъ представился ему чѣмъ-то очень далекимъ; онъ создалъ міръ и объ немъ болѣе не заботится, онъ обитаетъ гдѣ-то очень далеко, на дѣла міра онъ не имѣетъ никакого вліянія. Такая идея могла родиться у него потому, что прежде чѣмъ она у него явилась, потребность обожанія заставила его приписать сверхъ-естественныя силы безчисленнымъ другимъ предметамъ. Приписавъ имъ сверхъ-естественную силу, онъ сталъ приписывать имъ вліяніе на свою жизнь, а такъ какъ духовенство старалось его какъ можно болѣе пугать этими силами, то дурное ихъ вліяніе взяло у него перевѣсъ надъ хорошимъ. Когда наконецъ у него явилась идея высшаго бога, тогда онъ не могъ его представить себѣ ничѣмъ другимъ, какъ отдаленнымъ существомъ, не имѣющимъ для людей значенія и предоставившимъ міръ на жертву мелкимъ невидимымъ силамъ и духамъ, творящимъ преимущественно зло. Всякое другое представленіе заключало бы въ себѣ для него логическое противорѣчіе. И вотъ онъ сталъ отмаливаться отъ этихъ невидимыхъ силъ и поклоняться преимущественно злымъ духамъ. Такимъ образомъ это проявленіе инстинктовъ міровой жизни было изуродовано до крайняго безобразія и совершенно было неспособно исполнять своего назначенія. Казалось, что изъ этого хаоса могла спасти плѣнительность идеи высшаго существа и навести человѣка на мысль жить міровою жизнью. Не тутъ-то было.

Какъ скоро человѣкъ дошелъ до понятія о всемогущемъ богѣ, онъ началъ дѣлать изъ этого самое крайнее злоупотребленіе. Въ древнихъ Ведахъ почти всякій изъ множества боговъ признается всемогущимъ. Точно такое же крайнее злоупотребленіе дѣлается и изъ возрастающей наклонности человѣка приносить жертвы для міровой жизни. Индѣецъ не довольствуется тѣмъ, что онъ распространяетъ свое обожаніе на безчисленное множество животныхъ и не рѣшается убить волка, который ѣстъ его ребенка; онъ распространяетъ свое обожаніе и на неодушевленные предметы: онъ не рѣшается срубить пальму, которая грозитъ разрушить его домъ.

Вотъ тотъ странный путь, которымъ человѣкъ доходитъ до понятія о богѣ. Все это постепенное измѣненіе конечно не заставляетъ инстинктъ

міровой жизни отправлять свое назначеніе. Инстинктъ этотъ приводитъ человѣка къ такимъ же нелѣпымъ результатамъ, какъ и инстинктъ, заставляющій его угождать общественному мнѣнію. Дичи мало, охота неудачна,—онъ старается задобрить идола котораго считаетъ своимъ покровителемъ въ этомъ случаѣ, приноситъ ему жертву изъ своихъ запасовъ и тѣмъ ускоряетъ голодъ въ своемъ семействѣ. Всѣ проявленія тутъ сначала настолько же глупы, насколько и странны: въ немъ не проявляется желаніе быть полезнымъ для природы, но является какое-то странное желанія извлекать воображаемую пользу изъ тѣхъ жертвъ, къ которымъ его побуждаетъ инстинктъ. Мы видимъ предъ собою въ такой степени уродливое и безобразное психическое проявленіе, что дѣлается весьма понятнымъ, какимъ образомъ не было разгадано его настоящее значеніе. Проявленія этого чувства, гдѣ мы прямо видимъ желаніе плодить жизнь, въ природѣ совершенно ничтожны.

Мѣстами любовь къ природѣ побуждала человѣка приручать птицъ, изъ которыхъ онъ не умѣлъ еще дѣлать полезнаго для себя употребленія и такимъ образомъ, пріучала его обзаводиться домашними животными; но подобныя проявленія, конечно, никакъ не могутъ дать намъ никакого понятія о первобытной силѣ инстинкта. Однако же все это представляется намъ такимъ образомъ только при поверхностномъ взглядѣ на вещи. Вникая глубже, мы встрѣчаемъ въ первобытномъ человѣкѣ потребность видѣть передъ собою и ощущать самому восторги по отношенію къ великимъ силамъ природы. Восторгъ — это такое чувство, которое заставляетъ насъ ощущать самое сильное удовольствіе, удовольствіе, которое перевѣшиваетъ величайшія страданія, — онъ заставляетъ насъ поступать въ пользу того предмета, который является источникомъ восторга, совершенно забывая о себѣ. Мы нетолько безпрерывно встрѣчаемся съ жрецами, которыхъ спеціальное назначеніе посредствомъ восторговъ, передъ толпою зрителей, доводить себя до нервныхъ припадковъ, но мы видимъ племена, гдѣ всякій старается испытывать тоже самое ощущеніе и при первой возможности доводить себя до восторженныхъ состояній и припадковъ. Если первыя проявленія религіознаго чувства, въ которыхъ столько непосредственности и такое малое участіе сознанія доказываютъ намъ, что религіозное чувство предназначено для того, чтобы побуждать человѣка дѣйствовать въ пользу природы, то потребность ощущать восторгъ при появленіяхъ этого чувства, т. е. самое сильное изъ пріятныхъ ощущеній, къ которымъ способенъ человѣкъ, доказываетъ намъ, что при нормальномъ направленіи это чувство можетъ создать полную солидарность между счастьемъ каждаго отдѣльнаго человѣка и пользою всего, что окружаетъ его на землѣ. Если инстинктъ угожденія людямъ, явно назначенный для обезпеченія человѣческаго благоденствія, получилъ такое употребленіе, что онъ послужилъ къ совершенному искаженію человѣческихъ чувствъ и воззрѣній, то мудрено ли, что инстинктъ угожденія природѣ, такъ глубоко искаженный непониманіемъ его значенія, въ самомъ началѣ сдѣлался орудіемъ для порожденія самыхъ зловреднѣйшихъ уродствъ. Посредствомъ перваго инстинкта общество пор-

тило отдѣльныхъ людей и искажало ихъ природныя наклонности, второй инстинктъ сдѣлался орудіемъ въ рукахъ выдающихся личностей для изуродованія чувствъ въ массахъ. Наклонность оболванивать массы посредствомъ религіознаго инстинкта обнаруживается тотчасъ на самыхъ первыхъ ступеняхъ общественной жизни. Иногда эти обманы приводили отчасти къ хорошимъ цѣлямъ, напр. запрещеніе прикасаться къ плантаціямъ до періода зрѣлости; но очень скоро интеллигенція научилась приказывать массамъ и распоряжаться ими по своему усмотрѣнію подъ предлогомъ приказаній свыше. Тайныя убійства, которыя выдавались за таинственныя наказанія разгнѣваннаго божества, внушали суевѣрный страхъ и заставляли повиноваться каждому слову, произносимому въ видѣ приказанія свыше. Приказаніемъ свыше введена была идея о неприкосновенности начальника и постепенно слѣдовалъ рядъ идей, который долженъ былъ возвеличивать начальника во мнѣніи массъ. Начальникъ, который производилъ сначала впечатлѣніе обыкновеннаго человѣка и былъ до того мало способенъ распоряжаться своими подчиненными, что одинъ дикій царь не могъ принудить своихъ подданныхъ снять для европейцевъ два орѣха и вынужденъ былъ наконецъ самъ влѣзть для этого на дерево,—этотъ начальникъ представлялся наконецъ своимъ подданнымъ, если не такимъ же грознымъ явленіемъ, какъ огнедышащая гора, то явленіемъ болѣе страшнымъ, чѣмъ крокодилъ, змѣя и всякое другое изъ боговъ-животныхъ. Ему приписывали божеское происхожденіе, передъ нимъ падали ницъ, власть дѣлалась наслѣдственною и могла переходить къ ребенку. Самые могущественные вожди, обыкновенно нисколько не зараженные этимъ суевѣріемъ, изъ политическихъ разсчетовъ поддерживали подобные порядки, чтобы питать и распространять неукоренившійся еще предразсудокъ. Между такимъ начальникомъ и даже тѣмъ начальникомъ первой ступени развитія, который могъ все брать самъ, но не могъ приказывать сдѣлать это для себя, уже цѣлая пропасть. Степень успѣха тутъ была въ большой зависимости отъ склонности людей къ суевѣрію; случалось, что изъ двухъ обществъ, стоящихъ на одинаковой степени развитія, въ одномъ передъ начальниками падали ницъ и воздавали имъ божескія почести, а въ другомъ, обращали на нихъ очень мало вниманія, такъ что царь долженъ былъ на своей спинѣ носить европейца, отъ котораго желалъ получить ничтожный подарокъ. Божескія почести воздавались начальнику въ обществѣ самомъ малолюдномъ, едва состоящемъ изъ какой-нибудь сотни людей и не воздавались тамъ, гдѣ уже было нѣсколько сословій и цѣлая іерархія начальниковъ. Предразсудокъ укоренялся не вдругъ и власть, пріобрѣтенная такимъ образомъ, неоднократно утрачивалась среди смутъ и потоковъ крови; но подобное суевѣріе массъ представляло столько выгодъ для начальниковъ, что тѣ изъ нихъ, которымъ власть передавалась жребіемъ войны, постоянно старались поддерживать уже укореняющуюся вѣру и ради этого сами унижали себя, по видимому, съ полнымъ самоотверженіемъ.

Сначала мы видѣли только одну часть общества, которой интересы оставались въ полнѣйшемъ пренебреженіи и на которую смотрѣли съ

презрѣніемъ,—то были рабы. Теперь общество дѣлилось уже на нѣсколько сословій, вродѣ кастъ, переходившихъ по наслѣдству. Высшее сословіе внушило къ себѣ безпримѣрное уваженіе, обманывая народъ, и глупость, съ которой онъ поддавался обману, внушила къ нему презрѣніе. Для высшихъ сословій существовала только одна часть общества, о счастьи и объ интересахъ которой стоило заботиться, — это было высшее сословіе, которое все болѣе и болѣе замыкалось въ своемъ кругу. Инстинкты, созданные для того, чтобы человѣкъ употреблялъ весь излишекъ силъ своихъ на размноженіе жизни на землѣ, исказились окончательно. Для тѣхъ, которые всего болѣе имѣли возможность размножать жизнь, общество, внушавшее имъ желаніе угождать себѣ, ограничивалось небольшимъ высшимъ кругомъ, который кромѣ того вовсе не нуждался въ помощи, а нужды массы, которыя и могли именно подавать случай къ распложающей жизнь дѣятельности, нетолько пренебрегались и презирались, но сильныя тѣмъ болѣе удовлетворяли своему инстинкту, заставляющему человѣка заискивать въ общественномъ мнѣніи, чѣмъ болѣе они присвавали себѣ произведеній труда слабыхъ. Инстинктъ, который долженъ заставлять человѣка заботиться объ окружающей его природѣ, теперь также служилъ только къ тому, чтобы истощать эту природу и лишать слабаго плодовъ его труда. На начальникахъ сосредоточивалась, такъ сказать, вся нѣжность населенія, даже цвѣтъ кожи ихъ измѣнялся и дѣлался болѣе изящнымъ. Что же выходило изъ всего этаго?—Значительная часть произведеній страны — можетъ быть половина, а можетъ быть и болѣе — сосредоточивалась въ рукахъ начальниковъ. Если бы весь этотъ трудъ былъ употребленъ жителями для удовлетворенія насущныхъ своихъ нуждъ, то населеніе могло бы быть безъ сомнѣнія несравненно значительнѣе. Начальники жили въ совершенной праздности, окруженные вполнѣ излишнимъ для нихъ изобиліемъ; но были ли они отъ этого счастливѣе?—Начальникъ обиталъ попрежнему въ чемъ-то вродѣ сарая, устланнаго циновками, онъ, попрежнему, ходилъ полунагой. У него были огромные запасы всякаго рода продуктовъ, которые поѣдались мышами или уничтожались во время войны непріятелемъ. Для того, чтобы сдѣлать изъ всего этого богатства какое-нибудь употребленіе и въ тоже время развлекать скуку своей праздности, устраивались разныя религіозныя торжества и запасы эти отчасти истреблялись въ видѣ жертвоприношеній, а отчасти обратно раздавались народу при совершеніи разныхъ церемоній. Такимъ образомъ большая часть этого богатства возвращалась обратно туда, откуда она вышла; но какъ возвращалась? Если человѣкъ работаетъ на себя, то онъ обращаетъ свой трудъ на тѣ производства, которыя всего болѣе удовлетворяютъ его потребностямъ; тутъ же производство обусловливалось обычными данями, а не потребностями населенія. Когда запасы возвращались въ народъ, то выпадавшее изъ нихъ на долю каждаго обусловливалось опять-таки не потребностями, а обычными церемоніями и фантазіями вождей: человѣкъ, нуждавшійся въ пищѣ, получалъ кусокъ холста, не нуждавшійся ни въ чемъ, получалъ некстати много, а когда его семейство погибало отъ нужды, онъ не имѣлъ ни-

какого обезпеченія. Начальники проводили свое время въ совершенной праздности, облѣнивались, тучнѣли. Организмъ, требующій дѣятельности, не давалъ имъ покою, они наполняли жизнь скучнѣйшими церемоніями и праздниками; но, пока они окончательно не опускались, они напрасно искали удовлетворенія въ этихъ глупыхъ развлеченіяхъ. Они играли по цѣлымъ днямъ въ однообразныя и несложныя азартныя игры и были рады, когда изобрѣтался какой-нибудь опьяняющій напитокъ, который давалъ искусственную работу неугомоннымъ нервамъ, доводилъ ихъ до безчувственнаго состоянія и тѣмъ заставлялъ ихъ молчать и не требовать болѣе серьезной дѣятельности. Это неестественное и уродливое провожденіе времени все-таки не доставляло удовлетворенія дикарю-начальнику, также какъ и многоженство. Его нервы ослабѣвали, онъ дѣлался раздражительнымъ и наконецъ доходилъ до изысканной жестокости, которая характеризуетъ восточныхъ деспотовъ. Послѣдствія были тѣ же: захвативъ власть, дикарь въ самое короткое время доходилъ до такого звѣрства и до такой подозрительности, что поступки его начинали носить на себѣ явные признаки разстроеннаго разсудка; но онъ свирѣпствовалъ недолго и падалъ подъ ударами тайнаго убійцы. Всюду возникали бунты и всеобщая неурядица возбуждала наконецъ къ дѣятельности упадающія силы вождей, но истребляла населеніе, плоды человѣческихъ трудовъ и дѣлала прогрессъ или крайне медленнымъ и болѣзненнымъ, или вовсе невозможнымъ. Вотъ картина этой борьбы за существованіе, которая, по мнѣнію неправильно понимающихъ ученіе Дарвина, должна водворить на землѣ господство самыхъ совершенныхъ человѣческихъ расъ; она имѣетъ вѣчно одинъ и тотъ же результатъ—она истребляетъ слабыхъ, ослабляетъ сильныхъ и мѣшаетъ человѣку выполнять свое назначеніе на землѣ. Но, можетъ быть, мнѣ скажутъ, что я узко понимаю слово борьба, что борьба эта должна заключаться въ усиліяхъ человѣка давать своимъ способностямъ наибольшее развитіе въ полезной дѣятельности, облегчающей жизнь болѣе слабымъ; но развѣ эта дѣятельность можетъ быть названа борьбою, развѣ такова борьба за существованіе, которая ведется между породами животныхъ? Животныя не плодятъ растеній, а пользуются совершенствомъ своихъ органовъ, чтобы истреблять другъ друга и воспользоваться тѣмъ, что выросло безъ ихъ участія. Необитаемые острова, на которыхъ, вмѣсто людей, остались только ихъ каменныя сооруженія и кремневыя и костяныя орудія — вотъ плоды этой борьбы. Способныя племена сдѣлались истребителями рода человѣческаго. Постоянной борьбою они были доведены до такого звѣрства, что съ восторженнымъ остервенѣніемъ срубали плодовые деревья, уничтожали плантаціи, сжигали деревни и избивали до послѣдняго, найденныхъ въ нихъ женщинъ, дѣтей и стариковъ; наконецъ, набросавъ въ кучу сотни труповъ, разводили огни, разрѣзали убитыхъ на части и среди ночи, на обгорѣлыхъ развалинахъ, съ дикими криками и изступленными церемоніями, учреждали канибальскій пиръ, съѣдали мясо непріятелей и мозгъ изъ ихъ костей. Вотъ къ чему приводитъ эта борьба.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Почему дикари владѣютъ до сихъ поръ третьею частью земнаго шара.

Человѣчество существуетъ уже болѣе сотни тысячъ лѣтъ; не смотря на это до сихъ поръ болѣе трети земной поверхности исключительно населено дикими племенами, которыхъ ненормальныя чувства и міровоззрѣнія только что были описаны. Если поверхность всей суши считать равною 2.380,000 кв. мил., то въ исключительномъ обладаніи дикихъ будетъ 855,000 кв. мил. На огромномъ пространствѣ въ 155,000 кв м., населенномъ дикими въ Тихомъ-Океанѣ, ихъ считается приблизительно одинъ мильонъ; между тѣмъ какъ одна Новая Зеландія, которая составляетъ менѣе пятидесятой доли всего этого пространства, могла бы содержать до тридцати мильоновъ людей. Причина дикаго состоянія, сохранившагося на такомъ отромномъ пространствѣ послѣ того, какъ человѣкъ обитаетъ землю уже втеченіе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ лѣтъ, заключается вовсе не въ ограниченности способностей этихъ людей, а исключительно въ ложномъ взглядѣ ихъ на человѣческое назначеніе, вслѣдствіе котораго человѣкъ возвеличивался въ ихъ глазахъ именно тѣмъ, что должно было бы его унижать. Конечно, между дикарями есть и такіе, которые показываютъ способности столь ограниченные, что ихъ жалкое состояніе можетъ быть приписано именно этому недостатку способностей; но такіе дикари исключеніе, по большей части въ нихъ видно скорѣе отсутствіе привычки къ умственнымъ напряженіямъ, чѣмъ неспособность къ нимъ. Ихъ смышленость и способность пониманія вовсе нениже той, которую мы замѣчаемъ въ необразованной части европейскаго населенія и точно также, какъ это населеніе, они были способны при случаѣ показывать болѣе смѣтливости, чѣмъ люди образованные. Свирѣпые и наиболѣе презираемые людоѣды съ острововъ Фиджи, принадлежащіе къ черному племени, т. е. къ тому, которое считается самымъ неспособнымъ, дали европейцамъ въ этомъ отношеніи убѣдительный урокъ. Когда европейцы однажды вздумали овладѣть однимъ изъ ихъ острововъ, то они не только не испугались превосходства европейскаго оружія, но очень ловко воспользовались ихъ стратегическими ошибками и недостаткомъ сообразительности, перебили и съѣли ихъ. Ученые доказываютъ недостатокъ способностей дикихъ ихъ организацій, устройствомъ черепа и мозга. Авторитетъ этихъ доказательствъ производитъ сильное впечатлѣніе на читателей, но стоитъ только присмотрѣться къ этой аргументаціи, чтобы не питать къ ней ни малѣйшаго довѣрія, потому что тотчасъ окажется, что племенное тщеславіе играетъ тутъ несравненно большую роль, чѣмъ здравый смыслъ. Не показано ни малѣйшей раціональной связи между формою черепа, вѣсомъ, объемомъ и устройствомъ мозга и силою или слабостью способностей, напротивъ доказано отсутствіе этой связи, потому что маленькіе головы принадлежали не рѣдко очень умнымъ людямъ и всякій видалъ множество дураковъ

съ огромными головами; у умалишенныхъ утратившихъ окончательно всѣ свои способности мозгъ не измѣнялъ ни своего объема ни внутренняго устройства. Конечно при извѣстномъ искусственномъ подборѣ можно найти, что-то похожее на связь, но развѣ это раціональная аргументація. Можно также привести нѣсколько фактовъ, какъ будто бы указывающихъ на связь между черепомъ, устройствомъ мозга и способностями, напримѣръ, разнообразіе череповъ у цивилизованныхъ націй, совпадающее съ разнообразіемъ физіономій и единообразіе того и другого у дикарей (1), но также раціонально было бы ставить способности въ зависимость отъ одежды, потому что одежда у образованныхъ людей разнообразна, а у дикарей одна и таже; можно также ставить ихъ въ зависимость отъ формы ногъ и т. д. Пока не будетъ доказано, что извѣстная способность непремѣнно придаетъ мозгу и черепу извѣстную форму, что форма эта соотвѣтствуетъ ея размѣрамъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ нею, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о научной аргументаціи. Нѣмецкій ученый сравниваетъ черепъ современнаго германца съ черепомъ дикаря изъ Африки или съ острововъ Тихаго океана и безъ дальнѣйшихъ околичностей признаетъ особенности германскаго черепа за отличительные черты, способности и гуманности, а особенности черепа дикаго за признаки звѣрства и низкихъ способностей. Онъ не имѣетъ даже ни малѣйшей возможности узнать, какими способностями обладали личности, которымъ принадлежали черепа. Онъ забываетъ, что онъ того же самого германца, принадлежавшаго къ массѣ рабочаго народа и черепу котораго онъ приписываетъ теперь такія большія способности, презиралъ, какъ крубаго глупца, неспособнаго понимать его возвышенную цивилизацію. Онъ приписываетъ негру и австралійцу слабыя способности, потому что тотъ погрязаетъ въ дикомъ состояніи и забываетъ, что германецъ, поставленный въ такія же обстоятельства, теряетъ свою цивилизацію и обращается въ дикаря. Онъ забываетъ, что черепа древнихъ европейцевъ отличались тѣми же признаками, какъ и черепа современные, между тѣмъ эти европейцы были дикари и людоѣды. Они оставались дикарями втеченіе тысячелѣтій пока не цивилизовались чрезъ соприкосновеніе съ другими народами. Дикарь германецъ представляется безпристрастному взору такимъ же дикаремъ, какъ негръ и какъ житель Тихаго-океана и, еслибы римская имперія была разгромлена неграми или смуглыми полинезійцами, то послѣдствія были бы по всей вѣроятности тѣже, какъ и теперь, и смуглый полинезіецъ считалъ бы, подобно нѣмецкому ученому, признаки черепа германца признаками низшей расы. Онъ бы съ гордостью указывалъ на то, что его предокъ дикарь дѣлалъ большіе успѣхи въ разведеніи плантацій, между тѣмъ какъ древній европѣецъ втеченіе десятковъ тысячъ лѣтъ оставался охотникомъ и только очень поздно перешелъ къ земледѣлію. Впрочемъ тутъ нечего прибѣгать къ предположеніямъ, нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ египтяне считали одну свою африканскую расу людьми, имѣю-

(1) Фактъ этотъ впрочемъ теперь основательно опровергается.

щими всѣ высшія человѣческія способности, а европѣйцевъ изображали бѣлыми, татуированными, одѣтыми въ звѣриныя шкуры и очевидно все это считали признаками низшей расы, звѣроподобія и ограниченныхъ способностей. Европѣйскіе ученые, послѣ нѣсколькихъ десятковъ вѣковъ, показываютъ не болѣе здраваго смысла, чѣмъ ихъ праотцы по наукѣ — египтяне. Я удивляюсь, какъ они не устыдятся своего варварства. Мы не имѣемъ никакого научнаго основанія для того, чтобы признавать за одной расой меньшую способность къ развитію, чѣмъ за другой.

Арабы до сихъ поръ живутъ дикарями въ пустыняхъ Африки и Азіи, однакоже они еще скорѣе германцевъ усвоили себѣ римскую цивилизацію. Если принять въ соображеніе, какъ быстро дикари Полинезіи приспособились къ европѣйскому оружію, то не будетъ имѣть никакого основанія сомнѣваться, что имъ удалось бы разгромить Римъ, еслибы они были на мѣстѣ германцевъ. Если принять въ соображеніе, какими древніе германцы представляются ихъ ученымъ потомкамъ чрезъ очки національнаго нѣмецкаго тщеславія, если сравнить циническіе отзывы европѣйскихъ образованныхъ людей о глупости и неспособности европѣйскаго же рабочаго народа и отзывы путешественниковъ о неспособности дикихъ,—то не трудно убѣдиться, что всѣ эти отзывы заслуживаютъ очень малаго довѣрія.

Это бинокль, чрезъ который описываемые люди представляются или слишкомъ большими или слишкомъ малыми, но чрезъ который невозможно увидать ихъ настоящихъ размѣровъ; поддѣлку замѣчаемъ только тогда, когда видимъ, какъ дикіе въ сношеніяхъ съ цивилизованными европѣйцами неоднократно обнаруживали болѣе и смѣтливости, и проницательности, чѣмъ образованные начальники кораблей, и ловко успѣвали ихъ обворожить и оболванить. Если дикіе уничтожаются отъ соприкосновенія ихъ съ европѣйцами, то это опять таки не есть признакъ ихъ неспособности, а это доказательство того, что человѣкъ, внезапно перенесенный въ чуждую ему среду, вырождается и гибнетъ. Представьте себѣ, что пиратами захвачено нѣсколько сотъ образованныхъ европѣйскихъ женщинъ и распродано въ рабство по гаремамъ восточныхъ вельможъ. Ихъ матерьяльное положеніе, можетъ быть, и весьма улучшится, имъ, можетъ быть, будутъ завидовать и въ той средѣ, въ которой они будутъ жить, ихъ состояніе будетъ считаться идеаломъ благополучія, но онѣ все таки погибнутъ отъ чувства униженія, непонятнаго для ихъ обладателей. Такъ погибаютъ дикари тамъ, гдѣ европѣйцы не могутъ разъяснить себѣ причины. Между дикарями, которыхъ населеніе уменьшается, мнѣ самому случалось наблюдать это скрытое чувство заѣдающаго ихъ униженія. Дикарь погибаетъ такъ же, какъ образованный человѣкъ погибаетъ въ каторгѣ, какъ вырождается раса крестьянина, разбогатѣвшаго подрядами. Мнѣ не разъ случалось наблюдать слабыхъ и поглупѣвшихъ дѣтей купцовъ отъ замѣчательно здоровыхъ и умныхъ родителей, я замѣчалъ такое потомство даже и тамъ, гдѣ родителей нельзя было упрекнуть ни въ какихъ порокахъ, и для меня ясны становились показанія статистики о большой смертности купеческихъ дѣтей. Пите-

ресно, что даже фактъ замѣчательнаго безплодія повторяется въ купеческихъ семействахъ, внезапно перешедшихъ отъ одного образа жизни къ другому. Дикарь, перенесенный изъ кочевой юрты въ нашу тюрьму, умираетъ отъ духоты, между тѣмъ по нашимъ понятіямъ онъ въ тюрьмѣ такъ огражденъ отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній, что она должна ему показаться раемъ въ сравненіи съ его юртой. Такое же вліяніе имѣетъ на него и переходъ въ нашу цивилизованную атмосферу; переходъ этотъ для него несравненно болѣе рѣзкій, чѣмъ переходъ крестьянина въ купечество.

Европейцы постоянно мѣряютъ способности дикарей на свой аршинъ, и потому могутъ приводить факты, которые съ нашей точки зрѣнія обличаютъ крайную неспособность, но данакилецъ (1) былъ бы настолько же правъ, еслибы онъ нашего философа призналъ крайне неспособнымъ человѣкомъ потому, что онъ не можетъ ясно различать предметы даже на разстояніи нѣсколькихъ сажень и что онъ безпомощно умретъ отъ голода и жажды въ песчаной степи, въ которой онъ, данакилецъ, успѣшно содержитъ нетолько себя, но и все свое семейство.

Если данакилецъ могъ развить необходимое ему зрѣніе до изумляющихъ насъ размѣровъ, то никакимъ образомъ нельзя говорить объ его неспособности.

Путешественники постоянно встрѣчаютъ у дикихъ изумляющее ихъ развитіе различныхъ силъ и способностей Австраліанка самой низшей расы такъ развиваетъ свои легкія, что она ныряетъ въ водѣ, какъ водолазъ, можетъ собирать на днѣ морскомъ изобильную пищу и прокормить себя и мужа, и дѣтей тамъ, гдѣ цивилизованный европеецъ, поставленный въ ея положеніе, умеръ бы съ голода, *не смотря на то, что онъ способенъ* дѣлать цѣлыя математическія выкладки, а она не можетъ считать до десяти.

Бедуинъ въ Африкѣ, Аравіи и Сиріи до такой степени наблюдателенъ, что онъ слѣдъ своего верблюда можетъ отличить отъ тысячи верблюжьихъ слѣдовъ, встрѣчающихся въ песчаной пустынѣ. Онъ знаетъ физіономію слѣда верблюда и человѣка такъ же хорошо, какъ мы распознаемъ лицо; по слѣдамъ онъ узнаетъ племя, которое прошло, и время, когда оно прошло. Наблюдая за слѣдомъ, онъ опредѣляетъ степень усталости того, кѣмъ сдѣланъ былъ слѣдъ, и рѣшаетъ будетъ ли онъ имѣть возможность его нагнать.

Эскимосъ смѣло плаваетъ въ маленькой лодочкѣ по Ледовитому Океану среди стодневной ночи и на ледяныхъ глыбахъ борется съ морскими чудовищами, руководимый однимъ невѣрнымъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія.

Побѣдивъ чудовище, онъ привозитъ домой обильную пищу для своего семейства, въ то время какъ европейскій корабль съ высоко образованнымъ и способнымъ капитаномъ не смѣетъ двинуться съ мѣста, не знаетъ, какъ спасти свой экипажъ отъ цынги и гибельнаго бездѣлья, и терпитъ горькую нужду. Мы видимъ, что дикарь можетъ развивать свои способ-

(1) Африканское племя данкали близъ Бабъ-ель-мандеба.

ности до размѣровъ, возбуждающихъ удивленіе, пріобрѣтать рѣдкое искусство и наблюдательность каждый разъ, когда онъ на это обращаетъ вниманіе. Изъ этого мы прямо можемъ выводить заключеніе, что его способностей достаточно для обезпеченія постоянно увеличивающагося населенія и для постепеннаго выхода изъ дикаго состоянія. Если же мы видимъ, что земля которую, онъ обитаетъ втечсніе тысячелѣтій остается столь же пустынною, а онъ самъ нисколько неразвивается, то мы прямо должны приписать это тому, что онъ развитію не придаетъ никакого значенія, не понимаетъ цѣли человѣческаго существованія, цѣнитъ высоко и поощряетъ въ людяхъ такія наклонности, которыя или приводятъ къ систематическому истребленію населенія или, по крайней мѣрѣ, не даютъ ему размножаться. Жизнь человѣка имѣетъ въ его глазахъ самое малое значеніе. Что при этомъ нѣтъ недостатка въ способностяхъ, видно изъ того, что рабы изъ негровъ вырабатываютъ изъ себя такихъ же ловкихъ работниковъ, какъ и европѣйцы, какъ скоро унихъ существуетъ для этаго стимулъ, и вырабатываютъ, не смотря на неблагопріятныя условія рабства. Великіе путешественники оказывались иногда такими легкомысленными наблюдателями, что они нѣкоторые племена негровъ, по способностямъ, приравнивали къ обезьянамъ. Рабовладѣльцы въ этомъ случаѣ оказывались гораздо проницательнѣе ихъ; купецъ сдѣлалъ бы плохой разсчетъ, если бы онъ для невольничьяго рынка на равнѣ съ неграми покупалъ обезьянъ; опытъ показываетъ, что эти приравненные къ обезьянамъ негры вскорѣ дѣлались способнѣе къ труду, чѣмъ ихъ владѣльцы, гордившіеся своимъ происхожденіемъ. При сношеніяхъ европѣйцевъ съ дикими также ясно обнаружилось, почему они такъ долго не выходили изъ дикаго состоянія. Европѣйцы не могли конечно дать дикимъ понятія о цѣли человѣческаго существованія по той простой причинѣ, что они сами ее никогда не понимали. Дикіе встрѣтились тутъ съ міровоззрѣніемъ, совершенно похожимъ на ихъ собственное. Они не встрѣтили тутъ людей съ убѣжденіемъ, что назначеніе сильнаго употреблять избытокъ своихъ силъ на то, чтобы плодить жизнь на землѣ и помогать слабому; сильный тутъ возвеличивался тѣмъ же, чѣмъ и у нихъ, онъ порабощалъ слабаго своей силой и тогда онъ былъ великій воинъ и герой, пользуясь выгоднымъ положеніемъ, которое дозволяло ему захватывать много вещей; онъ заставлялъ массы людей работать для удовлетворенія своихъ прихотей и искусственныхъ потребностей и возвеличивался за богатство. Дикарь видѣлъ тутъ свои же чувства и свое же міровоззрѣніе, но въ гигантскихъ размѣрахъ. Это возбуждало его съ усиленной энергіей идти прежнимъ своимъ путемъ. Страстно завистливыми глазами смотрѣлъ дикарь на усовершенствованное европѣйское оружіе, на великолѣпіе, которое окружало богатыхъ и знатныхъ и возвышало ихъ въ глазахъ толпы. Дикарями, которые прежде только воевали въ случаѣ ссоры, тотчасъ послѣ появленія европѣйцевъ овладѣвала страсть къ завоеваніямъ. Иногда европѣйцамъ стоило высадиться на берегъ, чтобы починить свое судно для того, чтобы бросить сѣмя нескончаемыхъ войнъ и возбудить въ предводителяхъ племенъ самыя несбыточныя надежды.

Подобно зарисковавшимъ игрокамъ, они все отдавали для пріобрѣтенія оружія и потомъ погибали столько же отъ истребительной междоусобной брани, сколько и отъ нужды, въ которую они впадали послѣ того, какъ они промѣняли на порохъ припасы, служившіе имъ необходимымъ обезпеченіемъ. Въ Африкѣ страсть къ величію, которое пріобрѣтается завоеваніями и блескомъ европейскихъ предметовъ роскоши, деморализировала всѣхъ туземныхъ владѣльцевъ и развила между ними безчеловѣчную торговлю невольниками и вѣчныя войны. Нравы дикарей дѣлались со дня на день суровѣе, населеніе между ними уменьшалось, прежнее поразительное иногда изобиліе въ средствахъ существованія замѣнялось скудностью, и европейская цивилизація плодила среди дикарей не благосостояніе, а нищету. Если ложное воззрѣніе на величіе человѣка, разгоравшееся до горячечной страсти при появленіи европейцевъ, доводило дикарей до уменьшенія населенія, окончательнаго истребленія нѣкоторыхъ племенъ и крайней нищеты, то понятно, какимъ образомъ это же самое воззрѣніе, въ хроническомъ своемъ состояніи, мѣшало дикарямъ размножаться и держало ихъ въ условіяхъ дикой жизни. Въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ дикари наименѣе развитые, часто встрѣчаются въ гораздо большемъ числѣ животныя, все таки стоящія несравненно ниже ихъ по способностямъ и которыя по этому имѣютъ гораздо менѣе средствъ поддерживать свою жизнь и размножаться, напр. обезьяны. Ясно, что причина малочисленности дикарей и рѣдкаго населенія тутъ лежитъ не въ ограниченности ихъ способностей для обезпеченія своего существованія и размноженія, а въ томъ нравственномъ настроеніи, которое нетолько мѣшаетъ имъ заботиться о размноженіи въ своей средѣ жизни, но заставляетъ ихъ истреблять другъ друга. Между дикарями, стоящими на второй степени развитія, многіе способны были производить несравненно болѣе, чѣмъ они потребляли; они нетолько умѣли производить въ большомъ излишествѣ и отлично приготовлять пищу, но они также были искусны въ приготовленіи тканей и построекъ изъ дерева. Но всѣ эти свои способности они употребляли такъ, что населеніе и благосостояніе жителей нисколько не увеличивались. Они жили въ такихъ жилищахъ, отъ которыхъ нетолько дѣти умирали во множествѣ, но повѣтрія свирѣпствовали постоянно и повальными болѣзнями уносилась иногда разомъ треть населенія и болѣе. Рядомъ съ этими карточными домиками ихъ укрѣпленія представляли монументальныя постройки и воздвигались въ такомъ большомъ числѣ, что они не были въ состояніи ихъ защищать удовлетворительнымъ образомъ, и эта роскошь во время войны могла служить имъ во вредъ, а не въ пользу. Плотность и тщательная отдѣлка ихъ роскошно разукрашенныхъ рѣзьбою, полированнымъ драгоцѣннымъ деревомъ и разноцвѣтными раковинами лодокъ, были въ рѣзкомъ контрастѣ съ убогостью жилищъ и свидѣтельствовали о той страсти возвеличиваться войною, которая вмѣстѣ съ жертвами повѣтрій и повальныхъ болѣзней вполнѣ объясняла неподвижность населенія. На островахъ Фиджи существовала даже монетная система; не смотря на это проявленіе интеллектуальныхъ способностей страсть возвеличиваться воинскими подвигами до того ожесточила нравъ

жителей, что островамъ можно было предсказать окончательное истребленіе ихъ населенія, если счастливая случайность не излечитъ жителей отъ этой аномаліи.

Мы ощущаемъ существенную потребность въ объясненіи связи между физіологическими отправленіями человѣческаго организма и развитіемъ его силъ. Если человѣкъ посредствомъ упражненія даетъ втеченіе поколѣній замѣчательное развитіе своему зрѣнію, своимъ легкимъ, своей кожѣ при перенесеніи холода или жара, если онъ переноситъ эту силу на другой органъ, переставая упражнять прежній и постоянно упражняя послѣдній, если мы видимъ, что у всѣхъ расъ существуютъ всѣ человѣческія способности и инстинкты и что разница въ сихъ зависитъ только отъ случая, который имъ представлялся при ихъ упражненіи, — то мы заключаемъ, что всѣ люди способны къ развитію и что дикое состояніе, продолжающееся втеченіе десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ тысячъ лѣтъ, никакъ не можетъ быть объясняемо отсутствіемъ способности къ развитію. Но, выводя такое заключеніе изъ опыта, мы не будемъ въ состояніи объяснить его устройствомъ человѣческаго организма и показать его законъ до тѣхъ поръ, пока это не будетъ сдѣлано физіологіею.—Для того, чтобы обогатить такимъ образомъ науку, естествоиспытатели должны однакоже производить изслѣдованія, а не питать предразсудки, задаваясь предвзятыми идеями и прислуживая бичамъ человѣческаго рода (1). Естественникъ возьметъ себѣ въ голову, что способности тѣмъ ограниченнѣе, чѣмъ незначительнѣе внутренняя полость черепа, чѣмъ меньше мозгъ и чѣмъ менѣе въ немъ складокъ, и начинаетъ подбирать данныя, которыя оправдываютъ это положеніе. Когда обезьяны идутъ стадомъ, тогда взрослые самцы представляютъ и матерьяльную, и интеллектуальную силу общества, они даютъ направленіе, учатъ молодыхъ обезьянъ и водворяютъ между ними порядокъ, а во время опасности они выходятъ впередъ. Ясно, что они обнаруживаютъ и болѣе ума, и болѣе мужества. Но черепъ молодой обезьяны болѣе черепа старой, и вотъ являются наблюденія ученыхъ, которые доказываютъ, что молодыя обезьяны понятливѣе старыхъ, а старыя и глупы, и свирѣпы. Но наблюденія эти, къ несчастію, слишкомъ похожи на наблюденія миссіонеровъ, въ глазахъ которыхъ самыми умными были дикари, внимательно слушавшіе ихъ поученія, а посторонимъ наблюдателямъ болѣе умными казались дикари-раціоналисты, которые смѣялись надъ ихъ долговязыми и бездарными рѣчами. Молодая обезьяна, по характеру своему, склонна покоряться чужой волѣ, и ученому наблюдателю кажется, что она умна; старая защищаетъ свое право свободно распоряжаться собою, и ученый начинаетъ ее считать глупой и свирѣпой. У еврея сростается черепъ, у европейца нѣтъ, и тотчасъ является на помощь услужливое наблюденіе, которое доказываетъ, что у еврея умственное развитіе прекращается въ ранней молодости. Къ сча-

(1) Я полагаю, что въ этихъ словахъ я достаточно сказалъ, чтобы показать, что я нападаю не на раціональные, а на лишенные раціональности пріемы естествоиспытателей, не на тѣ ихъ заключенія, которыя вытекаютъ изъ фактовъ, а на тѣ, которыя идутъ далѣе или мимо фактовъ, и въ особенности на тѣ, гдѣ предразсудокъ и глупыя антипатіи и симпатіи искажаютъ правильное сужденіе.

стію для меня, я, живя среди евреевъ, собственнымъ опытомъ убѣдился, что старый еврей гораздо способнѣе понимать новое для него міровоззрѣніе, чѣмъ старый европеецъ. У насъ всякій можетъ въ этомъ убѣдиться, наблюдая евреевъ, которые въ Сибири вышли въ люди изъ кантонистовъ или крестьянъ самыхъ одичалыхъ селеній. Сталкиваясь съ образованнымъ обществомъ въ очень зрѣлыхъ лѣтахъ, они однакоже легко усваиваютъ его міровоззрѣніе; между ними нѣтъ тѣхъ дикихъ чудаковъ, которые встрѣчаются между европейцами, разбогатѣвшими при одинаковыхъ обстоятельствахъ, и они никогда не обличаютъ такой возмутительно дикой тупости. Евреи въ Сибири послѣ поляковъ самая прогрессивная часть населенія. Время постоянно опровергаетъ варварскія ученія о неспособности людей къ развитію тамъ, гдѣ наблюденія присоединяются къ изслѣдованіямъ естествоиспытателей для того, чтобы вводить людей въ заблужденіе. Когда-то доказывали, что рабы составляютъ особенную породу, неспособную къ свободѣ и счастливую только въ рабствѣ; теперь никто не посмѣетъ явиться въ свѣтъ съ такимъ ученіемъ. Затѣмъ стали доказывать неспособность массъ къ интеллектуальному развитію и необходимость опеки надъ ними со стороны высшихъ сословій и указывали на то, что высшія сословія отличаются большой головой, а низшія большими руками. Демократическое управленіе въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Швейцаріи доказало, что малоголовыя массы могутъ при случаѣ установлять лучшіе порядки, чѣмъ большеголовая часть населенія. Плантаторы рука объ руку съ новѣйшими натуралистами, по устройству ногъ, черепа и мозга, доказывали, что негръ скорѣе животное, чѣмъ человѣкъ, и всего ближе къ обезьянѣ и что рабство для нихъ, какъ для всякаго другаго животнаго, естественное состояніе. Опытъ показалъ, что негры способны занимать видныя мѣста въ Америкѣ, въ странѣ, гдѣ отъ чиновника требуется болѣе работы, болѣе проницательности и такта, чѣмъ въ какомъ либо другомъ государствѣ земнаго шара. Негры еще не вылупились изъ яйца, еще невполнѣ сбросили съ себя скорлупу рабства и уже вполнѣ доказали, что они опровергнутъ всѣ возводимыя на нихъ клеветы точно также, какъ ихъ опровергнули средневѣковые крѣпостные и зависимые люди. Въ западной Африкѣ на глазахъ европейцевъ племя Веи изобрѣло для себя алфавитъ. Его письменные знаки были совершенно новы, изобрѣтеніе закончено было втеченіе двадцати лѣтъ. Тамъ же племя Кру отличается поразительной уродливостью своей головы, узкимъ и острымъ черепомъ; однакоже опытъ доказалъ, что они на столько же способны къ развитію, какъ и люди всякой другой, болѣе совершенной расы Все это не успѣло убѣдить въ нелѣпости подобнаго рода аргументацій; теперь доказываютъ необходимость опеки надъ женщиною тѣмъ, что ея организмъ ближе къ организму ребенка, чѣмъ взрослаго человѣка, и всегда ближе къ обезьянѣ, чѣмъ организмъ мужчины. Судьба этого ученія будетъ конечно такая же, какъ и судьба его предшественниковъ. Въ Америкѣ, гдѣ теперь смѣшанныя училища, въ которыхъ на одной скамьѣ учатся мужчины и женщины, опытъ доказалъ уже самымъ неопровержимымъ образомъ, что женщина настолько же способна къ

наукамъ, какъ и мужчина. Тотъ же опытъ и столь же неопровержимо доказалъ примѣромъ трехъ сотъ тысячъ негровъ, обучающихся въ школахъ Соединенныхъ Штатовъ,что раса негровъ, по способностямъ своимъ, нисколько не уступаетъ самому способному изъ бѣлыхъ племенъ.— Скоро ли мы отучимся отъ нашихъ замашекъ жалкаго и смѣшнаго самохвальства?—Легко убѣдиться, что между физіологическими .отправленіями организма и способностями существуетъ тѣсная связь; то, что происходитъ съ человѣкомъ во время болѣзни, можетъ убѣдить въ этомъ самаго невѣрующаго. Но точно также не подлежитъ сомнѣнію, что наука не доказала до сихъ поръ никакой пропорціональности между формой, вѣсомъ и объемомъ черепа и размѣрами способностей. Громадныя свѣдѣнія, помѣщавшіяся въ памяти Бокля, сколько извѣстно, не потребовали бо́льшаго пространства, чѣмъ занимаетъ память какого-нибудь безграмотнаго поденщика. Наблюденія надъ животными нисколько меня не опровергаютъ. Они указываютъ только на существованіе связи между матерьяльнымъ веществомъ мозга и совершенствомъ организаціи; но организмъ, уже сдѣлавшійся человѣкомъ, можетъ наполнить себя громаднымъ количествомъ свѣдѣній, развить свое сужденіе до высшей степенн геніальности и свое нравственное чувство до высшей степени утопченности, и объемъ его мозга или вовсе не увеличится, или увеличится такъ мало, что онъ не будетъ имѣть никакого рѣшительнаго превосходства надъ другими особями его расы. Вслѣдствіе этого разсмотрѣніе матерьяльнаго вещества мозга необразованнаго человѣка или дикаря не можетъ дать научнаго основанія для заключенія, способенъ или неспособенъ онъ сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ.

Негры доказали свою способность къ цивилизаціи и убѣдили міръ, что заключенія на ихъ счетъ были также ошибочны, какъ и на счетъ такой же неспособности европейскихъ рабовъ. Мѣстные жители Америки расплодили тамъ населеніе въ сто двадцать милліоновъ; европейцы, которые хвалятся превосходной цивилизаціей и въ особенности американскій материкъ считаютъ обѣтованной землею своей расы и разсадникомъ лучшихъ соковъ ихъ жизни—эти европейцы нетолько не продолжали дѣла, которое начато было до открытія Америки, но поступали такими варварами, что до сихъ поръ въ Америкѣ считается всего семьдесятъ пять милліоновъ населенія, т. е. почти вдвое менѣе, и это не смотря на громадный приплывъ населенія изъ Европы. Малайцы доказали на мысѣ Доброй Надежды свою способность работать и обогащаться въ цивилизованномъ обществѣ. Если, по недостатку убѣдительныхъ доказательствъ въ способности какихъ-нибудь дикихъ племенъ размножаться и въ обществахъ съ густымъ населеніемъ, мы примемъ отсутствіе этой способности за фактъ, то рядомъ съ ними или вблизи непремѣнно окажутся племена, у которыхъ способность эта доказана несомнѣнными фактами. Индѣйцы, Китайцы, Японцы, Явайцы были бы способны заселить земли Тихаго океана, Египтяне—Африку. Если бы къ поселеніямъ этихъ племенъ присовокупить избытокъ дикихъ, который погибаетъ теперь отъ родовой мести и племенныхъ войнъ, если прибавить размноженіе населенія, которое сдѣ-

лалось бы возможнымъ, когда дикія племена стали бы сосредоточивать свой трудъ и свои способности не на искусствѣ войны, а на размноженіи средствъ для пропитанія населенія и для огражденія его отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній, то нетрудно убѣдиться, что при такихъ условіяхъ вовсе не существовало бы мѣстностей съ тѣмъ рѣдкимъ населеніемъ, которое встрѣчается у дикихъ Изъ этого прямо выходитъ заключеніе, что огромныя пустынныя пространства, заселенныя теперь дикими, находятся въ такомъ положеніи исключительно вслѣдствіе извращенныхъ понятій людей, при которыхъ человѣкъ возвеличивается поступками, которые должны были бы покрывать его позоромъ, и унижается тѣмъ, что должно было бы его возвеличить. Дикій начальникъ, который проповѣдуетъ миръ, презирается за трусость и малодушіе; старшина, который вздумалъ бы раздать свое имущество и самъ работать на пользу слабыхъ, нетолько не возвысился бы чрезъ это, но заслужилъ бы такое же презрѣніе, какъ самый послѣдній бѣдняга. Между тѣмъ такое воззрѣніе способно мѣшать людямъ выходить изъ дикаго состоянія втеченіе десятковъ и сотенъ тысячъ лѣтъ. Племена, способныя къ цивилизаціи, не достигаютъ ее, племена неспособныя нетолько не ожидаютъ для себя увеличенія счастія отъ соприкосновенія со способными, но даже справедливо опасаются окончательной погибели—и выходитъ положеніе, при которомъ невозможно размноженіе и счастье ни для способныхъ, ни для неспособныхъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ГОСУДАРСТВА ЗАСТОЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Государства застоя.—Сходство между ихъ населеніемъ и дикарями.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Рядъ цивилизацій.

На великихъ материкахъ восточномъ и западномъ мы видимъ слѣдующій, постоянно повторяющійся, фактъ. Составляется конфедерація родовъ, которые ведутъ сначала полукочевую, а потомъ и осѣдлую жизнь. Знакомые, можетъ быть, съ одними каменными орудіями, они съ большимъ трудомъ разводятъ плантаціи и воздѣлываютъ землю. Чѣмъ болѣе они дѣлаютъ успѣховъ въ осѣдлой жизни, тѣмъ болѣе они дѣлаются центральнымъ пунктомъ, на который кочевые и бродячіе роды обращаютъ свои нападенія. Занятіе земледѣліемъ уменьшаетъ ихъ воинскія способ-

ности, и кочевникамъ очень легко одерживать надъ ними верхъ, даже если они менѣе многочисленны. Поэтому конфедерація земледѣльцевъ, окруженная кочевымъ населеніемъ, можетъ существовать только нѣсколько поколѣній и погибаетъ отъ хищниковъ. Но это чаще увеличиваетъ, чѣмъ уменьшаетъ число земледѣльцевъ: поглощенные номадами земледѣльцы обучаютъ земледѣлію все, что въ средѣ номадовъ есть слабаго—женщинъ, рабовъ и проч. Бродячія племена дѣлаются полукочевыми и осѣдлыми; нетолько старыя мѣста занимаются новыми земледѣльцами, но являются новыя плантаціи, пока наконецъ осѣдлые роды, сдѣлавъ сосѣдей своими данниками, образуютъ осѣдлыя государства, которымъ кочевники могутъ дѣлать уже менѣе вреда. Въ какой-либо мѣстности зарождается вслѣдствіе этого населеніе болѣе густое и болѣе благоденствующее, чѣмъ въ окрестностяхъ. На тысячи верстъ кругомъ разсѣяны племена болѣе бѣдныя и дикія. Въ этой мѣстности иногда у воинственныхъ сосѣдей является смѣлый завоеватель. Онъ соединяетъ благоденствующее племя со всѣми бѣдными сосѣдями въ одно обширное государство и поселяется въ самомъ богатомъ городѣ. Тогда въ этотъ городъ и въ окружающую его мѣстность стекается все, что страна имѣетъ наиболѣе совершеннаго. Онъ дѣлается средоточіемъ учености, искусствъ, промышленности и наилучшихъ системъ земледѣлія. Такимъ образомъ является цивилизація съ оригинальною физіономіею, которая оставляетъ болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ на жизни человѣчества. Затѣмъ нѣсколько подобныхъ центровъ соединяются въ одно обширное государство, котораго слава доходитъ до отдаленнаго потомства. До этого послѣдняго явленія человѣчество доходитъ весьма медленнымъ путемъ, и, прежде чѣмъ оно совершится, протекаютъ огромные періоды времени. Даже послѣ длиннаго періода развитія и многихъ цивилизующихъ вліяній, общество продолжаетъ слагаться и разлагаться, не будучи въ состояніи составить какое-либо значительное и прочное государство. Предполагаютъ, что періодъ развитія, который довелъ бродячихъ и полуосѣдлыхъ краснокожихъ до ихъ настоящаго состоянія, долженъ былъ продолжаться очень долго; однакоже о какомъ-либо значительномъ государствѣ тутъ нѣтъ и помину. Негры береговъ Африки подвергались еще большимъ цивилизующимъ вліяніямъ и еще съ болѣе давняго времени. То, что они заимствовали отъ евреевъ, показываетъ, что даже древняя семитическая цивилизація не прошла для нихъ безслѣдно; распространившееся между ними магометанство несомнѣнно доказываетъ вліяніе арабовъ; однакоже съ тѣхъ поръ, какъ европейцы посѣщаютъ эти берега, у нихъ на глазахъ государства тамъ разлагаются и слагаются, снова разлагаются и никакъ не могутъ породить ничего достаточно прочнаго, чтобъ изъ этого развилась цивилизація или хотя сколько нибудь значительное общество. Мехиканцы временъ ацтековъ сдѣлали въ области политической организаціи болѣе значительные успѣхи, чѣмъ негры береговъ Африки; все таки они не были въ состояніи составить ничего, что можно было бы назвать государствомъ въ нашемъ смыслѣ. Это была пестрая смѣсь незначительныхъ общинныхъ конфедерацій, составлявшихся множествомъ равносильныхъ бродячихъ, полуосѣд-

лыхъ и осѣдлыхъ народцевъ, которые постоянно громили другъ друга, гдѣ бродячіе были часто сильнѣе осѣдлыхъ и гдѣ самая большая степень подчиненія была временная дань. Въ западной Азіи и сѣверовосточной Африкѣ, послѣ наступленія подобнаго состоянія нуженъ былъ продолжительный періодъ, втеченіе котораго расы, племена, языки и роды перемѣшивались другъ съ другомъ, пока изъ этой смѣси возможно было составлять значительныя государства; да и государства такого смѣшаннаго населенія постоянно снова распадались, втеченіе многихъ столѣтій, если не тысячелѣтій, пока сдѣлалось возможнымъ такое государство, какъ персидское. Условія, при которыхъ являлись значительные центры—это болѣе или менѣе необыкновенно плодоносная почва, благопріятное положеніе въ коммерческомъ отношеніи, которое дѣлало мѣстность естественнымъ центромъ торговли и сообщеній, миролюбивое населеніе и въ особенности естественныя границы, которыя, не мѣшая торговымъ путямъ, затрудняли набѣги непріятелей, напр. рѣки Тигръ и Евфратъ въ Мессопотамской долинѣ. Иногда, напр. въ Египтѣ, случалось, что вредъ, приносимый естественными границами, затрудняющими коммерческія сообщенія, вполнѣ выкупался огражденіемъ страны отъ враговъ; извѣстно, что Египтяне такъ высоко цѣнили оплотъ естественныхъ границъ, что они даже съ моря старались затруднять сообщеніе. Стоитъ только перечислить центральные пункты древнихъ государствъ, прославившихся богатствомъ и просвѣщеніемъ, чтобы убѣдиться, что центрами цивилизаціи были мѣстности, замѣчательныя по своему плодородію. Долина Нила, Мессопотамская низменность, Малая Азія, плодоносное прибрежье Средиземнаго моря, богатыя растительностью долины великихъ рѣкъ Индіи, удивительная по своему плодородію китайская низменность, въ особенности страна двухъ великихъ рѣкъ, острова Японіи, Абиссинія, плодоноснѣйшіе изъ острововъ малой Азіи—вотъ центры этихъ разновременныхъ цивилизацій. Естественныя границы, которыя доставляли безопасность отъ набѣговъ, играли въ это время весьма видную роль. Мехиканская равнина, мимо которой шло кочевое движеніе краснокожихъ, была постояннымъ театромъ войны и центромъ, съ котораго одно племя выбрасывалось за другимъ. Поэтому самая цвѣтущая цивилизація создалась не здѣсь, а на Юкатанѣ и другихъ мѣстахъ, лежавшихъ въ сторонѣ. Въ западной Азіи самая цвѣтущая цивилизація принадлежала Вавилону; но за то-же каково было его положеніе. На западѣ у него была каменистая и песчаная пустыня, до того неприступная, что никакое значительное войско не могло черезъ нее пройти. Пройдя пустыню, нужно было еще переправляться черезъ Евфратъ, а сначала большія рѣки были достаточны, чтобы вполнѣ отчуждать другъ отъ друга племена. На востокѣ лежитъ быстрый Тигръ, а за нимъ горы и трущобы, гдѣ снабдить войска провіантомъ и пройти составляло великую задачу. Къ югу двѣ великія рѣки сближались и болота защищали страну. Самый слабый пунктъ былъ на сѣверѣ, но и тутъ была пустыня. Здѣсь были проведены въ нѣсколько рядовъ каналы, которые дѣлали всю страну островомъ, и гидравлическія сооруженія, съ помощью которыхъ можно было затоплять большія пространства. Наконецъ, въ особенности

противъ номадовъ и ихъ кавалеріи ограждали каналы для искусственныхъ орошеній и нѣсколько рядовъ обширныхъ укрѣпленій. Только позднѣе, когда человѣчество сдѣлало въ земледѣліи и промышленности гораздо бо̀льшіе успѣхи, подобные центры являются въ умѣренномъ поясѣ и потомъ опять-таки въ частяхъ наиболѣе облагодѣтельствованныхъ природою—сначала на большихъ полуостровахъ Средиземнаго моря, а потомъ и въ средней Европѣ. Мѣстности, подобныя берегамъ Нила, гдѣ сто̀итъ бросить сѣмена въ землю, чтобы получить обильную жатву—вотъ страны первобытной цивилизаціи. Миролюбивое населеніе для возникновенія подобной цивилизаціи —условіе такое же необходимое, какъ и богатая почва: воинственное племя обращало въ пустыню самыя плодородныя мѣстности. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вникнуть въ характеръ древнихъ завоеваній. Богатыя, густо населенныя царства завоевывались номадами подъ предводительствомъ мужественнаго начальника. Великій завоеватель. встрѣчалъ слабое сопротивленіе даже въ славившихся своимъ богатствомъ царствахъ и терпѣлъ пораженіе при столкновеніи съ незначительными, но воинственными народами. По всему нужно заключить, что воины, съ которыми древніе герои совершали свои завоеванія, состояли вовсе не изъ тѣхъ людей, которымъ густо населенныя и хорошо воздѣланныя страны обязаны были своимъ богатствомъ. Когда персидскіе цари стали набирать огромныя полчища изъ подобнаго населенія, то многочисленность робкихъ и негодныхъ воиновъ дѣлалась источникомъ слабости для арміи. Мы видимъ, что населеніе Египта, которое отличается такими характеристическими чертами, не распространилось въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда они простирали свои завоеванія; но оно размножилось на югѣ, куда они бѣжали отъ притѣсненій. Греки, несравненно менѣе цивилизованные, оказывались однако гораздо воинственнѣе и способнѣе къ защитѣ и нападенію, и цари египетскіе старались между ними набирать себѣ войско. Эта слабость дѣлалась источникомъ неустойчивости царствъ. Тысячелѣтія прочнаго и безмятежнаго существованія приписывались только такимъ странамъ, судьбы которыхъ не были доступны достовѣрной исторіи. На дѣлѣ обыкновенно оказывается, что извѣстный порядокъ могъ продержаться втеченіе трехъ, четырехъ поколѣній, какихъ-нибудь двѣсти, триста лѣтъ и потомъ погибалъ или среди переворота, или среди внѣшняго завоеванія. Въ Китаѣ утвердилось даже убѣжденіе, что династія не можетъ продержаться болѣе какихъ нибудь двухъ сотъ лѣтъ. Еще бо̀льшимъ превратностямъ судьбы подвергся Египетъ. До персидскаго завоеванія мы видимъ въ немъ цѣлый рядъ династій, смѣнявшихъ одна другую; нѣсколько разъ онъ дѣлался то завоевателемъ, то самъ подвергался завоеваніямъ. Сколько разъ онъ разлагался на мелкія части и снова слагался. Сколько разъ переходилъ онъ изъ рукъ въ руки, начиная отъ персидскаго завоеванія и до рождества Христова и отъ рождества Христова до нашихъ дней.

Превратности въ его населеніи были столь же значительны, какъ и въ Китаѣ; были времена, когда въ Александріи считалось до трехъ сотъ и даже до восьми сотъ тысячъ жителей, и другія, когда въ ней насчитывали

неболѣе шести, хотя она по прежнему оставалась центральнымъ торговымъ пунктомъ. Втеченіе длиннаго ряда вѣковъ, пока длилась эта жизнь, исполненная самыхъ рѣзкихъ контрастовъ, народъ египетскій сохранилъ замѣчательное единообразіе свойствъ: это былъ все тотъ же трудолюбивый и миролюбивый народъ. Какъ во времена фараоновъ, такъ и теперь, онъ отличался отсутствіемъ военныхъ наклонностей и способности командовать. Въ Египтѣ замѣчаютъ, что турокъ, какъ бы онъ ни былъ ограниченъ, всегда отличается способностью повелѣвать и внушать повиновеніе; феллахъ же совершенно неспособенъ къ авторитетному поведенію. Тѣже черты мы видимъ въ неменѣе славномъ своей древней цивилизаціей населеніи Месопотамской долины и западной Азіи Оно обладаетъ самой ничтожной силой сопротивленія. За сто лѣтъ до Кира какіе-нибудь дикари, пришедшіе изъ-за Кавказскихъ горъ, могли завоевать все пространство отъ Кавказскихъ горъ до предѣловъ Египта, не смотря на то, что они стояли на такомъ низкомъ уровнѣ развитія, что не могли даже основать прочнаго государства. Въ сѣверной Америкѣ, до испанскаго завоеванія, осѣдлое населеніе, хотя несравненно болѣе многочисленное, не умѣло успѣшно защищаться противъ лихихъ набѣговъ бродячихъ охотниковъ.

Если мы изъ области достовѣрной исторіи перейдемъ въ область исторіи въ изображеніяхъ (на монетахъ и проч.), мы видимъ тѣ же постоянно слагающіяся и разлагающіяся царства, напластыванья одного племени надъ другимъ; происшествія уже исчезли изъ памяти, но изслѣдователи древности продолжаютъ возсоздавать тотъ же типъ картины. Мы идемъ еще далѣе и переходимъ къ баснословію и опять встрѣчаемся съ указаніями на тотъ же ходъ человѣческой жизни: повсемѣстно періодически одна цивилизація стирала другую и развивалась на ея развалинахъ. Если мы пойдемъ еще далѣе, въ тѣ времена, куда не достигаетъ ни исторія лѣтописная, ни сохранившаяся въ памятникахъ, ни даже исторія въ изображеніяхъ, ни баснословіе, если мы углубимся въ тѣ времена, о которыхъ мы судимъ только по зарытымъ подъ землею остаткамъ, гдѣ хронологическій споръ идетъ уже не о годахъ, не о столѣтіяхъ, а о тысячелѣтіяхъ и десяткахъ тысячелѣтій,—то мы встрѣчаемся съ указаніями на то же напластываніе цивилизацій. Исторія, возсозданная французскими учеными по остаткамъ, найденнымъ въ свайныхъ постройкахъ, конечно еще менѣе достовѣрна, чѣмъ древнее баснословіе, тутъ еще труднѣе отдѣлить истину отъ прикрасъ; но фактъ напластыванія цивилизацій тутъ также несомнѣненъ, какъ онъ несомнѣнно проявляется въ древнемъ баснословіи. Послѣднія открытія на островахъ Средиземнаго моря указываютъ на существованіе цивилизаціи и торговли во время каменнаго періода, несравненно болѣе древней, чѣмъ самая древняя цивилизація сосѣдняго Египта.

Надъ пластами земли, покрывшими массивныя постройки этой цивилизаціи, на почвѣ несравненно болѣе позднѣйшаго происхожденія Финикіяне воздвигали памятники древнѣйшей своей гражданственности.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Результаты ряда цивилизацій.

Какъ же отразился этотъ рядъ цивилизацій на народахъ, которыхъ онъ коснулся? Вотъ передъ нами средняя Азія — отъ береговъ Японскаго моря она тянется то плоской возвышенностью, то перерѣзывается въ разныхъ направленіяхъ цѣпями горъ и потомъ переходитъ въ ровную низменность, лежащую мѣстами ниже уровня океана, и наконецъ упирается въ Каспійское море. На этомъ огромномъ пространствѣ вездѣ сохранились преданія о бывшемъ величіи. Скуку кочеваго монгола развлекаетъ импровизаторъ, который повторяетъ ему легенды о бывшемъ величіи его народности. Киргизъ и узбекъ Туранской низменности съ гордостью разсказываетъ путешественнику, какъ его предки завоевали полъ-свѣта. Что же дали эти подвиги предковъ своимъ потомкамъ?

Бѣдная, покрытая безконечными лѣсами Манжурія служитъ ссыльнымъ мѣстомъ для Китая. Бродячія племена тутъ перемѣшаны съ осѣдлыми, которыя иногда ничего не сѣютъ, кромѣ проса и овса.

Вотъ какъ описывались берега рѣки, отдѣляющей Манжурію отъ Кореи: «съ одной стороны (въ Манжуріи) были только лѣса и дикіе звѣри, а съ другой стороны представлялись всѣ произведенія искусства и труда въ величайшемъ разнообразіи Съ одного пункта можно было видѣть четыре города.» Безконечно пустынная и однообразная разстилается передъ путешественникомъ монгольская степь. Мѣстами на огромныхъ пространствахъ онъ нетолько не встрѣчаетъ человѣка, онъ не встрѣчаетъ даже и животнаго, и только отъ времени до времени ему приходится въѣзжать въ пустые города, на половину погрузившіеся въ землю и слѣдить глазомъ за когда то удобными, а теперь разрушенными дорогами—этими свидѣтелями угасшей жизни. Рѣдкій день его тоскливаго путешествія оживляется встрѣчею съ одинокимъ всадникомъ или небольшимъ кочевьемъ. Когда, послѣ этой безпредѣльной тишины, онъ въ первый разъ въѣзжаетъ въ городъ, онъ ошеломленъ его шумомъ, и у него кружится голова отъ жизни, которая проявляется вдругъ со всѣхъ сторонъ. На этомъ огромномъ пространствѣ кочуютъ монголы еще несравненно болѣе бѣдные, чѣмъ населеніе Манжуріи. Развитію зачатковъ земледѣлія мѣшаетъ необходимость быстро перекочевывать съ мѣста на мѣсто по причинѣ тощей и негодной травы тамошнихъ степей. Скотъ единственное средство пропитанія, а падежи бываютъ такъ ужасны, что въ одинъ годъ выпадаетъ болѣе девяти десятыхъ стада. Слабосильному населенію этихъ мѣстъ зачастую вмѣсто обѣда приходится довольствоваться тремя чашками (въ стаканъ) кирпичнаго чая. Скота у нихъ такъ мало, что многіе не рѣшаются бить живую скотину, а довольствуются падалью.

Въ Туранской низменности мы видимъ на сѣверѣ кочевья киргизовъ приблизительно въ томъ же положеніи, въ которомъ древніе описываютъ

номадовъ Правда, что тогда номады не знали желѣза, но народы нерѣдко и безъ желѣза могли достигать высокой степени благосостоянія и оставаться полудикими при знакомствѣ съ нимъ. Киргизъ зимой худѣетъ вмѣстѣ со своимъ скотомъ отъ нужды и недостаточной пищи и вмѣстѣ съ нимъ поправляется лѣтомъ. Вслѣдствіе отсутствія ухода скотъ подвергается безпрерывнымъ падежамъ

Набѣги и кража скота дополняютъ то, чего не могутъ сдѣлать падежи и зимнее голоданіе: они даютъ много тому, кто не нуждается, и отнимаютъ послѣднее у того, кто погибаетъ отъ нужды. Киргизъ, этотъ гордый нищій, не замѣчающій своего убожества, живетъ въ такой обстановкѣ, при которой онъ могъ бы прожить сотни тысячъ лѣтъ, и населеніе не увеличилось бы и онъ не почувствовалъ бы необходимости въ цивилизаціи. Вліяніе Россіи только съ большимъ трудомъ можетъ порождать тутъ перемѣну къ лучшему. Тѣ части Туранской низменности, гдѣ уже съ давнихъ временъ живетъ осѣдлое населеніе, находятся приблизительно въ томъ же положеніи, въ которомъ ихъ знали еще древніе. Ташкентъ, Ходжентъ, Самаркандъ, Себсъ, Мервъ вѣроятно извѣстны были въ древности Части туранской низменности, принадлежавшія къ древней Бактріи, были цивилизованы даже во времена Нина и Сезостриса. Ихъ считали колыбелью персидской цивилизаціи; Зороастръ проповѣдывалъ тамъ свое ученіе, которое считается первымъ шагомъ къ единобожію, когда Персы были еще ничтожнымъ народомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что религія Зороастра имѣла въ Бактріи самыхъ ревностныхъ своихъ поклонниковъ. Въ какомъ же положеніи находится этотъ первобытный источникъ цивилизаціи? его пути сообщенія также непроходимы, бѣдность, деспотизмъ и рабство тамъ царствуютъ также безраздѣльно.

Если страна эта не опустилась, по сравненію съ самой сѣдой древностью, то мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что она не подвинулась ни на одинъ шагъ впередъ. Послѣ смерти Александра В. ея положеніе было, вѣроятно, гораздо болѣе цвѣтущимъ; а что если ее сравнивать съ тѣми временами, когда эта страна была наполнена университетами, учеными коллегіями и библіотеками, когда въ Бухарѣ и Самаркандѣ существовали знаменитыя академіи и обсерваторіи, когда въ Самаркандѣ составлялись тѣ превосходныя астрономическія таблицы, которыя до сихъ поръ сохраняются въ европейскихъ библіотекахъ и безъ которыхъ Коперникъ и Ньютонъ не могли бы совершить своихъ открытій, когда въ городахъ этой страны было по семи сотъ тысячъ и по полтора милльона жителей (1). Было время—Бухара и Самаркандъ были центрами всемірной торговли, а пустынная теперь Туранская низменность славилась обработкою своей почвы. Развалины Балха имѣютъ 30 верстъ въ окружности; страна, въ которой онъ лежалъ, оплодотворялась восемнадцатью каналами. Теперь—это болото, наполненное лужами, съ самымъ вреднымъ климатомъ. Кундузъ былъ значительнымъ городомъ; теперь это

(1) Я впрочемъ менѣе всего готовъ ручаться за вѣрность данныхъ о милльонномъ населеніи городовъ западной Азіи.

гнилое болото, гдѣ умираютъ отъ заразительнаго воздуха и гдѣ неболѣе тысячи полторы жителей. Окружающая его мѣстность наполнена развалинами водопроводовъ и домовъ, которыя ясно показываютъ, какъ край этотъ былъ когда-то плодоносенъ и многолюденъ; теперь онъ представляетъ видъ самаго ужаснаго безплодія—это вертепъ разбойниковъ, гдѣ каждый владѣтель занимается грабежемъ. Съ сѣвера перенесемся на югъ. Передъ нами обширная Аравія—эта страна библейскихъ преданій, первоначальное будто-бы отечество финикіянъ. Во времена баснословія и историческихъ преданій она имѣла уже живыя сношенія съ восточнымъ берегомъ Африки; тогда составлялись болѣе или менѣе могущественныя государства, которыя частями лежали въ Аравіи и частями въ Африкѣ; такія государства мы встрѣчаемъ и въ XIX столѣтіи. Города южной Аравіи —Сана, Маребъ, Аденъ, Маскатъ и др. задолго до рождества Христова славились и своей древностью, и своей торговлею. Когда-то древніе греческіе мореплаватели разсказывали, что въ прибрежныхъ городахъ Аравіи они встрѣчали невиданное ими дотолѣ великолѣпіе. Роскошные дворцы, величественные храмы, частные дома, гдѣ на пирахъ въ изобиліи являлись золото и драгоцѣнные каменья, искусная работа изъ слоновой кости, дорогія ткани и т. д.—вотъ чѣмъ славились эти богатые и промышленные города съ населеніемъ, отличавшимся рѣдкой предпріимчивостью. Въ древности Аравія снабжала изящную часть тогдашняго цивилизованнаго міра произведеніями утонченной роскоши. Если народы средней Азіи, посредствомъ завоеванія, распространили свое вліяніе на сѣверную половину Азіи и Европы, то народы Аравіи тысячу лѣтъ тому назадъ распространили свою религію на Африку и южныя части Европы и Азіи до самаго Тихаго океана. Они стали во главѣ цивилизованнаго міра, разсѣялись на огромномъ пространствѣ, а въ Африкѣ занесли свою религію и туда, куда до сихъ поръ, можетъ быть, еще не проникла нога европейца. Каково же теперь положеніе этого славнаго народа-цивилизатора на своей родинѣ? Вдоль берега Чермнаго моря мы видимъ нѣсколько торговыхъ пунктовъ, которые могутъ быть сравниваемы только съ незначительными городами Европы. Ихъ богатство зависитъ исключительно отъ ихъ положенія и отъ стеченія богомольцевъ въ Мекку, а не отъ промышленности жителей. Городъ Аденъ, на южномъ берегу Аравіи, доставшійся въ руки англичанъ въ 1839 году, имѣлъ нѣсколько сотъ жалкихъ жителей; тамъ бѣдствовали двѣ тысячи англійскаго гарнизона и переносили невѣроятныя страданія; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ имѣлъ уже двадцать, а потомъ тридцать тысячъ жителей. Въ это время Джеда все по прежнему имѣла около пятнадцати, хотя по своему положенію была самымъ выгоднымъ изъ торговыхъ пунктовъ. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія западный берегъ Аравіи былъ предметомъ спора между самостоятельными мѣстными владѣльцами, египетскимъ пашею и турецкимъ султаномъ. Вотъ какъ положеніе этого края изображается въ то время путешественниками. Въ сѣверной половинѣ, даже кругомъ немногихъ торговыхъ городовъ, простирается безлюдная степь, гдѣ кочуютъ роды бедуиновъ. Турецкое правительство удерживало ихъ въ повиновеніи

чѣмъ-то вродѣ наемнаго войска, которое располагалось поселеніями, не получало жалованья и безчинствовало безмѣрно. Ни турецкій паша, ни мѣстные шерифы и шейхи, никто не имѣлъ власти надъ краемъ, но всякій могъ грабить. Одни роды бедуиновъ платили дань турецкому правительству, другіе брали дань съ него, и если всѣ эти враждебные элементы не истребили другъ друга, то только потому, что они были слишкомъ малочисленны и разсѣянны по странѣ. Турецкое правительство отъ всего этого края нетолько не получало никакого дохода, но должно было приплачивать, для удержанія его въ безполезномъ для себя повиновеніи, и употреблять при этомъ измѣнническія убійства и другія варварскія средства. Жители Мекки считали себя святыми и потому отличались самой изувѣрской нетерпимостью. Неправовѣрный не смѣлъ даже издали видѣть ихъ города. Тайфъ, мѣстопребываніе великаго шерифа, былъ только незначительный городишка. На этихъ огромныхъ безлюдныхъ пространствахъ обработанныя поля составляли рѣдкое исключеніе и встрѣчались путешественниками съ жадною радостью, а такъ какъ шерифъ и паша были въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ, то это грозило раззореніемъ и послѣднимъ плантаціямъ. Никто тутъ не зналъ насколько онъ зависимъ, насколько, въ чемъ и кому онъ подчиненъ, каковы его права на имущество, кто можетъ ихъ охранять и кто нарушитель—для однихъ рабовъ всѣ эти вопросы разрѣшались ясно. На востокъ отъ берега внутри страны жили вагабиты. Еще недавно это были такіе дикари, какихъ можно было встрѣчать только на островахъ Тихаго океана и внутри Африки. Нашелся учитель, который во имя религіи взялся ихъ сколько-нибудь очеловѣчить; но имъ тотчасъ пришлось выносить трудную борьбу сначала съ шерифами, потомъ съ египетскимъ пашею и съ турецкимъ правительствомъ. Въ плодоносныхъ мѣстностяхъ и у нихъ встрѣчались плантаціи, которыя обработывались рабами, жившими въ мазанкахъ изъ грязи и необожженнаго кирпича. Владѣльцы кочевали въ окрестностяхъ и являлись на плантаціяхъ только для сбора плодовъ. Не трудно себѣ представить, какова была судьба ихъ рабовъ, ихъ плантацій, безпрерывно опустошаемыхъ врагами, и сколько шансовъ на увеличеніе населенія и на цивилизацію имѣла эта обширная страна. На югѣ каждый оазисъ, гдѣ было нѣсколько десятковъ деревень, имѣлъ особеннаго владѣльца, и огромныя пространства, покрытыя самой роскошной растительностью, оставались безъ всякаго воздѣлыванія. Къ такимъ оазисамъ принадлежалъ напр. и Маребъ, гдѣ въ библейскія времена предполагали столицу Сабейскаго царства и который римляне напрасно старались завоевать. Когда-то въ этой мѣстности были устроены съ большимъ трудомъ дорого стоившія сооруженія для искусственнаго орошенія, обширное пространство земли сдѣлано было въ высшей степени плодороднымъ. Земля давала поразительные урожаи; цвѣтущіе луга смѣнялись прелестными садами и рощами; многочисленные каналы и текучія воды изрѣзывали страну по всѣмъ направленіямъ; крайне густое и трудолюбивое населеніе пользовалось рѣдкимъ благосостояніемъ. Цвѣтущій видъ и великолѣпіе зданій этой страны прославили ее подъ именемъ «вѣнца на

челѣ мірозданія.» Но все это исчезло уже за нѣсколько вѣковъ до Магомета. Земледѣльцы этихъ городовъ живутъ теперь въ самыхъ жалкихъ шалашахъ, купцы и высшее сословіе въ темныхъ домахъ съ узкими окнами, похожихъ болѣе на башни. Ходятъ они полунагими и бѣдность свою ставятъ себѣ въ достоинство Владѣльцы постоянно воюютъ съ сосѣдями; ихъ единственное наслажденіе—это сладострастіе, и они вздыхаютъ объ искусственныхъ средствахъ для поддержанія въ этомъ отношеніи своихъ силъ. Подобно средневѣковымъ феодоламъ, они имѣютъ подземныя помѣщенія, гдѣ можно найдти и дикихъ звѣрей, и человѣческія кости. У этихъ жалкихъ самодуровъ постоянно въ головѣ библейскія преданія и басни тысячи одной ночи; имъ хочется на дѣлѣ осуществлять судъ соломоновъ и эффекты волшебныхъ сказокъ. Въ песчаныхъ пустыняхъ живетъ рѣдкое населеніе, которое по дикости и по бѣдности превосходитъ даже бедуиновъ; оно нисколько не счастливѣе голодныхъ пантеръ, которыя шатаются въ этихъ безпріютныхъ мѣстахъ, и на свѣтѣ мало дикарей, которые ведутъ жизнь такую злополучную. Мы имѣемъ также примѣръ современнаго состоянія одного изъ тѣхъ государствъ, которыя обнимаютъ собою части береговъ Африки и Аравіи—это маскатскій имаматъ. Девять десятыхъ населенія этого имамата состояло изъ рабовъ. Хотя въ этомъ государствѣ насчитываютъ только два съ половиною милльона жителей, но государь его имѣетъ очень мало власти надъ подчиненными ему владѣльцами племенъ и долженъ, подобно другимъ аравійскимъ государямъ, доходы свои взимать посредствомъ стѣсненій, налагаемыхъ на торговлю, и даже торговать лично. Изъ всего этого не трудно вывести заключеніе, что Аравія уже въ древности могла быть въ лучшемъ, но не въ худшемъ состояніи. Почти все ея пространство занято населеніемъ, которое нисколько не счастливѣе дикарей и которое отъ цивилизаціи заимствовало развѣ только никуда негодныя кремневыя ружья.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Какъ отразились цивилизующія вліянія на сѣверо-восточной Африкѣ.

РАЗДѢЛЪ I.

Абиссинія.

Рядомъ съ Аравіею, на африканскомъ берегу тянутся страны бассейна Нила. Въ верхнихъ его частяхъ мы видимъ страну, которая, по баснословнымъ преданіямъ, была цивилизованною даже тогда, когда Европа была еще погружена въ варварство. У грековъ уже Гомеръ восхищается жителями Эѳіопіи и называетъ ихъ безупречными, заимство-

вавъ это названіе у египтянъ. Это была, можетъ быть, цивилизація пещернаго человѣка; по крайней мѣрѣ, по Нилу встрѣчается архитектура, которая, повидимому, заимствована отъ построекъ, высѣченныхъ въ скалахъ. Тутъ мы встрѣчаемся съ африканскимъ расмъ—съ Абиссиніею. Населеніе этихъ мѣстъ до сихъ поръ не лишено сознанія древности своей цивилизаціи. Рядъ цивилизующихъ вліяній, который прошелъ надъ этой страной на глазахъ исторіи, теряется во мракѣ за крайними предѣлами баснословія и заставляетъ догадываться о существованіи чего-то, вполнѣ ускользнувшаго отъ человѣческой памяти. Ни одна изъ этихъ цивилизацій не прошла даромъ, каждая оставила свой слѣдъ, хотя очень неопредѣленный, въ привычкахъ, чувствахъ, міровоззрѣніяхъ и воспоминаніяхъ. Тутъ привычки пещернаго человѣка оставили болѣе замѣтные слѣды, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Египтяне, римляне, арабы оставили слишкомъ ясные слѣды въ племени, въ языкѣ, въ религіи, но даже гражданственность, которая не оставила такихъ ясныхъ слѣдовъ, напр. сабейское царство, оставила, по крайней мѣрѣ, живыя преданія.

Послѣ этого слѣдовало бы встрѣтить въ этихъ мѣстностяхъ высокую степень просвѣщенія, — но что же мы видимъ на дѣлѣ? Вдоль пустыннаго берега моря поселенія такъ рѣдки, что незначительныя мѣстечки въ нѣсколько сотъ или тысячу жителей называются тутъ на картахъ такихъ малыхъ размѣровъ, на которыхъ на пиринейскомъ полуостровѣ называется два города, а во Франціи четыре—называются какъ единственные центры сообщеній. На полосѣ, протянувшейся между Абиссиніею и моремъ, гдѣ встрѣчаются разновременныя развалины городовъ, теперь въ безводныхъ частяхъ жгучіе пески, въ орошенныхъ непроходимыя болота, а тамъ, гдѣ разстилается богатая растительность и тѣнистые лѣса, тамъ болѣе обезьянъ, львовъ, гіенъ и другихъ животныхъ, чѣмъ людей. Палатки бедуиновъ, которые тутъ кочуютъ, отличаются болѣе первобытнымъ устройствомъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, а въ болотахъ живетъ населеніе, вовсе не имѣющее жилищъ и укрывающееся по пещерамъ. Все это несчастное населеніе подвергается безпрерывнымъ нападеніямъ со стороны абиссинцевъ, которые у бедуиновъ отбиваютъ стада, а жителей бьютъ, ловятъ и продаютъ въ рабство. Вотъ какъ одинъ путешественникъ описывалъ тридцать лѣтъ тому назадъ путь въ Абиссинію и состояніе южныхъ ея частей. При морѣ лежитъ деревушка Тужура съ фанатическимъ мусульманскимъ населеніемъ въ 500 или 600 человѣкъ. Населеніе это живетъ торговлей, вблизи хотя и есть мѣстность, которую можно было бы воздѣлывать, но они этимъ не занимаются. Пища ихъ крайне недостаточна, съѣсть во время торговыхъ путешествій горсть маиса (дура)—это не только достаточно на сутки, но даже праздникъ; по большей части они питаются одними молочными скопами. По бѣдности они не курятъ, а нюхаютъ табакъ такимъ образомъ—одинъ съ листка сгребаетъ крошечную щепотку и нѣсколькимъ пріятелямъ сыплетъ каждому въ сжатые пальцы понѣскольку крупинокъ. Они ходятъ полунагіе и шапокъ не носятъ. Единственное ихъ оружіе и единственное украшеніе ихъ жалкихъ жилищъ—это щитъ и пика. Не смотря на это Тужура столица и

тутъ живетъ султанъ, котораго владѣнія простираются чуть ли не на пять сотъ верстъ. Этотъ султанъ имѣетъ визиря и кади и вѣроятно дѣлалъ бы набѣги, если бы кто-нибудь его слушался; но по счастью его подданные очень мало обращаютъ на него вниманія. Въ странѣ, къ которой эта мѣстность принадлежитъ, существуютъ еще два султана съ такою же властью За дочерью своею этотъ могущественный государь далъ въ приданое одну блузу и нѣсколько платковъ—все это составляло громадную цѣнность въ двѣнадцать рублей серебромъ. Бедуины, которые живутъ въ окрестныхъ песчаныхъ степяхъ—это самые жалкіе изъ дикарей. Они питаются почти исключительно молочными скопами, не знаютъ даже употребленія кремня и огонь производятъ посредствомъ тренія дерева. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ круглой полусабли и коротенькой пики, да и эти предметы привозные. Не смотря на страшныя бури и проливные дожди, не смотря на то, что втеченіе недѣли, а можетъ быть, и мѣсяцевъ температура по утрамъ, въ этомъ огненномъ климатѣ, стоитъ около нуля, они не имѣютъ палатокъ, скрываются подъ скалами, въ оврагахъ и пещерахъ и отъ дикихъ звѣрей заслоняются камнями. Мѣстами у нихъ встрѣчается богатая почва съ роскошной растительностью, но они и не думаютъ о томъ, чтобы ее обработать. Мѣстечко Уасса, имѣющее около 1500 хижинъ и только отчасти обитаемое земледѣльцами, снабжаетъ земледѣльческими продуктами пространство приблизительно въ 160,000 квадратныхъ верстъ, съ населеніемъ въ 60,000 человѣкъ. Передникъ изъ воловьей шкуры отъ пояса до колѣнъ—вотъ вся одежда женщины. Можно себѣ представить, какимъ образомъ такой бытъ отражается на жизни дѣтей и какіе успѣхи можетъ дѣлать населеніе и благосостояніе; но если бы даже и совершилось такое чудо, то наростъ населенія погибъ бы тотчасъ же во время безчисленныхъ войнъ между родами; при этомъ побѣжденные если не избиваются, то лишаются стадъ и имущества и должны погибать отъ нужды.

Таковъ путь къ африканскому эдему—путь этотъ и опасенъ, и дорогъ. Идти большимъ караваномъ тутъ невозможно, потому что маленькому приходится, наконецъ, питаться одними молочными скопами. Маленькій караванъ въ рукахъ у каждаго начальника родовъ, кочующихъ на пути, и отъ каждаго онъ долженъ откупаться; сверхъ того нерѣдко приходится брать конвой, такъ что путешественнику его путь обходится по рублю на версту. Въ южной Абиссиніи населеніе жило въ круглыхъ и тѣсныхъ сараяхъ съ соломенной крышей безъ оконъ; дворецъ царя состоялъ изъ такихъ же сараевъ, но только нѣсколько бо̀льшихъ—вмѣсто ковровъ кидали на полъ вновь скошенную траву. Свѣчи были неизвѣстны и для освѣщенія употреблялись факелы. Жители ходили полунагими и прикрывать обнаженную грудь считалось даже непочтительнымъ. Они были совершенно незнакомы съ искусствомъ строить лодки и черезъ рѣки переправлялись вплавь Земля и все имущество подданныхъ считались принадлежностью владѣльца и въ то же время собственностью подданныхъ, такъ что права послѣднихъ были въ этомъ отношеніи совершенно неопредѣленны. Они обязаны были барщиной для обработки огромныхъ

владѣльческихъ плантацій и кромѣ того обложены были тяжкими денежными податями. Въ рукахъ владѣльца сосредоточивалось такимъ образомъ все богатство страны и онъ накоплялъ огромные клады сокровищъ, которыя оставались безъ употребленія. Сборъ, добытый барщиною, онъ употреблялъ на содержаніе постояннаго войска; но затѣмъ у него оставался еще огромный излишекъ, который онъ, подобно многимъ владѣльцамъ дикихъ, раздавалъ обратно подданнымъ, конечно самымъ безтолковымъ образомъ; такъ, въ одинъ праздникъ было роздано до семи тысячъ быковъ. Постоянное войско владѣльца состояло изъ рабовъ—это было что-то въ родѣ янычаръ, которые пользовались приблизительно такими же привиллегіями. Подобно нашему древнему Игорю, владѣлецъ самъ ѣздилъ сбирать дань и при этомъ его сопровождало ополченіе. Въ княжествѣ Шоа, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, считалось около полутора милльона жителей; а между тѣмъ ополченіе, которое сопровождало владѣльца при его поѣздкахъ по странѣ, состояло изъ пятнадцати или двадцати тысячъ всадниковъ. Весь этотъ народъ собирался добровольно и содержался на свой счетъ; но чтобы ему помочь, владѣлецъ давалъ ему на разграбленіе мѣстности, которыя въ чемъ-нибудь провинились — по количеству собиравшихся людей можно судить о размѣрахъ грабежа. Повидимому, владѣльцу скоро наскучало сидѣть дома—и между объѣздами онъ занимался войною, т. е. подъ разными предлогами грабилъ сосѣдніе роды помадовъ Для этихъ экспедицій къ нему собиралось до сорока тысячъ человѣкъ. Вѣрное преданіямъ пещернаго человѣка, ополченіе во время войны и при объѣздахъ ночуетъ на бивакахъ безъ палатокъ. Въ битвахъ они не наносятъ раны, а стараются отрѣзать дѣторождныя части, которыя служатъ имъ побѣднымъ трофеемъ. Страсть къ подобнымъ трофеямъ у нихъ такъ велика, что они тайно отрѣзываютъ части у мирныхъ жителей и потомъ выдаютъ ихъ за пріобрѣтеніе войны. Къ этому нужно присовокупить, что владѣлецъ стоялъ во главѣ цѣлой іерархіи начальниковъ, и каждый изъ этихъ начальниковъ былъ въ одно и тоже время распредѣлителемъ податей и барщинъ, судьею и военнымъ предводителемъ; они брали себѣ часть изъ дохода владѣльца и кромѣ того могли назначать барщины въ свою пользу. Послѣ всего этого не мудрено, что населеніе страны должно было тяжко работать и все-таки могло добывать себѣ только самое скудное пропитаніе. Всѣ пріемы его производительности были первобытные: ткацкій станокъ напоминалъ дикаго человѣка; мельницъ, даже ручныхъ, не было и зерно растиралось женщинами на плитѣ посредствомъ камня, какъ художниками растираются краски; хлѣбъ приготовлялся безъ соли и дрожжей. Отъ цивилизаціи они получили одинъ подарокъ—это сифилисъ, который тамъ составляетъ одну изъ самыхъ распространенныхъ болѣзней. Если, не смотря на такіе пріемы производительности и на такое соціальное положеніе, гдѣ нибудь появится благосостояніе, то на стражѣ стоитъ еще піявка, которая высасываетъ все, что осталось послѣ грабежей солдатъ и вымогательствъ чиновниковъ, — это многочисленное духовенство, которое пользуется огромнымъ вліяніемъ. Достаточно сказать, что, не смотря на всю

благодарность почвы, въ странѣ очень мало плодовыхъ деревьевъ. Положеніе кажется не завидное, а между тѣмъ это самая счастливая и меньшая часть изъ владѣній Шоа. Большая же часть земель населена галласами—они болѣе идолопоклонники, чѣмъ христіане, имѣютъ священныя деревья, которымъ приносятъ въ жертву животныхъ, и вмѣсто молитвы пляшутъ, подобно хлыстамъ; ихъ женщины ходятъ почти нагія и отъ поясницы до колѣнъ прикрываются передниками изъ кожъ.

Таково было положеніе Абиссиніи тридцать лѣтъ тому назадъ. Царь Федоръ взялся ее объединить и переобразовать. Однакоже его реформаторскія мечты очень скоро разрушились и онъ сталъ дѣйствовать, какъ самый мрачный и подозрительный изъ восточныхъ деспотовъ. Подражая старинному обычаю, онъ отдавалъ неоднократно на разграбленіе цѣлыя подчиненныя ему области Однажды изъ подобной области ему прислали цѣлую корзину вырванныхъ глазъ. И все-таки Абиссинія была еще раемъ въ бассейнѣ Нила, выше катарактовъ, и Федоръ съ гордостью сравнивалъ ее съ сосѣдями. Волосы подымаются дыбомъ отъ ужаса, если припомнить, что исходитъ изъ Картума, главнаго притона торговцевъ невольниками, при сліяніи бѣлаго и голубаго Нила, или, какъ распоряжались турки въ Нубіи, Сеннаарѣ и Кордофанѣ.

Южнѣе мы находимъ разложившееся магометанское общество, которое, однакоже, когда-то завоевало Абиссинію. Если христіане называютъ Абиссинію раемъ этихъ мѣстностей, то магометане называютъ этимъ именемъ Гараръ, но городъ пришелъ въ такой упадокъ, что его называютъ раемъ, населеннымъ ослами. Онъ пользуется старинной репутаціей учености и святости и до сихъ поръ наводняетъ окрестности странствующими проповѣдниками. Но самый ученый человѣкъ изъ нихъ увѣрялъ, что турки взяли Константинополь при калифѣ Омарѣ; большинство едва ли умѣетъ даже читать. Онъ пользуется давнишней репутаціей торговаго города, но самый богатый купецъ тамъ едва имѣлъ какихъ-нибудь триста рублей. Дворецъ всемогущаго въ немъ эмира или султана—это сарай безъ оконъ, сложенный изъ неотесанныхъ камней и цементированный грязью, дверь окрашена голубой краскою и составляетъ такую рѣдкость, что только эмиръ и высшіе сановники могутъ пользоваться такою роскошью. Внутри пріемныя комнаты характеристично украшены желѣзными цѣпями и старыми мушкетами, и это единственное ихъ украшеніе. Лучшая базарная мечеть (джами) въ городѣ, такой же сарай, но только съ двумя жалкими, бѣлыми минаретами. Для безопасности правительства жители обезоружены; но это отдаетъ ихъ на жертву грабителямъ изъ галласовъ, отъ которыхъ правительство не въ состояніи защищать ни себя, ни ихъ.

Вообще эта страна, повидимому, еще несравненно бѣднѣе, чѣмъ южная Абиссинія; какъ у настоящихъ дикарей, въ этихъ мѣстахъ множество нарѣчій; отъѣхавъ какихъ нибудь тридцать или сорокъ верстъ, житель уже не можетъ отвѣчать за свою голову. Населеніе истощено голодомъ и отличается худобой и слабосиліемъ. Пройдите отсюда всю Африку попе-

рекъ до Зеленаго мыса, насколько она извѣстна, она находится тутъ приблизительно въ такомъ же положеніи.

РАЗДѢЛЪ 2-й.

Египетъ и Нубія.

Есть ли хотя одинъ ученикъ уѣзднаго училища, которому неизвѣстна слава египетской цивилизаціи? Что же представляетъ эта страна въ настоящее время? Работникъ этой страны—самый неутомимый и самый несчастный изъ тружениковъ и все-таки его прославляютъ лѣнтяемъ. Не смотря на то, что его отдаленные предки прославились чудесами механическаго искусства, онъ работаетъ съ помощью самыхъ первобытныхъ орудій и употребляетъ гораздо менѣе желѣза, чѣмъ его отцы во времена римлянъ. Вся страна покрыта развалинами, но не тѣми величественными развалинами дворцовъ, храмовъ и гробницъ, которымъ удивляются путешественники. Эти находятся только мѣстами. Главная масса развалинъ — это города и деревни Египта. Даже въ лучшихъ частяхъ Каира встрѣчаются дома, грозящіе разрушеніемъ. Менѣе же значительные города и деревни просто похожи на собраніе мусорныхъ кучъ.

Эти жалкія землянки, для постройки которыхъ не употребляется ни дерева, ни обожженнаго кирпича, совершенно необитаемы и, дѣйствительно, большая часть населенія почти вовсе въ нихъ не живетъ и только изрѣдка укрывается отъ непогоды, какъ въ какую-нибудь пещеру. Мехметъ-Али хвалился, что онъ обстроилъ Египетъ; однакоже путешественники, посѣщавшіе эту страну много спустя послѣ его смерти, находили тамъ города и деревни, какъ прежде, состоящіе изъ мусорныхъ кучъ, вмѣсто домовъ. Только чиновники, купцы и богатые ремесленники одѣты; все прочее населеніе или совершенно нагое, или въ жалкихъ и грязныхъ рубищахъ. Не говоря о дѣтяхъ, которые почти всегда наги, большая часть взрослыхъ работаетъ или безъ всякой одежды, или въ однихъ штанахъ, которые не достигаютъ колѣнъ. Нагіе бурлаки, съ бритой головой и однимъ клочкомъ волосъ на ней, представляютъ видъ жалкихъ дикарей, точно также, какъ и женщины полунагія, татуированныя и съ украшеніями, продѣтыми въ носу. На жизнь и здоровье человѣка не обращается ни малѣйшаго вниманія. Отецъ можетъ всегда бросить на произволъ судьбы жену и дѣтей. Если у отца родится красивая дочь, онъ ее продаетъ. Женщины и дѣти толпами должны слѣдовать за мужчинами въ армію, на земляныя работы, всюду, куда бы они ни шли. Если наше хожденіе на заработки гибельно для семейства, то этотъ обычай еще гораздо гибельнѣе. Дѣти содержатся такъ плохо, что они слабы и худы до невѣроятія; до восьми или девяти лѣтъ ихъ никогда не моютъ; вслѣдствіе предразсудка, они отдаются на жертву насѣкомымъ и даже мухъ

отгонять никто не даетъ себѣ труда. Нищихъ такое огромное множество, что можно безъ преувеличенія сказать, что вся страна состоитъ изъ нищихъ. Прохожій осаждается толпами нагихъ дѣтей, брошенныхъ мужьями матерей одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ съ грудным ребенкомъ. Нужда ихъ такъ велика, что ихъ невозможно даже отогнать палкой; послѣ побоевъ они снова возвращаются и просятъ. Положеніе населенія таково, что оно ничего не можетъ пріобрѣсти своими трудами; но если бы даже это и было для него возможно, то всякое пріобрѣтеніе должно было сдѣлаться для нихъ источникомъ безконечныхъ притѣсненій и страданій. Для того, чтобы у каждаго исторгать то, что ему дано случайностями судьбы, существовалъ шейхъ-ель-беледъ, начальникъ города и волости, что-то въ родѣ старшины. Онъ распредѣлялъ между населеніемъ земли, повинности, воду и судилъ ихъ; однимъ словомъ, онъ былъ полнымъ властителемъ, отъ котораго зависѣли жизнь и счастье каждаго. Отъ этого шейха правительствомъ дѣлались постоянно требованія, которыхъ исполненіе совершенно невозможно, и во всякое время начальникъ имѣлъ законный поводъ подвергнуть его строгому тѣлесному наказанію. Иногда шейхи подвергались подобнымъ наказаніямъ періодически и впередъ могли знать, когда съ нихъ сдерутъ шкуру. Поэтому шейхъ долженъ былъ платить произвольную дань всякому, кто назывался начальникомъ, и волею и неволею долженъ былъ раззорять въ конецъ подчиненное ему населеніе. Населеніе раззорялось въ конецъ и самымъ лучшимъ человѣкомъ. Мехметъ-Али хвалился, что онъ искоренялъ это зло; но на сколько онъ былъ способенъ его искоренить, видно и изъ положенія, въ которое онъ себя поставилъ, и изъ наклонностей, которыя онъ обнаруживалъ, и изъ поступковъ его любимцевъ. Политика его была до того запосчивая, что онъ долженъ былъ требовать отъ Египта крайняго напряженія силъ и уменьшилъ въ немъ населеніе, вмѣсто того, чтобы расплодить благосостояніе. Народъ, выведенный изъ терпѣнія поборами и притѣсненіями, бѣжалъ изъ Египта. Люди тысячами спасались въ Сиріи и поселялись тамъ. Онъ никогда не сдерживалъ въ себѣ порывовъ произвола и поступалъ постоянно самымъ несправедливымъ образомъ; когда ему донесли, что его авангардъ разбитъ вагабитами, онъ убилъ курьера — вотъ реформаторъ, который хвалился тѣмъ, что онъ обуздывалъ произволъ. Его сынъ Измаилъ-паша ознаменовалъ себя въ Нубіи такими злодѣйствами, что онъ въ Шенди былъ сожженъ живымъ ожесточенными заговорщиками. Дефтердаръ-Мухаметъ-бей, любимецъ Мехмета-Али, за котораго онъ выдалъ свою собственную дочь, считался самымъ жестокимъ человѣкомъ своего времени и самымъ сильнымъ поборникомъ произвола. Услыхавъ однажды ревъ голодной пантеры, онъ велѣлъ бросить ей одного изъ своихъ солдатъ на съѣденіе, говоря, что онъ не хочетъ, чтобы въ предѣлахъ его управленія были голодныя пантеры. Одинъ кузнецъ заковалъ его лошадь, за это онъ велѣлъ подковать кузнеца. Женщина обвинила солдата за то, что онъ выпилъ у нея молоко; онъ велѣлъ распороть брюхо солдату, чтобы удостовѣриться дѣйствительно ли тамъ молоко. Женщинъ и дѣтей онъ избивалъ массами и

выдумывалъ самыя невѣроятныя мученія Его жестокости вызывали бунтъ, а бунтъ подавалъ поводъ къ окончательному опустошенію городовъ и областей. Хорошъ реформаторъ, обуздывающій произволъ властей съ такими помощниками! Правленіе Мехмета-Али показалось однакоже египетскимъ туркамъ еще чрезмѣрно либеральнымъ; при его наслѣдникѣ, Абассѣ-пашѣ, послѣдовала реакція. Когда Абассъ зареакціонерствовался до того, что его наконецъ удавили, Сеидъ-паша снова явился реформаторомъ. Подобно Мехмету-Али, онъ заботился объ улучшеніи быта рабочаго класса и издавалъ указы, которые не исполнялись. Не трудно себѣ представить, какой успѣхъ могли имѣть его реформы послѣ того, какъ онъ удалилъ отъ должностей христіанъ, занимавшихъ мѣста, гдѣ необходимо хотя нѣкоторое интеллектуальное развитіе. Можно себѣ представить также положеніе населенія въ странѣ, гдѣ второстепенный паша, распоряжающійся только однимъ какимъ-нибудь городомъ, безнаказанно вымогалъ отъ жителей деньги, распиливая ихъ досками, а другой, не смотря на запрещеніе правительства, точно также безнаказанно казнилъ людей смертью и стрѣлялъ въ нихъ, привязывая ихъ къ дулу пушки; гдѣ каждый солдатъ, переходя съ одного мѣста на другое, беретъ дорогою все, что ему вздумается; не только у забитыхъ феллаховъ, но и у гордыхъ бедуиновъ схватить перваго попавшагося барана и заколоть себѣ на ужинъ—для него самое обыкновенное дѣло. Но даже и эти солдаты, которые берутъ на рынкѣ все, что имъ вздумается, менѣе всего богатый и счастливый народъ. Путешественники, которые видѣли ихъ во время похода, описываютъ ихъ больными и разслабленными людьми, покрытыми рубищемъ. Мехметъ-Али хвалился, что онъ водворилъ безопасность на степныхъ дорогахъ, и дѣйствительно европейцы путешественники могутъ тамъ странствовать совершенно безопасно, но за то только одни европейцы; феллахи же дѣлаются жертвами разбойниковъ, почти точно также, какъ и прежде. Жители, поселившіеся близко къ степямъ, если они имѣютъ хотя какое нибудь состояніе, должны выбирать себѣ между бедуинами покровителя, если они хотятъ оградить себя отъ грабежей. И такое-то общество называетъ себя теперь конституціоннымъ государствомъ.

Между Египтомъ и Абиссиніею расположена Нубія — это центръ знаменитаго теократическаго государства Мероэ Эта страна раздѣляется на двѣ части: на южную, которая расположена въ полосѣ дождей, гдѣ текутъ рѣки, направляющіяся отчасти къ Нилу и отчасти къ морю, и на сѣверную, которая лежитъ въ одной полосѣ съ Ливійской степью, имѣетъ такой же климатъ, какъ Египетъ и орошается тѣмъ же Ниломъ. Тутъ сохранилось только преданіе о богатствѣ края и многочисленныхъ городахъ, на дѣлѣ это почти пустыня даже по Нилу; въ сторонѣ обработанныя поля составляютъ самое рѣдкое явленіе, хотя почва мѣстами до того плодородна, что маисъ достигаетъ вышины верблюда. Въ сѣверныхъ частяхъ Нубіи города похожи на египетскіе. Начиная отъ границы Египта, Нилъ то разливается широко въ песчаныхъ и пустынныхъ берегахъ, то течетъ въ тѣснинѣ и съ обѣихъ сторонъ вздымается высокое плоско-

горье, то раздѣляется на многія вѣтви и протѣсняется сквозь гористую мѣстность. Его илъ не можетъ оплодотворять окрестность съ тѣмъ же удобствомъ, съ которымъ это дѣлается въ Египтѣ, и подъ этимъ вѣчно яснымъ небомъ и палящимъ солнцемъ плодоносныя мѣстности рѣдѣютъ. Нерѣдко берега представляютъ на значительныхъ пространствахъ нѣмую пустыню, а тамъ, гдѣ они окружены плодоносной землею, видны отдѣльные хутора и небольшія селенія. Въ селеніяхъ и городахъ тутъ, вмѣсто домовъ, также какъ въ Египтѣ, землянки, иногда построенныя изъ кирпича, высушеннаго на солнцѣ; по большей части они такъ низки и малы, что куста достаточно для того, чтобы заслонить ихъ отъ взоровъ Дрянная деревушка въ цивилизованной Европѣ, говоритъ одинъ путешественникъ, столица въ сравненіи съ здѣшними городами. Тамъ, гдѣ почва плодороднѣе, деревни встрѣчаются чаще — на разстояніи двадцати пяти верстъ можно встрѣтить одну или двѣ, а иногда и не одной; населеніе тутъ такое же густое, какъ въ сибирской тайгѣ на коммерческихъ дорогахъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ почтовыхъ трактовъ. Въ полосѣ дождей изчезаютъ землянки: по большей части постройки эти такъ непрочны, что онѣ были бы смыты тропическими дождями. Онѣ замѣняются четырехъ-угольнымъ и коническимъ шалашомъ, покрытымъ пальмовыми цыновками. Иногда шалашъ этотъ обнесенъ заборомъ изъ колючихъ растеній, а иногда и этого нѣтъ. Тутъ вмѣстѣ помѣщаются и люди, и скотъ. Шалаши стоятъ безъ всякаго порядка, въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи и соединяются тропинками. Точно такой же шалашъ строится и кочевыми бедуинами. Города и селенія, по постройкамъ своимъ, ничѣмъ уже не отличаются отъ построекъ дикарей и уступаютъ очень многимъ. Здѣсь всѣ бѣдны, даже турецкіе начальники живутъ въ подобныхъ же шалашахъ; когда захотятъ показать особую роскошь или достойнымъ образомъ принять почетныхъ гостей, тогда раскидываютъ кочевую палатку — палатка, слѣдовательно, уже признакъ высшей цивилизаціи. Даже шалаши турецкихъ чиновниковъ не имѣютъ пола и на землѣ тутъ раскидываются цыновки или ставится родъ наръ. Шалашъ не имѣетъ оконъ; онъ освѣщается отверстіемъ, которое служитъ дверью, и если въ немъ разводится огонь, то дымъ выходитъ изъ него какъ знаетъ. Улицъ, имѣющихъ нѣкоторое имущество, на землю въ шалашѣ бросается цыновка, съ которой ѣдятъ верблюды.—Верблюдъ здѣсь болѣе взыскательный, чѣмъ человѣкъ, не соглашается ѣсть на голой землѣ. Встрѣчается также табуретъ на трехъ ножкахъ—тотъ самый, который виденъ на гіероглифическихъ изображеніяхъ. Немногія лица, значительные чиновники и высшіе мѣстные начальники, имѣютъ дома изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, и очень похожіе на сараи. Въ одеждѣ обнаруживается таже бѣдность, которую мы видимъ въ жилищѣ. Во время работъ и дома все населеніе, мужчины, женщины, дѣти ходятъ нагими. Въ сѣверныхъ частяхъ Нубіи замѣтно вліяніе Египта: женщины не показываются публично нагими, хотя даже магометанки ходятъ по большей части съ открытыми лицами. На югѣ же и въ степяхъ женщины нисколько не стѣсняются, показываютъ свою наготу и покрываются съ ногъ до головы только во время большихъ

праздниковъ и по особымъ случаямъ. Разница въ богатствѣ высшихъ слоевъ общества въ Египтѣ и въ Нубіи рѣзко обозначается на костюмѣ танцовщицы.— Танцовщица это публичная женщина и въ то же время центръ всѣхъ увеселеній и радостей богатаго человѣка по Нилу. Египтянка одѣвается роскошно и обильно украшаетъ свои волосы золотыми монетами. Мѣстная танцовщица Нубіи танцуетъ совершенно нагая; по большей части она раба, которую содержательница сѣчетъ розгами и кормитъ какъ можно менѣе. Жалкая и забитая она соперничаетъ съ пріѣхавшей въ Нубію египтянкой красотою, но не можетъ соперничать съ нею богатствомъ наряда, искусствомъ и граціознымъ, свободнымъ обращеніемъ. Раба, которая покупается съ тѣмъ, чтобы ее принуждать розгами къ утонченному разврату,—можетъ ли быть что нибудь ужаснѣе? Мужчины, женщины и дѣти ходятъ и работаютъ цѣлые дни подъ палящими лучами солнца совершенно нагіе и съ непокрытой головой, пасутъ стада безъ палатокъ въ то время, когда отъ солнечныхъ лучей не защищаетъ даже палатка и можетъ сдѣлаться ударъ, не смотря на покрытую голову. Песокъ раскаленъ до того, что въ немъ быстро варится яйцо, и обнаженной ногѣ грозитъ укушеніе скорпіона, за которымъ послѣдуетъ смерть черезъ нѣсколько часовъ. Не смотря на это даже сандаліи встрѣчаются рѣдко. Пища этого населенія доведена до минимума того, что можетъ ѣсть человѣкъ. Зерно неудовлетворительно растирается руками между двухъ камней и еще неудовлетворительнѣе поджаривается на раскаленныхъ каменьяхъ. Нѣсколько небольшихъ лепешекъ, приготовленныхъ такимъ образомъ, составляютъ дневную пищу самаго сильнаго человѣка, при самой тяжкой работѣ. Утверждаютъ, что во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, точно также, какъ въ Сиріи и въ Аравіи, рабочій человѣкъ съѣдаетъ менѣе полфунта пищи въ день. Въ этой странѣ голода и жажды даже вода составляетъ лакомство, и существуютъ пѣсни, въ которыхъ воспѣвается счастье людей, которые всегда напиваются досыта водой. Кто бы могъ подумать, что есть на землѣ уголъ гдѣ считается идеаломъ счастья наѣсться впроголодь и напиться водой. Оптимисты увѣряютъ, что эта скудность въ пищѣ и питьѣ зависитъ отъ недостатка потребности, но мнѣніе это вполнѣ опровергается жадностью, съ которою здѣшніе жители кидаются на каждый кусокъ, который имъ достается сверхъ обыкновенной порціи, и турки презираютъ ихъ за то, что даже мышь для нихъ лакомое блюдо. Внутренности убитаго скота, выброшенныя для собакъ поваромъ какого-нибудь англичанина, они схватываютъ съ невѣроятнымъ остервененіемъ и пожираютъ сырыми. Точно также сырымъ и даже полумертвымъ они ѣдятъ мясо, когда оно имъ попадается, и живая кровь течетъ у нихъ по губамъ, какъ у каннибаловъ. Среди этой безконечной бѣдности только одни паши и торговцы невольниками въ Картумѣ отличаются своей роскошью. Конюшни пашей наполнены многочисленными лошадями превосходныхъ породъ, и они разъѣзжаютъ по городу съ огромной свитой на превосходныхъ лошадяхъ, въ яркихъ шелковыхъ одеждахъ и съ блестящимъ оружіемъ. Требованія, которыя дѣлаетъ правительство отъ населенія, не только переходятъ за всякіе пре-

дѣлы умѣренности, но далеко за предѣлы возможнаго. Дань постоянно такъ велика, что жители не могутъ ее покрыть ни деньгами, ни натурою и вынуждены наконецъ оплачивать живымъ товаромъ, т. е. людьми. Набранныхъ такимъ образомъ невольниковъ гонятъ нагими, связанными веревками, по ужаснымъ степямъ, почти безъ пищи и питья тамъ, гдѣ даже верблюды гибнутъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что ихъ тѣла могутъ служить указаніемъ пути для несвѣдущаго путешественника. Кто сосчитаетъ, сколько рабовъ погибло въ этихъ степяхъ?—Несчастныя дѣти немилосердно растлѣваются развратными солдатами. Затѣмъ мужчины обращались въ военную службу, а дѣти и женщины продавались Турки гоняются въ Нубіи за людьми съ такимъ ожесточеніемъ, что стоитъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ язиться бѣлому лицу для того, чтобы всѣ жители скрылись и страна показалась необитаемою. Независимо отъ этихъ постоянныхъ чудовищныхъ поборовъ, встрѣчались еще случайные, столь же чудовищные. По разнымъ случаямъ, напр. по случаю войны, требовались верблюды и проч. и всегда въ такихъ размѣрахъ, что выполнить требованіе не было никакой возможности. За двухъ ограбленныхъ путешественниковъ напр. взыскали съ одного великаго шейха 125.000 руб. сер. подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ отвѣчаетъ за безопасность въ мѣстахъ, гдѣ кочуетъ подчиненное ему племя. Подобные примѣры разжигали жадность людей, чувствовавшихъ надъ собою покровительство, и начинались процессы о мнимыхъ покражахъ. Не даромъ одинъ путешественникъ выражаетъ свое недовѣріе къ современному египетскому правительству и увѣряетъ, что турки всегда останутся турками Нищета въ Нубіи такъ велика, что мужчины, не будучи въ состояніи найти дома для себя обезпеченія, разбредаются въ разныя стороны и семейство отъ этого до такой степени разрушается, что водворяются нравы совершенно несогласныя съ его существованіемъ. Женщины, въ отсутствіи мужей, безъ всякаго стѣсненія вступаютъ въ связь со всякимъ мужчиной, и мужья не ревнуютъ своихъ женъ, потому что знаютъ, что при строгомъ семействѣ они сами много должны были бы терпѣть отъ неудовлетвореннаго сладострастія, а при такихъ обычаяхъ они вездѣ могутъ удовлетворять своимъ потребностямъ съ большою легкостью. Даже во многихъ городахъ почти всѣ женщины продажныя. Такъ велика всеобщая бѣдность. Можно было бы подумать, что эта разнузданность происходитъ отъ недостатка тѣхъ чувствъ, на которыхъ держится семейство,— менѣе всего: они извѣстны своей любовью къ дѣтямъ, которая доходитъ до совершеннаго самозабвенія даже у отцовъ, не только у матерей. Одинъ изъ добросовѣстныхъ путешественниковъ разсказываетъ случай, что отецъ безъ всякаго оружія кинулся въ рѣку спасать отъ крокодила своего ребенка, боролся съ нимъ въ водѣ, былъ имъ израненъ, но спасъ, хотя напрасно, потому что ребенокъ умеръ. Нужда и притѣсненія конечно уничтожаютъ эти качества. Прибавьте, что въ южной Нубіи ко всѣмъ бѣдствіямъ присовокупляются еще явленія, неизвѣстныя въ Египтѣ за отсутствіемъ дождей; спасаясь отъ ливней, ядовитыя животныя заползаютъ въ жилища, а сырость и грязь дѣлаютъ ихъ почти необитаемыми. Къ отсутствію

понятія о семействѣ присовокупляется отсутствіе понятія о святости собственности. Если обратить вниманіе на то, какимъ образомъ турки взыскиваютъ свои непомѣрные и несправедливые поборы, то не трудно объяснить себѣ это явленіе. Для сбора посылаются солдатскія команды, которыя безчинствуютъ и грабятъ сколько имъ угодно; мѣстныя власти не имѣютъ противъ нихъ никакого оружія и даже центральная власть не въ силахъ съ ними справиться. Они пріучили и мѣстныхъ жителей къ самому безцеремонному обращенію съ собственностью — Судорабочіе по рѣкамъ, проводники караванъ хватаютъ все, что имъ попадется на дорогѣ—арбузы съ полей, плоды, барановъ изъ стадъ Напрасно собственники бѣгаютъ за ними и провожаютъ ихъ проклятіями и ругательствами; но стада еще можно отгонять, а чѣмъ могутъ оградить себя земледѣльцы? Плодоносныя земли встрѣчаются по рѣкамъ, гдѣ центръ сообщеній и воровства, а если и есть гдѣ нибудь въ сторонѣ, около ручьевъ, то тутъ непремѣнно или дорога каравановъ, или бедуины приходятъ поить свои стада Не мудрено послѣ этого, если страна производитъ такъ мало и жители вынуждены ограничивать свой аппетитъ до невѣроятныхъ размѣровъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Государства застоя. — Три четверти земнаго шара занято дикарями и племенами застоя — Причина заключается не въ недостаткѣ способностей, а въ нравственномъ неразвитіи людей —Инстинкты міровой жизни тутъ дѣйствуютъ также сильно, но направленіе ихъ совершенно ложное.—Человѣкъ возвышается въ общественномъ мнѣніи хищничествомъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Вотъ въ какомъ состояніи мы видимъ населеніе странъ, гдѣ развилась та цивилизація, которая оставила послѣ себя наибольшее число самыхъ древнихъ памятниковъ. Вотъ положеніе страны, надъ которой ни одна изъ міровыхъ цивилизацій не прошла безслѣдно; отъ самыхъ древнихъ и до нашихъ дней каждая оставила здѣсь свои развалины и можетъ быть когда нибудь путешественники будутъ описывать развалины суэцкаго канала и будутъ характеризовать нашу современную цивилизацію этимъ проявленіемъ, на которое она употребила столько усилій. И что же? — Положеніе массы народа въ этой странѣ какъ двѣ капли воды похоже на положеніе дикаго человѣка. Мѣстами оно лучше и какъ будто бы носитъ на себѣ признаки цивилизаціи, хотя эти признаки ограничиваются тѣмъ, что женщины ходятъ закутанными съ ногъ до головы въ грязныхъ и оборванныхъ лохмотьяхъ, но за тоже въ другихъ мѣстностяхъ населеніе можетъ быть приравниваемо только къ самымъ жалкимъ

изъ дикарей; и далѣе въ глубинѣ Африки мы видимъ дикихъ несравненно болѣе счастливыхъ. Предъ глазами читателя я провелъ картину страны застоя. Богъ знаетъ, сколько цивилизацій прошли надъ ея головой, и Богъ знаетъ, сколько пройдетъ еще, безслѣдно отражаясь развѣ только на роскоши не многихъ избранниковъ изъ высшихъ сословій. Вотъ образцы государственной жизни застоя. На югѣ, на Мадагаскарѣ, на островахъ малоазійскихъ, на восточномъ индѣйскомъ полуостровѣ, вездѣ мы ихъ находимъ въ томъ же самомъ положеніи. Одинъ изъ послѣднихъ путешественниковъ по восточному полуострову Индіи, описывая мѣстности Люангъ—Пробана (1), заимствовавшія буддійскую цивилизацію, и живущихъ между ними дикарей, говоритъ—что Лаотійцы смотрятъ на дикихъ, какъ на низшія существа и презираютъ ихъ, но что онъ находитъ эту гордость совершенно неумѣстною, потому что именно у дикарей онъ нашелъ лучшія рисовыя поля и лучшія стада быковъ. Въ Египтѣ жителей не спасло изобрѣтеніе книгопечатанія и знакомство съ желѣзомъ; ихъ страна пустыннѣе и бѣднѣе, чѣмъ она была, когда ихъ предки не знали желѣза и писали іероглифами. До сихъ поръ ихъ привычки, ихъ взгляды на жизнь остались тѣми же, какими они были тысячи лѣтъ тому назадъ.

Ихъ прическа, ихъ трехножный табуретъ, ихъ приборъ для орошенія полей изображены въ томъ же видѣ іероглифами. Если обратить вниманіе на то, что говорится въ надписяхъ о построеніи пирамидъ, то окажется, что ихъ и тогда такъ же плохо кормили, какъ теперь на фабрикахъ египетскихъ монополистовъ, также жестоко заставляли работать и луковица играла такую же роль въ этой скудной пищѣ — они не сдѣлали ни шагу впередъ, но сдѣлали несомнѣнные шаги назадъ. Далѣе на сѣверъ, въ странахъ застоя обращается болѣе вниманія на жилище и одежду; но развѣ мы не видимъ тоже самое, если сравнимъ сѣвернаго дикаря съ пустыннымъ. Развѣ Персія счастливѣе Египта, развѣ тамъ мы не видимъ точно такіе же дома—низкіе, разрушающіеся и построенные изъ грязи. Въ этой засохшей грязи заводятся массы вредныхъ насѣкомыхъ и ядовитые гады; отъ дождя они расплываются и дѣлаются необитаемыми, но зато же нѣтъ ничего легче, какъ строить подобные дома, и въ этомъ отношеніи они совершенно похожи на жилища дикихъ.

Нагрѣвается комната углями, накиданными въ яму, сдѣланную среди пола. Въ сельскихъ домахъ почти совершенно нѣтъ оконъ; въ потолкѣ отверстія, недостаточныя ни для свѣта, ни для выхода дыма; холодъ нестерпимый. Какъ у дикарей, деревни обносятся стѣнами и укрѣпляются. Съ ея ужасными снѣжными зимами на сѣверѣ, съ ея грудами пыли, отъ которой страдаютъ глаза и которая смѣняется иногда не просыхающею слякотью на улицахъ, Персія представляется даже болѣе жалкой, чѣмъ Египетъ. Она еще пустыннѣе и напоминаетъ путешественникамъ видъ безпредѣльнаго пепелища, гдѣ земля, похожая на груды золы, за-

(1) Вассальное владѣніе Сіама.

росла отвратительными колючими растеніями. Путешественника поражаетъ безлюдье, которое его окружаетъ всюду. Онъ ѣдетъ, какъ въ глухой тайгѣ; только рѣдко онъ встрѣчаетъ человѣка на такомъ маленькомъ и тощемъ животномъ, что ноги его касаются земли Отъ времени до времени онъ встрѣчается съ густо населенными и обработанными долинами, но съ перваго взгляда ему ясно, что населеніе тутъ можетъ существовать только благодаря богатству почвы, которую вся небрежность обращенія съ нею не можетъ лишить плодородія. Во всѣхъ частяхъ Персіи кочевыя и разбойничьи племена встрѣчаются такъ же часто, какъ на Нилѣ. Ея города съ ихъ пустынными улицами, съ домами, по цвѣту нисколько не отличающимися отъ земли, на которой они выстроены, производятъ впечатлѣніе узкихъ, длинныхъ, пыльныхъ или грязныхъ корридоровъ, когда-то давно прорытыхъ въ землѣ. Полумракъ, который тамъ господствуетъ, женщины, покрытыя съ ногъ до головы, какъ саваномъ, безформеннымъ и единообразнымъ бѣлымъ платьемъ, внушаютъ мысль о путешествіи по могильнымъ склепамъ. Площади наполнены ямами, а во ямахъ навалена всякая нечистота. Ямы эти произошли часто отъ того, что тутъ брали матерьялъ для постройки сосѣднихъ зданій При такихъ пріемахъ домостроительства, конечно, строить не трудно. Можно ли себѣ представить что-нибудь ужаснѣе и безпріютнѣе подобныхъ городовъ?

Даже такіе города теперь малочисленны. Въ Персіи путешественникъ встрѣчаетъ несравненно болѣе развалинъ, чѣмъ городовъ, и въ то время, когда развалины покрываютъ иногда огромныя пространства, города похожи на жалкія деревни. Многія изъ этихъ развалинъ относятся къ недавнему времени и доказываютъ, что Персія бѣднѣетъ съ каждымъ днемъ. Персидскія двери, гдѣ нужно пролѣзть ползкомъ, чѣмъ отличаются отъ дверей дикаря? Оборванныхъ людей, нищихъ тутъ столько же, какъ въ Египтѣ. Ихъ отчаяніе такъ велико, что они кидаются подъ лошадей шаха или, схватывая сановника за грудь, требуютъ себѣ милостыни, или смерти; и шахъ, и его министры, зная положеніе страны, уступаютъ такимъ требованіямъ. Совершенно нагой нищій и работникъ, вся одежда котораго состоитъ изъ разорванныхъ штановъ,—самое обыкновенное явленіе. Сосѣднія съ Персіею страны, гдѣ деревни вырываются въ землѣ и гдѣ путешественникъ, подъѣзжая къ селенію, не можетъ замѣтить и слѣдовъ жилья, еще болѣе напоминаютъ собою пещернаго человѣка, чѣмъ мѣстности расположенныя между верхними частями Нила и Чермнымъ моремъ. А когда-то Персія была цвѣтущая страна, гдѣ въ одномъ Нишанурскомъ округѣ насчитывалось до двѣнадцати тысячъ каналовъ и водохранилищъ. Въ Хороссанѣ насчитывалось до четырехъ тысячъ двухъ сотъ колодцевъ и область была покрыта безчисленнымъ множествомъ городовъ, которые равнялись по населенію съ цвѣтущими столицами Европы. Дорога отъ Тегерана въ Испагань еще въ прошломъ столѣтіи пріятно поражала путешественниковъ: тамъ вездѣ видны были обширныя деревни, красивые караванъ-сараи, засѣянныя поля; а теперь ѣдущій по этой дорогѣ встрѣчаетъ только степи, развалины и изрѣдка деревни. Вотъ каково въ Персіи. — Можно спросить, гдѣ же лучше въ мѣстностяхъ застоя? неужели

напр, въ Тибетѣ, въ этомъ средоточіи буддистской учености, гдѣ въ деревняхъ дома слагаются изъ камня безъ всякаго цемента, съ тремя или четырьмя дырами для свѣта и сравниваются путешественниками съ печами для обжиганія извести, гдѣ люди высшаго сословія ѣдятъ сырое, мороженное мясо; или, можетъ быть, въ Африкѣ, на западъ отъ Египта, Тунисъ, самый многолюдный городъ между Египтомъ и Алжиромъ?—но и въ немъ не менѣе разваливающихся зданій, чѣмъ въ персидскихъ городахъ. Здѣсь описаны мѣстности, которыя были полемъ дѣятельности Мехмета-Али и его наслѣдниковъ Кому неизвѣстно, какъ много кричали объ этихъ цивилизаторахъ восточнаго міра. Если населеніе, которое втеченіе полувѣка было предметомъ реформъ, куда уже съ конца прошлаго столѣтія французы всѣми силами старались ввести свою цивилизацію и не отступали даже передъ завоеваніемъ, — если это населеніе не пользуется бо́льшимъ счастьемъ, чѣмъ дикари, то можно себѣ составить понятіе о положеніи странъ застоя, не пользовавшихся такими заботами. Читателю, который мало занимался сравненіемъ положенія различныхъ странъ, очень трудно повѣрить тому, что страны застоя такъ мало разнятся по отношенію къ своему благосостоянію отъ дикарей. Но пусть же онъ напр. сравнитъ ихъ съ положеніемъ дикарей западной Африки. Вотъ какъ напр. описываются постройки у прибрежныхъ жителей южной Гвинеи. Онѣ имѣютъ четырехъ угольную форму, строятся изъ бамбука и покрываются цыновками изъ бамбуковыхъ листьевъ, большіе дома доходятъ до пятнадцати саженъ длины. Всѣ дома имѣютъ только одинъ этажъ и строятся на возвышеніи изъ глины. Они имѣютъ отъ пяти до шести комнатъ, отдѣльныя спальни и кухни. Нерѣдко они очень красивы на видъ, совершенно сухи и здоровы Когда они имѣютъ полъ изъ досокъ, то даже европейцы предпочитаютъ ихъ всякимъ другимъ жилищамъ. Чистота въ жилищахъ и на дворахъ негровъ встрѣчается во многихъ мѣстахъ Африки; ее описываютъ путешественники, которые проникали всего далѣе въ глубь страны; она составляетъ замѣчательный контрастъ съ грязью, которая описывается въ жилищахъ напр. персіянъ. У прибрежныхъ жителей Южной Гвинеи въ домахъ есть столы и стулья, встрѣчаются картины, даже въ золотыхъ рамахъ, въ Габунѣ почти въ каждомъ домѣ можно найти часы. Они ѣдятъ на столахъ и употребляютъ ножи и вилки; кушанья приготовляютъ нерѣдко такъ вкусно, что ими не пренебрегаютъ даже и европейцы Одежда ихъ состоитъ изъ рубашки и сверхъ рубашки, съ плечъ до пятъ, виситъ четырехъ-угольный кусокъ матеріи, на головѣ они носятъ красивыя шапки, нерѣдко шелковыя. Женщины носятъ рубашку до колѣнъ, но безъ рукавовъ, сверху шаль, на рукахъ и ногахъ металлическія кольца. И женщины, и мужчины очень любятъ украшенія и съ большимъ вкусомъ убираютъ свои волоса. Женщины обладаютъ удивительнымъ искусствомъ создавать себѣ прическу къ лицу. Лысина считается большимъ уродствомъ, а потому употребляются даже парики и искусственные волосы, которые такъ хорошо приготовляются изъ ананасныхъ листьевъ, что имъ могъ-бы позавидовать даже парижскій парикма-

херъ. Никакъ нельзя сказать, чтобы населеніе застоя жило въ какомъ нибудь отношеніи лучше.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Если мы къ мѣстностямъ, заселеннымъ дикарями, присоединимъ тѣ мѣстности, на которыхъ расположены государства застоя, то окажется, что все пространство, занятое ихъ населеніемъ, составляетъ болѣе милліона семи сотъ тысячъ квадратн. миль, то есть почти три четверти суши на земной поверхности.

Прежде всего вниманіе изслѣдователя останавливается на томъ фактѣ, что послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій существованія человѣка на землѣ три четверти земной поверхности покрыты населеніемъ или совершенно дикихъ расъ, или такихъ, которые находятся рѣдко въ лучшемъ положеніи, чѣмъ самые дикари. Разсматривая это явленіе, ближе вникая въ его внутренній смыслъ, намъ легко убѣдиться, что какъ природа тѣхъ мѣстностей, гдѣ живутъ эти расы, такъ и способности ихъ были тысячи лѣтъ тому назадъ совершенно достаточны для размноженія несравненно большаго числа людей и для значительнаго увеличенія ихъ общаго благосостоянія. Но отчего-же онѣ цѣлые вѣка стоятъ на одномъ мѣстѣ? Отчего онѣ не идутъ впередъ и не улучшаютъ своего индивидуальнаго и общественнаго положенія?

На пространствѣ въ милліонъ семь сотъ тысячъ квадратныхъ миль, о которомъ мы теперь говоримъ, живутъ приблизительно двѣсти милліоновъ людей. Предполагаютъ, что въ древности населеніе Египта было въ нѣсколько разъ многочисленнѣе современнаго, но если мы предположимъ даже, что четыре тысячи лѣтъ тому назадъ оно составляло только два съ половиною милліона (1) и если-бы оно за тѣмъ удваивалось только каждые пятьдесятъ лѣтъ, что, какъ извѣстно, еще не составляетъ быстраго роста, то уже три тысячи лѣтъ тому назадъ населеніе это могло-бы покрыть собою все пространство, которое населяется теперь дикими племенами и племенами застоя, и покрыть притомъ такими многочисленными массами, которыя густотою своею превосходили-бы населеніе всѣхъ странъ европейской и азіатской цивилизаціи. Извѣстно, что въ древности густое населеніе далеко не составляло исключительной принадлежности Египта; Месопотамская долина, малая Азія, Сирія, части современной Персіи, нѣкоторая часть африканскаго берега, прилегающая къ Средиземному морю, отличались несравненно болѣе густымъ населеніемъ, чѣмъ теперь. Утверждаютъ, что Фивы и Мемфисъ были незначительнѣе Вавилона и Ниневіи. Римъ при цезаряхъ былъ менѣе населенъ, чѣмъ эти двѣ столицы семитическаго племени въ цвѣтущія свои времена.

(1) Писатели, которые менѣе всего склонны преувеличивать населеніе древняго Египта, все-таки вычисляютъ его три тысячи лѣтъ тому назадъ въ пять съ половиною милліоновъ.

Многія изъ племенъ, населявшихъ это пространство, отличались вполнѣ доказанной способностью быстро размножаться, такъ-что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что задержка въ развитіи населенія зависѣла вовсе не отъ этихъ естественныхъ причинъ. Еще менѣе можно видѣть эти причины въ неумѣньи людей того времени производить достаточное количество питательныхъ веществъ для прокормленія густаго населенія.

Мѣстности, на которыхъ расположены государства застоя, вполнѣ производятъ впечатлѣніе дикой природы; тутъ всюду крайности и нигдѣ нѣтъ условій, благопріятныхъ для развитія жизни. Въ одномъ мѣстѣ безотрадная сушь и безконечная песчаная степь, рядомъ чрезмѣрное скопленіе сырости, огромныя болота; въ одномъ здоровье убивается сухимъ и жгучимъ воздухомъ, въ другомъ міазмами и испареніями. Рядомъ съ самой безотрадной пустыней нѣтъ житья отъ чрезмѣрнаго развитія растительности и безчисленнаго множества вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ. На Панамскомъ перешейкѣ могучая производительность природы представляла почти неодолимыя преграды для проложенія желѣзной дороги, не смотря на то, что ея длина составляла всего 85 верстъ. Этотъ путь, проложенный съ величайшими усиліями, зарасталъ окончательно чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; самое твердое дерево для настилокъ и построекъ подъ вліяніемъ климата и безчисленныхъ насѣкомыхъ уничтожалось втеченіе года. Никакія предосторожности, никакая раса, никакое сложеніе не могло противустоять гибельному вліянію климата; тропическій жаръ, лихорадки и мучительныя насѣкомыя убивали такъ быстро, что изъ 800 вновь прибывшихъ китайцевъ въ нѣсколько недѣль умерло 600. Большія рѣки или до того заростаютъ, что чрезъ нихъ можно переходить, какъ по болоту, или до того наполнены хищными животными, что невозможно купаться; на судахъ путешественники погибаютъ отъ уязвленій безчисленнаго множества насѣкомыхъ, которыя заводятся въ деревѣ. На сушѣ еще хуже Растительность такъ густа, что обезьянамъ легко ходить по вершинамъ деревьевъ; можно въ одномъ мѣстѣ встрѣтить тысячи и даже милльоны змѣй. Въ южной Гвинеѣ большія деревни оставлялись своими жителями по причинѣ многочисленности леопардовъ, которые таскали дѣтей и нападали на женщинъ.

Одно испареніе гніющихъ въ землѣ растительныхъ веществъ смертельно для человѣка. Испаренія глухихъ дѣвственныхъ лѣсовъ во время палящаго зноя болѣе ядовиты, чѣмъ въ умѣренной полосѣ испаренія болотъ и между нихъ обитателями порождаютъ болѣзни, слабость и вырожденіе расы. Даже на сѣверѣ въ тайгѣ такое множество насѣкомыхъ, что путешественнику достаточно остановиться минуты на двѣ и слѣзть съ лошади, чтобы укоротить слишкомъ длинное стремя, — и его осаждаетъ такая масса насѣкомыхъ и съ такою яростью, что онъ испытываетъ незнакомыя ему страданія. Даже въ мѣстностяхъ болѣе населенныхъ почва воздѣлана такъ мало и плохо, что сырость распредѣляется самымъ неравномѣрнымъ образомъ и во время жаровъ испаренія земли такъ зловредны, что въ иныхъ мѣстахъ втеченіе всего лѣта всѣхъ жителей трясетъ лихорадка и облегченіе они получаютъ только осенью. Культура

человѣческая вездѣ сглаживаетъ эти контрасты; она особенно способствуетъ болѣе правильному распредѣленію главнаго условія жизни—воды. Подъ вліяніемъ человѣка, природа перестаетъ душить жизнь въ одномъ мѣстѣ посредствомъ чрезмѣрнаго скопленія для нея матерьяловъ, а въ другомъ посредствомъ полнаго въ нихъ недостатка.

Нѣтъ сомнѣнія, что внезапныя и рѣзкія превращенія всегда превышали силы отдѣльнаго человѣка. Конечно, если человѣкъ вдругъ перенесется въ средину безплодныхъ песковъ или безлюдныхъ болотъ, то онъ или погибнетъ, или съ трудомъ будетъ подвигаться впередъ; но въ благопріятныхъ мѣстностяхъ онъ можетъ легко ориентироваться и если для начала орошенія или осушенія долженъ употребить много труда, то зато труды эти вскорѣ вознаграждаются такъ изобильно, что онъ можетъ уже съ успѣхомъ подвигаться далѣе. Тамъ, гдѣ достаточно плодовъ одного саговаго дерева, чтобы прокормить человѣка втеченіе цѣлаго года и получить тридцать пудовъ питательныхъ и вкусныхъ лепешекъ, гдѣ, однажды устроивъ систему орошеній, человѣкъ можетъ получать по пяти сборовъ въ годъ, и сборы эти даютъ ему нерѣдко каждый самъ шестьдесятъ и самъ-сто, тамъ ему нетрудно, обезпечивъ себя устройствомъ одной плантаціи, завести вслѣдъ затѣмъ другую для своего потомства и такимъ образомъ отвоевывать у пустынь и болотъ все болѣе мѣста. Изобильное производство питательныхъ растеній на югѣ извѣстно даже дикимъ.

На молукскихъ островахъ человѣкъ за два рубля серебромъ можетъ купить себѣ дерево, которое втеченіе многихъ лѣтъ будетъ содержать его изъ года въ годъ; несмотря на низкую цѣну труда въ этихъ мѣстностяхъ, онъ въ двѣ съ половиной недѣли можетъ заработать столько, сколько нужно для того, чтобы обезпечить себя на нѣсколько лѣтъ. Пяти дней труда ему достаточно, чтобы сдѣлать годичный запасъ. Древній Египетъ стоялъ въ отношеніи производительности нисколько не ниже Индіи, а мы видимъ, что индусы умѣютъ содержать до восемнадцати тысячъ человѣкъ на одной квадратной милѣ, то-есть несравненно болѣе, чѣмъ въ самыхъ густо-населенныхъ мѣстахъ Европы. Въ древнемъ Вавилонѣ искусство орошенія и устройства плотинъ стояло на такой высокой степени, что европейцы только недавно сравнялись съ ними.

Если въ Египтѣ не люди завладѣли пустыней, а пустыня плодоносными мѣстами, то мы должны приписать это не природнымъ условіямъ жизни, не отсутствію въ населеніи ума и трудолюбія, а причинамъ исключительно нравственнымъ. Въ Индіи нравственное паденіе также расплодило много непроходимыхъ лѣсовъ, пространствъ, заросшихъ колючими растеніями, зловредныхъ болотъ и безплодныхъ песковъ. Конечно, господство безплодія тутъ распространилось менѣе, чѣмъ въ Персіи, Сиріи и Египтѣ, но зато и нравственный упадокъ населенія никогда не достигалъ такихъ размѣровъ, какъ въ странѣ фараоновъ. Впрочемъ, на восточномъ индѣйскомъ полуостровѣ, гдѣ слѣды упадка встрѣчаются даже среди самаго способнаго къ производительности населенія, напр. тонкинскаго, никакъ нельзя сказать, чтобы господство

безплодія было менѣе распространено, чѣмъ въ западной Азіи. Въ Кохинхинѣ считалось когда-то 25 мил. жителей, а теперь тамъ нѣтъ и половины. Кромѣ Египта, по отношенію къ сельскохозяйственному производству, стояли не ниже современной Индіи многія другія страны—месопотамская долина, малая Азія, Сирія, нѣкоторыя мѣстности у береговъ Африки. Почва, на которой жили евреи, была одно время воздѣлана, какъ садъ. Даже долго спустя послѣ временъ славы и процвѣтанія еврейской расы, до самаго раззоренія Іерусалима римлянами, Галилея была цвѣтущая и благодатная страна. Всюду тамъ были разсажены пальмы, оливковыя и фиговыя деревья, виноградныя лозы. Среди садовъ разсыпаны были богатыя селенія рыбаковъ Ея города имѣли многочисленное населеніе, пользовавшееся большимъ благосостояніемъ. Теперь, говоритъ одинъ путешественникъ,—тамъ нѣтъ ни деревьевъ, ни культуры, ни городовъ, ни деревень, ни жителей; кругомъ озера едва можно отыскать слѣды прежнихъ поселеній. Во время Страбона Сирія имѣла населеніе въ двѣнадцать милльоновъ; еще въ концѣ прошлаго столѣтія населеніе это простиралось до двухъ милльоновъ, а теперь тамъ насчитывается всего милльонъ четыреста тысячъ.

Въ Вавилоніи упадокъ такъ великъ, что девять десятыхъ плодоносной почвы остаются невоздѣланными и по нимъ бродятъ обнищавшіе номады. Проѣзжая то, что называютъ нынѣ степью между Аму-Дарьей и хорасанскими горами, одну изъ самыхъ безплодныхъ мѣстностей Азіи, путешественникъ пораженъ видомъ множества городовъ, замковъ, селъ, цистернъ и каравансараевъ въ развалинахъ, о которыхъ преданіе уже не въ силахъ дать никакого отчета, но гдѣ находятъ множество древнихъ монетъ.

Современный Алжиръ считался житницей Рима. Окрестности Карѳагена были, вѣроятно, такъ-же населены, какъ многія густонаселенныя мѣста современной Европы. Римляне учились тутъ агрономіи. Во времена Кира греческій островъ Самосъ описывается такимъ цвѣтущимъ и густонаселеннымъ, что онъ представлялъ видъ одного необозримаго города. Механическое искусство, которое необходимо для того, чтобы распространять орошеніе почвы и уменьшать размѣры безплодныхъ земель, стояло нѣкогда въ Египтѣ на высокой степени совершенства даже въ тѣ времена, когда неизвѣстно было желѣзо. Мы видимъ поразительное явленіе, что ученые девятнадцатаго вѣка безплодно ломали себѣ голову надъ тѣмъ, чтобы разъяснить чудеса механики и техники, которыя оставили свои слѣды на египетскихъ памятникахъ отдаленнѣйшихъ временъ, когда о желѣзѣ не имѣли никакого понятія. По весьма вѣроятному предположенію, многія безплодныя степи были покрыты тогда цвѣтущими плантаціями, и все-таки плодородіе могло-бы быть занесено еще несравненно далѣе. Нельзя безъ глубокой грусти смотрѣть на огромныя массы труда и механическихъ свѣденій, которыя употреблены были на сооруженіе несокрушимыхъ и великолѣпныхъ, но ни къ чему негодныхъ памятниковъ, до сихъ поръ покрывающихъ почву Египта.

Невозможно найти болѣе краснорѣчиваго свидѣтельства противъ искус-

ственныхъ потребностей; нельзя найти болѣе убѣдительнаго доказательства необходимости воспитывать въ людяхъ здравыя чувства и міровоззрѣнія Какъ далеко были-бы разнесены жизнь и плодородіе, еслибы весь этотъ трудъ, все это искусство были употреблены для распространенія въ странѣ искуственныхъ орошеній' Сколько бы они создали новыхъ силъ, способныхъ трудиться! Можетъ-ли остаться въ душѣ человѣка хотя тѣнь сомнѣнія въ томъ, что не недостатокъ способностей, не недостатки природы, а недостатки нравственные, ложныя чувства и міровоззрѣніе были единственною причиною упадка и поразительнаго застоя этихъ нѣкогда сильныхъ и богатыхъ странъ. Ассирія, хотя и менѣе Вавилона, была также богатая и промышленная страна, но уже во время господства персовъ она превратилась въ пустыню. Потомковъ древнихъ египтянъ мы видимъ до сихъ поръ; они до сихъ поръ трудолюбивое племя, а гдѣ теперь потомки древнихъ ассиріянъ и вавилонянъ, отчего исчезло съ лица земли это населеніе, когда-то столь трудолюбивое и столь многочисленное?

Для объясненія жалкаго состоянія племенъ застоя ученые неоднократно сравнивали жизнь государствъ и общественныхъ организмовъ съ органической жизнью отдѣльныхъ личностей. Этотъ пріемъ, по научной нераціональности своей, можетъ сравняться развѣ только съ пріемами, которыми опредѣляется способность къ развитію разныхъ расъ по внѣшнимъ признакамъ. Этотъ пріемъ столь же рутинный, какъ и ложный.

Источникъ развитія въ человѣческомъ организмѣ пока составляетъ для насъ невполнѣ разрѣшенную проблемму; мы не можемъ себѣ удовлетворительно объяснить, почему желудокъ ребенка, крайне несовершенный и который похожъ скорѣе на кишку, чѣмъ на желудокъ, не только въ состояніи питать дѣтскій организмъ, но и быстро развивать его, а желудокъ взрослаго человѣка, совершенно сформировавшійся, не только недостаточенъ для развитія, но недостаточенъ даже для постояннаго поддержанія организма и порождаетъ въ немъ постепенный упадокъ и старость. Мы неизвѣстное сравниваемъ съ малоизвѣстнымъ: что же изъ этого можетъ выйдти, кромѣ искаженія истины? Притомъ мы сравниваемъ вещи, въ основныхъ своихъ началахъ совершенно непохожія другъ на друга. Мы видимъ, что основное начало организма таково, что погибель его скоро дѣлается неизбѣжною; между тѣмъ, какъ основное начало общественной жизни—это идеи и чувства, которыя могутъ постоянно жить и, развиваясь до безконечности, передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе, все въ лучшемъ и лучшемъ видѣ. Онѣ погибаютъ лишь тогда, когда направляются въ ложную сторону или задерживаются въ своемъ развитіи. Чѣмъ болѣе въ нихъ лжи, тѣмъ скорѣе онѣ губятъ общество, среди котораго царствуютъ; и наоборотъ, онѣ даютъ обществу тѣмъ болѣе продолжительную жизнь, чѣмъ онѣ ближе къ истинѣ, чѣмъ онѣ нормальнѣе и прогрессивнѣе. Мы можемъ себѣ представить, что общество съ совершенно нормальными чувствами и взглядами на жизнь будетъ существовать безконечно, что, постоянно мѣняя свои органически-развивающіяся формы, оно будетъ прогрессировать неизмѣнно втеченіе безчи-

сленныхъ вѣковъ, точно такъ же, какъ Европа и Америка прогрессировали отъ XVI до XIX вѣка. Но никакъ не можемъ представить себѣ человѣка, который при самой нормальной жизни могъ бы разсчитывать на безсмертіе Для насъ совершенно ясно, что дальнѣйшее существованіе человѣка на землѣ зависитъ отъ состоянія этой земли, отъ ея температуры, отъ состава ея поверхности и т. д. Когда температура земной поверхности понизится или возвысится въ извѣстной степени, то человѣкъ на ней погибнетъ; но намъ неизвѣстно ни одной неизбѣжной причины, по которой человѣческая цивилизація должна погибать и возрождаться, не смотря на то, что естественныя условія человѣческой жизни остаются попрежнему благопріятными для человѣка. Намъ извѣстенъ ходъ зарожденія, роста и смерти отдѣльнаго человѣка, но по отношенію къ государствамъ и цивилизаціямъ передъ нами лежитъ явленіе совершенно другаго рода. Тутъ мы не видимъ ничего подобнаго тому, что мы встрѣчаемъ въ человѣческомъ организмѣ. Человѣкъ не можетъ въ одинъ годъ достигнуть роста великана, не можетъ тридцать лѣтъ оставаться двухлѣтнимъ ребенкомъ и потомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ вдругъ возмужать; между тѣмъ у государствъ это обыкновенное явленіе. Втеченіе тысячелѣтій Аравія была раздроблена на мелкія государства; послѣ Магомета она вдругъ составила огромную и сильную націю; слѣдовательно, государства не ростутъ и не старѣютъ, а слагаются и разлагаются. Это сложеніе и разложеніе зависитъ не отъ какого-нибудь постоянно повторяющагося закона природы, а прямо отъ тѣхъ условій, которыя благопріятствуютъ или вредятъ правильному развитію чувствъ и міровоззрѣній народа. Такое условіе существованія государствъ и развитія ихъ прямо побуждаетъ насъ изыскивать средства создавать въ средѣ народа такіе взгляды и чувства, при которыхъ долговѣчность и быстрота развитія достигали бы максимума, а можетъ быть и безконечности. Между тѣмъ никто не рѣшится изыскивать средства сдѣлать отдѣльнаго человѣка безконечно живущимъ и безконечно растущимъ. Тоже, и въ несравненно большей степени, можно примѣнить и къ цивилизаціямъ Цивилизація не растетъ, а сообщается. Она слагается изъ идей и чувствъ. Идеи и чувства эти не производятся и не измѣняются въ извѣстномъ, постоянно повторяющемся порядкѣ, подобно физіологическому процессу въ отдѣльномъ человѣческомъ организмѣ; онѣ могутъ развиваться до безконечности, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать для нихъ благопріятное условіе. Однимъ словомъ, у коллективной жизни человѣчества нѣтъ предѣловъ существованія, а у индивидуальной эти предѣлы ясно и точно обозначены.

Каковы же эти чувства, которыя, производя застой общественной жизни, наконецъ губили ее и мѣшали людямъ выходить за предѣлы самой жалкой бѣдности? Прежде всего насъ поражаетъ въ этихъ обществахъ то, что инстинктъ, который заставляетъ человѣка жить не для удовлетворенія собственныхъ потребностей, а для общества, для того, чтобы возвышаться въ общественномъ мнѣніи, проявляется въ государствахъ застоя точно съ такимъ же могуществомъ, какъ и въ обществахъ дика-

рей. Самыхъ сильныхъ людей онъ заставляетъ въ угоду общественному мнѣнію не только жертвовать частью своихъ интересовъ, но идти на явную погибель съ открытыми глазами.

Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ султанъ Баязедъ Онъ не только не могъ удержаться, чтобы не отвѣтить Тамерлану дерзостью на дерзость, но, встрѣтивъ въ шесть разъ болѣе сильное войско, немедленно вступилъ съ нимъ въ бой въ открытомъ полѣ. Онъ былъ слишкомъ хорошій воинъ, чтобы не видѣть гибельныхъ послѣдствій такого поступка, и не могъ не понимать силы доказательствъ, которыя приводились ему всѣми подвластными вождями; но мысль о томъ, какъ уменьшится слава его имени, когда будетъ сказано, что онъ отступилъ передъ Тамерланомъ, была для него такъ невыносима, что онъ рѣшился лучше пожертвовать собою, чѣмъ уступить.

Онъ дѣйствительно пожертвовалъ всѣмъ, потому что попалъ въ плѣнъ, не перенесъ его и вскорѣ умеръ. Въ личностяхъ болѣе посредственныхъ подобныя страсти обнаруживаются точно съ такою же силою. На кострѣ извѣстнаго раджи, добровольно сжигаются женщины только для того, чтобы ихъ считали любимицами покойнаго, хотя онѣ никогда ими не были; онѣ жертвуютъ жизнью, чтобы пріобрѣсти маленькую извѣстность и не всегда достигаютъ цѣли. И въ низшихъ слояхъ общества эти инстинктивныя стремленія проявляются съ такою же силою. Когда Махмудъ II энергически повелъ дѣло реформы, тогда одинъ дервишъ смѣло остановилъ его на мосту, порицалъ его въ самыхъ ужасныхъ и торжественныхъ выраженіяхъ и грозилъ ему гнѣвомъ Аллаха.

Онъ очень хорошо зналъ, что его убьютъ, и дѣйствительно былъ убитъ; но другіе дервиши точно съ такою же смѣлостью приходили поклоняться его могилѣ толпами и безстрашно проповѣдовали о чудесахъ, которыя будто бы совершаются надъ нею. И тутъ было совершенно ясно, что если бы чувства и воззрѣнія общества были нормальны, то человѣкъ былъ бы тѣмъ полезнѣе, чѣмъ онъ былъ бы сильнѣе. Но мы видимъ прямо противуположное, человѣкъ возвеличивался въ общественномъ мнѣніи не полезною, а прямо вредною дѣятельностью. Господство обычая въ государствахъ застоя могущественнѣе, чѣмъ у дикарей: люди во всѣхъ мельчайшихъ поступкахъ своихъ до такой степени подчиняются требованіямъ общественнаго мнѣнія, что проходятъ цѣлые вѣка и господствующее, разъ навсегда установившееся мнѣніе остается неизмѣннымъ. Сорокъ столѣтій тому назадъ, говоритъ одинъ путешественникъ, на восточномъ берегу Евфрата нравы жителей были точно такіе же, какъ теперь, и современная дѣвушка этихъ мѣстностей всякому напоминаетъ Ребекку. При описаніи кочевыхъ племенъ часто приходится слышать восклицаніе: вотъ такъ жилъ Авраамъ. — Кто можетъ сказать, сколько столѣтій существуетъ неизмѣнно, въ томъ же видѣ, черная палатка бедуина?

Борьба и побѣда въ борьбѣ—вотъ что возвышало и возвышаетъ человѣка въ обществахъ застоя и во всѣ времена, начиная отъ самаго могущественнаго государя и кончая самымъ ничтожнымъ родомъ, затерявъ-

шимся гдѣ-нибудь въ безплодныхъ пескахъ Сахары или Аравіи; всѣ готовы были ставить на карту все счастіе своей жизни, лишь бы отличиться подвигами разбоя и войны. Нерѣдко случается слышать, будто бы завоеванія способствовали объединенію человѣчества, облегчили сношенія между людьми и открыли этимъ путь для цивилизаціи. Какое ужасное разочарованіе овладѣетъ человѣкомъ, который приступитъ съ этою мыслію къ изученію скучной, однообразной и до крайности утомительной исторіи государствъ застоя. Съ первой же страницы онъ убѣждается, что постоянныя завоеванія болѣе всего разъединяли племена и приводили ихъ къ замкнутости. Это стремленіе одинаково преобладало и тамъ, гдѣ господствовало воинственное, и тамъ, гдѣ было мирное настроеніе Воинственныя племена видѣли въ каждомъ иностранцѣ шпіона, мирныя—человѣка, способнаго разжечь своими разсказами объ ихъ благосостояніи страсти завоевателей. Извѣстно, какъ трудно путешествовать по Туранской низменности, какими глазами смотрятъ на путешественника въ Малой Азіи, какъ трудно увидать Мекку, до какой степени уединяется Дарфуръ, какова была политика Индіи, Китая, Японіи, Кореи. Самыя древнія историческія свѣдѣнія мы имѣемъ объ Египтѣ, и вмѣстѣ съ ними дошли до насъ извѣстія о стремленіи этого государства уединяться Оно также свойственно великимъ государствамъ, какъ и ничтожнымъ племенамъ. Каждый владѣлецъ маленькаго города въ независимой Аравіи старается окружить себя китайскою стѣною; каждый родъ бедуиновъ въ степяхъ Сахары старается оградить себя неизвѣстностью. Сильныя государства столько же имѣли причинъ, чтобы уединяться и удаляться отъ слабыхъ, сколько слабыя избѣгать сношеній съ сильными. Если слабымъ грозили дань, порабощеніе и завладѣніе, то сильнымъ грозили опустошительные набѣги и разбои слабыхъ. Стоитъ только припомнить, сколько Римъ переносилъ отъ слабыхъ хищныхъ племенъ, и какъ они разложили и Западную и Восточную имперію, какъ капли воды разлагаютъ камень. Турція до сихъ поръ страдаетъ отъ нихъ не менѣе Рима. Въ древности сильный Египетъ старался уединиться отъ слабыхъ грековъ; нѣсколько столѣтій тому назадъ, полудикіе японцы такъ громили берега Китая своими разбоями, что сильный Китай долженъ былъ замкнуться отъ слабой въ то время Японіи и запретить японцамъ подходить къ своимъ берегамъ. Другимъ послѣдствіемъ этого порядка вещей представляется намъ поразительная бѣдность, какъ тѣхъ народовъ, которые побѣждаютъ, такъ и тѣхъ, которые терпятъ пораженія.

Исключительное обожаніе геройства, которое держало государства застоя втеченіи тысячелѣтій въ состояніи войны всѣхъ противъ всѣхъ, порождало такія чувства, при которыхъ идея общественной и человѣческой солидарности не могла ни зародиться, ни развиться, ни распространиться между людьми. Чѣмъ болѣе человѣкъ могъ надѣлать жестокостей, чѣмъ позорнѣе было униженіе, до котораго онъ могъ довести другихъ, тѣмъ болѣе онъ возвышался въ своемъ собственномъ мнѣніи и во мнѣніи общества, среди котораго жилъ. Мы видимъ, что дикари обозначаютъ предѣлы своихъ владѣній черепами убитыхъ непріятелей, что они сни-

мают съ враговъ кожу, препарируютъ голову и выставляютъ ее передъ жилищемъ. Такія жестокія наклонности не только не исчезаютъ въ государствахъ застоя, но принимаютъ громадные размѣры; они проявляются постоянно у разныхъ народовъ, начиная отъ самыхъ древнихъ и до современныхъ. Монголы обставляли завоеванные ими города и поле сраженія пирамидами изъ головъ убитыхъ, устраивали столбы изъ человѣческихъ тѣлъ, обмазывали ихъ глиной и известью, такъ что выходилъ настоящій столбъ или башня. Они варили плѣнныхъ въ котлахъ и пр. И такія замашки существовали далеко не у однихъ монголовъ; въ японскихъ лѣтописяхъ разсказывается про одинъ походъ въ Корею, что тамъ въ двухъ сраженіяхъ собрано 14,500 головъ Корейцевъ, носы и уши которыхъ посланы въ Японію. Когда Мухамедъ II, завоеватель Константинополя, приблизился къ Бухаресту, онъ встрѣтилъ на равнинѣ передъ городомъ 20,000 человѣкъ турокъ, болгаръ, женщинъ и дѣтей, посаженныхъ на колъ государемъ Валахіи, Владомъ-дьяволомъ; это возбудило въ Мухамедѣ не ужасъ, а восторгъ. Какъ лишить такого человѣка его владѣній, воскликнулъ онъ Тотъ же Владъ любилъ пировать, окруженный трупами посаженныхъ на колъ людей. Еще недавно Мехметъ-Али возвышалъ прославившагося своею жестокостью Дефтердара Мухамеда-Бея. Это приписывали врожденной жестокости турецкаго характера. Арабы пользуются лучшей репутаціей, но развѣ тысячу лѣтъ тому назадъ, въ славное для аравитянъ время, когда имъ покорялись народы, чтобы избавиться отъ сосавшихъ изъ нихъ сокъ правителей, Абдальмамкъ не имѣлъ полководца Гаджаджа, который своей жестокостью наводилъ такой ужасъ, что про него говорили, что онъ съ младенчества питался кровью вмѣсто молока матери? Бабекъ Хорреми истребилъ 300,000 человѣкъ, Абу-Ишакъ своей рукой перерѣзалъ 500 плѣнниковъ, за легкій проступокъ велѣлъ умертвить триста своихъ слугъ, умертвилъ восемь братьевъ и всѣхъ своихъ дѣтей. Мать его спасла шестнадцать дѣвушекъ; какъ скоро онъ узналъ это, велѣлъ ихъ предать смерти. Крестоносцы, эти образцы рыцарскаго духа, доходили въ Азіи до людоѣдства и предпочитали даже мясо людей мясу животныхъ. Они въ особенности лакомились мясомъ молодыхъ арабовъ и жарили дѣтей на вертелѣ; они даже ѣли сырое человѣческое мясо. Одинъ архіепископъ увѣрялъ, что крестоносцамъ не слѣдуетъ ставить въ вину то, что они ѣли человѣческое мясо, потому что это было мясо еретиковъ. Кинисъ, банъ Темесварскій, сподвижникъ Стефана Баторія, послѣ побѣды при Кенчеръ-Безе надъ турками, плясалъ съ кускомъ убитаго турка въ зубахъ.

Точно такіе же результаты вытекаютъ изъ стремленія возвеличиться на счетъ униженія другихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна родственница Дарфурскаго владѣтеля отправлялась въ Мекку; когда ей на пути представлялись любопытные, она ихъ принимала сидя и опираясь ногами на двухъ рабовъ. Эта женщина принадлежала къ самымъ либеральнымъ и гуманнымъ людямъ въ своей странѣ; менѣе же гуманные въ этой странѣ сидятъ на рабахъ и наказываютъ ихъ жестоко, если они осмѣлятся пошевелиться. Римлянъ можно считать цивилизованнымъ племенемъ

по сравненію съ Дарфурцами, но римскіе чиновники въ Египтѣ обѣдали на столѣ, который вмѣсто ножекъ поддерживался рабами и вытирали себѣ руки о бороды этихъ рабовъ. Однородныя причины приводятъ къ однороднымъ послѣдствіямъ.

Размѣры геройства измѣрялись не только степенью униженія враговъ, но и размѣромъ тѣхъ матерьяльныхъ пожертвованій, которыми можно было ихъ облагать. Чѣмъ болѣе герой могъ награбить сокровищъ, тѣмъ болѣе онъ возвышался въ общественномъ мнѣніи. Эта черта также сохранилась отъ самыхъ древнихъ до самыхъ послѣднихъ временъ. Египетскіе фараоны старались увѣковѣчить память о своихъ грабежахъ, изображая на воздвигнутыхъ ими памятникахъ толпы плѣнныхъ враговъ и награбленныя богатства. Сподвижники Мехмета-Али тщеславились награбленнымъ имуществомъ не менѣе фараоновъ. Награбленныя имущества указывали только на одержанныя побѣды, но дань считалась однимъ изъ условій постояннаго превосходства. Поэтому правители стремились имѣть какъ можно болѣе данниковъ и постоянно жертвовали прочностью государственнаго устройства этому тщеславному желанію. Въ мѣстностяхъ застоя встрѣчались постоянно обширныя государства, но съ самой непрочной внутренней связью. По большей части не было и до сихъ поръ нѣтъ возможности опредѣлять ихъ границъ. Мелкія владѣнія платятъ дань сильнымъ, иногда двумъ и тремъ, въ одно и тоже время управляются самостоятельными государями, и каждый изъ крупныхъ владѣльцевъ причисляетъ ихъ къ своему государству. Въ подобномъ положеніи находится Корея; Корейцы платятъ дань и Китаю, и Японіи, и каждое изъ этихъ государствъ причисляетъ ихъ къ своимъ владѣніямъ. Всеобщее стремленіе къ геройству порождаетъ и въ этихъ отношеніяхъ тѣже явленія, какъ и въ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Каждый даже самый незначительный родъ, каждый подчиненный управитель области стремится къ грабежу и къ дани точно такъ же, какъ и глава государства, и нерѣдко достигаетъ своей цѣли. Если слабое племя не задумывается вступать въ борьбу съ сильнымъ государствомъ, въ предѣлахъ котораго оно живетъ, если мѣстные правители постоянно воевали и воюютъ съ своими государями, — то также нерѣдко слабому племени удается принудить къ дани сильное государство, хотя это государство окружаетъ его своей территоріей и считаетъ его въ числѣ своихъ подданныхъ. Египетскіе паши, турки, персы, китайцы, японцы постоянно платятъ дань своимъ хищнымъ подданнымъ, и эта дань дѣлаетъ бездоходными цѣлыя области. Подобный порядокъ до такой степени зависитъ отъ чувствъ и міровоззрѣній мѣстнаго населенія, что англичане въ Индіи управляютъ точно такъ же: точно такъ же они набираютъ данниковъ и точно также платятъ дань непокорнымъ племенамъ. Эту дань они называютъ вознагражденіемъ за право грабежа, какъ-будто можетъ существовать *право грабежа*. Грабежъ оказывается у нихъ vested property: могли-ли англійскіе лорды и народные эксплуататоры дать себѣ болѣе полновѣсную оплеуху! Если нельзя брать дани постоянно, то считается подвигомъ взять ее одинъ разъ. Владѣльцы обираютъ проходящіе по ихъ

землямъ караваны; кочевыя племена пользуются каждымъ случаемъ, чтобы взять выкупъ и съ своихъ, и съ чужихъ, — а гдѣ въ странахъ застоя нѣтъ помадовъ? Въ Малой Азіи, въ Сиріи, въ Месопотамской долинѣ они кочуютъ даже въ самыхъ густонаселенныхъ мѣстностяхъ; тоже можно сказать и о Персіи, а объ Африкѣ, о Туранской низменности и говорить нечего На всемъ пространствѣ государствъ застоя едва-ли существуетъ одинъ городъ, гдѣ-бы на базарахъ не являлось номадовъ или бродячихъ охотниковъ.

У той части населенія, которая имѣетъ самое рѣшительное вліяніе на развитіе чувствъ и мировоззрѣній народа, являются понятія, которыя намъ близко знакомы подъ именемъ рыцарскаго благородства и рыцарской чести. При анализѣ этихъ понятій приходишь къ убѣжденію, что ихъ правильнѣе всего назвать разбойничьими инстинктами. Міровоззрѣніе человѣка труда приводитъ его къ идеямъ мѣны и продажи; рыцарю же застоя эти взгляды внушаютъ глубокое презрѣніе. Мѣна, продажа ему кажутся унизительными, а экономія — скряжничествомъ. Онъ долженъ быть гостепріименъ, щедръ, великодушенъ и твердъ въ своемъ словѣ; онъ долженъ быть гордъ и заносчивъ съ слабымъ. Зато онъ долженъ быть такъ силенъ и смѣлъ, чтобы удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ, и чтобы все ему покорялось. Бедуинъ нетолько гостепріименъ, но его палатка — мѣсто священное; онъ будетъ въ ней защищать своего кровнаго врага, если этотъ врагъ его гость. Онъ съ такимъ-же усердіемъ предлагаетъ угощеніе, какъ еврей товаръ выгодному покупателю; между угощающими бедуинами можно встрѣтить такую-же конкурренцію, какъ между евреями на базарѣ. Онъ не беретъ платы за угощеніе и оскорбляется, если ему предложатъ ее. Его слово твердо и онъ платитъ свои долги съ безукоризненною честностью, а для того, чтобы имѣть возможность ихъ платить, онъ грабитъ. Взять хитростью то, чего нельзя взять силой, ему кажется дѣломъ также честнымъ; путешественника онъ ставитъ въ самыя невыносимыя положенія для того, чтобы у него вымогать деньги, а обоюдно выгодная мѣна ему кажется униженіемъ. Обожаніе удальства не даетъ въ ихъ средѣ установиться понятіямъ собственности. Бедуины не дѣлятъ между собою пастбищъ, но если два рода и въ особенности если два племени столкнутся въ одной и той-же долинѣ, то рѣшаютъ дѣло боемъ. Бедуинъ считаетъ своею собственностью верблюда, палатку, оружіе, а не землю. Заниматься трудомъ, который при постоянныхъ усиліяхъ даетъ малую выгоду, онъ считаетъ позоромъ и былъ бы очень несчастливъ, еслибы его заставили обрабатывать землю. Онъ не презираетъ лѣнивой и гордой бѣдности, но глубоко презираетъ трудолюбивую и униженную. Лѣнивое и гордое богатство — его идеалъ, но онъ его обожаетъ только тогда, когда беретъ все силою; ему не кажется несправедливымъ сдѣлать несчастными сотни и тысячи бѣдныхъ тружениковъ для удовлетворенія одной прихоти богатаго грабителя; онъ восхищается этимъ и поощряетъ подобныя наклонности; но онъ презираетъ даже богатство, если оно основано не на грабежѣ, а на обоюдновыгодной мѣнѣ. Турки и вообще высшее общество на огромномъ про-

странствѣ отъ береговъ Тигра до Атлантическаго океана, гдѣ кочуютъ бедуины, питаютъ къ нимъ слабость и симпатію. Знатный турокъ, отличающійся такой неприступной гордостью по отношенію къ людямъ труда, не считаетъ униженіемъ своего достоинства посѣтить гостепріимную палатку бедуина—такъ однородны ихъ чувства и міровоззрѣнія. Зогаиръ, который, по арабскимъ преданіямъ, втеченіе своей жизни далъ двѣсти сраженій,—это идеалъ бедуина, восхищающій воображеніе турка. Раціонально-соціальныя отношенія, обоюдно-выгодная мѣна и проч. до такой степени противны натурѣ турка и кажутся ему до такой степени унизительными, что онъ лучше готовъ переносить всѣ случайности грабительства и своеволія, чѣмъ порядокъ и правильный трудъ Если турку понравится чей-нибудь домъ и владѣлецъ не соглашается продать его, то онъ является съ каменьщиками и ломаетъ его. Подобный обычай такъ укоренился у мусульманъ, что имъ заражаются даже европейцы, живущіе въ Турціи; одинъ англійскій врачъ велѣлъ разрушить домъ армянина, который отказался его продать. Всѣ эти черты вовсе не составляютъ особенностей турокъ или арабовъ; онѣ являются вездѣ въ обществахъ застоя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Государства застоя.—Человѣкъ возвышается здѣсь въ общественномъ мнѣніи роскошью.—Послѣдствія такихъ воззрѣній.—Чѣмъ способнѣе правитель, тѣмъ онъ вреднѣе.—Исторія развитія этихъ государствъ.—Простота первоначальныхъ завоевателей. — Времена процвѣтанія.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Ложное міровоззрѣніе, которое тѣмъ болѣе возвеличивало въ общественномъ мнѣніи сильнаго, чѣмъ вреднѣе была его дѣятельность не только не измѣнялось къ лучшему въ государствахъ застоя, но съ такимъ единообразіемъ развивалось въ томъ-же самомъ направленіи, что мы встрѣчаемъ у сильныхъ властителей государствъ застоя совершенно тѣже наклонности, какія поражаютъ насъ у дикарей, но, конечно, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Какъ дикарь, такъ и подобный властитель, послѣ завоеваній и пріобрѣтенія возможно-большаго числа данниковъ, старается показать свое богатство, громадность награбленнаго имущества и порабощенныхъ людей въ огромномъ числѣ роскошныхъ, но безполезныхъ построекъ. Эта странность одинаково проявляется отъ самыхъ древнихъ до самыхъ новѣйшихъ временъ. Стоитъ только вспомнить о громадныхъ постройкахъ фараоновъ, чтобы понять, какія тягости взваливались на народъ подобными затѣями. Между-тѣмъ всякій завоеватель старался въ Египтѣ соперничать съ фараонами. Какъ отзывалась эта

страсть на египтянахъ, видно, напр., изъ того, что во время арабовъ знаменитый строитель Ахметъ выжималъ изъ страны триста милліоновъ дукатовъ въ годъ; другому, Абу-Ашаку, вздумалось перенести свою столицу въ Тунисъ, а чтобы сдѣлать этотъ городъ достойнымъ своего величія, онъ сталъ тратить огромныя суммы, чтобы воздвигнуть тамъ великолѣпныя зданія Арабы въ Испаніи старались не отставать отъ египетскихъ фараоновъ и, чтобы удовлетворить своей потребности въ великолѣпіи, увеличили сборы съ народа въ двадцать разъ по сравненію съ прежними правителями. Между-тѣмъ путешественники, видѣвшіе развалины маврскихъ дворцовъ въ Испаніи и сравнившіе ихъ съ постройками въ Индіи, находятъ ихъ почти ничтожными. Можно себѣ представить, что долженъ былъ переносить народъ индѣйскій отъ своихъ завоевателей. Страсть эта очень скоро овладѣла и римскими императорами. Калигула строилъ зданія, которыя одинаково удивляли фантастической странностью своей архитектуры, своей громадностью и совершенной безполезностью. Для этого безумнаго мотовства онъ изрекалъ казнь за казнью и пополнялъ истощенную казну конфискаціями. Послѣ великолѣпныхъ построекъ въ Римѣ Неронъ задумалъ такую постройку дворца, которая превосходила силы государства. Когда истощены были средства казней и конфискацій, онъ наложилъ контрибуцію на всѣхъ богатыхъ римлянъ въ столицѣ и въ провинціяхъ и на всѣ храмы. Всеобщее неудовольствіе, порожденное этими мѣрами, произвело рядъ заговоровъ, подавленныхъ съ неслыханною жестокостью и все-таки скоро погубившихъ Нерона. Въ восточной римской имперіи Юстиніанъ, несмотря на разстроенные финансы государства, только и думалъ объ украшеніи городовъ, о постройкѣ церквей и великолѣпныхъ зданій и тратилъ на это огромныя суммы. Послѣдній турецкій султанъ раззорялъ постройками государство, которое не умѣлъ защищать и которое держалось только вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ.

Чтобы понять все безсмысліе восторженнаго удивленія, съ которымъ народы смотрѣли на величіе государей, воздвигавшихъ драгоцѣнныя постройки, не надо забывать, что чѣмъ болѣе эти правители стремились отличиться передъ потомствомъ и увѣковѣчить себя великими сооруженіями, тѣмъ болѣе они становились въ народѣ препятствіемъ для развитія вкуса и чувства изящнаго. Въ Египтѣ эта страсть привела къ регламентаціи искусства, къ установленію постоянныхъ образцовъ, уничтожавшихъ всякое свободное проявленіе генія искусства. Это привело къ грубѣйшимъ и дикимъ сооруженіямъ огромной цѣнности; какъ на нашихъ лубочныхъ картинахъ сражающійся фараонъ изображался великаномъ, а враги его пигмеями, такъ представлялись египетскіе деспоты и на памятникахъ египетскаго искусства. Такое-же вліяніе государей на вкусъ осталось неизмѣннымъ правиломъ втеченіе всего существованія государствъ застоя. Юстиніанъ все свое вниманіе сосредоточилъ на постройкѣ храма св. Софіи; онъ старался увѣковѣчить этимъ свою славу въ исторіи, и, когда постройка была окончена, онъ съ восторгомъ воскликнулъ: «я превзошелъ тебя, Соломонъ.» И что-же? Храмъ св. Софіи приводится

теперь какъ образецъ безвкусія. Относительно развалинъ Пальмиры предполагаютъ, что они только потому обнаруживаютъ болѣе вкуса и изящныхъ формъ, чѣмъ другія подобныя имъ развалины въ государствахъ застоя, что тѣ, которые давали средства для этихъ построекъ, были такъ ограниченны, что не въ состояніи были даже взяться за регламентацію художниковъ и вынуждены были предоставить ихъ собственному усмотрѣнію.

Раззоряя своихъ подданныхъ огромными сооруженіями, правительства застоя старались выросли въ глазахъ потомства и исторіи; великолѣпіемъ своего двора они старались возвыситься въ глазахъ современниковъ. Неудобства и страданія, которымъ они ради этого подвергали себя, представляютъ собою такія жалкія доказательства человѣческой ограниченности, съ которыми могутъ сравниться только египетскіе пирамиды и развалины Балбека. Персидскіе государи имѣли цѣлый костюмъ, составленный изъ однихъ драгоцѣнныхъ камней; неудобнѣе, тяжелѣе, безвкуснѣе ничего невозможно себѣ представить, а между-тѣмъ для пріобрѣтенія такого уродства раззорена была не одна провинція. Кромѣ того оказывается, что они совершенно не умѣли придавать драгоцѣннымъ камнямъ надлежащій блескъ; самые драгоцѣнные камни только портились ихъ неловкими ювелирами. Вступившій на престолъ въ тридцатыхъ годахъ Мухамедъ-Шахъ имѣлъ жемчужные эполеты, плеть, составленную изъ четырехъ нитокъ крупнаго жемчуга, прикрѣпленныхъ къ золотому кнутовищу, на которомъ не видно было золота за алмазами, изумрудами и яхонтами,—какъ все это кстати для плети! Александръ Великій для тѣла своего полководца Гефестіона устроилъ костеръ, который стоилъ шестнадцать милліоновъ рублей сер. и сжегъ его. Конечно, изъ него и нельзя было сдѣлать лучшаго употребленія, потому-что пестрѣе и безобразнѣе его мало было произведеній рукъ человѣческихъ.

Фараоны такъ уродливо увѣшивали себѣ драгоцѣнными камнями лицо и бороду, что даже турки возмутились, когда ихъ султанъ Ибрагимъ въ XVII вѣкѣ показался народу въ подобномъ убранствѣ. При дворахъ застоя женщины до сихъ поръ золотятъ себѣ лицо, продѣваютъ золотые цѣпочки съ драгоцѣнными камнями отъ носа къ ушамъ и т. д.

Когда въ Китаѣ богдыханъ и въ Константинополѣ султанъ устраиваютъ свои безконечныя и раззорительныя для народа церемоніальныя шествія, по городу толпа съ разинутымъ ртомъ и съ тупымъ удивленіемъ смотритъ на это парадное шутовство; потому что, по мнѣнію восточныхъ народовъ, ничто такъ не возвышаетъ деспота, какъ великолѣпіе. Какими жалкими представляются намъ византійскіе императоры, когда они, раззоривъ своихъ подданныхъ въ конецъ и не будучи въ состояніи собирать съ нихъ деньги для придворной роскоши, пустились на фальсификацію и поддѣлку, надѣвали шлифованное стекло, разстилали мишуру и старались выдавать все это иностранцамъ за драгоцѣнные камни и золотыя парчи. Въ наши дни тоже самое дѣлалось при дворѣ великаго могола въ Индіи; онъ не только окружалъ себя фальшивымъ золотомъ и фальшивыми брилліантами, но дарилъ подобной поддѣлкой

тѣхъ, которыхъ принималъ въ торжественной аудіенціи, и старался, чтобы они его отдаривали такъ, какъ-будто получили настоящія драгоцѣнности.

По отношенію къ этимъ средствамъ возвышаться во мнѣніи людей повторялось то-же самое, что мы видѣли въ дѣлѣ военной славы и физической храбрости. Всякій маленькій государь старался подражать могущественному владѣтелю. Пальмира тянулась за Римомъ; каждый индѣйскій раджа тянется за великимъ моголомъ. Страсть эта имѣетъ тѣмъ болѣе пищи, что великія государства въ странахъ застоя очень непрочны: размѣры могущества между государствами мѣняются безпрерывно и быстро и конкурренція идетъ самая живая. Въ Индіи многіе раджи уже давно превосходили великаго могола въ великолѣпіи и могуществѣ Чего достигаютъ маленькіе правители, превращаясь въ могущественныхъ владѣтелей, того легко могутъ достигать и подданные, управляющіе отдѣльными провинціями. Исторія перемѣнъ династій во всей Азіи и Африкѣ отъ фараоновъ и до китайскихъ императоровъ, исторія распаденія великихъ государствъ преставляютъ намъ безпрерывный рядъ примѣровъ. Исторія распаденія монархіи Александра Великаго не могла не послужить соблазнительнымъ примѣромъ для римскихъ полководцевъ, исторія распаденія аравійскаго калифата — для монголовъ и турокъ. Поэтому каждый имѣющій власть старался возвеличиться если не въ исторіи, то въ своемъ государствѣ, если не въ государствѣ, то въ провинціи, въ городѣ, наконецъ въ деревнѣ или въ кочевой стоянкѣ. О подчиненныхъ сановникахъ историки говорятъ точно такъ-же, какъ и о повелителяхъ ихъ и восхваляютъ ихъ за тѣ-же разрушительныя качества Такъ про Мегмета, визиря Селима II, говорится, что у него золотой ключъ, къ нему стекаются рѣки золота и серебра, что онъ никому не запираетъ своихъ сокровищъ, что у него три тысячи человѣкъ каждый день садились за столъ. Въ Европѣ и въ Азіи онъ строилъ множество мечетей, бань, водопроводовъ, мостовъ и плотинъ; онъ строилъ каравансараи, въ которыхъ путешественниковъ три дня снабжали безденежно хлѣбомъ, рисомъ и мясомъ, а лошадямъ ихъ давали кормъ; жаловались, что наушники султана своими навѣтами заставляли визиря сдерживать свою щедрость. Во всемъ этомъ рисуются какъ-нельзя болѣе ясно чувства и воззрѣнія людей: надо грабить и расточать награбленное — вотъ что превозносить человѣка и покрываетъ его славою. Позднѣе про кизляръ-агу, главу черныхъ обрѣзанныхъ Ахмета, говорится, что онъ во внѣшнемъ блескѣ, въ манерахъ, въ числѣ прислуги равнялся самому султану. Каждый употреблялъ всю хитрость своего ума и не отступалъ ни передъ какими жестокостями, чтобы вымогать какъ можно болѣе отъ подвлаетныхъ и давать какъ-можно менѣе властелину. Выработались чувства и міровоззрѣніе, которыя намъ теперь трудно понять. Всякій подчиненный совершенно искренно преклонялся передъ величіемъ своего господина и тѣмъ болѣе уважалъ его, чѣмъ болѣе онъ умѣлъ вымогать отъ своихъ подвластныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ подчиненный употреблялъ всѣ хитрости своего ума, чтобы обманывать этого господина и возвели-

читься на его счетъ; онъ тѣмъ болѣе выросталъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, чѣмъ болѣе могъ унизить того, кому поклонялся. Точно такимъ-же образомъ думали и чувствовали всѣ, начиная отъ перваго лица въ государствѣ и кончая послѣднимъ нищимъ. И такъ-какъ послѣдній рабъ легко могъ сдѣлаться первымъ лицомъ въ государствѣ, то умные и честолюбивые люди изъ всѣхъ сословій поддерживали въ народѣ эти ложныя чувства и не давали ему возвыситься до болѣе здравыхъ понятій. Все міровоззрѣніе и всѣ чувства человѣка застоя представляютъ собою рядъ рѣзкихъ, крайнихъ противорѣчій и въ громадномъ большинствѣ случаевъ прямо противуположны его истиннымъ интересамъ. Стоитъ прислушаться къ отзывамъ человѣка изъ народа, показывающимъ, какое восторженное уваженіе ему внушаютъ побѣдныя торжества и награбленныя богатства, и вы вполнѣ убѣдитесь въ этомъ. Изъ этого выходитъ то, что правители въ государствахъ застоя для того, чтобы получить отъ своихъ подданныхъ цѣнностей на рубль, должны брать отъ нихъ десять или сто; начиная съ шейха эль-беледа, т. е. сельскаго старшины, и до визиря всякій удерживалъ половину, а иногда и три четверти изъ попадающихъ въ его руки сборовъ. Интересный и характеристичный анекдотъ разсказывается про одного властителя на островахъ между Азіей и новой Голландіей. Онъ обложилъ всѣхъ своихъ подданныхъ данью, и хотя онъ возвышалъ эту дань до крайней степени возможности, до совершеннаго раззоренія народа, но онъ все-таки былъ бѣденъ точно такъ-же, какъ и всѣ его сосѣди, потому-что его подчиненные давали ему неправильныя свѣденія о числѣ населенія, удерживали подати у себя и посылали ему только незначительную часть. Онъ очень хорошо зналъ, что сдѣлать перепись совершенно безполезно, потому-что при этомъ его точно такъ-же обманули-бы. Онъ долго ломалъ себѣ голову и наконецъ притворился, будто убитъ горемъ. Онъ собралъ своихъ вельможъ и сообщилъ имъ о предсказаніи, которое грозило истребленіемъ всего населенія посредствомъ небесныхъ силъ. Онъ ловко увѣрилъ ихъ, что для того, чтобы спастись вмѣстѣ съ подвластной имъ областью отъ погибели, они должны были прислать ему столько булавокъ, сколько въ области жителей; если они пришлютъ менѣе, то область непремѣнно будетъ истреблена. Такъ-какъ вельможи не знали, какая часть погибнетъ при невѣрномъ числѣ булавокъ, и опасались за себя, то правитель успѣлъ добиться самой точной цифры своего населенія. Отъ тѣхъ, говоритъ преданіе, которые платили ему треть или четверть настоящаго дохода, онъ требовалъ теперь все, сдѣлался богатъ, великъ и славенъ. Въ этомъ преданіи ясно отражается все міровоззрѣніе населенія странъ застоя. Всякій обманываетъ, — и тотъ, кто обираетъ, и тотъ, кого обираютъ. Вотъ почему роскошь государей въ обширныхъ и богатыхъ государствахъ застоя раззоряла подданныхъ даже и тогда, когда она составляла сравнительно незначительную часть производительности страны. Вотъ почему мы видимъ тамъ обще-распространенный фактъ: подати, сравнительно съ европейскими государствами, поразительно малы, доходы государства ничтожны, а между-тѣмъ народъ раззоренъ въ конецъ.

Такія ложныя чувства и міровоззрѣнія приводятъ къ замѣчательному результату: чѣмъ умнѣе и энергичнѣе правитель въ странахъ застоя, чѣмъ сильнѣе въ немъ желаніе оставить по себѣ славную память, тѣмъ вреднѣе его дѣятельность отзывается на милліонахъ людей Этотъ поразительный фактъ достоинъ того, чтобы обратить на него вниманіе. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія на турецкомъ престолѣ сидѣлъ султанъ-реформаторъ Махмудъ II. Онъ страстно желалъ быть великимъ государемъ, сдѣлать свое государство могущественнымъ и цвѣтущимъ. Для достиженія этой цѣли онъ не отступалъ ни передъ чѣмъ; великая цѣль въ его глазахъ оправдывала всѣ средства. Вотъ какъ его реформаторская дѣятельность отозвалась на азіатскихъ владѣніяхъ Турціи. Въ малой Азіи господствовалъ въ его время родъ феодальной системы; эти турецкіе бароны назывались деребеями; они могли выставить до ста пятьдесяти тысячь войска. Махмудъ уничтожилъ ихъ власть и замѣнилъ ихъ пашами, которые, по турецкому обыкновенію, очень часто выходили изъ рабовъ и чубукчей, т. е. казачковъ, подающихъ гостямъ трубки. Паши, получивъ диктаторскую власть на короткое время, грабили народъ съ безпощадностью, которая совершенно неизвѣстна была при деребеяхъ. Опасаясь вліянія прежнихъ феодаловъ, правительство все-таки поддерживало ихъ всѣми средствами, и на нихъ не было никакой управы Главная цѣль, съ которою Махмудъ производилъ свои реформы, — это было усиленіе государства, желаніе дать ему многочисленное и дисциплинированное войско и богато снабженную казну. Каждый паша получалъ предписаніе доставить извѣстное число солдатъ, но прежніе порядки военной службы у деребеевъ были уничтожены, а новыхъ никакихъ не введено. Служители пашей бросались на первую попавшуюся толпу народа, на первый базаръ, старались забирать въ особенности достаточныхъ гражданъ, затѣмъ богатые откупались, а бѣдные поступали въ военную службу навсегда. Ужаснѣе этого повсемѣстнаго грабежа пашей были только мусселины, откупщики податей, эти вампиры, которые для оправданія всѣхъ своихъ вымогательствъ тщательно скрывали количество сборовъ, наложенныхъ на каждую мѣстность И безъ того раззоренная малая Азія обезлюдѣла окончательно «Упадокъ Анатоліи при новомъ правительствѣ, говоритъ одинъ путешественникъ того времени, невѣроятенъ; тамъ встрѣчаются огромныя равнины безъ обработки и безъ жилья...» «Вы видите только, разсказываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, полуразрушенные дома, отвратительныя улицы, наполненныя полудикими собаками; скопленіе грязи и вони объясняетъ ежегодное появленіе чумы». Вотъ какова Никомедія, которая когда-то уступала только Риму, Антіохіи и Александріи. Или еще—малая Азія могла-бы содержать въ тысячу разъ болѣе жителей, чѣмъ она имѣетъ теперь (1). На простанствѣ отъ Стамбула до Бей-база-

(1) Это, очевидно, риторическое украшеніе; другіе изслѣдователи точнѣе говорятъ, увѣряя, что малая Азія имѣетъ теперь въ два съ половиною разъ менѣе жителей, чѣмъ прежде. Всѣ показанія о прежнемъ и современномъ состояніи странъ застоя не отличаются точностью, тутъ вѣрнѣе основывать свои заключенія на легко наблюдаемыхъ фактахъ, чѣмъ на сравненіи цифръ.

ра едва насчитывается тридцать тысячъ жителей. Мулація, гдѣ помѣщаютъ библейскій рай, представляетъ самый жалкій видъ; она вся состоитъ изъ землянокъ, обнесенныхъ заборомъ изъ высохшей грязи въ десять шаговъ длины и столько-же глубины; не лучше построены и мечети, бани, каравансараи и базары.

Въ своемъ отчаяніи азіатская Турція кинулась въ объятія человѣка, который по своимъ способностямъ, по энергіи и славолюбію далеко превосходилъ Махмуда — это былъ Мехмедъ-Али. И что-же? Лишь только утвердилось его господство въ Сиріи, онъ обезоружилъ всѣхъ жителей и принудилъ ихъ свои земледѣльческія произведенія продавать пашѣ по назначеннымъ цѣнамъ и затѣмъ тѣ-же самыя произведенія они получали обратно въ свое распоряженіе по цѣнѣ, вчетверо болѣе значительной. Такимъ образомъ новые властители брали отъ жителей въ четырнадцать разъ болѣе, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ они освободились Мало этого: какъ скоро кто-нибудь имѣлъ лошадь, мула, верблюда или осла, онъ долженъ былъ безвозмездно перевозить провіантъ для войска. Кто не имѣлъ ничего, долженъ былъ безвозмездно работать Чтобы сверхъ того выжать все, что еще могло остаться въ рукахъ жителей, магометане и христіане безразлично подвергались поголовной подати — иному приходилось при этомъ платить за пятерыхъ. При взысканіи всѣхь этихъ сборовъ и повинностей, палочные удары и пытки свирѣпствовали, какъ чума. Не только Сирія, но и всѣ сосѣднія страны наполнились бродягами, бѣжавшими отъ этихъ взысканій и пытокъ. Цѣлыя деревни разбѣгались и слѣдующія съ нихъ подати раскладывались на сосѣдей или на ближайшіе города, такъ-что инымъ земледѣльцамъ приходилось платить въ двадцать пять разъ болѣе первоначальнаго простого оклада. Тридцать пять лѣтъ до нашествія Мехмета-Али въ Алеппо считалось двѣсти тысячъ жителей, за нѣсколько лѣтъ до этого нашествія полтораста тысячъ, а послѣ него всего только семьдесятъ тысячъ. Несмотря на то, что у жителей отобрано было оружіе, въ Сиріи вспыхнуло всеобщее возстаніе, съ которымъ египетское правительство не надѣялось справиться; оно пошло на сдѣлку, потомъ нарушило клятву и затопило страну кровью, уничтожая цѣлые города. Послѣ этого злодѣянія гнетъ удвоился и дошелъ до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ произошло возстаніе въ Алеппо, конечно, вскорѣ подавленное Но никакія жестокости, при подавленіи безпрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ возстаній, не могли дать странѣ спокойствія; притѣсненія вызывали такое отчаяніе, что примѣры жестокости не дѣйствовали, и разъ за разомъ возставали то города, то селенія, то степи. Наконецъ европейскія державы заставили Мехмета-Али уступить Сирію туркамъ. Но увы! лишь только это было сдѣлано, явились турецкіе цивилизаторы и реформаторы и такъ одолжили жителей, что анархія и мятежъ запылали по всей странѣ. Не совершись всего этого на нашихъ глазахъ, мы-бы объ этомъ ничего не знали; мы должны предполагать такую же обстановку дѣятельности всѣхъ геніальныхъ правителей и завоевателей странъ застоя, но до насъ дошли только хвалебныа гимны о великихъ подвигахъ ихъ, о настоящей-же, лицевой сто-

ронѣ дѣла мы можемъ догадываться только по упадку силъ въ ихъ государствахъ, который замѣчается при ихъ наслѣдникахъ.

Вотъ рѣдко встрѣчающійся примѣръ двухъ реформаторовъ, которые дѣйствовали одновременно и даже въ одной и той-же мѣстности, изъ которыхъ одинъ далеко превосходитъ другого и способностями, и энергіею, и именно настолько сдѣлалъ болѣе зла, насколько онъ былъ способнѣе. Въ Египтѣ Мехметъ-Али дѣйствовалъ точно такъ-же, какъ и въ Сиріи. Ему нужны были деньги и люди, много денегъ и много людей, ему нужно было имѣть блестящее войско, обстраивать великолѣпными зданіями Каиръ и Александрію, заводить напоказъ для иностранцевъ госпитали, школы, фабрики; ему нужно было хвалиться передъ европейцами увеличившимися размѣрами отпускной торговли. Подобно нашимъ военнымъ поселеніямъ, у него напоказъ строились цѣлыя деревни въ то время, какъ феллахи, которымъ будто-бы эти деревни принадлежали, жили въ ужасныхъ землянкахъ; даже сооруженія для искуственныхъ орошеній дѣлались напоказъ. Чтобы пріобрѣсти громадныя средства, нужныя для всѣхъ этихъ затѣй, необходимо было обложить народъ большими сборами; но кто-же могъ сбирать эти подати? Истребленіе мамелюковъ ясно показало всѣмъ, какъ Мехметъ-Али способенъ былъ поступить съ тѣми, которые находились къ нему слишкомъ близко. Послѣ этого онъ показалъ, что онъ способенъ поступать такимъ-же образомъ не съ одними мамелюками. У наслѣдниковъ любимѣйшаго изъ своихъ вельможъ, Махмуда-бея, онъ обобралъ все ихъ наслѣдство подъ предлогомъ, что онъ имѣлъ счеты съ покойникомъ. Только отъявленные грабители могли служить такому государю, и дѣйствительно всѣ слуги Мехмета-Али были таковы. Мало этого: онъ искалъ подобныхъ людей, онъ смотрѣлъ самыми снисходительными глазами на злоупотребленія и не слушалъ жалобъ. Для этого отъ имѣлъ двѣ политическія причины. Онъ помнилъ мамелюковъ и боялся людей самостоятельныхъ; въ людяхъ безпредѣльно жадныхъ и раболѣпныхъ онъ видѣлъ для себя гарантію преданности. Сверхъ того подобные люди были вполнѣ въ его власти, они не могли имѣть партій, людей, которые-бы имъ сочувствовали и ихъ жалѣли; онъ избиралъ удобный моментъ, лишалъ ихъ мѣстъ и отнималъ у нихъ все, что ими было награблено. Такимъ образомъ онъ получалъ, по его мнѣнію, отъ египетскаго народа болѣе, чѣмъ онъ могъ-бы получить чрезъ людей добросовѣстныхъ. Въ этомъ отношеніи Мехметъ-Али вовсе не былъ изобрѣтателенъ; онъ съ незапамятныхъ временъ имѣлъ множество предшественниковъ. Стоитъ вспомнить, напр., Веспасіана и его знаменитыя губки. Губками онъ называлъ своихъ чиновниковъ. Когда они наживались насчетъ народа, онъ выжималъ изъ нихъ все, что они пріобрѣтали. Въ сущности, это — постоянная метода восточныхъ правительствъ для выжиманія ихъ подданныхъ. Веспасіанъ — одинъ изъ самыхъ скромныхъ императоровъ падшаго римскаго общества. Онъ даже не желалъ власти: для того, чтобы заставить его принять императорскій вѣнецъ, толпа солдатъ грозила ему смертью; его вето было постояннымъ препятствіемъ для партіи, которая старалась

его обоготворить Блескъ и роскошь императорскаго двора были ему противны; они тяготили его, онъ презиралъ придворныхъ и любилъ скромныя помѣщенія. Онъ терпѣть не могъ караула, оставлялъ свои двери отворенными и принималъ всѣхъ во всякое время, отмѣнилъ обычай обыскивать тѣхъ, которые къ нему приближались, и говорилъ на улицѣ со всѣми, кто хотѣлъ къ нему подойти. Онъ употреблялъ свои сокровища на то, чтобы помогать бѣднымъ, устраивать пути сообщенія и развивать промышленность; онъ радовался, когда возвращался въ сельскій домикъ, принадлежавшій его семейству, и простой кубокъ своихъ предковъ предпочиталъ золотымъ и серебрянымъ кубкамъ. Но, при всѣхъ его личныхъ достоинствахъ, онъ не могъ остановить разоренія народа. Какъ ясно мы видимъ тутъ, что система застоя, привитая вѣками къ обществу, превышаетъ всѣ усилія отдѣльныхъ личностей, желающихъ измѣнить ее. Она была источникомъ зла не только у геніальныхъ людей, стремившихся къ величію, но также у государей умныхъ и добродушныхъ. Простота Веспасіана возбудила къ нему ненависть и даже была для него опасна. Его называли писцомъ на престолѣ. Но возвратимся къ знаменитому египетскому пашѣ, для того, чтобы охарактеризовать Мехмета-Али и его подчиненныхъ, приведемъ слѣдующіе факты. Абдурахманъ-Бей, губернаторъ и мудиръ одной провинціи, потребовалъ отъ нея въ 1838 году двойныя подати; шейхи протестовали; онъ велѣлъ каждому дать по триста палокъ, они жаловались Аббасу-пашѣ. За это бей велѣлъ схватить четырехъ шейховъ и отрубить имъ головы. Это дошло до Мехмета-Али. Абдурахманъ свалилъ всю вину на палачей, велѣлъ ихъ казнить и этимъ вполнѣ оправдался предъ своимъ государемъ. Управляя съ помощью такихъ людей, Мехметъ-Али учредилъ порядки, которые отдавали весь трудъ и все имущество жителей въ руки чиновниковъ. Хлопчато-бумажныя плантаціи онъ обратилъ въ монополію и заставлялъ ихъ обрабатывать съ помощью палокъ. Это онъ дѣлалъ для того, чтобы назначать на хлопокъ произвольно низкія цѣны и потомъ тщеславиться своимъ вывозомъ заграницу. Онъ заставлялъ крестьянъ воздѣлывать на своихъ надѣлахъ рисъ и продавать себѣ. Этотъ рисъ онъ продавалъ затѣмъ по двойнымъ цѣнамъ. Ѣсть рисъ считалось для феллаховъ преступленіемъ. Что касается до прочихъ земледѣльческихъ произведеній, то тутъ поступалось также, какъ въ Сиріи. Всякое произведеніе, всякое животное облагалось сборомъ; когда кололись коровы и быки, то отбирались шкуры и отдавались въ распоряженіе правительства. Взимались подати съ лодокъ, съ озеръ и проч. Сверхъ всего этого существовала еще подушная подать. При сборѣ всѣхъ этихъ податей, равно какъ и при наборѣ войска, господствовалъ невѣроятный безпорядокъ. Главный расчетъ сборщиковъ податей состоялъ въ томъ, чтобы пріискивать какъ можно болѣе поводовъ къ подозрѣніямъ, вламываться въ дома, дѣлать обыски и награждать сотнями палочныхъ ударовъ за неисполненіе никому неизвѣстныхъ законовъ. Даже поголовная подать взыскивалась безъ переписи. Чтобы избавиться отъ невыносимыхъ притѣсненій, жители нетолько продавали, но уничто-

жали свой скотъ, покидали свои дома и разбѣгались. Втеченіе одного года на дорогѣ отъ Александріи до Каира совершенно опустѣли сорокъ деревень, на пути отъ Каира до Даміетты — тринадцать. Но Мехметъ-Али этимъ нисколько не стѣснялся, потому что подати съ разбѣжавшихся деревень раскладывались на сосѣдей. Въ провинціи Шаркіе, гдѣ восемьсотъ деревень, отъ разбѣжавшихся жителей накопилось недоимокъ полтораста тысячъ кошельковъ. Любимецъ паши, Абдурахманъ, собралъ ихъ втеченіе восьми мѣсяцевъ. Онъ призывалъ къ себѣ людей, которые были въ состояніи платить, и палочными ударами заставлялъ ихъ платить за несостоятельныхъ. Мехметъ-Али остался имъ очень доволенъ, потому-что онъ при этомъ засѣкъ до смерти всего тридцать шесть человѣкъ. Увѣряютъ, что, разсмотрѣвъ проектъ новой податной системы, Мехметъ-Али воскликнулъ: «Теперь народъ Египта заплатилъ свои долги прошедшіе, настоящіе и будущіе». Дѣйствительно они заплатили; но населеніе уменьшилось на цѣлую треть, обработка земель упала на двадцать пять процентовъ. Раззоряя сельское населеніе, Мехметъ-Али стягивалъ въ то-же время все богатое и чиновное страны въ два главныхъ города Каиръ и Александрію. Это обстоятельство и многочисленныя производимыя имъ работы заставили жителей изъ селеній броситься массами въ города. Въ особенности населеніе Александріи быстро возрастало; населеніе это было нищенское и голодное, но все-таки многочисленное. Мехметъ-Али достигъ еще одной цѣли, онъ заставилъ говорить заграницею о процвѣтаніи египетскихъ городовъ

Правитель этотъ представляетъ лучшій предметъ для изученія, чтобы составить вѣрное понятіе о результатахъ нравственной жизни государствъ застоя. Когда-то онъ торговалъ табакомъ въ маленькомъ городѣ. При необыкновенно смѣломъ, проницательномъ и обширномъ взглядѣ на жизнь, обладая рѣдкой энергіей, онъ имѣлъ одну страсть—желаніе возвыситься въ обществѣ, сдѣлаться славнымъ. Онъ пошелъ-бы всякимъ путемъ, какой только могъ привести его къ желанной цѣли. Еслибы общественное мнѣніе, еслибы чувства общества были здравы, онъ-бы сдѣлался благодѣтелемъ Востока и такъ-же усердно работалъ-бы на пользу общества, какъ онѣ теперь работалъ ему во вредъ. Онъ достигъ своей цѣли, заставилъ себя прославлять и въ Европѣ, и на Востокѣ, и еслибы въ Европѣ не умѣли мыслящіе люди отличать мишуру отъ истиннаго золота, то мы никогда не узнали-бы въ настоящемъ свѣтѣ результатовъ его дѣятельности. Въ исторіи остались-бы одни хвалебные гимны. Это лучше всего показываетъ вѣрность того взгляда, что ни одинъ изъ великихъ восточныхъ деспотовъ не можетъ такъ или иначе не походить на Мехмета-Али. Относительно болѣе близкихъ къ намъ мы имѣемъ уже положительныя данныя, напр. вполнѣ доказано, что Надиръ-Шахъ раззорялъ свое государство даже болѣе Мехмета, но и относительно болѣе отдаленныхъ мы получаемъ такія-же указанія, какъ скоро ихъ исторія дѣлается достовѣрною. Возьмите, напр., персидскаго государя XVII вѣка Абасса Великаго, котораго такъ много прославляли, про котораго такъ часто повторяли, что онъ, подобно Мехмету-Али, водворилъ безопасность, уничтожилъ разбои

и взяточничество и сдѣлалъ Персію грозною для внѣшнихъ враговъ и цвѣтущею внутри. Но можно-ли повѣрить этому, если принять въ соображеніе разсказы о его безчеловѣчіи, о томъ, какъ онъ одного изъ своихъ придворныхъ заставилъ принести ему голову своего сына и сказалъ ему: «ты теперь несчастливъ, но ты честолюбивъ и забудешь свое горе—твое сердце теперь похоже на мое». Не ясно-ли, что онъ подбиралъ себѣ такихъ-же слугъ, какъ и Мехметъ-Али, и что отъ этого должны были произойти тѣ-же послѣдствія. И дѣйствительно, островъ Ормуздъ даже въ рукахъ португальцевъ былъ цвѣтущей и богатой колоніей, а когда онъ отъ нихъ перешелъ къ Абассу, то онъ обѣднѣлъ еще быстрѣе, чѣмъ прежде разцвѣлъ—вотъ достовѣрная исторія, противопоставленная баснословію.

Можно привести много доказательствъ тому, что подобныя печальныя явленія происходили изъ общаго состоянія чувствъ и умовъ и вовсе независимы отъ случайныхъ качествъ отдѣльныхъ личностей. Во времена персовъ Египетъ постоянно относился враждебно къ этому государству, бунтовалъ и отдѣлялся.

Завоевывая Азію, Александръ Великій, въ особенности въ началѣ, постоянно старался рѣзко отличаться отъ персіянъ гуманностью своего образа дѣйствія, онъ доходилъ до того, что установлялъ во многихъ мѣстностяхъ демократическія управленія.

При извѣстной враждѣ Египта къ Персіи, его управленіе въ Египтѣ должно было отличаться тѣмъ большею человѣчностью, а между тѣмъ онъ поступаетъ тамъ точно такъ-же, какъ Мехметъ-Али, онъ такъ же скупалъ хлѣбъ и продавалъ его по учетверенной цѣнѣ, назначилъ правителемъ и сборщикомъ податей алчнаго Клеомена, который нисколько не уступалъ креатурамъ Мехмета-Али, онъ также прощалъ ему всѣ злоупотребленія, какъ Мехметъ-Али своимъ служителямъ. Управленіе Наполеона точно также мало можетъ похвастаться отсутствіемъ жестокостей.

Раболѣпіе, безотчетная привязанность къ великимъ и сильнымъ вовсе не составляетъ характеристической черты въ населеніи застоя. Тамъ, по крайней мѣрѣ, столько-же людей самостоятельныхъ и гордыхъ, сколько и раболѣпныхъ, и даже самые раболѣпные показываютъ болѣе самостоятельности, чѣмъ въ иныхъ государствахъ, находившихся на пути прогресса, напр. во Франціи при Людовикѣ XIV. Этимъ объясняются безпрерывныя смуты, которыми отличаются всѣ государства застоя, легкость, съ которою всякій непокорный находитъ себѣ приверженцевъ, смѣлость, съ которою мѣстные правители, часто изъ одного честолюбія, объявляютъ себя самостоятельными и съ самыми незначительными силами вступаютъ въ борьбу съ грознымъ своимъ повелителемъ.

Путешественниковъ нерѣдко поражала обманчивость восточнаго раболѣпія. Взгляните, говоритъ одинъ путешественникъ, на перса, когда онъ проситъ шаха о чемъ-нибудь; онъ падаетъ на колѣни за сто шаговъ передъ нимъ, цѣлуетъ землю въ знакъ своего ничтожества; при всемъ томъ въ просителѣ не видно ни малѣйшаго страха, онъ говоритъ рѣзко, не щадитъ никого и часто отвѣчаетъ шаху чрезвычайно дерзко.

Тотъ-же путешественникъ разсказываетъ слѣдующій анекдотъ. Одинъ солдатъ убилъ мужика за то, что тотъ не дозволялъ ему красть со двора его куръ, а изъ сада виноградъ. Убійцу привели къ шаху, и онъ велѣлъ сейчасъ-же казнить его; но едва палачъ шаха взялся за свое дѣло, какъ солдаты напали на него, отняли убійцу, а палачу отрѣзали уши. Палачъ ворвался прямо къ шаху въ палатку съ воплями и ругательствами: «Шахъ ты или нѣтъ, кричалъ онъ своему властелину; какой-же ты шахъ, когда подданные твои смѣютъ оскорблять исполнителей твоей воли?» Это удивило-бы, прибавляетъ путешественникъ, всѣхъ европейцевъ, но не удивило ни одного перса. Палачу дали денегъ—тѣмъ и кончилось. Тотъ-же путешественникъ, бывшій въ Персіи въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, утверждаетъ, что она находилась въ постоянномъ волненіи; въ одномъ мѣстѣ выгоняли правителя, въ другомъ казнили побѣжденныхъ мятежниковъ, одни безпорядки не были еще прекращены, а другіе возникали. Баронъ Корфъ, бывшій въ Персіи нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, также наполняетъ свою книгу разсказами о безпорядкахъ. Чѣмъ въ то-же самое время были заняты египетскій паша и турецкій султанъ? Усмиреніемъ бунтовъ. Отличительная черта населенія застоя— это не раболѣпіе, а до такой степени сбитое съ толку общественное мнѣніе, что въ людяхъ воспитываются самыя противурѣчивыя и несогласныя чувства и воззрѣнія. Чрезъ это жизнь для нихъ дѣлается мученіемъ и утрачиваетъ всякую цѣну. На жизнь человѣческую тамъ смотрятъ съ величайшимъ равнодушіемъ. Матери и отцы изводятъ своихъ дѣтей и оставляютъ ихъ на погибель даже тогда, когда-бы имъ ничего не стоило ихъ воспитывать; богатый отецъ смотритъ хладнокровно, какъ его жена изгоняетъ свой плодъ, чтобы не утратить прелести своей груди, и даже заставляетъ ее поступать такимъ образомъ. Между взрослыми людьми уважается только тотъ, кто съ презрѣніемъ смотритъ на боли, страданія и смерть; человѣкъ, который самъ боится страданія и смерти, точно такъ-же презирается, какъ и тотъ, который жалѣетъ другихъ и способенъ былъ-бы хотя сколько нибудь ослабить движеніе той косы, которая коситъ жизни на востокѣ. Какъ рѣзко это видно, напр., въ описаніи путешествія Вамбери; какое мученіе для этого человѣка составляла постоянная необходимость сдерживать свои чувства состраданія. Эти чувства до такой степени противны всему населенію застоя, что одно ихъ проявленіе тотчасъ-бы обличило невосточное происхожденіе Вамбери; чтобы сохранить свое инкогнито, онъ съ стѣсненнымъ сердцемъ долженъ былъ проповѣдывать варварство. Даже всякая дѣятельность презирается, если она не грозная, если въ ней нѣтъ алчности, насилія и обмана, и вотъ почему тамъ великіе люди непремѣнно развиваются въ Мехметовъ-Али.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

При такомъ ненормальномъ условіи для человѣческаго развитія всякая цивилизація должна была неизбѣжно погибать, и часто она погибала, не возобновляясь. Если же она возобновлялась, то это бывало только

тогда, когда она во время своего упадка сталкивалась съ полудикими и необразованными племенами, одаренными большими способностями и болѣе или менѣе замѣчательно здоровыми инстинктами.

Населеніе разлагающихся государствъ плѣняется ихъ суровою добродѣтелью, ихъ умѣренностью по отношенію къ своимъ требованіямъ отъ подчиненныхъ, ихъ правдивостью и энергіею; установляется общее убѣжденіе, что съ этими людьми лучше жить, чѣмъ со своими. Съ другой стороны, будущіе завоеватели пріучаются смотрѣть на вещи именно такъ, чтобы удовлетворять идеаламъ населенія разлагающихся государствъ. Въ извѣстномъ смыслѣ эти завоеванія имѣютъ большое сходство съ современными революціями, въ особенности съ первой французской революціей, съ завоеваніями французской республики и Наполеона. Европа также плѣнялась французскими идеями, какъ Тацитъ германцами, какъ египтяне арабами, какъ негры македонянами.

«Въ исламизмѣ нѣтъ ни князей, ни нищихъ», проповѣдывали первые калифы, «есть только мусульмане». Увѣряютъ, что нигдѣ въ свѣтѣ не было менѣе бѣдныхъ, чѣмъ тамъ, гдѣ являлись мусульмане. Когда арабы начали свои завоеванія, то христіане (несторіанцы, аріане, армяне), плѣняясь ихъ простотою, послѣ первой ихъ прокламаціи переходили на ихъ сторону, встрѣчали ихъ какъ освободителей, охотно массами принимали новую религію, а тѣ, которые сохраняли свою вѣру, хотѣли лучше платить дань, установленную Магометомъ въ видѣ знака покорности, чѣмъ оставаться въ зависимости отъ прежняго начальства. Въ первоначальной исторіи турокъ встрѣчаются подобныя же вещи, христіане предпочитаютъ турецкое владычество христіанскому. Греки за долго до македонскаго завоеванія служили наемниками въ Персіи. германцы и славяне у римлянъ и грековъ, турки у аравитянъ, монголы у китайцевъ. Завоеванія свои они совершали не какъ простые разбойники, а подобно французамъ конца XVIII вѣка, они считали себя предназначенными для великаго призванія. Это убѣжденіе отчасти раздѣлялось народами, которыхъ они разбивали въ битвахъ, и тайна ихъ успѣховъ лежитъ тамъ же, гдѣ и тайна успѣховъ оружія французской республики. Даже монголы считали себя бичами божьими, посылаемыми въ наказаніе несправедливымъ правителямъ. Во время и послѣ завоеваній мы видимъ интересный фактъ. Уваженіе къ простой, нероскошной жизни дѣйствуетъ на завоевателей долго и сильно. Будучи обладателемъ сильнаго царства, Магометъ жилъ такъ, какъ живало очень мало государей. За исключеніемъ своей страсти къ женщинамъ онъ отличался поразительной простотой Онъ жилъ въ маленькой комнатѣ. Онъ получалъ огромныя массы добровольныхъ приношеній и военной добычи и все употреблялъ на пользу страны. Послѣ смерти онъ оставилъ незначительное имущество, да и то передалъ государству, а не своимъ наслѣдникамъ. Калифъ Омаръ, при которомъ въ VII вѣкѣ аравитянами завоеваны были Сирія, Палестина, Египетъ и даже значительныя части Персіи, жилъ такъ просто, какъ бѣдный пастухъ, ѣлъ хлѣбъ, оливы и пилъ воду, его платье было заплатано на спинѣ; когда онъ ѣхалъ для принятія ключей Іерусалима, онъ на своемъ верблюдѣ

везъ мѣхъ съ водою и мѣшокъ съ хлѣбомъ и финиками, подобно тому какъ дѣлаютъ бѣдные люди. Въ то-же время онъ считалъ интеллектуальное развитіе необходимымъ условіемъ для человѣка высшаго сословія, и его признавали величайшимъ ученымъ своей страны. Это былъ бы самый правильный взглядъ на назначеніе человѣка и на условія человѣческой жизни, еслибы все это не перехеривалось страстью къ завоеваніямъ. Про его воиновъ разсказываютъ, что когда они послѣ блистательныхъ успѣховъ стали соблазняться на вино, тогда онъ предписалъ подвергать ихъ за это наказанію. Послѣ этого предписанія тѣ, которыхъ одолѣвала слабость, сами являлись и просили о томъ, чтобы ихъ подвергали наказанію. Правовѣрные любили простоту жизни Магомета, который самъ доилъ овецъ, сидѣлъ на землѣ, чинилъ свое платье и свою обувь, разводилъ огонь, мелъ полъ и вообще прислуживалъ самъ себѣ. Абу-Бекръ, будучи калифомъ, жилъ сначала по прежнему торговлей, затѣмъ, занятый исключительно государственными дѣлами, содержался на счетъ государства и втеченіе своего царствованія прожилъ около 1800 руб.; въ возмездіе онъ завѣщалъ мусульманамъ свою землю. Еще во время Іезида I привычка встрѣчать въ своихъ начальникахъ простоту жизни была такъ велика между арабами, что когда въ Медину присланъ былъ намѣстникъ Османъ-Ибнъ-Магометъ, и когда онъ привезъ съ собою изъ Сиріи нѣкоторыя привычки роскоши, то жители до такой степени скандализировались, что произвели возстаніе. Простоту и строгую религіозность жизни они считали такою необходимою принадлежностью для всякаго мусульманина, что они на самаго калифа смотрѣли, какъ на отступника. Конечно, подобное воззрѣніе не проводилось послѣдовательно даже и первыми калифами, но оно все-таки характеризуетъ свое время. Даже въ VIII вѣкѣ калифъ Омаръ II считалъ себя только управителемъ имущества бѣдныхъ, для чего и предназначалъ всѣ свои доходы, жилъ какъ простой подданный, имѣлъ всего одну одежду и спалъ подъ звѣриной кожей. У него была всего одна жена, исполнявшая и обязанности прислуги. Скромность эта не ограничивалась личностями, но принимала обширные размѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ замѣчательные примѣры порядка. Во второй половинѣ VII вѣка намѣстникъ Персіи Зіадъ ввелъ тамъ такой порядокъ, что никто на ночь не запиралъ дверей. Онъ принималъ на себя отвѣтственность за всякую покражу, начиная отъ границъ Индіи и до Чернаго моря. Съ Испаніи, какъ уже сказано выше, въ первое время завоеванія аравитяне брали въ двадцать разъ менѣе, чѣмъ двѣсти лѣтъ спустя при Абдеррахманѣ III. Замѣчательны незначительныя силы, съ которыми первые арабы дѣлали свои завоеванія. При наслѣдникѣ Магомета, Абу-Бекрѣ, Халидъ для нападенія на Персію взялъ съ собою 2000 человѣкъ. Когда онъ вошелъ въ предѣлы Персіи, къ нему присоединилось такое множество людей, что онъ имѣлъ уже 18,000 человѣкъ. Съ этими силами онъ завоевалъ всю западную Персію, прилегающую къ Евфрату. Для завоеванія Египта выступило въ 640 году изъ Сиріи 4000 человѣкъ. Сѣверный берегъ Африки, между Египтомъ и Гибралтарскимъ проливомъ, также былъ завоеванъ съ помощью мѣстныхъ жителей, которые ненави-

дѣли карѳагенскаго патріарха за его притѣсненія. Зіадъ удерживалъ Персію въ повиновеніи съ 4000 человѣкъ. При завоеваніи Испаніи Тариѣ имѣлъ сначала 12,000, а потомъ 9000 человѣкъ. Первыя нападенія на Индію были сдѣланы также съ самыми незначительными силами въ нѣсколько тысячъ. Еще знаменательнѣе то обстоятельство, что въ то время, когда Арабы, еще не закончивъ свои завоеванія, начали грызться между собою, покоренныя области дѣлали самыя ничтожныя попытки, чтобы сбросить новое иго. Самыя энергическія попытки дѣлались въ самой же Аравіи, затѣмъ въ Персіи, гдѣ еще въ концѣ VIII вѣка сильны были послѣдователи соціальнаго ученія Моздака, а въ западныхъ частяхъ было много демократическихъ элементовъ; но поразительно спокойствіе, съ которымъ переносили арабское владычество христіане на огромномъ пространствѣ отъ Евфрата до Атлантическаго океана. Турки также долгое время хвалились простотой своей жизни, ѣли на простыхъ цыновкахъ и считали бѣдную обстановку достоинствомъ. Послѣ смерти Османа I, не смотря на его удачные походы и завоеванія, у него нашли только шитый кафтанъ, чалму, нѣсколько знаменъ, ложку и солонку. Нѣсколько лошадей и небольшія стада составляли все оставшееся послѣ него наслѣдство

Янычары были порождены убѣжденіемъ въ необходимости имѣть войско фанатическое и отличающееся простотою своихъ нравовъ.

Послѣ этого можно было бы пожалѣть, что новыя отношенія между завоевателями и завоеванными не вылились въ соотвѣтствующія имъ прочныя учрежденія и не создали такимъ образомъ условій жизни, изъ которыхъ вытекало бы постоянно возрастающее благосостояніе. Такое сожалѣніе имѣло бы дѣйствительно основаніе, еслибы чувства и воззрѣнія вытекали изъ нравовъ и учрежденій, но на дѣлѣ оказывается наоборотъ, нравы и учрежденія—это только осязательное выраженіе чувствъ и воззрѣній. Мы сейчасъ увидимъ, какимъ образомъ изъ завоеваній ничего не могло выйти кромѣ того, что выходило на дѣлѣ. Нѣмецкіе ученые утверждаютъ, что современная цивилизація всѣми своими совершенствами обязана самостоятельному духу германскаго племени. На дѣлѣ оказывается, однакоже, что всѣ дикари, обратившіеся въ великихъ завоевателей, нетолько отличались духомъ самостоятельности, но именно такимъ же духомъ, какимъ отличались германцы съ его оттѣнками подчиненія и дерзкаго сопротивленія. Завоеваніе невозможно безъ энергіи и дисциплины, а изъ энергіи и понятія о необходимости дисциплины выходитъ эта смѣсь дерзости и подчиненія, которая отличаетъ завоевателей. Даже сподвижники Александра-Великаго менѣе всего были раболѣпны, смѣялись надъ нимъ, когда онъ называлъ себя сыномъ Юпитера, и приходили въ негодованіе, когда онъ серьезно смотрѣлъ на этотъ титулъ; весьма вѣроятно указаніе на существовавшее между ними мнѣніе, что завоеванія сдѣланы были собственно ими, а что Александръ былъ только подставной пѣшкой, полезной вывѣской. Въ Александрѣ вы видите черты двуличности и глубоко обдуманнаго поведенія, которыя необходимы, чтобы владѣть дерзкими людьми, тѣже самыя черты, которыя

встрѣчаются у Кловиса и Вильгельма-Завоевателя. Покоривъ всю Персію, онъ, не смотря на всю страсть свою подражать персидскимъ царямъ, не рѣшился даже судить заговорщиковъ, посягнувшихъ на его жизнь, а долженъ былъ предоставить судъ своему войску и покориться оправдательному приговору, который освободилъ самыхъ вліятельныхъ изъ заговорщиковъ. Арабы дѣлаютъ своимъ калифамъ публичные выговоры. Абу-Бекръ при вступленіи своемъ на престолъ говоритъ: «Если я буду поступать хорошо, то помогайте мнѣ, если худо, то исправляйте меня, если я удалюсь отъ закона божьяго, то я утрачиваю право на ваше повиновеніе» Большинство между воинами Магомета придерживались того убѣжденія, что управлять ими должно лицо, избранное народомъ. Али не могъ завладѣть калифатомъ только потому, что онъ былъ представителемъ начала наслѣдственности, и Магомету не удалось назначить себѣ наслѣдника. Шумъ, который произвели защитники избирательнаго управленія, помѣшалъ ему. Лишь только онъ умеръ, партія Али оказалась ничтожною въ сравненіи съ многочисленными защитниками избирательнаго начала; но они были совершенно неорганизованы, дробились на множество мелкихъ и враждебныхъ кружковъ и не сходились въ началахъ, по которымъ должно было происходить избраніе. Не смотря на это, Омару все-таки удалось посадить избирательнаго калифа. Отношеніе между суннитами и шіитами показываетъ, до какой степени въ началѣ защитники избирательной власти были многочисленнѣе. Они требовали, чтобы повелитель правовѣрныхъ жилъ съ демократическою простотою бѣднаго человѣка. Это убѣжденіе такъ глубоко укоренилось, что нетолько долго спустя послѣ первыхъ калифовъ являлись магометанскіе государи, которые старались возстановить это воззрѣніе, но даже черезъ нѣсколько столѣтій, когда пышность магометанскихъ дворовъ сдѣлалась самой характеристической чертой, магометанскіе писатели восхваляли въ своихъ любимцахъ первобытную простоту привычекъ, которую они будто-бы сохраняли среди восточной роскоши. Арабы требовали, чтобы ихъ калифъ относился ко всѣмъ родамъ одинаково и отнюдь не давалъ предпочтенія какому-нибудь одному. Османъ, который первый отступилъ отъ этого правила, поплатился за это жизнью. Наслѣдственность втерлась-таки въ учрежденіе калифата, но, такъ сказать, прокралась. Моавія былъ дерзкій узурпаторъ, но все-таки онъ взялъ перевѣсъ надъ сторонниками Али, потому что многіе видѣли въ немъ, конечно совершенно неправильно, представителя избирательнаго калифата. Знамя наслѣдственности, которое Али выставилъ слишкомъ рано и неосторожно, до того повредило его сторонникамъ, что, не смотря на рядъ узурпацій калифата, они не могли добраться до власти. Арабскій Иракъ былъ центромъ такъ называемой демократической партіи. Для калифовъ было гораздо легче управлять покоренными народами, чѣмъ арабами. Въ центрахъ, гдѣ арабы старинаго закала имѣли наиболѣе вліянія, калифы встрѣчали наиболѣе сопротивленія. Не смотря на страшный терроръ, произведенный въ Дамаскѣ, Саффа перенесъ свою столицу въ Иракъ. Абулъ-Абассъ въ половинѣ VIII

вѣка умеръ уже во вновь построенномъ городѣ Гашеміеѣ. Чрезъ десять лѣтъ послѣ этого Мансуръ принималъ французское посольство уже въ Багдадѣ Гашеміеѣ былъ оставленъ, потому что онъ оказался городомъ слишкомъ мятежнымъ. Мансуръ былъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ и жестокихъ деспотовъ, однакоже, провозглашая Моди своимъ наслѣдникомъ, онъ утверждалъ, что былъ вынужденъ къ этому выборомъ народа и войска.

Турецкіе султаны пускались на самыя отчаянныя предпріятія изъ страха прослыть трусами и утратить всякое вліяніе на своихъ подчиненныхъ. Монголы точно-также какъ и древніе германцы, сходились на великія сходки, гдѣ рѣшалась судьба задуманныхъ ихъ предводителями предпріятій. Изъ этого настроенія однакоже выходило то, что великіе завоеватели начинали грызться между собою часто даже прежде, чѣмъ завоеваніе было окончено, и великія имперіи начинали разлагаться прежде, чѣмъ они окончательно сложились, и въ то время, когда они еще росли и увеличивались. Тотчасъ послѣ избранія наслѣдника Магомета, Абу-Бекра, предводитель одной изъ сильнѣйшихъ партій, отстаивавшихъ въ Мединѣ избирательное начало, Саадъ, переселился въ Сирію и поклялся враждовать противъ калифа до тѣхъ поръ, пока у него не останется ни одной стрѣлы въ колчанѣ, пока онъ окраситъ его кровью остріе своего копья или не будетъ болѣе въ силахъ носить мечъ. Зданіе, построенное Магометомъ, немедленно распалось и почти всѣ области стали объявлять себя независимыми Если-бы не было Омара, то Магометъ умеръ бы ничтожною личностью, но за то же, лишь только онъ умеръ, началось постоянное возрастаніе неурядицы. Во время Османа происходила постоянная организація враждебныхъ калифату партій, и наконецъ онъ сдѣлался ея жертвою. Лишь только онъ былъ убитъ, началась междоусобная война. Даже въ каждомъ изъ враждующихъ лагерей не было единодушія; среди партіи Али, напр , опять таки была партія отщепенцевъ хаварджъ, съ которыми ему пришлось воевать. Начиная съ третьяго калифа Османа, исторія калифата наполняется болѣе междоусобными войнами, чѣмъ внѣшними завоеваніями. Черезъ пятьдесятъ пять лѣтъ послѣ смерти Магомета, эти междоусобія заставили уже Абдельменика покупать миръ у грековъ.

Какъ скоро завоеваніе сдѣлано. необыкновенная и неожиданная удача сильно воспламеняетъ воображеніе завоевателей и возбуждаетъ въ нихъ жажду славы Но тутъ оказывается небольшое препятствіе, они такъ невѣжественны, что совершенно неспособны жить государственной жизнью. Предоставленные сами себѣ, они распадаются на мелкія шайки, и дѣло кончается всеобщимъ взаимнымъ грабежемъ. Необходимо, чтобы явилась сила, которая водворила бы между ними дисциплину и порядокъ, которая создала бы для нихъ разсчетливое отношеніе съ сосѣдями и направила бы вѣрной рукой ихъ завоеванія. Тутъ начинается вліяніе духовенства и побѣжденной интеллигенціи края. Въ древности такую роль играли мидяне, халдеи, у германцевъ католическое и аріанское духовенство, у монголовъ китайцы, у турокъ греки, наконецъ въ самое послѣднее время у Мехмета-Али копты и французы. Эти интеллектуальные элементы не рѣдко дѣлаются такъ же могущественны, какъ и сами завоеватели, и между

ними начинается борьба на жизнь и смерть. Судьба завоеванныхъ государствъ опредѣляется значеніемъ интеллектуальныхъ элементовъ. Въ устройствѣ монгольскихъ завоеваній хотя и замѣтна ловкая рука китайца, но очень слабо, и вся будущность завоеванія состояла изъ одного постепеннаго паденія и разложенія. Иногда, напротивъ, оно было огромно, но попадало въ такія руки, изъ которыхъ опять таки ничего не могло выйти, кромѣ застоя— таково было вліяніе духовенства въ Испаніи послѣ готскаго завоеванія. Иногда, какъ между турками, оно никакъ не могло одолѣть господство невѣжества. Во всѣхъ этихъ случаяхъ состояніе застоя не прекращалось ни на минуту, и народы при такихъ условіяхъ, то разлагаясь, то слагаясь, могли бы прожить милльоны лѣтъ и оставаться все въ томъ-же положеніи. Особенность государствъ застоя заключается въ томъ, что интеллектуальная дѣятельность можетъ порождать тамъ благопріятныя условія, которыя поражаютъ своими результатами, въ особенности если государство имѣетъ сколько-нибудь благопріятное для торговли положеніе. Стоитъ водворить сколько-нибудь безопасности и порядка, и тотчасъ со всѣхъ сторонъ будутъ стекаться искусныя и трудолюбивыя руки. Всеобщая неурядица въ государствахъ застоя представляетъ для этого слишкомъ много стимуловъ. Въ Аравіи еще недавно поразительный примѣръ этого явленія представилъ англійскій городъ Аденъ, — такое быстрое возрастаніе было-бы даже и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки величайшею рѣдкостью. Съ другой стороны и въ тоже самое время на африканскомъ берегу городъ Бербера представлялъ столь же поразительный примѣръ быстраго упадка. Пока Бербера былъ не укрѣпленъ, городъ этотъ былъ почти необитаемъ. Послѣ укрѣпленія тамъ набиралось до двадцати тысячъ жителей. Послѣ же срытія укрѣпленій и вслѣдствіе раздоровъ окрестныхъ кочевыхъ племенъ, городъ сдѣлался опять не обитаемымъ Онъ занимаетъ теперь шестую часть прежняго своего пространства, на милю кругомъ разбросаны остатки прежняго жилья, и на разстояніи семи миль сохранились остатки водопровода. Бербера, богато снабженная водою, несравненно лучшій приморскій торговый пунктъ, чѣмъ Аденъ, однакоже она должна была низойти до степени жалкой деревни, а Аденъ имѣетъ вдвое болѣе жителей, чѣмъ Бербера имѣла въ цвѣтущія времена. Подати и государственные сборы въ государствахъ застоя обыкновенно незначительны, и государи привыкли довольствоваться немногимъ. Разворяются государства застоя не податями, а всеобщимъ грабительствомъ—разбойниковъ во имя силы, чиновниковъ и откупщиковъ во имя власти. Какъ скоро интеллигенціи удается водворить порядокъ, не отягощенное податями населеніе размножается, вмѣстѣ съ тѣмъ сильно увеличивается переселеніями, и мы видимъ тѣ явленія, которыя насъ такъ поражаютъ,—въ Египтѣ когда-то насчитывали двадцать пять милльоновъ жителей, въ Персіи были города, гдѣ считалось болѣе, чѣмъ полтора милльона жителей, западная Азія и туранская низменность были густо населены, населеніе африканскаго прибрежья Средиземнаго моря было несравненно гуще и богаче. Испанія была цвѣтущая и промышленная страна, въ песчаныхъ степяхъ, гдѣ теперь люди погибаютъ

отъ жажды, гдѣ дорога указывается рядомъ верблюжьихъ скелетовъ, павшихъ отъ тягостныхъ переходовъ, были удобныя сообщенія, достаточно воды и безопасные ночлеги. Легкость, съ которою можно было такимъ образомъ увеличивать благосостояніе и силу государства, иногда значительно способствовала развитію вліянія интеллигенціи.

Но все это могло быть только не долговѣчно Чувства и міровоззрѣнія, которыя тѣмъ болѣе возвышали человѣка, чѣмъ вреднѣе была его дѣятельность, скоро приводили къ самому печальному исходу. Воины, которые сначала гордились своей бѣдностью, очень скоро начинали понимать, что эта бѣдность не возвышала, а роняла ихъ въ общественномъ мнѣніи. Въ началѣ встрѣчается еще такое явленіе, что они, награбивъ сокровища, продолжаютъ жить просто и гордятся этой простотой, заставляя у себя подозрѣвать несравненно большія богатства, чѣмъ они имѣютъ на дѣлѣ. Затѣмъ они прежде всего оказываются падкими до драгоцѣнностей и стараются ихъ пріобрѣтать набѣгами и грабежами, но изъ покореннаго населенія они не умѣютъ еще выжимать сокъ Скоро желаніе возвышаться въ общественномъ мнѣніи роскошью увлекаетъ ихъ съ неудержимою силою, и они ложатся на обществѣ все болѣе и болѣе тяжелымъ пластомъ. Омаръ I былъ въ полномъ смыслѣ народный герой, онъ былъ популяренъ, когда онъ преслѣдовалъ роскошь и даже изящное, когда онъ одному арабу велѣлъ обрить волосы, потому что они слишкомъ украшали его особу. Не прошло ста лѣтъ, а Омара II уже ненавидѣли за его чрезмѣрную простоту и, наконецъ, даже отравили. Случалось такъ, что въ самомъ началѣ завоеванія завоеватели кидались съ жадностью на роскошь или удерживаемый какимъ-то чутьемъ, только одинъ предводитель, сохранялъ простоту жизни, да и то скорѣе для виду. Такъ было съ гуннами и Аттилой. При такомъ положеніи разложеніе наступало чрезвычайно быстро и неудержимо. Интеллигенція, пріобрѣтая силу, точно также очень скоро развращалась. Собственно корни въ народѣ имѣло только одно духовенство, народъ никогда не цѣнилъ ученыхъ. Въ высшихъ слояхъ общества ихъ иногда цѣнили; но какъ цѣнили? какъ предметъ роскоши, какъ дорогую лошадь, какъ прекрасную мебель; ученые ни разу не достигали того, чтобы ихъ цѣнили выше драгоцѣнныхъ каменьевъ или красивыхъ наложницъ. Въ самыя цвѣтущія времена арабской учености султанъ Махмудъ потребовалъ отъ своего вассала Хаварезміи въ счетъ дани знаменитаго врача и философа Авиценну и трехъ другихъ ученыхъ. Интеллектуальное развитіе—это первая ступень для развитія нравственнаго и требуетъ несравненно менѣе благопріятныхъ условій въ странахъ застоя; однакоже и между нами ученая дѣятельность вовсе не въ такомъ положеніи, чтобы она могла сосредоточить въ себѣ лучшія интеллектуальныя силы страны, а съ нравственной точки зрѣнія она даже и вовсе плоха Всѣ великія идеи, для созданія которыхъ требуется участіе нравственнаго чувства, порождались у насъ внѣ предѣловъ спеціалистовъ по этой части Можно себѣ представить вліяніе учености тамъ, гдѣ ученый цѣнился только, какъ предметъ роскоши, потому что этого требовалъ хорошій тонъ, и нерѣдко цѣнился ниже драгоцѣннаго камня, наложницы,

а можетъ быть лошади. Персидскіе историки разсказываютъ, что какой-то Кендъ велѣлъ сказать своему побѣдителю, что онъ предлагаетъ ему свою родственницу въ жены, драгоцѣнный кубокъ, великаго философа и медика, столь свѣдущаго, что онъ можетъ воскресить мертваго. «Вотъ истинно восточная градація—1) красавица, 2) драгоцѣнный камень, 3) философъ, 4) медикъ—не достаетъ только лошади. Если при такихъ условіяхъ интеллектуальное развитіе и имѣло свое неизбѣжное вліяніе, то вліяніе это было совершенно не прочное. Ученому чрезвычайно легко было превратиться въ придворнаго льстеца и вмѣстѣ съ нравственнымъ чувствомъ утратить всякую умственную самостоятельность. Недобросовѣстность и малое довѣріе, которое очень часто заслуживаютъ историки государствъ застоя, лучше всего указываютъ на нравственное вліяніе, которое они могли имѣть. Вотъ почему тутъ невозможно было созданіе здраваго міровоззрѣнія, которое направляло бы сильныхъ людей на полезную дѣятельность, пользуясь ихъ инстинктивнымъ желаніемъ возвышаться во мнѣніи общества. Люди застоя съ начала до конца во времена процвѣтанія и во времена бѣдствія, за немногими исключеніями, возвышались въ общественномъ мнѣніи одною вредной для общества дѣятельностью.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Государство застоя. — Времена упадка. — Крайнее злоупотребленіе изъ инстинктовъ міровой жизни.—Организація обществъ застоя.—Власть избирательная, наслѣдственная и порожденная борьбою.—Неограниченная власть надъ людьми.—Неограниченная власть надъ имуществомъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I

Инстинктъ, предназначенный для того, чтобы сильный человѣкъ работалъ на пользу общества, можно сказать безконеченъ, какъ-бы высоко ни всталъ человѣкъ въ общественномъ мнѣніи, но ему постоянно хочется стать еще выше, какъ скоро онъ имѣетъ хотя сколько-нибудь энергіи, онъ постоянно готовъ рисковать всѣмъ своимъ счастьемъ для достиженія еще большей славы и большаго величія. Этотъ инстинктъ, который долженъ былъ-бы оказаться столь благодѣтельнымъ, при уродливыхъ чувствахъ и воззрѣніяхъ населенія застоя сдѣлался тамъ бичемъ человѣчества и губилъ всѣ начала благосостоянія и цивилизаціи. Какъ скоро въ какомъ нибудь государствѣ увеличивалось населеніе, развивались промышленность, благосостояніе и наука, и на престолъ входилъ энергическій человѣкъ, то онъ вовсе не искалъ своей славы и своего

величія въ томъ, чтобы дать всему этому дальнѣйшее развитіе, онъ понималъ, что это менѣе всего способно было возвысить его имя, онъ понималъ, что великую славу могутъ дать ему только военные подвиги, дорогія сооруженія, блескъ двора, богато-снабженная деньгами казна и проч. Все его вниманіе сосредоточивалось теперь на томъ, какъ-бы выжать изъ народа какъ можно болѣе для своихъ честолюбивыхъ замысловъ; но народъ привыкъ къ нѣкоторой самостоятельности, онъ выработалъ у себя обычаи, обезпечивающіе его трудъ, и, можетъ быть, придаетъ имъ религіозный характеръ, онъ не привыкъ платить, и необычные платежи считаетъ оскорбленіемъ своей чести или грѣхомъ, такъ что иногда даже считаетъ верхомъ добродѣтели пожертвовать скорѣе жизнью, чѣмъ деньгами. Чтобы удовлетворить своему славолюбію, для государя является необходимость въ реформахъ, которыя-бы отдали ему во власть все населеніе со всѣмъ его имуществомъ. У кого же онъ можетъ искать для себя въ этомъ случаѣ помощи? У духовенства. Духовенство способно ввести строгую централизацію, ввести на все образцы, заковать всю дѣятельность народа въ неизмѣнныя формы, но оно не способно ломать имъ же самимъ созданное, измѣнять обычаи и порядки, установившіеся подъ его вліяніемъ; это значило-бы для него подкапываться подъ основы своего могущества. У ученыхъ еще того менѣе—это люди миролюбивые, люди порядка, а не безцеремонной ломки. Реформаторъ обращается къ наиболѣе безцеремоннымъ изъ окружающей его среды—рабы, энергическіе воины, вотъ его пособники. Такъ было съ самыхъ древнихъ временъ и до нашихъ дней. Рабъ, Іосифъ прекрасный, научилъ фараоновъ притѣснять своихъ подданныхъ, завладѣть ихъ имуществомъ и ихъ личностями, воины были главными совѣтниками Мехмета-Али и помогли ему набить свою казну, духовенство противодѣйствовало ему и признавало его ломку дѣломъ неблагочестивымъ. Послѣдствія реформъ обыкновенно вполнѣ соотвѣтствовали ожиданіямъ государей. Когда казна ихъ обогащалась, когда они одерживали побѣды, привозили въ свою столицу плѣнныхъ царей и богатую добычу, когда они строили великолѣпныя зданія, тогда ихъ восхваляли безъ всякой мѣры. Когда историки противопоставляютъ бѣдныхъ и богатыхъ арабскихъ государей, какъ они восхваляютъ послѣднихъ, какъ они ставятъ имъ въ достоинство выжатыя изъ народа сокровища; тоже мы видимъ въ Индіи, тоже въ Египтѣ, въ Персіи и древнихъ государствахъ Месапотамской долины. Подобныя прославленія должны были служить самымъ сильнымъ стимуломъ для государей къ истощенію своихъ государствъ.

Чтобы понять процессъ, которымъ энергическіе государи доводили свои государства въ этихъ мѣстахъ до упадка, очень полезно изучать исторію Александра Великаго. Въ этомъ государѣ въ нѣсколько лѣтъ совершился тотъ переворотъ, для котораго иногда нужно было нѣсколько поколѣній. Тутъ мы видимъ, какъ энергическая дѣятельность могла приносить большую пользу государствамъ застоя. Безчисленные мелкіе грабители, номады, горцы вынуждены были бросить свое ремесло, грабители чиновники были обузданы и мирное и трудящееся населеніе получало нѣ-

которую самостоятельность. Безопасность путей оживляла сообщеніе, и все это вмѣстѣ поощряло къ труду и къ быстрому развитію благосостоянія. Но цѣль правителя были блескъ и слава, онъ долженъ былъ все монополизировать и накладывать на подвластныхъ непомѣрныя тягости, онъ долженъ былъ подчиненнымъ своимъ давать право на крутыя мѣры, а какъ скоро онъ имъ давалъ такое право, онъ уже не могъ болѣе знать, въ чью пользу принимались эти мѣры, въ пользу-ли государя или въ пользу его чиновника. Все хорошее, что было сдѣлано для народа, разсыпалось въ прахъ, всюду распложалась прежняя анархія, прежняя бѣдность и апатія. Государь чувствовалъ, что всюду являются прорѣхи и что могучая рука парализируется какой-то невидимой силой, но его самолюбіе разрослось до огромныхъ размѣровъ, онъ не можетъ уже болѣе переносить голоса правды; наука и ученый задыхаются и гибнутъ въ этой сферѣ смерти. Скоро Александръ пересталъ слушать философовъ, говорившихъ истину, сталъ ихъ жестоко преслѣдовать и замѣнять философами-льстецами, отъ нихъ къ льстецамъ-рабамъ былъ только одинъ шагъ. Какъ скоро дѣлается этотъ шагъ, доказываетъ другой, такъ называемый, великій человѣкъ. Юлій Цесарь старался всѣ важныя порученія, какъ скоро это только было возможно, давать своимъ рабамъ, вольноотпущеннымъ или кліентамъ. Государь, вмѣсто того, что онъ считалъ истиннымъ величіемъ, пріучается довольствоваться лестью и униженіемъ своихъ окружающихъ.

Какъ скоро государство выведено на эту дорогу, дѣятельность всюду парализируется и падаетъ. Государь всюду видитъ себя окруженнымъ измѣной, для управленія областями онъ назначаетъ своихъ родственниковъ и многочисленныхъ дѣтей, но они дѣлаютъ противъ него заговоры, каждый изъ нихъ, если онъ обладаетъ сколько нибудь бо̀льшей энергіей, старается похитить престолъ; положеніе доходитъ до того, что умерщвленіе братьевъ превращается въ обычай и въ такой обычай, отъ котораго самый добродушный государь не можетъ отступить. Случалось, что турецкій султанъ передавалъ со слезами на глазахъ шнурки, предназначенные для того, чтобы задавить его братьевъ. Наслѣдникъ престола умышленно держится въ самомъ грубомъ невѣжествѣ, такъ что онъ не годенъ къ управленію даже и тогда, когда онъ отъ природы обладаетъ и умомъ, и характеромъ. Какъ легко лукавые царедворцы могутъ совладать съ государемъ, воспитаннымъ такимъ образомъ, доказалъ примѣръ послѣдняго султана, который, распустивъ свой гаремъ, смѣло пошелъ по пути реформъ, но очень скоро обзавелся сотнями наложницъ и вышелъ на старую дорожку. Если энергическій и умный родственникъ опасенъ, то подчиненный, не связанный даже родствомъ, вдвое опаснѣе, поэтому нетолько всѣ значительныя, но даже и незначительныя должности стараются замѣщать людьми бездарными. Послѣ Мехмета-Али, Аббассъ-паша систематически удалялъ всѣхъ способныхъ людей до самаго послѣдняго писца, въ самой послѣдней деревнѣ. Этимъ путемъ все общество доходитъ до той поразительной бездарности и бездѣятельности, съ которыми безпрерывно встрѣчаешься въ разлагающихся государствахъ застоя. Одинъ

современный русскій путешественникъ удивляется сходству, которое онъ нашелъ между современною Персіей и описаніями этого края, сдѣланными въ прошломъ столѣтіи; но еще болѣе удивительно поразительное сходство между ханами и вельможами, которыхъ онъ описываетъ, и сатрапами древней Персіи; таже поразительная бездѣятельность, невѣжество и безпредѣльное суевѣріе, такъ что даже военныя предпріятія рѣшаются на основаніи предсказаній; глупое кокетство и не менѣе глупая пышность; безпрерывныя возстанія и войска, которыя тотчасъ разбѣгаются, какъ скоро сходятся; полнѣйшее отсутствіе способности къ водворенію какого-бы то ни было порядка; безсмысленная жадность, которая при видѣ золота забываетъ о самыхъ существенныхъ своихъ выгодахъ; государь, которой беретъ съ своихъ подданныхъ взятки; временщикъ, котораго всѣ ненавидятъ и котораго ненавидитъ самъ государь, но не смѣетъ его ослушаться, и съ которымъ онъ въ одинъ прекрасный день распоряжается самымъ варварскимъ образомъ; таже нелѣпая и возмутительная жестокость, которая не водворяетъ ни порядка, ни повиновенія, а только ставитъ жизнь повелителя въ самое опасное положеніе.

Что можетъ быть печальнѣе той картины, которую представляютъ разлагающіяся государства застоя. Все общество раздѣлено на безчисленное множество мелкихъ группъ, и ни одна изъ этихъ группъ не обнаруживаетъ пониманія истиннаго назначенія человѣка, глубокой солидарности между человѣческими интересами. Всѣ связи между ними построены на самыхъ жалкихъ и глупыхъ предразсудкахъ, а между тѣмъ ради этихъ предразсудковъ они безпрерывно проливаютъ кровь, уничтожаютъ имущество и мучатъ другъ друга съ жестокостью, отъ которой волосы становятся дыбомъ. Вотъ горы, вотъ песчаныя и каменистыя пустыни, вотъ безпредѣльныя степи, всѣ они имѣютъ населеніе, раздѣленное на безчисленное множество мелкихъ племенъ. Какая мысль соединяетъ эти мелкія группы въ одно цѣлое? составили ли они себѣ какое-нибудь міровоззрѣніе о томъ, какъ лучше всего исполнить свою задачу на землѣ и стремятся ли ее исполнить? Ничуть не бывало: они, повидимому, даже не подозрѣваютъ, что существуетъ для человѣка такая задача; старинный обычай, преданіе—вотъ единственное основаніе связи; привычка находиться подъ начальствомъ или извѣстнаго рода лицъ, или извѣстнаго семейства—вотъ основаніе организаціи Можетъ быть это выродки? можетъ быть когда-то эта власть учила этихъ людей исполнять свое назначеніе? Ничуть не бывало: она была узурпирована или навязана силою. Между тѣмъ, всѣ эти племена питаютъ жгучую ненависть другъ къ другу, дѣлаютъ другъ другу какъ можно болѣе вреда и мѣшаютъ появленію въ своей средѣ малѣйшихъ зачатковъ благосостоянія. Какое основаніе этой ненависти?—преданіе. Какая цѣль? они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ непосредственнаго, нелѣпаго чувства, не разсуждаютъ о томъ, что изъ этого выходитъ. Такими группами наполнена не только Африка, Аравія, монгольскія степи, туранская низменность, но и горы, и пески Сиріи, Персіи и Малой Азіи и т. д., и постоянно это было такъ, насколько только хватаетъ память исторіи. Рядомъ съ ними стоятъ группы сектаторовъ съ невѣже-

ственными учителями изъ толпы народа. Въ чемъ состоитъ ихъ религія? она учитъ ненависти ко всѣмъ, она вводитъ варварскіе обряды, вслѣдствіе которыхъ населеніе не можетъ размножаться. Въ сѣверной Индіи, между верховьями Тигра и Евфрата вы встрѣчаете секты, которыя считаютъ себя служителями зла и полагаютъ, что они будутъ тѣмъ добродѣтельнѣе, чѣмъ больше убьютъ людей; скопцы, по сравненію съ этими сектами, это уже великій прогрессъ на пути гуманности. Эти секты также существовали всегда, насколько можетъ помнить исторія Между всѣми этими явленіями самое раціональное—это племена, соединяющіяся для разбоя: они по крайней мѣрѣ грабятъ другихъ, чтобы обогащать себя, а не проливаютъ свою кровь, не причиняютъ себѣ страданія только для того, чтобы очевидно уменьшать и свое, и чужое счастье Таковы группы невѣжественныя и съ невѣжественными предводителями; но вотъ другія, которыми руководятъ люди просвѣщенные или ученые Въ византійской имперіи однимъ изъ главныхъ основаній для раздѣленія партій служили игры цирка; вопросы цирка сдѣлались великими государственными вопросами. При Юстиніанѣ они раздѣлялись на голубыхъ и зеленыхъ, и такъ какъ императоръ поддерживалъ одну изъ партій, то другая взбунтовалась; началась настоящая междоусобная война, которая длилась пять лѣтъ; дошло до провозглашенія новаго императора, и Юстиніанъ такъ перепугался, что хотѣлъ бѣжать; въ борьбѣ убито было до тридцати тысячъ человѣкъ. Превращеніе партій цирка въ государственное дѣло историки возводятъ до временъ Кая Калигулы. Вотъ весьма рельефный результатъ политики всѣхъ стремящихся къ застою—занимать народъ и образованное общество пустяками. Въ IV вѣкѣ монахъ Иларіонъ прославился въ Египтѣ тѣмъ, что онъ окроплялъ святой водой лошадей на скачкахъ, которыя одерживали побѣду, и увѣряютъ, что онъ этимъ далъ перевѣсъ христіанамъ надъ язычниками. По сравненію съ этой борьбой, борьба римскихъ легіоновъ, которые сажали императоровъ, производитъ граціозное впечатлѣніе,—тѣ, по крайней мѣрѣ, иногда сражались за славу римскаго оружія и старались посадить императора, который способенъ былъ поддержать эту славу на римскихъ границахъ. Есть ли что нибудь печальнѣе впечатлѣнія, которое производитъ группировка на религіозныя секты. Изъ за чего тутъ происходитъ споръ? изъ за какого нибудь слова, изъ за какого-нибудь обряда, изъ за выдуманнаго отвлеченнаго понятія, которое не можетъ имѣть никакого практическаго значенія.

Въ Египтѣ даже въ то время, когда язычество окончательно пришло въ упадокъ и замѣнялось христіанствомъ, города враждовали между собою и жестоко преслѣдовали другъ друга изъ за различныхъ быковъ, крокодиловъ и рыбъ, которыхъ они обожали. Каждая община имѣла своего бога, и жрицы этого бога заставляли ее враждебно относиться ко всѣмъ другимъ. Всѣ эти глупости они бросили только для того, чтобы раздѣлиться на множество мелкихъ христіанскихъ сектъ и продолжать такую же безплодную борьбу, прикрываясь знаменемъ новой религіи. Нигдѣ образованное и высшее сословіе не проявлялось съ такой отвра-

тительной стороны, какъ въ этой своей дѣятельности. Та часть общества, которая имѣла всего болѣе средствъ узнать истину, самымъ безсовѣстнымъ образомъ вводила народъ въ обманъ и заваливала мусоромъ суевѣрія тотъ путь, по которому онъ могъ бы добраться до истины. Чѣмъ доказывали учителя этихъ безчисленныхъ сектъ свою безстыдную ложь — аргументами? аргументовъ у нихъ не было, они всѣ ссылались на вдохновеніе свыше, они доказывали видѣніями и чудесами. Какую вѣру заслуживали ихъ чудеса, всего яснѣе видно изъ того, что императоръ Веспасіанъ во время своего пребыванія въ Египтѣ дѣлалъ чудеса, чтобы доказать свое божественное происхожденіе, чудесно исцѣлялъ слѣпыхъ и хромыхъ. Ихъ мощи стоили чудесъ: когда въ первое время христіанства шелъ споръ между евреями и христіанами, тогда у евреевъ являлись мощи именно такъ, какъ нужно было для предводителей ихъ партій; когда, напр., нужно было сближеніе съ христіанами, тогда являлись мощи, которыя одинаково почитались и въ той, и въ другой религіи, евреи и христіане сходились вмѣстѣ на поклоненіе.

Люди, сгруппированные такими путями, возбуждались къ ненависти противъ всѣхъ остальныхъ и преслѣдовали всѣхъ, кого могли, съ безпощадной жестокостью. Нерѣдко они въ одно и тоже время сами подвергались кровавымъ преслѣдованіямъ и жестоко преслѣдовали всѣхъ, кого только могли достать. Католикъ Іоаннъ Златоустъ воздвигалъ кровавыя преслѣдованія на язычниковъ, евреевъ и христіанъ всѣхъ сектъ, въ особенности на православныхъ, въ тоже время онъ самъ подвергался со стороны православныхъ самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ. Секты дѣлали всякую государственную жизнь невозможною и были источникомъ отчаянія для правителей разлагающихся государствъ. Римскіе и греческіе императоры бились какъ рыба объ ледъ въ борьбѣ съ сектами. Худшіе изъ нихъ пользовались взаимною ненавистью сектъ, чтобы достигать своихъ цѣлей, обыкновенно самыхъ нелѣпыхъ, и приводили свои дѣла въ положеніе еще болѣе жалкое. Такъ нѣкоторые императоры пользовались ненавистью къ евреямъ, чтобы вымогать отъ нихъ деньги, чтобы принуждать ихъ оказывать себѣ божескія почести, и этимъ довели до того ужаснаго истребленія евреевъ, которое ложится пятномъ даже на государствахъ застоя, гдѣ возмущающіе человѣческую душу ужасы—дѣло самое обыденное. Утверждаютъ, что во время одного только похода, при которомъ срытъ былъ Іерусалимъ, погибло болѣе милльона народа. Болѣе благоразумные императоры пытались держаться примирительной политики, такъ Юстиніанъ для примиренія партій отмѣнилъ три статьи соборныхъ постановленій, но только ожесточилъ всѣхъ. Духовенству примиреніе удавалось еще менѣе: западный папа, принявшій постановленіе примирительнаго вселенскаго собора, не нашелъ даже и трехъ епископовъ, которые согласились бы посвятить его. Пристрастіе власти ставило ее въ положеніе еще болѣе опасное. Когда римскіе императоры ввѣряли управленіе Египтомъ несторіанцамъ, тогда копты монофизиты призвали арабовъ и помогли имъ овладѣть страною, хотя они были могометане-фанатики и безъ помощи жителей никакимъ образомъ не могли овладѣть краемъ, по-

тому, что не имѣли ни одного корабля. Положеніе было такое ужасное, что даже водвореніе свободы вѣры было невозможно и сдѣлало бы всѣхъ недовольными, потому что всѣ стремились къ насиліямъ; во всякомъ случаѣ это была единственная здравая политика, которая со временемъ принесла бы свои плоды, но къ несчастью, ея никто не придерживался въ достаточныхъ размѣрахъ. Ожесточеніе, производимое гоненіями, было ужасно. Гонимые евреи, возставъ на островѣ Кипрѣ, умерщвляли безъ различія всѣхъ грековъ и римлянъ, они питались человѣческимъ мясомъ, снимали кожу съ тѣлъ убитыхъ и одѣвались ею. Даже среди самыхъ жестокихъ гоненій, секты дробились и, расщепившись, преслѣдовали другъ друга и одинъ другому старались сдѣлать какъ можно болѣе вреда. Между евреями возникали секты среди самыхъ жестокихъ гоненій и они взаимно старались вредить себѣ на сколько было возможно. Всѣ эти раздробленія имѣли своимъ основаніемъ одно безсмысленное суевѣріе и не заключали въ себѣ и тѣни пониманія человѣческаго назначенія на землѣ. Были такія раздѣленія, которыя съ перваго взгляда имѣли глубокую нравственную цѣль, но стоитъ подойти къ явленію сколько-нибудь ближе, чтобы окончательно разочароваться. Таково было у евреевъ раздѣленіе на саддукеевъ и фарисеевъ. Саддукеи были склонны дѣлать уступки римскому язычеству, хотя они требовали соединенія свѣтской и духовной власти въ одномъ лицѣ, которую фарисеи стремились раздѣлить; они были любители римской роскоши и римскаго блеска. Вы видите, что еслибы народъ перешелъ на ихъ сторону, то они накинули бы на него тѣ же самыя цѣпи рабства, которыя римская роскошь разносила повсюду; поэтому вы сочувствуете фарисеямъ, которые являются защитниками простоты и строгаго образа жизни. Но болѣе глубокая критика уничтожаетъ это сочувствіе окончательно. Фарисеи, грубые фанатики, старались уничтожить всякій прогрессъ и водворить господство неподвижности, они погасили бы свѣтильникъ науки и распространили бы бѣдность и невѣжество. Вотъ выборъ: съ одной стороны, любители роскоши и науки саддукеи, они несутъ съ собою сомнительную цивилизацію и рабство, которое навѣрное возвращаетъ къ варварству и невѣжеству; съ другой, фарисеи, которые проповѣдуютъ строгую жизнь и застой, а за ними стоятъ бѣдность, невѣжество и развратъ.

Народъ выбралъ фарисеевъ; чрезъ умѣренность ихъ требованій, это было изъ двухъ золъ меньшее, но меньшее только въ настоящемъ, въ будущемъ оно грозило ему такою же погибелью. Вникая въ сущность подобныхъ явленій, глубоко проникаешься безвыходнымъ положеніемъ народа, не только въ государствахъ застоя, но во всякихъ государствахъ, гдѣ образованное сословіе растетъ въ своихъ глазахъ съ увеличеніемъ своего богатства и своей роскоши. Не помогутъ тутъ никакія гарантіи свободы; ученіе объ этихъ гарантіяхъ создается тѣмъ же образованнымъ обществомъ, и оно инстинктивно и незамѣтно направитъ его такъ, чтобы разрушить то, что они должны были охранять.

Рядомъ съ этой мелкой борьбою мы встрѣчаемъ и такую, которая съ перваго раза представляетъ крупныя черты. Вотъ въ Римѣ, востокъ ополъ-

чается, чтобы посадить императора. Западъ сажалъ императоровъ, но неудачно, востокъ, по видимому, вздумалъ вырвать у него это преимущество. Онъ хочетъ дать государству императоровъ почтенныхъ, вовсе не похожихъ на тѣхъ, которые имъ предшествовали. Орудіемъ избранъ Веспасіанъ. Онъ не рѣшается; подвластные Риму цари и намѣстники изъ Азіи и Африки уговариваютъ его, и почти насильно навязываютъ ему такую роль; даже не подвластные цари и народы принимаютъ дѣятельное участіе въ интригѣ.—Половина извѣстнаго тогда міра ополчается на великое дѣло. Что-то будетъ? — Ничего не будетъ, тутъ вопросъ идетъ не о борьбѣ варварства и цивилизаціи, не о какихъ нибудь великихъ политическихъ началахъ, а о замѣщеніи нѣкоторыхъ мѣстъ нѣкоторыми людьми, о томъ, какіе полки будутъ пользоваться подарками изъ императорской казны, тѣ, которые которые посадили прежнихъ императоровъ, или тѣ, которые присвоили себѣ это право вновь. Улучшили-ли они управленіе? Стоитъ вспомнить о губкахъ Веспасіана, объ огромныхъ, награбленныхъ имъ сокровищахъ, о личномъ его характерѣ, въ которомъ было многое, достойное уваженія, чтобы понять, что духъ посадившихъ новаго императора не допускалъ никакого улучшенія; стоитъ вспомнить о Титѣ, который совершилъ болѣе жестокостей, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ, соперничалъ съ Нерономъ въ расточительности и все таки прослылъ чуть не ангеломъ, а за тѣмъ припомнить Домиціана. Но вотъ другая борьба, еще болѣе поражающая на первый взглядъ. Широко раскинуло язычество свою власть, на огромномъ восточномъ материкѣ было, можно сказать, только нѣсколько точекъ, только самый маленькій клочекъ земли, гдѣ признавали единаго Бога, гдѣ понимали, что человѣкъ не можетъ называть себя богомъ и что ничто не можетъ быть возмутительнѣе и вреднѣе человѣка, который заставляетъ поклоняться себѣ, какъ Богу. Горсть людей, думавшихъ такимъ образомъ, называлась евреями. За эту идею евреи переносили безчисленныя притѣсненія и страданія. Всѣ языческіе жрецы, всѣ восточные цари и властители, мелкіе и крупные, всѣ подчиненные имъ грабители ненавидѣли ихъ отъ всей души. Эти грубые и жалкіе эгоисты распространили къ нимъ ненависть и презрѣніе среди всѣхъ народовъ. Вездѣ, гдѣ только извѣстно было имя евреевъ, тамъ ихъ ненавидѣлъ и гналъ глупый народъ, всегда готовый служить сильнымъ орудіемъ для своего собственнаго угнетенія. Трудолюбивые евреи не разъ обращали свою землю въ плодоносный садъ и не разъ ихъ безчисленные враги разрушали все это съ злобной радостью. Явились римляне, раскинули свое владычество надъ античнымъ міромъ, и этотъ народъ, столь же глупый какъ всѣ ему предшествующіе, по наущенію своихъ притѣснителей и въ ихъ интересахъ, горько и злобно возненавидѣлъ евреевъ. Онъ такъ далеко зашелъ въ своей раболѣпной ненависти, что злобно радовался всякимъ страданіямъ, всякимъ мученіямъ, которыми бичевали евреевъ; онъ поощрялъ своихъ притѣснителей къ вымогательствамъ и жестокостямъ и дозволялъ имъ удовольствіе обуздывать чрезмѣрную ревность ихъ ненависти. Великій народъ единаго Бога не отступилъ отъ своей вѣры, когда ополчился на него весь тог-

дашній міръ; съ нимъ боролись не только предводители, какъ было во всѣхъ войнахъ того времени, съ нимъ боролись народы, воспламененные жгучею ненавистью. Онъ принялъ небывалый вызовъ и погибъ такою геройскою смертью, какою не погибалъ ни одинъ герой ни до, ни послѣ его. Если въ государствахъ застоя было когда нибудь что нибудь великое, то это борьба евреевъ съ язычниками. Подойдемъ ближе—и прекрасный образъ превратится въ отвратительный скелетъ. За что они боролись? За идею единаго Бога. Что-же это такое? философская истина? За философскую истину можно бороться — мы съ удивленіемъ и участіемъ смотримъ на Галилея. Какъ скоро люди не будутъ отстаивать истину, прогрессъ и развитіе сдѣлаются невозможными. Но увы, идея единаго Бога не есть философская истина. Философская истина — это плодъ изученія окружающей насъ природы, это логическій выводъ изъ анализа и наблюденія. Бога изучать мы не можемъ, мы не можемъ подвергать его ни анализу, ни паблюденію. Наши чувства такъ ограничены, что мы нетолько не можемъ себѣ составить научнаго понятія о цѣломъ мірозданіи, но даже о малѣйшей его части, о землѣ, на которой мы живемъ, мы можемъ имѣть понятіе, только самое неполное. Идея единаго Бога, это не научное понятіе, это чувство, это инстинктъ; люди, которые проповѣдывали эту идею, очень хорошо это понимали, и потому никогда не ссылались на науку, а на вдохновеніе и на откровеніе; но вдохновеніе, откровеніе и инстинктъ — это одно и тоже. Неизвѣстными путями, безъ всякаго участія его логики и его анализа, животному является идея извѣстнаго образа дѣйствія, идея необходимая для того, чтобы это животное исполняло свое назначеніе на землѣ,— питаться, плодиться и такъ далѣе. Ясно слѣдовательно, что инстинктъ, точно также какъ вдохновеніе и откровеніе,—это орудія, которыми снабжается животное и человѣкъ для исполненія своего назначенія. Правильный инстинктъ, истинное откровеніе узнаютъ именно потому, что они помогаютъ человѣку или животному исполнять ихъ назначеніе. Про волка, который задралъ, напавъ на стадо, двадцать овецъ и можетъ съѣсть только одну, мы говоримъ, что онъ введенъ въ заблужденіе своимъ инстинктомъ; про умалишеннаго, который увѣряетъ насъ, что онъ получилъ откровеніе отрубить себѣ руку, мы говоримъ, что онъ вводится въ заблужденіе своимъ откровеніемъ, потому что оно заставляетъ его дѣлать вещи прямо противныя человѣческому назначенію. Если мы съ этой точки зрѣнія будемъ разсматривать еврейскую идею единаго Бога, то есть будемъ ее разсматривать какъ вдохновеніе и какъ откровеніе, какъ инстинктъ, который долженъ былъ заставлять евреевъ исполнять свое назначеніе на землѣ, то мы отступимъ съ ужасомъ передъ тѣмъ чудовищемъ, которое намъ представится. Это не было чувство, которое заставляло ихъ жить міровою жизнью, понимать солидарность, которая существуетъ между каждымъ человѣкомъ и всѣмъ мірозданіемъ, плодить жизнь и добро на землѣ,—это была вражда противъ дѣятельности ума и мысли, это было скопленіе самыхъ отвратительныхъ предразсудковъ, они боролись за теократическое господство, за то, чтобы не имѣть изображеній животныхъ

и за сотни ничего незначащихъ обрядовъ. Ихъ идеи о назначеніи человѣка были совершенно такія же, какъ и у окружающихъ ихъ язычниковъ и самымъ лучшимъ доказательствомъ служитъ ихъ понятіе о Мессіи. Мессія, по ихъ понятіямъ, долженъ былъ явиться восточнымъ деспотомъ и великимъ завоевателемъ; онъ долженъ былъ вести евреевъ на войну противъ всѣхъ народовъ и покорить весь міръ, затѣмъ всякаго еврея сдѣлать княземъ и дать ему несмѣтныя сокровища. Вотъ почему они такъ смѣялись надъ невоинственнымъ Іисусомъ Христомъ, когда его называли Мессіей; вотъ почему они такъ легко поддавались всякимъ шарлатанамъ, которые, называя себя Мессіею, вели ихъ на завоеванія и губили тысячами Ихъ идея единаго Бога заставляла ихъ презирать другихъ людей и нерѣдко развивала въ нихъ разбойничьи инстинкты.

Самое грустное впечатлѣніе при этомъ производитъ поразительное злоупотребленіе, которое дѣлается изъ инстинктовъ, предназначенныхъ побуждать человѣка жить для другихъ, плодить жизнь на землѣ, жить міровою жизнью. Люди дѣлаются похожими на какихъ то душевно больныхъ, всѣ безъ исключенія просятся въ домъ умалишенныхъ. Единственные инстинкты, на которыхъ человѣкъ можетъ опираться для развитія и прогресса, обращаются въ орудія застоя, дѣлаются бичами этого прогресса. Все міровоззрѣніе людей обращается въ безобразную груду предразсудковъ, основанныхъ на обычаяхъ или вѣрованіяхъ; самое тщательное изслѣдованіе не можетъ открыть ни одного здраваго чувства, ни одной здравой мысли, а между тѣмъ все это отстаивается съ самоотверженіемъ и съ готовностью на самыя варварскія насилія. Почему такой то человѣкъ держится такого то обычая или вѣрованія? Потому что всѣ будутъ его бранить и порицать, если онъ отступитъ; но вѣдь въ числѣ этихъ всѣхъ и онъ самъ, почему же онъ бранитъ и порицаетъ отступающаго? Онъ потому бранитъ, что всѣ бранятъ; онъ не только бранитъ, но способенъ поступать съ величайшей жестокостью съ отступающимъ, хотя онъ въ душѣ ничего не имѣетъ противъ него и даже одобряетъ его образъ дѣйствія. Такъ накинулись на евреевъ съ ненавистью десятки милльоновъ язычниковъ, между этими десятками милльоновъ были цѣлые милльоны вольнодумцевъ, которые считали вѣру въ единаго Бога возвышеннѣе язычества, однакоже они распоряжались убійствами и истребленіемъ въ угоду безмысленной толпѣ.

Вотъ явленіе самое обыкновенное въ государствахъ застоя. Турецкое или египетское войско возьметъ въ плѣнъ бедуина или курда изъ кочующихъ разбойничьихъ шаекъ. Чтобы добиться отъ него показанія его подвергаютъ невыносимымъ мученіямъ, но онъ выноситъ самыя ужасныя пытки безъ крика и жалобъ, дерзко вызывая своими оскорбленіями на новыя жестокости. Онъ дѣлаетъ это, чтобы внушить своимъ мучителямъ уваженіе къ себѣ, и дѣйствительно достигаетъ цѣли,—онъ заставляетъ уважать нетолько себя, но и все свое племя. Какое тутъ сплетеніе нелѣпицъ! Если поведеніе плѣннаго достойно уваженія, то вѣдь его надо почитать, а не мучить, между тѣмъ мучители изобрѣтаютъ всѣ возмож-

ныя средства, чтобы пересилить его упрямство, и, замучивъ его до смерти, удивляются и громко выражаютъ свое одобреніе. Изъ этого выходитъ, что смирные и трудящіеся люди пользуются тамъ глубокимъ презрѣніемъ, а разбойники, не боящіеся мукъ, возвышаются въ общественномъ мнѣніи, а вслѣдствіе этого презирается самый трудъ и уважается насиліе. Страны застоя полны людьми, которые стараются доказать свою способность жить міровою жизнью, подвергая себя всякимъ неудобствамъ, лишеніямъ и страданіямъ. Тамъ безпрерывно встрѣчаются странники, которые не чешутъ своихъ волосъ, не моютъ тѣла, не имѣютъ никакого имущества, аскеты и мученики. Въ Турціи дервиши, выражая свою радость по наступленіи байрама, вертятся подъ музыку, закинувъ голову назадъ, до тѣхъ поръ, пока не лишатся чувствъ, или подъ звуки барабана ревутъ въ тактъ до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ не хлынетъ кровь. Въ Персіи во время поста, который называется магарремъ, на перекресткахъ улицъ часто можно встрѣтить людей полунагихъ, у которыхъ все тѣло изранено и покрыто кровью, въ него вдѣто множество желѣзныхъ крючковъ, воткнуто множество стрѣлъ и голова украшена перьями; передъ ними останавливается толпа, кричитъ, бьетъ себя въ открытую грудь до того, что она совершенно синѣетъ, а бѣдный изнуренный страдалецъ читаетъ молитвы.—Всѣ эти ужасныя проявленія прекраснаго инстинкта не только не порождаютъ чувства братства между людьми, но приводятъ къ разъединенію и къ взаимной ненависти. Рядомъ съ этимъ явленіемъ мы встрѣчаемъ и такія, которыя не носятъ на себѣ такого нелѣпаго характера; они имѣютъ свой смыслъ и свое значеніе, но какое ужасное и жалкое значеніе! это безплодная борьба людей труда противъ безраздѣльно царящаго насилія. Инстинкты міровой жизни, которые въ нихъ проявляются, производятъ тѣмъ болѣе глубокое и тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ болѣе вы видите, какъ мало они достигали своей цѣли. Уже во время господства римлянъ египетскій земледѣлецъ и работникъ считалъ для себя позоромъ и стыдился своей робости, если онъ заплатилъ сборщику податей отяготительный поборъ, чтобы избавиться отъ тѣлеснаго наказанія. Съ тѣхъ поръ, втеченіе тысячелѣтій, египетскій феллахъ гордится рубцами, которыми покрыто его тѣло отъ побоевъ и пытокъ при сборѣ податей. Желательно бы знать, сколько еще пройдетъ тысячелѣтій прежде, чѣмъ это прекратится.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Послѣ всего этого намъ остается еще разсмотрѣть организацію обществъ застоя и указать на значеніе, которое она имѣла относительно упадка и благосостоянія этихъ обществъ.

При устройствѣ власти намъ, съ отвлеченной точки зрѣнія, представляются два начала, которыми можно обезпечить вниманіе правителей къ управляемымъ. Первое—это избраніе, а второе — наслѣдственная власть. И то и дру-

гое должно по видимому создавать солидарность между правителемъ и управляемыми. Выборный—естественный покровитель тѣхъ, которые его избрали. Могущество, богатство наслѣдственнаго правителя и его наслѣдниковъ зависитъ отъ счастья и благосостоянія управляемыхъ; имѣющій наслѣдственную, неограниченную власть будетъ слѣдовательно заботиться о своихъ подвластныхъ точно также, какъ о самомъ себѣ. Всѣ эти сужденія вовсе не оправдываются дѣйствительностью. Выборная власть въ государствахъ застоя дѣйствовала постоянно точно также деспотически, какъ и всякая другая, такъ что самый актъ выбора имѣетъ очень небольшое практическое значеніе. Тому, кто желаетъ убѣдиться, что значеніе общественныхъ формъ зависитъ отъ нравовъ и чувствъ населенія, а не наоборотъ, весьма полезно обратиться къ исторіи такихъ избирательныхъ правленій, какимъ было напр. правленіе алжирскаго дея или паши. Сходство этого управленія съ наслѣдственной восточной деспотіей поразительно — точно тотъ же кровавый произволъ. Большинство деевъ точно также умираетъ насильственною смертью, а во время жизни отличается жестокостью и подкупностью. Они, при вступленіи своемъ въ управленіе, точно также предавали смерти всѣхъ опасныхъ имъ лицъ, увѣряютъ, что даже тысячами. Солдаты продавали достоинство дея точно также, какъ тронъ султана или римскаго императора. Званіе это точно также было доступно каждому сапожнику, какъ достоинство восточнаго вельможи всякому казачку, чего невозможно напр. въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ отъ президента или губернатора требуются спеціальныя знанія и таланты Изъ исторій государствъ застоя мы видимъ очень ясно, какимъ громаднымъ препятствіемъ для развитія идеи избирательнаго правленія служили тѣ чувства и воззрѣнія людей, которыя возвеличивали человѣка за вредную дѣятельность. Идея избранія до такой степени проста и естественна, что она весьма часто встрѣчается на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, среди самыхъ дикихъ обществъ. Однакоже наслѣдственная власть встрѣчается гораздо чаще. Причина видна очень ясно. Какимъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки могло развиться и держаться избирательное начало? У американцевъ явилась и укоренилась идея, что вовсе не все равно, какъ бы человѣкъ не достигъ политической власти; его слѣдуетъ возвеличивать и уважать только тогда, когда власть не захвачена имъ силою и когда въ странѣ сначала производилась свободная агитація, жители убѣждались въ томъ, кто можетъ съ наибольшею пользою для общества употребить власть, и, выслушавъ всякія рѣчи объ этомъ предметѣ, большинствомъ произвели избраніе. Затѣмъ еще требуется, чтобы эта власть оставалась строго въ назначенныхъ для нея предѣлахъ. Какъ скоро эти условія не соблюдены, то власть тотчасъ же теряетъ въ странѣ уваженіе и падаетъ также низко, какъ она возвышается при ихъ соблюденіи. Конечно, это еще менѣе всего нормальный взглядъ на дѣло. Люди, которые избираютъ, точно также, какъ и въ государствахъ застоя, возвеличиваютъ своихъ ближнихъ за роскошь, богатство и даже за воинственность; они могли быть и дѣйствительно бывали очень несправедливы къ слабому меньшинству. Но все таки это маленькое отступле-

ніе отъ безусловнаго обожанія силы и богатства; по крайней мѣрѣ, извѣстное наиболѣе вредное пріобрѣтеніе силы тутъ не возвеличиваетъ, а роняетъ человѣка въ общественномъ мнѣніи. Втеченіе тысячелѣтій человѣчество не могло сдѣлать даже и этого воробьинаго шага. Хотя бы власть была захвачена кровавой дракой и крайнимъ насиліемъ, но лишь бы она была захвачена, и человѣкъ возвышался неизмѣримо высоко. Полное безразличіе, съ которымъ обожается всякая власть въ государствахъ застоя, такъ велико, что оно дѣлалось источникомъ безконечныхъ смутъ и что въ государствахъ застоя слишкомъ нерѣдко господствовала не избирательная, не наслѣдственная, а водворившаяся силою власть. Что касается до вліянія наслѣдственности, то наслѣдственность нетолько не дѣлала власть болѣе внимательною, но напротивъ побуждала ее къ крайней небрежности. Мнѣніе о вліяніи наслѣдственности основано на совершенно ложномъ понятіи объ инстинктѣ любви къ дѣтямъ. Этотъ инстинктъ имѣетъ только очень слабое вліяніе на направленіе человѣческой дѣятельности и ничтоженъ въ сравненіи съ великими двигателями. Чтобы оцѣнить этотъ инстинктъ, стоитъ вспомнить о томъ, какъ легко человѣкъ вступаетъ въ сношенія съ женщиною, которую онъ въ своей жизни видитъ одинъ разъ и какъ мало онъ заботиться о томъ, произошелъ ли изъ этихъ сношеній ребенокъ или нѣтъ. Властители въ государствахъ застоя постоянно поступали съ своими дѣтьми точно также, какъ съ прочими своими подданными, а иногда съ несравненно большею жестокостью. Они систематически избивали своихъ дѣтей, держали наслѣдника престола въ сералѣ, какъ въ темницѣ Они раздавали имъ области въ управленіе тогда, когда считали ихъ интересы солидарными со своими, но при малѣйшемъ сомнѣніи предпочитали имъ рабовъ—однимъ словомъ поступали съ ними точно также, какъ съ прочими своими подчиненными. Родители въ другихъ слояхъ общества поступали съ дѣтьми жестоко или мягко, смотря по вліянію, какое имѣло на нихъ общественное мнѣніе. Если общество смотрѣло легко на отношеніе къ дѣтямъ, то они отъ нихъ часто отказывались, выставляли ихъ на большихъ дорогахъ на погибель и такъ далѣе. Если общество считало болѣе почетнымъ имѣть сыновей, чѣмъ дочерей, то отецъ нерѣдко зарывалъ свое дитя живымъ въ землю съ досады, что у него родилась дочь, а не сынъ. Съ дѣтьми отъ рабыни онъ обращался совершенно иначе, чѣмъ съ дѣтьми отъ дочери высоко поставленнаго человѣка. Въ Китаѣ сынъ почитаетъ старшую жену своего отца выше всего на свѣтѣ, а на свою истинную мать не обращаетъ никакого вниманія. Вотъ до какой степени чувства между родителями и дѣтьми зависятъ исключительно отъ общественнаго мнѣнія. Основать на такомъ слабомъ инстинктѣ начало власти было очень легкомысленно, и государства застоя, какъ феодальныя, такъ и деспотическія, имѣли слишкомъ много причинъ въ этомъ раскаяться. Изъ десяти разъ въ девяти власть, построенная на подобномъ основаніи, дѣлалась у нихъ источникомъ обѣднѣнія и упадка.

Особенное вниманіе въ мѣстностяхъ застоя обращаетъ на себя власть, вытекающая изъ борьбы силъ. Она точно также часто встрѣчает-

ся тамъ въ періоды упадка и застоя, какъ и въ періоды развитія и полной силы цивилизаціи. Во время господства арабской цивилизаціи постоянно преобладала власть, захваченная силою; она имѣла огромное значеніе при господствѣ греческой цивилизаціи въ Азіи и въ Африкѣ, въ древней семитической и египетской цивилизаціи. Случалось, что ее нетолько предпочитали наслѣдственной, но прямо приписывали ей существованіе цивилизаціи и развитія и были убѣждены, что съ окончательнымъ водвореніемъ наслѣдственной власти всякое развитіе должно прекратиться и общество должно получить неудержимый раскатъ къ варварству Съ отвлеченной точки зрѣнія ясно, что наслѣдственность должна передавать власть въ руки заурядъ и способнымъ и неспособнымъ, а чрезъ борьбу она достается нетолько болѣе энергической и способной личности, но и болѣе энергической и способной партіи. Самый процессъ борьбы развиваетъ общество и мѣшаетъ упадку. Опытъ показалъ однакоже совершенно другое. Такъ какъ, при ложныхъ воззрѣніяхъ общества на величіе, источникомъ развитія служили не сильные, а слабые, то оказывалось, что всякая власть, какъ наслѣдственная, такъ и избирательная и созданная борьбою, точно также, какъ правители способные и неспособные, имѣли на судьбу населенія и цивилизаціи, въ среднемъ уровнѣ, одинаковое вліяніе. Вся разница заключалась въ томъ, что власти избирательная и созданная борьбою расталкивали населеніе, а власть наслѣдственная чаще всего централизовала его. Вотъ почему втеченіе тысячелѣтій населеніе мѣстностей застоя не сдѣлало между этими тремя родами власти никакого выбора; вотъ почему, насколько хватаетъ память исторіи, вы не можете замѣтить, чтобы какой нибудь изъ этихъ видовъ власти особенно часто встрѣчался либо во времена процвѣтанія, либо во времена упадка. Вы вполнѣ убѣждаетесь, что развитіе и благосостояніе зависитъ отъ состоянія чувствъ и міровоззрѣній: чѣмъ безразличнѣе будетъ возвышаться человѣкъ за одну роскошь, власть и богатство, тѣмъ менѣе пользы могутъ приносить даже самыя совершенныя формы власти

Неограниченная власть надъ значительнымъ имуществомъ оказывалась столь же вредною, какъ и деспотическая власть надъ людьми, въ особенности, если эта власть относилась до земли и до орудій труда. Во многихъ мѣстахъ государствъ застоя мы видимъ значительныхъ поземельныхъ собственниковъ, которые были такъ сильны, что ихъ владѣніе землею втеченіе столѣтій было совершенно спокойное и благонадежное. Между тѣмъ эти люди такъ небрежно обращались съ своей землею и такъ были вредны для страны, что они обращали самыя плодоносныя мѣстности въ пустыню. Къ ложному мнѣнію о заботливости, которую будто-бы внушаютъ человѣку его наслѣдники, тутъ присовокуплялось еще другое, не менѣе ложное, что будто-бы желаніе увеличить свое богатство можетъ служить для человѣка достаточнымъ стимуломъ, чтобы заставлять его заботиться о наилучшемъ состояніи своего имущества. Истинную цѣну имущество имѣетъ въ глазахъ человѣка только въ очень незначительныхъ размѣрахъ, пока оно удовлетворяетъ лишь самымъ необходимымъ его потребностямъ. За этимъ предѣломъ человѣкъ тѣмъ небрежнѣе по-

ступаетъ съ своею собственностью, чѣмъ больше эта собственность, а если въ его рукахъ орудія чужаго труда, то люди, на долю которыхъ выпадаетъ этотъ трудъ, ставятся обыкновенно въ такія условія, при которыхъ возможна только самая незначительная производительность. Крупные землевладѣльцы, нисколько не заботясь о своей собственности, ведутъ самую лѣнивую и безпечную жизнь. Доходы свои они употребляютъ на разныя прихоти, и между этими прихотями самая опасная и къ несчастью всего чаще встрѣчающаяся въ мѣстностяхъ застоя—это содержаніе охранной стражи вродѣ баши-бузуковъ, зибеевъ въ малой Азіи, азнауровъ на Кавказѣ, мамелюковъ въ Египтѣ, нубаджи въ Алжирѣ и т. д. Эти рыцари или воины дѣлались настоящими бичами земледѣльцевъ. Вездѣ мы видимъ на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ самое жалкое положеніе сельскаго населенія; земли эти всего хуже обработаны и наиболѣе пустынны. Тамъ, гдѣ рядомъ существуютъ земли частныя и государственныя, можно быть увѣреннымъ, что земледѣльцы частныхъ земель платятъ болѣе поборовъ, земли хуже обработаны и хуже снабжаются водою. Вотъ почему мы видимъ повсемѣстное стремленіе выйти изъ этого положенія посредствомъ обращенія земель крупныхъ землевладѣльцевъ въ государственныя. Оказывается, что всѣ выгоды, которыя чрезъ это пріобрѣтаются населеніемъ, очень скоро исчезаютъ. Персидскій шахъ, египетскій паша, въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣютъ еще болѣе причинъ къ безпечности, потому что они богаче. Хотя установлены съ незапамятныхъ временъ точно опредѣленные поборы, но государь пристаетъ къ своимъ управителямъ съ требованіями денегъ впередъ точно такъ же, какъ всякій крупный землевладѣлецъ къ своему управляющему, и затѣмъ смотритъ сквозь пальцы на всѣ ихъ злоупотребленія. Мало этого, вмѣсто жалованья своимъ служителямъ, онъ имъ раздаетъ деревни и земли то временно, то потомственно, и возобновляетъ все зло исчезнувшихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Исторія землевладѣнія въ государствахъ застоя вся заключается въ переходахъ отъ крупнаго землевладѣнія, сдѣлавшагося невыносимымъ для населенія, къ сосредоточенію земель въ рукахъ государя, за которымъ слѣдовало новое раздробленіе и новое появленіе крупныхъ землевладѣльцевъ Единственное, болѣе благопріятное условіе для земледѣльческой производительности имѣло мѣсто тогда, когда владѣніе землею земледѣльцами и поборы съ нихъ установлялись единожды навсегда религіозными правилами; но стоило землѣ попасть въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, чтобы эти преграды разрушились. Такимъ образомъ крупное землевладѣніе оказывалось всегда самой худшей изъ всѣхъ формъ землевладѣнія. Мелкое землевладѣніе никогда не могло устоять противъ этого наплыва силы. Государи и сильные земли, которыхъ точила страсть къ завоеваніямъ и къ великолѣпію, употребляли всѣ усилія, чтобы вырвать изъ рукъ трудящихся ихъ мелкое достояніе. Уже въ глубокой древности мы встрѣчаемъ возмутительные примѣры разоренія страны подобными пріемами. Услужливый Іосифъ научилъ египетскихъ фараоновъ закабалить земледѣльческое населеніе, пользуясь голодомъ, и обложить его сборами. Увѣряютъ, что эти сборы доходили до

одной пятой произведеній—это очень много, въ другихъ мѣстностяхъ начиналось съ одной двѣнадцатой и съ одной десятой. Съ земель персидскаго шаха уже втеченіе столѣтій сборъ составляетъ половину, но чрезъ злоупотребленіе онъ увеличивается до того, что земледѣльцы часто не имѣютъ никакихъ средствъ засѣивать свои поля и шаху приходится выдавать имъ сѣмена, что въ свою очередь часто связано съ такими злоупотребленіями, что поля остаются вовсе не засѣянными. На земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ положеніе ухудшается до того, что земледѣльцамъ очень часто остается только одна пятая ихъ произведеній. Такимъ образомъ при крупномъ землевладѣніи единственное условіе, при которомъ производительность земель дѣлается болѣе значительною, заключается въ ограниченіи ихъ власти надъ этой землею посредствомъ обычая или религіознаго предписанія, и положеніе дѣлается тѣмъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ сильнѣе это ограниченіе. Въ борьбѣ съ этой уничтожающей жизнь неограниченной властью надъ землею крупныхъ землевладѣльцевъ, общинное владѣніе показываетъ болѣе стойкости, чѣмъ мелкая собственность; но къ несчастью слишкомъ часто случается, что владѣльцы общинныхъ земель вовсе необработываютъ ихъ сами, а, предоставляя обработку рабамъ, кочуютъ кругомъ общиннаго участка. Европейскіе аристократы очень усердно старались доказывать, что существуетъ большая разница между феодальными владѣльцами и различными другими подобными системами въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. И дѣйствительно имъ удалось доказать, что поземельные владѣльцы въ Конго, Анголѣ, Лоанго и Бенинѣ поступаютъ съ земледѣльцами съ самой свирѣпой жестокостью, что раджпуты распространяли вокругъ себя бѣдность не смотря на то, что они могли прослѣдить свои ленные книги за пять столѣтій назадъ, не смотря на гордый свой видъ и духъ самостоятельности, не смотря даже на природную наклонность къ трудолюбію. Раджпутъ пашетъ вооруженный, а воинъ въ душѣ плохой пахарь, и дѣйствительно раджпутъ презираетъ земледѣліе и предпочитаетъ ему грабежъ, а потому онъ нищій и плодитъ нищенство вокругъ себя. Поземельныя отношенія въ Сіамѣ, въ Пегу, въ Ава, гдѣ поземельный владѣлецъ считалъ себя рабомъ своего государя въ то время, когда получающихъ отъ него земли признавалъ своими рабами, были, можетъ быть, еще менѣе благопріятны для земледѣлія, чѣмъ отношенія турецкія и персидскія. На югѣ Малакки родъ феодальной системы защищаетъ свободу немногихъ и отдаетъ все населеніе на жертву рабству и притѣсненію.

Но зато же имъ, въ свою очередь, доказали, что феодальные владѣльцы приносили земледѣлію только одинъ вредъ и думали только о томъ, какъ-бы эксплуатировать земледѣльцевъ, что во многихъ мѣстахъ въ государствахъ застоя земледѣліе находилось въ несравненно болѣе цвѣтущемъ состояніи, чѣмъ въ Европѣ въ феодальный періодъ, что хотя они и считаютъ будто-бы благодѣтельнымъ то обстоятельство, что феодалы ограничивали власть короля, но что землевладѣльцы отъ этого выиграли такъ мало, что на тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ земледѣліе было часто въ болѣе цвѣтущемъ состояніи и населеніе было гуще при господствѣ

рабства при римскихъ императорахъ, которыхъ власть ничѣмъ не была ограничена Весь этотъ многосложный споръ приводитъ только къ тому заключенію, что всякое крупное землевладѣніе—будетъ ли оно временное, пожизненное или наслѣдственное, будетъ ли сопряжено съ данью, съ обязательствомъ военной службы, или безъ всякихъ обязательствъ, будетъ ли оно состоять изъ одного, или изъ ряда владѣльцевъ — одинаково способно только уменьшать производительность земель и неблагопріятно отзываться на спокойствіи и процвѣтаніи страны. Вредно было для страны, если землею платили за службу, какъ въ Сіамѣ, если чиновники, какъ въ Пегу и Авѣ, могли удерживать себѣ только часть дохода земель, а остальные должны были представлять правительству, если земледѣльцы считались въ непосредственной зависимости отъ государя и если они прямо зависѣли отъ владѣльцевъ; они отличались на востокѣ одинаковой крайней бѣдностью, когда были свободны и когда были рабами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Государства застоя. — Вредъ большихъ вознагражденій за трудъ въ высшихъ сферахъ общества. — Ограниченная способность вещей удовлетворять человѣческимъ потребностямъ. — Борьба за существованіе. — Жалкія послѣдствія ограниченія силы силой въ сферахъ власти и въ сферахъ имущества.

Бытъ государствъ застоя опровергаетъ еще одинъ предразсудокъ, весьма распространенный въ нашемъ обществѣ, будто бы полезность труда въ высшемъ и образованномъ слоѣ общества возрастаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе вознагражденіе за этотъ трудъ. Наблюденіе показываетъ, что даже въ простомъ рабочемъ классѣ возвышающееся вознагражденіе за трудъ въ государствахъ застоя постоянно давало ложное направленіе силамъ народа. Всего лучше тамъ вознаграждались слуги у сильныхъ господъ, охранители гаремовъ, евнухи и т. д., затѣмъ грабители и воины, уже значительно менѣе ремесленники, которые производили предметы роскоши, и хуже всего истинно полезные труженики, которые производили предметы потребленія народнаго. Эти послѣдніе были или самые жалкіе изъ рабовъ, или нищіе, безпрерывно подвергавшіеся пыткамъ и истязаніямъ для того, чтобы вымогать отъ нихъ подати и поборы Ихъ презирали другіе и они презирали сами себя. Поэтому всякій истинно полезный трудъ находился въ презрѣніи, и, напротивъ, всѣ стремились къ дѣятельности, которая служила существенной помѣхой къ развитію благосостоянія, населеніе уменьшалось, страна бѣднѣла, водворялось царство лѣни. Въ высшихъ сферахъ и среди интеллигенціи страны правило о высокомъ вознагражденіи оказывалось еще несравненно болѣе гибельнымъ.

Оно послужило главной причиной, которая втеченіе тысячелѣтій держала далеко бо́льшую часть земной поверхности въ состояніи бѣдности, невѣжества и застоя. Большое вознагражденіе за трудъ въ государствахъ застоя можно было получать или посредствомъ власти, или чрезъ щедроты этой власти. Изъ этого выходило то, что выше всего въ обществѣ подымались тѣ, которые съ наибольшей энергіей притѣсняли народъ. Правитель снисходительный подвергался наибольшей опасности лишиться своего званія, напротивъ, притѣснитель, который кромѣ обыкновенныхъ податей присылалъ еще государю, его женамъ и приближеннымъ значительные подарки, быстро возвышался. Рядомъ съ этимъ большое вознагражденіе выпадало на долю тѣхъ, которые посредствомъ своего нравственнаго вліянія, поселяя въ народѣ предразсудки и суевѣрія, дѣлали его бездушнымъ и раболѣпнымъ, — именно на долю духовенства Поэтому духовенство, по значительности вознагражденія, занимаетъ первое мѣсто послѣ притѣснителей посредствомъ власти. Мы нигдѣ не видимъ въ государствахъ застоя, чтобы духовенство проповѣдывало истинную нравственность, по той простой причинѣ, что цѣлью его дѣятельности было увеличеніе своихъ доходовъ, а доходы его увеличивались тогда, когда оно вводило народъ въ заблужденіе, поселяло въ немъ суевѣріе и раболѣпіе по отношенію къ властедержателямъ. За духовенствомъ слѣдовали разные поставщики и ростовщики. Все это подрывало нравственность высшаго общества и порождало въ немъ загрубѣніе и бездѣятельность. Былъ одинъ путь, которымъ общество могло бы выйти изъ подобнаго состоянія, это путь правдиваго разсмотрѣнія явленій жизни, путь научнаго анализа. Но тамъ, гдѣ человѣкъ цѣнился высоко только вслѣдствіе высокаго вознагражденія за свой трудъ, идти этимъ путемъ для общества было невозможно. Чѣмъ глубже идея, тѣмъ труднѣе ее распространеніе и тѣмъ менѣе ученый можетъ имѣть въ началѣ сочувствующихъ себѣ. Великій ученый едва могъ существовать и, при такихъ воззрѣніяхъ, не могъ пользоваться никакимъ уваженіемъ; только положеніе рутинера дѣлалось нѣсколько лучше, но и рутинеръ никогда не могъ состязаться съ жрецами, распространителями лжи и суевѣрія. Такое отношеніе между полезной и вредной дѣятельностью очень рельефно обрисовалось въ Египтѣ втеченіе послѣднихъ вѣковъ язычества и первыхъ вѣковъ христіанства. Во время господства Персовъ, самостоятельная научная дѣятельность вовсе не могла тамъ зародиться, она зародилась въ Греціи въ то время, когда не было ни одной страны, гдѣ бы разница между наибольшимъ и наименьшимъ вознагражденіемъ за трудъ была такъ незначительна, какъ у грековъ. Эту уже выработавшуюся науку Александръ-Великій занесъ въ Египетъ и, дѣйствительно, при Птоломеяхъ она принесла вначалѣ огромную пользу. Но такъ какъ въ Египтѣ уваженіе къ людямъ прямо соразмѣрялось съ количествомъ получаемаго людьми вознагражденія, то наука очень скоро начала тамъ вырождаться, она начала служить для развлеченія и забавы сильныхъ міра, и самостоятельное мышленіе сдѣлалось невозможнымъ, могла сохраниться одна только рутина. Не прошло двухъ вѣковъ, какъ духовенство взяло окончательный

перевѣсъ и подавило даже и рутину, водворилось царство невѣжества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упадокъ матерьяльнаго благосостоянія. При римлянахъ повторилось тоже самое — науки обратились въ забаву, наконецъ явилось духовенство и уничтожило все. Въ государствахъ застоя, даже въ самыя счастливыя для науки времена, она не могла сосредоточивать своей дѣятельности на порожденіи и распространеніи самыхъ полезныхъ для общества идей и носила на себѣ печать прихвостницы. Посмотрите на состояніе наукъ во время арабовъ: первую роль играетъ все-таки теологія, и наука служитъ гораздо болѣе распространенію суевѣрія; на второмъ планѣ мы видимъ астрологію, эту любимую забаву восточныхъ вельможъ, самые знаменитые философы пишутъ сочиненія по этому предмету; медицина должна уже выносить сильную борьбу съ духовенствомъ и ее поддерживаютъ только потребности богатыхъ людей. Только тамъ, гдѣ сталкивалось могущественное духовенство нѣсколькихъ религій или гдѣ по другимъ причинамъ вліяніе духовенства представляло политическую опасность, допускалась свободно-мыслящая философія и распространяла религіозный скептицизмъ; реальныя науки обязаны были своимъ процвѣтаніемъ только энергіи ученыхъ А самостоятельный анализъ явленій общественной жизни вовсе не могъ приняться

Изобрѣтательность техническая, совершенствующая производство, слѣдуетъ совершенно тому же самому закону, какъ и наука,—чѣмъ глубже мысль изобрѣтателя, тѣмъ сложнѣе будетъ изобрѣтеніе, тѣмъ труднѣе будетъ сначала его примѣненіе и тѣмъ незначительнѣе можетъ быть вознагражденіе геніальнаго человѣка. Мы видимъ, что изобрѣтенія странъ съ высокимъ промышленнымъ развитіемъ, не смотря на то, что они производятъ болѣе съ меньшимъ трудомъ, оказываются однакоже непримѣнимыми въ странахъ застоя; такъ велика зависимость всякаго изобрѣтенія отъ организаціи вознагражденій. Если геніальный техникъ сдѣлаетъ машину, то двадцать пять рукъ произведутъ то, что прежде произвели сто; но машину нужно сдѣлать съ помощью капитала, а если капиталъ даетъ большое вознагражденіе, напр. шестьдесятъ процентовъ, какъ нерѣдко бываетъ въ странахъ застоя, то, наперекоръ здравому смыслу, примѣненіе машины окажется невыгоднымъ. Вотъ почему высокое вознагражденіе за капиталъ совершенно парализуетъ въ странахъ застоя развитіе промышленности, и стремленіе къ высокимъ вознагражденіямъ со стороны капиталистовъ точно также вредно, какъ и со стороны другихъ интеллектуальныхъ дѣятелей—власти, духовенства, ученыхъ. Если капиталистъ хочетъ быть для промышленности дѣйствительно полезнымъ человѣкомъ, то онъ долженъ расчитывать количество труда, необходимаго для извѣстнаго промышленнаго результата; если это количество будетъ менѣе предшествовавшихъ ему обработокъ, то онъ долженъ предпринимать дѣло, хотя бы онъ не получилъ никакой выгоды. Въ этомъ случаѣ онъ не будетъ богатѣть, но будетъ полезнымъ человѣкомъ; если онъ увеличитъ производство товара, нужнаго для удовлетворенія необходимой потребности, онъ будетъ заслуживать бо̀льшаго уваженія, чѣмъ другіе капитали-

сты [1]); но въ странахъ застоя, гдѣ человѣкъ цѣнится только соразмѣрно получаемому имъ высокому вознагражденію, подобный образъ дѣйствія способенъ внушать только презрѣніе, и даже мысль объ немъ никому не можетъ придти въ голову. Изъ капиталистовъ всего выше стоитъ тамъ откупщикъ податей, за нимъ ростовщикъ, за ростовщикомъ слѣдуетъ поставщикъ, который обманываетъ правителя страны въ стачкѣ съ его генералами и слугами, потомъ купецъ, но даже капиталистъ, который имѣетъ промышленныя заведенія, составляетъ самую жалкую фигуру. Искусный механикъ или техникъ пользуется однимъ презрѣніемъ. Одинъ европеецъ подарилъ персидскому шаху механическую игрушку, шахъ долго восхищался ею, но наконецъ она испортилась; въ числѣ его подданныхъ оказался геніальный механикъ, который нетолько поправилъ мудреную штуку, но сдѣлалъ въ ней значительное усовершенствованіе. Шахъ, разсмотрѣвъ работу, сказалъ съ приличной его достоинству важностью: «хорошо» и этимъ ограничился, онъ даже не заплатилъ за трудъ. Вотъ какъ смотрятъ сильные въ странахъ застоя на техника и механика даже тогда, когда онъ удовлетворяетъ ихъ страстямъ и когда они всего способнѣе оцѣнить его трудъ.

Высокое вознагражденіе, полученное лицами, принадлежащими къ высшимъ слоямъ общества, нетолько не оказывается поощреніемъ для самыхъ высшихъ отраслей труда и не увеличиваетъ тутъ полезной дѣятельности, но, напротивъ, даетъ этой дѣятельности въ высшей степени вредное направленіе и служитъ первымъ источникомъ умственной неподвижности. Даже въ необходимой дѣятельности огромное вознагражденіе не обнаруживало ни малѣйшей способности привлекать или создавать необыкновенныя дарованія; они создавались совершенно независимыми отъ него условіями. Еслибы большія вознагражденія обладали хотя тѣнью подобной силы, то армія Константина Великаго была бы преисполнена геніальными дарованіями, потому что каждый изъ его многочисленныхъ генераловъ получалъ такое огромное содержаніе, что могъ содержать до 200 человѣкъ прислуги и до 150 лошадей. Однакоже оказывается, что передъ его возвышеніемъ религіозный энтузіазмъ придавалъ ей гораздо болѣе геройскаго духа, чѣмъ могли сдѣлать деньги послѣ того, какъ онъ сталъ императоромъ. Такое возвышеніе вознагражденій нетолько не способствовало къ увеличенію достоинствъ высшихъ классовъ и къ процвѣтанію общества, но, напротивъ, раззорило государство, сдѣлало систему податей чрезвычайно сложной и обременительной, все болѣе и болѣе развивало въ высшихъ сословіяхъ страсть пользоваться насчетъ народа и дѣлало ихъ все болѣе негодными. Въ послѣднее время передъ Р. Х. въ египетской арміи содержаніе было гораздо значительнѣе, чѣмъ въ римской, и кромѣ того солдаты и офицеры имѣли множество постороннихъ доходовъ, они до того выса-

---

[1]) Конечно нельзя сказать того же о товарахъ, удовлетворяющихъ потребностямъ искусственнымъ; поступать относительно ихъ такимъ образомъ, это значило бы причинять обществу вредъ.

сывали народъ, что окончательно его раззорили; а между тѣмъ, это было все таки никуда негодное войско: офицеры и солдаты разыгрывали изъ себя аристократовъ и въ войнѣ противъ римлянъ некому было даже рыть окоповъ, потому что войско не хотѣло браться за такое грязное дѣло. Римскіе офицеры и получали гораздо менѣе, и по причинѣ строгой дисциплины несли гораздо болѣе тяжкую службу. Однакоже римскому генералу Габинію ничего не стоило разгромить это высоко вознагражденное, но никуда негодное и деморализированное войско и овладѣть Египтомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что высокое вознагражденіе, которое получается высшими и привилегированными классами, не только не увеличиваетъ ихъ годности, но служитъ главнымъ источникомъ для ихъ деморализаціи. Тѣсно и органически связано съ этимъ явленіемъ другое — матерьяльныя средства, переходя за извѣстный уровень, нетолько теряютъ способность удовлетворять истиннымъ потребностямъ человѣка, но тѣмъ болѣе уменьшаютъ его счастье, чѣмъ ревностнѣе онъ старается сдѣлать изъ нихъ эгоистическое употребленіе. Это обстоятельство послужило другою, неменѣе важною причиною, почему государства застоя никакъ не могли выйти изъ своего жалкаго положенія. Припомните все, что вы читали о государяхъ и вельможахъ мѣстностей застоя, возобновите въ своей памяти всѣ наблюденія путешественниковъ, всѣ данныя исторіи и постарайтесь изъ всего этого создать одинъ типъ, который бы сосредоточивалъ въ себѣ всѣ характеристическія его черты. Прежде всего передъ вами образъ апатіи. Первое наслажденіе этого человѣка—это сонъ, чтобы продлить сонъ, онъ изобрѣтаетъ всѣ средства, какія только можетъ придумать; количество часовъ, которое онъ способенъ спать, поразительно; на востокѣ не мало людей, которые спятъ шестнадцать и даже двадцать часовъ въ сутки; едва ли подлежитъ сомнѣнію, что въ среднемъ уровнѣ государи и вельможи востока спятъ большую половину своей жизни Однакоже они этимъ не удовлетворяются: въ то время, когда они не могутъ достигнуть сна съ помощью пуховыхъ подушекъ и искусственной прохлады, они усыпляютъ себя посредствомъ опіума, вина и другихъ сильно дѣйствующихъ средствъ. Чтобы представить эту часть своей жизни въ заманчивомъ свѣтѣ, въ мѣстностяхъ застоя постоянно толкуютъ о небесныхъ наслажденіяхъ, которыя приносятъ съ собою золотые сны; самый бѣдный персидскій ханъ видитъ себя во снѣ могущественнымъ шахомъ и повелителемъ вселенной, окруженнымъ всѣми прелестями жизни. Однакоже холодный анализъ покажетъ намъ совсѣмъ другое. Для пріятнаго сновидѣнія первое условіе — это здоровое утомленіе и умѣренная пища, но въ государствахъ застоя, гдѣ вельможи и государи обыкновенно спятъ съ обремененнымъ желудкомъ, ихъ сновидѣнія должны быть въ громадномъ большинствѣ случаевъ ужасны и мучительны. Постоянно снова предаваться сну ихъ побуждаютъ не наслажденія, а вялость, которая все болѣе и болѣе овладѣваетъ ихъ существомъ. Полагать, что употребленіе возбудительныхъ средствъ, которыя доводятъ человѣка до безчувственнаго состоянія, порождаетъ райскія сновидѣнія, это самая грубая

ошибка,—ужасныя сновидѣнія и галлюцинаціи тутъ только изрѣдка смѣняются необыкновенно пріятными. Люди, находящіеся въ отчаяніи, переживаютъ прекрасныя минуты, отношеніе между наслажденіемъ и страданіемъ тутъ совершенно такое же, какъ при постоянномъ доведеніи тѣла до безчувствія посредствомъ сильно возбуждающихъ средствъ, но пьяница пьетъ съ тѣмъ большею страстью, чѣмъ больше ему представляется чертей и окровавленныхъ кинжаловъ; Мехметъ-Али выпивалъ каждый день шесть бутылокъ мадеры. Послѣ сна слѣдуетъ сидѣнье молча, въ совершенной неподвижности Хладнокровному наблюдателю совершенно ясно, что это состояніе болвана, состояніе, которое приближаетъ человѣка нетолько къ животному, но просто къ истукану; но въ глазахъ государей и вельможъ застоя и такое состояніе также принимаетъ фантастическія краски, въ немъ отыскиваютъ райское блаженство. Вырвать араба изъ этой неподвижности, это значитъ жестоко оскорбить и разсердить его, чѣмъ знатнѣе лицо, тѣмъ неприкосновеннѣе это, такъ называемое, блаженное его состояніе. Хищное животное наѣвшись способно цѣлыя сутки лежать неподвижно въ засадѣ, въ немъ жизнь слаба, у него нѣтъ потребности впечатлѣній и дѣятельности; тою же способностью обладаетъ на востокѣ человѣкъ, для европейца такое отсутсвіе жизни невыносимо; только тогда, когда онъ одичаетъ въ пустыняхъ, онъ начинаетъ прибѣгать къ подобнымъ пріемамъ. Когда во время путешествія европейцы жалуются на скуку, на востокѣ удивляются и предлагаютъ имъ кейфъ. Восточнику случается такимъ образомъ проводить все время, которое у него осталось отъ сна; онъ это называетъ погрузиться въ созерцаніе, отвлечься отъ здѣшняго міра и унестись въ высшіе міры; онъ презираетъ европейца за то, что тотъ будто бы живетъ матерьяльною жизнью; намъ нѣтъ надобности объяснять, чья жизнь болѣе матерьяльная. Такимъ образомъ проходитъ еще одна четверть жизни богатаго человѣка въ государствѣ застоя. Не мѣшаетъ припомнить и восточную баню гдѣ человѣкъ доходитъ до такого одуренія, что не въ состояніи идти и, брошенный на тюфякъ и прикрытый простынею, иногда болѣе часу смотритъ неподвижно безсмысленными глазами, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова. Это также называется райскимъ блаженствомъ. Въ баняхъ на востокѣ проводятъ цѣлый день—моются, пьютъ кофе, обѣдаютъ и опять моются. Такая жизнь вполнѣ равняется отсутствію жизни. Изучая образъ жизни богатыхъ людей въ мѣстностяхъ застоя, интересно наблюдать за развитіемъ того жалкаго инстинкта, который побуждаетъ человѣка быстро уничтожать свои силы каждый разъ, когда онъ не имѣетъ достаточно здравости, чтобы ихъ развивать.

Если припомнить, какъ къ столу богатаго человѣка на востокѣ подается двѣсти блюдъ, какъ его окружаютъ сотни и даже тысячи наложницъ, живущихъ постоянно въ заперти и неспособныхъ производить ничего, кромѣ матерьяльнаго впечатлѣнія, то будетъ совершенно понятно, какъ недостатокъ впечатлѣній и дѣятельности, соединенной съ крайнимъ злоупотребленіемъ силъ желудка и половыхъ органовъ, доводитъ его до подобной апатіи. Остальная его жизнь не

менѣе апатична, одинъ видъ его медленной и вялой походки способенъ вывести изъ терпѣнія. Также медленно онъ дѣлаетъ все. Въ Персіи постоянно путешествуютъ шагомъ, и этотъ способъ передвиженія невыносимо надоѣдаетъ европейцамъ. Значительная часть времени у него уходитъ на комплименты и привѣтствія, на обѣды, которые продолжаются по нѣскольку часовъ среди молчанія, у болѣе живыхъ Персіянъ на болтовню, напоминающую Санхо-Панчо. Привычка къ пустому бездѣлью приводитъ къ тому, что вырабатываются обычаи, при которыхъ никакое интеллектуальное развитіе не мыслимо. Вотъ какъ выражается одинъ европеецъ, сдѣлавшійся мусульманиномъ, про магометанскій образъ жизни: «Вашъ домъ не принадлежитъ вамъ, потому что во всякій часъ дня ваша дверь должна быть открыта для вашихъ друзей и если кому нибудь изъ нихъ вздумается у васъ запѣть, то ничто не помѣшаетъ ему исполнить свое желаніе. До тѣхъ поръ, пока вы не выучились создавать себѣ уединеніе среди толпы, вы будете осуждены на несносную скуку и на вѣчное раздраженіе. Вы должны рѣшиться брить вашу голову публично, смотрѣть какъ ваши друзья чешутся въ вашемъ присутствіи и безъ всякой церемоніи распоряжаются вашими вещами.» Послѣ этого понятно, какимъ образомъ у восточныхъ вельможъ недостаетъ ни времени, ни силы ни для какого дѣла, почему у визиря персидскаго шаха постоянно сбирается такая же толпа народа, какъ на шумномъ базарѣ, почему никто изъ этой толпы никогда не можетъ дождаться удовлетворенія и люди живутъ въ столицѣ по нѣскольку лѣтъ, проживая послѣднія свои деньги и напрасно ожидая услышать голосъ вельможи и получить его рѣшеніе. Нигдѣ невозможно найти богатыхъ людей, которыхъ жизнь заключается до такой степени исключительно въ удовлетвореніяхъ, доставляемыхъ вещами, какъ въ государствахъ застоя; поэтому здѣсь всего удобнѣе наблюдать способность вещей удовлетворять потребностямъ человѣка. Если бы предметы роскоши обладали этой способностью, то на востокѣ мы должны были бы встрѣчать людей, которые пользовались наиполнѣйшимъ удовлетвореніемъ, а потому и наиболѣе совершенныхъ; а между тѣмъ сравните вельможъ государствъ застоя съ нѣкоторыми бѣдными адвокатами или сельскими жителями Соединенныхъ Штатовъ, которые проживаютъ почти столько же, сколько ремесленникъ средней руки, одѣваются въ овчинки, а между тѣмъ способны говорить прекрасныя рѣчи, живо интересуются нетолько своей отечественной, но и міровой жизнью и обнаруживаютъ удивительный тактъ при пониманіи психологическихъ и политическихъ вопросовъ. Стоитъ сравнить нравственную и интеллектуальную силу этихъ двухъ родовъ людей, чтобы увидать, что на однихъ отразился безконечный рядъ самыхъ живыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, а другіе чрезъ отсутствіе подобныхъ впечатлѣній погружены въ скотскую апатію. По большей части дѣло доходитъ до того, что восточные вельможи начинаютъ показывать высшую степень пренебреженія къ драгоцѣнностямъ, которыя ихъ окружаютъ и которыхъ производство требовало десятки тысячъ рукъ, до такой степени эти драгоцѣнности лишаются всякой способности удовлетворять какой бы то ни было потребности.

Дѣло кончается тѣмъ, что высшимъ сословіемъ овладѣваетъ самая безобразная личность. Они набираютъ варварскими пріемами и скопляютъ огромныя богатства, изъ которыхъ не дѣлаютъ никакого употребленія и которыя только губятъ ихъ, потому что, разжигая въ свою очередь личность высшихъ, ставятъ ихъ въ самое опасное положеніе. Нигдѣ нѣтъ такого множества и такихъ безсмысленныхъ скрягъ, какъ въ государствахъ застоя. Путешественники, описывая парадные выѣзды турецкаго султана, разсказываютъ, что тамъ можно встрѣтить позолоченное сѣдло и веревочный поводъ, пашу, разукрашеннаго драгоцѣнными каменьями, котораго сопровождаетъ невольникъ въ рубищѣ и на клячѣ. Въ Персіи драгоцѣнный кальянъ шаха, который весь состоитъ изъ драгоцѣнныхъ камней и золота и опирается на коверъ изъ жемчуга, одинъ путешественникъ описываетъ стоящимъ на грязномъ избитомъ кирпичномъ полу, на который ужасно было взглянуть. Подобныя явленія встрѣчаются повсюду въ мѣстностяхъ застоя.

Въ великолѣпномъ дворцѣ, въ которомъ принимаетъ вельможа, передъ входомъ наваленъ навозъ и мусоръ, въ пріемномъ залѣ, во время торжественной аудіенціи, рядомъ съ драгоцѣнностями стоятъ старыя бутылки пива или элю. Вещи не способны даже развивать вкусъ, и востокъ есть страна безвкусія. Художество развилось не у богатыхъ персидскихъ вельможъ, а среди интеллегентныхъ грековъ и въ то время, когда они наиболѣе отличались равенствомъ состояній. Но даже и тамъ, гдѣ восточный вельможа окруженъ дѣйствительно изящными вещами, гдѣ онъ можетъ наслаждаться прекрасными стрѣльчатыми сводами арабской архитектуры, гдѣ онъ окруженъ изящными драгоцѣнностями, имѣетъ красавицъ женъ и наложницъ и на конюшнѣ восхитительныхъ лошадей, его жизнь отъ этого нисколько не измѣняется и его счастье не увеличивается. Таже вялость, таже безвыходная апатія остаются въ ней господствующею чертою; его счастье немногимъ превосходитъ счастье хищнаго животнаго, которое погружается въ полнѣйшую апатію, лишь только оно наѣлось. Очевидно, что способность удовлетворять потребностямъ у самыхъ изящныхъ вещей немногимъ превосходитъ способность другихъ; превратите красавицу въ гаремную женщину, и она сравняется съ вещью, будетъ способна плодить только апатію и безжизненность. Если способность вещей удовлетворять человѣческимъ потребностямъ такъ ничтожна, то какимъ образомъ они могутъ служить стимуломъ, побуждающимъ человѣка къ полезной дѣятельности, и удивительно ли, что люди, которые сдѣлали изъ нихъ главный стимулъ, такъ жестоко ошиблись и наплодили вредъ вмѣсто пользы — создали людей, которые пренебрегали и доставшимся имъ имуществомъ, и дѣятельностью, которая его доставляла имъ.

Замѣчательный примѣръ гибельнаго вліянія вещей представляютъ собою страны, куда, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, стекаются огромныя богатства отъ сосѣдей. Мѣстности, гдѣ жилъ глава религіи, имѣвшей многочисленныхъ и набожныхъ поклонниковъ, не смотря на огромныя сокровища, которыя тамъ сосредоточивались, отличались обыкновенно замѣчательной бѣдностью и промышленнымъ неразвитіемъ. Въ Европѣ поразі-

тельный примѣръ представляла римская область, въ Азіи Геджасъ, гдѣ расположены Мекка и Медина, отчасти нѣкоторыя мѣстности туранской низменности. Окрестности Мекки не обработаны, и вотъ одинъ отзывъ объ Іерусалимѣ: «Промышленность и торговля въ Іерусалимѣ очень незначительны; ни въ городѣ, ни на горахъ, окружающихъ его, никогда не было жатвы. Каждый живетъ насчетъ своей вѣры. Нѣтъ ни одной секты на востокѣ, которая не присылала бы подаяній въ Іерусалимъ; богомольцы армянскіе и греческіе доставляютъ туда значительныя суммы; дары и приношенія поддерживаютъ населеніе христіанское и еврейское; мусульмане пользуются всѣми сокровищами, присылаемыми благочестіемъ. Въ подобномъ же положеніи находится Тибетъ Какія огромныя сокровища скоплялись въ этой странѣ съ незначительнымъ населеніемъ, видно, напр, изъ того, что владѣлецъ слабаго Непала, напавъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ расплохъ на Тибетъ, увезъ оттуда въ добычѣ двѣсти пятьдесятъ милліоновъ руб. с. Не смотря на это, Тибетъ самая бѣдная и жалкая страна, гдѣ, точно такъ-же какъ въ Церковной области и въ Испаніи, на землѣ плодится по большей части только скотъ, да и то не въ изобиліи; благо природа въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ расплодила лѣсъ, лѣсная торговля для жителей этихъ мѣстъ сдѣлалась главнымъ предметомъ торга, а между тѣмъ горныя богатства, повидимому весьма значительныя, почти не разработываются. Страна наполнена кочующими племенами и разбойниками. Не смотря на огромныя богатства духовенства, даже города жалки и, сравнительно, незначительны; въ нихъ нѣтъ никакой промышленности, за то же значительная часть дѣтей обоего пола посвящается духовному званію. Однимъ словомъ, мы здѣсь видимъ повтореніе тѣхъ же самыхъ явленій, съ которыми Европа близко могла познакомиться въ Церковной области и въ Испаніи, когда въ нее стекались богатства изъ Америки, но только съ азіатскимъ характеромъ.

Китайцы такъ умны и проницательны, что бѣдность Тибета, рѣдкое тамъ населеніе и отсутствіе промышленности прямо приписываютъ тому, что это центръ религіи, куда стекаются огромныя сокровища. Промышленная неспособность этой страны такъ велика, что даже богатыя издѣлія, необходимыя для богослуженія и для вѣрующихъ, изготовлялись не въ ней, а въ Бутанѣ. Въ Лассѣ самый богатый источникъ промышленности — металлы — также эксплуатируется бутанцами; они же и ремесленники. Бутанъ хотя и находился подъ вліяніемъ Тибета, но ему представляло противовѣсъ вліяніе индѣйское, и онъ управлялся раджею. Бѣдность Тибета можно было бы отчасти объяснять его гористой и возвышенной мѣстностью, еслибы у него не было въ сосѣдствѣ Бутана. Бутанъ находится въ самыхъ Гималайскихъ горахъ, и не многія страны на свѣтѣ представляютъ поверхность болѣе неровную, долины весьма узки. Повсюду, гдѣ грунтъ не слишкомъ крутъ и есть сколько-нибудь годной почвы, она обработана и занята; отъ обваловъ устроены насыпи. Нѣтъ ложбинки, нѣтъ пологости, гдѣ не упражнялась бы рука земледѣльца. Нѣтъ ни одной горы, гдѣ не было бы, даже на самой вершинѣ, многолюдныхъ селеній съ садами, виноградниками и

другими плантаціями. Тутъ представляется картина природы самой дикой и усилій искусства самаго многотруднаго.

Всякій безпристрастный человѣкъ можетъ понять причину такой разницы въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ—это гибельное вліяніе вещей, непомѣрныхъ вознагражденій, огромное скопленіе капиталовъ. Точно такое же явленіе представляла собою Испанія послѣ открытія Америки. Эти явленія служатъ самымъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ мнѣнія политико-экономовъ, будто-бы промышленное развитіе страны зависитъ отъ обилія капиталовъ. Опытъ доказываетъ противное: какъ скоро капиталы чрезмѣрно велики по сравненію съ промышленными потребностями страны, то они нетолько не способствуютъ ея развитію, но дѣлаются для нея источникомъ бѣдствія и упадка, потому что развращаютъ и убиваютъ способности высшихъ классовъ. Для развитія промышленности нужны не капиталы, а извѣстныя нравственныя и душевныя свойства народа. Какъ скоро этихъ свойствъ не имѣется, то самые богатые капиталы пойдутъ прахомъ безъ всякой пользы для страны, а если они есть, то страна легко создастъ капиталъ въ нужномъ для нея количествѣ. Мнѣніе, что обильный капиталъ оплодотворяетъ промышленность, такъ-же ложно, какъ и то, что низкій процентъ на капиталъ зависитъ будто-бы отъ обилія капиталовъ. Всякій, кому приходилось практически принимать участіе и взвѣшивать условія состоятельности разныхъ капиталистовъ, можетъ легко замѣтить, что низкій процентъ на капиталъ зависитъ вовсе не отъ обилія капиталовъ, а отъ душевныхъ свойствъ капиталистовъ и всего народа. Тамъ, гдѣ капиталисты безалаберны, торговля и производительность неправильны, будетъ высокій процентъ на капиталъ при громадномъ стеченіи богатствъ, и всѣ эти богатства пойдутъ прахомъ. Тамъ же, гдѣ самообладаніе и порядочность сильно распространены и въ капиталистахъ и въ народѣ, тамъ процентъ будетъ низокъ при самомъ скудномъ капиталѣ. Одинъ благонадежный капиталистъ можетъ легко вести дѣло, въ пять и въ шесть разъ превышающее его капиталъ, если его благонадежность на промышленномъ поприщѣ внушаетъ довѣріе и даетъ кредитъ. Кредитъ можетъ замѣнять капиталъ безконечно. Благонадежные капиталисты и благонадежный народъ, это золотое дно для промышленности, а самый капиталъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Кто вполнѣ хочетъ въ этомъ убѣдиться, пусть изучитъ мѣстности въ государствахъ застоя, гдѣ скоплялись богатства, и судьбу этихъ богатствъ. Въ Тибетѣ богатое привилегированное сословіе ведетъ самую жалкую жизнь, изъ простыхъ деревянныхъ чашекъ они питаются чернымъ ячменемъ, за эти чашки они платятъ по 250 р. сер., а между тѣмъ Гюкъ говоритъ, что онъ никакъ не могъ понять, чѣмъ онѣ отличаются отъ грошевой чашки. Вотъ пути, которыми расточаются подобныя богатства. Эти богачи даже торговлею не занимаются, она въ рукахъ у кашемирскихъ магометанъ. Пока зловредное вліяніе вещей не найдетъ себѣ противовѣса въ другихъ элементахъ нравственной и духовной жизни, до тѣхъ поръ страна будетъ тѣмъ бѣднѣе, промышленность тѣмъ незначительнѣе и процентъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе въ ней будетъ скопляться богатствъ.

Богатства эти будутъ растрачены въ самомъ непродолжительномъ времени и произведутъ въ высшемъ сословіи такой нравственный и умственный упадокъ, который приведетъ все общество къ крайнимъ предѣламъ бѣдности и варварства, — знаменательный урокъ, который мѣстности застоя даютъ цивилизованнымъ странамъ. Пусть политико-экономы не заблуждаются—въ здоровомъ обществѣ, если оно недостаточно развито для того, чтобы кредитъ тамъ могъ замѣнять капиталъ, нужно всячески заботиться, чтобы капиталъ этотъ не превышалъ потребностей производства и промышленности; за всякое нарушеніе этого правила общество будетъ жестоко наказано умственнымъ и нравственнымъ упадкомъ высшихъ сословій.

Тѣ, которые склонны переносить ученіе Дарвина о борьбѣ за существованіе съ животныхъ на людей и видятъ нормальный порядокъ въ гибели слабаго и въ побѣдѣ сильнаго, тѣ могутъ налюбоваться всласть на подобную жизнь и на ея послѣдствія въ государствахъ застоя. Начиная отъ послѣдней деревни, отъ послѣдняго кочевья, сильный борется съ слабымъ и беретъ надъ нимъ верхъ; точно такъ-же, какъ животное, онъ пригибаетъ его къ землѣ и уничтожаетъ безъ всякаго сожалѣнія; но результаты выходятъ совсѣмъ иные: самое сильное животное все-таки такъ слабо, что чрезъ борьбу только совершенствуется его порода и порода того, кого онъ преслѣдуетъ, между тѣмъ, какъ человѣкъ легко можетъ усиливаться до такой степени, что дѣлаетъ развитіе невозможнымъ, и тогда является состояніе, которое у животныхъ никогда не встрѣчается— усилившееся племя отъ бездѣятельности вырождается и снова дѣлается слабымъ. Въ исторіи государствъ застоя мы видимъ втеченіе тысячелѣтій быстро усиливающіяся личности, быстро усиливающіяся племена, которыя съ точно такой-же быстротой теряютъ свою силу и замѣняются другими; это постоянное движеніе частей снизу вверхъ и сверху внизъ приводитъ въ окончательномъ своемъ результатѣ къ неподвижности всего общества, оно постоянно колеблется около одной точки.

Ослабленіе сильнаго не имѣетъ мѣста только тогда, когда онъ живетъ міровою жизнью, и только настолько, насколько онъ живетъ этой жизнью; нельзя прибрать болѣе убѣдительнаго доказательства тому, что человѣкъ предназначенъ жить міровой жизнью.

Мы видѣли вліяніе неограниченной власти надъ большимъ числомъ людей; не лучше вліяніе ограниченій, когда сильный ограничивается сильнымъ. Истинно неограниченная власть существовала въ государствахъ застоя всегда только очень непродолжительное время, когда великій завоеватель увлекалъ за собою все сильное, что ему встрѣчалось на огромномъ пространствѣ; но лишь только пылъ страстей начиналъ охлаждаться, являлись ограниченія, и они плодились до того, что наконецъ государь, который считался неограниченнымъ властелиномъ огромнаго пространства, не имѣлъ даже денегъ для содержанія своего гарема, о войскѣ и говорить нечего. Въ древней Персіи сатрапы обращались другъ съ другомъ и съ сосѣдями, какъ независимые государи—они заключали договоры, вели войну. Во владѣніяхъ самихъ сатраповъ отдѣльныя мѣстности и города

были точно также независимы, они управлялись сами собою по установившимся обычаямъ. Сатрапы и центральное правительство старались имѣть вліяніе на это управленіе; въ греческихъ городахъ Малой Азіи персіяне водворяли то олигархическія, то демократическія формы, Александръ же демократическія формы. Но все-таки независимость этихъ городовъ была такъ велика, что они заключали союзы, вели войны нетолько между собою, но и съ сосѣдними державами; еще независимѣе были горцы и номады, которые встрѣчались во всѣхъ частяхъ государства Въ иныхъ мѣстностяхъ они имѣли своихъ отдѣльныхъ князей, а мѣстами пользовались такой независимостью, что персидскій царь платилъ имъ каждый разъ дань, когда онъ переѣзжалъ изъ Сузы въ Экбатану, чтобы они его не тревожили дорогой. Чтобы дать понятіе о состояніи государства застоя и объ ограниченіи тамъ силы силой, стоитъ взглянуть на Турецкую имперію и не забывать, что ее слѣдуетъ считать однимъ изъ благоустроенныхъ государствъ застоя. Въ Европейской Турціи считается около 16 м. населенія, въ томъ числѣ Молдавія и Валахія (около $4^1/_2$ мил.) имѣютъ отдѣльную конституцію, Сербія (болѣе 1 мил.) тоже, Черногорье непокорно и почти независимо. Босняки (800 т) считаются скорѣе союзниками, чѣмъ подданными; ихъ независимость обезпечивается ихъ мѣстной милиціей (20 т. челов.); они привыкли считать себя привилегированнымъ населеніемъ, и Турція крайне опасается оскорблять ихъ, потому что гористая Боснія, это крѣпость, предназначенная защищать Турцію отъ Австріи. Зависимость Албанцевъ ($1^1/_2$ мил.) въ ихъ дикихъ горахъ также вездѣ сомнительная: мысль объ отдѣленіи не покидаетъ тамошнихъ пашей, звѣрство, воинственность и любовь къ независимости отличаетъ всѣхъ ея жителей. Даже христіане пользуются тамъ такой независимостью, что католики, жители Мирдиты и Дукажина (200 т.), не платятъ рѣшительно ни дани, ни податей и не пускаютъ на занятыя ими мѣстности ни одного турка. Въ Македоніи и Фессаліи (750 т.) есть мѣстности, которыя считаются столь же мало извѣстными, какъ внутренности Африки, въ другихъ даже христіане пользуются привилегіями и самоуправленіемъ. Аѳонъ считается въ числѣ данниковъ. Остаются Болгары, Фракія и Константинополь. Степень покорности Болгаръ (700 т.) намъ извѣстна; между островами покорность Кандіи также всѣмъ извѣстна. Сузамъ (Самосъ) пользуется значительной независимостью, имѣетъ своего государя, платитъ дань и находится только подъ покровительствомъ султана. Хіо также имѣетъ привилегіи. Прибавьте къ этому привилегіи турокъ, духовныхъ имуществъ, и вы получите понятіе о власти султана въ Европѣ. Въ Малой Азіи покорность крупныхъ землевладѣльцевъ болѣе чѣмъ сомнительна, а кочевое, преимущественно трухменское, населеніе средней возвышенности можно считать почти совершенно независимымъ. Между низкимъ берегомъ и плоской возвышенностью внутри страны, въ горахъ, встрѣчаются племена вродѣ офлійцевъ, которыя, не смотря на свою малочисленность, пользуются такой независимостью, что ведутъ между собою продолжительныя и кровопролитныя ссоры. Города, которые лежатъ около этихъ мѣстъ (между Трапезундомъ и русской границей), были мало на-

селены по причинѣ недостатка безопасности. Такъ, купцы въ лавкахъ торгуютъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ Мессопотамской долинѣ кочевые и полукочевые курды (1 м.) имѣютъ своихъ независимыхъ начальниковъ и воюютъ съ турками; у верховьевъ Тигра и Евфрата живетъ небольшое племя, которое считаетъ верхомъ добродѣтели убить турка. Еще недавно багдадскій пашалыкъ доставлялъ Турціи одинъ только убытокъ, онъ до того наполненъ разбойничьими родами, что торговля была невозможна. Когда англичане совершали первое плаваніе по Евфрату, тогда въ 1836 году англійскій король Вильгельмъ долженъ былъ заключить отдѣльный мирный договоръ съ племенемъ Аниза.

Въ Сиріи, въ Ливанскихъ горахъ считается двадцать племенъ съ самой разнородной зависимостью. Отношенія тутъ бываютъ иногда весьма сложныя, напр.: друзы пользуются независимостью, имѣютъ своего эмира и платятъ только дань султану, мароніты также пользуются извѣстной независимостью и также платятъ дань султану, но шейхъ ихъ находится въ зависимости отъ эмира друзовъ.

Въ степяхъ Сиріи бедуины имѣютъ наслѣдственныхъ своихъ начальниковъ, даже тогда, когда они считаютъ для себя болѣе безопаснымъ относиться съ уваженіемъ къ распоряженіямъ турецкихъ начальниковъ, этотъ родъ повиновенія имѣетъ самые ограниченные предѣлы. Чтобы дать, напр., возможность путешествовать по этимъ степямъ, турецкія власти рекомендуютъ путешественника тому изъ родоначальниковъ бедуиновъ, котораго онѣ считаютъ наиболѣе зависимымъ отъ себя; но и этотъ считаетъ свою обязанность исполненной, если онъ не убилъ своего гостя, а затѣмъ поступаетъ съ нимъ не лучше, чѣмъ дикари внутренней Африки поступали съ Беккеромъ. Номады-разбойники подобнаго рода далеко не ограничиваются своими степями. Бедуины, курды, трухмены кочуютъ по всей Сиріи и проникаютъ до самыхъ морскихъ береговъ. Объ Аравіи мы уже говорили,—мы видѣли, что она нетолько не приноситъ туркамъ дохода, но стоитъ имъ денегъ. Мы видѣли, что на Нилѣ отношенія чисто средневѣковыя: въ то время, когда египетскій паша можетъ считаться вассаломъ султана, тамъ есть мѣстности, гдѣ султанъ управляетъ посредствомъ назначаемыхъ имъ начальниковъ, а въ азіатскихъ владѣніяхъ султана есть, кажется, даже до сихъ поръ мѣстности, куда начальниковъ посылаетъ египетскій паша. Въ то время, когда въ однѣхъ мѣстностяхъ Мехметъ-Али наказывалъ за то, что признавали верховнымъ главою его, а не султана, вверхъ по Нилу онъ преслѣдовалъ даже за произнесеніе имени султана, въ качествѣ главы правовѣрныхъ. Триполь хотя и считается пашалыкомъ, но положеніе тамъ не лучше, чѣмъ въ Аравіи, онъ стоитъ туркамъ денегъ и не приноситъ дохода. Болѣе многолюдный Тунисъ прямо считаетъ себя независимымъ. Не смотря на все это, теперешнее состояніе Турціи отличается несравненно бо̀льшею властью султана, чѣмъ часто бывало въ государствахъ застоя,—стоитъ только вспомнить, какъ персидскій шахъ иногда не имѣетъ денегъ, чтобы заплатить жалованье какой нибудь тысячѣ сарбазовъ, какъ наемники, войска, состоящія изъ

невольниковъ, захватывали въ свои руки намѣстниковъ и самихъ государей, вручали своимъ начальникамъ управленіе финансами страны, распоряжались доходами, убивали государей и, наконецъ, смѣняли династіи. Во время византійской имперіи какіе нибудь рыцари, искатели приключеній, завладѣвали цѣлыми областями и владѣли ими втеченіе столѣтій, наконецъ, крестоносцы завладѣли Константинополемъ, раздѣлили между собою всю имперію и черезъ полстолѣтія опять утратили ее. Ограниченія силы силой порождаютъ въ государствахъ застоя отношенія самыя затѣйливыя. Въ бирманскомъ Лаосѣ, напр., мы видимъ, что провинція, которая имѣетъ бирманскаго намѣстника, раздѣлена на нѣсколько частей и каждая изъ этихъ частей имѣетъ отдѣльнаго государя Въ главной части, гдѣ живетъ намѣстникъ, есть государь, который почти независимъ, а между второстепенными частями есть такія, гдѣ мѣстный государь почти не имѣетъ никакого значенія, а господствуетъ подчиненный намѣстнику резидентъ. Если мы разсмотримъ вліяніе всѣхъ этихъ ограниченій сильнаго сильнымъ, которыя нетолько ослабляютъ власть, такъ называемаго, неограниченнаго государя и деспота, но доводятъ ее иногда до совершеннаго ничтожества, то мы скоро убѣдимся, что изъ всего этого выходила одна только неурядица и окончательное раззореніе страны. Умѣреннымъ либераламъ, которые въ западной Европѣ такъ радуются всякому ограниченію власти, воображая, что изъ этого непремѣнно выйдетъ улучшеніе, не дурно было-бы чаще заглядывать въ исторію государствъ застоя и знакомиться съ тѣмъ, что выходитъ изъ ограниченія силы силой. Тутъ первый вопросъ заключается въ томъ, какая эта ограничивающая сила и дѣйствительно ли эта ограничивающая сила будетъ стремиться къ общественному благу. Надежды тутъ точно такъ-же обманываются, какъ обманулось средневѣковое населеніе, создавая западно-европейскую неограниченную монархію, и тутъ государства застоя представляютъ много подобныхъ образцовъ.

Тоже самое, что мы видимъ относительно ограниченія власти надъ людьми, мы встрѣчаемъ и въ отношеніи къ ограниченію власти надъ имуществомъ. Взаимное сплетеніе властей тутъ также сложно и неопредѣленно. Сначала въ Турціи государи раздавали землю своимъ сподвижникамъ, съ обязательствомъ военной службы, но эти сподвижники не имѣли права распоряжаться на землѣ, какъ хотѣли, она отдавалась въ распоряженіе тѣмъ, которые ее обработывали, а воины-владѣльцы могли взыскать только десятину или въ свою пользу, или въ пользу государя, удерживая себѣ изъ нея часть. Вначалѣ послѣ завоеваній они оставляли мелкимъ владѣльцамъ ихъ земли, а у крупныхъ отбирали и учреждали на нихъ порядки, о которыхъ я упомянулъ, т. е. отдавали ихъ въ распоряженіе землевладѣльцамъ съ тѣмъ, чтобы они платили десятину воинамъ-владѣльцамъ. Можетъ быть, поэтому христіане иногда предпочитали турокъ христіанамъ освободителямъ; но вскорѣ это отношеніе привело къ несноснымъ запутанностямъ и окончательному раззоренію. Сложное вліяніе нетолько на взиманіе дохода съ этихъ земель, но и на раздачу ихъ, какъ со стороны мѣстнаго, такъ и со стороны централь-

наго правительства, привело къ тому, что притѣснители изъ воиновъ-владѣльцевъ сдѣлались не лучше, а хорошіе должны были притѣснять земледѣльцевъ, чтобы платить взятки чиновникамъ. Въ Сербіи, напримѣръ, это привело къ тому, что сельское населеніе, которое считало себя настоящимъ собственникомъ земель, противъ притѣсненій сипаевъ (воиновъ владѣльцевъ) искало защиты у ихъ старинныхъ враговъ—янычаръ. Янычары, дѣйствительно, пріобрѣли тамъ, такимъ образомъ, разомъ огромную силу, но воспользовались ею, чтобы еще болѣе раззорять трудящійся людъ. Осталось одно прибѣжище—разбойники, которые поступали, одна коже, съ сельскимъ населеніемъ менѣе всего милостиво, и раззоренные въ конецъ земледѣльцы могли убѣдиться, что плохое дѣло — ограничивать силу силой.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Государства застоя.—Благосостояніе можетъ явиться только тогда, когда сильный, хотя отчасти, употребляетъ свою силу на пользу обществу. — Не слѣдуетъ-ли ему всѣ свои силы употреблять на пользу общества? — Сильные, которые вели строгую жизнь съ религіозной или военной цѣлью, увеличивали свои силы и свое счастье, но ложная цѣль неизбѣжно заставляла ихъ вновь впадать въ слабость.—Ихъ вліяніе на массы и вліяніе гуманнаго высшаго сословія.—Цивилизаціи застоя не опасались гибельнаго вліянія вещей и быстро падали. — Греки развились болѣе арабовъ, потому что были бѣднѣе.—Значеніе политическихъ и соціальныхъ формъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

При какихъ же условіяхъ являлось то благосостояніе, которое мы по временамъ встрѣчаемъ въ государствахъ застоя?—Единственное условіе заключалось въ томъ, что въ высшихъ слояхъ общества между сильными развивалось общественное мнѣніе, которое побуждало ихъ употреблять свои силы, хотя въ нѣкоторыхъ размѣрахъ, на пользу общества. Являлось то, что обыкновенно называлось смягченіемъ нравовъ. Государи переставали относиться къ потребностямъ народа съ самымъ грубымъ презрѣніемъ и считать ихъ предметомъ недостойнымъ вниманія. Они гордились званіемъ покровителей наукъ, земледѣлія, торговли и промышленности. Они начинали презирать все жестокое и грубое и хвалились мягкостью и деликатностью своихъ чувствъ, даже простотой, будто-бы, своей жизни. На свои деньги они устраивали удобные пути сообщенія, употребляли значительныя суммы на оплодотвореніе полей посредствомъ хорошихъ системъ орошенія, солдатъ на прекращеніе разбоевъ, учреждали школы, высшія училища и т. д. Безпечность, притѣсненіе и жестокости,

которыя въ другія времена признавались зломъ неисправимымъ, возбуждали негодованіе, и чиновники, допустившіе ихъ, смѣнялись. Въ государствахъ застоя бывали времена, гдѣ чиновникъ, распилившій своего подчиненнаго надвое или бросившій человѣка изъ народа звѣрямъ для своей потѣхи, не возбуждалъ въ высшемъ обществѣ никакого негодованія, и бывали другія, когда чиновникъ не рѣшался взымать законную, легкую подать съ человѣка, энергически сопротивлявшагося уплатѣ, изъ опасенія возбудить противъ себя подозрѣніе въ жестокости. Бывали времена, гдѣ государь, вродѣ наслѣдника Шаха Абасса, Шахъ Софи, послѣдовательно велѣлъ выколоть глаза своему брату, убилъ двухъ дядей, казнилъ большинство своихъ министровъ, генераловъ и придворныхъ, казнилъ свою мать и сестру, однажды по предразсудку велѣлъ умертвить всю свою свиту. Постоянно былъ пьянъ и въ этомъ состояніи совершалъ ужасныя злодѣйства, и все-таки царствовалъ четырнадцать лѣтъ, и спокойно умеръ естественною смертью. И бывали другія, гдѣ, въ той же Персіи, съ Багарамомъ II за произвольныя дѣйствія поступили слѣдующимъ образомъ. Однажды утромъ оказалось, что онъ оставленъ всѣми. Въ ужасѣ онъ ожидалъ, что будетъ, когда передъ нимъ явилось первое духовное лицо, торжественно перечислило ему всѣ его злоупотребленія и грозило ему самыми печальными послѣдствіями. Государь показалъ живое раскаяніе и обѣщалъ исправиться. Затѣмъ торжественно и публично поклялся исполнить то, къ чему онъ обязался, и поставленъ былъ въ такое положеніе, что онъ не могъ нарушить своей клятвы. Между такими условіями жизни и тѣми, гдѣ сначала государю безпрепятственно дозволяютъ дѣлать всякія жестокости и потомъ тайно умерщвляютъ его, уже большая разница.

Даже у турокъ и даже не въ лучшія ихъ времена смотрѣли различными глазами на бездѣятельность, алчность и жестокость чиновниковъ. Когда при Баязетѣ I нравы турокъ стали значительно портиться, онъ, желая остановить зло, въ одинъ день велѣлъ казнить восемьдесятъ продажныхъ судей. Полтораста лѣтъ спустя, Солиманъ I смотрѣлъ на продажность и жестокости своихъ чиновниковъ, какъ Мехметъ-Али, хладнокровно и снисходительно, какъ на зло, съ которымъ борьба невозможна. Въ государствахъ застоя мы видимъ поразительные примѣры полной зависимости благосостоянія различныхъ мѣстностей отъ расположенія сильныхъ приносить необходимыя жертвы для развитія этого благосостоянія, отъ ихъ болѣе или менѣе эгоистическаго отношенія къ этимъ мѣстностямъ. Вавилонъ съ окружающею его мѣстностью былъ когда-то, можетъ быть, самой цвѣтущей частью земнаго шара. Послѣ его завоеванія Киромъ, Персы, пожалуй, непрочь были поддерживать его благосостояніе, такъ какъ онъ былъ житницей персидскаго царства и вмѣстѣ съ Ассиріей доставлялъ треть всѣхъ натуральныхъ сборовъ, но только съ тѣмъ, чтобы онъ служилъ имъ дойною коровою. Такой взглядъ жестоко оскорблялъ Вавилонянъ, и они постоянно возставали. Это ожесточало противъ нихъ персидскихъ государей, они все менѣе обращали вниманія на систему орошенія, отъ которой зависѣло богатство края, и онъ постепенно

дѣлался все бѣднѣе. Однакоже, Александръ-Великій нашелъ Вавилонъ еще значительнымъ городомъ. Онъ задумалъ открыть вновь запущенные каналы и принять мѣры противъ вредныхъ разливовъ рѣки, но смерть помѣшала ему привести свой планъ въ исполненіе. Послѣ этого, мѣстность эта переходила изъ рукъ въ руки, но на ея несчастье ни одинъ изъ владѣльцевъ не избиралъ ее предметомъ своей заботливости; она быстро приходила въ упадокъ и къ началу христіанской эры была уже пустыней, кучей развалинъ, далеко кругомъ окруженной разрушенными насыпями отъ плотинъ и искусственныхъ орошеній, между которыми разливы породили рядъ болотъ.

Когда нравы смягчались и сильные не только стѣснялись въ средствахъ, которыми они могли обогащаться насчетъ слабыхъ, но значительную часть своихъ доходовъ употребляли на пользу народа, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что богатства, употреблявшіяся ими собственно для себя, чрезъ это уменьшались. Конечно, потомки ихъ получали возможность жить съ бо́льшей роскошью, потому что ихъ умѣренность и ихъ дѣятельность увеличивали населеніе, дѣлали это населеніе болѣе трудолюбивымъ и искуснымъ и развивали промышленность; но вѣдь это были ихъ потомки, а не они. Они несомнѣнно проигрывали въ матерьяльномъ отношеніи. Только при такомъ условіи и могло являться нѣкоторое благосостояніе; такъ было тамъ всегда, такъ тамъ и теперь. Что дѣлали англичане, когда они увеличили благосостояніе въ Пенджабѣ? Они уменьшили поземельные сборы на половину, они раздавали жителямъ землю на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, они уничтожили таможни, они преслѣдовали рабство, у туговъ—дѣтоубійство. Одинъ инженеръ Непиръ устроилъ тамъ 2,200 миль дорогъ, преодолѣвая большія препятствія, и каналъ въ 465 миль. Они назначали на должности въ значительныхъ размѣрахъ мѣстныхъ жителей Однимъ словомъ, они употребляли свою власть не для своей личной корысти, а для пользы края. Они уменьшили доходъ отъ страны и доходъ этотъ употребляли не для себя, а въ ея пользу. Но неужели государи застоя, которые поступали въ томъ же духѣ, уменьшали этимъ свое счастье. Напротивъ, они значительно увеличивали его. Они жили въ обществѣ иногда геніальныхъ мыслителей, которыхъ имена и ученыя открытія сохранились до нашихъ дней; они переставали быть апатическими варварами, которые среди несмѣтныхъ богатствъ проводили три четверти своей жизни въ состояніи болвана; они дѣлались людьми живыми и дѣятельными; вся жизнь ихъ принимала тѣмъ болѣе возвышенный характеръ, чѣмъ дальше они подвигались въ просвѣщеніи, она наполнялась возвышенными мыслями и прекрасными заботами. Какое можетъ быть сравненіе между счастьемъ жизни государей, которые въ цвѣтущее время магометанской образованности предпринимали обширныя статистическія работы, давали средства къ научнымъ открытіямъ, устраивали пути сообщенія по совершенно непроходимымъ мѣстностямъ и обращали въ садъ мѣста, которыя теперь представляютъ видъ самаго жалкаго безплодія, и счастьемъ жизни какого-нибудь персидскаго шаха, до того отупѣвшаго, что онъ не въ состояніи даже привести въ извѣстность чи-

сло войска, находящагося въ его столицѣ, и который, дѣлая смотръ отряду, не можетъ сообразить, сколько въ немъ людей пятьсотъ человѣкъ или пять тысячъ. Превосходство и счастье, приносимое образованіемъ, поражаетъ даже самыхъ грубыхъ варваровъ. Слушая разсказы о цвѣтущихъ временахъ магометанства, даже турецкіе вельможи и государи старались быть покровителями наукъ и просвѣщенія, они стали дѣлиться на грубыхъ воиновъ и любителей учености, были такіе, которые соединяли въ себѣ то и другое свойство; но въ Турціи это привело только къ развитію теократическаго могущества, къ іерархіи улемовъ, которая убила всякую живую мысль.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Строгая жизнь съ ложною цѣлью.

Теперь представляется интересный вопросъ: каковы были бы результаты для нихъ самихъ и для тѣхъ, которые ихъ окружали, еслибы они достигли чувствъ истинной справедливости, еслибы инстинкты міровой жизни были въ нихъ такъ направлены, что они употребляли бы на себя только самое необходимое, жили такъ-же, какъ живетъ простой работникъ, и все остальное, какъ свое имущество, такъ и свои силы и способности, посвящали-бы общественному благу? Такъ какъ въ государствахъ застоя мы нигдѣ не видимъ яснаго понятія о назначеніи инстинктовъ міровой жизни, то мы тамъ нигдѣ не встрѣчаемся съ бытомъ подобнаго рода, но мы тамъ видимъ иногда сильную дѣятельность этихъ инстинктовъ съ ложнымъ направленіемъ,—для распространенія извѣстной религіи, для возвеличенія государства и для обезпеченія за народомъ военной славы люди способны были вести сравнительно весьма строгую жизнь. Образцами подобной жизни являются спартанцы, первые магометане, первые турки. У всѣхъ этихъ народовъ точно такъ-же, какъ и у первыхъ римлянъ, первоначальная строгая жизнь чрезвычайно способствовала развитію ихъ силъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ. Вліяніе Магомета, который успѣлъ убѣдить своихъ первыхъ поклонниковъ отказываться отъ изнѣженности и роскоши, вести простую жизнь и помогать слабымъ и бѣднымъ изъ своей среды, породило въ Аравіи чудеса. «Мы были такъ бѣдны, говорилъ одинъ арабъ персидскому царю Езджерду, что люди у насъ питались насѣкомыми и змѣями, что они убивали своихъ дочерей, потому что не могли ихъ кормить; теперь ничего подобнаго у насъ нѣтъ, мы сдѣлались другимъ народомъ». Эта внезапная перемѣна была главною причиною того необыкновеннаго уваженія, которое внушили къ себѣ законы Магомета. Они сдѣлались руководителями магометанъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, ихъ постоянно читали, на нихъ ссылались, ихъ примѣняли ко всему. Стихи изъ корана надпи-

сывались вездѣ, на стѣнахъ мечетей, во внутренности домовъ. Коранъ для магометанъ имѣлъ несравненно большее значеніе, чѣмъ евангеліе для христіанъ; онъ нетолько сохранялся въ памяти вѣрующихъ, но его духъ пропиталъ всюду въ ихъ учрежденія, въ ихъ нравы, въ ихъ мысли. По этому онъ и могъ дать арабамъ такую нравственную силу, которая сдѣлала изъ нихъ великихъ завоевателей. Такое же вліяніе простота жизни имѣла на турокъ, она сдѣлала ихъ вполнѣ способными достигать той цѣли, которой они добивались. Мы видимъ въ нихъ умственную и нравственную силу, которая превосходила все, что встрѣчалось у ихъ сосѣдей; явно, что въ этомъ заключается тайна, какимъ образомъ маленькое общество, поселившееся въ западномъ углу Малой Азіи, могло разростись въ могущественное государство. Учрежденія, которыя они придумывали, раздача земель съ обязательствомъ военной службы, постоянное войско изъ рабовъ, были очень похожи на то, что встрѣчалось у всѣхъ ихъ сосѣдей и съ незапамятныхъ временъ приводило къ разложенію государства застоя; но въ ихъ рукахъ эти учрежденія получали совершенно другой характеръ и прямо приводили къ цѣли. Чтобы поддерживать въ нихъ такой духъ, безъ сомнѣнія нужна была постоянная и упорная дѣятельность; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ нихъ развилось несравненно болѣе жизни, чѣмъ въ ихъ истукано-подобныхъ сосѣдяхъ. Большіе размѣры ихъ интеллектуальной силы видны, напр., изъ того, что турки были всего страшнѣе своею артиллеріею, а это была та часть военнаго искусства, которая, въ особенности въ тѣ времена, показывала наибольшее развитіе. Также замѣчательны первые турки по своей предусмотрительности и по своему самообладанію. Когда они, сознавая силу своихъ сосѣдей, чувствовали потребность укрѣпиться внутренно и собраться съ силами, они втеченіе десятковъ лѣтъ, не предпринимали никакихъ войнъ и упорно работали надъ внутреннимъ своимъ благосостояніемъ. Дѣйствительно, когда они выступали снова на поприще войны, оказывалось, что они достигли своей цѣли и приготовили себѣ путь побѣдъ. Въ этомъ обнаруживалась такая сила ума и воли, которая показывала все ихъ превосходство надъ сосѣдями и которую даже и ихъ собственные послѣдующіе писатели не были въ состояніи ни понять, ни оцѣнить. Законы Ликурга имѣли на духъ спартанцевъ несравненно болѣе вліянія, чѣмъ коранъ на магометанъ. Мы видимъ чрезвычайно странное явленіе—во время и послѣ пелопонезской войны ученые Греціи обыкновенно отдавали преимущество лакедемонскимъ учрежденіямъ передъ афинскими. Лакедемоняне были открытыми врагами всякой учености и всякой философіи, и подобная самоубійственная симпатія со стороны людей науки была-бы совершенно не объяснима, если-бы въ лакедемонянахъ ихъ жизнь не выработывала поразительныхъ качествъ. Дѣйствительно, лакедемоняне вначалѣ обнаруживаютъ гораздо болѣе духовной силы, чѣмъ аѳиняне. Цѣли своей они достигли вполнѣ—никто въ то время не владѣлъ военнымъ искусствомъ въ такомъ совершенствѣ, и они имѣли на сосѣдей своихъ огромное нравственное вліяніе. Въ то время, когда аѳиняне, стараясь расшириться, были такъ невоздержны и не разсчетливы, что они отталкивали отъ себя всѣхъ,

которые могли-бы примкнуть къ нимъ, Лакедемоняне дѣлали отъ своихъ союзниковъ требованія самыя умѣренныя и дѣйствительно способны были составить изъ нихъ что-то вродѣ федеративно-союзнаго государства. Благодаря своей жадности, афиняне наполнили свой городъ великолѣпными зданіями и памятниками, въ то время когда Спарта отличалась простотою своихъ построекъ; но когда дѣло дошло до борьбы, тогда у Афинъ оказалось такъ мало поддержки, что они даже не осмѣлились выступить въ поле, должны были скрываться въ своихъ стѣнахъ и оставить на жертву врагамъ плантаціи, которыя стоили имъ столько труда. Спартанцы, одаренные далеко менѣе блестящими способностями, благодаря тому, что они отказались отъ всякой роскоши, такъ увеличили свою душевную силу, что оказались гораздо болѣе дѣятельными, дальновидными и способными достигать своихъ цѣлей, чѣмъ ихъ богато надѣленные природой соперники. Въ Римѣ простота нравовъ была такова, что еще за пятьдесятъ лѣтъ до водворенія монархіи въ нихъ никакъ нельзя было узнать столицу міра. Первый каменный театръ былъ построенъ Помпеемъ. Большинство домовъ было построено изъ необожженнаго кирпича Когда въ половинѣ VII вѣка Крассъ построилъ домъ, который стоилъ 50.000 руб. сер., тогда такая безумная роскошь возбудила всеобщее негодованіе При Цицеронѣ люди, которые не считались богатыми, имѣли, подобно ему, дома въ 175.000 р., Цесарь для устройства форума сорвалъ однихъ зданій на 5 мил. р. сер. а Августъ хвалился, что онъ нашелъ городъ изъ кирпича, а оставляетъ городъ изъ мрамора.

Къ несчастію, эти народы, поставляя себѣ цѣлью достиженіе власти и военные подвиги, сами разрушали то зданіе, которое строили. Какъ скоро они дѣлали завоеванія и могущество ихъ возрастало, возможность удерживаться отъ роскоши исчезала, потому что существовавшее въ ихъ средѣ направленіе могло-бы сохраниться только тогда, когда-бы они дѣйствовали не для увеличенія своей власти, а для того, чтобы плодить жизнь на землѣ. Но они презирали побѣжденныхъ и слѣдовательно неизбѣжно должны были употреблять скопившіяся въ ихъ рукахъ богатства для узкихъ своихъ цѣлей. Ихъ цѣль была возвыситься надъ побѣжденными, а при господствовавшихъ въ этихъ народахъ понятіяхъ роскошь и великолѣпіе было однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для достиженія этой цѣли. Роскошь всего болѣе способна была внушать имъ раболѣпіе. Но эта роскошь производила обыкновенное свое дѣйствіе: какъ скоро побѣдители съ малыхъ лѣтъ пріучались искать для себя удовлетвореніе въ однихъ вещахъ, вещи производили обыкновенное свое дѣйствіе — апатію, бездѣятельность и истукано-подобное состояніе людей. «Что могу я сдѣлать одинъ?» восклицаетъ султанъ Мустафа III. «Всѣ мои паши изнѣжены и испорчены. Они думаютъ только о кіоскахъ, музыкантахъ и красивыхъ рабыняхъ. Я стараюсь возстановить въ моемъ государствѣ порядокъ, но никто не хочетъ мнѣ помочь». Упадокъ, къ которому приходили подобные завоеватели, былъ самый ужасный изъ всѣхъ. Чѣмъ спеціальнѣе въ первыя времена своихъ завоеваній они сосредоточивали свое вниманіе на военномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе они питали презрѣнія къ

человѣческой жизни, къ образованію, ко всему смягчающему нравы, и тѣмъ ужаснѣе и безвыходнѣе былъ ихъ нравственный и умственный упадокъ. у нихъ не оставалось ни одного условія, которое давало-бы имъ возможность выйти изъ одичанія. Ужасно вліяніе, которое они имѣли на подвластное населеніе. Въ рабочемъ классѣ они поселяли также презрѣніе къ жизни и жестокость сердца, а такое настроеніе не давало имъ никакой возможности выйти изъ крайнихъ предѣловъ бѣдности. Первое условіе для того, чтобы рабочій человѣкъ достигалъ благосостоянія, заключается въ развитіи въ его сердцѣ любви къ дѣтямъ, въ миролюбивыхъ наклонностяхъ и въ любви къ порядочной обстановкѣ. Мы уже говорили о слабости родительскихъ инстинктовъ: чтобы они дѣйствовали, необходимо ихъ развивать; тамъ, гдѣ общественное мнѣніе внушаетъ суровость и безчувствіе, тамъ ни одно изъ условій, необходимыхъ для трудолюбія, не развивается. Презрѣніе народа, воспитаннаго въ подобныхъ чувствахъ къ жизни и здоровію, поразительно. Туркъ невозможно было убѣдить принимать мѣры, необходимыя, чтобы охранять себя отъ чумы. Въ Малой Азіи, когда появляется заразительная болѣзнь, турки встрѣчаютъ ее, какъ праздникъ, они надѣваютъ лучшее свое платье и ожидаютъ смерти, какъ благодѣянія. Грязь, самая дурная пища, ни что не страшитъ ихъ, ни что не заставляетъ желать перемѣны своего положенія, не спасаетъ отъ грязи даже крайняя сухость песчаныхъ степей, гдѣ стекаются самыя благопріятныя условія для поддержанія чистоты. Населеніе, воспитанное такимъ образомъ, остается бѣднымъ при полной независимости и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, какія только могутъ представляться въ государствахъ застоя.

Въ этомъ случаѣ вліяніе высшихъ сословій, дѣйствовавшихъ во имя смягченія нравовъ, оказывалось несравненно болѣе благодѣтельнымъ, по причинѣ очень понятной — они были ближе къ правильному взгляду на назначеніе человѣка. Подъ ихъ вліяніемъ вырабатывался народъ вѣжливый, привѣтливый, они распространяли грамотность и трудолюбіе, смягчали семейныя и общественныя отношенія и порождали любовь къ порядочной жизни. Замѣчательно, что закалъ, порожденный въ народѣ, когда то въ этихъ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, сохранялся въ немъ втеченіе вѣковъ послѣ того, какъ породившая его причина перестала дѣйствовать. До сихъ поръ сартъ въ туранской низменности рѣзко отличается отъ грубаго трухмена или узбека; въ Албаніи живутъ потомки различныхъ хищниковъ; въ особенности въ горахъ, какъ мы уже видѣли, они пользуются такою независимостью, что нетолько ничего не платятъ, но даже не пускаютъ турокъ на свою территорію. Страна эта населена самымъ красивымъ и сильнымъ народомъ во всемъ краю, и мусульмане и христіане раздѣлены на роды и въ сущности управляются сами собою. Не смотря на это, страна обработана самымъ неудовлетворительнымъ образомъ, имѣетъ мало плодовыхъ деревьевъ, производитъ очень мало хлѣба и вина, обильны только одни луга, созданные самою природою, и все-таки скотоводство такъ неудовлетворительно, что даже лошадей очень мало, торговли почти не существуетъ. Рядомъ съ Алба-

ніей на томъ же полуостровѣ, по другую сторону горъ, раздѣляющихъ его на двѣ половины, на склонахъ горныхъ цѣпей Плессиды и Киссово, расположенъ округъ Загоры съ греческимъ населеніемъ, которое находится также въ привилигированномъ положеніи, но все-таки платитъ дань и пользуется меньшей независимостью, чѣмъ албанцы. Не смотря на меньшую независимость, это одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ и богатыхъ округовъ Турціи, онъ отличается рѣдкою въ этой странѣ густотою населенія и имѣетъ источникомъ богатства культуру и обработку хлопка, источникъ, показывающій его способность принять участіе въ европейскомъ промышленномъ движеніи. Въ бассейнѣ Саламбріи сначала изобильные виноградники и оливковыя деревья указываютъ на одну изъ самыхъ воздѣланныхъ частей полуострова, а затѣмъ являются обширныя поля, гдѣ сбирается богатая жатва маису, хлѣба, хлопчатой бумаги и табаку. Центральный пунктъ этой мѣстности, городъ Ларисса рѣзко отличается отъ другихъ турецкихъ городовъ широкими улицами и невиданной въ Турціи чистотою; его окрестности еще болѣе поражаютъ богатствомъ плодовъ и оливковыхъ деревьевъ. Центръ промышленности загорья Амбелакія своимъ цвѣтущимъ видомъ представляетъ поразительный контрастъ съ дикими горами и голыми скалами, которыя, въ особенности зимою, представляютъ самый ужасный и мрачный видъ. Поразительные контрасты между цвѣтущими и плодоносными мѣстностями и самыми дикими и безпріютными скалами составляютъ главную прелесть этой страны.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Строгая жизнь съ правильной цѣлью.

Отсюда можно было бы прямо заключить, что если интеллигенція народа, который не поставляетъ себѣ столь варварской цѣли, какъ, напр., завоеваніе, отличалась бы такою же строгостью нравовъ, какъ завоеватели, на которыхъ мы указывали, то она должна была бы достигнуть весьма блестящихъ результатовъ. Къ несчастью, намъ неизвѣстно съ достаточной точностью ни одного подобнаго примѣра. Только нѣкоторый свѣтъ на этотъ предметъ бросаетъ древняя исторія Индіи. Тамъ мы видимъ замѣчательное учрежденіе браминовъ. — Брамины, это не былъ духовный классъ въ нашемъ смыслѣ слова, они невсегда отправляли даже богослуженіе, это нетолько не было ихъ исключительной спеціальностью, но во многихъ случаяхъ было имъ прямо воспрещено. Увѣряютъ, что Мену говоритъ, что для брамина унизительно совершать богослуженіе, руководить жертвоприношеніями или процессіями. Въ тѣ времена, когда брамины начали свою дѣятельность, наука еще не противоставлялась религіи и ученые духовенству. Напротивъ, эти двѣ отрасли умственной дѣятельности были слиты другъ съ другомъ и составляли въ одинаковой

степени предметъ изученія интеллигенція. Поэтому всего правильнѣе сказать про браминовъ, что это была интеллигенція и притомъ такая интеллигенціи, которая поставила себѣ цѣлью основать свое вліяніе на народъ на самомъ строгомъ воспитаніи, на строгихъ правилахъ умѣренной жизни и неподкупной простоты. Первую половину жизни они должны были посвящать изученію, а вторую бѣдной жизни. Браминъ-ученикъ долженъ былъ жить, какъ нищій, и долженъ былъ быть образцомъ смиренія. Послѣ двѣнадцати лѣтъ ученія онъ могъ жениться, но условіе строгой жизни для него не прекращалось, онъ не могъ заниматься музыкой, пѣніемъ, танцами, игрой, онъ не могъ принимать никакихъ подарковъ отъ низшихъ. Онъ не обязывался ни къ постамъ, ни къ истязаніямъ, но онъ не могъ пріобрѣтать богатства, онъ долженъ былъ ходить въ простой бѣлой одеждѣ, строго соблюдать правила чистоты и коротко стричь волосы и бороду. Для того, чтобы онъ не могъ мало по малу увлечься благами жизни, онъ долженъ былъ по истеченіи извѣстнаго времени отказаться нетолько отъ всего, что онъ имѣлъ, но и отъ своего семейства; онъ удалялся въ уединеніе, гдѣ могъ уже одѣваться только въ древесную кору или въ шкуру антилопы, спать на землѣ, ничѣмъ не ограждать себя ни отъ солнца, ни отъ дождя; безъ огня и крова, онъ долженъ былъ питаться только кореньями и плодами. Когда онъ уничтожитъ въ себѣ такимъ образомъ всякую наклонность къ удобствамъ и къ роскоши, которая могла бы его приманить въ прежній періодъ его жизни, тогда онъ снова возвращается въ общество и можетъ по прежнему вести простую, но не аскетическую жизнь. Хотя въ древнія времена брамины были фанатически преданы своимъ правиламъ, но они были такъ строги, что не многіе были въ состояніи выполнять ихъ вполнѣ. Какіе плоды принесла эта строгая и трудолюбивая жизнь, мы видимъ изъ результатовъ поразительной дѣятельности этого класса въ древнія времена. Первоначально брамины составляли не наслѣдственные роды, а школы, гдѣ члены передавали другъ другу науку и преданія. Это были общества учителей и учениковъ; только впослѣдствіи, когда ихъ вліяніе значительно увеличилось, они стали покрывать свою науку тайной, выдѣляться изъ населенія и превращаться въ наслѣдственное сословіе. Ничто не можетъ быть интереснѣе первоначальной исторіи этихъ энергическихъ распространителей свѣта, благосостоянія и цивилизаціи. Можетъ быть, изгнанники древнѣйшаго цивилизованнаго общества средней Азіи, брамины пустились проповѣдывать свою цивилизацію и плоды своей интеллектуальной дѣятельности за Гималайскія горы. Съ необыкновенной смѣлостью и самоотверженіемъ шли они по Индіи, съ сѣвера на югъ, впереди завоевателей учили людей низшей культуры, проповѣдывали, скрывались отъ преслѣдованія въ лѣсномъ уединеніи. Пустынники изъ ихъ среды—центральные пункты, куда стекалось къ нимъ населеніе—являлись за долго прежде, чѣмъ начиналась рѣчь о завоевателяхъ индо-германской расы. Весь югъ Индіи подчинился вліянію браминовъ не путемъ завоеванія, а путемъ мирной пропаганды: просвѣщеніе было занесено туда миссіонерскою дѣятельностью. Въ преданіяхъ сначала изображаются брамины, которые скрываются въ непро-

ходимыхъ лѣсахъ то отдѣльно, то обществами, то цѣлыми группами монастырей. Дикари то избиваютъ ихъ, то бѣгутъ отъ нихъ, то сближаются съ ними. Затѣмъ о нихъ уже говорится, какъ о людяхъ, которые живутъ въ благоустроенныхъ государствахъ, на границахъ арійскихъ владѣній, гдѣ они уже пользуются большимъ почетомъ. Такимъ образомъ они разнесли свою цивилизацію и свои религіозныя воззрѣнія нетолько по всей Индіи, но на югѣ,на прилегающихъ островахъ, гдѣ въ особенности Ява прославилась ихъ благодѣтельнымъ вліяніемъ, на востокѣ они вліяли на восточно-индійскій полуостровъ, на сѣверѣ они проникали далеко въ глубь Туранской низменности Наука приняла у нихъ преимущественно практическій и реальный характеръ. Изъ Индіи распространились по Азіи тѣ произведенія, которыя до сихъ поръ составляютъ тамъ лучшее средство для удовлетворенія наисущественнѣйшихъ потребностей человѣка. Еслибы Индія была родиною одного риса, то она оказала бы человѣчеству величайшую и незабвенную услугу: всѣ народы, которые на югѣ питались рисомъ, плодились и умножались, и изъ безчисленныхъ родовъ пищи, которыми такъ богаты тропическія страны, ни одинъ не могъ вступить съ нимъ въ какое-нибудь соперничество. Кромѣ риса человѣчество получило изъ Индіи хлопчатую бумагу и обработку сахара. О второстепенныхъ произведеніяхъ индійскаго происхожденія, вродѣ перца, корицы и т. д., нечего и говорить. Индія прославилась также тѣмъ, что она съумѣла приручить слона. Промышленная ея дѣятельность неменѣе славна, и она родина древнѣйшей стали. Брамины замѣчательны нетолько тѣмъ, что распространили въ Индіи полезнѣйшія реальныя знанія и трудолюбіе, необходимое, чтобы воспользоваться ими,—еще замѣчательнѣе то искусство, съ которымъ они создали несокрушимые политическіе и соціальные обычаи и обезпечили за рабочимъ человѣкомъ въ Индіи долю самостоятельности, неизбѣжную для поддержанія его трудолюбія. Никакія завоеванія, никакіе удары судьбы не могли разрушить этого великаго дѣла, и недаромъ между греками существовало мнѣніе, что у индійцевъ существуетъ болѣе свободы и самостоятельности, чѣмъ въ ихъ собственномъ отечествѣ. Общинное землевладѣніе, которое они ввели и укоренили, нетолько выдержало всѣ бури, которыми потрясалась эта страна, но, когда англичане взялись его реформировать, они надѣлали такихъ глупостей, что показали рѣзкій контрастъ между древнѣйшею мудростью бывшихъ цивилизаторовъ Индіи и собственною своею недальновидностью и узкостью Они должны были отмѣнить всѣ свои легкомысленныя затѣи и возвратиться къ старымъ формамъ. Затѣмъ, они сами сознавались, что эти формы порождали въ Индіи безпримѣрное благосостояніе. Но вѣдь эти формы устарѣли, ихъ нужно было приспособить къ новымъ условіямъ жизни и производительности. Къ вѣчному стыду своему, англичане оказались неспособными совершить даже и это второстепенное дѣло. Въ то время, когда знанія, непосредственно полезныя для народа, дѣлали такіе большіе успѣхи въ Индіи, науки, не имѣющія непосредственнаго примѣненія, подвигались впередъ гораздо медленнѣе или даже вовсе не двигались. Этимъ браминская цивилизація существенно

отличалась отъ большей части другихъ, которыя обыкновенно носили иной характеръ. Причина легко понятна: брамины втеченіе всей своей исторіи, даже не смотря на кастообразное устройство, постоянно оставались въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ народомъ и никогда не отдѣлялись отъ него такъ, какъ обыкновенно отдѣляются ученые. Поэтому немудрено, если они сосредоточивали свое вниманіе именно на тѣхъ знаніяхъ, которыя всего болѣе нужны были для народа, и еще менѣе удивительно, что ихъ непосредственное вліяніе на народъ было нетолько громадно, но даже безпримѣрно. Только когда ихъ вліяніе окончательно утвердилось и они начали забывать о своемъ призваніи, у нихъ стали развиваться науки, вродѣ астрономіи; но привычка учиться и здѣсь заставила ихъ сдѣлать многое. Европейцы къ изумленію своему узнавали, что ученія, которыя они считали совершенно новыми и изобрѣтенными своею цивилизаціею, уже давно были извѣстны индійцамъ. Такъ, напримѣръ, англичане удивились, когда они узнали, что система Берклея была извѣстна въ Индіи уже тысячи лѣтъ тому назадъ. Въ астрономіи они зашли такъ далеко, что прошло много столѣтій, прежде чѣмъ утратившіяся ихъ открытія были снова сдѣланы европейцами. Такъ, имъ было извѣстно, что земля кругла, что она вертится кругомъ своей оси; они даже довольно вѣрно вычислили поперечникъ земли, они были знакомы съ измѣненіемъ отношенія дня и ночи, съ причинами солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и составили для нихъ таблицы; они знали о колебаніи земной оси, признавали неподвижныя звѣзды огромными тѣлами, свѣтящими собственнымъ свѣтомъ. Въ геометріи имъ извѣстны были открытія, сдѣланныя только въ новѣйшее время; они умѣли выражать плоскость трехъугольника вычисленіемъ изъ длины его сторонъ, отношеніе радіуса къ периферіи; имъ принадлежитъ слава открытія десятичнаго счета. Въ алгебрѣ открытія прошлаго столѣтія были для индійцевъ давно извѣстнымъ дѣломъ. Въ тригонометріи имъ были извѣстны открытія XVI столѣтія [1]). Въ строительномъ искусствѣ и въ ваяніи они стояли выше египтянъ, а въ поэзіи выше грековъ. Замѣчательно, что рядомъ съ этимъ, несмотря на всю страсть къ удивительному, на всю живость ихъ воображенія, въ то время, когда они дали міру столько положительныхъ и полезныхъ знаній, астрологія, напримѣръ, пришла къ нимъ извнѣ. Немудрено, если вліяніе сословія, которое такъ хорошо понимало задачу интеллигенціи, постоянно возрастало. Немудрено также, если оно, наконецъ, должно было столкнуться съ матерьяльной силой, безраздѣльно господствовавшей въ древнихъ обществахъ—съ силой военной. И дѣйствительно, мы встрѣчаемся въ Индіи съ борьбой между браминами и воинами. Во время этой борьбы, брамины являются демагогами; они такъ возбуждаютъ народъ, что, наконецъ, сами не въ состояніи совладать съ движеніемъ, и дѣлаются жертвами народныхъ массъ и всюду распространяющихся грабежей. Однакоже, цѣли своей они все-таки достигаютъ;

[1]) Читатель не долженъ забывать, что незнакомство съ науками, о которыхъ я здѣсь упоминаю, допускаетъ возможность ошибки съ моей стороны.

преданіе гласитъ, что двадцать одинъ разъ возобновлялась борьба и каждый разъ воины истреблялись. Несмотря на всю запутанность и темноту того, что намъ извѣстно о древней Индіи, результатъ преобладанія браминовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Наконецъ, они могли утверждать, что только тотъ государь можетъ разсчитывать на повиновеніе своего народа, которому брамины указали путь къ престолу и который царствуетъ подъ ихъ покровительствомъ. Установлялось закономъ, что государь долженъ былъ имѣть брамина самымъ близкимъ своимъ совѣтникомъ, что браминъ долженъ былъ внушать ему его обязанности. Судъ, толкованіе законовъ составляло дѣло браминовъ. Одни брамины считались обладающими достаточнымъ чувствомъ справедливости. Но если браминамъ счастливый инстинктъ указалъ на самое благопріятное условіе для развитія своихъ силъ и способностей, то они все-таки не могли дойдти до сознательнаго понятія объ инстинктахъ міровой жизни и о назначеніи человѣка на землѣ. Стоитъ бросить взглядъ на ихъ дисциплинарныя правила, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ. Правила эти очевидно написаны не для того, чтобы обезпечить развитіе людей, которые бы понимали солидарность человѣческихъ интересовъ и истинныя условія человѣческаго счастья, они написаны для людей, которые, подобно всѣмъ ихъ окружающимъ, способны видѣть величіе въ гнетущей силѣ роскоши и проч. и которыхъ не хотятъ или не считаютъ возможнымъ разубѣждать въ этомъ. Учители браминовъ поняли только то, что стремленіе къ ложному величію дѣлаетъ одинаково несчастными какъ угнетателей, такъ и угнетенныхъ, а поэтому они разными искусственными пріемами старались обуздывать въ браминахъ это стремленіе. Учители поступали съ браминами не такъ, какъ мужъ, исполненный любви и такту, поступаетъ со своей женою, а какъ восточный вельможа съ своимъ гаремомъ: они старались обезпечить добродѣтель гаремной дисциплиной. — Было совершенно естественно, если гаремныя стѣны этой дисциплины были разрушены и, съ пріобрѣтеніемъ власти, никогда не исчезавшее воззрѣніе на величіе получило полное господство надъ ихъ сердцемъ. Это было тѣмъ естественнѣе, что подобное воззрѣніе постоянно сохранялось въ народныхъ массахъ и никогда не замѣнялось чѣмъ-либо болѣе здравымъ. Съ развитіемъ ихъ вліянія, у браминовъ явилось и постоянно возрастало презрѣніе къ прочимъ слоямъ народа, и это презрѣніе служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ, что они никогда не дѣлали попытки правильно понять условія міровой жизни и дѣятельность созданныхъ для этого инстинктовъ. Въ такомъ настроеніи имъ естественно было стремиться создать искусственныя условія, которыя дозволили бы имъ навсегда удержаться на высотѣ, доставшейся имъ въ удѣлъ, вслѣдствіе превосходнаго духа своей дисциплины. Мѣры, принятыя ими для этого, служатъ новымъ доказательствомъ умственной силы и проницательности, которыми ихъ снабдила прошлая нормальная жизнь. Они поддерживали Индію въ разъединенномъ и раздробленномъ состояніи. Среди мелкихъ, соперничествовавшихъ другъ съ другомъ, не имѣвшихъ никакого нравственнаго вліянія на народъ, государей существовала одна

сила, одушевленная однимъ духомъ, всегда дѣйствовавшая во имя одной общей идеи, сила, которая никогда не переставала быть въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ народомъ, которая постоянно учила его, какъ ограждать себя отъ притѣсненій этихъ правителей. Передъ этой великой силой, разлившейся повсюду, государи оказывались безсильными, хотя эта сила не имѣла ни наемныхъ воиновъ, ни оружія и для своей защиты опиралась лишь на народъ. Связь съ народомъ была такъ велика, что никакое, даже внѣшнее, завоеваніе не могло ни разрушить этого крѣпко цементированнаго зданія, ни наложить на его цивилизацію своей печати. Это оказалось нетолько при такихъ завоеваніяхъ, какъ завоеваніе персовъ или какого-нибудь Капишка, но даже при столкновеніи съ греками. Когда греки, развившіеся среди свободы, при Александрѣ Вел. столкнулись съ индійцами, они не оказались ни болѣе цивилизованными, ни болѣе умственно развитыми; ихъ вліяніе было совершенно ничтожно и, въ то время, когда они сохранили свое значеніе во всѣхъ завоеванныхъ ими частяхъ Азіи и Африки, они его утратили въ Индіи скоро и безслѣдно. Иначе было только за Гималаемъ, гдѣ сами брамины всегда признавали, что ихъ братья не одушевлены общимъ съ ними духомъ. Когда брамины начали стараться о томъ, чтобы искусственно обезпечить за собою власть и богатство и тѣмъ навсегда сохранить свое величіе въ глазахъ народа, гибельное вліяніе вещей тотчасъ же обнаружилось на нихъ и могучая жизнь, созданная ими въ своей средѣ и среди народа, начала исчезать. Весьма интересно слѣдить за измѣненіемъ интеллектуальнаго и нравственнаго настроенія браминовъ втеченіе историческаго развитія индійской жизни. Та изъ Ведъ, которой приписывается наиболѣе древнее происхожденіе, Ригъ-Веда, носитъ на себѣ печать еще весьма грубаго міровоззрѣнія. Въ это время скотоводство повидимому еще преобладало надъ земледѣліемъ — и въ Ведѣ сохранились ясные слѣды этого преобладанія. Но среди грубыхъ просьбъ о матерьяльныхъ благахъ, о томъ, чтобы боги отомстили врагамъ, встрѣчаются указанія на тотъ духъ, который поселило духовенство въ населеніи: «Боги не осудили насъ на голодъ и смерть, потому что всякій человѣкъ имѣетъ въ богатыхъ источникъ для своего обезпеченія». Затѣмъ рѣзко высказывается требованіе учености отъ духовенства, требованіе, которое показываетъ, что на браминовъ въ это время смотрѣли, какъ на истинную интеллигенцію края. «Ученый священникъ, говорится въ Ведѣ, настолько же достоинъ уваженія, какъ богатый человѣкъ, который исполняетъ свою обязанность помогать бѣдному, несвѣдущій настолько же достоинъ презрѣнія, какъ скряга.» Послѣдствія такого направленія выражаются уже прямо въ Яджурѣ-Ведѣ. Тутъ задается вопросъ, въ чемъ заключается божественное начало; въ отвѣтѣ перечисляется пища, тѣло, разныя способности, и оказывается, что все это не то, глубокое размышленіе, интеллектуальное развитіе — вотъ божественное начало, это — Брама; чрезъ него достигается цѣль жизни, общее счастье, обильное потомство, обильная пища и богатыя стада. До какой степени это настроеніе успѣло смягчить нравы, видно изъ того, какъ жрецы из-

мѣнили понятіе о жертвоприношеніяхъ. Когда-то существовали человѣческія жертвы: въ Яджуръ-Ведѣ предписывалось привязывать человѣка или лошадь и потомъ освобождать ихъ при пѣніи гимновъ. Это было аллегорическое изображеніе жертвоприношенія. Развиваясь въ этомъ направленіи, брамины доходятъ до идеи, что за зло слѣдуетъ платить добромъ. Но вотъ, они утвердили свое господство, они составили касту, которая относится враждебно ко всякому развитію — и воззрѣніе ихъ измѣняется, и позднѣйшіе индійскіе источники говорятъ: «будетъ ли браминъ ученый или невѣжда — все равно, онъ все таки великое божество.» Интересно, какъ въ самыхъ индійскихъ законодательныхъ памятникахъ характеризуется этотъ ходъ ихъ исторіи. Сначала, говорится тамъ, господствовала строгость жизни; эта строгость породила науку; въ третьемъ періодѣ стало господствовать жертвоприношеніе, т. е. формальная религія, а наконецъ, остались одни приношенія въ пользу духовенства. Прошедшее этой интеллигенціи было слишкомъ блестяще для того, чтобы въ минуту упадка, у ней не явилось стремленія поддержать себя — и вотъ оно вызвало знаменитую реформацію буддизма, которая старалась разрушить то привилегированное положеніе, которое губило Индію. Глубина первоначальной мысли буддизма показываетъ уже, какую великую силу пониманія создала дисциплина браминовъ Будда, при первоначальномъ, самомъ чистомъ видѣ его ученія, не признавалъ боговъ; онъ самъ себя признавалъ человѣкомъ, одареннымъ необыкновенными способностями; поэтому онъ не учреждалъ обожанія. Онъ все сосредточивалъ на добродѣтели Онъ проповѣдывалъ, что человѣческое счастье тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ болѣе онъ дѣлаетъ счастливыми другихъ; что высшее блаженство и высшее достоинство — это состояніе Будды, которое дастъ ему возможность доставить блаженство всѣмъ людямъ.

Онъ возставалъ противъ браминовъ за то, что они сосредоточивались на церемоніяхъ, на формахъ, кастахъ, жертвахъ и мученичествѣ. Онъ проповѣдывалъ только воздержаніе, мягкость нравовъ, которая водворяла равенство между людьми и не допускала жестокости по отношенію къ животнымъ. Главная же цѣль, которую себѣ поставилъ Будда—это сдѣлать высшее знаніе доступнымъ и всѣми средствами распространять его въ народѣ. Поэтому главная цѣль истиннаго буддиста заключалась въ томъ, чтобы всю жизнь ходить изъ мѣста въ мѣсто и вездѣ поучать народъ, дѣлая ему понятнымъ и доступнымъ самое возвышенное и сокровенное. Это сдѣлало буддистовъ, по крайней мѣрѣ, столь же ревностными пропагандистами своего религіозно-демократическаго ученія, какъ были брамины. Конечно оказалось, что они не могли распространить свое ученіе въ той чистотѣ, какъ его преподавалъ Будда; они сдѣлали изъ него идолопоклонство, но оно все таки сохранило свое смягчающее сердце и правы вліяніе. Успѣхъ буддизма въ Индіи былъ громадный, онъ вдохнулъ новую жизнь въ эту страну. Весьма вѣроятно, что въ цвѣтущія времена въ Индіи населеніе было гуще и богатства больше, но и въ лучшія времена буддизма населеніе этой страны было гораздо гуще и богаче, чѣмъ теперь. Кромѣ развалинъ, это доказываютъ зна-

менитыя описанія китайца Гіуенъ-Тсонгъ. Тамъ постоянно встрѣчаются указанія на необыкновенную густоту населенія, на города, которые имѣютъ въ окружности семь и десять верстъ(¹). Въ одной изъ менѣе густо населенныхъ мѣстностей (Тескіе) описывается столица, 7 верстъ въ окружности, и отъ ней въ шести верстахъ городъ, который прежде былъ такъ-же великъ, но теперь уменьшился на двѣ трети. Страна эта прежде славилась своими благотворительными учрежденіями, гдѣ бѣдные и несчастные получали пищу и лекарства, даже путешественникъ никогда не могъ попасть тамъ въ затрудненіе. Область Канджа-Кубга, которая имѣла въ поперечникѣ 400 верстъ, была слѣдовательно величиною съ нашу губернію, имѣла главный городъ, который отъ одного конца до другаго простирался на 7 верстъ. Справедливость его словъ подтверждается развалинами такихъ городовъ, какъ напримѣръ Лаксмановати, которыя съ одного конца до другаго простираются на 15 верстъ и занимаютъ пространство въ 20 ап. кв м. Время распространенія буддизма замѣтно благопріятно отозвалось и на индійской наукѣ. Несмотря на это, несмотря на его демократическое направленіе, которое должно было привлекать къ нему массы, несмотря на то, что государи-централизаторы весьма ему благопріятствовали, несмотря на то, что буддисты нетолько позаботились приспособить свое ученіе къ чувствамъ народа, но старались создать въ своей средѣ единую твердую организацію съ несравненно большею тщательностью, чѣмъ брамины—мы видимъ замѣчательное явленіе. Брамины, защищаясь, проявляютъ рѣдкую силу въ сопротивленіи, и, что всего замѣчательнѣе, сила эта вытекаетъ именно изъ ихъ вліянія на народъ, на который они постоянно опираются. Нужно внимательно вглядѣться въ это явленіе, чтобы понять его сущность. Буддисты, такъ-же какъ брамины, проповѣдывали бѣдную жизнь и умѣренность, но у нихъ это не вытекало въ такой степени изъ существа ихъ природы, какъ у древнихъ браминовъ; они являются противниками браминовъ во всей суровой строгости ихъ стариннаго закоснѣлаго ученія, они прямо выступаютъ въ качествѣ смягчающаго начала, но тамъ, гдѣ нѣтъ истиннаго взгляда на вещи, подобная мягкость всего скорѣе вырождается въ слабость по отношенію къ сильнымъ. Эти проявленія слабости мы очень скоро замѣчаемъ въ буддистахъ. Мы въ нихъ видимъ энергическихъ поощрителей объединенія посредствомъ завоеваній, страны, которую брамины такъ долго держали въ разъединенномъ состояніи. Этихъ великихъ завоевателей они скоро стали поощрять къ роскоши, къ многочисленнымъ и великолѣпнымъ постройкамъ, которыя такъ рѣзко характеризуютъ господство буддистовъ. Направленіе, которое было вначалѣ столь истинно демократическое, очень скоро стало вырождаться, и народу не трудно было увидать, куда оно можетъ привести. Браминамъ, которые такъ долго и такъ успѣшно привыкли говорить сильнымъ: «до сихъ поръ и ни шагу далѣе», не мудрено было собраться съ силами и по старому энергически приняться за огражденіе народа. Это

(¹) Не надо забывать объ обыкновеніи индійцевъ строить многоэтажные дома.

огражденіе они доставляли ему только въ извѣстныхъ размѣрахъ, но зато же эта грань была испытанной твердости. Можно замѣтить, что ихъ вліяніе было всего сильнѣе и распространеніе буддизма всего затруднительнѣе тамъ, гдѣ упоминается о существованіи древнихъ благотворительныхъ учрежденій Читая исторію борьбы между буддистами и браминами, буддисты производятъ впечатлѣніе очищающаго начала для покрывавшагося уже болотомъ и плѣсенью браминизма, но этотъ источникъ чистой воды еще скорѣе самъ началъ портиться, и оживленный браминизмъ взялъ надъ нимъ верхъ и къ несчастью взялъ его въ слишкомъ большихъ размѣрахъ—онъ его уничтожилъ.

Вмѣстѣ съ погибелью буддизма погибла и будущность цивилизаціи этой страны Несмотря на такой печальный исходъ, нельзя не обратить вниманія на громадный результатъ, который породило здравое начало. До сихъ поръ въ индійцахъ и даже въ ихъ интеллигенціи сохранился тотъ запалъ, который данъ былъ имъ когда-то. Видно, что когда то брамины распространяли и укореняли убѣжденіе о гибельномъ вліяніи, которое могутъ оказывать вещи на развитіе человѣкъ, но такъ какъ они не съумѣли укоренить въ народѣ правильный взглядъ, и онъ, по прежнему, возвышалъ людей за блескъ и роскошь, то они учили, что, проявляя внѣшній блескъ для того, чтобы поддержать себя въ глазахъ народа, высшее сословіе, въ интересахъ своего развитія, должно продолжать въ стѣнахъ своего дома вести простую и умѣренную жизнь. Исторія сохранила слѣды вліянія такого ученія даже на магометанскихъ государей, наприм. на Акбара. Внѣшняя публичная выставка роскоши, выражающаяся въ особенности въ уличныхъ процессіяхъ, церемоніяхъ и проч., находящаяся въ рѣзкомъ контрастѣ съ простотою внутренней жизни, до сихъ поръ характеристическая черта индійцевъ Европейцевъ постоянно поражала умѣренность и скромность домашней жизни индійцевъ. Богатые купцы Индіи, выставляя на показъ свою роскошь, живутъ въ самой простой комнатѣ и ходятъ едва одѣтые; эта скромная жизнь называется у нихъ жить по правиламъ отцовъ. Нена Саибъ въ Биллурѣ устроилъ великолѣпное помѣщеніе для англійскяго резидента, но и послѣ его отъѣзда не жилъ въ этомъ домѣ, а принималъ въ немъ пріѣзжихъ европейцевъ. Когда калькутскій бабу возвращается со службы, онъ скидаетъ хорошее свое платье и очищается, какъ будто оно его осквернило, затѣмъ остальную часть дня онъ сидитъ на землѣ полунагой. Не надо забывать знаменитую чистоплотность, которая рядомъ съ этимъ распространена во всѣхъ слояхъ индійскаго общества; нечистоплотность англійскихъ солдатъ одна изъ главныхъ причинъ, по которой ихъ презирали сипаи Подъ подобными вліяніями развились глубоко укоренившіеся въ народномъ сознаніи религіозные обычаи, которые обезпечивали самостоятельность рабочаго класса и дозволяли въ сравнительно менѣе значительныхъ размѣрахъ обирать у него плоды его трудовъ; народъ научался лучше жертвовать своею жизнью, чѣмъ уступать изъ своего труда высшимъ классамъ болѣе, чѣмъ установлено гуманнымъ обычаемъ, а высшіе классы воспитывались въ такихъ воззрѣ-

ніяхъ и чувствахъ, которыя заставили ихъ самихъ уважать эти народныя стремленія и уступать имъ. Начиная съ VIII вѣка, Индія подвергалась безпрерывнымъ и опустошительнымъ набѣгамъ изъ западной и центральной Азіи. Какъ гибельны были эти набѣги для Индіи, видно напр. изъ того, что черезъ нихъ погибла вся индійская литература и умственная жизнь страны. Если-бы не существовало сочиненій вродѣ Гіуенъ-Тсонга, изданнаго въ Китаѣ, то мы бы даже не знали, что у индійцевъ существовала богатая историческая литература, отъ которой не осталось и слѣда. Эти набѣги обратили въ пустыню всю западную половину Азіи и сѣверную Африку и уничтожили тамъ всѣ слѣды просвѣщенія. Въ Индіи, гдѣ они явились, даже во времена упадка послѣ тысячи лѣтъ набѣговъ и иностраннаго господства, европейцы все-таки нашли мѣстности съ населеніемъ въ 19,000 человѣкъ на квадратную милю. Христіанское монашество явно заимствовало свою дисциплину у индійцевъ (поразительное сходство между католичествомъ и буддизмомъ), но оно начало съ того, чѣмъ кончила индійская интеллигенція—съ умственной нетерпимости, о которой индійцы не имѣли сначала никакого понятія, потому что между религіею и наукою не существовало тогда ни борьбы, ни противоположности. Интересны противоположные результаты, къ которымъ это привело. Замѣчательно, какъ глубоко врѣзывались въ нравы индійской интеллигенціи тѣ черты, которыя когда-то были источникомъ счастья и благоденствія для индійскаго народа—ничего подобнаго нельзя замѣтить въ католичествѣ, несмотря на ихъ внѣшнее сходство. На Цейлонѣ миссіонеровъ поражала необыкновенная вѣротерпимость буддистовъ: если-бы мы попросили ихъ храма для отправленія нашего богослуженія, говорилъ одинъ изъ нихъ, они бы уступили его съ удовольствіемъ. Этотъ поразительный фактъ миссіонеры объясняютъ глубокой увѣренностью буддійскаго духовенства въ преданности имъ народа, а эта преданность въ свою очередь объясняется неискоренимыми чувствами, которыя сохранились отъ древне-буддійской дисциплины даже въ этомъ выродившемся духовенствѣ. На Цейлонѣ относительно населенія духовенства приблизительно столько же, сколько въ Россіи (при населеніи въ 1,700,000, около 2500 духовныхъ). Богатства этого духовенства громадны, значительная часть земель принадлежитъ монастырямъ. Несмотря на это духовенство живетъ съ такой поразительной простотой, которую едва ли возможно было встрѣтить даже у духовенства первыхъ временъ христіанства. По этому населеніе, живущее на духовныхъ земляхъ, составляетъ самую счастливую часть жителей острова; благосостояніе на этихъ земляхъ такъ велико, что они сравниваются путешественниками съ земнымъ раемъ; такими они описывались въ XVII вѣкѣ, такими они описываются и теперь. Отношеніе духовенства къ населенію своихъ земель служитъ самой существенной уздой для цейлонскихъ притѣснителей, потому что притѣсненные спасались у духовенства. Духовенство это перестало быть интеллигенціи, за нимъ осталась одна рутина; но если рутина такъ прекрасна, то каково должно было быть вліяніе на Индію интеллигенціи? Если мы видимъ, что во времена упадка потомки населенія, отличавша-

гося цивилизаціею и мягкостью своихъ нравовъ, въ государствахъ застоя отличаются бо́льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ потомки людей, которые когда-то вели строгую жизнь, но постановили себѣ для нея ложную цѣль, то съ другой стороны мы видимъ, что подобные народы, достигавшіе цивилизаціи въ государствахъ застоя, гораздо быстрѣе утрачивали свои силы и впадали въ ничтожество. Люди этихъ счастливыхъ проблесковъ жизни никогда не были въ состояніи понять, что гуманная дѣятельность имѣетъ цѣль въ самой себѣ, что я долженъ употреблять излишекъ искусственно скопившихся въ моихъ рукахъ или естественно развившихся во мнѣ силъ на пользу общества и жить міровою жизнью потому, что это самое благопріятное условіе для моего собственнаго счастья въ то время какъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ всего благопріятнѣе и для счастья всѣхъ меня окружающихъ, а не потому, что польза, которую я принесу, увеличитъ мои матерьяльныя средства. Напротивъ, общественное мнѣніе было такъ нелѣпо, что человѣкъ, который ради общественной пользы не увеличивалъ своихъ матерьяльныхъ средствъ или не употреблялъ ихъ для искусственныхъ своихъ потребностей, понижался во мнѣніи общества и его ставили ниже того, кто поражалъ своей роскошью, хотя прямо во вредъ обществу. Поэтому ихъ гуманность была очень похожа на разсчетъ купца, который не растрачиваетъ своего капитала съ единственною цѣлью удесятерить его, потомъ пуститься въ откупа или подряды и выжимать изъ общества огромные барыши Ложность подобныхъ воззрѣній и ихъ способность уменьшать счастье тѣхъ, которые ихъ раздѣляли, обнаруживались очень скоро. Гуманность застоя никогда не была въ состояніи воспитывать своихъ поборниковъ въ той строгой дисциплинѣ, которую поддерживали иногда довольно долго воины и аскетическое духовенство, поэтому они гораздо быстрѣе утрачивали умственныя и нравственныя свои силы. Умственная и нравственная жизнь воиновъ и жрецовъ подтачивалась ихъ презрѣніемъ къ жизни и счастью побѣжденныхъ или враговъ, ихъ убѣжденіемъ въ необходимости суроваго обращенія съ собственными членами, ихъ уваженіемъ къ дѣятельности и умственному развитію только тогда, когда они имѣли извѣстное одностороннее направленіе—и этого было достаточно, чтобы устраненіе вреднаго вліянія на нихъ вещей сдѣлалось невозможнымъ. Но тутъ все-таки была борьба, и чѣмъ мужественнѣе они держались въ этой борьбѣ, тѣмъ долѣе мы ихъ видимъ энергическими, умными и сильными. У турокъ только при Солиманѣ взяточничество и гаремная жизнь вступили во всѣ свои права, употребленіе султаномъ золотой и серебрянной посуды было новостью и возбуждало всеобщее негодованіе, тогда же распространилось употребленіе кофе; употребленіе табаку распространилось, кажется, позже, когда обстановка восточной апатіи и лѣни овладѣла обществомъ окончательно. При наслѣдникѣ Солимана пьянство сдѣлалось господствующимъ порокомъ. Солиманъ же первый сталъ назначать на высшія должности не государственныхъ людей, а угодниковъ сераля. Амуратъ III, второй султанъ послѣ Солимана, взялъ первую взятку въ 40,000 дукатовъ; придворные торжествовали это происшествіе, какъ побѣду. Съ тѣхъ поръ

началось быстрое паденіе; невѣжество даже въ военномъ дѣлѣ сдѣлалось постоянно возрастающимъ источникомъ слабости, которая вскорѣ перешла въ совершенную беззащитность. Въ то время, когда въ прежнія времена высшее сословіе имѣло твердое внѣшнее и внутреннее положеніе, теперь оно было нетолько жертвою серальныхъ интригъ, капризовъ женщинъ и ласкателей, но было совершенно въ рукахъ распущенной и неспособной къ борьбѣ съ внѣшними врагами солдатчины Солдаты свергали, бросали въ темницы и умерщвляли султановъ, высшихъ сановниковъ и мѣстныхъ начальниковъ. Отъ солдатъ подобная же власть перешла къ разбойникамъ, которые вербовались изъ угнетеннаго сельскаго населенія и сдѣлались бичемъ высшихъ и низшихъ сословій во всѣхъ частяхъ имперіи. Они, наконецъ, подобно Наполеону, могли облагать контрибуціями многолюдные города вродѣ Адріанополя и дѣлать своихъ предводителей начальниками областей. Вотъ въ какое положеніе поставило царедворцевъ то растлѣніе нравовъ, которое казалось имъ такъ заманчивымъ

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Въ гуманности застоя мы видимъ еще менѣе условій прочности. Въ самыя цвѣтущія ея времена государи тутъ воспѣваются именно за то, что должно было ее погубить. Воспѣвается искусственное скопленіе огромнаго населенія въ отдѣльныхъ немногихъ городахъ, которое въ этихъ мѣстностяхъ постоянно служило источникомъ истощенія и обѣдненія страны. Чтобы сдѣлать города многолюдными, государи предпринимали тамъ большія работы, заставляли жить тамъ въ большомъ числѣ подвластныхъ имъ богатыхъ людей, перевозили изъ покоренныхъ городовъ ремесленное и промышленное населеніе, которое тамъ иногда погибало отъ голоду. Въ своихъ сераляхъ старались имѣть какъ можно болѣе строеній, ремесленниковъ, прислуги и животныхъ. Такимъ образомъ составлялись города съ милльоннымъ населеніемъ. искусственные центры жизни и торговли, о которыхъ такъ много кричатъ въ мѣстностяхъ застоя, которыхъ считаютъ такимъ несомнѣннымъ признакомъ благосостоянія и которые, напротивъ, уничтожали плоды всего того, что дѣлалось для развитія земледѣлія и трудолюбія, для улучшенія путей сообщенія, для водворенія спокойствія и распространенія народнаго образованія. Государи и вельможи смотрѣли на самую искусственную роскошь, какъ на что-то, что способно поднять промышленность края и водворить въ немъ благосостояніе. Поэтому они нисколько не чуждались роскоши, и если жестокость и притѣсненіе народа до извѣстной степени возмущали ихъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ они презирали и суровую бѣдность ихъ будущихъ завоевателей. Вещи могли очень скоро получить на

нихъ свое пагубное вліяніе. Страсть къ церемоніямъ, къ великолѣпнымъ праздникамъ пріучала ихъ къ пустому препровожденію времени и превращала ихъ въ ничтожныхъ людей Тѣ же самыя причины нетолько не давали въ нихъ развиваться нравственному чувству и скоро приводили ихъ къ той же самой грубости чувствъ, которой отличались завоеватели, но они утрачивали всѣ свои достоинства и пріобрѣтали всѣ ихъ недостатки. Во время лепантской битвы испанцы отрубили голову Капудана-паши и, увлекаяся восточными обыкновеніями, поднесли ее донъ Жуану австрійскому. Донъ Жуанъ съ ужасомъ отвернулся отъ подобнаго трофея. Въ этомъ поступкѣ вы узнаете европейца, вы понимаете, почему европейцы начали одерживать постоянныя побѣды надъ турками съ тѣхъ поръ, какъ они перестали увлекаться турецкими пріемами сажать на колъ по десяти тысячъ человѣкъ, вамъ дѣлается ясно, что нравственная сила—это такая же сила, какъ и интеллектуальная, точно такъ-же, какъ умственная она возбуждаетъ энергію человѣка и расширяетъ предѣлы его жизни и счастья, съуживаемые вліяніемъ вещей. Съ другой стороны, если вы видите, что Гарунъ-аль Рашидъ, который такъ гордился своей любовью къ просвѣщенію, тщеславился тѣмъ, что при своемъ дворѣ онъ имѣлъ тысячи евнуховъ и многочисленныхъ женъ, то для васъ совершенно ясенъ упадокъ нравственнаго чувства въ этихъ людяхъ и вы понимаете, что они не способны жить міровою жизнью и что гибельное вліяніе вещей очень скоро убьетъ въ нихъ интеллектуальныя силы. Чтобы понять, какія явленія тамъ происходили отъ вліянія вещей, интересно сравнивать ихъ съ Аѳинами и греческими республиками, гдѣ проявлялась научная жизнь. Взгляды и чувства тутъ были аналогическіе. Роскошная жизнь, великолѣпіе были для аѳинянъ точно такъ-же цѣлью ихъ стремленій, какъ и для арабовъ. Въ счастливыя свои времена Аѳины, какъ мы уже сказали, были меньше Спарты, но городъ былъ такъ великолѣпно обстроенъ, что если бы онъ опустѣлъ въ извѣстный моментъ вмѣстѣ со Спартою, то, судя по развалинамъ, путешественники стали бы заключать, что Аѳины были несравненно населеннѣе. Но отчего наука и художество получили въ Греціи бо́льшее развитіе, чѣмъ между арабами? Высшее сословіе у грековъ было бѣднѣе, чѣмъ у арабовъ, и, несмотря на то, что они одинаково возвеличивали человѣка по размѣрамъ его роскоши, богатые греки стояли гораздо ближе къ ученымъ и художникамъ, чѣмъ калифы и вельможи арабовъ. Развитіе богатства высшихъ привело и тутъ и тамъ къ униженію народныхъ массъ и къ паденію наукъ и художествъ, но въ Греціи процессъ совершился гораздо медленнѣе, потому что высшіе классы встрѣчали гораздо болѣе препятствій своему стремленію разбогатѣть. Вліяніе вещей въ Аравіи было такъ сильно, что лесть никогда не переставала играть тамъ первостепенную роль; она вводила властедержателей въ міръ заблужденій, близкій къ тому, въ которомъ находится умалишенный, воображающій себя благодѣтелемъ человѣчества. Они вели жалкую жизнь церемоній, апатіи и безсмыслія, сентиментально воображая, что міръ облагодѣтельствованъ ими и что они покровители науки и философіи. Жизнь не шутила съ ними, имъ грозилъ рѣзкій переходъ

отъ того, что они называли земнымъ блаженствомъ, къ тяжкимъ состояніямъ, надъ ними висѣлъ мечъ, грозившій насильственною смертью,—и все-таки у нихъ не было достаточно силы, чтобы глядѣть дѣйствительности прямо въ глаза. Подобно умалишенному, они предпочитали витать въ сферахъ воображаемаго благополучія и слабѣть со дня на день Имъ невыносимы были возбужденіе интеллектуальныхъ силъ посредствомъ уроковъ самостоятельной мысли и возбужденіе силы нравственной чрезъ упреки здороваго нравственнаго чувства. Въ Греціи высшіе классы не были достаточно богаты, чтобы скоро дойдти до подобнаго состоянія, тамъ могли проявляться и самостоятельная мысль, и даже самостоятельное нравственное чувство, хотя смерть Сократа ясно показываетъ намъ, какъ узки были и тутъ предѣлы ихъ дѣятельности. Несмотря на это, не трудно увидать, насколько богаче была жизнь болѣе бѣдныхъ, но образованныхъ грековъ по сравненію съ жизнью на востокѣ даже въ самыя лучшія времена. Умственная жизнь способна доставлять человѣку несравненно болѣе ощущеній, чѣмъ всѣ возможныя вещи, и замѣчательный арабскій мыслитель былъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ несравненно болѣе счастливый, чѣмъ калифъ и вельможа. Но если обратить вниманіе на греческую сатиру, на безпощадную критику мысли и жизни, которыми отличались греки, то мы легко убѣдимся, что умъ у грековъ подвергался болѣе сильнымъ возбужденіямъ, чѣмъ у арабовъ, и что греческій мыслитель жилъ гораздо болѣе смѣлою и возвышенною жизнью, чѣмъ арабскій. Дѣлаясь только отчасти участниками умственной жизни, высшее сословіе у арабовъ стало уже рѣзко отличаться отъ жалкаго варварства, которое втеченіе тысячелѣтій проявлялось на безпредѣльной территоріи застоя то въ шалашахъ и землянкахъ полунагаго человѣка, то на украшенныхъ драгоцѣнными каменьями престолахъ; но жизнь эта все-таки блѣднѣетъ въ сравненіи съ жизнью грека лучшихъ временъ. Если мы на грековъ посмотримъ съ другой стороны, со стороны инстинктовъ міровой жизни, то увидимъ, что и тутъ они стояли выше обществъ застоя, несмотря на то, что это была самая слабая, можно сказать, жалкая ихъ сторона.

Послѣ всего этого мы ясно видимъ, что образованное общество ради собственнаго своего счастья должно вырабатывать себѣ такіе обычаи и чувства, которые спасли бы его отъ гибельнаго вліянія вещей и создавать общественное мнѣніе, которое заставляло бы его плодить жизнь на землѣ, а не употреблять свои силы безъ пользы или во вредъ человѣчеству. Но въ особенности современная намъ цивилизація породила множество людей, которые склонны вполнѣ пренебрегать воспитаніемъ чувствъ и образованіемъ нравовъ среди людей, они полагаютъ единственнымъ, что достойно вниманія общества и отъ чего можно ожидать успѣха это установленіе извѣстныхъ общественныхъ и соціальныхъ формъ: введите формы и все явится само собою.

На свѣтѣ жило и живетъ очень много людей, которые любятъ ломать себѣ голову надъ изобрѣтеніемъ формъ, среди которыхъ человѣчество пользовалось бы безмятежнымъ счастьемъ. Такія стремленія

могутъ объясняться только тѣмъ невниманіемъ, съ которымъ исторія постоянно относилась къ взаимному вліянію другъ на друга нравственнаго настроенія общества и формъ, среди которыхъ оно живетъ. Болѣе основательное разсмотрѣніе этого дѣла показываетъ, что формы придумываются сравнительно легко, но что главное затрудненіе заключается въ созданіи нравственныхъ настроеній, при которыхъ дѣлаются возможными болѣе совершенныя формы. Какъ легко изобрѣтаются формы, видно напр. изъ того, что англійскіе писатели находятъ большое сходство между тѣми формами, посредствомъ которыхъ Дарій управлялъ персидскими завоеваніями, и тѣми, которыя теперь употребляются англичанами въ Индіи. Часто мы видимъ, что формы имѣютъ до того второстепенное значеніе, что одни и тѣ же формы остаются при совершенно измѣнившейся сущности отношеній. Это явленіе нетрудно доказать, если обратить вниманіе, напримѣръ, на семейство. Одинъ мандаринъ говорилъ французскому путешественнику: «какъ же я могу удерживать своихъ женъ отъ невѣрности, если я самъ имѣю нѣсколько женъ?» На вопросъ, отъ чего онъ не прогоняетъ тѣхъ, которые завели себѣ любовниковъ, онъ отвѣчалъ: «какъ я могу прогнать отъ себя человѣка, который проситъ меня не дѣлать этого?» Между такимъ мандариномъ и турецкимъ вельможей, который зашиваетъ невѣрную жену въ мѣшокъ и топитъ ее въ морѣ, или персіяниномъ, который ее свергаетъ съ башни, огромная разница, но еще болѣе разницы между подобными господами и тѣми монгольскими семействами, гдѣ существуетъ страстная взаимная привязанность между членами, а сладострастіе играетъ замѣчательно незначительную роль. Всѣ эти далеко отстоящія другъ отъ друга чувства мы видимъ при томъ же самомъ учрежденіи многоженства. Европейскій аристократъ, который съ женою соблюдаетъ только внѣшнія приличія и имѣетъ множество любовницъ, ничѣмъ не отличается отъ китайца и турка, однакоже общественное мнѣніе не порицаетъ его. Насколько же помогло дѣлу учрежденіе единоженства? Городъ, гдѣ, подобно нѣкоторымъ столицамъ Европы, половина дѣтей незаконнорожденные, по невниманію своему къ дѣтямъ стоитъ ниже странъ многоженства. Общество, которое низвергнуло гаремныя стѣны, но гдѣ женщина точно такъ-же, какъ любая одалиска, думаетъ только о романахъ, кокетствѣ и предметахъ роскоши, сдѣлало только кажущійся шагъ впередъ. Между семействомъ, гдѣ мужъ колотитъ свою жену, потому что ему хочется буянить или вслѣдствіе предразсудка, что надо бить жену, потому что иначе она не будетъ бояться и будетъ невѣрна, и такимъ семействомъ, гдѣ мужъ не рѣшится сказать грубаго слова, потому что возбудитъ этимъ всеобщее негодованіе того общества, среди котораго живетъ—огромная разница; однакоже, эти семейства существуютъ рядомъ при тѣхъ же самыхъ учрежденіяхъ; мало этого, общества, гдѣ водворились деликатныя семейныя отношенія, не чувствуютъ иногда потребности въ измѣненіи учрежденій. Втеченіе вѣковъ и на огромныхъ пространствахъ мы видимъ, что утонченно-образованныя и грубыя семейства существуютъ рядомъ другъ съ другомъ, и первыя не дѣлали ни одной попытки создать для себя особое законода-

тельство; до такой степени формы ничтожны по сравненію съ существомъ, съ міровоззрѣніями, создающими обычаи и чувства. Какими формами можно оградить малолѣтнихъ дѣтей отъ смертоноснаго для нихъ небрежнаго ухода, какими формами можно обезпечить для нихъ наилучшее развитіе? Значеніе формы можно выразить слѣдующимъ примѣромъ: существованіе школъ не указываетъ на народное образованіе, но отсутствіе школъ указываетъ на невѣжество. Поэтому стремленіе къ формамъ—дѣло совершенно законное, но отъ формы до сущности дѣла еще очень далеко; заниматься прожектерствомъ формъ и забывать о сущности—это верхъ нелѣпости.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Чтобы прогрессивная и болѣе совершенная форма могла существовать, нѣтъ надобности, чтобы всѣ члены общества ей сочувствовали; при такомъ условіи форма часто дѣлается даже ненужною. Необходимо, чтобы на сторонѣ формы было только достаточно силъ для ея дѣйствительнаго, а не призрачнаго осуществленія; тогда ея противники должны будутъ покориться и форма сдѣлается источникомъ прогресса, потому что она будетъ воспитывать общество въ тѣхъ чувствахъ, которыя ею выражаются, и сдѣлаетъ счастливыми людей, которые безъ нея воспитывались-бы иначе и обладали-бы меньшимъ счастьемъ.

Появленіе силы, необходимой для того, чтобы совершенныя формы дѣлались дѣйствительными, зависитъ отъ того, насколько въ обществѣ распространено убѣжденіе въ солидарности интересовъ всѣхъ его членовъ и въ томъ, что правильное и сильное развитіе инстинктовъ міровой жизни дѣлается источникомъ счастья для всякаго человѣка. Какъ скоро въ обществѣ господствуетъ какое-либо свойство, которое существенно мѣшаетъ развитію инстинктовъ міровой жизни, то никогда не можетъ появиться въ немъ силы, необходимой для поддержки болѣе совершенныхъ общественныхъ формъ; формы эти не разовьются, а если разовьются, то не будутъ въ состояніи удержаться. Въ этомъ случаѣ прежде всего необходимо уничтожать нравственнымъ вліяніемъ препятствующее свойство. Если такое уничтоженіе невозможно, то невозможно будетъ и появленіе болѣе совершенной формы. Въ ряду подобныхъ свойствъ первое мѣсто занимаетъ жестокость, распущенность и отсутствіе самообладанія. Жестокость нельзя назвать собственно свойствомъ, это отсутствіе извѣстнаго свойства, тѣсно связаннаго съ инстинктомъ міровой жизни и которое заставляетъ человѣка невольно сочувствовать чужимъ страданіямъ. Для распущенности же источникомъ служитъ свойство положительное—способность плѣняться вещами, которая при извѣстной слабости воображенія и пониманія заставляетъ человѣка думать, что вещи способны наполнить его жизнь безконечными наслажденіями, и исключительно стремиться къ достиженію этого предполагаемаго райскаго блаженства. На-

роды, у которыхъ жестокость и распущенность дѣйствовали очень сильно, не могли составлять никакого прочнаго общества, способнаго къ прогрессу, подвергались немедленному и быстрому разложенію и паденію. Самый замѣчательный примѣръ такого дѣйствія жестокости представляютъ собою монголы и сподвижники Тамерлана. Послѣ чудовищнаго кровопролитія и огромныхъ завоеваній, они не могли составить никакого прочнаго общества и подвинуться хотя сколько-нибудь на пути цивилизаціи. Вникая внимательно въ свойства народовъ жестокихъ—это явленіе дѣлается совершенно понятнымъ. Около жестокихъ людей не можетъ являться никакого самостоятельнаго мышленія, а потому и никакого источника развитія. Монголы находились, по видимому, въ весьма благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы положить начало государственному устройству, изъ котораго могло-бы развиться политическое общество, наиболѣе способное осуществить идеалъ современной европейской цивилизаціи, т. е. соединить свободу съ порядкомъ. Стремленіе къ конституціонному устройству въ крови монголовъ, они, кажется, родились съ нимъ Во время Чингисъ-Хана мы видимъ у нихъ земскія собранія. Изъ свѣденій объ избраніи въ 1246 г. Хана-Каюка и о церемоніяхъ его короноваціи видно, что послѣ того, какъ ему объявлено было объ его избраніи государемъ, ему всенародно прочитано было наставленіе, какъ управлять государствомъ; въ этомъ наставленіи ему угрожали жестокимъ наказаніемъ, если онъ не будетъ справедливъ и не будетъ вести себя хорошо. Всѣ превратности судьбы, которыя были пережиты ими послѣ этого, не были въ состояніи уничтожить въ нихъ этой наклонности. У монголовъ до сихъ поръ собираются въ ихъ пустынныхъ степяхъ земскія собранія, и дѣйствуетъ степное обычное право, какъ въ какой-нибудь Англіи или въ республиканскомъ Римѣ. Конечно, у совершенно невѣжественнаго народа подобныя собранія могутъ имѣть только характеръ средневѣковыхъ земскихъ соборовъ. При такихъ наклонностяхъ монголы, въ то время, когда они стояли на верху своего могущества, были подъ сильнымъ вліяніемъ китайской интеллигенціи. Извѣстно, что нѣтъ народа, который былъ-бы болѣе способенъ водворять безусловную централизацію и придавать управленію извѣстную мягкость формъ. Изъ этого на первый взглядъ счастливаго союза однакоже рѣшительно не вышло, зачатки не дали никакого развитія. Они постоянно такъ склонны были наводить страхъ, прекращать всякое сопротивленіе и противорѣчіе, что они никакъ не могли развиться. Замѣчательно, до какой степени они оставались дѣтски не развитыми въ политическомъ отношеніи. У нихъ были пушки, они совершали подвиги, которые прославили ихъ военныя соображенія. Между тѣмъ они были такъ глупы, что могли составить планъ перебить всѣхъ жителей въ сѣверномъ Китаѣ и обратить рисовыя поля въ пастбища, чтобы было гдѣ пасти своихъ коней. Они долго не могли понять, что выгодно брать подати, а каждый разъ, когда имъ нужны были средства, дѣлали набѣгъ и грабили. Они были такъ запальчивы и нетерпѣливы, что разъяснять имъ что-нибудь было въ высшей степени опасно и значило рисковать жизнью. Но за то же они такъ же быстро переходили къ раскаянію. Такъ Оготай-

ханъ, по самому ничтожному поводу, надѣлъ цѣпи на своего знаменитаго китайца-министра и потомъ торжественно и публично раскаявался въ этомъ. Крайне жестокій человѣкъ отличается крайней неправильностью въ отправленіяхъ инстинктовъ міровой жизни, видитъ счастье только въ безмѣрномъ удовлетвореніи животныхъ инстинктовъ, питанія, покоя, сладострастія, въ безпрепятственномъ обладаніи всѣмъ, что произведетъ на него первое впечатлѣніе, въ уничтоженіи всякаго противорѣчія и сопротивленія, въ безпредѣльной власти и безпредѣльномъ богатствѣ, которыя, по его понятію, безпредѣльно возвысятъ его въ глазахъ людей. На дѣлѣ однакоже оказывается, что безмѣрное удовлетвореніе животныхъ инстинктовъ способно наполнять жизнь только страданіями и уничтожаетъ силы; такой поверхностный взглядъ на величіе привелъ сподвижниковъ Чингисъ-Хана и Тамерлана къ тому, что они должны были, не зная покоя, дѣлать постоянно новыя завоеванія и что первая попытка остановиться грозила имъ неминуемой гибелью; если они не погибали отъ угнетенныхъ ими народовъ, то ихъ губили ихъ собственные сподвижники, возставая на нихъ мятежемъ. Ихъ счастье похоже на счастье спекулятора, который, затѣявъ огромное дѣло не по силамъ, спасается только тѣмъ, что дѣлаетъ все новые долги и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ страдальческой жизни кончаетъ самоубійствомъ. Единственныя нормальныя чувства, которыя могли сдѣлаться для монголовъ источникомъ счастья — ихъ семейная любовь, ихъ склонность дѣйствовать по соглашенію, а не подъ вліяніемъ одной воли, погибли въ этой безконечной азартной игрѣ, гдѣ каждая ставка шла на жизнь или смерть. Точно такое же явленіе представляютъ Ютши, которые во время появленія христіанства завладѣли значительною частью Индіи и средней Азіи. Они были въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для развитія въ ихъ средѣ цивилизаціи, по крайней мѣрѣ въ столь же благопріятныхъ, какъ арабы; они завоевали страны, которыя находились подъ вліяніемъ греческой и подъ вліяніемъ индійской цивилизацій, однакоже они такъ же мало были способны развиться, какъ монголы и по тѣмъ же причинамъ пали. О подобныхъ примѣрахъ не мѣшаетъ вспоминать всѣмъ народамъ и всѣмъ классамъ народовъ, которымъ хочется распоряжаться безцеремонно.

Не лучше результаты, къ которымъ приводитъ распущенность. Самый поразительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ сподвижники Александра Великаго. Рѣдко можно встрѣтить такъ безразсудно разгорѣвшуюся страсть къ пріобрѣтенію и такое сильное и исключительное вліяніе на жизнь вещей. Мы уже указывали выше, какъ быстро, еще при жизни Александра, страсть эта уничтожила свойственную грекамъ самостоятельность мысли. Сподвижники Александра оказались настолько же неспособными составить крѣпко организованное государство, какъ и сподвижники Тамерлана и Чингисъ-Хана. Мало этого, послѣ распаденія завоеваній на части, вы видите, что греческій геній породилъ во многихъ мѣстностяхъ быстрое развитіе благосостоянія, но сами завоеватели нисколько не развивались, напротивъ, ихъ интеллигенція быстро упадала и, черезъ нѣсколько поколѣній, они были уже очень близки къ азіатскому варвар

ству. Всего дольше они сохранились въ Египтѣ, но все-таки не долѣе царствованія трехъ государей.

Эти два свойства, жестокость и распущенность, питаются и поддерживаются ложными взглядами на величіе и счастье, о которыхъ говорилось выше; но чѣмъ болѣе они развиваются, тѣмъ болѣе они расталкиваютъ общество. Оно можетъ, наконецъ, дойти до того состоянія, въ которомъ находилась Абиссинія и ея окрестности. Тамъ, гдѣ каждый шейхъ беретъ произвольные поборы съ каждаго проходящаго каравана, гдѣ каждое случайно увеличившееся племя пользуется этимъ, чтобы отбивать у сосѣдей стада и обирать имущество, гдѣ изъ среды племенъ и родовъ могутъ выдѣляться удальцы, составлять шайки и грабить что попадетъ, — тамъ невозможно ни просвѣщеніе, ни благосостояніе, и сами шейхи, если не бѣдны, то все-таки весьма жалки. Едва ли даже въ государствахъ застоя возможно найти подобное общество, которое бы не стремилось выйти изъ этого состоянія. Вездѣ стараются создать какую нибудь жизнь общую, какое нибудь орудіе для огражденія общихъ интересовъ. Даже Гадраматъ въ южной Аравіи имѣетъ свою конфедерацію родовъ. Подобный союзъ, какъ бы онъ ни былъ плохъ, все таки приноситъ хотя маленькую пользу: путешествіе каравановъ облегчается, взаимные грабежи нѣсколько уменьшаются, является возможность иногда уничтожать шайки, составляющіяся независимо отъ союзниковъ. Но такъ какъ каждый изъ племенныхъ начальниковъ воспитанъ въ такихъ понятіяхъ, что онъ видитъ свое величіе исключительно въ возрастаніи своего богатства и своей власти, и опасается, что его значеніе уменьшится отъ существованія союза, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшится и его счастье, то сближеніе дѣлается возможнымъ только въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Бѣдность, невѣжество, уединеніе по прежнему тяготятъ все общество безъ всякаго исключенія и оказывается, что ложное понятіе о счастьи и опасеніе его утратить приводятъ къ жалкому злополучію. Замѣтивъ, какъ общество тяготится этимъ состояніемъ, энергическій человѣкъ, случайно усилившійся, сначала группируетъ вокругъ себя племенныхъ начальниковъ, потомъ безжалостно истребляетъ самыхъ сильныхъ изъ нихъ, замѣняетъ ихъ другими, вполнѣ зависящими отъ него. Въ тоже самое время изъ рабовъ своихъ составляетъ себѣ постоянное войско, которое онъ кормитъ и содержитъ на свой счетъ и которому не даетъ никакихъ подчиненныхъ.

Вотъ первый пріемъ государственной организаціи, онъ такой же древній, какъ и государства застоя. Почему же ему подчинились всѣ эти силы? Очень нерѣдко можно читать плѣнительные разсказы объ обществахъ съ свободнымъ устройствомъ, которыя входятъ только въ добровольные союзы, подчиняются только нравственному вліянію и даютъ очень мало значенія всякой власти и всякому аристократизму. Такое состояніе плѣнительно нетолько для цивилизованнаго человѣка, но и для населенія подобныхъ общинъ. Они нетолько высоко цѣнятъ подобное состояніе, но и стараются понять средства, которыми его можно удерживать Подобныя общины, многочисленныя, трудолюбивыя и пользующіяся благосостояніемъ, могутъ удерживать свою независимость вте-

ченіе сотенъ лѣтъ. Какимъ же образомъ можетъ имъ придти странная мысль внезапно и безусловно подчиниться одному человѣку? Причина тутъ заключается въ самомъ опасномъ изъ свойствъ человѣческихъ, въ способности изъ ничтожнаго предлога разростить въ своемъ сердцѣ громадную и непримиримую вражду. Про одно изъ племенъ Кабиловъ разсказываютъ слѣдующій анекдотъ: одинъ Кабилъ встрѣчаетъ на базарѣ своего знакомаго, который долженъ былъ ему полторы копѣйки. Онъ проситъ объ уплатѣ, но пріятель отказывается. Кабилъ изъявляетъ готовность подождать, если у него денегъ нѣтъ, но пріятель отвѣчаетъ, что у него деньги есть, но что онъ рѣшился не заплатить этого долга. Между ними начинается драка; сосѣди того и другого, вмѣсто того, чтобы разнять дерущихся, сами вступаютъ въ драку, къ нимъ присоединяются мало по малу жители тѣхъ частей города, въ которыхъ они жили, и наконецъ весь городъ раздѣляется на двѣ половины, берется за оружіе и результатомъ битвы оказывается сорокъ пять убитыхъ. Послѣ того жители двухъ половинъ города сдѣлались непримиримыми врагами, вражда между ними возрастала съ году на годъ вслѣдствіе безпрерывныхъ стычекъ. Дома, которые лежали на рубежѣ между двумя частями города, опустѣли и сдѣлались необитаемы. Подобныя сцены у Кабиловъ менѣе всего были рѣдкостью; часто доходило до того, что среди селенія приходилось устраивать стѣну съ башнями, съ которой враги наблюдали другъ за другомъ. Всякому извѣстно, какъ часто у свободныхъ племенъ встрѣчается раздѣленіе на концы и мелкія общины, враждебные другъ другу; раздѣленія эти чаще всего совершенно непонятны и искусственны; противоположные интересы являются только впослѣдствіи и порождаются самой борьбой. Для насъ теперь совершенно понятны и вредъ, и искусственность подобныхъ раздѣленій, но современники такъ ими ослѣплены, что идея этой искусственности совершенно для нихъ недоступна. Точно также теперь для многихъ понятна вся искусственность религіозной и даже національной вражды; они видятъ очень ясно, что отъ этой вражды обѣ враждующія стороны ничего не выигрываютъ, а только страдаютъ; но еще мало людей, которые понимаютъ искусственность вражды между людьми различныхъ государствъ, которая приноситъ и той и другой сторонѣ такую же пользу, какую доставляетъ вражда Кабильской общинѣ, воздвигающей среди деревни стѣну, и еще менѣе такихъ, которые понимаютъ искусственность вражды между высшими и низшими классами, между капиталистами и рабочими; почти всѣ считаютъ интересы этихъ классовъ противуположными. — Я былъ бы счастливъ, если бы мнѣ удалось доказать здѣсь ихъ солидарность. Вражда внутри общинъ дѣлаетъ ихъ жизнь невыносимою — и какъ бы не была велика та страсть биться, которой она поддерживается, какъ бы они не раздували въ себѣ желаніе геройства, стремленія не поддаваться, — но подобное состояніе до того противно инстинктамъ міровой жизни въ человѣкѣ, что инстинкты эти заставятъ ихъ выдти изъ этого положенія, во что бы то ни стало. Но, нося въ себѣ такія тяжелыя чувства, они все таки не могутъ согласиться и сойтись, они покоряются постороннему лицу, а племена — посторон-

нему племени, которое одушевлено энергическимъ человѣкомъ захватывать власть.

Они всѣ желали организоваться, но не имѣли достаточно здраваго чувства и здраваго смысла, чтобы сдѣлать это добровольно. Теперь самые способные и энергическіе, подчинившись, выиграли съ своей точки зрѣнія, потому что получили искусственную силу, которой никогда бы не могли добиться безъ помощи энергическаго организатора. Когда организація совершилась, ея основанія были по видимому незыблимы. Войско, которое было въ безусловной власти повелителя, распредѣлено было въ разныхъ частяхъ государства и не имѣло между собою сообщенія. Государь былъ до такой степени сильнѣе каждаго отдѣльнаго правителя городовъ и областей, что онъ легко могъ раздавить его своею силой; его силы еще болѣе превосходили силы отдѣльныхъ начальниковъ родовъ; объ отдѣльныхъ жителяхъ и говорить нечего. Сопротивленіе было безразсудно со состороны каждаго изъ начальниковъ отрядовъ постояннаго войска, потому что, соединивъ все остальное войско и силы мѣстныхъ начальниковъ, государь могъ безъ труда раздавить его; со стороны отдѣльнаго жителя сопротивленіе было просто немыслимо. Однакоже на дѣлѣ организація, съ виду такая плотная и хитро придуманная, оказывалась менѣе всего могущественною и распадалась очень легко; часто она оказывалась орудіемъ вовсе не дѣйствующимъ Войска, посланные огромными массами, оказывали самое незначительное сопротивленіе ничтожному отряду и оставляли за нимъ побѣду; люди, посланные съ огромною властью взыскивать поборы, ничего не получали, не смотря на пытки и казни; государь даже энергическій долженъ былъ отдавать на казнь самыхъ преданныхъ ему людей и не могъ защищать даже своей жизни. — Какимъ же образомъ случалось все это?

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

Государства застоя. — Инстинкты міровой жизни и политическія формы. Инстинкты міровой жизни и централизующія чувства, лесть.

Есть много людей, которые увѣрены, что нельзя опрѣдѣлить съ теоретической точки зрѣнія человѣческое счастье, точно также какъ нельзя опредѣлить вкусъ. Однакоже вовсе не безсмысленно говорить о хорошемъ и дурномъ вкусѣ, и мы постоянно видимъ, что люди, которые имѣли вкусъ, справедливо признававшійся дурнымъ, съ развитіемъ измѣняютъ его и сами сознаютъ, что они измѣнились къ лучшему. Чтобы не сбиваться при установленіи правильнаго понятія о счастьи, необходимо отдѣлить довольство отъ счастья. Довольство — понятіе положительное, а счастье понятіе относительное, или, лучше сказать, счастье поня-

тіе болѣе относительное, чѣмъ довольство. Человѣкъ доволенъ, когда случилось то, въ чемъ онъ въ извѣстный моментъ чувствовалъ наибольшую потребность, но человѣкъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ больше у него естественныхъ силъ, которыя могутъ дѣйствовать безпрепятственно. Больной и разслабленный, который проспалъ четырнадцать часовъ, проснулся безъ всякихъ болей и чувствуетъ себя возстановленнымъ, доволенъ, онъ скажетъ даже: «какъ мнѣ хорошо теперь», однакоже никакъ пельзя сказать про него, что онъ вообще болѣе счастливъ, чѣмъ человѣкъ здоровый и сильный во всѣхъ отношеніяхъ. Между силами, отъ которыхъ зависитъ счастье, главную роль играютъ тѣ, которыя порождены міровыми инстинктами, и размѣры счастья всего болѣе зависятъ отъ силы и степени удовлетворенія этихъ инстинктовъ. Инстинкты эти заставляютъ людей искать въ человѣчествѣ союза возможно обширнаго. Сгрупировавшись около незначительныхъ предводителей, они однакоже остаются недовольны ими, если эти предводители не въ состояніи соединяться другъ съ другомъ и составлять все болѣе и болѣе обширные союзы. Это заставляетъ ихъ оставлять своихъ предводителей и легко подчиняться человѣку, который, истребивъ болѣе отважныхъ между ними, выберетъ людей наиболѣе способныхъ создавать организацію и будетъ устраивать болѣе или менѣе обширное государство. Подчинятся они ему только тогда, когда онъ сдѣлалъ болѣе удачный выборъ организаторовъ, чѣмъ они сами были способны сдѣлать. Если роды и племена группировались кругомъ предводителей, болѣе способныхъ удовлетворять ихъ инстинктамъ міровой жизни, то узорпатору, какъ показываетъ опытъ, даже никогда не удается избить главныхъ предводителей, а если бы удалось, то ихъ наслѣдники подвергли бы его самой горькой участи. Подчинившись ему, они до тѣхъ поръ будутъ ему покорны, пока онъ лучше всякаго другаго будетъ удовлетворять ихъ инстинктамъ міровой жизни. Но организаторъ, вслѣдствіе неправильнаго понятія о счастьи, начинаетъ стремиться исключительно къ тому, чтобы до максимума возвысить въ народѣ понятіе о своемъ величіи. Онъ скопляетъ въ своихъ рукахъ огромныя богатства, онъ дѣлается недоступнымъ, потому что, скоро замѣтивъ свои недостатки, онъ понимаетъ, что слишкомъ большая доступность распространитъ объ нихъ вѣсть и уронитъ его во мнѣніи народа. Съ тою же цѣлью скрывать свои недостатки, онъ уничтожаетъ самостоятельное мышленіе какъ вокругъ себя, такъ и въ народѣ. Такимъ же образомъ поступаютъ всѣ его подчиненные. Во всемъ этомъ ясно обнаруживается дѣйствіе инстинкта міровой жизни и дѣлается понятнымъ, что это самый сильный изъ инстинктовъ человѣческихъ. Но инстинктъ здѣсь дѣйствуетъ не освѣщенный разумомъ и здравымъ мышленіемъ. Въ этой нездравости одинаково виноваты народъ, вмѣстѣ съ его государемъ и его организаторами. Народъ потому, что въ его глазахъ можно возвеличиться такимъ нелѣпымъ образомъ дѣйствія, государи и организаторы потому, что они не понимаютъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ въ угоду другъ другу и толпѣ, они даютъ только минутное удовлетвореніе своему инстинкту, но въ сущности все болѣе и болѣе уничтожаютъ для

себя возможность удовлетворить его. Однимъ словомъ виновата недоступная способность племени или страны.

Люди любятъ облегчать себѣ свою задачу. Къ чему въ самомъ дѣлѣ входить въ сложныя соображенія о пользѣ и вредѣ дѣятельности извѣстнаго человѣка? Человѣкъ разукрашенъ драгоцѣнными каменьями, онъ окруженъ многочисленной свитой, передъ нимъ бѣгутъ служители, которые палками разгоняютъ народъ, — вѣдь за что нибудь ему да предоставили же столько богатства и столько власти? И они падаютъ ницъ передъ этимъ человѣкомъ, онъ кажется имъ великимъ, чрезвычайно великимъ. Что можетъ быть легче подобной оцѣнки людей? Сильнымъ подобное міровоззрѣніе кажется также чрезвычайно удобнымъ. Если-бы люди оцѣнивались и возвеличивались за полезную дѣятельность, то вѣдь пришлось бы развивать свои способности и пожалуй оказалось бы, что эти способности развиваются гораздо медленнѣе, чѣмъ у другихъ. Но какъ скоро человѣкъ цѣнится за богатство, роскошь и власть, то цѣль достигается съ несравнено большимъ удобствомъ, въ особенности, если и то и другое можно получить по наслѣдству, тутъ нѣтъ никакой надобности въ развитіи способностей. Да еще кромѣ того, этимъ путемъ всѣ другіе потребности будутъ удовлетворены до пресыщенія. Легкія теоріи, легкіе идеалы чрезвычайно плѣнительны для людей, но къ несчастью оказывается, что они никуда не годны и не приводятъ къ удовлетворенію потребностей. Инстинктъ человѣка побуждаетъ его возвеличиться во мнѣніи людей, но если онъ будетъ возвеличиваться посредствомъ полезной дѣятельности, то онъ будетъ занимать очень второстепенное мѣсто и, можетъ быть, большинство изъ тѣхъ, которые теперь ниже его, станутъ гораздо выше. Способъ возвеличенія, который представляютъ мнѣнія о богатствѣ и власти, можетъ возвысить гораздо болѣе, — стоитъ награбить какъ можно болѣе богатствъ, захватить какъ можно болѣе власти и возвыситься. Потребности въ полезной дѣятельности можно удовлетворить, окружая себя льстецами, которые будутъ восхвалять всякое слово, всякій поступокъ. Наконецъ на тѣхъ людей, которые не чувствуютъ обожанія въ виду этого подложнаго величія, можно подѣйствовать силою, служители будутъ заставлять каждаго прохожаго падать ницъ. Такой взглядъ на дѣло чрезвычайно нравится высшимъ сословіямъ застоя, и они его усердно поддерживаютъ. Но къ несчастью оказывается, что обманывать такимъ образомъ инстинкты міровой жизни, это приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ приводитъ обманъ инстинктовъ питанія. Мы часто видимъ, что люди, для заглушенія голода, не находя питательной пищи, набиваютъ себѣ желудокъ мохомъ, соломой, древесной корой, землей, но всѣ эти пріемы приводятъ къ одному, къ истощенію и къ ослабленію всего организма. Тѣже самые результаты даетъ обманъ инстинктовъ міровой жизни — нетолько самый инстинктъ остается неудовлетвореннымъ, но весь человѣкъ ослабѣваетъ и падаетъ все ниже. Инстинкты міровой жизни отличаются отъ инстинктовъ питанія тѣмъ, что они имѣютъ не индивидуальный, а общественный характеръ, отъ искусственнаго и под-

ложнаго удовлетворенія ихъ со стороны однаго человѣка, страдаетъ и ослабляется нетолько этотъ человѣкъ, но все общество. По этому общество весьма заинтересовано въ томъ, какъ каждый изъ его членовъ удовлетворяетъ своимъ міровымъ инстинктамъ, и этотъ интересъ весьма ярко отражается въ исторіи.

Подчинившись одной личности для подобнаго рода удовлетворенія своимъ инстинктамъ міровой жизни, вельможи однакоже скоро должны были разочароваться. Инстинкты эти нетолько не находили себѣ удовлетворенія, но грубѣли и утрачивались. Чѣмъ болѣе они дѣлали насилій изъ желанія быть грозными и богатыми, тѣмъ быстрѣе въ нихъ угасали инстинкты міровой жизни, которые питаются только симпатіей къ людямъ и къ человѣческому счастью, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они сами грубѣли и слабѣли съ часу на часъ. Скоро они могли замѣтить, что они поставили себя въ самое невыносимое положеніе: своимъ собственнымъ поведеніемъ они подорвали всѣ чувства гуманности и честности. Они увидали себя въ кругу людей, гдѣ отъ каждаго они могли ожидать себѣ всякаго зла; еще болѣе зла они могли ожидать каждую минуту отъ своего государя, и чѣмъ болѣе они накопляли богатства, тѣмъ скорѣе они могли ожидать, что государь лишитъ ихъ и имущества, и жизни. Что касается до наслажденія жизнью, то посредствомъ своего образа дѣйствій, уничтоживъ для себя стимулы и даже возможность развитія, они часто дѣлались болѣе жалкими, чѣмъ любая слабонервная женщина. Среди безконечныхъ, апатическихъ своихъ досуговъ, они не знали, что съ собою дѣлать, предавались разнымъ излишествамъ и ясно показывали, какъ ограниченъ кругъ наслажденій человѣка, который не развивается. Всѣ, отъ самаго незначительнаго до самаго значительнаго, стремились вонъ изъ этого состоянія, государство дѣлалось жертвою постоянныхъ смутъ и разложенія. Съ виду огромный перевѣсъ силы государя надъ своими подданными не оказывалъ ему на дѣлѣ ни малѣйшей помощи. Оказывалось, что подобную помощь не могли ему оказывать и дальнѣйшія усовершенствованія формъ управленія. Уже очень давно мы видимъ раздѣленіе военной и гражданской власти, отдѣленіе суда отъ администраціи, отдѣленіе управленія финансами. Начальникъ области, хотя и имѣлъ нѣкоторое вліяніе на начальника размѣщенной въ странѣ военной силы, на судей, на начальника сборщиковъ податей, но это вліяніе было ограниченное и всѣ эти отдѣльные начальники, точно такъ же, какъ и духовенство, находили для себя средоточіе въ главныхъ своихъ представителяхъ, засѣдавшихъ въ средѣ верховнаго управленія, которые могли ихъ защищать противъ всякаго покушенія мѣстныхъ начальниковъ, забрать ихъ въ свои руки. Въ древней Персіи мѣстные военные начальники были нетолько независимы отъ Сатраповъ, но самое войско раздѣлялось на двѣ части — на армію и на гарнизоны, которые имѣли другъ отъ друга независимыхъ начальниковъ. Большею независимостью въ странахъ застоя пользовалось духовенство: имѣя сильную, мало зависимую отъ управленія организацію и, увеличивая свое значеніе тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе оно располагало къ себѣ народъ, оно могло иногда смѣло порицать дѣятель-

ность нетолько мѣстныхъ, но даже верховныхъ властей. Рядомъ со всѣмъ этимъ были уже очень давно извѣстны различные пріемы, которые должны были съ одной стороны оградить народъ отъ злоупотребленій, а съ другой обезпечить прочность центральной власти. Въ областяхъ были шпіоны, которые должны были развѣдывать и доносить о дѣйствіяхъ мѣстной администраціи. Форма, которая соотвѣтствуетъ нашему III отдѣленію, извѣстна была уже при персидскомъ царѣ Даріи — посылались ревизоры, которые должны были повѣрять дѣятельность мѣстныхъ начальниковъ. Чтобы мѣстные начальники не могли слишкомъ утвердить своей власти, ихъ смѣняли черезъ два, три года. Чтобы рабочее, въ особенности сельское населеніе не могло подвергаться гнету, употреблялись иногда мѣры, съ виду очень хитро и искусно придуманныя Владѣльцы имѣній жили въ столицѣ, а имѣнія ихъ управлялись чиновниками отъ верховной власти, которые сбирали для нихъ точно опредѣленные оброки и поборы. Такъ какъ чиновники смѣнялись часто, а для владѣльцевъ ихъ имѣнія представляли постоянный и наслѣдственный источникъ дохода, который изсякнетъ, если земледѣльцы будутъ раззоряться и оставлять земли, то они дѣлались естественными защитниками рабочаго населенія отъ притѣсненій управлявшихъ ими чиновниковъ Наконецъ, ко всему этому присовокуплялось еще самоуправленіе общинъ и городовъ, самоуправленіе тѣмъ болѣе дѣйствительное, что народъ имѣлъ обыкновеніе постоянно собираться на площадяхъ, гдѣ каждый день дѣлались извѣстными и обсуждались всѣ мѣры мѣстнаго начальства. При первомъ дѣйствіи, способномъ возбудить всеобщее негодованіе, могла составиться огромная грозная толпа. Древніе Персы съ самыми цвѣтущими мѣстностями своего государства, которыя цѣнились ими всего болѣе, съ Греками, съ Финикіянами, съ евреями обращались такъ осторожно, что они нетолько имѣли значительное самоуправленіе и все начальство, принадлежащее къ ихъ національности, но самый характеръ управленія былъ въ духѣ народа, онъ былъ теократическій или свѣтскій, смотря по расположенію населенія. Допускать теократическое господство духовенства другой религіи—это указывало на весьма большую терпимость. Точно такую же терпимость Персы показали, когда они не хотѣли принуждать Финикіанъ воевать противъ своихъ единоплеменниковъ въ Африкѣ.

Оказывается, однакоже, что тамъ, гдѣ государь равнодушно узнаетъ, что мѣстный начальникъ безъ всякой вины распилилъ пополамъ нѣсколько человѣкъ изъ народа, а народъ и высшее сословіе неподвижно смотрятъ, какъ государь по одному капризу вздернулъ на висилицу чиновника или сановника, тамъ никакія хитросплетенія формъ не помогутъ. Утрачивается даже память о полезныхъ, объединяющихъ и ограждающихъ формахъ. Рѣдко государь застоя бывалъ въ болѣе благопріятномъ положеніи для созданія совершенныхъ политическихъ и соціальныхъ формъ, чѣмъ Александръ-Великій Онъ имѣлъ подъ руками всю греческую и азіатскую мудрость того времени и такихъ достойныхъ представителей этой мудрости, какъ Аристотеля Онъ тщательно собиралъ свѣдѣнія о политическихъ и соціальныхъ формахъ, чему самымъ убѣдительнымъ доказа-

тельствомъ служатъ сочиненія Аристотеля. Онъ обладалъ въ высокой степени и самообладаніемъ, и политическимъ тактомъ; доказательствомъ могутъ служить глубоко и хитро задуманные пріемы, посредствомъ которыхъ онъ поставилъ себя въ независимое положеніе отъ своего войска, что такъ ясно обнаружилось, когда онъ поссорился съ своимъ Македонскимъ войскомъ, предложилъ имъ оставить его и представилъ имъ очевидныя доказательства, что онъ и безъ нихъ будетъ достаточно силенъ. Устраивая администрацію огромнаго своего государства, онъ вводилъ раздѣленіе властей, учреждалъ высшій контроль надъ ними, а для огражденія народа, прибѣгалъ къ пріемамъ мѣстнаго самоуправленія. Самоуправленію этому онъ очень любилъ придавать характеръ демократическій. Однакоже, много ли помогли эти формы его государству—охранили они его отъ злоупотребленій? охранили они его отъ распаденія? Злоупотребленія расли съ той же поразительной быстротой, съ которой началось разложеніе государственнаго организма. Арабы, для того чтобы спасти калифатъ отъ распаденія на части, прибѣгали къ безпрерывной перемѣнѣ правителей. Увѣряютъ, что въ Египтѣ втеченіе столѣтія смѣнилось сто намѣстниковъ. Ну что же, это спасло калифатъ отъ разложенія? При подобныхъ обстоятельствахъ ничто не спасало государства. Если вмѣстѣ съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, вмѣстѣ съ привычкой постоянно сбираться на базарахъ и тамъ обсуждать всѣ дѣйствія мѣстныхъ властей, народъ имѣлъ привычку ходить вооруженнымъ, то это могло, конечно, сильно обуздывать власть; но если инстинкты міровой жизни дѣйствовали дурно, то это приводило только къ постоянной анархіи и наполняло страну разбойничьими шайками. Если, напротивъ, для сохраненія мира народъ обезоруживался, то это приводило къ господству солдатчины и къ самымъ невыносимымъ притѣсненіямъ. Обезоруженіе племенъ и народовъ употреблялось уже Киромъ, повидимому, какъ давно извѣстный пріемъ, точно такъ же, какъ и система переселеній; но пусть же мнѣ укажутъ государство, которое подобными пріемами спаслось отъ разложенія.

Разложеніе начиналось подъ вліяніемъ неудовлетворенныхъ и несознанныхъ инстинктовъ. Всѣ, начиная отъ государя и кончая послѣднимъ бѣднякомъ, чувствовали себя нехорошо, они были несчастливы и стремились выйти изъ своего положенія, но куда выйти — этого они всего чаще сами не понимали. Вотъ почему такъ трудно понять роль, которую тутъ играли инстинкты міровой жизни. Съ перваго разу вовсе не видно, что всѣ эти движенія происходили исключительно оттого, что ложныя воззрѣнія и ложныя чувства общества не давали здоровой и удовлетворяющей пищи этимъ инстинктамъ, и они безпокоили людей до тѣхъ поръ, пока не заставляли ихъ, наконецъ, нападать на надлежащій путь или погибать среди разложенія. Отъ движеній, происходящихъ вслѣдствіе этого безпокойства, не могли спасать никакія, хитро придуманныя формы централизаціи. Когда историки разсказываютъ движенія въ разлагающихся государствахъ, то вы видите у нихъ только то, что они называютъ честолюбивыми замыслами мѣстныхъ и подчиненныхъ правите-

лей, алчность безпокойнаго постояннаго войска, состоявшаго изъ рабовъ и т д. Конечно, посредствомъ своего вліянія, мѣстный начальникъ могъ принудить своихъ подчиненныхъ идти мятежемъ противъ государя, но войска, руководимыя подобнымъ стимуломъ, разбѣгались при первой встрѣчѣ съ противниками, связывали своихъ начальниковъ и выдавали ихъ государю. Когда постоянное войско поднимало мятежъ, оно, дѣйствительно, требовало себѣ наградъ и подарковъ и въ случаѣ удачи получало все это. Но слишкомъ легкомысленно считать надежду на подобныя награды источникомъ мятежа; сотни рублей, которые при подобномъ случаѣ получалъ мятежный солдатъ, обыкновенно оказывались имѣющими для него очень малую цѣну, онъ ихъ растрачивалъ очень быстро и самымъ безалабернымъ образомъ — иногда дня черезъ два у него уже не было ни копѣйки. Первымъ предвѣстникомъ всѣхъ подобныхъ безпорядковъ было всегда то обстоятельство, что всѣ въ обществѣ утрачивали другъ къ другу уваженіе, всѣ чувствовали, что имъ чего-то не достаетъ и говорили о добродѣтели, которая будто бы существовать не можетъ. Еслибы причины безпорядковъ были тѣ, которыя представляются съ перваго разу, то отъ чего же общества, вродѣ первоначальнаго турецкаго, оказывались такъ крѣпко сложенными при тѣхъ же формахъ, при которыхъ втеченіе тысячелѣтій разрушалось такъ много другихъ? Глядя съ обыкновенной точки зрѣнія, тутъ должно было быть гораздо болѣе причинъ къ неудовольствію. Первоначальные янычары вели бѣдную и суровую жизнь, они были гораздо храбрѣе и энергичнѣе; почему же имъ не приходила мысль исторгать себѣ такіе же подарки, какіе исторгались до нихъ повсюду постояннымъ войскомъ изъ наемниковъ и рабовъ, какіе исторгали тѣже янычары впослѣдствіи? Члены высшаго сословія первыхъ временъ Турціи держали другъ друга въ рукахъ и мѣшали пріобрѣтать богатства на счетъ общества нетолько путемъ власти, въ которой всегда было достаточно здоровыхъ элементовъ, чтобы обуздывать алчность, но и путемъ обычая. Ясно, что неудовольствіе тутъ было совершенно ослаблено бо̀льшимъ удовлетвореніемъ инстинктовъ міровой жизни, когда въ обществѣ проснулась надежда, посредствомъ новаго своего образа жизни, водворить то, что они считали царствомъ добродѣтели и тѣмъ дать здоровую пищу безпокойному и могучему чувству, которое такъ разрушительно дѣйствовало у ихъ сосѣдей. Еслибы человѣческіе потребности удовлетворялись тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе люди пріобрѣтали вещей, то общества, подобныя первоначальному турецкому, были бы самыя мятежныя и разлагающіяся, потому что наклонность сильныхъ къ подобному стяжанію тамъ встрѣчало наиболѣе сопротивленія въ своей же средѣ и, разжигая страсть къ грабежу энергическихъ воиновъ, могла бы производить постоянныя смуты. Еслибы формы были въ состояніи замѣнять сущность и цементировать общества, то общества, которыя послѣ извѣстнаго періода развитія вступали въ фазисъ разложенія, были бы самыми крѣпкими, потому что искусство пользоваться централизаціонными формами тутъ стояло обыкновенно наиболѣе высоко. Но можетъ быть общества, вродѣ первоначальнаго турецкаго, цементи-

ровались извѣстнаго рода наивностью, они не знали жадности. Самое поверхностное знакомство съ бытомъ кочевыхъ племенъ можетъ разубѣдить въ этомъ, и, кромѣ того, они слишкомъ хорошо были знакомы съ разлагавшимися своими сосѣдями, чтобы можно было объяснить ихъ поведеніе недостаткомъ пониманія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ихъ образъ дѣйствія объясняется исключительно тѣмъ, что они одушевлены были тѣми же чувствами, которыя возбуждаютъ энергію и наполняютъ жизнь человѣка, дѣлающаго, по его мнѣнію, весьма полезное и славное дѣло. Они удовлетворяли инстинктамъ міровой жизни—этому самому обильному источнику человѣческаго счастья Страсть къ пріобрѣтенію вещей нетолько не дѣлалась источникомъ разложенія въ то время, когда она держалась въ самыхъ строгихъ предѣлахъ и, слѣдовательно, была бы способна произвести наиболѣе сильную реакцію, еслибы она дѣйствительно была существенной потребностью для человѣческаго счастья или существенно способна была его увеличивать, но оказалось, что когда вслѣдствіе быстрыхъ и счастливыхъ завоеваній турокъ, ихъ высшее общество наполнено было многими элементами изъ разлагающихся государствъ, которые старались, и не безуспѣшно, привить имъ эту страсть, то въ сѣверо-западномъ углу Малой Азіи, гдѣ жило ихъ первобытное общество, въ видѣ реакціи распространились соціальныя идеи и даже была соціально демократическая революція,—явленіе чрезвычайно рѣдкое въ государствахъ застоя.

Какъ скоро инстинкты міровой жизни не удовлетворены, то формы нетолько не могутъ сдержать общество, или увеличить счастье его членовъ, но всякія формы одинаково приводили къ разложенію. Какъ скоро въ государствѣ вводятся формы децентрализаціонныя, то при такомъ настроеніи общество быстро будетъ разлагаться на мельчайшія единицы и большинство этихъ единицъ будетъ питать въ себѣ анархическія начала, или сдѣлается разбойничьимъ гнѣздомъ. Все это совершенно понятно: чѣмъ сильнѣе въ высшихъ начальникахъ наклонность притѣснять, воображая, что они этимъ возвеличатся, тѣмъ сильнѣе будетъ въ маленькихъ центрахъ стремленіе отдаляться, а такъ какъ ихъ міровоззрѣнія и чувства такія же, какъ у ихъ начальниковъ, то обособившись, они дѣлаются разбойниками. Формы централизаціонныя производятъ точно такое же дѣйствіе, чѣмъ дальше онѣ идутъ, тѣмъ быстрѣе онѣ приводятъ при подобныхъ условіяхъ къ разложенію. Общины не платятъ податей, мѣстные начальники бунтуютъ, обязанные военной службой не являются по призыву, и центральная администрація придумываетъ смирить ихъ посредствомъ постояннаго наемнаго войска. Но какъ скоро администраторамъ такимъ образомъ удалось навести страхъ, то, вслѣдствіе господствующихъ міровоззрѣній и чувствъ, они начинаютъ такъ притѣснять, что еще болѣе расталкиваютъ общество, а наемное войско, почувствовавъ свою силу, возвышаетъ свои претензіи тѣмъ болѣе, чѣмъ труднѣе имъ удовлетворять. Государь, чтобы помочь своему затруднительному и безсильному положенію, идетъ далѣе и, посредствомъ еще болѣе усиленной централизаціи, старается затянуть распускающіеся узлы. Онъ пере-

ходитъ къ солдатамъ-рабамъ, изъ рабовъ онъ дѣлаетъ своихъ министровъ и мѣстныхъ начальниковъ; на дѣлѣ оказывается, однакоже, что подобныя мѣры до того ускоряютъ разложеніе, что даже въ государствахъ застоя стали ихъ избѣгать. Вотъ почему мы видимъ, что формы централизаціи и разъединенія не обнаруживаютъ никакого вліянія на благосостояніе мѣстностей застоя. Населеніе какъ въ сильно централизованныхъ, такъ и въ совершенно децентрализованныхъ частяхъ мѣстностей застоя, одинаково густо, достаточно и цивилизовано. Если въ независимой Аравіи, въ оазисахъ Сахары мы видимъ въ одно и тоже время и крайнюю децентрализацію, и крайнюю бѣдность и невѣжество, то, съ другой стороны, мы видимъ кабиловъ, джурджуа, которые пользовались рѣдкимъ въ государствахъ застоя благосостояніемъ На пространствѣ между персидскою границею и Индомъ мы видимъ населеніе крайне разъобщенное, однакоже, тамъ населеніе можетъ быть болѣе густое, чѣмъ въ Персіи и въ азіатской Турціи. Въ туранской низменности, къ сѣверу отъ Хоросанскихъ-горъ и Гинду-ку, къ западу отъ Болоръ-Тага и Тіанъ-Шана, мы видимъ населеніе весьма разобщенное, но несравненно болѣе рѣдкое, чѣмъ въ Персіи и въ Турціи, нравы его грубѣе и благосостоянія у него меньше.

Афганамъ ихъ, такъ сказать, конституціонныя формы, ихъ избирательные племенные ханы, ихъ джирги или сеймы, гдѣ они рѣшаютъ свои дѣла, ограниченная власть хана, который во всѣхъ важныхъ дѣлахъ обязанъ сзывать сеймъ, до крайности доведенная независимость общинъ и даже родовъ не мѣшаютъ быть разбойниками. Они мечтаютъ не о развитіи своей гражданской свободы, а о томъ времени, когда они были великими завоевателями, когда они подчинили себѣ Персію и простерли свое господство до Дели. Таковы же и монголы; если ихъ какъ-бы конституціонное устройство приводитъ къ чему-нибудь, то только къ тому, что оно даетъ имъ возможность эксплуатировать болѣе трудолюбивое населеніе и доставлять себѣ, въ ущербъ ему, нѣкоторую, жалкую кочевую роскошь — монгольскія степи едва ли не самая пустынная часть Азіи. Не лучше арабы, не смотря на ихъ сеймики джема, на ихъ мірскія собранія (гумъ). Независимость характера, если ее изучать у Галласовъ Африки, у арабовъ, туркменъ, афгановъ, станетъ очень скоро на одну доску съ раболѣпіемъ, точно такъ же, какъ самоотверженіе, если его изучать на представителяхъ безчисленныхъ сектъ и разбойничьихъ кружковъ мѣстностей застоя; скоро убѣдишься, что главное дѣло не въ томъ, какъ дѣйствуетъ человѣкъ, а во имя чего онъ дѣйствуетъ; земледѣлецъ раболѣпный, униженный, робкій, который заботится только о воздѣлываніи своего поля и о сохраненіи жизни своихъ дѣтей, очень скоро станетъ въ вашемъ убѣжденіи выше всѣхъ этихъ героевъ, и если вы однажды рѣшитесь смотрѣть на вещи такимъ образомъ и цѣнить вредный героизмъ, вредную энергію ниже самаго жалкаго, но полезнаго труженика, то всѣ явленія жизни вамъ будутъ представляться въ другомъ свѣтѣ.

Какъ скоро инстинкты міровой жизни не удовлетворены, то сложившееся общество быстро идетъ подъ гору, сначала страна наполняется

разбойниками, какъ европейская Турція и Греція. При дальнѣйшемъ нравственномъ паденіи осѣдлое населеніе начинаетъ покидать свои поля и города и переходить къ кочеванью. Мы видимъ государства застоя не изъ послѣднихъ, которыя когда-то славились цивилизаціей и густотою населенія и гдѣ осѣдлыми осталась только одна четвертая часть жителей. Очевидно, что тамъ, гдѣ жизнь принимаетъ подобное направленіе, одними формами немного сдѣлаешь, какъ бы хитро онѣ ни придумывались. Процессъ этотъ можетъ довести мѣстность до совершенно дикаго состоянія; въ Азіи примѣръ представляютъ монгольскія степи, въ Америкѣ многія мѣстности, гдѣ находятъ памятники цивилизаціи и гдѣ живутъ теперь одни только дикари. Движеніе это, сколько можно было его наблюдать, не происходило безостановочно въ одномъ направленіи, но представляло постоянныя колебанія въ ту и другую сторону. То замѣчалось сильное стремленіе переходить изъ городовъ и селеній въ кочевой таборъ, то, наоборотъ; чѣмъ чувства и страсти высшей части общества дѣлались менѣе нормальными, тѣмъ сильнѣе колебанія эти направлялись въ сторону кочевую и наоборотъ. Отсутствіе подобныхъ колебаній начинается, можетъ быть, только тогда, когда общество дошло до совершенной дикости, да и тутъ они дѣлаются, по всей вѣроятности, только такъ медленно, что ихъ невозможно замѣтить. Первый періодъ разложенія — переходъ къ разбоямъ, при чемъ разбойники начинаютъ играть политическую роль, — нетолько встрѣчался повсемѣстно въ средніе вѣка, но въ эпохи болѣе близкія къ намъ, во время сильнаго внутренняго ожесточенія, напримѣръ въ XVI вѣкѣ, во время религіозныхъ войнъ, ему подвержены были даже страны, которыя между всѣми отличались своей цивилизаціей. Безсиліе формъ тутъ обнаруживалось въ знаменательныхъ явленіяхъ. Оказывалось, что самые энергическіе централизаторы именно и доводили до подобнаго состоянія; иногда имъ для этого достаточно было одного или немногихъ мѣнъ правленія. Какъ легко общества доходятъ до подобнаго разложенія, видно изъ того, что оно встрѣчается у цивилизованныхъ народовъ, даже въ настоящее время. Современный политическій характеръ разбойниковъ Италіи всѣмъ извѣстенъ. Передъ самымъ началомъ настоящаго столѣтія они взяли Неаполь и посадили на престолъ короля

Жизнь разбойника и кочеваго номада, безъ всякаго сомнѣнія, хуже жизни городскаго или сельскаго жителя, она сравнительно хуже при всякомъ состояніи общества безъ исключенія. Превращеніе оседлаго населенія въ номадовъ потому показываетъ болѣе сильную степень разложенія, что въ это время оседлую жизнь покидаютъ нетолько мужчины, но женщины и дѣти, которые гораздо слабѣе стимулируются неудовлетворенными инстинктами міровой жизни. Въ періоды разложенія подобные переходы дѣлаются далеко не одними бѣдными и окончательно загнанными людьми. Не только люди, пользующіеся нѣкоторымъ довольствомъ, но даже богатые дѣлаютъ подобные переходы. Между тѣмъ и для самаго бѣднаго, подобный переходъ долженъ быть лишеніемъ. Въ самыхъ бѣдныхъ мѣстностяхъ застоя, если вы видите оседлаго человѣка въ жалкомъ

рубище, то номадъ ходитъ совершенно нагой; женщина въ селеніи или городѣ окутывается съ ногъ до головы, а ея сосѣдка въ палаткѣ не стыдится показываться всѣмъ нагою, даже будучи молодою дѣвушкою. Если оседлый человѣкъ ѣстъ плохой хлѣбъ, то его кочевой сосѣдъ питается гадами, насѣкомыми и счастливъ, если можетъ ѣсть молочные скопы, а съѣдать какую нибудь горсть зеренъ въ день для него уже великое благополучіе. Если оседлый человѣкъ живетъ въ жалкомъ шалашѣ, то номадъ въ пещерѣ, или подъ открытымъ небомъ. Вѣчный голодъ, который господствуетъ между бедуинами, породилъ у нихъ понятіе о раѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ они всегда будутъ сыты и Магометъ обѣщалъ имъ райское блаженство, при которомъ они всю свою жизнь будутъ проводить въ томъ, что будутъ вѣчно ѣсть и пить. Въ той же самой мѣстности оседлое населеніе всегда быстрѣе увеличивается, чѣмъ кочевое. Почему же человѣкъ добровольно порождаетъ для себя такое ухудшеніе своего положенія? Его влечетъ туда неудовлетворенный инстинктъ міровой жизни. Человѣкъ дѣлается разбойникомъ, номадомъ точно такъ же, какъ онъ бунтуетъ, какъ онъ прицѣпляется къ преслѣдуемой сектѣ. Онъ не думаетъ о томъ, будетъ ли ему лучше или хуже, онъ недоволенъ; неудовлетворенные инстинкты міровой жизни съ неодолимой силой заставляютъ его искать перемѣны; порядки, которые его окружаютъ возмущаютъ его чувство; будь что будетъ, а онъ не хочетъ болѣе жить въ этихъ порядкахъ и выходитъ изъ нихъ. Онъ переноситъ всѣ лишенія новаго своего положенія и не хочетъ улучшить свой бытъ, возвращаясь къ старому, потому что своимъ протестомъ онъ успокоилъ свои возмущенные инстинкты. Нѣльзя сказать, чтобы безпокойное стремленіе, порожденное неудовлетворенными инстинктами, вполнѣ обманывало человѣка въ этомъ случаѣ Въ кочевой жизни онъ какъ бы успокоивается, онъ пріобрѣтаетъ чувство своего достоинства, въ немъ снова является возможность нормальнаго развитія, которая уже совершенно изчезла. Въ мѣстностяхъ, гдѣ происходитъ подобное разложеніе, долины, гдѣ живетъ оседлое населеніе, называютъ мѣстами несправедливости, а степи номадовъ — странами независимости. Самыя трудности кочевой жизни укрѣпляютъ его нервы и возвышаютъ его нравственную силу. Замѣтивъ свое превосходство, замѣтивъ вліяніе свое на окружающихъ, кочевое племя пытаетъ счастье, не удастся ли ему установить нормальный общественный порядокъ. Этотъ круговоротъ продолжается до тѣхъ поръ, пока на сценѣ исторической появится племя съ дѣйствительно бо́льшими способностями, чѣмъ его предшественники. Громадные перевороты подобнаго рода извѣстны самому поверхностному знатоку исторіи, но менѣе значительные изчезаютъ отъ его наблюденій, даже въ цѣлыхъ государствахъ, не говоря объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Персія для него все по прежнему Персія и въ ней все тотъ же шахъ; вина тутъ, конечно, не на сторонѣ диллетантовъ въ исторіи, а на сторонѣ историческихъ дѣятелей, которые, смѣняя другъ друга, идутъ по старой дорожкѣ и не представляютъ ничего поучительнаго, кромѣ печальныхъ послѣдствій неумѣнья пользоваться предшествовавшимъ опытомъ. Для поверхностнаго наблю-

дателя тутъ происходило дѣйствительно чтото аналогическое съ естественнымъ подборомъ родичей. Былъ естественный подборъ цивилизаторовъ, подборъ не успѣшный, потому что на огромныхъ пространствахъ, гдѣ расположены государства застоя и общества дикарей, цивилизаціи только изчезали и, послѣ непродолжительнаго существованія, затоплялись варварствомъ, вмѣсто того, чтобы уничтожать менѣе совершенное и вполнѣ замѣнять его собою. Причину разгадать не трудно. Община людей, превосходящихъ по своимъ способностямъ все, что ихъ окружаетъ и даже превосходящихъ сосѣдей во всѣхъ отношеніяхъ по своему развитію, кромѣ всего этого должна еще быть многочисленна, даже для того, чтобы удержаться, не говоря уже о замѣнѣ собою другихъ тамъ, гдѣ могло бы жить въ десять и въ сто разъ болѣе людей,—о замѣнѣ можетъ говорить только неразвитой человѣкъ. Исторія показываетъ, что природныя способности и развитіе составляютъ самую незначительную часть тѣхъ условій, при которыхъ народъ можетъ сдѣлаться цивилизованнымъ и цивилизаторомъ. Арабамъ удалось это на короткое время; до и послѣ того они жили тысячи лѣтъ, это былъ тотъ же народъ, ихъ способности были такія же, однакоже ни разу не соединялось достаточно благопріятныхъ условій, чтобы породить между ними цивилизацію и тяжкая борьба за существованіе не развивала въ нихъ тѣхъ способностей, которыхъ существованіе они доказали несомнѣнно. Я не берусь разсуждать объ условіяхъ развитія животныхъ породъ и о томъ, отъ чего однѣ породы плодились, а другія уничтожались, но относительно людей благопріятныя условія для развитія имѣютъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ природныя способности и большія силы; создавать эти благопріятныя условія, вотъ о чемъ мы должны всего болѣе заботиться.

Рѣдкость условій, при которыхъ люди могли создавать большія и прочныя общества, побуждала ихъ стремиться всѣми силами сохранить, однажды созданное, подобное общество. Инстинкты міровой жизни служили въ этомъ случаѣ могучими стимулами. Кромѣ формъ централизаціи, о значеніи которыхъ мы уже говорили, они употребляли различныя, весьма энергическіе пріемы, которые должны были въ дополненіе къ формамъ цементировать общество и составлять изъ него плотную, неразрушимую массу. Оказывалось однакоже, что если эти пріемы не давали инстинктамъ міровой жизни здоровой пищи и старались не питать, а обманывать ихъ, то они точно такъ же, какъ и формы безъ надлежащаго содержанія, тѣмъ скорѣе доводили общество до разложенія, чѣмъ сильнѣе они дѣйствовали. На первомъ планѣ между этими мѣрами стоитъ лесть и то, что обыкновенно называютъ раболѣпіемъ. Люди, которые на все на свѣтѣ смотрятъ съ узкой точки зрѣнія и не могутъ смотрѣть ни съ какой другой, видятъ въ проявленіяхъ лести, только одно желаніе возвыситься, заслуживая расположеніе сильнаго; въ исторіи однакоже лесть и раболѣпіе принимаютъ совершенно другой видъ. Тутъ обнаруживается даже, что отдѣльная личность никогда не можетъ возвыситься лестью, если начало лести не одобряется обществомъ, въ качествѣ великаго объединяющаго государственнаго начала. Если отдѣльный царедворецъ льститъ

своему государю и унижается передъ нимъ, то онъ этимъ вредитъ всѣмъ остальнымъ придворнымъ и вельможамъ, потому что развиваетъ заносчивость и увеличиваетъ требовательность государя. Они будутъ переносить такой образъ дѣйствія только тогда, когда онъ будетъ соотвѣтствовать ихъ воззрѣніямъ на условія государственнаго управленія. Они всегда будутъ видѣть въ немъ зло и вредъ для себя, но вредъ, котораго они не могутъ избѣжать, не разрушая своей собственной системы. Всякій царедворецъ въ государствахъ застоя знаетъ, что государь не въ состояніи его защитить противъ всеобщаго негодованія, что государи постоянно должны были выдавать своихъ любимцевъ на казнь или на жертву разъяренной толпѣ, когда ихъ дѣятельность была не по шерсти вельможамъ и они производили серальныя революціи. Вельможи очень часто окружали государей самой раболѣпной лестью, въ то время, когда они заставляли ихъ всю жизнь дѣйствовать противъ своихъ чувствъ и самыхъ дорогихъ своихъ убѣжденій. Афектація и шумъ, съ которыми цѣлые народы предавались самой раболѣпной лести, для человѣка, сколько нибудь глубоко вникавшаго въ дѣло, рѣшительно не допускаютъ никакого другого объясненія, кромѣ всеобщаго убѣжденія народныхъ руководителей въ необходимости такой политики для объединенія общества, и мысль эта сдѣлается еще болѣе ясною, если сравнить подобныя движенія съ проповѣдью религіознаго раболѣпія, которое относится къ божеству, не раздающему ни чиновъ, ни имѣній. Однакоже посмотримъ, къ чему приводилъ этотъ пріемъ цементировать общество.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Государства застоя.—Результаты политики лести въ качествѣ объединяющаго принципа — Просвѣщеніе, какъ орудіе централизаціи. — Какимъ образомъ ложное воззрѣніе на величіе и гибельное вліяніе вещей губило самостоятельную мысль. — Что выходило, если при этомъ люди брались за дѣло, къ которому они не способны.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Неоднократно исторія представляетъ намъ картину народовъ, которые считали себя имѣющими великое призваніе и которые, для достиженія своей великой цѣли, считали необходимымъ какъ можно крѣпче сложить свой государственный союзъ. Это страстное желаніе доводило ихъ нерѣдко до энергической политики лести. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и лучше другихъ извѣстный намъ примѣръ представляетъ римская имперія. Распространить античную цивилизацію по лицу тогдашняго міра, вотъ въ чемъ римляне видѣли свое великое призваніе; но междоусобныя

войны между могущественными правителями областей, обнимавшихъ многія царства, грозили разрушить все зданіе, и римляне покорились императорамъ, которые должны были служить для всего государства связывающимъ узломъ. Чтобы сдѣлать императора дѣйствительно способнымъ на такую роль, они старались поставить его въ глазахъ всего народа на неизмѣримую высоту, наконецъ даже сдѣлать изъ него бога. Римскій сенатъ и римское высшее сословіе проповѣдывали эти чувства съ рѣдкой энергіей; въ легіонахъ, въ провинціяхъ они успѣли ихъ глубоко укоренить въ очень скоромъ времени. Народныя массы и солдаты легіоновъ преслѣдовали съ фанатизмомъ, иногда съ рѣдкимъ въ исторіи звѣрствомъ, все, что сопротивлялось подобному воззрѣнію и не усвоило себѣ этихъ чувствъ. Что же однако изъ этого вышло? Первое послѣдствіе лести заключается въ томъ, что она мѣшаетъ размѣщенію людей по годности и ставитъ тѣхъ, которымъ льстятъ, въ самое злополучное положеніе. Ни въ какомъ случаѣ ложное и обманчивое удовлетвореніе инстинктамъ міровой жизни не доводилось до такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ при такой системѣ, а потому здѣсь всего удобнѣе его изучать точно такъ же, какъ самый удобный случай для изученія вліянія вещей намъ представили общества застоя, гдѣ высшая часть общества подвергалась ихъ исключительному дѣйствію. Въ первое время, когда римляне съ наибольшимъ увлеченіемъ предавались этой системѣ, мы видимъ императоровъ, которыхъ безобразіе пріобрѣло слишкомъ громкую извѣстность, напр.: Калигулу, Клавдія, Нерона. Для самаго неглубокаго наблюдателя дѣлается очевиднымъ, до какой степени крайне неблагоразумна эта система и какъ разрушительно она дѣйствуетъ на то общество, которое она предназначена была цементировать. Непомѣрно возвеличивая людей за богатство, римляне дошли того, что вмѣстѣ съ цивилизаціей они всюду разносили рабство и правой рукой они заглушили то, что плодили лѣвой; они внесли въ сердце своего общества неудержимый источникъ разложенія и теперь выдумали поправлять дѣло, дѣлая удовлетворенія инстинктовъ міровой жизни еще болѣе искусственнымъ. Интересно разбирать, какую жизнь они приготовили тѣмъ, которые всего болѣе возвышались подобной системой. Вотъ передъ вами Неронъ, въ чемъ вся суть его жизни—онъ воображаетъ себя великимъ артистомъ, человѣкомъ одареннымъ въ высшей степени чувствомъ и способностью къ изящному и который на этомъ сосредоточивается со страстью, доходящей до маніи. Если человѣкъ имѣетъ дѣйствительную способность къ пѣнью, музыкѣ и проч., то это дѣйствительно увеличиваетъ размѣры его ощущеній и его счастья, увеличиваетъ потому, что у него существуетъ дѣйствительная сила, которая получаетъ случай проявиться. Но если силы этой нѣтъ, а онъ только воображаетъ, что она существуетъ, то увеличится ли его счастье, если льстецы будутъ его поддерживать въ этомъ убѣжденіи. Всякому нетрудно понять, что если я молчалъ, то хотя бы весь міръ увѣрялъ меня, что я спѣлъ превосходную арію и хотя бы я самъ былъ совершенно твердо въ этомъ увѣренъ, но ощущенія, которое доставляетъ превосходная арія, я все-таки не получилъ, и душа моя будетъ одинаково

апатична и до и послѣ подобной увѣренности. Впечатлѣніе превосходной аріи я не получилъ тогда, когда я спѣлъ дурно, а если я при этомъ увѣренъ, что спѣлъ геніально, то это показываетъ, что я вовсе не способенъ его получить даже изъ чужихъ устъ. Увѣренность Нерона въ томъ, что онъ былъ великій артистъ, въ то время, когда онъ былъ въ этомъ отношеніи самая жалкая посредственность, показываетъ яснѣе дня, что всѣ тѣ праздники и драгоцѣнныя сооруженія, которыми онъ раззорялъ свою имперію и для которыхъ онъ совершалъ свои жестокости, могли порождать въ его душѣ только безжизненную апатію потому, что относились къ свойству, которое въ немъ было совершенно неспособно къ развитію. Если бы Неронъ всю свою жизнь ѣздилъ верхомъ на палочкѣ, воображая, что онъ дѣлаетъ великое дѣло, и что никто въ мірѣ не можетъ съ нимъ сравняться, потому что никто не способенъ только ѣздить на палочкѣ, то онъ былъ бы неболѣе и неменѣе счастливъ, чѣмъ онъ былъ, раззоряя свое государство своими прихотями и обливая его кровью. Но если бы тотъ же самый Неронъ занималъ въ жизни настоящее свое мѣсто, если бы развивалъ въ себѣ тѣ способности, которыя дѣйствительно могли у него развиться, то счастье его постоянно бы увеличивалось, между тѣмъ какъ теперь плодоносныя свои способности онъ оставлялъ неразвитыми изъ презрѣнія къ нимъ, и онъ нетолько не увеличивалъ, но постоянно уменьшалъ свое счастье, все далѣе погрязая въ той тинѣ, въ которую влѣзъ. Если бы, развивая свои способности, онъ въ тоже время жилъ міровою жизнью и старался дѣлать изъ нихъ наиболѣе полезное для людей употребленіе, то жизнь его украсилась бы развитіемъ и дѣйствительнымъ удовлетвореніемъ инстинктовъ міровой жизни; онъ прожилъ бы по всей вѣроятности долго, и счастье его приняло бы наибольшіе размѣры, какіе оно при свойствахъ его природы способно было принять. Теперь же инстинкты міровой жизни, которые получали у него пищу самую искусственную, доведены были этимъ до самаго страстнаго и болѣзненнаго раздраженія, они сдѣлались источникомъ безпокойной и ужасной дѣятельности столькоже мучительной для него, сколько и гибельной для всего человѣчества, которая приготовила ему преждевременный и мрачный конецъ. Исторія первыхъ римскихъ императоровъ представляетъ намъ одинъ изъ самыхъ ужасныхъ примѣровъ послѣдствій политики лести. Ихъ душевныя свойства такъ болѣзненно искажались, что они были болѣе похожи на бѣжавшихъ изъ дома умалишенныхъ, чѣмъ на здравыхъ людей, и одинъ за другимъ погибали самой ужасной смертью. Втеченіе тридцати трехъ лѣтъ восемь первыхъ императоровъ, начиная Тиверіемъ, одинъ за другимъ погибали насильственной смертью, и все высшее общество влачило жалкую жизнь среди безпрерывныхъ конфискацій, отравленій и ужасныхъ казней. Анализъ жизни этихъ людей всего яснѣе убѣждаетъ насъ, какъ жестоко ошибаются тѣ, которые увѣрены, что искусственное удовлетвореніе инстинктамъ міровой жизни способно дѣйствительно увеличивать счастье человѣка и которые не могутъ понять, что если человѣку богатому и имѣющему большую власть это богатство и эта власть мѣшаютъ нормально развивать способности и правильно

удовлетворять инстинктамъ міровой жизни, то онъ будетъ гораздо менѣе счастливъ, чѣмъ въ бѣдности, если его способности будутъ развиваться, а инстинкты міровой жизни получать здоровую пищу. Римляне скоро увидѣли, что они своей системой лести привели свою имперію на край пропасти. Но всѣ ихъ чувства и міровоззрѣнія были до такой степени искажены, что они были совершенно неспособны дать своимъ инстинктамъ міровой жизни здоровую пищу. Не смотря на всѣ свои недостатки, они однакоже чувствовали, что имѣютъ нѣкоторое нравственное превосходство надъ большинствомъ варваровъ, населявшихъ тогдашній міръ, они все еще были цивилизаторами, и въ нихъ живо было желаніе спасти свое государство, т. е. то орудіе, которое имъ давало средство цивилизировать. Но для достиженія этой цѣли, они видѣли только одно средство—надо хорошаго императора. На это у нихъ достало душевной силы, и послѣ ряда насильственныхъ умерщвленій и сверженій съ престола они достигли того, что въ Римѣ воцарилось дѣйствительно способное семейство Веспасіана. Тутъ мы видимъ явленіе другаго рода, примѣръ того, какъ отражается система лести на дѣйствительно способныхъ людяхъ. Самый способный изъ семейства Веспасіана былъ Домитіанъ. Такъ какъ онъ былъ умнѣе Нерона, то онъ не былъ способенъ довольствоваться грубой поддѣлкой впечатлѣнія на людей, онъ хотѣлъ производить дѣйствительное впечатлѣніе, а такъ какъ искусственно онъ былъ поднятъ неизмѣримо высоко надъ всѣми смертными, то естественно въ немъ должна была зародиться потребность производить впечатлѣніе, соотвѣтствующее этому величію. Но чувства всѣхъ его окружающихъ были до того уродливы, что онъ понималъ, что подобное впечатлѣніе онъ можетъ произвести только военными подвигами. Оказалось однакоже, что къ этого рода подвигамъ онъ именно и не способенъ. Послѣ ряда неудачъ, онъ впалъ въ самое мрачное озлобленіе и сдѣлался великимъ, облитымъ кровью тираномъ. Про Нерона непроницательный человѣкъ могъ бы еще подумать, что онъ наслаждался жизнью въ то время, когда милльоны ради его страдали, но про Домиціана никто не можетъ этого сказать, даже разврату онъ предавался съ какимъ-то озлобленіемъ. Это мрачная фигура генія зла, который мучитъ и себя и другихъ, который съ тѣмъ большимъ цинизмомъ и озлобленіемъ терзалъ міръ, чѣмъ болѣе онъ страдалъ и тѣмъ болѣе онъ страдалъ, чѣмъ озлобленнѣе онъ терзалъ другихъ. Римлянамъ пришлось испытать второе, жестокое разочарованіе. Въ падающемъ Греко-Римскомъ обществѣ гибельное вліяніе вещей показалось въ новомъ фазисѣ. Умственное и нравственное развитіе въ имперіи продолжалось потому, что прежняя жизнь грековъ и римлянъ слишкомъ ощутительно показала имъ, какъ велико то счастье, которымъ можетъ награждать эта жизнь человѣка и насколько она богаче ощущеніями, чѣмъ жизнь, находящаяся подъ вліяніемъ вещей. Но возвеличеніе людей за богатство и выросшее отсюда міровоззрѣніе, которое превратило лесть въ соціальную систему, сдѣлались до такой степени ниодолимымъ препятствіемъ для умственнаго и нравственнаго развитія, что оно сосредоточилось на мелочныхъ деталяхъ въ то время, когда глубокія

чувства заростали лѣсомъ плевелъ. Взаимное обращеніе между равными сдѣлалось утонченно деликатнымъ, но это не мѣшало этимъ деликатнымъ людямъ быть самыми жалкими мошенниками. Проповѣдывалось болѣе гуманное обращеніе съ женщинами, съ рабами; проповѣдь эта имѣла такое сильное вліяніе на общественное мнѣніе, что встрѣчаются горькіе жалобы на нахальство, которое пріобрѣли рабы отъ мягкаго съ ними обращенія, и на распутство женщинъ вслѣдствіе слабости мужчинъ. Проповѣдывалась неслыханная дотолѣ идея о правѣ всѣхъ на свободу и о необходимости уничтоженія рабства и проповѣдывалась съ такою энергіею, что произвела сильное возстаніе. Проповѣдывалась равноправность. Всѣ эти идеи имѣли сильное вліяніе на умы, но результатъ ихъ оказывался самымъ ничтожнымъ. Эманципація женщины не пріучила ее жить міровою жизнью, а сдѣлала изъ нее развратницу. Въ рабѣ признали личность человѣка, которую за извѣстнымъ предѣломъ даже не могъ безнаказанно оскорблять его господинъ. Посредствомъ учрежденія колоната, гдѣ рабъ земледѣлецъ неразрывно связывался съ землею, старались обезпечить судьбу рабочаго человѣка. Разрушалось грубое воззрѣніе римскихъ гражданъ на свои привилегіи, и права ихъ распространялись все въ болѣе обширномъ кругу. Римляне дошли до того, что стали даже понимать солидарность человѣческихъ интересовъ и такъ осязательно доказывали, напримѣръ, невыгоду рабства для самихъ рабовладѣльцевъ, что многіе въ этомъ убѣждались. Наконецъ христіанство, распространяясь, внушало болѣе широкое и гуманное воззрѣніе на отношеніе между людьми. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти идеи не дѣйствовали, они удерживали отъ паденія, и, какъ извѣстно, даже населеніе въ римской имперіи увеличивалось. Но въ странѣ, гдѣ общественное мнѣніе такъ возвеличивало за богатство, какъ въ Римѣ, это было ничтожное оружіе въ борьбѣ съ разрушительнымъ вліяніемъ вещей и искусственныхъ потребностей. Замѣчательно, что римляне очень хорошо чувствовали, гдѣ кроется зло, они прямо говорили, что ихъ общество гибнетъ отъ страсти къ роскоши и отъ богатыхъ имѣній, но, проповѣдуя противъ роскоши, они все-таки продолжали возвеличивать человѣка за богатства и восхищались той изящной жизнью, которая свела съ ума Нерона и такъ могущественно дѣйствовала на все, что окружала этого государя. Они вполнѣ были убѣждены, что истинное счастье жизни заключается именно въ этомъ родѣ ощущеній. Отъ такихъ чувствъ они до конца не были въ состояніи отстать, и ихъ душевныя силы все болѣе и болѣе ослабѣвали, ихъ оставило мужество, которымъ они прежде такъ славились, ихъ умственная дѣятельность выродилась въ мелкую, безплодную ученость, ихъ законодательныя мѣры доказывали только безсиліе формъ въ борьбѣ съ чувствами и міровоззрѣніями. Христіанство быстро превратилось въ формальную религію, которая сдѣлалась бичемъ остатковъ просвѣщенія и умственной жизни. Наконецъ всѣми овладѣло жалкое, но истинное убѣжденіе, что они не въ состояніи болѣе быть цивилизаторами; обширность имперіи, которую они сначала такъ страстно старались сохранять и распространять, казалась имъ бременемъ, и чувство міровой жизни такъ низко

въ нихъ опустилось, что они приравнивались къ дикарямъ самой низкой культуры. Подобно этимъ дикарямъ, императоры стали смотрѣть на имперію, какъ на помѣстье, и дѣлили ее между дѣтьми.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Если формамъ нельзя было придать силы посредствомъ искусственнаго удовлетворенія инстинктовъ мировой жизни, то оставалось еще одно болѣе дѣйствительное средство—это просвѣщеніе. Относительно просвѣщенія можно сказать тоже, что о земледѣльческой и кочевой жизни народовъ — для того, чтобы они явились, необходимо извѣстное совпаденіе природныхъ наклонностей съ благопріятными обстоятельствами. Отъ чего такъ называемые кабилы и берберы, по большей части, осѣдлые земледѣльцы и мало между ними кочевыхъ, а арабы кочуютъ въ такомъ значительномъ числѣ. Горы сѣверной Африки и степи Сахары одинаково способны были охранять отъ руки сильныхъ завоевателей, степи даже болѣе горъ; отъ чего же болѣе пристрастные къ свободѣ кабилы выбрали горы, а болѣе способные подчиняться арабы разсѣялись по степямъ. Въ горахъ пастушеская жизнь точно также естественна, какъ и въ степяхъ; въ Европѣ, напримѣръ въ Швейцаріи, въ Италіи вы ее встрѣчаете въ горахъ, тамъ, гдѣ долины воздѣланы самымъ тщательнымъ образомъ; почему же кабилы стараются въ своихъ горахъ вездѣ быть земледѣльцами, а не пастухами. Нельзя объяснить это древностью ихъ происхожденія въ странѣ, гдѣ существовала цивилизація уже тысячи лѣтъ тому назадъ; туареги, повидимому, такого же древняго происхожденія, однакоже, они разсыпались по степямъ Сахары, имѣютъ скотоводство оригинальныхъ породъ, но въ своихъ гористыхъ и лѣсистыхъ притонахъ не имѣютъ другого хлѣба, кромѣ того, который ими награбленъ. Ясно, что осѣдлыми сдѣлали кабиловъ нетолько природныя обстоятельства, но и наклонности къ земледѣлію. Такимъ образомъ и просвѣщеніе могло являться только тогда, когда народъ съ болѣе сильной наклонностью къ интеллектуальному развитію посредствомъ завоеванія или другимъ путемъ поселялся въ мѣстности, гдѣ онъ входилъ въ тѣсныя сношенія съ племенемъ уже цивилизованнымъ. При подобныхъ обстоятельствахъ оно иногда проникало во всѣ слои общества. Особенно благопріятствовали такому его распространенію во всемъ народѣ религіи буддистовъ и магометанъ. Распространеніе грамотности могло сдѣлаться несравненно болѣе дѣйствительнымъ орудіемъ централизаціи и объединенія, чѣмъ всѣ тѣ формы и пріемы, о которыхъ мы говорили. Съ ея помощью можно было создать прочный и неизгладимый слѣдъ дѣятельности должностныхъ лицъ и посредствомъ статистическихъ пріемовъ приводить въ извѣстность состояніе страны. Пріемъ этотъ былъ такой сильный, что здраво чувствующее меньшинство высшихъ слоевъ общества могло держать въ порядкѣ большинство этихъ высшихъ слоевъ. Въ Азіи есть мѣстности, гдѣ мы встрѣ-

чаемся съ такой укоренившейся въ грамотномъ населеніи привычкой къ порядку, что тамъ каждый писецъ по природѣ своей бухгалтеръ своему расходу, который едва составляетъ нѣсколько жалкихъ рублей въ мѣсяцъ, онъ ведетъ бухгалтерскую книгу со многими графами, итогами и транспортами, населеніе до того привыкшее къ письменному производству, что они постоянно настаиваютъ, чтобы каждое слово, произнесенное на судѣ, было записываемо. Въ каждой деревнѣ подробное исчисленіе ея земель съ кадастровымъ описаніемъ. При подобныхъ привычкахъ взаимный контроль мѣстныхъ властей дѣлался несравненно болѣе дѣйствительнымъ. Одинъ честный человѣкъ могъ обуздывать все мѣстное начальство. Въ центрѣ управленія можно было составить себѣ болѣе подробное и отчетливое понятіе о состояніи отдѣльныхъ мѣстностей, чѣмъ имѣло большинство изъ тѣхъ, которые жили въ этихъ мѣстностяхъ. Нѣсколько честныхъ людей, посланныхъ на мѣсто для ревизіи и переписки, могли служить весьма дѣйствительными орудіями порядка и обузданія. Но гибельное вліяніе вещей и чувствъ, возвеличивающихъ людей за богатство, оказывалось до того могущественнымъ, что даже подобное орудіе, при которомъ незначительное, но здравое меньшинство изъ числа сильныхъ могло исправлять большинство этихъ сильныхъ, оказывалось совершенно недѣйствительнымъ для спасенія общества отъ разложенія. Подобнаго здраваго меньшинства не оказывалось, переписи, кадастры, многописаніе дѣлались самыми могущественными орудіями угнетенія. Привычки аккуратности исчезли, бумага говорила только наглую ложь, отбрасывалась народами нетолько, какъ негодное орудіе, но какъ могущественное средство угнетенія, и предпочиталась быстрая словесная, хотя и несправедливая, расправа и анархическій сборъ податей безъ народныхъ переписей и кадастровъ. Въ исторіи нѣтъ болѣе краснорѣчиваго факта противъ обожанія богатыхъ за блескъ и великолѣпіе, и обезсиливающаго всѣ слои народа вліянія роскоши. Мы видимъ, что народы подымались и падали, смотря по степени здравости, съ которою они удовлетворяли своимъ инстинктамъ міровой жизни; соціальныя и политическія ихъ формы нетолько не могли способствовать этому возвышенію и паденію, но въ сущности оставались тѣ же; тѣ же самыя формы мы видимъ въ пятидесятыхъ годахъ въ полномъ развитіи во Франціи. Это показываетъ, съ одной стороны, какъ туго формы способны измѣняться и какъ ничтожно ихъ значеніе въ исторіи народнаго развитія.

Можетъ быть, наиболѣе доступный нашему наблюденію періодъ распространенія просвѣщенія въ мѣстностяхъ застоя представляетъ собою время, которое можно, пожалуй, назвать эпохой арабской цивилизаціи. Монголы и турки дали намъ примѣръ, какъ заразительна любовь къ жестокости: монголы даже японцевъ пріучили считать головы убитыхъ непріятелей, а турки пріучили даже сосѣднихъ съ ними румынъ, венгровъ и славянъ сажать людей на колъ тысячами; точно также арабы заражали всѣхъ любовью къ наукѣ, подъ вліяніемъ ихъ примѣра ею увлеклись племена степей туранской низменности, разнородное населеніе, разсыпанное на огромномъ пространствѣ между Индомъ, Болоръ-Тагомъ и

Тигромъ, населеніе передней Азіи, сѣверной Африки и Испаніи. Въ началѣ даже турки, монголы не избѣгли этого могущественнаго впечатлѣнія, это были для нихъ лучшія времена. Какъ глубоко это стремленіе проникало въ народъ, видно изъ того, что до сихъ поръ стремленіе учиться распространено въ массѣ народа въ могаметанской Азіи и сѣверной Африкѣ. Оно такъ укоренилось, что въ самыхъ глухихъ мѣстахъ сѣверной Африки, въ пустыняхъ Сахары принадлежность каждой общины составляютъ учитель — медересъ и муедзинъ, сзывающій къ молитвѣ [1]). Природная способность арабовъ была первой причиной распространившагося между ними просвѣщенія; персидское, византійское, испанское и итальянское образованіе, съ которымъ они имѣли столько случаевъ познакомиться, было второю изъ этихъ причинъ. Третьей причиной былъ духъ соперничества. Когда древніе персы завоевали Азію, тогда они возстановляли способныхъ и угнетенныхъ, и угнетали сильныхъ и опошлившихся завоевателей. Такой пріемъ далъ имъ возможность основать обширное и прочное государство, но, къ ихъ несчастью, они его слишкомъ скоро позабыли. Арабы дѣйствовали въ началѣ точно также. Они скоро поняли, какую выгоду они могли извлечь, освобождая отъ гнета притѣсненныхъ сектаторовъ и поощряя людей науки, забитыхъ и угнетаемыхъ грубымъ духовенствомъ, стремившимся въ Персіи, Византіи и въ Испаніи водворить исключительное господство самой узкой теологіи; они очень хорошо знали, что отъ гоненій невѣжественнаго, но сильнаго персидскаго и христіанскаго духовенства ученые давно уже разбѣгались къ врагамъ. Эта политика была до такой степени естественная, что даже турки придерживались ее въ началѣ. Она у арабовъ принесла лучшіе плоды, отчасти вслѣдствіе природныхъ ихъ способностей, а отчасти и потому, что имъ не удалось завоевать всей византійской имперіи, имъ не пришлось подобно туркамъ, опираться на тѣ же самые негодные элементы, на которыхъ держалась прежняя имперія, напротивъ, имъ пришлось поощрять элементы оппозиціонные и враждебныя византійскому и персидскому правительствамъ; а въ числѣ этихъ элементовъ на первомъ планѣ стояли всѣ обожатели умственной жизни и языческой науки. Они были ненавистны духовенству господствующей религіи и всему, что заискивало при дворѣ, гдѣ это духовенство успѣло поселить самое грубое суевѣріе. Въ Персіи, не смотря на могущественное духовенство, царство рутины, по видимому, не успѣло даже пріобрѣсти ту силу, которую оно пріобрѣло въ Византіи. Въ пятомъ вѣкѣ тамъ Моздакъ проповѣдывалъ общность имущества и женъ, и его ученіе имѣло такое большое вліяніе въ высшемъ сословіи, что порождало даже государственные перевороты. Существованіе соціальныхъ идей въ высшихъ слояхъ общества вездѣ служи-

---

[1]) Въ глухихъ мѣстахъ Сахары встрѣчаются несравненно болѣе ревностные магометане, чѣмъ у прибрежья, но кочующіе арабы нерѣдко дичаютъ, забываютъ обряды своей религіи, пренебрегаютъ ими, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пренебрегаютъ и школой, но именно эти явленія показываютъ, какъ прежде были распространены школы между мусульманами. община только въ той мѣрѣ пренебрегаетъ школой, въ которой ея члены дѣлаются плохими мусульманами.

ло признакомъ работы самостоятельной мысли. Работой самостоятельной мысли объясняется также, почему Персія менѣе подчинилась религіозному воззрѣнію арабовъ, чѣмъ другія страны христіанъ и огнепоклонниковъ, почему она сдѣлалась сначала средоточіемъ секты шіитовъ, а наконецъ, образовала отдѣльное шіитское государство. Изъ Персіи и съ персіянами пришли калифы, которые всего болѣе прославились, какъ покровители наукъ. Люди самостоятельные изъ Византіи давно наводняли и Аравію и побуждали Магомета воспрещать преслѣдованіе христіанъ. Интеллектуальные элементы изъ враждебныхъ арабамъ христіанскихъ государствъ еще и потому пріобрѣтали у нихъ большое значеніе, что они учили ихъ пользоваться выгодами завоеваннаго края, управлять имъ и знакомили ихъ съ слабыми сторонами ихъ враговъ. Но сами арабы дѣлали завоеванія во имя религіи, поэтому въ ихъ исторіи встрѣчаются, повидимому, несогласныя противорѣчія, то варварскія религіозныя гоненія, то поощреніе христіанъ и въ особенности ученыхъ. Тамъ, гдѣ имъ, какъ напримѣръ въ Египтѣ, пришлось опираться на массы, нерасположенныя къ ученымъ, они обнаруживаютъ даже способность гнать науку. Впрочемъ, сомнительно являлись ли арабы когда-либо гонителями науки; несомнѣнно, что они являлись гонителями теологическихъ споровъ и сжигали теологическую полемику у христіанъ и огнепоклонниковъ съ тѣмъ же усердіемъ, съ которымъ Стенька Разинъ сжигалъ дѣла. Это было у населенія такое же наболѣвшее мѣсто. Если, не смотря на противорѣчіе въ ихъ стремленіяхъ, наука такъ привилась у арабовъ, то въ этомъ значительную роль играетъ плохая организація духовенства; настоящая плотная организація суннитскаго духовенства улемовъ образовалась только у турокъ, но за то же, создавъ изъ себя великую силу, она и убила науку. При обсужденіи этихъ явленій постоянно не надо упускать изъ виду роль природныхъ способностей — наука, къ которой арабы были такъ способны и склонны до нѣкоторой степени, разлагала іерархію духовенства, какъ вода разлагаетъ камень, и не давала ей составить плотную, мертвую массу. Арабскіе государи иногда были плохими магометанами. Арабское духовенство никогда не было въ состояніи, подобно турецкому, уничтожить значеніе христіанъ. Въ Египтѣ, напримѣръ, въ концѣ X вѣка Азиръ женился на христіанкѣ, и самыя важныя мѣста въ государствѣ заняты были христіанами. Когда его наслѣдникъ Гакемъ продолжалъ слѣдовать той же политикѣ, тогда мусульмане взбунтовались, но были такъ слабы, что были побѣждены. Въ XII вѣкѣ христіанство даже стало сильно распространяться по Нилу и проникло до Абиссиніи. Въ Сиріи существовали мѣстности, куда мусульманъ даже не пускали. Когда явились въ Азію крестоносцы, то христіане сначала бросились къ нимъ, какъ къ своимъ единовѣрцамъ, тѣмъ болѣе, что турки, которые прибрали тогда управленіе къ своимъ рукамъ, оказывались болѣе суровыми правителями, чѣмъ арабы. Однакоже, вскорѣ даже въ Іерусалимѣ азіатскіе христіане стали сожалѣть о господствѣ магометанъ. Въ Дамаскѣ поборы крестоносцевъ такъ не понравились, что жители призывали турокъ, какъ избавителей. Христіанскій герой, Ричардъ-Львиное сердце,

рѣзко отличался своею жестокостью и грубостью отъ завоевателя Іерусалима Турка Саладина, который считалъ недостойнымъ цивилизаціи своего народа отвѣчать ему на жестокость равной жестокостью. Нравы западныхъ христіанъ и восточныхъ мусульманъ того времени рѣзко охарактеризовались, когда тампліеры послали султану Камелю извѣстіе о путешествіи императора Фридриха къ Іордану и убѣждали его схватить и убить императора, и когда Камель отослалъ къ Фридриху письмо тампліеровъ. Разъ брошенное такимъ образомъ сѣмя поддерживалось, вслѣдствіе зародившихся отъ него чувствъ и міровоззрѣнія. Какъ это дѣлалось, легче всего пояснить сравненіемъ. У арабовъ, кочующихъ въ Сахарѣ, господствуетъ всеобщее убѣжденіе, что стыдно трудится, они презираютъ трудящихся въ долинахъ Алжира, потому что тѣ должны добывать тяжелымъ трудомъ то, что Богъ даетъ номадамъ самъ безъ всякаго ихъ труда, они избранный Богомъ народъ. Тамъ, гдѣ безъ труда нельзя обойдтись, они пріобрѣтаютъ рабовъ. При такомъ воззрѣніи кочевому арабу очень трудно приняться за работу, даже если эта работа будетъ выгодна. Для всякаго изъ насъ ясно, что такое настроеніе менѣе всего способно плодить счастье въ какомъ бы то ни было изъ слоевъ кочеваго арабскаго общества. Рядомъ съ ними у кабиловъ существуетъ взглядъ на жизнь прямо противуположный, у нихъ презираютъ лѣнь, тамъ для пріобрѣтенія общественнаго уваженія необходимо быть человѣкомъ трудолюбивымъ. Вслѣдствіе этого мы видимъ, что у кабиловъ воздѣлываютъ поля на самыхъ неприступныхъ горахъ, промышленность существуетъ въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, долины кишатъ народомъ, какъ муравейникъ. Все это существуетъ при весьма неблагопріятныхъ для труда условіяхъ, во первыхъ въ дикихъ горахъ, крайне затрудняющихъ и сообщенія и обработку, а за тѣмъ при такомъ отсутствіи честности и безопасности, что у кабиловъ платятъ за занятый капиталъ до пятидесяти процентовъ въ мѣсяцъ. Путешественники правда замѣчаютъ, что у кабиловъ болѣе обнаруживается честности и безопасности, чѣмъ у арабовъ, кабилъ правдивѣе, онъ удерживается отъ воровства, по крайней мѣрѣ, въ своей деревнѣ. Ихъ обычаи представляютъ замѣчательныя доказательства подобныхъ стремленій—за ударъ кулакомъ тамъ платятъ пени—12 коп., за ударъ палкой—1 р. 30 коп., за ударъ ятоганомъ—7 руб. за выстрѣлъ въ кого либо изъ ружья—13 руб. 12 коп., а за воровство—43 р. 75 к.; также 43 р. 75 коп. платитъ тотъ, кто войдетъ въ чужой домъ безъ хозяина. Но это указываетъ только на тѣ потребности, которыя неизбѣжно ощущаетъ всякое общество, когда оно дѣлается трудящимся; пятдесятъ процентовъ въ мѣсяцъ на занятый капиталъ слишкомъ ясно показываетъ въ какой степени эти потребности удовлетворяются.

Сходное съ этимъ явленіе представляетъ періодъ арабской цивилизаціи. Сильные духомъ и склонные къ самостоятельному и дѣйствительно серіозному умственному труду элементы, спасавшіеся у арабовъ отъ гоненій христіанскаго духовенства, распространили склонность къ серіозному научному труду въ юномъ магометанскомъ обществѣ. Наклонность эта поддерживалась созданнымъ при этомъ общественнымъ мнѣ-

ніемъ, которое требовало уже не рутиннаго, какъ въ падающемъ Римѣ, а серіознаго научнаго труда. Наука должна существовать не для науки, а она должна быть полезна, и ученые того времени стараются поддерживать уваженіе къ своему занятію, указывая на пользу, которую оно приноситъ: они указываютъ на порядокъ, который съ ихъ помощью водворяется въ обществѣ, на раскрываемые ими новые источники богатства, иногда даже на искорененіе суевѣрія и связанныхъ съ ними большихъ злоупотребленій посредствомъ астрономическихъ вычисленій, на спасеніе городовъ отъ землетрясеній посредствомъ предсказаній. Такъ утверждаютъ, что когда въ сентябрѣ 1042 года Тебризъ разрушенъ былъ землетрясеніемъ, то Абу-Тагеръ, ширазскій астрономъ, предсказалъ время землетрясенія, и городскія власти вывели жителей въ поле, чтобы спасти ихъ отъ погибели. Я конечно не берусь опредѣлять степень достовѣрности этого показанія, но во всякомъ случаѣ это указываетъ на пріемы, посредствомъ которыхъ ученые старались распространить уваженіе къ своей наукѣ. Въ Испаніи арабская ученая дѣятельность была главною причиною процвѣтанія земледѣлія и густоты населенія. Послѣ арабовъ осталось множество агрономическихъ сочиненій, которыя по большей части погибли. Испанцы занимались молитвами и праздниками аутодафе, имъ некогда было заниматься такими глупостями, какъ агрономія, и густо населенная при арабахъ Испанія сдѣлалась пустыней. Какъ глубоко имъ удалось укоренить цивилизацію, видно изъ того, что между персами и въ особенности между арабами путешественники безпрерывно встрѣчаютъ въ массѣ народа благородныя и изящныя манеры, которыя въ самомъ рѣзкомъ контрастѣ съ ихъ свойствами полудикаго, испорченнаго и униженнаго человѣка. Тутъ мы видимъ тоже самое явленіе, которое когда-то заставило сказать про итальянцевъ одного французскаго писателя, что это необразованный, но за то самый цивилизованный народъ въ Европѣ. Подобныя остатки цивилизаціи почти не искоренимы тамъ, гдѣ она когда либо глубоко проникала въ массы. Умственная жизнь распространилась въ мусульманскомъ мірѣ точно такъ же, какъ трудолюбіе между кабилами, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, потому что умственный дѣятель имѣлъ тамъ такъ же мало независимости, какъ капиталъ у кабиловъ — безъопастности, хотя стремленіе къ этой независимости проявлялось у нихъ точно также, какъ стремленіе къ безъопасности у кабиловъ. Понятіе о томъ, что умственный дѣятель имѣетъ священную обязанность въ своемъ дѣлѣ сохранять независимость духа, породило на востокѣ между дѣятелями этаго рода преданіе, которое сохранилось до сихъ поръ, и не только сохранилось, но на отдѣльныя личности дѣйствуетъ достаточно сильно, чтобы заставить ихъ энергически отстаивать то, что они считаютъ честью своего званія. Разсказываютъ, что въ первой половинѣ настоящаго столѣтія Фехтъ-Али-Шахъ призвалъ къ себѣ персидскаго поэта Мирзу-Хабиба и спросилъ его мнѣніе объ одномъ, написанномъ шахомъ стихотвореніи. Хабибъ далъ отзывъ неблагопріятный, за это шахъ велѣлъ его высѣчь по пятамъ. Черезъ нѣсколько времени онъ его снова

призвалъ и прочелъ ему новое свое стихотвореніе, тогда Хабибъ отвѣчалъ: «Прикажите вести меня къ Фелекѣ» Не многіе изъ европейскихъ ученыхъ и критиковъ рѣшились бы выразить порицаніе сочиненію, которое имъ прочитано неограниченнымъ государемъ, и едва ли бы нашелся одинъ, который бы рѣшился лучше переносить палочные удары, чѣмъ скрыть передъ вѣнценоснымъ сочинителемъ свое мнѣніе о дурномъ его произведеніи. Между тѣмъ въ Азіи это старинное преданіе, которое имѣетъ такое же происхожденіе, какъ и кабильское понятіе о честности и воровствѣ, къ несчастью имѣло такую же судьбу, что видно изъ того, какъ восточные ученые, не смотря на существованіе подобнаго преданія, способны были завираться, такъ Ахметъ-Эрразі утверждалъ, говорятъ, что въ городѣ Рей было 8,000,396 обитаемыхъ домовъ. Востокъ — страна противурѣчій и несообразностей.

Если не принимать въ соображеніе заражающихъ цѣлыя общества идей, въ родѣ тѣхъ, которыя заставляютъ кочевыхъ арабовъ лѣниться, возвеличевая лѣнь, кабиловъ быть трудолюбивыми при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, восхваляя трудъ, которыя заставляли мусульманъ самыхъ разнородныхъ племенъ и національностей, точно также при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, разработывать науку только тѣмъ, что они поощряли не рутинную научную дѣятельность, —то половина исторіи будетъ не разъяснимой загадкой. Хотя деспотизмъ и гнетъ несомнѣнно убиваютъ трудолюбіе, а безопасность и самостоятельность поощряютъ его, но мы истинное вліяніе этихъ дѣятелей видимъ только при сравненіи длиннаго ряда фактовъ и безпрерывно встрѣчаемъ трудолюбивыхъ людей подъ гнетомъ самаго грустнаго деспотизма и совершенное отсутствіе трудолюбія, не смотря на свободу, неодолимую лѣнь, которая мало по малу подтачиваетъ эту свободу и среди независимыхъ обществъ порождаетъ деспотизмъ. Мы видимъ, что трудолюбіе, внушенное располагающимъ труду общественнымъ мнѣніемъ, можетъ сохраняться, не смотря на неблагопріятныя условія, втеченіе многихъ столѣтій, напр. у кабиловъ. Отчего же самостоятельный научный трудъ не имѣлъ той же участи? — Причина заключается въ томъ, что для существованія самостоятельной науки втеченіе долгаго времени необходимо нетолько убѣжденіе, что человѣческое счастье увеличивается не чрезъ увеличеніе принадлежащихъ ему вещей, а чрезъ развитіе его природныхъ силъ, но и общественное мнѣніе, которое бы не возвеличивало людей за богатство и за власть. Магометовъ идеалъ блаженства, который онъ изобразилъ въ своемъ раѣ, былъ постояннымъ руководителемъ мусульманъ при составленіи понятія о счастьѣ, поэтому зловредное вліяніе вещей имѣло на нихъ полное свое дѣйствіе. Покровительствуя наукѣ, они въ тоже время покровительствовали всему тому, что должно было убить науку, и должны были наконецъ стать къ ней во враждебное отношеніе. Общественное мнѣніе, которое возвеличивало въ государствахъ застоя людей за сравнительно большое имущество и за сравнительно большую власть, заставляло всѣхъ составившихъ себѣ положеніе, возвышавшееся надъ общимъ уровнемъ, стремится къ наслѣдственности: вы видите на востокѣ наслѣдственное званіе потомковъ пророка,

наслѣдственныхъ ученыхъ (толба), наслѣдственное духовенство (марабу), наслѣдственныхъ начальниковъ племенъ (каидъ). Болѣе значительные начальники—беи, ханы, паши также старались наслѣдственно закрѣпить за собою власть, къ тому же наконецъ стремились государи. Вмѣстѣ съ тѣмъ самыя сильныя старались всѣ источники доходовъ закрѣпить исключительно за собою. Они старались не только управлять провинціями посредствомъ лицъ, находившихся въ полномъ ихъ распоряженіи, не только сажать своихъ даже надъ кочевыми палатками, но посредствомъ своихъ управляющихъ и прикащиковъ завѣдывать всѣми землями, фабриками, а если возможно, то и всею торговлею. И то и другое направленіе были очевидно одинаково вредны. Если Гарунъ-аль-Рашидъ, вслѣдствіе общественнаго мнѣнія, возвеличивавшаго за блескъ и роскошь, имѣлъ при себѣ нѣсколько тысячъ изуродованныхъ евнуховъ, и всѣ его вельможи подражали ему, то понятно, что подобное настроеніе должно было очень невыгодно отзываться на умственной самостоятельности жившихъ въ ихъ средѣ ученыхъ, потому что самостоятельный умъ не могъ не порицать такого образа дѣйствія. Если нѣсколько времени спустя Мотавакемъ, который за обѣдомъ велѣлъ выпускать льва и ставить подъ столъ сосудъ, наполненный змѣями и скорпіонами, для того, чтобы позабавиться страхомъ своихъ придворныхъ, не смотря на это, считался покровителемъ ученыхъ и литераторовъ, то нетрудно себѣ представить, въ какомъ положеніи находилась самостоятельная мысль, которая зависѣла отъ такихъ покровителей. Немудрено послѣ этого, что ученые того времени сочувствовали раздробленію калифата, увеличенію самостоятельности мѣстныхъ правителей, потому что они при этомъ по крайней мѣрѣ могли выбирать себѣ господина. Чтобы уменьшить вліяніе солдатчины, они сочувствовали возможному уменьшенію войска. Средневѣковой образъ политической жизни съ независимостью городовъ и мелкихъ до ничтожества владѣній, съ калифомъ, который былъ чѣмъ то вродѣ паши, оказался лучшей изъ тогда возможныхъ формъ для развитія умственной жизни, точно такъ же какъ греческая раздробленность способствовала самостоятельному мышленію, а римская централизація убила его. Ученый христіанинъ могъ найти себѣ пріютъ въ большомъ городѣ, вродѣ Едессы, куда не пускали мусульманъ, философъ еврей, шіитъ и суннитъ, всегда могъ найти себѣ покровителя, врагъ калифата могъ укрыться въ Дамаскѣ, врагъ религіозности могъ стать подъ защиту Калифа-вольтеріанца. Но средневѣковая неурядица оцѣнена теперь уже по достоинствамъ, и на востокѣ вполнѣ принесла свои плоды во время нашествій монголовъ и авганъ, а положеніе науки, гдѣ ученый можетъ спасаться отъ преслѣдованій одного изъ сильныхъ міра у другаго, намъ слишкомъ хорошо извѣстно изъ состоянія Германіи въ XVIII вѣкѣ. Поэтому мы видимъ, что арабская цивилизація, которой дѣятельность по реальнымъ наукамъ была для своего времени блестящею, которая дѣлала страны своего господства цвѣтущими, имѣла философію, неизъятую даже отъ религіознаго скептицизма, что эта цивилизація однакоже вовсе не развиваетъ народа въ политическомъ отношеніи. Оказывается, что арабы въ началѣ своихъ

завоеваній имѣли несравненно болѣе политической и нравственной здравости, такту и чутья, чѣмъ въ то время, когда цивилизованные мусульмане владѣли огромной полосой земли, начинавшейся въ Испаніи и кончавшейся въ Индіи. Эта политическая и нравственная неразвитость привела къ тому, что арабская цивилизація еще во время господства арабовъ, подобно римской, задушена была теологіей, и наконецъ мусульманскій міръ попалъ въ руки грубыхъ и неспособныхъ къ образованію фанатиковъ, но съ большимъ политическимъ тактомъ.

Мы неоднократно видимъ въ государствахъ застоя общераспространенное обыкновеніе между государями и вельможами гордиться покровительствомъ, которое они оказывали наукамъ, но гибельное вліяніе вещей и народныхъ воззрѣній, возвеличивавшихъ за власть и богатство, дѣлали ихъ окончательно неспособными къ подобной роли. Весьма характеристическій примѣръ представляетъ знаменитый покровитель и любитель наукъ Птоломей VII, который отнималъ рукописи и ученыхъ, не соглашавшихся съ нимъ, умерщвлялъ или изгонялъ Можетъ ли быть при такомъ положеніи рѣчь о самостоятельномъ мышленіи.

Нерасположеніе къ самостоятельнымъ мыслителямъ приводило къ дурному воспитанію дѣтей властедержателей. При наслѣдственности управленіе всегда могло попадать въ неспособныя руки, а при дурномъ воспитаніи наслѣдниковъ неблагопріятные шансы дѣлались еще многочисленнѣе. Между тѣмъ исторія показываетъ, что тѣ, которые сажали неспобныхъ правителей на престолъ, дѣлали имъ самое плохое одолженіе. Если онъ начиналъ управлять самъ, то распоряжался такъ неловко, что при легкости, съ которою на востокѣ происходятъ бунты и серальныя революціи, онъ черезъ два—три года убивался или свергался съ престола. Но чаще всего царедворцы и гаремныя женщины убѣждали его, что государю стыдно лично заниматься дѣлами. Какъ ни странно европейцу встрѣчаться съ подобнымъ воззрѣніемъ, однакоже оно на востокѣ вовсе не рѣдкость. Хитрый временщикъ окружаетъ слабаго государя нѣсколькими женщинами и мужчинами, которые должны наполнять его жизнь тѣми изящными наслажденіями, которыя, будто-бы, одни приличны для государя. Въ нѣсколько мѣсяцевъ здоровіе несчастной жертвы на тронѣ оказывается до такой степени разстроеннымъ, что къ нему тѣмъ же временщикомъ, въ видѣ неразлучнаго спутника, приставляется какой-нибудь безсовѣстный шарлатанъ докторъ, который пичкаетъ его разными возбуждающими средствами для удовлетворенія его болѣзненно развившихся страстей и дѣлается неизбѣжнымъ для несчастнаго, теперь уже полуидіота. Государь разслабленный, вѣчно больной не можетъ уже ни ходить, ни ѣздить верхомъ, но въ угоду жаднымъ обитателямъ гарема, его заставляютъ вести прежнюю убійственную для него жизнь, которая, какъ жажда Тантала, будетъ его преслѣдовать многіе годы, если корыстолюбіе и жестокость временщика не сдѣлаютъ его вскорѣ жертвою возстанія. Такова на востокѣ участь нетолько государей, но и правителей и всѣхъ богатыхъ людей. Восточный богатый купецъ вовсе непохожъ на европейскаго. Лишь только ему послужитъ счастье, онъ дѣлается гордъ и начинаетъ обращаться съ

своими покупателями съ большимъ пренебреженіемъ. Его наслѣдникъ чаще всего будетъ считать унизительнымъ для себя заниматься дѣлами, и женщины, и служители его гарема поступятъ съ нимъ не лучше, чѣмъ съ государемъ и разстащатъ его состояніе, какъ временщики разграбляютъ казну государя.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Государства застоя. — Счастливъ ли неспособный человѣкъ, имѣющій власть и богатства.—Значеніе власти и богатства въ сравненіи съ нравственнымъ развитіемъ въ качествѣ источниковъ счастья.—Когда любовь даетъ наибольшее счастье. — Былъ ли бы восточный вельможа счастливѣе, еслибы онъ отказался отъ роскоши? — Отчего въ немъ не можетъ развиться нравственное чувство и что отъ этого происходитъ. — Состояніе Персіи.—Нормальное употребленіе времени и средствъ.—Фатальная ошибка человѣчества.—Условія для порожденія самыхъ счастливыхъ людей.

Если подобная неспособность сильныхъ дѣлала унаслѣдованныя ими власть и богатство источникомъ бѣдствій для нихъ, то спрашивается при какомъ же условіи, они были бы наиболѣе счастливы? Были бы они счастливѣе, еслибы они получали большее интеллектуальное развитіе. Это заставило бы ихъ учиться и дѣлать усилія, которыя были бы для нихъ сначала тягостны и непріятны. Однакоже, едва ли кто нибудь будетъ сомнѣваться въ томъ, что ихъ счастье при этомъ значительно бы выиграло. Наслажденія Магометова рая оказываются на землѣ весьма несостоятельными. Стоитъ, напримѣръ, вспомнить, что называется великолѣпнымъ и изящнымъ праздникомъ въ Персіи или въ глуши государствъ застоя. Гости развлекаются театральнымъ представленіемъ, гдѣ на сценѣ, при самой жалкой обстановкѣ, актеры считываютъ свои роли съ бумажекъ, тутъ же стоитъ режиссеръ и ругаетъ ихъ громко, если они ошибаются, они громко же оправдываются, и представленіе прерывается перебранкой. Пѣнье и музыка таковы, что европеецъ не знаетъ куда отъ нихъ убѣжать—это грохотъ длиннѣйшихъ трубъ и стукъ барабановъ, и самое лучшее пѣніе есть только монотонное повтореніе нѣсколькихъ звуковъ. Балетъ мужчинъ это быстрое и безвкусное кривлянье, а балетъ женщинъ, гдѣ его можно было видѣть путешественникамъ, это проявленія самого грубаго и отвратительнаго сладострастія. Но вѣдь умственное развитіе должно повести за собою оцѣнку людей по достоинствамъ. Наслѣдственныя права ограничиваются, менѣе способный долженъ уступать мѣсто болѣе способному. Для того, чтобы человѣкъ мало способный не страдалъ при этомъ, является необходимость въ нравственномъ развитіи, Фехтъ-Али-Шахъ велѣлъ совѣт-

нику, который присовѣтывалъ ему войну съ Россіей, дать столько палочныхъ ударовъ, сколько, по его мнѣнію, нужно было, чтобы отбить у него охоту давать подобныя совѣты; Хюсейнъ-Али-Ханъ, бывшій посланникомъ въ Парижѣ, получилъ двѣсти ударовъ по пятамъ. Персидскій министръ иностранныхъ дѣлъ получилъ ихъ двѣ тысячи публично на базарѣ. У насъ едва ли можно найдти образованнаго человѣка, который бы промѣнялъ даже бѣдную долю на названіе персидскаго министра съ тѣмъ, чтобы его дули публично палками. Этого одного достаточно чтобы дать намъ понятіе о цѣнѣ вещей и власти по сравненію съ нравственнымъ сознаніемъ и нравственными ощущеніями. Власть надъ цѣлымъ государствомъ или значительною его частью, пріобрѣтеніе въ собственность многихъ деревень, чѣмъ она въ Персіи обыкновенно сопровождается, не перевѣшиваетъ нѣсколькихъ палочныхъ ударовъ. Тотъ же человѣкъ, который для того, чтобы не имѣть безобразящей его шишки на головѣ, не задумываясь, подвергаетъ себя операціи болѣе болѣзненной, чѣмъ двѣсти палочныхъ ударовъ, не подставитъ своей спины подобнымъ ударамъ за всѣ сокровища Персіи. Я спрашиваю, кто счастливѣе европейцы, которые имѣютъ подобныя понятія, или персіяне, которые ихъ не имѣютъ? Персіянину, конечно, должно казаться, что европеецъ, который предпочитаетъ скромную долю блестящему положенію персидскаго министра, налагаетъ на себя большое лишеніе, но для каждаго изъ нихъ понятно, что онъ увеличиваетъ свое счастье, сохраняя въ себѣ достоинство цивилизованнаго человѣка. Многоженство считается однимъ изъ величайшихъ благъ въ государствахъ застоя. Но образованный европеецъ понимаетъ, что многоженство не согласимо съ развитіемъ женщины и что любить женщину умственно и нравственно развитую несравненно большій источникъ счастья, чѣмъ наслаждаться женскимъ тѣломъ. Цивилизованный европеецъ начинаетъ желать, чтобы женщина участвовала въ общественной жизни и въ интеллектуальномъ трудѣ наровнѣ съ мужчиною, потому что это сдѣлаетъ ее еще болѣе развитою, она сама будетъ счастливѣе, и ее любовь будетъ давать мужчинѣ еще болѣе счастье. Европейскія отношенія превосходятъ восточныя даже съ точки зрѣнія самаго грубаго сладострастія. Нѣкто Солиманъ Бей говоритъ одному французу: «Я предпочитаю непокорную французскую гризетку, всѣмъ нашимъ раболѣпнымъ женамъ». Вотъ каковы жены на востокѣ, вотъ счастье, которое они могутъ дать. Между тѣмъ восточнику кажется, что европеецъ налагаетъ на себя большое лишеніе, рѣшаясь на единоженство. Единоженство это великій соціалистическій принципъ—при многоженствѣ сильные присвоиваютъ себѣ исключительно лучшихъ женщинъ въ народѣ, и такъ какъ одинъ человѣкъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ двѣ, три тысячи женщинъ, то народу остается только одинъ оборъ. Чѣмъ нравственнѣе воззрѣнія женщинъ при единоженствѣ, чѣмъ труднѣе женщинѣ рѣшится сдѣлаться любовницею, тѣмъ равномѣрнѣе распредѣлятся женщины между народомъ и тѣмъ большимъ числомъ лучшихъ женщинъ будетъ пользоваться масса рабочаго класса. Въ то же время, чѣмъ возвышеннѣе душа у женщинъ, тѣмъ болѣе счастья даетъ ихъ любовь, аристократическіе

классы общества имѣютъ обыкновенно очень плохихъ женъ, которые чаще всего немного отличаются отъ какихъ нибудь гризетокъ и лоретокъ, и потому о счастьѣ любви тамъ имѣютъ очень плохое понятіе, они составляютъ первую степень надъ многоженцами; въ этомъ отношеніи они, что-то среднее между персидскимъ министромъ, котораго сѣкутъ по пятамъ и образованнымъ человѣкомъ. Вотъ довольно понятный примѣръ того, какъ увеличивается счастье человѣка по мѣрѣ болѣе правильнаго развитія инстинктовъ міровой жизни, не смотря на то, что съ точки зрѣнія неразвитаго человѣка, онъ подвергается все большимъ лишеніямъ. Даже развратный Лавласъ плѣнялся интеллектуальными и нравственными свойствами Клариссы. Любовь гаремной красавицы, покупающаяся за деньги, показалась бы ему очень мало привлекательною и это не смотря на крайне низкій уровень его развитія, въ слѣдствіе котораго ему доступенъ былъ только очень ограниченный кругъ изъ лучшихъ и сильнѣйшихъ человѣческихъ ощущеній.

Пойдемъ далѣе. Если бы восточный принцъ пересталъ содержать многочисленныхъ евнуховъ, которые цѣлый день спятъ въ гаремѣ, страдаютъ при всякой перемѣнѣ погоды и влачатъ самую жалкую жизнь, если бы онъ распустилъ многочисленныхъ прислужницъ и невольницъ, на которыхъ онъ втеченіе всей своей жизни даже не взглянетъ, но которыя все-таки подвергаются всѣмъ страданіямъ и лишеніямъ гаремной дисциплины, если бы онъ уничтожилъ въ своемъ гаремѣ раболѣпный тонъ, который заставляетъ женщинъ при его появленіи съ трепетомъ разступаться по стѣнамъ и дѣлаетъ его грубую домашнюю жизнь до того скучною и натянутою, что онъ ищетъ себѣ развлеченія въ самыхъ не естественныхъ порокахъ. Если бы онъ распустилъ толпу этихъ грубыхъ лѣнтяевъ, которыхъ единственное назначеніе въ качествѣ ферашей и т. д. ходить передъ нимъ съ длинными палками и разгонять народъ. Если бы онъ уменьшилъ число многочисленныхъ и дорого стоющихъ ему зданій, вслѣдствіе которыхъ его дворецъ раскинутъ на огромномъ пространствѣ и гдѣ помѣщаются лошади, верблюды, всякаго рода животныя и вещи, которыя часто имѣютъ самый жалкій видъ и служатъ единственно для почетныхъ подарковъ, за которые вынуждаются болѣе цѣнныя приношенія. Если бы, распродавъ на базарѣ всѣ эти вещи, между которыми три четверти негодныхъ клячъ и ненужнаго хламу, онъ распустилъ безчисленныхъ оборванныхъ служителей и ремесленниковъ, которые для нихъ держались. Если бы онъ все это сдѣлалъ, то счастье его жизни отъ этого нетолько бы не уменьшилось, но значительно увеличилось бы; въ этомъ не трудно убѣдиться, если обратить вниманіе на жизнь столь-же богатыхъ, но цивилизованныхъ людей въ Европѣ и въ Америкѣ, которые никогда не сдѣлаютъ изъ своего богатства такого безсмысленнаго и совершенно безполезнаго для нихъ употребленія. Но если бы, уничтоживъ всѣ эти издержки, онъ употребилъ экономизированныя такимъ образомъ деньги съ міровою цѣлью, на пользу человѣчества, — увеличилось бы его счастье или нѣтъ? Для того, чтобы онъ могъ это сдѣлать, необходимо, чтобы въ немъ развилась новая сила—то нравственное чув-

ство, которое способно давать инстинктамъ міровой жизни нормальное удовлетвореніе. Мы видимъ, что человѣкъ сначала понимаетъ, въ чемъ заключается нравственное чувство и иногда понимаетъ совершенно вѣрно, но не въ состояніи ему слѣдовать; чтобы онъ сдѣлался въ состояніи ему слѣдовать, необходимо, чтобы въ немъ развилась нужная для этого сила. Когда человѣкъ смотритъ на гимнастическую штуку, онъ сначала понимаетъ, какъ ее сдѣлать, но сдѣлать не можетъ, потому что у него мускулы не успѣли приспособиться, втеченіе нѣсколькихъ дней онъ дѣлаетъ попытки, наконецъ вдругъ ему удается. Онъ понимаетъ, что эта удача была слѣдствіемъ его постояннаго и упорнаго стремленія, но никакъ не можетъ объяснить, почему онъ сдѣлалъ ее сегодня, а не могъ сдѣлать вчера; онъ можетъ только сказать, что втеченіе этого времени отъ стремленія у него развилась сила Точно также человѣкъ сначала понимаетъ, что интеллектуальное развитіе увеличиваетъ число ощущеній и чрезъ это счастье человѣка, но онъ не способенъ испытывать этихъ ощущеній. Онъ до того отчаявается въ своихъ способностяхъ, что отецъ учитъ своего сына, чтобы сдѣлать его болѣе счастливымъ человѣкомъ, а самъ вовсе не пытается учиться. Но когда сила уже пріобрѣтена, то человѣкъ уже вполнѣ понимаетъ, какъ онъ возвысилъ свое благополучіе. Для него будетъ невыносимо скучно сидѣть въ кругу гаремныхъ шутовъ и прелестницъ или фигурировать на какой нибудь церемоніи въ шутовскомъ нарядѣ изъ бархата, золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, онъ почувствуетъ, что онъ переросъ все это и что между его счастьемъ и счастьемъ тѣхъ, которые въ состояніи наслаждаться подобными глупостями, громадная разница. Нравственныя силы пріобрѣтаются еще съ большею трудностью; по большей части люди смотрятъ на нравственность, какъ на тяжелую обязанность, за которую награда будетъ въ будущей жизни Только когда вслѣдствіе умственнаго развитія человѣкъ начинаетъ интересоваться міровыми явленіями, то онъ начинаетъ понимать, что нравственное чувство можетъ сдѣлаться источникомъ наслажденій и что если люди, даже самые грубые, способны жертвовать многимъ ради нравственнаго образа дѣйствія, то это потому, что такой образъ дѣйствія удовлетворяетъ ихъ инстинктамъ міровой жизни, а вовсе не потому, что ихъ стимулируетъ ожиданіе вѣчной награды. Отъ такого пониманія до дѣйствительнаго чувства нужно опять-таки пройти путемъ упражненія. Но какъ скоро однажды этотъ путь пройденъ, то ощущенія, доставляемыя этимъ чувствомъ, дѣлаются несравненно болѣе сильными, чѣмъ ощущенія интеллектуальныя. Разницу между этими ощущеніями можно сдѣлать понятною сравненіемъ даже для человѣка неразвитаго. Человѣку очень пріятно, когда онъ понялъ что нибудь, чего онъ прежде не понималъ, ему пріятно, когда его любознательность возбуждена и удовлетворяется, но насколько ему пріятнѣе, когда онъ одушевленъ великодушнымъ чувствомъ и съ энтузіазмомъ дѣлаетъ дѣло, которое онъ считаетъ возвышеннымъ и прекраснымъ. Нѣтъ человѣка на свѣтѣ, который бы не имѣлъ когда-либо въ своей жизни великодушныхъ порывовъ и который не могъ бы оцѣнить разницу между

счастьемъ, которое онъ тогда получилъ, и счастьемъ, доставляемымъ пониманіемъ.

Еслибы человѣкъ, подъ вліяніемъ развившагося нравственнаго чувства, распустилъ свой гаремъ, многочисленныхъ своихъ ферашей, прислужниковъ и ремесленниковъ, распродалъ бы своихъ верблюдовъ, лошадей и прочій хламъ, и еслибы онъ всѣ употреблявшіеся на это доходы посвятилъ размноженію жизни на землѣ, то счастье его отъ этого значительно бы увеличилось. Но еслибы онъ чрезъ это накликалъ себѣ со стороны нелѣпаго общественнаго мнѣнія ненависть и презрѣніе, то міровые инстинкты, заставляющіе его искать расположенія людей и стараться возвеличиться въ ихъ мнѣніи, подвергали бы его такимъ сильнымъ страданіямъ, что подобное нравственное чувство никакъ бы немогло развиться въ обыкновенномъ человѣкѣ. Возможность такого развитія явилась бы только тогда, когда бы онъ былъ уединенъ какимъ нибудь образомъ отъ этого общественнаго мнѣнія Такимъ уединяющимъ началомъ являлись, напримѣръ, религіи, имѣющія тѣсный кругъ поклонниковъ, а потому только въ подобныхъ обстоятельствахъ мы видимъ болѣе сильное развитіе нравственнаго чувства. Такой гнетъ общественнаго мнѣнія заключаетъ въ себѣ, однакоже, величайшую нелѣпость. Вотъ въ какомъ, напр., состояніи была Персія въ сороковыхъ годахъ подъ управленіемъ неспособнаго государя: казна, накопленная его предшественникомъ, была растрачена въ нѣсколько лѣтъ. Любимецъ его, управлявшій государствомъ, нисколько не заботился о порядкѣ и справедливости, а старался только набрать себѣ какъ можно болѣе деревень; просители цѣлые годы жили въ столицѣ и чуть не каждый день являлись къ нему, не будучи въ состояніи добиться справедливости. Но эти многочисленныя деревни очень мало приносили ему пользы, во первыхъ потому, что, желая шаху доказать свою честность, онъ жилъ очень бѣдно, а затѣмъ изъ жадности онъ продавалъ всѣ должности и не давалъ войску содержанія. Солдаты превратились въ настоящихъ грабителей, и безсовѣстные правители поощряли грабежи многочисленныхъ кочевыхъ племенъ; поэтому поля оставались безъ обработки, и жители, если хотѣли спасать свою жизнь и свое имущество, должны были обводить деревни высокими стѣнами и укрѣплять ихъ Условіе конечно очень неблагопріятное для доходности деревень шахскаго любимца. Положеніе прочаго населенія высшаго и нисшаго было нелучше. Правители, покупая свои должности, чтобы выручить заплаченныя деньги, брали подати на откупъ, но такъ какъ по нравственнымъ своимъ силамъ они стояли вовсе не выше своего шаха, то они не были въ состояніи управлять откупомъ, а передавали его изъ барышей другимъ откупщикамъ. Въ сущности выходило, что высшее сословіе, ханы, гоняясь такимъ образомъ съ ненасытной жадностью за прибылью, только обманывали самихъ себя Раззоренные давно крестьяне не могли платить податей, и подати и всѣ налоги за нихъ должны были уплачивать владѣльцы—это сдѣлалось общимъ обычаемъ, потому что въ противномъ случаѣ крестьяне уходили, и поля оставались необработанными. Такъ какъ казна всегда пуста, то солдаты должны содержать себя сами; когда

сербазъ поставленъ на часы, то на часахъ стоитъ только изломанное его ружье, а онъ самъ сидитъ невдалекѣ и торгуетъ мелочью. Солдаты привыкли все брать разбоемъ и воровствомъ, и жители также къ этому привыкли. Когда имъ слѣдуетъ продовольствіе отъ казны, то вмѣсто этого имъ выдаютъ сурсаты, такіе же сурсаты выдаютъ чиновникамъ. Отъ привычныхъ жителей они берутъ по этимъ сурсатамъ все, что имъ угодно, а за выдачу росписокъ въ полученіи по сурсатамъ всего должнаго они берутъ еще деньги Если кому нибудь слѣдуетъ выдача изъ казны, то ему не даютъ денегъ, потому что ихъ нѣтъ, а даютъ баратъ, т. е. право взыскать столько то податей. Вмѣсто жалованья также выдаютъ бараты. Ханы (чиновники) дѣлаютъ безчисленныя злоупотребленія, пользуясь этими баратами. Съ помощью самыхъ безсовѣстныхъ насилій взыскиваютъ тяжкія подати и не вносятъ въ казну. Затѣмъ присылаемыхъ къ нимъ съ баратами они томятъ разными проволочками и тѣмъ принуждаютъ продавать ихъ за ничтожную цѣну. Цѣна была даже заранѣе извѣстна по областямъ — въ иныхъ платили половину, въ другихъ десятую часть. Скупленные такимъ образомъ бараты ханы вносили въ казну вмѣсто удержанныхъ податей. Если ихъ наконецъ прогоняли за злоупотребленія, то это ихъ нисколько не стѣсняло, потому что они покупали себѣ другое мѣсто. Бывали такіе начальники, которые прямо отказывались платить по баратамъ; случалось, что вельможа выдавалъ баратъ и посылалъ приказаніе не платить по нему. Въ деревняхъ знати съ сурсатами и баратами не смѣли показываться. Если за баратъ съ большими издержками можно было получить только десятую часть, то ясно, что все должно было обходиться казнѣ по крайней мѣрѣ вдесятеро дороже, а это крайне увеличивало подати и раззоряло ханскія деревни, такъ что ханы опять-таки только обманывали себя. Деревни знати платили подати плохо, и ихъ недоимки раскладывались на сосѣдей — кончалось тѣмъ, что деревни разбѣгались, обращались къ разбою и привилегированнымъ деревнямъ приходилось содержать этихъ разбойниковъ, которые воровали у нихъ скотъ и мѣшали имъ обработывать поля. Знать платилась неменѣе, потому что разбойники грабили караваны, а правители прикрывали ихъ за взятки. Все это приводило къ тому, что высшее сословіе смотрѣло на себя, какъ на самыхъ жалкихъ мошенниковъ, и если министра или хана сѣкли публично или вѣшали на базарѣ, то они находили, что иначе съ ними поступать нельзя, что иначе исчезнутъ и послѣдніе слѣды порядка. Матерьяльнаго благосостоянія они не достигли, а нравственность свою втоптали въ безвыходный омутъ грязи. Неблагоразумнѣе-ли послѣ этого было, еслибы ихъ общественное мнѣніе поощряло развитіе нравственнаго чувства вмѣсто того, чтобы сбиваться ложными понятіями о величіи богатства и власти.

Игра — это средство обманывать потребность способностей въ развитіи и въ дѣятельности — точно такъ же, какъ лесть, какъ военная слава и обожаніе великолѣпія, — это орудія для обмана требованій инстинктовъ міровой жизни. Начиная отъ несложной игры, которая занимаетъ втеченіе цѣлыхъ дней нѣжнотѣлую аристократію острововъ Тонга, до шантара у

самашковъ въ Африкѣ и до шахматовъ, за которыми проводитъ свое время китаецъ, всѣ игры одинаково служатъ средствомъ обманывать потребность въ дѣятельности способностей, одинаково останавливаютъ ихъ развитіе. Ихъ бо́льшая или меньшая сложность указываетъ только на степень способностей играющихъ. Вотъ почему люди тѣмъ болѣе занимаются играми, чѣмъ ниже степень ихъ развитія При извѣстной степени образованія въ обществѣ вовсе перестаютъ играть. Въ подобномъ обществѣ одинаково перестаютъ играть люди значительныхъ и посредственныхъ способностей. Мнѣ нѣтъ надобности здѣсь разъяснять, какъ возвышается чрезъ это чувство ихъ достоинства,—увеличеніе счастья такимъ путемъ очевидно и несомнѣнно. Послѣ тѣхъ наблюденій, которыя мы можемъ сдѣлать въ нашемъ собственномъ обществѣ, не трудно понять, что человѣкъ всякихъ способностей, переходящій отъ игры къ болѣе достойному препровожденію времени, увеличиваетъ свое счастье. Если бы богатые люди въ государствахъ застоя до того развили свое нравственное чувство, что, переставъ играть, они деньги, которыя до сихъ поръ проигрывали, употребляли бы для удовлетворенія міровымъ инстинктамъ и чтобы расплодить жизнь на землѣ, то, конечно, счастье ихъ увеличилось бы еще болѣе Одинъ переходъ отъ игры къ болѣе возвышеннымъ занятіямъ, какъ вполнѣ доказываетъ опытъ, значительно возвышаетъ достоинство человѣка; затѣмъ нетрудно себѣ представить, насколько жизнь эта будетъ достойнѣе и пзящнѣе послѣ перехода къ развитому нравственному чувству.

Если человѣкъ далѣе пойдетъ тѣмъ же путемъ, то съ каждымъ новымъ шагомъ въ развитіи нравственнаго чувства счастье его будетъ увеличиваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе этого чувства будетъ поставлено все въ бо́льшую зависимость отъ нормальнаго настроенія общественнаго мнѣнія. Человѣкъ, который избираетъ себѣ по силамъ занятія, отклоняя отъ себя дѣло, требующее другихъ или бо́льшихъ способностей, показываетъ столько же нравственнаго достоинства, сколько и человѣкъ, который, чувствуя силу своихъ способностей, усердно старается принести ихъ на службу человѣчеству. Поэтому всякое занятіе нужно уважать одинаково, и человѣкъ долженъ возвышаться въ общественномъ мнѣніи не сообразно съ тѣмъ, какое онъ выбралъ себѣ занятіе, а сообразно съ тѣмъ, какъ онъ его выполнилъ. Человѣчество, однакоже, никогда не разсуждало такимъ образомъ,—чѣмъ важнѣе казалось ему какое нибудь дѣло, тѣмъ болѣе оно старалось соединить съ нимъ матерьяльныхъ выгодъ, почета и уваженія. Ему казалось совершенно не сообразнымъ ставить на одну ногу, какъ въ отношеніи матерьяльнаго вознагражденія, такъ и въ отношеніи почета и уваженія, какъ человѣка занятаго матерьяльнымъ, такъ и интеллектуальнымъ трудомъ, не возвеличивать человѣка соразмѣрно съ увеличеніемъ его власти надъ имуществомъ и надъ людьми. Ему казалась смѣшною мысль, что хорошій работникъ-земледѣлецъ долженъ получать большее матерьяльное вознагражденіе, пользоваться бо́льшимъ уваженіемъ и почетомъ, чѣмъ дурной правитель области, потому что чѣмъ больше пользы можетъ принести хорошій правитель, тѣмъ больше вреда дурной. За эту фатальную ошибку человѣчество расплатилось моремъ

крови и слезъ и тѣмъ ужаснымъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ три четверти земной поверхности находится въ исключительномъ обладаніи дикарей или полудикаго населенія застоя, между тѣмъ какъ могло бы быть иначе уже тысячи лѣтъ тому назадъ. Когда въ одушевленныхъ еще не угасающею силою государствахъ застоя восходили на престолъ государи съ слабыми способностями, то нерѣдко вмѣсто нихъ управляли люди энергическіе и способные, вполнѣ удовлетворявшіе требованіямъ населенія. Такое явленіе, напр., мы видимъ въ Турціи послѣ смерти Солимана, — въ первое время мы видимъ визирей слабыхъ правителей, которые пользуются общимъ довѣріемъ, и общественное мнѣніе такъ сильно дѣйствовало въ ихъ пользу, что они долго удерживались на своихъ мѣстахъ; мы видимъ даже, что отецъ успѣшно подготовлялъ сына къ обязанностямъ правителя, и дѣйствительно они прославлялись своимъ правленіемъ одинъ послѣ другаго. Въ то же время мы видимъ, что слабые государи очень легко и охотно передавали управленіе въ другія руки, управленіе было для нихъ до того тяжелымъ и непріятнымъ бременемъ, что одинъ римскій императоръ даже умертвилъ себя, чтобы избавиться отъ этихъ несносныхъ для него хлопотъ. Такой образъ дѣйствія, какъ совершенно нормальный, долженъ былъ бы возвышать, а не понижать ихъ въ общественномъ мнѣніи. Однакоже, выходило наоборотъ, даже въ тѣ времена, когда общество отличалось наибольшею здравостью, государь, отказывавшійся отъ власти, терялъ, а не выигрывалъ въ уваженіи. Подстрекаемый ложными понятіями общества о величіи, всякій искалъ свое счастье не въ развитіи и наилучшемъ употребленіи своихъ способностей, а въ несоотвѣтствующемъ имъ искусственномъ скопленіи въ своихъ рукахъ богатства и власти, поэтому всякій льнулъ къ властедержителямъ и стремился получить отъ нихъ искусственное величіе. На человѣка и, въ особенности, на государя, выпустившаго изъ рукъ своихъ власть, смотрѣли съ презрѣніемъ и свысока; инстинкты міровой жизни государя жестоко оскорблялись этимъ, и, конечно, при такомъ положеніи и при слабости своихъ способностей онъ не могъ развиться до того, чтобы отыскать наперекоръ общественному мнѣнію истинный путь къ удовлетворенію этихъ инстинктовъ; еслибы онъ даже и и напалъ на него въ минуту необыкновенной здравости, то глупое общественное мнѣніе приготовило бы ему такъ много униженій и страданій, что онъ не въ состояніи былъ бы противустоять. Поэтому, хотя въ государствахъ застоя неспособные государи втеченіе тысячелѣтій по среднему уровню царствовали неболѣе двухъ или трехъ лѣтъ и затѣмъ или низвергались, или подвергались самому ужасному заключенію, или умерщвлялись, однакоже подобные имъ, сбрасывая съ себя бремя дѣлъ, все-таки старались удерживать въ своемъ произволѣ хотя главное распоряженіе властями. Чаще всего нездравость высшаго общества была такъ велика, что неспособный государь одинаково рисковалъ своей жизнью, когда предоставлялъ дѣла первому министру, который низвергалъ его для возвышенія своего семейства, и когда онъ сохранялъ управленіе въ своихъ рукахъ. Мы видимъ примѣры вродѣ Гонорія, ко-

торый сдѣлался заговорщикомъ, чтобы низвергнуть своего министра Стилихона; опасное положеніе имперіи внушило обществу и императору столько здраваго чувства, что Гонорій добровольно предоставлялъ все управленіе способному человѣку, но общество такъ дало ему почувствовать, что онъ будто бы унижаетъ себя этимъ, что онъ рѣшился снова забрать его въ руки Варвары тотчасъ заставили римлянъ заплатить дорогой цѣной за эту нездравость. Имѣть настолько здравости ума и чувства, чтобы отказаться отъ управленія, къ которому онъ неспособенъ, значило для общества уронить себя въ общественномъ мнѣніи, а отказаться отъ роскоши и великолѣпія—это значило пасть неизмѣримо низко и сдѣлать свою жизнь несчастною Онъ долженъ былъ жить изящной жизнью среди изящнаго общества, что будто бы и есть наибольшее блаженство на землѣ. Персидскій государь, желая сдѣлать изъ себя образецъ изящества, остригаетъ свою бороду такъ искусно, что его лицо представляетъ видъ полной луны, и вмѣстѣ со своимъ изящнымъ дворомъ воображаетъ, что онъ сдѣлался красавцемъ; онъ окружаетъ себя живописью, гдѣ лицо смотритъ прямо, а ноги въ бокъ, руки вывихнуты, борода болѣе человѣка, а гора меньше его, но зато же все огдѣлано самымъ мелкимъ пунктиромъ, и за эти произведенія кропотливаго искусства платитъ дорогою цѣною. Подобные государи накопляли въ своихъ дворцахъ произведенія искусства прошлыхъ временъ по славѣ, которая уже давно установилась, но когда имъ приходилось оцѣнивать современное и спорное, то они оказывались самыми плохими цѣнителями — можно ли наслаждаться тѣмъ, что не умѣешь даже оцѣнить? Не есть ли это явное доказательство, что тутъ все наслажденіе происходило отъ ложной идеи величія? Гдѣ литература развивалась черезъ придворныхъ поэтовъ? Только одни льстецы могли находить въ ихъ стихахъ достоинства, всѣ же прочіе находили ихъ крайне скучными. Въ исторіи государствъ застоя осталось достаточно описаній забавъ и праздниковъ, чтобы окончательно убѣдить насъ, какъ всѣ они были крайне фадны и скучны для сколько-нибудь развитаго человѣка. Эти слабые государи, неспособные къ развитію вкуса и къ изящнымъ ощущеніямъ и все-таки стремившіеся къ нимъ по ложной идеѣ о величіи, приносили въ этой области столько же вреда себѣ и другимъ, сколько въ области политики, управляя государствами — они настолько же мѣшали развитію науки и искусства, насколько они мѣшали развитію политической жизни. Жизнь, къ которой они не были способны, не могла, конечно, наполнить ихъ часы, они прибѣгали къ одуряющимъ и разрушающимъ организмъ ощущеніямъ, къ пьянству, къ употребленію опіума. Политическая неловкость дѣлала ихъ жестокими и подозрительными; неспособность понять, въ чемъ заключается здоровое удовлетвореніе инстинктамъ любви и гдѣ тутъ развивающій и удовлетворяющій человѣка путь, заставляла ихъ кидаться въ грязный, убивавшій ихъ душевныя силы развратъ; неспособность понимать изящное доводила ихъ до пьянства и опіума среди скучныхъ и менѣе всего изящныхъ праздниковъ, а неспособность понимать необходимость извѣстнаго нравственнаго и интеллектуальнаго развитія не да-

вала имъ возможности вырваться изъ этой грязной сферы и вмѣстѣ съ цѣлыми народами погружала ихъ все ниже и ниже въ болото застоя. Еслибы государь застоя, который по слабости своихъ интеллектуальныхъ и душевныхъ способностей, не могъ естественно стоять во главѣ политической или научной, или изящной, или нравственной жизни народа и вести его по самымъ лучшимъ въ этихъ отношеніяхъ путямъ, обратился бы къ матерьяльному труду, который его всего болѣе привлекаетъ, сдѣлался бы плотникомъ, портнымъ или простымъ солдатомъ, то онъ, конечно, былъ бы гораздо счастливѣе, потому что его силы развивались бы вмѣсто того, чтобы погибать. Но, конечно, какъ у всякаго человѣка, у него существовала бы не одна только способность къ плотничеству и къ портняжному искусству, у него существовали бы всѣ человѣческія способности, но только съ болѣе слабой возможностью развитія, и развитіе это, если и болѣе слабое, было бы также необходимо для совершеннаго его счастья Плотникъ, который по природнымъ своимъ способностямъ находится на своемъ мѣстѣ, даже живя въ такой обстановкѣ, при которой его матерьяльныя силы могутъ вполнѣ возстановляться и свободно развиваться, все-таки не будетъ считать себя болѣе счастливымъ, чѣмъ государь, находящійся не въ своей сферѣ. Попавъ въ эту сферу, онъ нетолько не сдѣлался бы счастливѣе, но подвергался бы быстрому физическому и нравственному упадку — необыкновенную быстроту, съ которой тутъ происходитъ паденіе и вырожденіе расы, мы видимъ въ быстромъ физическомъ и нравственномъ паденіи дикарей, которые завоевывали цивилизованныя страны. Тамъ, гдѣ элементъ духовенства игралъ значительную роль, паденіе было менѣе быстрое, чѣмъ при исключительномъ господствѣ воиновъ, потому что въ воины попадали всѣ безъ разбору, а въ рядахъ духовенства всегда соблюдался извѣстный подборъ. Между тѣмъ, плотникъ можетъ это понять только тогда, когда онъ достигнетъ извѣстнаго умственнаго и нравственнаго развитія, когда онъ будетъ въ состояніи правильно оцѣнить способы, которыми удовлетворяются человѣческія потребности При настоящихъ господствующихъ въ обществѣ понятіяхъ, ему нужно было бы необыкновенно много ума, чтобы это понять, такой умъ, при которомъ онъ долженъ былъ бы занимать въ обществѣ мѣсто интеллектуальнаго дѣятеля, а не плотника. Но если въ обществѣ будутъ распространены правильныя воззрѣнія, то самыхъ обыкновенныхъ способностей будетъ для этого достаточно, хотя все-таки для этого будетъ необходимо нетолько умственное, но и нравственное развитіе. Если человѣкъ будетъ такъ неразвитъ нравственно, что онъ не будетъ чувствовать удовольствія, употребляя имѣющіяся въ его рукахъ средства наилучшимъ образомъ для того, чтобы плодить жизнь на землѣ, если нѣсколько лишнихъ скопившихся у него рублей, онъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ употребитъ на удовлетвореніе своей прихоти, чѣмъ на поддержаніе нуждающагося или на развитіе силъ другаго человѣка, однимъ словомъ, если онъ не будетъ въ состояніи жить міровой жизнью, то онъ никогда не будетъ въ состояніи подмѣтить моментъ, когда вещи, вмѣсто благодѣтельнаго и развивающаго его

силы дѣйствія, начнутъ производить противоположное, онъ никогда не будетъ въ состояніи оцѣнить значеніе развитія силъ и стремиться къ нему. Проходятъ тысячелѣтія, а номады-дикари все не понимаютъ значенія развитія и превозносятъ лѣнь; столько же тысячелѣтій прошло надъ государями, вельможами и старшинами государствъ застоя, и они все видятъ блаженство и величіе въ лѣни и въ ощущеніяхъ, которыя ведутъ къ лѣни и нравственному упадку. Не понимая, что человѣкъ будетъ наиболѣе счастливъ только тогда, когда онъ придумаетъ наилучшую комбинацію для развитія всѣхъ имѣющихся у него способностей, они еще менѣе понимали, что развитіе нравственнаго чувства, приводя къ нормальному удовлетворенію инстинктовъ міровой жизни, можетъ сдѣлаться источникомъ наибольшихъ наслажденій. Мало этого, безъ такого развитія и правильное развитіе способностей невозможно, потому что оно должно служить для нихъ ректификаторомъ. Какъ человѣкъ опредѣлитъ, какая будетъ наилучшая комбинація для развитія его способностей, если онъ изъ всѣхъ работъ, за которыя можетъ взяться, не опредѣлитъ ту, которую онъ можетъ исполнить съ наибольшей пользой для человѣчества. Вотъ условіе наибольшаго счастья, одинаковое для всѣхъ людей безъ исключенія. Работники никогда не будутъ жить, какъ государи и принцы, ничто не можетъ быть фальшивѣе, какъ созидать для нихъ подобный идеалъ, но всякій работникъ долженъ имѣть возможность поддерживать и развивать свои силы, онъ долженъ быть человѣкомъ образованнымъ и жить міровою жизнью; условія матерьяльнаго труда даютъ для этого полную возможность. Даже при двѣнадцати часовомъ трудѣ работникъ втеченіе субботы, воскресенья и праздниковъ можетъ употребить въ годъ триста часовъ на чтеніе [1]), а это равняется десяти тысячамъ страницамъ. Десять тысячъ страницъ серьезнаго чтенія въ годъ совершенно достаточны для того, чтобы поддерживать образованіе. Это прямо указываетъ намъ, къ чему мы должны стремиться. Условіе наибольшаго счастья для государей и вельможъ точно такое же; если стремленіе къ величію и богатству заставляло ихъ браться за несвойственное имъ дѣло, то они поразительнымъ образомъ уменьшали свое счастье и иногда доводили себя до чудовищнаго матерьяльнаго и нравственнаго упадка; но если они по своимъ способностямъ созданы были для своего мѣста, то блескъ и роскошь неменѣе поразительно убивали въ нихъ нравственное чувство, то есть то чувство, которое заставляетъ насъ стремиться давать каждой вещи наиболѣе выгодное для міровой жизни употребленіе. Мы видѣли даже, что они бывали тѣмъ вреднѣе, чѣмъ были способнѣе. Такой человѣкъ лишаетъ себя самаго обильнаго источника лучшихъ ощущеній въ жизни, точно такъ же, какъ фанатики-дикари, ополчаясь противъ умственнаго развитія и погрязая въ невѣжествѣ втеченіе столѣтій, лишаютъ себя самаго обильнаго изъ второстепенныхъ источниковъ счастья—изъ второстепенныхъ, говорю я, потому что источникъ первой

[1]) шесть часовъ изъ 36 свободныхъ часовъ отъ субботы вечера до понедѣльника утра

степени, это одни инстинкты міровой жизни, нравственное чувство, побуждающее человѣка исполнять свое назначеніе, плодить жизнь на землѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Государства застоя.—Заключеніе.—Какъ достигается правильное удовлетвореніе потребностей.—Почему наибольшее счастье для каждаго отдѣльнаго человѣка и для всѣхъ вмѣстѣ можетъ быть достигнуто только тогда, когда вознагражденіе за трудъ будетъ одинаково въ разныхъ и увеличиваться только въ каждой отдѣльной отрасли по мѣрѣ успѣшности труда — Почему при другихъ условіяхъ и при возвеличеніи за власть и богатство невозможно правильное раздѣленіе труда. — Спеціальная военная интеллигенція, соціально-политическая община краснокожихъ.

Теперь мы можемъ приступить къ общему заключенію о жизни государствъ застоя. Мы видимъ, что какъ скоро въ человѣкѣ существуетъ какая-нибудь потребность, то является и побужденіе къ ея удовлетворенію, но побужденіе это всегда неопредѣленно, безъ участія разсудка, безъ правильнаго анализа оно никогда не укажетъ человѣку правильнаго пути. Чаще всего мы видимъ, что человѣкъ склоненъ заглушать свою потребность вмѣсто того, чтобы удовлетворять ей. Безъ помощи разсудка онъ не можетъ понять сложности потребностей—удовлетворяя той, которую онъ почувствовалъ всего прежде, онъ не думаетъ о томъ, что онъ заглушаетъ этимъ другія, которымъ для наибольшаго своего счастья онъ долженъ былъ бы давать нормальное удовлетвореніе Чувствуя инстинкты голода и сладострастія, человѣкъ старается удовлетворять имъ безмѣрно, не думая о томъ, что если онъ для созданія потребляемой имъ пищи поглотитъ дѣятельность двухъ, десяти или ста человѣкъ, если онъ для удовлетворенія своему сладострастію вмѣсто одной жены заведетъ себѣ гаремъ, то онъ этимъ лишитъ нормальнаго удовлетворенія свои инстинкты міровой жизни и приготовитъ себѣ уменьшеніе своего счастья и упадокъ своихъ силъ. Потребность самосохраненія заставляетъ человѣка геройски отстаивать свою жизнь, но тоже самое мужество дѣлаетъ его завоевателемъ. Отсутствіе чистоты, удобства и симметріи можетъ имѣть самое вредное вліяніе на условія его существованія, грязная жизнь дѣлается источникомъ истребительныхъ повальныхъ болѣзней, и это доводитъ человѣка до роскоши и великолѣпія—этого величайшаго бича для инстинктовъ міровой жизни. Если человѣкъ для себя самаго не могъ опредѣлить безъ участія умственнаго развитія нормальные размѣры для удовлетворенія каждой изъ своихъ потребностей, то вовсе неудивительно, что онъ не могъ сдѣлать этого для другихъ. Ему казалось, что онъ будетъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ больше онъ будетъ имѣть пищи, женщинъ,

предметовъ роскоши, чѣмъ страшнѣе и грознѣе онъ будетъ для своихъ враговъ, — мудрено ли, что онъ уважалъ и возвеличивалъ, какъ достойный подражанія примѣръ, тѣхъ, у которыхъ онъ все это видѣлъ въ безмѣрныхъ количествахъ. Но уваженіе, которое чувствовалъ человѣкъ къ подобнымъ сильнымъ людямъ, удовлетворяло искусственнымъ путемъ инстинкты міровой жизни, вложенные въ душу этимъ сильнымъ, и при недостаточно-свѣтломъ взглядѣ на условія человѣческой жизни заставляло ихъ дѣлать чудовищныя вещи, которыя въ концѣ концовъ не могли имѣть никакой другой цѣли, кромѣ самаго уродливаго удовлетворенія міровыхъ инстинктовъ. Онъ нетолько имѣлъ женъ и наложницъ для удовлетворенія своего сладострастія, но имѣлъ ихъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что онъ наконецъ большинство изъ нихъ ни разу не видалъ въ своей жизни, а если и видѣлъ, то не могъ бы узнать въ лицо. Персидскому царю Хозрою его умъ не помѣшалъ имѣть двѣнадцать тысячъ женщинъ въ своемъ гаремѣ, хотя онъ былъ уже дряхлымъ старикомъ, и своимъ великолѣпіемъ, предназначеннымъ для того, чтобы возвеличиться въ глазахъ своихъ подданныхъ, возбудить противъ себя всеобщее негодованіе и дойти до того, что онъ былъ умерщвленъ своимъ собственнымъ сыномъ. Знаменитые воины имѣли цѣлые полки красавицъ — невоинственныхъ амазонокъ, а несчастныхъ жертвъ, предназначенныхъ совершать военныя упражненія для ихъ потѣхи. Такое чудовищное удовлетвореніе міровыхъ инстинктовъ заставляло Тамерлана гордиться тѣмъ, что онъ въ Испагани истребилъ почти всѣхъ жителей, что онъ бралъ тамъ съ своихъ солдатъ дань человѣческими головами и что въ одной пирамидѣ онъ сложилъ семдесятъ тысячъ головъ. Для того, чтобы человѣкъ могъ выполнять свое назначеніе плодить жизнь на землѣ, необходимо было дать ему большую силу, но большая плодоносная сила при дурномъ употребленіи должна обратиться въ столь же великое начало истребенія—это логически неизбѣжный результатъ. При такомъ положеніи одинъ человѣкъ, вродѣ Тамерлана, покоривъ себѣ всю поверхность земли, вмѣстѣ съ своими потомками могъ бы на вѣчныя времена удерживать всю землю въ томъ состояніи, въ которомъ находятся мѣстности, населенныя дикарями; прогрессъ сдѣлался бы невозможнымъ. Вотъ почему природа создала человѣка такимъ образомъ, что каждый разъ, когда онъ дѣлаетъ изъ своихъ силъ ненормальное употребленіе, онъ черезъ это самое ослабляетъ себя, и его паденіе будетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ ненормальнѣе будетъ употребленіе силъ. Вотъ почему мы видимъ въ государствахъ застоя рядомъ съ самыми нелѣпыми понятіями о человѣческомъ счастьи, о величіи и объ употребленіи силъ и самое быстрое разрушеніе силъ составившихся и обществъ организовавшихся. Съ той неумолимой послѣдовательностью, съ которою дѣйствуютъ всѣ законы природы, это ослабленіе вкрадывалось незамѣтно для глазъ при всякомъ отступленіи отъ нормы, какъ бы оно ни было незначительно. Когда въ X столѣтіи поэтъ Рудики жилъ въ Персіи съ тою же самою пышностью, съ которою живутъ у насъ современныя литературныя знаменитости, когда онъ держалъ около себя двѣсти человѣкъ прислуги, когда ему во время

путешествія нужно было четыреста верблюдовъ, чтобы вести за нимъ всѣ предметы, необходимые для его удобства, тогда и онъ, и его современники тщеславились этимъ и, конечно, не могли замѣтить, что вмѣсто того, чтобы увеличивать, они уменьшали этимъ свое счастье и ненормальнымъ употребленіемъ силъ порождали ихъ ослабленіе и готовили себѣ паденіе; но не прошло даже жизни одного поколѣнія, какъ газневиды заставили ихъ слишкомъ тяжко почувствовать свою ошибку.

Люди не умѣли понять, что невозможно иначе увеличивать своего счастья, какъ посредствомъ наибольшаго развитія въ себѣ тѣхъ способностей, которыя всего болѣе приносятъ людямъ пользы и способны плодить жизнь на землѣ. Фактъ такого непониманія въ свою очередь очень понятный. Удовлетвореніе способности только тогда доставляетъ удовольствіе, когда она уже развилась и существуетъ, время же ея развитія нерѣдко тяжко. Сколько разъ вы можете услыхать отъ дѣвушки, когда она растетъ и развиваются ея органы, что она желала бы умереть, сколько разъ юноша въ тоже самое время думаетъ о самоубійствѣ. Къ счастью тутъ развитіе зависитъ не отъ нихъ, иначе они вѣроятно бы остановили его и остались на всю жизнь слабосильными карликами. Еслибы общественное мнѣніе въ дѣлѣ развитія способностей смотрѣло здравыми глазами, то число ошибочныхъ путей, избираемыхъ людьми, конечно, значительно бы уменьшилось; но къ несчастью было прямо наоборотъ: человѣкъ понижался во мнѣніи общества, если онъ избиралъ нормальный для себя путь, и тягость, сопряженная съ развитіемъ, и общественное мнѣніе одинаково толкали его на гибельную для его счастья и для счастья человѣчества дорогу и выходили изъ этого общества застоя. Инстинкты міровой жизни, вмѣсто того, чтобы побуждать его къ развитію тамъ, гдѣ оно было для него трудно, дѣйствовали въ немъ прямо наоборотъ и этимъ не только мѣшали правильному развитію способностей, но не давали въ немъ развиваться и нравственному чувству, которое точно такъ-же, какъ и всѣ другія способности, можетъ дѣйствовать только тогда, когда оно развилось. Общественное мнѣніе ложно, а нравственное чувство, т. е. та сила, которая, развившись съ участіемъ разума изъ инстинктовъ міровой жизни, заставляетъ человѣка не только понимать свое назначеніе на землѣ, но и выполнять его, хотя бы и наперекоръ общественному мнѣнію, въ зародышѣ и не можетъ развиться.

Все это было причиною, что люди застоя никакимъ образомъ не могли напасть на единственный путь, который бы имъ обезпечилъ правильное развитіе способностей каждаго индивидуума, а потому и наибольшее счастье каждаго изъ нихъ. Вознагражденіе за трудъ для всѣхъ отраслей труда, какъ матеріальнаго, такъ и интеллектуальнаго, должно было бы быть одинаково, оно должно было бы измѣняться только внутри самой отрасли, смотря по полезности и успѣшности труда. Тогда, конечно, каждый избиралъ бы трудъ наиболѣе соотвѣтствующій его способностямъ нетолько потому, что его къ этому побуждали бы инстинкты міровой жизни и стремленіе къ наибольшему счастью, но и потому, что онъ тутъ могъ бы найти себѣ самое вѣрное обезпеченіе и наиболѣе удо-

влетворить своимъ инстинктамъ самосохраненія. Люди застоя, желая отдать самыя важныя отрасли труда въ самыя способныя руки, связали съ ними несоразмѣрно громадныя вознагражденія и возвеличивали въ своемъ мнѣніи безмѣрно людей за это богатство и даже за одно обладаніе властью. Вышло однакоже, что они на дѣлѣ произвели прямо противоположное тому, что нужно было бы сдѣлать. Они заставили всѣхъ и способныхъ, и неспособныхъ кинуться на заманчивое дѣло, они произвели борьбу и давку изъ этихъ мѣстъ, которыя кидали постоянно общество въ бездну анархіи, и вмѣсто того, чтобы однажды пріобрѣтенную цивилизацію развивать дальше, они этимъ путемъ породили уничтоженіе ряда цивилизацій и общества, которыя втеченіе тысячелѣтій постоянно обращались все вновь къ варварству Давка, побуждавшая конкурентовъ ко всевозможнымъ насиліямъ, въ концѣ концовъ приводила къ тому, что сдѣлались необходимыми такіе порядки при замѣщеніи этихъ мѣстъ, при которыхъ способность къ дѣлу не играла уже никакой роли, напротивъ мѣста должны были въ громадномъ большинствѣ случаевъ доставаться неспособнымъ. Во время династіи Сассанидовъ Персія, повидимому, пользовалась наиболѣе гуманнымъ управленіемъ, тутъ былъ случай съ Барамомъ II, о которомъ мы говорили выше, тутъ могло явиться соціальное ученіе, которое пріобрѣло большое значеніе, тутъ однажды даже провозглашена была вѣротерпимость, тутъ мы видимъ большее противъ обыкновеннаго на востокѣ уваженіе къ женщинѣ, и женщины даже вступаютъ на престолъ. Не смотря на это, изъ длиннаго ряда государей, смѣнявшихъ другъ друга втеченіе четырехъ сотъ лѣтъ, было только пять способныхъ, изъ нихъ двое вошли на престолъ среди междуусобій, одинъ былъ злодѣемъ и убитъ, одинъ убилъ своихъ дѣтей и велъ междуусобную войну съ сыномъ. Изъ остальныхъ семнадцать государей и государынь были совершенно неспособны къ управленію, по крайней мѣрѣ восемь были убиты, восемь свержены съ престола, нѣкоторые царствовали все время среди междуусобій. Послѣ смерти Хозроя, который убилъ двухъ своихъ дядей и самъ былъ убитъ по требованію солдатъ и народа, втеченіе четырехъ лѣтъ смѣнилось десять государей и государынь. Подобное положеніе было менѣе всего благопріятно для замѣщенія государственныхъ должностей способными лицами, куда съ такимъ же ожесточеніемъ гѣснились всякіе пролазы и негодяи. Мы видимъ, что даже въ тѣ времена, когда въ государствахъ застоя бывало густое населеніе, когда тамъ процвѣтали земледѣліе и промышленность и все указывало на то, что въ массахъ народа были распространены миролюбіе и склонность къ труду, въ высшихъ сферахъ происходила точно такая же давка и борьба, гдѣ проливалось много крови, разорялось много созданнаго трудомъ и гдѣ въ окончательномъ результатѣ торжествовала неспособность и разрушалась цивилизація. Подобные порядки приводили къ тому, что послѣ кочевыхъ народовъ, люди, которыхъ спеціальностью былъ интеллектуальный трудъ, были первыми пропагандистами лѣни и постыдности труда. Матеріяльное вознагражденіе даже тамъ, гдѣ оно составляетъ только необходимое обезпеченіе, служитъ все-таки недостаточнымъ стимуломъ для возбужденія

къ трудолюбію: необходимо, чтобы сверхъ того къ этому поощряло общественное мнѣніе. Номадъ, который живетъ среди общества, презирающаго трудъ, не берется за работу даже тогда, когда у него нечего ѣсть. Онъ старается пріобрѣсти себѣ раба и держитъ въ рабствѣ свою жену. Если этого недостаточно для обезпеченія нуждъ семейства, то онъ броситъ своихъ дѣтей на произволъ судьбы или зароетъ ихъ въ землю, будетъ питаться мышами и всякой дрянью, будетъ спать подъ камнемъ или въ пещерѣ, наконецъ, пойдетъ грабить или пристанетъ къ какому нибудь воюющему племени и отдастъ свою жизнь за дѣло, которое его вовсе не касается—а работать онъ все-таки не будетъ. Для него легче будетъ, если его возьмутъ силой, обратятъ въ рабство, заставятъ работать и будутъ за это кормить, чѣмъ приняться за трудъ самому — онъ тутъ имѣетъ оправданіе въ шансахъ война. Вотъ какова натура человѣка, вотъ какъ велика въ немъ сила общительности, какъ трудно ему бороться съ общественнымъ мнѣніемъ даже и тогда, когда его побуждаютъ къ этому самые сильные инстинкты самосохраненія. Послѣ этого нетрудно себѣ представить, какъ гибельно было вліяніе высшихъ слоевъ общества, гдѣ проповѣдывалось пріобрѣтеніе до крайнихъ размѣровъ излишняго и — царство лѣни.

Рядомъ съ этой пропагандой лѣни и грабительскихъ наклонностей, мы видимъ другое зло, исходящее изъ того же корня. Послѣ развитія трудолюбія, развитіе способностей, въ особенности интеллектуальной и нравственной силы, составляетъ главный источникъ человѣческаго счастья, между тѣмъ при подобномъ настроеніи уваженіе къ людямъ, всего болѣе способствующимъ такому настроенію, нетолько не увеличивается, но уменьшается. У племенъ не организовавшихся мы встрѣчаемъ такое положеніе, при которомъ интеллектуальное превосходство составляетъ только нравственную, но за то самую большую силу въ обществѣ. Въ степяхъ Сахары марабу и тольба, т. е ученые составляютъ самую могущественную часть общества. Они собираются особыми общинами и управляются шерифами. Кочевые роды считаютъ честью подчиняться имъ и добровольно отдаются подъ ихъ покровительство. Одна изъ самыхъ знаменитыхъ общинъ это Уледъ-Сиди-Шейхъ. Она раздѣляется на два отдѣленія—на восточныхъ и западныхъ. Они нетолько пользуются всеобщимъ уваженіемъ, но множество родовъ добровольно признаютъ себя ихъ подчиненными и приносятъ имъ подарки (зіара) У одной части восемнадцать подчиненныхъ племенъ (кедамъ), въ томъ числѣ родъ Гайманъ одинъ можетъ выставить двѣ тысячи конницы. Марабу часто сильнѣе султана, который самъ платитъ имъ дань (олада) и освобождаетъ ихъ отъ податей и повинностей. Ихъ подчиненныя (кедамъ) прежде всего признаютъ надъ собою права марабу и затѣмъ уже права султана. Марабу получаютъ отъ богатыхъ приношенія и раздаютъ ихъ бѣднымъ и больнымъ, которые стекаются къ нимъ толпами. Благодаря вмѣшательству Марабу, споры между ихъ кедамъ рѣдко доходятъ до ссоры и еще рѣже разрѣшаются оружіемъ. Они до извѣстной степени исполняютъ истинное назначеніе сильныхъ, они помогаютъ безпомощнымъ и охраняютъ свободу, уменьшая кровавыя

распри, плодящія рабство. Уваженіе къ нимъ такъ велико, что даже государи охотно роднятся съ ними, императоръ Морокко Мулла-Абд-эр-Романъ женился на сестрѣ Сиди-Гамза одного изъ Сиди-Шейховъ. Конечно ихъ міровоззрѣніе также неправильное, и съ развитіемъ общества они сдѣлались-бы его притѣснителями, но я упомянулъ о нихъ не потому, что признавалъ ихъ міровоззрѣніе правильнымъ, а для того, чтобы показать, какъ естественно для первобытнаго человѣка цѣнить развитіе способностей, въ особенности интеллектуальныхъ, и какъ онъ инстинктивно чувствуетъ, что въ этомъ лежитъ самый обильный источникъ его счастья. Съ подобнымъ же вліяніемъ Марабу мы встрѣчаемся и на островахъ, прилегающихъ къ Африкѣ. Такое вліяніе можно было-бы приписать исключительно религіозности. Но вотъ мы видимъ племя, которое мало религіозно — это кабилы, которыхъ арабы считаютъ плохими мусульманами. Они имѣютъ несравненно менѣе предразсудковъ, не вѣрятъ въ порчу глазомъ и несравненно менѣе вѣрятъ амулетамъ, Марабу пользуются и у нихъ наибольшимъ уваженіемъ, они нетолько стоятъ выше аристократіи военнаго и духовнаго происхожденія, но и выше оминовъ-начальниковъ племенъ и конфедерацій. Во время выборовъ они предлагаютъ народу кандитатовъ на должности, которыхъ считаютъ наиболѣе достойными. Въ народныхъ и федеративныхъ собраніяхъ они руководятъ преніями — они объясняютъ причину собранія, когда произнесены всѣ рѣчи, они составляютъ комитетъ и дѣлаютъ окончательное постановленіе, когда народъ съ ними согласенъ; всѣ стрѣляютъ изъ ружей, и это называется—эль-мейсъ (рѣшеніе). Ихъ вліяніе такъ велико, что они могутъ даже заставить побѣдившее племя признать себя побѣжденнымъ Они охраняютъ неприкосновенность рынка, не дозволяютъ тамъ ни арестовъ, ни мести, ни респрессалій. Они распоряжаются приношеніями кабиловъ, которыя доставляются въ мечеть и употребляются на содержаніе школъ, на вспомоществованіе бѣднымъ, на покупку пороха и оружія для неимущихъ. Вліяніе ихъ такъ велико, что утверждаютъ, что будто-бы кабилъ рѣшится убить собственныхъ своихъ дѣтей, если онъ получитъ на это приказаніе отъ марабу, что можно, будто-бы, сказать, что все имущество народа въ ихъ власти. Таково вліяніе интеллигенціи у народа, который никогда не молится, очень плохо исполняетъ посты и обряды омовенія и гдѣ бѣдный мусульманинъ не затрудняется ѣсть свинину. До какой степени подобные инстинкты обще распространены у людей, видно изъ того, что первыя благоустроенныя общества были основаны на теократическомъ управленіи подобнаго происхожденія. Тутъ во главѣ стояли нетолько учители религіи, но интеллигенція вообще. Это былъ перевѣсъ интеллектуальныхъ способностей надъ грубой военной силой. Первыя религіи заключали въ себѣ и первую философію. Что это было преобладаніе нетолько учителей религіи, но интеллигенціи вообще, видно также изъ того, что въ самыхъ цвѣтущихъ изъ такихъ обществъ подобное преобладаніе, такъ называемаго, духовнаго сословія мирилось съ широкой вѣротерпимостью, напр. въ Китаѣ, въ Японіи. Но ложные чувства и взгляды, которые возвеличиваютъ человѣка за геройство, богатство и власть, при-

водятъ къ тому, что та часть общества, которая сосредоточиваетъ свое вниманіе на развитіи въ себѣ и въ другихъ интеллектуальныхъ способностей, отступаетъ постепенно на послѣдній планъ даже въ тѣхъ обществахъ, которыя въ государствахъ застоя оказывалися наиболѣе склонными признавать ихъ значеніе. Они побуждали интеллигенцію дѣлать свое занятіе наслѣдственнымъ, устранять состязаніе и чрезъ это самое убивать умственную жизнь и, вмѣсто господства дѣятельной мысли и дѣятельнаго нравственнаго чувства, водворять плодящее невѣжество, господство формальной религіи Но это прямо приводило къ упадку умственной жизни, а упадокъ умственной жизни къ борьбѣ съ военнымъ сословіемъ, оканчивавшейся преобладаніемъ послѣдняго и явленіями вродѣ истребленія магозъ въ Персіи Даже въ самыя цвѣтущія времена цивилизаціи въ государствахъ застоя люди науки стояли на послѣднемъ планѣ, гораздо ниже военныхъ начальниковъ и духовенства, они никогда не были уже въ состояніи играть ту первостепенную роль, которую играетъ интеллигенція у какихъ нибудь кабиловъ или арабовъ Сахары. Но даже и на томъ мѣстѣ, на которомъ они стояли, раздѣляемыя ими воззрѣнія на богатство, какъ на единственное орудіе для своего возвышенія, лишали даже самыхъ замѣчательныхъ между ними нравственнаго достоинства Многіе ли между восточными учеными пользуются большею извѣстностью, чѣмъ Фердузи, а между тѣмъ про него разсказываютъ, что когда Махмудъ далъ ему за его исторію неудовлетворительный по его мнѣнію подарокъ, тогда онъ присовокупилъ къ ней порицаніе, относящееся къ этому государю, и для того, чтобы избавиться отъ его преслѣдованій, онъ удалился въ хоросанскій городъ Тосъ. Такъ писалъ исторію человѣкъ, котораго твореніе должно было служить важнымъ источникомъ для потомства.

Еще болѣе вреда принесли эти ложныя чувства и міровоззрѣнія въ слѣдующемъ отношеніи. Одно изъ первыхъ условій для общественнаго прогресса, для умственнаго и нравственнаго развитія общества — это раздѣленіе труда. Тамъ, гдѣ одинъ и тотъ же человѣкъ долженъ быть и земледѣльцемъ, и ремесленникомъ, и механикомъ, и воиномъ, и ученымъ, и политикомъ, тамъ общество можетъ быть только въ дикомъ или полудикомъ состояніи. Но раздѣленіе труда, увеличивая годность людей къ полезной дѣятельности и чрезъ это производительность всего общества, имѣетъ такую сторону, которая дѣлаетъ его истинно полезнымъ только при правильныхъ чувствахъ и міровоззрѣніяхъ людей. Неправильные взгляды и міровоззрѣнія нетолько уменьшаютъ, но могутъ окончательно уничтожить всю пользу раздѣленія труда и поставить общество въ такое положеніе, при которомъ оно лишится всякой возможности идти впередъ и очутится даже въ болѣе невыгодномъ положеніи, чѣмъ до раздѣленія. Сторона эта заключается въ томъ, что съ раздѣленіемъ труда люди, занимающіеся различными спеціальностями, черезъ это самое получаютъ въ обществѣ различную силу Сила эта, часто искусственная, не имѣетъ никакой полезной стороны и кромѣ вреда ничего принести не можетъ, а между тѣмъ она даетъ возможность сильнымъ элементамъ нетолько

притѣснять, но окончательно поработить слабыхъ, уничтожить этимъ цивилизацію, расплодить бѣдность и варварство. У общества есть только одно средство защищаться противъ этого зла — оно должно уничтожать раздѣленіе труда во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ спеціалистъ злоупотребляетъ силою, неразрывно связанной съ его спеціальностью; но, поступая такимъ образомъ, общество именно настолько возвращается къ варварству, насколько оно уничтожитъ раздѣленіе труда. Поэтому первое условіе для общественнаго счастья и прогресса заключается въ томъ, чтобы люди, которые чрезъ спеціальность получаютъ силу, не имѣли склонности злоупотреблять этой силой и не вынуждали бы этимъ общество уничтожать въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ раздѣленіе труда. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы всѣ люди въ обществѣ понимали солидарность человѣческихъ интересовъ, чтобы общественное мнѣніе возвеличивало людей за полезную, а не за вредную дѣятельность и чтобы каждый человѣкъ чувствовалъ, что наибольшаго счастья онъ достигнетъ только тогда, когда всѣ его дѣйствія будутъ направлены къ наибольшему счастью всѣхъ людей. Этого никогда не понимали въ государствахъ застоя, а потому тамъ всякое раздѣленіе труда или приводило общество къ порабощенію, или побуждало его ослаблять силу спеціалистовъ, уменьшать этимъ развитіе общественныхъ силъ, подвергать народъ опасности и гибели. Одна цивилизація гибла, такимъ образомъ, за другою, и никогда общество не было въ состояніи достигнуть наиболѣе благопріятнаго раздѣленія труда. При развитіи производительности прежде всего являлась потребность выдѣлить военное сословіе, но какъ скоро военное ремесло становится дѣломъ спеціалистовъ, то оно даетъ воинамъ такую силу, что они могутъ въ полномъ своемъ повиновеніи держать вдесятеро болѣе многочисленное мирное населеніе. Въ Римѣ каждый земледѣлецъ былъ въ то же время воиномъ, поэтому угнетать римскихъ гражданъ было гораздо труднѣе, и они пользовались сравнительно значительною свободою, но изъ римской исторіи мы ясно видимъ, какъ раззорительно было такое положеніе для земледѣльца. Чтобы поддержать себя, имъ необходима была военная добыча и рабы, которые замѣняли бы ихъ при земледѣльческихъ работахъ во время походовъ. Воины-земледѣльцы дали большую силу римскому государству, но зато же они сдѣлали изъ него завоевателя, который до того привыкъ постоянно вести войну, что наконецъ закрытіе храма войны по случаю всеобщаго мира сдѣлалось необыкновеннымъ происшествіемъ. Римскій гражданинъ изъ земледѣльца, такимъ образомъ, превратился въ воина-спеціалиста, который грозно царилъ надъ массой порабощенныхъ тружениковъ, пока наконецъ изъ его собственной среды не выработались новые воины-спеціалисты, которые сдѣлались главной силой государства и породили знаменитое завѣщаніе императора С. Севéра своимъ дѣтямъ: «Будте согласны, обогащайте воиновъ, всѣхъ другихъ презирайте.» Въ Карѳагенѣ раздѣленіе труда было совершеннѣе, войско было наемное и отдѣлено отъ мирныхъ занятій. Состояніе земледѣлія было цвѣтущее, мѣстность кругомъ Карѳагена была превосходно обработана, торговля и промышленность также процвѣтали, но зато же странѣ

приходилось много терпѣть отъ своихъ солдатъ, государство не могло имѣть той силы, которую придавалъ Риму воинъ-земледѣлецъ и должно было пасть въ борьбѣ съ Римомъ. Въ греческихъ республикахъ мы видимъ то же, что въ Римѣ: воинъ-земледѣлецъ мало по малу превращается въ господина, всѣ отрасли труда переходятъ въ руки рабовъ и зависимыхъ людей, воинъ дѣлается полновластнымъ притѣснителемъ и наконецъ все общество держится въ повиновеніи посредствомъ отдѣльной отъ гражданъ военной силы. На востокѣ обращеніе военнаго ремесла въ спеціальность дѣлалось постоянно источникомъ обѣдненія странъ и паденія цивилизацій. Если правленіе было выборное, какъ въ Алжирѣ, то страна обращалась въ гнѣздо разбойниковъ, постоянно занимавшихся грабежемъ, выборъ рѣшался войскомъ и сопровождался кровопролитіемъ. Если населеніе состояло изъ воиновъ-земледѣльцевъ, какъ у древнихъ Персовъ, то они дѣлались завоевателями и, водворивши свою власть надъ многочисленнымъ мирнымъ населеніемъ, очень скоро портились. Персидскіе государи истощали свою родину, высылая оттуда значительную часть взрослаго населенія для пополненія многочисленныхъ гарнизоновъ. Эти гарнизоны смотрѣли на себя, какъ на завоевателей и деморализировались очень быстро, такъ что приходилось наконецъ прибѣгать къ наемнымъ войскамъ, и государство очень скоро погибало отъ слабости. На востокѣ всякое войско феодольное, наемное, набранное изъ рабовъ забирало себѣ всю власть въ руки, и его предводители наконецъ распоряжались государствомъ и государемъ. Поэтому какъ скоро тамъ являлась цивилизація, то старались держать какъ можно менѣе войска, чтобы солдаты не высасывали силы страны и не мѣшали ея развитію; но чрезъ это государство дѣлалось до того слабымъ, что оно никакъ не могло сопротивляться хищникамъ, даже гораздо менѣе многочисленнымъ. Очень интересно наблюдать, какъ арабская цивилизація сдѣлалась жертвою подобнаго положенія. Когда государи держали много наемнаго войска, то, наконецъ, вся власть перешла въ руки начальниковъ турецкихъ наемниковъ; когда, опасаясь подобнаго бѣдствія, они старались держать мало войска, они не могли сопротивляться внѣшнимъ врагамъ, сдѣлались жертвою монголовъ и Тамерлана и были изгнаны изъ Испаніи. Въ этомъ отношеніи можно встрѣтиться съ самыми поразительными примѣрами; весьма поучтельна напр. исторія возвышенія Тамерлана. Онъ началъ свою карьеру съ нѣсколькими десятками воиновъ. Гуссейна, который повелѣвалъ милльонами людей, онъ осадилъ въ Куршѣ и взялъ эту сильную будто-бы крѣпость съ 243 сподвижниками; съ такими же ничтожными силами онъ бралъ многолюдные города. Если рядомъ съ войскомъ граждане были вооружены, то оказывалось, что и это не помогало; они не могли имѣть никакого значенія ни для отпора внѣшнимъ врагамъ, ни для огражденія внутренняго порядка, потому что могли быть вооружены только недостаточно и не имѣли никакой дисциплины. Это обнаружилось, напр., очень ясно во время осады афганами Испагани. Постоянное войско было слишкомъ слабо для того, чтобы сопротивляться, а дѣйствія вооруженныхъ гражданъ оказались неудовлетворительными даже противъ такой недисциплированной толпы, какъ афганы.

Какъ ни затруднительно было то положеніе, въ которое военная спеціальность ставила государства застоя, но ненормальности организаціи труда въ этомъ отношеніи оказывались совершенно ничтожными въ сравненіи съ тѣми, которыя мы видимъ, когда начинаютъ выдѣляться спеціальности, которыя попадаютъ въ исключительное распоряженіе высшаго интеллектуальнаго сословія. Тутъ мы видимъ, что нѣсколько сотенъ лицъ могли держать въ рабствѣ, бѣдности и въ вѣчномъ невѣжествѣ цѣлые милліоны, не исключая изъ числа ихъ и воиновъ-спеціялистовъ. Какъ бы ни была притѣснительна для народа военная спеціальность, но постоянное войско въ большей части случаевъ оказывалось значительнымъ прогрессомъ. У полудикаго народа также выработывалась военная спеціальность, но она выработывалась въ томъ смыслѣ, что каждый мужчина былъ воинъ а всѣ работы лежали на женщинѣ. Краснокожій индѣецъ, находящійся въ полуосѣдломъ состояніи, нетолько возлагалъ всѣ земледѣльческія работы на женщинъ, но считалъ подобное занятіе до того для себя унизительнымъ, что когда Испанцы принуждали ихъ къ работѣ, то они столько же погибали отъ оскорбленнаго чувства своего достоинства, сколько и отъ непривычки къ труду. Въ современныхъ Соединенныхъ Штатахъ, тамъ, гдѣ полуосѣдлый индѣецъ встрѣчается съ европейцами, онъ тотчасъ очутится въ такомъ положеніи, что не можетъ долѣе жить безъ работы; но чрезъ это онъ чувствуетъ себя до того несчастнымъ, что это дѣлается главной причиной вымиранія расы Иное дѣло, если въ народѣ само собою и постепенно выработывается военное сословіе. Если выработавшіеся изъ среды общества воины-спеціалисты принуждали все мужское населеніе къ труду, то насколько бы ни было притѣснительно ихъ господство, а все-таки при новомъ порядкѣ нетолько производительность дѣлалась значительнѣе, но, несмотря на всѣ грабительства, на долю рабочихъ семействъ оставалось больше, и вездѣ, гдѣ произошла такая перемѣна, мы видимъ болѣе густое населеніе. Мы видимъ, что въ чистыхъ демократіяхъ народъ самъ рѣшалъ свои дѣла на площади, но если мы сравнимъ демократію Греціи съ сосѣдней Персіей, гдѣ это дѣло составляло спеціальность немногихъ, то мы видимъ, что чрезъ эту спеціальность нетолько не увеличивалось, но значительно уменьшалось благосостояніе населенія. Сверхъ того, это уменьшеніе происходило нетолько отъ неправильнаго распредѣленія произведеній, которое было громадно — въ рукахъ производителя оставалась иногда десятая доля цѣнности — но еще болѣе отъ того, что для увеличенія своихъ доходовъ высшее сословіе вводило такую организацію труда, которая вмѣсто того, чтобы развивать, парализировала дѣятельность народа. Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ намъ статистика современной Греціи — тамъ оказалось, что изъ числа 7.700,000 десятинъ причислено къ землямъ, способнымъ къ воздѣлыванію, всего 3.778,300 десятинъ, т. е. менѣе половины. Еслибы греческая почва была дѣйствительно по своей природѣ такъ безплодна, то едва ли древняя Греція могла бы достигнуть той высокой степени благосостоянія и цивилизаціи, которой она достигла Но затѣмъ оказывается, что и изъ этого

крайне уменьшеннаго количества способныхъ къ воздѣлыванію земель, дѣйствительно, обрабатывается подъ хлѣбныя растенія всего 226,099 десятинъ, т. е. *тридцать четвертая* часть почвы [1]). Произведеній недостаточно даже для крайне рѣдкаго населенія страны. Положеніе Греціи теперь улучшилось — можно себѣ представить, что было при турецкомъ владычествѣ. Противъ недобросовѣстнаго высшаго сословія народъ не имѣетъ никакого достаточно дѣйствительнаго оружія. Противъ военныхъ притѣсненій можно помогать горю, уничтожая раздѣленіе труда и обращая каждаго гражданина въ воина, но противъ интеллектуальныхъ дѣятелей нѣтъ никакого достаточно дѣйствительнаго средства. Въ Аѳинахъ народъ самъ управлялъ своими дѣлами на площади, однакоже, онъ все-таки былъ не въ силахъ остановить взяточничество и казнокрадство чиновниковъ. Высшая, занимавшая должности часть общества наживала себѣ большія состоянія. Чтобы противудѣйствовать злу, они употребляли самыя энергическія мѣры, они систематически изгоняли самыхъ вліятельныхъ гражданъ, лишали себя такимъ образомъ самыхъ способныхъ людей и дѣлали изъ нихъ опасныхъ враговъ Они дошли до замѣщенія должностей по жребію, т. е. до крайняго предѣла, до котораго можно дойти, уничтожая раздѣленіе труда въ дѣлѣ управленія и обращая его въ руки народа, такъ что оно совершенно переставало быть спеціальностью. Однакоже, всѣ ихъ усилія оказались безплодными. Злоупотребленія только увеличивались, а не уменьшались, и народъ наконецъ охладѣлъ къ своей свободѣ. Въ кочевой палаткѣ бедуина начальники и подчиненные постоянно находятся лицомъ къ лицу, подчиненные всѣ воины и, находясь постоянно вмѣстѣ, видятъ каждый часъ, что они въ десять разъ сильнѣе своихъ начальниковъ; кажется, имъ ничего не стоитъ открыть ихъ злоупотребленія и сговориться, чтобы наказать ихъ. Болѣе благопріятныя условія для того, чтобы держать высшую часть общества въ своихъ рукахъ и придумать невозможно. Однакоже, оказывается, что расхищеніе общественныхъ денегъ племенными начальниками бедуиновъ, явленіе постоянно повторяющееся и не имѣющее исключеній. Начальники родовъ искусственно возбуждаютъ между родами ссоры и заставляютъ ихъ ополчаться другъ противъ друга войною. Если родъ окажется сильнѣе, то начальники берутъ съ противниковъ взятки за примиреніе, если онъ окажется слабѣе, то они даютъ такіе взятки, конечно, тайно и имѣютъ при этомъ возможность утаить часть взятаго у народа для себя. Такимъ образомъ начальники поддерживаютъ постоянную войну между племенами, т. е. главную причину, мѣшающую человѣку выйти изъ первобытной бѣдности. Очевидно, что пока общественное мнѣніе будетъ

---

[1]) Почва Греціи распредѣляется слѣдующимъ образомъ: изъ 7.700,000 десятинъ пространства, всѣхъ возделанныхъ земель считается 743,600 десятинъ, въ томъ числѣ подъ хлѣбными растеніями 226,01и десятинъ 1 174,800 десятинъ невоздѣланныхъ залежей, 1 859,000 луговъ и пастбищъ, 542,000 десятинъ лѣсу, остается безплодныхъ земель 3,921,700, т. е. болѣе половины, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, за исключеніемъ крайняго сѣвера. У насъ на крайнемъ сѣверѣ въ губерніяхъ Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Пермской считается 147 992,000 десятинъ и неудобной земли 44,548 000 десятинъ, т. е почти треть

возвеличивать человѣка за богатство, пока вслѣдствіе такого общественнаго мнѣнія человѣкъ будетъ въ такомъ увеличеніи богатства видѣть главное основаніе для увеличенія своего счастья, до тѣхъ поръ общество не будетъ имѣть никакихъ дѣйствительныхъ средствъ, чтобы защищаться противъ вредной стороны раздѣленія труда. Такія воззрѣнія вырываютъ у него и послѣднее оружіе, которое оно имѣетъ въ рукахъ. Такъ какъ власть неизбѣжно даетъ богатство, а въ богатствѣ всякій видитъ основаніе своего счастья, то, при сколько нибудь задорномъ характерѣ народа, всѣ тѣснятся въ начальники и общественные выборы превращаются каждый разъ въ кровавое побоище. Это вынуждаетъ наконецъ народъ отказаться отъ самаго дѣйствительнаго средства держать въ рукахъ начальство — отъ выбора и порождаетъ въ кочевой палаткѣ и въ Пуэбло осѣдлаго американца наслѣдственнаго начальника. Какъ скоро совершается этотъ фактъ и изъ этого вытекаетъ большое государство съ независимымъ отъ народа высшимъ классомъ, то злоупотребленіе принимаетъ безконечно громадные размѣры и служитъ главной причиной для порожденія обществъ застоя. Совершенно ясно, слѣдовательно, что прежде всего необходимо, чтобы богатство не возвеличивало человѣка въ общественномъ мнѣніи и чтобы начальники видѣли увеличеніе своего счастья не въ увеличеніи своего богатства, а въ полезной дѣятельности. Въ сравненіи съ этимъ первымъ требованіемъ мѣры, затрудняющіе злоупотребленіе: выборы, контроль, ограниченіе власти, составляютъ уже ничтожныя средства и никогда не будутъ въ состояніи свести вознагражденіе высшей части общества къ среднему уровню обыкновенной заработной платы, а пока это не будетъ достигнуто, невозможно достигнуть и того, чтобы спеціальности высшихъ классовъ замѣщались самыми способными людьми. Страстная конкуренція породитъ давку изъ этихъ мѣстъ, а давка—мѣры, которыя удалятъ наиболѣе способныхъ и поставятъ замѣщеніе въ зависимость отъ случайности, мѣры вродѣ наслѣдственности, недоступности спеціальнаго образованія. (Для того, чтобы спеціальное образованіе было общедоступно, необходимо нетолько, чтобы оно было безвозмездно, но чтобы ученики содержались на общественный счетъ тотчасъ, какъ скоро они кончатъ курсъ народной школы и приступятъ къ спеціальному).

Еще затруднительнѣе положеніе общества по отношенію къ спеціальности учителей человѣчества въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, т. е. къ духовенству и людямъ науки. Какъ скоро общественное мнѣніе возвеличиваетъ людей за богатство и всякій видитъ въ этомъ главное основаніе своего счастья, то общество не имѣетъ никакихъ средствъ бороться съ злоупотребленіями въ сферахъ этихъ спеціальностей. Отъ этихъ спеціальностей зависятъ идеи, которыя будутъ распространены въ обществѣ, а отъ этихъ идей зависитъ его образъ дѣйствій — фатальный кругъ. Уничтоженіе спеціальности и раздѣленія труда въ этой области приводитъ общество къ варварству, а ея существованіе—къ фатальному кругу и замѣщенію мѣстъ спеціалистовъ менѣе способными, такъ что мы видимъ наконецъ, что въ государствахъ застоя духовенство, плодя-

щее невѣжество и мѣшающее умственному и нравственному развитію народа, и рутинеры въ громадномъ большинствѣ случаевъ берутъ верхъ надъ людьми науки и держатъ общества въ неподвижности втеченіе тысячелѣтій. Тутъ мы видимъ еще яснѣе нормальность сведенія заработковъ къ среднему уровню рабочей платы и невозможность это сдѣлать при ложномъ воззрѣніи общества на счастье и величіе. Спеціально-научное развитіе доставляетъ удовольствіе и даже величайшее счастье, но только способному къ нему уму, для малоспособнаго это тягостное бремя. Если не будетъ существовать искусственной приманки вродѣ большаго вознагражденія, то ступать на этотъ путь будутъ только наиболѣе способные люди, потому что они одни могутъ найти на немъ счастье; для умственно слабыхъ это будетъ чистое мученье, ихъ заклюютъ тутъ, но чѣмъ сильнѣе будетъ искусственная приманка, тѣмъ многочисленнѣе будетъ число протискивающихся неспособныхъ, и для того, чтобы удержаться, они будутъ путемъ насилія и запрещеній низводить умственную дѣятельность до своего уровня и давать въ ней преобладаніе фанатическому духовенству и рутинерамъ. Если, съ другой стороны, ученый будетъ возвеличиваться обществомъ за богатство болѣе, чѣмъ за свои познанія, то и наиболѣе способные къ научной дѣятельности люди часто будутъ избирать себѣ поприще, гдѣ можно пріобрѣтать болѣе денегъ, чѣмъ знаній.

Ложныя воззрѣнія на счастье и величіе, отсутствіе понятія объ истинномъ назначеніи человѣка дѣлали невозможнымъ наиболѣе способствующее развитію общества раздѣленіе труда, даже при самомъ благопріятномъ для этого расположеніи людей. Замѣчательный образецъ въ этомъ отношеніи представляетъ намъ краснокожая раса сѣверной Америки; въ расѣ этой мы встрѣчаемъ большую наклонность къ общей жизни и къ общей работѣ. Бродячіе индійцы строятъ себѣ общее помѣщеніе. Ирокезы — длинное жилище изъ коры, гдѣ помѣщается до двадцати семействъ и болѣе; Мейнестерисы, Менденсы, Арнерисы — многоугольный шалашъ, также назначенный для нѣсколькихъ семействъ Индійцы Виргиніи и рѣки Колумбіи строятъ себѣ длинныя зданія, достаточныя для помѣщенія цѣлой общины; индійцы нетолько сами живутъ такимъ образомъ, но сообщаютъ подобныя привычки своимъ сосѣдямъ; въ нашихъ бывшихъ американскихъ владѣніяхъ описывались дикари, которые строили большія общія помѣщенія, гдѣ мужчины проводили вмѣстѣ всю жизнь, между тѣмъ какъ женщины съ семействами помѣщались отдѣльно. При переходѣ отъ бродячаго состоянія къ осѣдлой жизни краснокожіе сохраняютъ свои привычки. Они строятъ себѣ общіе дома съ плоскими крышами изъ грязи и соломы, подобные тѣмъ, которые такъ часто встрѣчаются въ государствахъ застоя, затѣмъ изъ необожженнаго кирпича и изъ камня. Эти дома принимаютъ уже огромные размѣры и могутъ помѣщать въ себѣ нетолько деревню, но маленькій городъ. Это въ одно и тоже время и домъ и крѣпость. Онъ имѣетъ стѣну безъ входа, не имѣетъ наружныхъ дверей и входить въ него можно только посредствомъ лѣсницы, которая втягивается внутрь; онъ строится въ

три и въ пять этажей и состоитъ изъ болѣе или менѣе равныхъ комнатъ и общихъ круглыхъ залъ; какъ внутри дома, такъ и на дворѣ комнаты и цѣлые этажи пристраиваются постепенно, по мѣрѣ увеличенія населенія. Передъ каждымъ изъ верхнихъ этажей—терраса, обращенная внутрь двора, которая состоитъ изъ крыши послѣдняго ряда комнатъ предъидущаго этажа, такъ что домъ представляетъ видъ огромной каменной лѣсницы, гдѣ каждый этажъ составляетъ ступень. Въ 1790 году въ самомъ меньшемъ изъ подобныхъ домовъ въ новой Мехикѣ, въ Санто-Клара, жило 134 человѣка, въ самомъ большемъ Цуни 1,935 человѣкъ. Въ 1864 году тамъ насчитывали двадцать одинъ подобный домъ, съ населеніемъ въ 7,000 человѣкъ, въ меньшемъ Намбе было 94 жителя, въ большемъ Цуни—1,200. Общая жизнь у индѣйцевъ сопровождается и общимъ трудомъ. Индійцы сообща охотятся, ловятъ рыбу, обработываютъ землю и раздѣляютъ произведенія по равнымъ частямъ. Нѣсколько семействъ нетолько имѣютъ общіе запасы, но раздѣляютъ ихъ со всѣми нуждающимися въ деревнѣ. Голодъ и нищета невозможны на одномъ концѣ деревни или общаго дома, если на другомъ господствуетъ изобиліе. Памятники доказываютъ, что прежняя жизнь индійцевъ носила тотъ же самый характеръ. Въ Новой Мехикѣ найдено много развалинъ подобныхъ домовъ, которые заключали въ себѣ до 600 комнатъ и могли вмѣщать въ себѣ до 5,000 человѣкъ. Архитектура этихъ домовъ совершенствовалась съ развитіемъ цивилизаціи, хотя внутреннее устройство ихъ оставалось тоже самое. Встрѣчаются такія развалины, которыя представляютъ видъ величественной мозаики и явно носятъ на себѣ признаки болѣе высокой цивилизаціи, чѣмъ цивилизація Ацтековъ Мехики. Развалины подобныхъ же общественныхъ домовъ на Юкатанѣ и въ Гуатаманѣ показываютъ, что и тамъ была высшая цивилизація, чѣмъ у Ацтековъ, земледѣліе тамъ было болѣе совершенно; утверждаютъ, что тамъ было весьма густое населеніе. У самыхъ Ацтековъ развалины, извѣстныя подъ именемъ дворцовъ Монтезумы, оказались, при ближайшемъ разсмотрѣніи, по устройству своему общественными домами. Такое счастливое расположеніе къ общей жизни, къ равенству, оказывало индійцамъ значительныя и несомнѣнныя услуги при переходѣ отъ охотничьей жизни къ осѣдлой. Этотъ переходъ имъ пришлось совершать въ то время, когда они имѣли только каменныя орудія и прогрессъ былъ бы для нихъ чрезвычайно труденъ, еслибы чрезъ подобныя привычки комбинація и раздѣленіе труда не представляли для нихъ особенныхъ легкостей. Для всякаго очевидно, какъ легко при подобныхъ наклонностяхъ трудъ могъ правильно организоваться. Однакоже оказывается, что прогрессъ и правильная организація общества и тутъ встрѣтили самыя трудно-одолимыя препятствія въ непониманіи человѣческаго назначенія, въ возвеличеніи человѣка за силу, геройство и богатство. Ничѣмъ краснокожій индіецъ не могъ возвеличиться въ общественномъ мнѣніи въ такой степени, какъ военными подвигами; такое настроеніе, вмѣстѣ съ ложно направленнымъ религіознымъ чувствомъ, порождало въ немъ презрѣніе къ человѣческой жизни и еще большее презрѣніе къ человѣческому благосостоянію. Без-

прерывныя войны и суровое отношеніе къ слабымъ мѣшало увеличенію населенія даже и тамъ, гдѣ были самыя изобильныя средства къ существованію. Мѣстности бассейна Колумбіи были раемъ индійскимъ, ихъ главное средство существованія, рыба, было тамъ въ такомъ изобиліи, что сушеную рыбу употребляли вмѣсто топлива, однакоже населеніе тамъ всетаки было весьма рѣдко и не сравнялось даже съ средствами къ существованію, такъ что для индійцевъ не наступилъ даже и первый періодъ развитія, заставляющій людей искать новыхъ средствъ къ обезпеченію увеличивающагося населенія. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ индійцы вели полукочевую жизнь, ихъ общительность и любовь къ равенству не мѣшали имъ презирать земледѣльческій трудъ и предоставлять его исключительно женщинамъ. Бродячіе индійцы всегда считали себя выше осѣдлыхъ, потому что они были воинственнѣе и до самаго покоренія Мехики испанцами осѣдлые нетолько не могли получить рѣшительнаго, но даже никакого перевѣса надъ бродячими, до того они мѣшали имъ развиваться своей воинственностью. Они не могли даже дойти до того состоянія, въ которомъ Азія находилась втеченіе послѣднихъ тысячелѣтій и гдѣ номады могли завоевывать осѣдлыя государства только по временамъ, когда они скоплялись огромными массами. Осѣдлое населеніе не составило еще государства, а между тѣмъ оно уже воевало, оно налагало дань, имѣло наемниковъ, — ацтеки были грозою своихъ сосѣдей. Побѣдоносные фаланстеры гордились накопленными богатствами и распространяли кругомъ себя ненависть и раззореніе: въ конфедераціяхъ явились уже высшіе и низшіе роды, въ средѣ высшихъ родовъ самыя высшія личности, называвшія себя преимущественно солнцемъ. Насилія начинали разлагать общинную жизнь, жители начинали селиться въ отдѣльныхъ домахъ семействами, въ особенности тамъ, гдѣ земля не требовала для обработки искусственныхъ орошеній. Можетъ быть, рядомъ съ господствовавшей общинной и родовой поземельной собственностью, появлялась и частная. Все это, конечно, крайне вредило успѣшному развитію общинной жизни и правильному раздѣленію труда; оно ясно показывало, что краснокожіе, прежде чѣмъ составять государство, могутъ кончить тѣмъ, чѣмъ кончало общество въ Азіи и Африкѣ, что для нихъ было точно также возможно обратиться въ царство инковъ, или что-нибудь подобное, сдѣлаться жертвою деспотизма и падать подъ ударами бродячихъ ордъ. Тутъ могъ составиться тотъ же самый круговоротъ, который мы видимъ въ Азіи и въ Африкѣ; они могли породить безвыходныя общества застоя. До какой степени господство ложныхъ воззрѣній и чувствъ исказило у краснокожихъ мехиканцевъ общинное начало и сдѣлало правильное раздѣленіе труда невозможнымъ, намъ теперь очень трудно понять, потому что разсказы испанцевъ о завоеванныхъ мехиканцахъ гораздо сбивчивѣе баснословія. Они вовсе неспособны были правильно понять бытъ совершенно имъ чуждый, они не обращали никакого вниманія на частности и условія мѣстной жизни, а старались только свои разсказы дѣлать способными воспламенять воображеніе испанца того времени; изъ отрывочнаго и невѣрнаго наблюденія они дѣ-

лали цѣлую картину, гдѣ было сто доль лжи и одна искаженной истины, они умышленно самымъ безсовѣстнымъ образомъ искажали истину и старалися представлять индѣйцевъ какъ можно болѣе порабощенными высшимъ сословіемъ, потому что мадритское правительство крайне подозрительно смотрѣло на испанцевъ въ Мехикѣ и опасалось, чтобы, поработивъ населеніе, они не пріобрѣли тамъ слишкомъ большую силу. Завоевателямъ, обращая все населеніе въ рабовъ, нужно было показывать видъ, будто они только становятся на мѣсто прежнихъ господъ. Американцы считаютъ несомнѣннымъ, что Монтезума жилъ въ общинномъ домѣ, въ которомъ ему принадлежала часть равная со всѣмъ прочимъ населеніемъ дома. Роскошь краснокожихъ была публичная, а не частная. Начальники были окружены роскошью, когда они отправляли свои обязанности, а ихъ дѣти одѣвались также, какъ весь народъ. Конфедерація ацтековъ расположена была въ южномъ углу современной Мехики. На сѣверѣ всѣ племена были независимы, на югѣ она не простиралась на Юкатанъ и центральную Америку. Еслибы все это пространство принадлежало ацтекамъ, то и въ такомъ случаѣ ихъ царство было бы не много болѣе половины Пермской губерніи; но на этомъ пространствѣ зависимыя племена были перемѣшаны съ независимыми и столь сильными, что они могли состязаться съ ацтеками. Осѣдлое населеніе того времени не умѣло расчищать лѣсъ, который покрывалъ огромныя пространства густой тайгой и былъ исключительно населенъ независимыми бродячими племенами. У ацтековъ не было ни централизаціи, ни единства территоріи. Соціально-политическая община краснокожихъ служила необыкновенно могучимъ препятствіемъ для порабощенія личности и для объединенія общества въ централизованное государство. Это фактъ знаменательный и бросаетъ совершенно новый свѣтъ на значеніе соціально-политической общины Какъ раздроблено было населеніе Мехики, вслѣдствіе соціально-политической общины краснокожихъ, видно изъ упрека, который Кортесъ кинулъ въ лицо Карлу V, когда императоръ обошелся съ нимъ презрительно: «Я далъ тебѣ болѣе царствъ, чѣмъ ты получилъ въ наслѣдство городовъ». И это Кортесъ могъ сказать въ то время, когда испанцы кацика каждой общины, который добровольно являлся къ нимъ съ покорностью, принимали за губернатора назначеннаго Монтезумою. Самое царство ацтековъ испанцы считали состоящимъ изъ множества, болѣе или менѣе, независимыхъ царствъ и потому, перевезеннымъ въ Испанію и возведеннымъ въ дворянство потомкамъ Монтезумы данъ былъ гербъ, состоящій изъ вѣнца изъ коронъ. Существованіе данниковъ у ацтековъ, какъ и вездѣ, должно было сильнѣе всего способствовать возвышенію значенія главнаго начальника т. е. Монтезумы. Какъ значительно было это возвышеніе, едва ли можно опредѣлить, но довольно ясно, что самая сильная власть у ацтековъ былъ не Монтезума, а духовенство. Въ плѣну у испанцевъ онъ дѣлаетъ все, что они хотятъ, даже то, что его болѣе всего компромегировало и приготовило ему ужасную смерть, но онъ не смѣетъ перемѣнить религіи даже передъ смертью Такъ называемый императоръ, нагой въ храмѣ долженъ

поститься и приносить покаяніе, проливать свою кровь, духовенство читаетъ ему наставленія и пр Его должность была избирательная. Сколько видно изъ поведенія народа по отношенію къ плѣнному Монтезумѣ, то онъ смотрѣлъ на него просто, какъ на заложника и притомъ, какъ на такаго заложника, которымъ можно и пожертвовать и дѣйствительно поведеніе индійцевъ по отношенію къ испанцамъ стоило ему жизни. Испанцы разсказывали чудеса о сокровищахъ Монтезумы, но когда они завладѣли тѣмъ, что они называли императорскими дворцами, они не нашли тамъ сокровищъ. Явленіе это было для нихъ до того непонятно, что Кортесъ предположилъ, что сокровища эти скрыты, а не менѣе подозрительные солдаты Кортеса взбунтовались и предположили, что онъ самъ въ стачкѣ съ новымъ императоромъ Послѣдствіемъ этого было то, что плѣннаго императора, вмѣстѣ съ первымъ его сановникомъ, положили на горячіе уголья. Инка былъ мужественный человѣкъ, однакоже когда его взяли въ плѣнъ, то онъ не дожидался того, чтобы его положили на горячіе уголья и самъ сталъ предлагать испанцамъ сокровища для облегченія своей участи, такъ называемый же императоръ ацтековъ долженъ былъ лежать на угольяхъ, сколько угодно было испанцамъ и ничего не могъ имъ предложить. Испанцы разсказывали, что у императора три тысячи женъ. Уже у восточныхъ деспотовъ принимали за женъ всю гаремную прислугу; если испанцы всѣхъ женщинъ общиннаго дома считали женами императора, то можетъ быть ихъ и было много, но когда, послѣ окончательнаго взятія города, новый императоръ обратился къ Кортесу и просилъ его убить, тогда при словахъ его зарыдала императрица, а не три тысячи императрицъ.

Руководствуясь своими понятіями, испанцы раздѣлили индійцевъ на аристократовъ и на народъ. Политика метрополіи видѣла въ этихъ такъ называемыхъ аристократахъ средство обуздывать и держать въ рукахъ аристократію изъ мехиканскихъ испанцевъ и предоставляла имъ довольно значительную власть. Это давало имъ возможность богатѣть и пріобрѣтать милльоны; но привычки равенства такъ глубоко укоренились въ ихъ нравахъ, что богачи продолжали жить также, какъ простые индійцы, они носили такое платье, какъ простые индійцы, имѣли такую же бѣдную обстановку и ѣли туже пищу. Ихъ чувства и міровоззрѣнія созданы были столѣтіями и нужны были столѣтія, чтобы ихъ разрушить. Испанцы отъискали между ними и рабовъ, но даже при ихъ полномъ отсутствіи наблюдательности, при ихъ крайней склонности создавать вымышленныя отношенія и именно такія, какія имъ хотѣлось видѣть, они сознавали, что эти рабы что-то совсѣмъ другое, чѣмъ рабы восточнаго материка, — но что это были за люди, это конечно теперь никто не можетъ сказать. Не подлежитъ сомнѣнію только одно, что это рабство было совершенно другое отношеніе, чѣмъ отношеніе европейское, потому что европейское рабство было для краснокожихъ такъ не выносимо, что они отъ него умирали массами. Рабство у краснокожихъ не было наслѣдственное. Это былъ родъ кабалы. Рабъ могъ замѣнять себя другимъ. Отецъ, который имѣлъ нѣсколько сыновей, и котораго нужда заставила

отдать одного въ кабалу, могъ замѣнять его другимъ и даже установить между дѣтьми для этого очередь Обязанности рабовъ были опре дѣлены съ большою точностью, его семейство, имущество, даже его рабы не подчинялись господину. Рабы продавались только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ. Несмотря на ихъ обязательства, между ними и господами существовало извѣстное равенство и они вступали въ браки Когда испанцы видѣли, что богамъ приносились человѣческія жертвы, которыя потомъ съѣдались, они предположили конечно, что все это рабы. а такъ какъ они видѣли, что жертвы отдавались не толпѣ, а существовалъ извѣстный порядокъ, при которомъ жертва ѣлась многими людьми, то они предположили, что всякое семейство ѣстъ своего раба и угощаетъ своихъ знакомыхъ, но имъ пришлось убѣдиться, что въ жертву приносились не только тѣ люди, которыхъ они считали рабами, но люди всѣхъ состояній, не исключая тѣхъ, которыхъ они причисляли къ высшей аристократіи. Наконецъ оказалось, что быть принесеннымъ въ жертву богамъ и потомъ съѣденнымъ, было почетно и благочестиво. Высшее мѣсто въ раю, по мнѣнію краснокожихъ, принадлежало героямъ и принесеннымъ въ жертву. Послѣ завоеванія Испанцы отбирали у Индѣйцевъ все имущество и всѣхъ ихъ хотѣли обратить въ рабство. Это порабощеніе поселяло между завоеванными такой ужасъ, что они массами бѣжали въ лѣса и горы, и погибали тамъ Правительство метрополіи рѣшительно воспротивилось такому неслыханному безчеловѣчію и тогда явилась мысль возвратить ихъ къ прежнему образу жизни, имъ позволяли жить въ общинныхъ домахъ, при которыхъ устраивались монастыри и церкви. Завоевателямъ, однакоже, не трудно было видѣть въ этомъ покушеніе духовенства — забрать все населеніе въ свои руки. Оппозиція принудила оставить этотъ образъ дѣйствія и все населеніе массою было обращено въ крѣпостное состояніе. Тутъ соціально-политическая община намъ представляется съ другой стороны, — какъ скоро однажды ея сопротивленіе сломлено, то все населеніе впадаетъ въ полную и безусловную зависимость отъ завоевателей. Это разъясняетъ намъ тайну іезуитскаго государства Парагвая. Вездѣ въ Америкѣ духовенство пыталось установить между индѣйцами тѣ же порядки, но планы его разрушались неодолимой оппозиціей завоевателей. Намъ понятно, что завоеваніе могло привести краснокожихъ къ царству Инковъ — и еслибы даже не было европейскаго завоеванія, то въ сѣверной Америкѣ все-таки могли бы водвориться, подобные же порядки. Если фаланстеры краснокожихъ имѣли сильное вліяніе на развитіе между ними гуманности, если они на войнѣ старались не убивать другъ друга, а забирать въ плѣнъ, то мы рядомъ съ этимъ видимъ у нихъ такъ много нераціональнаго неравенства, что это можетъ вполнѣ убѣдить, что никакія формы, даже если онѣ основаны на самой счастливой природной наклонности расы, не могутъ привести къ правильному раздѣленію труда, какъ скоро человѣкъ презираетъ жизнь человѣческую, а не считаетъ своей обязанностью плодить ее, какъ скоро общественное мнѣніе возвеличиваетъ людей за геройство, за насиліе и за накопленіе богатствъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ГОСУДАРСТВА, ЗАДЕРЖИВАЕМЫЯ ФОРМАЛЬНОЮ РЕЛИГІЕЮ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Государства, задерживаемыя формальною религіею. — Пространство занимаемое ими сравненіе съ государствами застоя. — Мѣстности, занятыя дикарями, государствами застоя и государствами, задерживаемыми формальною религіею, составляютъ шесть седьмыхъ суши на землѣ. — Можетъ ли человѣкъ получить раціональное понятіе о своемъ назначеніи, и объ условіяхъ своего счастья. — Номадъ смотритъ также ошибочно на земледѣльца, какъ современный образованный человѣкъ на человѣка съ нормальнымъ развитіемъ. — Изъ чего мы видимъ, что нормальный человѣкъ будетъ счастливѣе. — Какимъ образомъ неправильное пониманіе счастья привело къ формальной религіи. — Проповѣдывавшіе эти религіи не только заблуждались, но умышленно обманывали. — Іосифъ Смитъ, Магометъ, Зороастръ.

Мѣстностями, которыя заняты дикарями и государствами застоя, не кончается перечень тѣхъ мѣстностей земного шара, гдѣ населеніе не оказывается способнымъ плодить жизнь на землѣ и прогрессировать безъ посторонней помощи. Къ нимъ нужно присовокупить еще мѣстности, занятыя населеніемъ, котораго развитіе задерживается формальной религіею. Прошлое этого населенія показываетъ намъ, что оно не только осталось бы неподвижнымъ, но постоянно опускалось бы все ниже и пріобрѣло бы всѣ черты государства застоя, если бы вліяніе западной цивилизаціи не вырвало его изъ этого состоянія. Но вліяніе западной цивилизаціи вырвало изъ неподвижности и Турцію и Египетъ, однакоже мы не видимъ, чтобы эти страны сдѣлались способными къ самостоятельному прогрессу, напротивъ, мы должны заключить, что если бы западная цивилизація завтра уничтожилось, то Турція и Египетъ очень скоро погрузились бы въ прежнее варварство. Страны, задерживаемыя формальной религіей, точно также до сихъ поръ ничѣмъ еще не доказали, что съ уничтоженіемъ западной цивилизаціи, они способны прогрессировать сами по себѣ и не стали бы немедленно обращаться къ варварству, какъ это сдѣлано было ими въ теченіи предъидущихъ столѣтій. Къ этимъ мѣстностямъ я отношу Испанію, Португалію и бывшія ихъ колоніи въ Америкѣ. Эта западная цивилизація, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, тянула ихъ кое какъ за собою вверхъ, но ниже мы увидимъ, какъ много у нихъ до сихъ поръ общаго съ государствами застоя и какъ мало основанія думать, что они способны къ самостоятельному прогрессу. За исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, которыя въ ихъ средѣ заняты дикарями, мы находимъ въ ихъ обладаніи территорію приблизительно въ 260,000 кв. миль. На этомъ пространствѣ мы встрѣчаемъ населеніе приблизительно

въ 60,000,000 чел. Если мы возьмемъ болѣе населенныя изъ мѣстностей застоя т. е. европейскую и азіатскую Турцію, Египетъ, Сіамскую, Бирманскую и Анамскую Имперіи, то мы найдемъ тутъ населеніе въ 64,000,000 на пространствѣ въ 81,000 кв миль т. е. втрое болѣе густое. И такъ государства застоя успѣвали расплодить несравненно болѣе многочисленное населеніе, чѣмъ общества, задерживаемыя формальной религіею и нѣтъ возможности доказать, чтобы оборванное, нищенствующее, часто совсѣмъ одичавшее и безпрерывно подвергающееся грабежамъ и насиліямъ населеніе государствъ, задерживаемыхъ формальною религіею, пользовалось во всемъ своемъ объемѣ большимъ благосостояніемъ Нельзя также сказать, что причина рѣдкаго населенія тутъ заключается въ новости края. Если вѣрить показаніямъ о наибольшемъ, жившемъ на этомъ пространствѣ, населеніи, то это наибольшее населеніе окажется въ 160,000,000, т е. въ два съ половиною раза болѣе. Если это показаніе и преувеличено, то существованіе болѣе густаго населенія въ былыя времена все таки несомнѣнно. Точно также, какъ въ мѣстностяхъ застоя, мы видимъ тутъ менѣе густое населеніе, которое занимаетъ территорію погубленной имъ цивилизаціи, умѣвшей расплодить и содержать на томъ же пространствѣ болѣе людей. Въ мѣстностяхъ, занятыхъ населеніемъ западной цивилизаціи, мы уже нигдѣ не встрѣчаемся съ подобнымъ фактомъ. Если мы территорію, занятую населеніемъ, котораго развитіе задерживается формальною религіею, присовокупимъ къ мѣстностямъ, гдѣ расположены государства застоя и живутъ дикари, то окажется, что почти шесть седьмыхъ суши на земной поверхности занято рѣдкимъ населеніемъ, не доказавшимъ своей способности самостоятельно прогрессировать и плодить жизнь на землѣ. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ или вовсе никогда не было цивилизаціи, или она когда-то была, но погибла, не научивъ живущихъ тутъ людей плодить жизнь въ тѣхъ же размѣрахъ, въ которыхъ она это дѣлала сама. Вотъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и печальныхъ фактовъ изъ жизни человѣчества.

Человѣкъ не можетъ себѣ составить никакого понятія о цѣломъ мірозданіи. Ограниченность его способностей въ этомъ отношеніи такъ очевидна, что можно, не опасаясь ошибки, сказать, что онъ никогда не будетъ имѣть возможности составить о мірозданіи что нибудь похожее на научную гипотезу. Но вовсе нельзя сказать того же о его назначеніи на землѣ и тутъ его понятіе можетъ быть нетолько совершенно отчетливое и ясное, но доступное даже самому нехитрому уму. Наблюдая явленія жизни въ природѣ, мы видимъ такую цѣлесообразность и приспособленность въ устройствѣ органическихъ и неорганическихъ тѣлъ, что мы убѣждаемся, что при этомъ устройствѣ вліяла мысль какихъ то неизвѣстныхъ намъ дѣятелей. Мысль эта распоряжается матерьяломъ чаще всего недоступнымъ нашему пониманію. Въ тѣлѣ своемъ человѣкъ находитъ такую сложную организацію, которую онъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ не можетъ даже разъяснить, нетолько воспроизвести. Подобныя явленія внушили ему убѣжденіе, что все это сотворено мыслью существа совер-

въ 60,000,000 чел. Если мы возьмемъ болѣе населенныя изъ мѣстностей застоя т. е. европейскую и азіатскую Турцію, Египетъ, Сіамскую, Бирманскую и Анамскую Имперіи, то мы найдемъ тутъ населеніе въ 64,000,000 на пространствѣ въ 81,000 кв миль т. е. втрое болѣе густое. И такъ государства застоя успѣвали расплодить несравненно болѣе многочисленное населеніе, чѣмъ общества, задерживаемыя формальной религіею и нѣтъ возможности доказать, чтобы оборванное, нищенствующее, часто совсѣмъ одичавшее и безпрерывно подвергающееся грабежамъ и насиліямъ населеніе государствъ, задерживаемыхъ формальною религіею, пользовалось во всемъ своемъ объемѣ большимъ благосостояніемъ Нельзя также сказать, что причина рѣдкаго населенія тутъ заключается въ новости края. Если вѣрить показаніямъ о наибольшемъ, жившемъ на этомъ пространствѣ, населеніи, то это наибольшее населеніе окажется въ 160,000,000, т е. въ два съ половиною раза болѣе. Если это показаніе и преувеличено, то существованіе болѣе густаго населенія въ былыя времена все таки несомнѣнно. Точно также, какъ въ мѣстностяхъ застоя, мы видимъ тутъ менѣе густое населеніе, которое занимаетъ территорію погубленной имъ цивилизаціи, умѣвшей расплодить и содержать на томъ же пространствѣ болѣе людей. Въ мѣстностяхъ, занятыхъ населеніемъ западной цивилизаціи, мы уже нигдѣ не встрѣчаемся съ подобнымъ фактомъ. Если мы территорію, занятую населеніемъ, котораго развитіе задерживается формальною религіею, присовокупимъ къ мѣстностямъ, гдѣ расположены государства застоя и живутъ дикари, то окажется, что почти шесть седьмыхъ суши на земной поверхности занято рѣдкимъ населеніемъ, не доказавшимъ своей способности самостоятельно прогрессировать и плодить жизнь на землѣ. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ или вовсе никогда не было цивилизаціи, или она когда-то была, но погибла, не научивъ живущихъ тутъ людей плодить жизнь въ тѣхъ же размѣрахъ, въ которыхъ она это дѣлала сама. Вотъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и печальныхъ фактовъ изъ жизни человѣчества.

Человѣкъ не можетъ себѣ составить никакого понятія о цѣломъ мірозданіи. Ограниченность его способностей въ этомъ отношеніи такъ очевидна, что можно, не опасаясь ошибки, сказать, что онъ никогда не будетъ имѣть возможности составить о мірозданіи что нибудь похожее на научную гипотезу. Но вовсе нельзя сказать того же о его назначеніи на землѣ и тутъ его понятіе можетъ быть нетолько совершенно отчетливое и ясное, но доступное даже самому нехитрому уму. Наблюдая явленія жизни въ природѣ, мы видимъ такую цѣлесообразность и приспособленность въ устройствѣ органическихъ и неорганическихъ тѣлъ, что мы убѣждаемся, что при этомъ устройствѣ вліяла мысль какихъ то неизвѣстныхъ намъ дѣятелей. Мысль эта распоряжается матерьяломъ чаще всего недоступнымъ нашему пониманію. Въ тѣлѣ своемъ человѣкъ находитъ такую сложную организацію, которую онъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ не можетъ даже разъяснить, нетолько воспроизвести. Подобныя явленія внушили ему убѣжденіе, что все это сотворено мыслью существа совер-

шеннаго и всемогущаго. Но если онъ будетъ разсматривать окружающее его съ бо̀льшимъ вниманіемъ, то онъ скоро убѣдится, что все это никакъ нельзя приписать мысли существа совершеннаго и всемогущаго и что гипотеза его была слишкомъ преждевременна. Какимъ дѣятелямъ принадлежатъ эти мысли, это до сихъ поръ совершенно недоступно его пониманію, но очевидно, что они принадлежатъ дѣятелямъ нетолько несовершеннымъ, но и сознающимъ свое несовершенство Если бы растеніе создано было по мысли совершенной, то оно воспроизводило бы одно или нѣсколько сѣмянъ, каждое изъ этихъ сѣмянъ падало бы на благопріятную для него почву и порождало бы новое растеніе. Но мысль, создавшая растеніе, очевидно сознавала себя слишкомъ несовершенною, чтобы произвести такое явленіе; она очевидно чувствовала себя не въ силахъ заставить каждое сѣмя падать на благопріятную для него почву и приняться. Поэтому она заставляетъ растеніе производить тысячи и милльоны лишнихъ сѣмянъ, которыя погибаютъ, не достигнувъ цѣли воспроизведенія педѣлимаго. Такъ неискусные строители, зная несовершенство своей мысли, выводятъ пирамиду вмѣсто прямыхъ стѣнъ и тратятъ много лишняго матерьялу и труда. Организмъ взрослаго человѣка ежедневно производитъ тысячи сѣмянъ, способныхъ развиться и сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ онъ самъ; втеченіе двухъ, трехъ и болѣе лѣтъ онъ совокупляется съ женщиной, извергнетъ милльоны этихъ сѣмянъ и только одно достигнетъ цѣли порожденія человѣка У женщины, въ свою очередь, производится значительно большій запасъ яичекъ, чѣмъ нужно для зарожданія и множество изъ нихъ утрачивается безъ пользы. Затѣмъ изъ родившихся уже дѣтей половина, а часто и гораздо больше, умираетъ прежде, чѣмъ они сдѣлались способны къ какой либо полезной дѣятельности. Въ то же самое время мысль человѣка создана такимъ образомъ, что онъ до извѣстной степени можетъ исправлять недостатки и несовершенства мысли дѣятелей природы. Обрабатывая и орошая землю, онъ можетъ создать болѣе благопріятныя условія для воспроизведенія сѣмянъ. Для воспроизведенія того же самаго количества растеній онъ употребитъ гораздо менѣе сѣмянъ, а остальное опять таки не пропадетъ даромъ, а употребится имъ на питаніе животныхъ организмовъ; запасая на зиму кормъ, ограждая животныхъ и людей отъ вліянія холода и бурь, человѣкъ значительно увеличиваетъ на сѣверѣ число животныхъ организмовъ. Проникая смыслъ всѣхъ этихъ явленій, человѣкъ вполнѣ убѣждается, что его назначеніе—плодить жизнь на землѣ, совершенствуя несовершенныхъ дѣятелей природы. Кто создалъ этихъ дѣятелей столь несовершенными и далъ человѣку такое къ нимъ отношеніе, почему все это сдѣлано именно такъ,—это недоступно его пониманію, онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что ему дана возможность сознать свое назначеніе. Онъ видитъ, что и независимо отъ него мысль природныхъ дѣятелей совершенствуется постепенно, почва дѣлается болѣе плодоносною, породы животныхъ улучшаются, что онъ не все, а только одинъ изъ дѣятелей въ этомъ усовершенствованіи и это еще сильнѣе убѣждаетъ его. Онъ видитъ, что силы его также очень ограничены, онъ не можетъ сдѣлать,

шеннаго и всемогущаго. Но если онъ будетъ разсматривать окружающее его съ бо́льшимъ вниманіемъ, то онъ скоро убѣдится, что все это никакъ нельзя приписать мысли существа совершеннаго и всемогущаго и что гипотеза его была слишкомъ преждевременна. Какимъ дѣятелямъ принадлежатъ эти мысли, это до сихъ поръ совершенно недоступно его пониманію, но очевидно, что они принадлежатъ дѣятелямъ нетолько несовершеннымъ, но и сознающимъ свое несовершенство. Если бы растеніе создано было по мысли совершенной, то оно воспроизводило бы одно или нѣсколько сѣмянъ, каждое изъ этихъ сѣмянъ падало бы на благопріятную для него почву и порождало бы новое растеніе. Но мысль, создавшая растеніе, очевидно сознавала себя слишкомъ несовершенною, чтобы произвести такое явленіе; она очевидно чувствовала себя не въ силахъ заставить каждое сѣмя падать на благопріятную для него почву и приняться. Поэтому она заставляетъ растеніе производить тысячи и милльоны лишнихъ сѣмянъ, которыя погибаютъ, не достигнувъ цѣли воспроизведенія недѣлимаго. Такъ неискусные строители, зная несовершенство своей мысли, выводятъ пирамиду вмѣсто прямыхъ стѣнъ и тратятъ много лишняго матерьялу и труда. Организмъ взрослаго человѣка ежедневно производитъ тысячи сѣмянъ, способныхъ развиться и сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ онъ самъ; втеченіе двухъ, трехъ и болѣе лѣтъ онъ совокупляется съ женщиной, извергнетъ милльоны этихъ сѣмянъ и только одно достигнетъ цѣли порожденія человѣка. У женщины, въ свою очередь, производится значительно большій запасъ яичекъ, чѣмъ нужно для зарожданія и множество изъ нихъ утрачивается безъ пользы. Затѣмъ изъ родившихся уже дѣтей половина, а часто и гораздо больше, умираетъ прежде, чѣмъ они сдѣлались способны къ какой либо полезной дѣятельности. Въ то же самое время мысль человѣка создана такимъ образомъ, что онъ до извѣстной степени можетъ исправлять недостатки и несовершенства мысли дѣятелей природы. Обрабатывая и орошая землю, онъ можетъ создать болѣе благопріятныя условія для воспроизведенія сѣмянъ. Для воспроизведенія того же самаго количества растеній онъ употребитъ гораздо менѣе сѣмянъ, а остальное опять-таки не пропадетъ даромъ, а употребится имъ на питаніе животныхъ организмовъ; запасая на зиму кормъ, ограждая животныхъ и людей отъ вліянія холода и бурь, человѣкъ значительно увеличиваетъ на сѣверѣ число животныхъ организмовъ. Проникая смыслъ всѣхъ этихъ явленій, человѣкъ вполнѣ убѣждается, что его назначеніе—плодить жизнь на землѣ, совершенствуя несовершенныхъ дѣятелей природы. Кто создалъ этихъ дѣятелей столь несовершенными и далъ человѣку такое къ нимъ отношеніе, почему все это сдѣлано именно такъ,—это недоступно его пониманію, онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что ему дана возможность сознать свое назначеніе. Онъ видитъ, что и независимо отъ него мысль природныхъ дѣятелей совершенствуется постепенно, почва дѣлается болѣе плодоносною, породы животныхъ улучшаются, что онъ не все, а только одинъ изъ дѣятелей въ этомъ усовершенствованіи и это еще сильнѣе убѣждаетъ его. Онъ видитъ, что силы его также очень ограничены, онъ не можетъ сдѣлать,

вотныхъ, которыя давали ему возможность жить безъ труда. У цивилизованнаго человѣка, кромѣ привычки къ извѣстной обстановкѣ, развился еще до нѣкоторой степени вкусъ. Это была уже новая сила, которая давала о себѣ знать, когда она была неудовлетворена. Поэтому цивилизованному человѣку было уже гораздо труднѣе переходить къ той жизни, которую велъ простой работникъ, чѣмъ вельможѣ изъ государствъ застоя. Подобный человѣкъ, внезапно поставленный въ обстановку простаго работника, могъ точно также умереть отъ страданій, какъ номадъ и дикарь, которому внезапно приходилось вести туже самую трудовую жизнь, какую велъ американскій работникъ. Люди, изъ которыхъ состояло высшее общество, и тутъ грызлись постоянно между собою; но до такой степени мѣнять свои привычки, чтобы нисходить изъ дворцовъ въ жилище простого работника, имъ казалось уже крайне труднымъ; мысль, что они сами могутъ попасть когда-либо въ такое положеніе, была для нихъ такъ невыносима, что они не допускали до него даже своихъ побѣжденныхъ враговъ и тѣмъ сильнѣе ограждали ихъ отъ подобнаго перехода, чѣмъ болѣе въ ихъ средѣ были развиты тѣ привычки, которыя назывались привычками комфорта. На материкѣ Европы побѣжденные въ борьбѣ гораздо болѣе приближались къ образу жизни обыкновеннаго работника, чѣмъ въ Англіи, но даже на материкѣ Европы постоянно смотрѣли на этихъ побѣжденныхъ, какъ на привилегированный классъ. Въ Англіи, несмотря на всѣ разглагольствованія противъ пенсій, побѣжденные министры и ихъ семейства втеченіе долгаго времени получали огромныя деньги изъ казны государства; случалось, что одинъ человѣкъ высшаго сословія, падшій вслѣдствіе своихъ пороковъ, получалъ изъ подати для бѣдныхъ болѣе, чѣмъ десять рабочихъ семействъ. При такомъ настроеніи высшему сословію было очень трудно понять, что если оно будетъ своимъ матерьяльнымъ потребностямъ удовлетворять также, какъ обезпеченный отъ голода и холода работникъ, а затѣмъ будетъ всѣ свои силы и средства употреблять для міровыхъ цѣлей, то оно этимъ увеличитъ свое счастье. Для него это было такъ же недоступно, какъ для номада сдѣлалась недоступною мысль, что, обратившись въ труженика-земледѣльца, онъ увеличитъ свое счастье. Номадъ понималъ, что можно дѣлать большія усилія для достиженія извѣстныхъ, съ его точки зрѣнія блестящихъ, результатовъ. Точно также и человѣкъ высшаго сословія понимаетъ ничтожество матерьяльныхъ средствъ по сравненію съ извѣстной дѣятельностью, которая кажется ему блестящею. Королева Викторія получала три съ четвертью мильона рублей въ годъ содержанія. Линкольнъ получалъ тридцать тысячъ въ годъ, т. е. въ сто разъ менѣе, но если-бы какой-нибудь чародѣй предложилъ ему превратить его въ королеву Викторію, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Линкольнъ отказался бы, не задумываясь; конечно ни одинъ президентъ Соединенныхъ-Штатовъ не согласится промѣнять свое положеніе на положеніе англійской королевы и изъ первостепеннаго политическаго дѣятеля сдѣлаться малозначущимъ въ политическомъ отношеніи человѣкомъ. Цивилизованные люди способны предпочитать жизнь соединенную съ тѣмъ, что они признаютъ

лишеніями, и даже дѣйствительныя лишенія, голодъ и страданія нетолько въ тѣхъ случаяхъ, когда они пріобрѣтаютъ чрезъ это извѣстность путешественниковъ, ученыхъ и т д., но и въ составѣ рядовыхъ дѣятелей, когда эта дѣятельность кажется имъ почетною и блестящею, напр. въ походѣ, во время осады. Но для нихъ совершенно непонятно, какимъ образомъ можно находить увеличеніе своего счастья въ томъ, чтобы зарабатывать постояннымъ трудомъ рубли и эти рубли потомъ употреблять не на увеличеніе своего комфорта, а на другихъ, по крайней мѣрѣ каждый разъ, когда окажется, что они могутъ въ этомъ случаѣ удовлетворить болѣе существенной потребности. Имъ кажется, что при подобныхъ условіяхъ ни одинъ образованный человѣкъ не будетъ работать, потому что у него не будетъ для этого достаточнаго стимула. Какъ можно себѣ представить, чтобы образованный человѣкъ охотно промѣнялъ свою настоящую жизнь на обстановку, гдѣ онъ по наружности ничѣмъ не будетъ отличаться отъ работника и гдѣ конечно вслѣдствіе этого онъ лишится всякаго наружнаго почета, на него никто не будетъ смотрѣть снизу вверхъ Онъ въ этомъ отношеніи падетъ такъ же низко, какъ номадъ, дѣлаясь земледѣльцемъ Возможно-ли, чтобы образованный человѣкъ до такой степени шелъ противъ своихъ инстинктовъ самосохраненія, чтобы онъ усердно работалъ для того, чтобы всѣ добытыя имъ такимъ образомъ средства, всю полученную имъ чрезъ это силу употреблять на то, чтобъ приравнять свое сословіе и себя самого къ народной массѣ и прекратить ему всякую возможность возвыситься надъ нею. Своего сына, который оказался болѣе способнымъ быть шорникомъ, чѣмъ правителемъ государства, онъ, правитель государства, направляетъ на карьеру шорника и готовитъ ему будущность, при которой онъ ни на одинъ волосъ не будетъ пользоваться большимъ почетомъ и благосостояніемъ, чѣмъ всякій другой хорошій шорникъ—и это значитъ увеличить его счастье? Этого никогда не можетъ быть, это противоестественно и невозможно. Однимъ словомъ, ихъ разсужденія будутъ въ этомъ отношеніи изъ слова въ слово параллельны разсужденіямъ номада о переходѣ къ земледѣлію Болѣе глубокое разсмотрѣніе дѣла вполнѣ убѣдитъ въ ихъ неосновательности. Наблюденіе доказываетъ, что нравственныя и умственныя потребности человѣка, потребности нервныхъ впечатлѣній и нервной дѣятельности въ немъ, при всякомъ состояніи его развитія, по крайней мѣрѣ, равносильны тѣмъ матерьялнымъ потребностямъ, которыя совершенно необходимы для обезпеченія его жизни и здоровья. Дикарь прежде всего думаетъ о томъ, чтобы украсить себя, а потомъ объ одеждѣ и жилищѣ. Патагонецъ и даже житель Огненной Земли при суровомъ климатѣ, въ которомъ онъ живетъ подъ 55 градусомъ южной широты, думаетъ прежде всего о томъ, чтобы украсить себя, а потомъ уже о томъ, чтобы одѣться; онъ расписываетъ себѣ лицо и все тѣло различными красками и придумываетъ затѣйливые рисунки и въ тоже время ходитъ или совершенно нагой или набрасываетъ себѣ на плечи шкуру, которая доходитъ только до половины спины. Это безъ всякаго сомнѣнія должно имѣть существенное вліяніе на его тѣлесное развитіе. Болѣе близкій къ полюсу житель Огненной

Земли ростомъ пигмей, вялость его почти невѣроятная, привычка сидѣть скорчившись неподвижно у него такъ велика, что мускулы ногъ у него отъ этого не развиваются. Вездѣ дикарь за плѣнившее его украшеніе готовъ пожертвовать самымъ необходимымъ для его существованія. Въ Соединенныхъ Штатахъ американцы дѣлали передъ краснокожими выставку плѣнительныхъ для нихъ произведеній своей промышленности и требовали, чтобы они за это уступали имъ свои земли. Краснокожіе очень хорошо понимали, что уступая свои земли за такое ничтожное вознагражденіе, они ставятъ себя въ самое затруднительное положеніе и лишаютъ себя возможности въ будущемъ обезпечивать свое существованіе. Поэтому они не рѣшались. Но число нервныхъ ощущеній у дикаря такъ незначительно, что желаніе украсить себя играетъ у него очень видную роль, и вотъ краснокожимъ приходилось выносить борьбу между этимъ желаніемъ и чувствомъ самосохраненія. Рѣшеніе зависитъ отъ мужчинъ, они чувствуютъ на себѣ всю отвѣтственность за послѣдствія своего приговора и отказываютъ; но женщины и дѣти не рѣшаютъ, а потому не чувствуютъ этой отвѣтственности; если рѣшеніе окажется вреднымъ для ихъ родичей, то ихъ никто не будетъ упрекать въ этомъ; каждый изъ нихъ смотритъ субъективно, а не объективно, а съ субъективной точки зрѣнія потребность нервнаго ощущенія имѣетъ у нихъ полный перевѣсъ надъ чувствомъ самосохраненія—и они пристаютъ къ мужчинамъ и требуютъ продажу земли. Если-бы рѣшеніе зависѣло отъ женщинъ, то отказы безъ всякаго сомнѣнія встрѣчались-бы чаще, потому что женщинѣ гораздо труднѣе принимать на себя отвѣтственность за другихъ въ сомнительномъ случаѣ, но мужчины смѣлѣе, они видятъ, что общественное мнѣніе въ эту минуту на ихъ сторонѣ, и входятъ въ сдѣлку. Доказательства, что у дикарей потребность въ нервныхъ ощущеніяхъ и нервной дѣятельности часто гораздо сильнѣе, чѣмъ чувство самосохраненія и инстинкты, побуждающіе ихъ удовлетворять самымъ необходимымъ нуждамъ тѣла, безчисленны; это видно изъ ихъ религіозныхъ церемоній, изъ ихъ войнъ, изъ ихъ страсти къ возбуждающимъ напиткамъ. Читайте о дикаряхъ—и вы скоро убѣдитесь, что у нихъ недостаетъ только силы интеллектуальныхъ способностей и инстинктовъ міровой жизни, иначе эта дѣятельность стояла бы у нихъ на первомъ планѣ. Послѣ перехода отъ дикаго состоянія къ цивилизаціи, потребность въ нервныхъ ощущеніяхъ и въ нервной дѣятельности по прежнему остается равносильною съ потребностями самосохраненія и часто беретъ надъ ними перевѣсъ. Въ промышленныхъ центрахъ потребность казаться порядочнымъ и принадлежащимъ къ болѣе высокому разряду общества между работниками такъ велика, что они безпрерывно принимаютъ на себя непосильную работу и въ то же время, по отношенію къ пищѣ и матерьяльнымъ удобствамъ налагаютъ на себя такія лишенія, которыя разрушаютъ ихъ здоровье. Работники эти получаютъ большее содержаніе, чѣмъ работники глухихъ мѣстъ и, не смотря на большую дороговизну средствъ къ удовлетворенію необходимыхъ потребностей, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы удовлетворять имъ лучше, однакоже они по большей части налагаютъ на себя въ этомъ отношеніи

такія большія лишенія, что это служитъ одною изъ важныхъ причинъ для сильнаго увеличенія смертности среди взрослаго населенія. Истинная причина тутъ дѣлается еще болѣе ясною, если мы обратимся въ этихъ мѣстностяхъ къ работникамъ высшихъ разрядовъ, получающихъ значительное вознагражденіе, мы тутъ точно также видимъ, что они разрушаютъ свое здоровье, работая чрезмѣрно и стѣсняя себя въ необходимомъ для здоровья и благосостоянія. Въ глухихъ мѣстахъ самое обыкновенное явленіе, что солдатъ продаетъ свой паекъ, голодаетъ лишь для того, чтобы доставить себѣ нервное ощущеніе, и это дѣлается также источникомъ смертности. Если потребность въ нервныхъ ощущеніяхъ и въ первной дѣятельности играетъ такую большую роль въ жизни человѣка, что она часто беретъ верхъ надъ инстинктомъ самосохраненія и необходимыми требованіями организма, то намъ уже нетрудно себѣ представить, что она должна сдѣлаться главнымъ источникомъ человѣческаго счастья за предѣлами этихъ необходимыхъ потребностей, и дѣйствительно мы въ высшемъ сословіи видимъ явленія прямо доказывающія намъ это Богатѣющіе и цивилизующіеся люди высшихъ сословій начинаютъ съ того, что они живутъ, какъ говорятъ, напоказъ. Изъ средствъ своихъ подобный человѣкъ удовлетворяетъ не потребностямъ вкуса, которыя совершенствуетъ матеріальную его жизнь, а потребностямъ нервныхъ ощущеній: онъ ходитъ дома грязновато, ѣстъ плохо, часто неудовлетворительную пищу, а имѣетъ роскошно убранныя парадныя комнаты; на грязное и дырявое бѣлье онъ надѣваетъ дорогой костюмъ, чтобы показаться людямъ; самое лучшее, что онъ имѣетъ, онъ приберегаетъ, чтобы угощать другихъ; онъ точно такъ же какъ дикарь способенъ проигрываться и прокучиваться въ прахъ. Положеніе это измѣняется, человѣкъ начинаетъ жить, что называется, для себя только тогда, когда въ обществѣ жизнь напоказъ осмѣивается за грязноватость, и именно только настолько, насколько она осмѣивается Но и тутъ человѣкъ продолжаетъ въ сущности жить напоказъ, всѣ его комнаты раскрыты, кромѣ менѣе блестящей кухни, онъ носитъ такой костюмъ, чтобы видно было какъ можно болѣе его бѣлаго бѣлья, онъ лучшее приберегаетъ для угощеній. Послѣ анализа всѣхъ этихъ фактовъ мы имѣемъ полное право сказать, что нервныя ощущенія и нервная дѣятельность составляютъ самый обильный источникъ счастья для человѣка, и чѣмъ совершеннѣе будетъ его жизнь въ этомъ отношеніи, тѣмъ онъ будетъ счастливѣе. Но для того, чтобы достигать здѣсь болѣе совершенныхъ ощущеній, ему необходима духовная сила, иначе кругъ его ощущеній все будетъ ограничиваться нарядами, мелкимъ тщеславіемъ, ощущеніями отъ искусственнаго возбужденія первовъ игрою, виномъ и пр. И дѣйствительно мы видимъ, что тамъ, гдѣ сила эта существуетъ, она дѣлается самымъ обильнымъ источникомъ счастья для человѣка, матерьяльное удовлетвореніе отступаетъ у него нетолько на второй, но на послѣдній планъ, талантливый ученый, писатель и художникъ на первомъ мѣстѣ ставятъ свою дѣятельность и ея общественное значеніе. Бокль точно такъ же не согласился бы отказаться отъ своей ученой дѣятельности, чтобы

сдѣлаться пивоваромъ и получать въ сто разъ болѣе денегъ, какъ Линкольнъ не согласился бы быть королевой Викторіей. Ньютонъ, Галилей, Лютеръ или Ноксъ менѣе всего способны были бы задуматься надъ подобнымъ выборомъ. Нравственныя и умственныя силы, которыя дѣлаются для человѣка такимъ источникомъ благополучія, способны непосредственно развиваться только у немногихъ личностей, у громаднаго же большинства они развиваются только подъ вліяніемъ этихъ выдающихся по своимъ способностямъ людей. Поэтому всякое общество для наибольшаго увеличенія своего счастья должно стараться о томъ, чтобы въ его средѣ развилось какъ можно болѣе подобныхъ способныхъ учителей человѣчества, а мы выше показали, что наиболѣе способную интеллигенцію можно получить только тогда, когда во всѣхъ отрасляхъ труда будетъ вознагражденіе одинаковое и измѣняющееся только по мѣрѣ успѣшности труда Ясно, что только такое положеніе дастъ всѣмъ самыя благопріятныя условія для счастья, будетъ всего быстрѣе развивать силы каждаго и дастъ каждому наиболѣе возможности перейти отъ самыхъ низкихъ разрядовъ нервныхъ ощущеній, отъ нарядовъ, игры и вина, къ наиболѣе возвышеннымъ ощущеніямъ умственной и міровой жизни, которыя для него достижимы. Такимъ образомъ каждый человѣкъ изъ высшихъ слоевъ общества чрезъ подобное измѣненіе столько же выиграетъ, сколько номадъ выигралъ, сдѣлавшись земледѣльцемъ.

Такимъ образомъ, анализируя явленія природы и общественной жизни, мы путемъ изученія доходимъ до правильныхъ понятій о назначеніи человѣка на землѣ, о солидарности интересовъ всѣхъ людей, и до убѣжденія, что человѣкъ можетъ сдѣлать себя наиболѣе счастливымъ только тогда, когда онъ съ наибольшимъ усердіемъ будетъ стараться о наибольшемъ счастьи всѣхъ другихъ. Мы видимъ, что понятіе это находится въ самой тѣсной связи съ развитіемъ въ человѣкѣ инстинктовъ міровой жизни. Развивать эти инстинкты было спеціальностью учителей религіи. Ясно, что ихъ задача заключалась въ томъ, чтобы разъяснить людямъ солидарность ихъ интересовъ, чтобы показать имъ зависимость, въ которой находится правильное развитіе инстинктовъ міровой жизни въ каждомъ человѣкѣ отъ правильнаго общественнаго мнѣнія, а правильное общественное мнѣніе, съ своей стороны, отъ умственной дѣятельности, смѣлаго и глубокаго анализа явленій природы. Между тѣмъ, учители формальной религіи менѣе всего исполняли эту задачу. Они не были способны къ такому ученію по той простой причинѣ, что они сами его не понимали. Они раздѣляли всѣ заблужденія окружающаго ихъ общества, ихъ чувства и понятія о счастьи влекли ихъ точно такъ-же, какъ и всѣхъ ихъ современниковъ на путь, прямо противоположный истинному. Имъ казалось, что для человѣка дѣйствовать въ пользу всѣхъ—это значитъ налагать на себя величайшее лишеніе. Добродѣтель и счастье были для нихъ понятія, прямо противоположныя другъ другу Для того, чтобы сдѣлаться добродѣтельнымъ, человѣкъ долженъ былъ учиться переносить страданія, и чѣмъ болѣе онъ будетъ способенъ дѣлать себя добровольно несчастнымъ, тѣмъ легче будетъ для него добродѣтельная жизнь. Такое

воззрѣніе было до того ложное и противоестественное, что оно нисколько не удовлетворяло той потребности, которая мучила людей. Люди сознавали, что ихъ воззрѣнія и чувства ложны, и испытывали отъ этого безчисленныя страданія. Они искали пути и исхода, но они его искали для того, чтобы себя избавить отъ этихъ страданій, а имъ говорятъ, что они добровольно должны присовокуплять къ старымъ еще новыя. Учителямъ формальной религіи удалось однакоже найдти выходъ изъ этого затруднительнаго положенія, но для этого имъ нужно было прибѣгать къ самымъ наглымъ выдумкамъ и къ самой дерзкой лжи Въ древней Мехикѣ жрецы поселили въ народѣ убѣжденіе, что каждый изъ нихъ получаетъ откровеніе отъ боговъ; посредствомъ этихъ откровеній они управляли обществомъ и за это считались святыми. Въ самое послѣднее время Іосифъ Смитъ и заступившіе его мѣсто святые и пророки мормоновъ точно также правятъ народомъ посредствомъ откровеній свыше. Точно также поступали и великіе учители другихъ формальныхъ религій. Зороастръ и Магометъ выдавали свои ученія о единомъ Богѣ за откровенія свыше. Если жрецы въ составѣ цѣлаго сословія объявляли себя получающими откровеніе свыше, то мало найдется людей, которые, хладнокровно разсматривая ихъ поступки со стороны, не убѣдились бы наконецъ окончательно въ явно недобросовѣстномъ обманѣ. Но нельзя сказать того же о великихъ учителяхъ формальныхъ религій, вродѣ Магомета, Зороастра, Гунгъ-Сыо-Тсина, Іосифа Смита и т. д. Обыкновенно думаютъ, что они дѣйствовали совершенно искренно, что голосъ съ неба, который они слышали, что галлюцинаціи, которыя они видѣли, были хотя болѣзненными, но дѣйствительными проявленіями ихъ мозга. Но стоитъ внимательно сравнивать то, что объ нихъ извѣстно, съ проявленіями душевно больныхъ въ домѣ умалишенныхъ, чтобы убѣдиться, что въ нихъ было гораздо болѣе недобросовѣстности, чѣмъ дѣйствительнаго заблужденія. Добросовѣстный человѣкъ, страдающій религіозной маніей, галлюцинаціями или ложными слухами, поразительно убѣждаетъ въ невозможности такихъ добросовѣстныхъ заблужденій, какія мы встрѣчаемъ у великихъ учителей формальныхъ религій. Наоборотъ, недобросовѣстный больной постоянно стремится эксплуатировать свою болѣзнь точно такимъ же образомъ, какъ ее эксплуатировали великіе учители: голоса съ неба говорятъ ему постоянно то, что ему хочется слышать. Грань, гдѣ кончается у него заблужденіе и начинается обманъ, онъ, можетъ быть, и самъ не былъ бы въ состояніи провести. Дѣятельность Іосифа Смита и его сподвижниковъ, которая намъ извѣстна ближе другихъ, носитъ на себѣ печать такого обдуманнаго, хладнокровнаго и грубаго обмана, что его невозможно объяснить никакими галлюцинаціями и нервными припадками. Если золотыя таблицы не были приготовлены имъ искусственно, а были дѣйствительно найденные имъ остатки погибшей цивилизаціи краснокожихъ, то и въ такомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что мѣсто, гдѣ они находились, не могло быть указано Смиту галлюцинаціей. Еще менѣе могла быть плодомъ галлюцинацій цѣлая книга, которая выдавалась сподвижниками Смита за переводъ золотыхъ таблицъ, тѣмъ бо-

лѣе, что книга эта сверхъ всего заключала въ себѣ книжное воров ство. Обманъ сдѣлался еще очевиднѣе, когда они сослались на американскаго ученаго, признавшаго будто бы вѣрность перевода, и тотъ публично объявилъ, что онъ доказывалъ имъ, что переводъ этотъ есть ничто иное, какъ обманъ. Исторія Смита показываетъ также, что обличеніе обмана въ этихъ случаяхъ не дѣйствуетъ и безполезно, потому что подающіеся ему сами хотятъ быть обманутыми Если мы видимъ, что у Тайпинговъ, китайскихъ христіанъ XIX вѣка, всѣ приказанія и распоряженія дѣлались разными лицами во время галлюцинацій, что путемъ галлюцинацій дѣлались выговоры, замѣчанія на счетъ управленія, даже домашнія и семейныя распоряженія, что приказанія эти принимались князьями на колѣняхъ, и въ то-же время оспаривались и отмѣнялись галлюцинаціями же, то во всемъ этомъ мы явно видимъ самый несомнѣнно сознательный обманъ, который совершался однакоже столь же несомнѣнными энтузіастами, людьми, которые имѣли фанатическую преданность дѣлу, котораго ложь видѣли насквозь Это кажущееся противорѣчіе опять-таки объясняется несомнѣнными фактами крайне разгорѣвшейся страсти возвыситься до святости въ глазахъ сотенъ милліоновъ ближнихъ. Магометъ объявилъ, что ему голосъ съ неба предписалъ имѣть болѣе четырехъ женъ въ то время, когда прочіе его поклонники не могли переходить за эту норму. Такой поступокъ явно показываетъ намъ, какъ онъ эксплуатировалъ въ свою пользу свои галлюцинаціи, если онѣ только у него были. Онъ такъ хорошо зналъ, что нѣтъ голоса съ неба, который указываетъ ему самый вѣрный путь въ жизни, что онъ заставлялъ Абу-Бекра толковать свои сны. Еслибы Магометъ не былъ суевѣренъ, то мы не знали бы, до какой степени онъ былъ обманщикъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Государства, задерживаемыя формальною религіею.—Духовенство формальныхъ религій пріучаетъ къ чудовищной недобросовѣстности. — Его вымыслы въ Полинезіи, въ Мехикѣ, у буддистовъ.—Испанскіе историки.— Вражда формальныхъ религій противъ умственнаго развитія. — Значеніе духовенства —Перу, Вавилонъ, Испанія, Мехика — Добродѣтель заключается не въ томъ, чтобы плодить жизнь, а чтобы пренебрегать ею. — Св. Тереза. — Людоѣдство, человѣческія жертвы; Карѳагенъ, Мехика. — Завоеваніе Америки испанцами, сравненіе между испанцами и монголами, испанцы показываютъ болѣе черствости и презрѣнія къ людямъ. — Сравненіе съ турками. — Вліяніе духовенства на Кортеса и Пизарро. — Въ какое время государства, задерживаемыя формальною религіею, легко дѣлаются добычею завоевателей. — Византійская имперія, Испанія передъ

ЗАВОЕВАНІЕМЪ АРАБОВЪ, ПЕРУ.—СПОСОБНОСТИ ИСПАНЦЕВЪ УБИТЫ ФОРМАЛЬНОЮ РЕЛИГІЕЮ — ПАРАГВАЙ, ЛЮБИМОЕ ДѢТИЩЕ И ГОРДОСТЬ ДУХОВЕНСТВА. — КАКЪ НАБИРАЛИСЬ ЖИТЕЛИ КОЛОНІЙ.

Привычка къ самому наглому обману—это отличительная черта духовенства формальныхъ религій. Они знаютъ самое сокровенное, они, не затрудняясь, удовлетворяютъ народному любопытству. Въ Полинезіи они создали цѣлую іерархію Атуа или боговъ и увѣрили народъ, что боги эти нисходятъ на землю, поселяются въ идолахъ и вдохновляютъ жрецовъ. У древнихъ мехиканцевъ каждый изъ многочисленныхъ боговъ и богинь имѣлъ свою исторію. Чѣмъ болѣе развивался народъ, тѣмъ многословнѣе были эти выдумки Увѣряютъ, что у буддистовъ они наполняютъ полтораста томовъ. Китайское духовенство увѣряетъ, что ихъ духи подвергаются экзаменамъ и успѣшно выдержавшіе испытаніе повышаются. Духовенство Индіи дошло до такого чудовищнаго обмана, что оно придумало *триста тридцать милльоновъ боговъ*. Какъ скоро разъ человѣкъ дозволитъ себѣ руководствоваться чѣмъ бы то ни было другимъ, кромѣ своего разума, то конца его заблужденіямъ не будетъ и все то, что должно, какъ увѣряютъ его обманщики, привести его къ святости, приведетъ его только къ самой варварской безнравственности Такъ какъ ложь эта была сознательная и притомъ такая, что ее часто весьма легко было опровергнуть, то духовенство формальныхъ религій постоянно относилось крайне враждебно ко всякой наукѣ и ко всякому изслѣдованію. Даже попытка простого мышленія безъ всякаго научнаго анализа всегда была для него опасна. Ученія духовенства обыкновенно обличали такую слабость мысли, что достаточно было нѣсколько здраваго смысла, чтобы ихъ опровергнуть — мы видимъ, напр., ученіе краснокожихъ о солнцѣ, какъ о живомъ существѣ, и тотчасъ же людей свободномыслящихъ, которые здравымъ смысломъ и на основаніи наблюденій, доступныхъ каждому, опровергаютъ это ученіе такъ побѣдоносно, что не убѣдиться ихъ доводами можетъ только человѣкъ совершенно глупый Поэтому духовенство формальныхъ религій всегда относилось враждебно нетолько къ серьезной мысли и къ научному анализу, но ко всякому умственному развитію въ народѣ, оно постоянно старалось захватывать въ свои руки народное образованіе съ единственною цѣлью, чтобы или вовсе не учить народъ, или чтобы направлять его умственную дѣятельность на такой путь, на которомъ она должна была оказаться совершенно безплодною. Тамъ, гдѣ оно не могло уничтожать науку, показывая ей презрѣніе, оно пріучало дѣятелей науки къ такому безсовѣстному вранью, что наука дѣлалась невозможною. Самымъ лучшимъ доказательствомъ могутъ служить испанскіе историки, описывавшіе завоеваніе Америки: во первыхъ, тутъ поражаетъ отсутствіе наклонности анализировать и наблюдать—они вовсе не даютъ себѣ труда понять то, что они описываютъ; загѣмъ, искажать истину тамъ, гдѣ они имѣютъ въ этомъ какой-нибудь интересъ, для нихъ ничего не стоитъ; и наконецъ, они никогда не задумываются врать безъ всякой уже цѣли только потому, что у нихъ ложь сорвалась съ языка.

Одинъ говоритъ, что въ городѣ Мехикѣ испанцы нашли 60,000 жителей. другой уже 60,000 семействъ, т. е. около 240,000 жителей, третій 60,000 дымовъ, т. е. около 360,000 жителей, четвертый 60,000 домовъ, а такъ какъ дома общины могли заключать въ себѣ до 5,000 человѣкъ каждый, то выходило, что въ городѣ Мехикѣ было по крайней мѣрѣ шесть милльо новъ населенія, наконецъ оказывается еще пятый, который говоритъ, 120,000 домовъ, слѣдовательно около 12 милльоновъ жителей. Послѣдній писатель, конечно, самый полезный, потому что онъ показалъ слишкомъ ясно, насколько можно полагаться на его предшественниковъ. Онъ вполнѣ приравнялъ людей науки въ Испаніи къ научнымъ дѣятелямъ государствъ застоя. Опытъ доказываетъ однакоже, что учителямъ формальной религіи для того, чтобы достигать своей цѣли, мало нравственнаго вліянія, имъ необходимо еще строгую, централизованную іерархію съ деспотической властью надъ своими членами, но даже и этого мало, имъ нужно значительную свѣтскую власть надъ всѣмъ населеніемъ,—та же самая католическая религія утрачиваетъ почти всѣ черты формальной религіи въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. При полномъ господствѣ вѣротерпимости, при совершенномъ отсутствіи духовной іерархіи никакая религія не можетъ сдѣлаться формальною. Тамъ, гдѣ духовенство, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, способно принести жалобу на то, что людей, нападающихъ на ихъ религію, подвергли судебному преслѣдованію, что это мѣшаетъ имъ дѣйствовать убѣжденіемъ и способно внушать мысль, что они боятся опроверженій, тамъ формальная религія почти не мыслима.

Ополчаясь на умственную жизнь и на умственное развитіе народа, учители формальной религіи дѣлаютъ невозможнымъ развитіе инстинктовъ міровой жизни и нравственнаго чувства, потому что умственное развитіе составляетъ неизбѣжный фундаментъ и основаніе для развитія этихъ чувствъ и инстинктовъ. Человѣкъ, . торый не имѣетъ никакого понятія о землѣ и ея обитателяхъ, который считаетъ грѣхомъ пріобрѣтать такія понятія, который считаетъ всѣхъ людей другихъ религій учениками сатаны и признаетъ своей обязанностью ихъ ненавидѣть и истреблять, такой человѣкъ конечно не можетъ жить міровой жизнью. Сами учители остаются на такомъ же низкомъ нравственномъ и умственномъ развитіи, какъ ученики, они ищутъ своего счастье тамъ же, гдѣ и находящійся подъ ихъ вліяніемъ грубый народъ, поэтому они стараются эксплуатировать религіозные инстинкты для увеличенія своего богатства и своей власти, но они могутъ дѣлать это не иначе, какъ прикрываясь потребностями и желаніями Бога или боговъ и святыхъ. Поэтому всѣ эти созданныя ими существа превращаются ими въ іерархію восточныхъ деспотовъ и вельможъ, жадныхъ и мстительныхъ, которые требуютъ, чтобы человѣкъ употреблялъ свою дѣятельность не на то, чтобы плодить жизнь на землѣ, а на то, чтобы обогащать этихъ боговъ; но такъ какъ Богу, богамъ и давно умершимъ святымъ отъ людей ничего не надо, то очень не трудно догадаться, что все это обогащеніе идетъ въ пользу духовенства. Какія огромныя жертвы способенъ приносить человѣкъ ради

религіозныхъ инстинктовъ міровой жизни, видно, напр., изъ того, что въ Перу вся земля раздѣлялась на три части, изъ которыхъ двѣ принадлежали храмамъ и инкамъ (духовенству), изъ оставшейся третьей части лучшія земли опять таки отдѣлялись для инковъ и высшаго сословія Земли храмовъ обрабатывались земледѣльцами прежде своихъ собственныхъ. Лучшія женщины страны жили при храмахъ и составляли что-то вродѣ гарема жрецовъ. Въ древнемъ Вавилонѣ всякая женщина должна была во время своей первой молодости являться въ храмъ и тамъ предаваться первому, кто къ ней обратится, и кромѣ того еще женщины наполняли собою серали духовенства—извѣстно, что жертвовать своими женами и дѣвицами, народу еще труднѣе, чѣмъ своимъ имуществомъ. Въ Галиціи еще очень недавно двѣ трети всей земли принадлежало духовенству, въ прочихъ частяхъ Испаніи около одной трети. Чтобы побудить людей къ такимъ громаднымъ жертвамъ, духовенство сулило имъ вѣчное блаженство, столь же нагло выдуманное, какъ и все прочее. Мехиканское духовенство увѣряло народъ, что добродѣтельные будутъ жить въ палатахъ солнца и превратятся въ разноцвѣтныхъ птицъ, индійское, что они будутъ управлять звѣздами и небесными тѣлами, а дурные обратятся въ отвратительныхъ животныхъ Добродѣтель по ученію духовенства формальныхъ религій состояла не въ томъ, чтобы плодить жизнь на землѣ, а въ томъ, чтобы показывать къ этой жизни какъ можно болѣе пренебреженія. Настоящая жизнь человѣка религіознаго начиналась только за гробомъ и чѣмъ болѣе человѣкъ будетъ пренебрегать землей и всѣмъ земнымъ, тѣмъ онъ будетъ достойнѣе и добродѣтельнѣе. Такимъ образомъ порождались уродливые натуры, вродѣ св Терезы, которая всю жизь молила Бога о томъ, чтобы онъ скорѣе послалъ ей смерть; своей искренностью, своими энергическими увлеченіями она производила такое могущественное впечатлѣніе на современниковъ, что можно было увѣрять, что она болѣе повредила дѣлу реформаціи въ Испаніи, чѣмъ инквизиція. Какое ужасное злоупотребленіе дѣлается при этомъ изъ способностей умственныхъ силъ и изобрѣтательности человѣка, всего яснѣе показываютъ проявленія индійскаго аскетизма Аскеты гамъ дошли до того, что они позволяютъ себя хоронить нетолько на нѣсколько дней, но на нѣсколько недѣль и послѣ этого они все таки остаются живыми. Когда аскетъ вынимается изъ гроба, онъ не показываетъ никакихъ признаковъ жизни—ротъ ему нужно разжимать острымъ орудіемъ, и когда послѣ долгаго времени онъ наконецъ искуственными средствами приводится въ чувство, онъ слабъ, какъ умирающій больной. Въ Бародѣ англійскій резидентъ присутствовалъ при вскрытіи гроба факира, который былъ похороненъ втеченіе 14 дней. Въ 1835 г. въ Исальмирѣ одинъ фанатикъ былъ вынутъ изъ гроба послѣ четырехъ недѣль живымъ. Чтобы перенести это, необходима особая и продолжительная подготовка. Сколько нужно было изобрѣтательности и энергіи, чтобы дойдти до такого возмутительно-варварскаго искусства! Такое ученіе было конечно при узкомъ взглядѣ духовенства на счастье жизни наиболѣе для него выгодно, потому что всего болѣе располагало отказываться въ его пользу отъ

своего имущества. Можно себѣ представить какія гибельныя послѣдствія должно было имѣть такое противоестественное направленіе всегда сильныхъ въ человѣкѣ инстинктовъ міровой жизни. Духовенство дѣлало людей грубыми и невѣжественными, вооружаясь противъ науки, и къ этому препятствію, такъ сильно мѣшавшему человѣку плодить жизнь на землѣ, присовокупляло еще ученіе, которое учило его презирать жизнь относительно себя и относительно другихъ. Связь съ женою—грѣхъ; дѣти, которые умрутъ рано, сдѣлаются ангелами; если человѣкъ умретъ — тѣмъ лучше, онъ перейдетъ въ другой міръ; если онъ страдаетъ—тѣмъ лучше, это для него испытаніе. Человѣкъ грубый и безъ того не умѣетъ ограждать себя и другихъ отъ страданій, онъ и безъ того не склоненъ къ развитію, не умѣетъ предупреждать смертности дѣтей, а тутъ ему еще проповѣдуютъ подобныя ученія. Послѣдствія были самыя ужасныя Очень возможно, что подобныя религіозныя ученія сдѣлались источникомъ людоѣдства и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что только они были способны сохранять людоѣдство, на сравнительно весьма высокихъ степеняхъ цивилизаціи. Даже у дикарей, незнакомыхъ съ земледѣліемъ, людоѣдство часто сохраняется только исключительно въ видѣ религіозной церемоніи; но даже на высокихъ степеняхъ цивилизаціи мы встрѣчаемся съ убѣжденіемъ, что чѣмъ болѣе будетъ принесено жертвъ Богу, тѣмъ лучше. У дикарей Тихаго Океана мы находимъ воззрѣніе, что боги питаются душами убитыхъ людей и что слѣдовательно, чѣмъ болѣе ихъ убито, тѣмъ угоднѣе это будетъ для боговъ. Нетолько смерть, но и страданія людей доставляютъ богамъ удовольствіе, а потому людей надо какъ можно болѣе мучить прежде, чѣмъ они будутъ убиты. У народовъ сравнительно цивилизованныхъ мы встрѣчаемъ не менѣе утонченное варварство. Карфагеняне приносили богамъ въ жертву взрослыхъ людей и дѣтей сотнями и тысячами. Жертвы дѣтей считались особенно пріятными. Мехиканцы откармливали людей въ клѣткахъ, потомъ приносили ихъ въ жертву, сопровождая это дѣйствіе самыми возмутительными церемоніями: въ присутствіи толпы у жертвы вырывалось сердце и поднималось жрецомъ къ небу, съ ней снималась кожа и въ то время, когда съ нея капала кровь, жрецъ надѣвалъ ее на себя и плясалъ въ ней, затѣмъ жертвы съѣдались, ихъ черепа служили для украшенія храма. Сѣмена обмакивались въ дѣтскую кровь и потомъ клались къ идолу. Если бы я захотѣлъ перечислять здѣсь всѣ ужасы, которые порождены были учителями формальныхъ религій, проповѣдывавшихъ презрѣніе къ человѣческой жизни, къ благамъ земли, то вышла бы такая мрачная картина, что самый бездушный читатель не былъ бы въ состояніи ее прочесть. До тѣхъ поръ, пока вредное вліяніе формальной религіи не смягчалось приходящими извнѣ болѣе гуманными идеями, до тѣхъ поръ грубость и бездушіе тѣмъ сильнѣе развивались въ народѣ, чѣмъ долѣе онъ жилъ. Крестоносцы во время своихъ походовъ и завоеваній на востокѣ обнаружили несравненно менѣе варварства и жестокости, чѣмъ полътысячелѣтія спустя испанцы, во время своихъ завоеваній въ Америкѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что испанцы въ Америкѣ поступали съ несрав-

ненно большимъ звѣрствомъ, чѣмъ монголы во время своихъ великихъ завоеваній. Монголы были дикари, а Европа во время XVI столѣтія была уже знакома съ самыми гуманными идеями грековъ и римлянъ, она была знакома съ еще болѣе гуманнымъ ученіемъ Іисуса Христа, Испанія имѣла уже писателей и художниковъ, которыхъ произведенія сохранились до сихъ поръ и цѣнятся даже въ наше время. Ласъ-Казасъ утверждалъ, что испанцы истребили въ Америкѣ 15 милльоновъ индѣйцевъ. Современнымъ писателямъ показалось это столь ужаснымъ, что они признали показаніе Ласъ-Казаса преувеличеннымъ, хотя они не имѣли никакихъ данныхъ, чтобы подтвердить такое опроверженіе Ихъ мнѣніе было основано не на фактахъ, а на чувствахъ ихъ сердца. Но если есть вѣроятность, что показаніе Ласъ-Казаса преувеличено, то еще болѣе вѣроятности, что показанія объ ужасахъ, произведенныхъ монголами, также значительно преувеличены. Если затѣмъ сравнить число истребителей испанцевъ и истребителей монголовъ, то относительный перевѣсъ звѣрскихъ поступковъ несомнѣнно окажется на сторонѣ испанцевъ. Не надо забывать также, что показаніе объ истребленіи испанцами пятнадцати милльоновъ индѣйцевъ принадлежитъ человѣку, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ чрезмѣрномъ человѣколюбіи и въ мягкости сердца, которая могла бы побудить его къ крайнему преувеличенію. Ласъ-Казасъ былъ первымъ виновникомъ ввоза негровъ-рабовъ. Ему принадлежитъ инициатива въ этомъ случаѣ, и человѣка, которому Америка обязана этимъ великимъ источникомъ зла, никакъ нельзя подозрѣвать въ слишкомъ большой снисходительности къ страданіямъ человѣчества О подвигахъ испанцевъ при завоеваніи Мехики мы знаемъ слѣдующее: въ Шолумѣ Кортесъ перебилъ *всѣхъ* воиновъ до одного, разграбилъ и сжегъ городъ и избилъ жителей, въ долинѣ Отувба испанцы избили 20,000 человѣкъ, при осадѣ Мехики они избили по самому умѣренному будто-бы разчету 100,000 человѣкъ, въ Пунако они сожгли 60 кациковъ и 400 человѣкъ изъ высшаго сословія, собрали ихъ родственниковъ и заставили смотрѣть ихъ на это зрѣлище. Данныя эти я беру изъ сочиненія, гдѣ опровергаются нападки на Кортеса и гдѣ эти факты все-таки признаются достовѣрными. Пизарро и его сподвижники были еще гораздо безцеремоннѣе Кортеса съ товарищами. Сравнивая тутъ число истребителей съ числомъ монголовъ, нельзя не убѣдиться окончательно, что ихъ подвиги имѣли гораздо большіе размѣры. Если испанцы уже во время завоеваній показывали себя болѣе жестокими, чѣмъ монголы, то послѣ завоеваній они показали себя еще въ болѣе мрачномъ свѣтѣ. Тутъ даже и сравненія не можетъ быть съ монголами. На Антильскихъ островахъ во время Колумба испанцы пригласили на праздникъ Анаксанну, королеву Ксарогуа, затѣмъ во время пира напали на ея свиту, привязали ихъ къ столбамъ, зажгли домъ и такимъ образомъ сожгли ихъ всѣхъ, а королеву повѣсили. Это поступокъ вполнѣ достойный монголовъ, однакоже если его сравнить съ другими дѣйствіями испанцевъ на островахъ протянувшихся между Юкатаномъ, Флоридой и устьемъ Ориноко, то онъ покажется совершенно ничтожнымъ. Увѣряютъ,

что испанцы съ 1492 по 1507 годъ, т. е. втеченіе пятнадцати лѣтъ истребили на этихъ островахъ милльонъ людей, и это показаніе опять-таки считается преувеличеннымъ, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на многихъ островахъ они истребили *всѣхъ до послѣдняго*. Краснокожіе находились точно такъ-же, какъ испанцы подъ сильнымъ вліяніемъ формальной религіи, они точно такъ же презирали жизнь человѣческую и считали добродѣтелью подвиги мученичества. Въ Мехикѣ они приносили въ жертву дѣтей, зарывали ихъ живыми, чтобы произвести урожай, то пили ихъ въ рѣкахъ, душили въ горахъ—число подобныхъ жертвъ насчитывалось до 20,000 въ годъ. Нужно было мученичество для того, чтобы пріобрѣсти достоинство жреца: 10 мѣсяцевъ поста, уединеніе, выпусканіе крови изъ разныхъ частей тѣла, въ разные часы дня. Но, не смотря на это во время ихъ господства могло жить въ этихъ мѣстностяхъ гораздо большее число людей. Кажется, что чѣмъ энергичнѣе и способнѣе народъ, который поддается формальной религіи, тѣмъ болѣе онъ дѣлаетъ зла. На Порто-Рико населеніе истреблено было тяжкими работами, на Доминго испанцы распоряжались такимъ образомъ, что вскорѣ у нихъ не оказалось работниковъ годныхъ для рудниковъ, тогда съ Лукайскихъ острововъ перевезено было 40,000, но съ ними поступали такъ жестоко, что они вскорѣ всѣ умерли. На островѣ Кубанѣ найденъ былъ жемчугъ въ морѣ—испанцы истребляли туземцевъ массами, заставляя ихъ нырять и доставать его. Къ 1511 году туземцы были истреблены до такой степени, что некому было работать, и капиталисты раззорились. Въ 1508 году сдѣлана была перепись 60,000 индѣйцамъ, при повѣркѣ въ 1517 году оказалось въ живыхъ всего 14,000. Послѣ этого не нашли ничего лучшаго сдѣлать, какъ распродать ихъ съ молотка Сначала индѣйцевъ всѣхъ обращали въ рабство и распредѣляли между испанцами, потомъ стали возставать противъ такого образа дѣйствія, но король Фердинандъ утвердилъ этотъ порядокъ. Когда посредствомъ подобныхъ пріемовъ истреблены были индѣйцы и не было работниковъ, тогда испанцы стали дѣлать набѣги на окрестности и захватывали индѣйцевъ цѣлыми народами. Предложеніе Ласъ-Казаса о снабженіи Антильскихъ острововъ рабами изъ негровъ пришло очень кстати, потому что негры гораздо легче переносили рабство, чѣмъ индѣйцы, и наконецъ дошли до того, что въ рудникахъ вымерли всѣ индѣйцы до послѣдняго и остались одни негры. Капиталисты, которые сначала составили себѣ огромныя состоянія, обѣднѣли, роскошь изчезла и водворились невѣжество и нищета. Таково было положеніе на Антильскихъ островахъ; въ Мехикѣ было нисколько не лучше. Говоря о дѣйствіяхъ испанцевъ на Юкатанѣ и въ Гуатемалѣ, историки замѣчаютъ, что они разрушили тутъ втеченіе немногихъ лѣтъ болѣе высокую цивилизацію, чѣмъ та, которую они поставили на ея мѣсто. Если-бы испанцы сдѣлали только это, то ихъ нельзя было-бы ставить ниже монголовъ, но они дѣлали въ Мехикѣ такія вещи, какихъ монголы никогда не дѣлали, по крайней мѣрѣ, въ такихъ же размѣрахъ. По завоеваніи Мехики, испанцы тотчасъ начали обращать цѣлыя области въ рабство. Вице-короли, получавшіе незначительное содержаніе при-

тѣсняли народъ безъ всякой пощады, и ихъ примѣру слѣдовали всѣ чиновники. Они дѣйствовали такъ легкомысленно, что наконецъ Карлъ V долженъ былъ оказать имъ энергическое сопротивленіе и ввелъ тамъ феодальную систему. Затѣмъ индѣйцы подчинены были массами барщинѣ, они должны были обрабатывать маисъ, охранять стада и чинить дороги, они не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ и могли заключать договоры только на сумму не выше 6-ти рублей серебромъ. Кромѣ натуральныхъ своихъ повинностей, они платили еще подушную подать. Можно себѣ представить, въ какомъ ужасномъ состояніи были сначала индѣйцы, когда уже подобное крѣпостное состояніе составляло для нихъ значительное облегченіе ихъ положенія и было для нихъ сравнительно завидною судьбою. Къ этому присовокуплялось для нихъ еще бѣдствіе другого рода. Католическое духовенство всюду, гдѣ оно появлялось тотчасъ же велѣло разбивать всѣ идолы и срывать храмы, и въ то время, когда оно скандализировало народъ своимъ развратнымъ поведеніемъ, оно всѣхъ принуждало обращаться въ христіанство, употребляя самыя безжалостныя насилія. Испанцы воспретили торговлю колоній съ другими націями и между собою. Въ Испаніи позволено было торговать съ колоніями сначала только Севильѣ, а потомъ Кадиксу. Только разъ въ годъ отправлялись двѣ эскадры, изъ которыхъ одна должна была снабжать всѣмъ нужнымъ Перу и Чили, а другая Мехику. Позволено было только еще одному галіоту ходить разъ въ годъ изъ Манильи въ Акапулко. Въ Мехикѣ воспрещено было разведеніе табака, винограда, оливковаго дерева, льна Вся торговля соединялась въ рукахъ нѣсколькихъ семействъ. Гдѣ и когда монголы доходили до такихъ крайностей? Въ Перу шла долгое время кровавая борьба между испанскими королями и потомками завоевателей. Вся эта борьба носитъ на себѣ самую рѣзкую печать переворотовъ въ государствахъ застоя. Весь вопросъ тутъ заключался въ томъ, у кого въ рабствѣ должны находиться индѣйцы, у правительства или у потомковъ завоевателей; наконецъ правительство одолѣло, обратило индѣйцевъ массами въ крѣпостное состояніе и обложило ихъ оброками. Они нетолько не могли выходить изъ этого состоянія, но не могли даже оставлять своихъ деревень. Обращеніе испанцевъ съ индѣйцами было таково, что въ исторіи неизвѣстно такого періода, гдѣ бы совершалось болѣе самоубійствъ, чѣмъ въ началѣ испанскаго владычества между индѣйцами. Самоубійства были такъ многочисленны, что они имѣли значительное вліяніе на уменьшеніе населенія. Португальцы поступали точно такъ-же, если еще не хуже Сходство съ государствами застоя тутъ не менѣе поразительно. Они гонялись за индѣйцами, дѣлали набѣги, захватывали ихъ въ рабство и торговали ими, точно такъ-же, какъ турки Картума охотятся за неграми. Мало этого, они дѣлали постоянные набѣги другъ на друга, захватывали рабовъ въ плантаціяхъ и торговали ими. Владѣльцы золотыхъ розсыпей и горныхъ заводовъ, такъ называемые паулисты, были такіе разбойники, какихъ трудно встрѣтить даже въ государствахъ застоя. Для нихъ было все равно, гдѣ добывать себѣ набѣгами рабовъ, въ дикихъ ли лѣсахъ или на плантаціяхъ, которыя принадлежали къ португальской или испанской территоріи

Они не обращали даже вниманія на то, произойдетъ или не произойдетъ отъ этихъ набѣговъ политическое загрудненіе для Португаліи. Между тѣмъ оказались историки, которые даже восхищались энергіей паулистовъ. Защитники формальныхъ религій, конечно, стараются снять съ нея отвѣтственность за всѣ эти варварства. Въ защиту свою они говорятъ, что все это производилось чаще свѣтскими людьми, чѣмъ духовенствомъ. Что тутъ дѣйствовали свѣтскіе люди и преимущественно воины, это совершенно справедливо, но дѣло въ томъ, что эти воины воспитывались духовенствомъ и отъ него получили всѣ свои идеи и всѣ свои чувства. Это до такой степени справедливо, что и Кортесъ и Пизарро, въ угоду духовенству должны были пренебрегать самыми основными правилами всякой здравой политики. Высадившись на берега Мехики и Перу, и тотъ, и другой должны были готчасъ приступать къ насильственному обращенію туземцевъ въ католичество, разбивать идоловъ и проч. Они должны были поступать такимъ образомъ нетолько съ своими врагами, но и съ своими союзниками, они могли отступать отъ этого правила только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда само духовенство предписывало имъ подобное отступленіе. Вынужденные дѣйствовать такимъ образомъ въ то время, когда они всего болѣе нуждались въ томъ, чтобы пріобрѣсти союзниковъ и не ожесточить противъ себя чрезмѣрно своихъ враговъ, они ставили себя въ самое затруднительное положеніе. Если имъ, не смотря на это, удалось завоевать и Мехику, и Перу, то это происходило отчасти отъ огромнаго перевѣса, который давали имъ европейское оружіе и европейская дисциплина, а отчасти и еще болѣе отъ того, что они завоевывали страны, гдѣ господствовала неустановившаяся окончательно формальная религія. Когда формальная религія установилась окончательно, она порождаетъ застой и постепенное загрубеніе общества: бездушное воззрѣніе на земную жизнь, какъ на условіе существованія, о которомъ не стоитъ заботиться, на всякое движеніе мысли, какъ на дѣло преступное, распространяется во всѣхъ слояхъ общества и превращается въ неискоренимое суевѣріе. Для достиженія этого результата духовенство употребляетъ всегда самыя крутыя мѣры, и, не смотря на это, подобное состояніе до такой степени противно всѣмъ инстинктамъ человѣческимъ, что духовенству господствующей религіи не удается достигнуть исключительнаго господства надъ умами втеченіе столѣтій. Даже тогда, когда они сдѣлали прогрессъ уже окончательно невозможнымъ, власть ускользаетъ у нихъ изъ рукъ посредствомъ враждебныхъ имъ сектъ. Въ подобномъ состояніи населеніе этихъ государствъ раздирается безплодной и неодолимой враждою, каждая часть общества стремится открыто къ окончательному и насильственному истребленію всѣхъ другихъ и считаетъ это для себя верхомъ добродѣтели. Вотъ почему подобныя государства чрезвычайно легко дѣлаются добычей завоевателей, лишь бы явились эти завоеватели. Мы уже выше говорили о томъ, какъ борьба между сектами въ Византійской имперіи облегчала завоеванія для арабовъ и турокъ. Въ Испаніи, гдѣ при Готахъ преобладало теократическое управленіе, взаимное ожесточеніе христіанскихъ сектъ было точно такимъ

же источникомъ слабости, а преслѣдуемые всѣми евреи готовы были помогать всякому завоевателю. Арабы никогда не могли себѣ представить, чтобы завоеваніе Испаніи могло быть для нихъ такимъ легкимъ дѣломъ, и эта легкость ихъ крайне удивила. Въ Америкѣ, во время завоеванія Испанцевъ, было тоже самое. Ненависть, которую сѣяли кругомъ себя теократіи ацтековъ и инковъ, сдѣлалась самой лучшей помощницей испанцевъ; ненависть эта была такъ велика, что даже крайнее отсутствіе политическаго такта и самое нелѣпое поведеніе не помѣшало имъ имѣть союзниковъ, въ Перу въ тяжелыя для испанцевъ минуты они выручались населеніемъ, притѣсненнымъ прежнимъ правительствомъ. Интересно наблюдать, какъ пропаганда въ пользу завоевателей черезъ теократическое вліяніе получаетъ общія черты. Когда арабы появились въ Испаніи, то народу проповѣдывали, что они пришельцы съ неба. Мнѣніе это такъ распространилось, что Теодомиръ, отражавшій нашествіе арабовъ, писалъ королю Родерику, что неизвѣстно, откуда явились эти пришельцы— съ неба или съ земли. Точно такое же мнѣніе распространилось относительно испанцевъ въ Перу, самъ инка долженъ сознаться своимъ подчиненнымъ, что утверждаютъ, будто-бы испанцы посланники небесъ. Только тогда, когда господство Испанцевъ уже утвердилось, когда они стали поступать съ жестокостью, далеко превосходившей все, что дѣлалось при прежнемъ правительствѣ, инка говоритъ уже другимъ языкомъ: «въ Лимѣ, въ Кито, въ Куско они (испанцы) раздѣлили между собою землю и самихъ индѣйцевъ и обратили населеніе въ своихъ рабовъ, договоры въ ихъ глазахъ не имѣли никакого значенія, присяга не была для нихъ священна»; онъ называетъ ихъ исчадіемъ ада и посланными отъ злыхъ духовъ, которые дали имъ обманчивый видъ для того, чтобы они легче могли обмануть людей.

Такъ проявлялись испанцы подъ вліяніемъ господства формальной религіи. Если мы будемъ теперь сравнивать способности этого народа съ одной стороны со способностями населенія застоя, а съ другой стороны съ западными европейцами, то мы принуждены будемъ убѣдиться, что по природнымъ своимъ дарованіямъ они рѣзко отличаются отъ большинства населенія застоя, они вполнѣ доказали, что если бы ихъ способности получили такую же свободу развитія, какъ въ средней Европѣ, то они достигли бы тѣхъ же самыхъ результатовъ. Во время умственнаго движенія въ Европѣ въ XVI и послѣдующихъ столѣтіяхъ поэзія и живопись встрѣчали въ испанскомъ духовенствѣ менѣе безпощадныхъ противниковъ, чѣмъ отрасли серьезныхъ знаній; про живопись можно даже сказать, что она не подвергалась никакимъ серьезнымъ преслѣдованіямъ. Зато же мы видимъ, что испанцы по отношенію къ живописи стоятъ на ряду съ самыми передовыми народами. Ихъ художники столько же замѣчательны по своей многочисленности, какъ и по своему таланту; въ Испаніи соединилось столько благопріятныхъ условій для развитія художника, что великіе мастера могли развиться, не выѣзжая изъ страны. Когда духовенство произвело въ Испаніи всеобщій упадокъ силъ и расплодило крайнее невѣжество, тогда упало и художество,

по порча вкуса уже никогда не могла достигнуть тамъ тѣхъ размѣровъ, какихъ она достигла, напр., въ Персіи—до сихъ поръ любители искусства ѣздятъ въ Испанію любоваться ея изящными произведеніями. Изящная словесность была менѣе счастлива, чѣмъ художество, духовенство втискивало тутъ геній человѣческій въ самыя тѣсныя рамки, но дѣятельность здѣсь была, по крайней мѣрѣ, возможна, она не была окончательно уничтожена, какъ дѣятельность умственная и научная, которая нуждается и въ свободѣ и въ значительныхъ средствахъ развитія и не возможна, если эти средства не даются. Природный геній пробивается въ изящной словесности испанцевъ со всей своей силой, но невольно бросается въ глаза недостаточность умственнаго и нравственнаго развитія писателей, та тупость ума и чувства, которую поселяютъ учители формальной религіи всюду, гдѣ они господствуютъ. Писатели испанцевъ стоятъ на очень низкомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ, они не дѣлаются двигателями прогресса, они не воспѣваютъ то, что ведетъ человѣчество впередъ. Ихъ всего болѣе восхищаютъ истребляющіе жизнь военные подвиги и убивающіе ее идеалы добродѣтели формальной религіи. Втиснутая въ эти рамки, изящная словесность не въ состояніи увлекать за собою умы народа, и дѣйствительно мы видимъ, что даже геніальные писатели не въ состояніи жить литературнымъ трудомъ, они стараются пристроиться въ военной или гражданской службѣ и берутъ взятки, они пріискиваютъ себѣ частныя мѣста и употребляютъ свой талантъ, чтобы восхвалять своего патрона. Не смотря на это, природное дарованіе бьетъ въ нихъ такимъ могучимъ ключемъ, что оно могло породить Донъ-Кихота, одно изъ тѣхъ сочиненій прошедшихъ вѣковъ, которое пріобрѣло такую же извѣстность, какъ Гамлетъ Шекспира и Иліада Гомера. Конечно и изящная словесность должна была погибнуть среди варварства и загрубѣнія, которое произведено было формальной религіей. Мы видимъ очень ясно, какимъ образомъ господство духовенства подтачивало источникъ развитія даже такихъ сторонъ жизни, какъ художество. Ополчаясь противъ умственнаго развитія, духовенство давало постоянно преобладаніе болѣе невѣжественной и менѣе способной части высшаго общества, а изъ этого происходилъ неизбѣжный и вездѣ одинаково повторяющійся результатъ, что ложныя политическія и экономическія воззрѣнія, господствовавшія тогда въ Европѣ, приводились на Пиринейскомъ полуостровѣ въ жизнь въ самомъ крайнемъ своемъ видѣ. Свободное проявленіе мысли и чувства въ религіи и въ наукѣ стѣснялось такъ безжалостно, какъ оно нигдѣ не было стѣснено. Поземельное владѣніе, торговля, промышленность сосредоточивались въ немногихъ рукахъ. Склонность регламентировать производство была доведена до крайнихъ нелѣпостей. Правительство выдумало раздѣлить дѣятельность колоній и метрополіи на спеціальности. Извѣстныя отрасли горнаго дѣла признаны были спеціальностью колоній и разработка рудниковъ этого рода воспрещена была въ Испаніи для того, чтобы не мѣшать будто бы развитію этой части въ колоніяхъ и на оборотъ, извѣстныя производства, признанныя спеціальностью испанцевъ вос-

прещались въ колоніяхъ. До такихъ же нелѣпостей доведены были и корпоративныя стѣсненія, даже художество было сравнено съ прочими ремеслами, и художникъ не могъ закончить свою статую, если извѣстная часть отдѣлки считалась принадлежностью другаго ремесла; мало этого, онъ не имѣлъ даже право указать, какъ должна быть отдѣлана статуя, и наблюдать за тѣмъ, чтобы его произведеніе не было испорченно-безвкусной рукой; въ томъ, что считалось не его ремесломъ, онъ признавался не компетентнымъ судьей. Мы встрѣчались съ спорами и процессами, которые пришлось по этимъ случаямъ вести великимъ мастерамъ. Такимъ образомъ убивалась послѣдняя отрасль духовной дѣятельности, которая могла существовать подъ желѣзной рукой духовенства.

Защитники формальныхъ религій, не будучи въ состояніи отрицать всѣхъ этихъ фактовъ, стараются снять съ духовенства отвѣтственность за нихъ и доказываютъ, что духовенство, будто бы, постоянно сопротивлялось тому варварству, которое совершалось въ Испаніи и въ испанскихъ колоніяхъ. Въ средѣ духовенства мы видимъ, конечно, болѣе прогрессистовъ и болѣе реакціонеровъ, мы видимъ, напр., что въ то время, когда францисканцы поддерживали обращеніе всѣхъ индѣйцевъ въ рабовъ и распредѣленіе ихъ между испанцами, доминиканцы сопротивлялись этому. Доминиканцы, первые поборники инквизиціи, являются слѣдовательно такимъ образомъ поборниками прогресса въ средѣ духовенства,—хороши прогрессисты. Защитники формальныхъ религій постоянно ссылаются на эти протесты. Чтобы составить себѣ понятіе о вліяніи, которое имѣетъ на людей формальная религія, мы обратимся къ разсмотрѣнію той дѣятельности духовенства, которая всего болѣе превозносится его защитниками и которая нашла высшее свое проявленіе въ обществѣ Парагвая. Миссіонеры, сопротивлявшіеся жадности испанскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, въ разныхъ мѣстахъ Америки старались основать общества, гдѣ они осуществляли то, что они признавали идеей христіанской свободы. Объ этой дѣятельности защитники формальныхъ религій всегда говорятъ съ гордостью. Но по большей части попытки эти имъ не удавались. Самые большіе размѣры и самый удачный исходъ имѣлъ подобный опытъ въ Парагваѣ; защитники формальныхъ религій останавливаются на немъ съ особеннымъ удовольствіемъ, а поэтому и мы подвергнемъ его болѣе внимательному разсмотрѣнію. Въ то время, когда испанцы и португальцы, говорятъ защитники формальной религіи, обращали индѣйцевъ въ рабство и истребляли ихъ милльонами, іезуиты въ Парагваѣ защищали ихъ отъ порабощенія, они составили изъ нихъ общество свободное, пользовавшееся самоуправленіемъ, давали имъ образованіе и ограждали ихъ отъ нужды. Вникая ближе въ организацію и жизнь этого общества, мы однакожъ встрѣчаемся съ явленіями, которыя менѣе всего похожи на это великолѣпное изображеніе. Насколько іезуитами употреблялась сила при пріобрѣтеніи индѣйцевъ для своихъ колоній—трудно сказать. Желая выставить свое управленіе идеаломъ милосердія, они вполнѣ отрицаютъ этотъ фактъ; отрицаніе это, конечно, не есть

доказательство. Іезуиты дѣлали набѣги на разсѣянныя въ лѣсахъ индѣйскія племена и всегда возвращались въ колонію съ нѣсколькими захваченными ими индѣйцами. Они увѣряли, что будто бы индѣйцы эти привлечены были ими музыкою. Намъ разсказываютъ, что германцы продавали свою свободу, увлекаясь игрою въ кости, но кромѣ Парагвая мнѣ неизвѣстно ни одного примѣра, чтобы дикари продавали свою свободу и отъ бродячей жизни обращались къ земледѣльческой, привлеченные музыкою. Извѣстно, впрочемъ, что для привлеченія индѣйцевъ выѣзжали не одни музыканты, а цѣлыя толпы вооруженныхъ жителей колоній и приводили съ собою изъ лѣсовъ цѣлыя деревни меломановъ. Во время этихъ набѣговъ нерѣдко нетолько музыкантовъ, но и духовенства вовсе не было, а посылались индѣйцы колоніи подъ предводительствомъ кацика Миссіонеры для увеличенія населенія колоній употребляли и другія мѣры болѣе миролюбиваго свойства. Они установляли праздники и старались дѣлать богослуженіе, какъ можно болѣе великолѣпнымъ и плѣнительнымъ для индѣйцевъ. Тѣмъ, которые привлечены были такимъ образомъ изъ лѣсовъ на замапчивое зрѣлище, они предлагали остаться въ своей средѣ. Условія были самыя плѣнительныя. Дикарь могъ жить въ колоніи сколько ему было угодно, его кормили безвозмездно, всѣ его потребности удовлетворялись, ему дѣлали даже небольшіе подарки: ножички, удочки, иголки; но мало-по-малу его начинали заставлять работать, и въ скоромъ времени, онъ оказывался въ совершенной неволѣ. Такимъ образомъ насѣлялись колоніи, въ какомъ же положеніе находилось ихъ населеніе?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Государства, задерживаемыя формальною религіею. — Обзоръ исторіи Парагвая до 1868 года.—Сравненіе съ восточными деспотическими государствами застоя — Какимъ образомъ ненормальное удовлетвореніе инстинктовъ міровой жизни въ государствахъ, задержаваемыхъ формальною религіею, приводитъ къ такому же обожанію за силу, богатство и геройство, какъ въ государствахъ застоя. — Понятіе о Богѣ, которое даютъ формальныя религіи. — Испанія во время Фердинанда и Изабеллы. — Филиппъ прекрасный, инквизиція и человѣческія жертвы, сравненіе съ Таити и Ацтеками.

Колонія обстраивалась подъ руководствомъ іезуитовъ и населялась свободными людьми, которые избирали своихъ начальниковъ, которыхъ учили, за которыми ухаживали, если они были больны. Эти свободные люди должны были вставать до солнца и отправляться въ церковь, гдѣ дѣти пѣли псалмы и совершалось богослуженіе. Затѣмъ свободные люди расходились и могли дѣлать что имъ угодно, но такъ какъ свобода была

не единственнымъ ихъ свойствомъ, а кромѣ того миссіонерами замѣчалось въ нихъ другое свойство — легкомысліе, то миссіонеры для того, чтобы окончательно ихъ осчастливить, нашли нужнымъ соединить свободу съ порядкомъ. Съ этою цѣлью миссіонеры приняли на себя тяжелыя обязанности, которыхъ выполненіе было для нихъ возможно только по причинѣ ихъ крайняго милосердія и великодушія. Они составляли подробныя росписанія всѣхъ работъ, которыя должны были выполняться жителями колоній для собственной своей пользы. По выраженію миссіонеровъ колонисты были крайне осчастливлены этимъ и, не находя лучшаго употребленія изъ своего свободнаго времени, съ радостью выполняли программу. Къ работамъ они приступали съ религіозными церемоніями, и когда отправлялись въ поле, то это былъ цѣлый крестный ходъ. Для того, чтобы помогать въ выполненіи работъ, принятыхъ ими на себя съ такою охотою, миссіонерами назначены были инспекторы, которые постоянно наблюдая за ними, помогали имъ трудиться, а если работникамъ дьяволъ мѣшалъ трудиться съ охотою на свою пользу, то благодѣтель инспекторъ поселялъ въ нихъ святость души, давая имъ тѣлесными наказаніями предвкушать блаженство мученичества. Землею распоряжались миссіонеры и каждому колонисту назначали свой участокъ, съ которымъ онъ могъ дѣлать, что ему угодно; но заботливость миссіонеровъ простиралась до того, что они каждому выдавали сѣмена для обсѣмененія своихъ полей, а послѣ жатвы колонисты сборъ представляли въ общественные магазины, которыми распоряжались миссіонеры. Это дѣлалось для того, чтобы колонисты по легкомыслію своему не растратили то, что необходимо для обсѣменія полей, а по обжорству не съѣли всѣхъ своихъ запасовъ. Рабочій скотъ точно также находился въ распоряженіи миссіонеровъ. Миссіонеры же распредѣляли занятія по спеціальностямъ, назначали кому быть плотникомъ, кому кузнецомъ и проч. По просьбѣ миссіонеровъ, жители добровольно обработывали поля тѣхъ, которые не могли предаваться этому занятію, и дѣлали это исключительно изъ христіанскаго милосердія. Миссіонеры не ограничивались этимъ; колонисты имѣли всѣ пороки, свойственные дикарямъ, они были жадны, любили пьянство и предавались сладострастію въ излишествѣ. Поэтому миссіонеры надзирали за умѣренностію и при первомъ соблазнѣ заставляли колонистовъ посредствомъ тѣлесныхъ наказаній предвкушать блаженство мученичества. Въ особенности надзоръ ихъ сосредоточивался на грѣховныхъ отношеніяхъ сладострастія. Въ этомъ отношеніи семейная жизнь не давала никакого права на тайну, на исповѣди все должно было открываться священнику, а исповѣдь повторялась какъ можно болѣе часто, пять, шесть разъ въ году. Чтобы окончательно забрать въ свои руки женщинъ, у нихъ отбирали дѣтей и воспитывали ихъ на общественный счетъ. Такимъ образомъ безбрачное духовенство достигало, что женщины удовлетворяли всѣмъ его желаніямъ и потребностямъ. Это еще не все. Подъ предлогомъ благотворительности отдѣлялись особыя земли, которыя назывались землями божьими, и ихъ должны были обрабатывать даже дѣти моложе пятнадцати лѣтъ. Плоды этихъ земель поступали въ распоряже-

ніе миссіонеровъ. Свободные индѣйцы имѣли самоуправленіе и подъ надзоромъ духовенства избирали своихъ начальниковъ, которые могли вступать въ отправленіе своихъ должностей, если были утверждены. Но такъ какъ колонисты были безпечны и склонны къ злоупотребленію власти, то мѣстные священники наблюдали за тѣмъ, чтобы они выполняли свои обязанности, а если этихъ начальниковъ соблазнялъ дьяволъ пренебрегать своимъ дѣломъ, то духовенство тотчасъ же посредствомъ тѣлесныхъ наказаній давало имъ предвкушать блаженство мученичества. Ни заслуги, ни знанія, ни таланты не избавляли отъ этого предвкушенія блаженства. Войско получало оружіе только тогда, когда это было ему необходимо для военныхъ упражненій или во время похода; за тѣмъ оружіе отбиралось и запиралось въ общественные арсеналы, которые находились подъ надзоромъ духовенства. Если побѣдоносный офицеръ имѣлъ слишкомъ большой успѣхъ и могъ замечтаться, то духовенство пріискивало случай, чтобы его научить смиренію посредствомъ тѣлеснаго наказанія. Наказанные должны были смиренно цѣловать карающую руку. Жителямъ постоянно говорили о благодѣяніяхъ духовенства, говорить иначе считалось грѣхомъ, и въ этомъ случаѣ всякій житель былъ шпіономъ. Такъ какъ всѣ тянули въ одну ноту, то жители дѣйствительно были увѣрены, что они облагодѣтельствованы, и что если они, не смотря на это, были жалки и несчастны, то виною были ихъ пороки и злодѣянія Для того, чтобы никто не могъ ихъ разочаровать и разрушить устроившіеся отношенія, въѣздъ въ колоніи былъ воспрещенъ даже испанцамъ. Исключеніе сдѣлано было только для губернатора и для епископовъ. Какъ скоро появлялся кто нибудь посторонній, то тотчасъ приставлялся къ нему шпіонъ, который открыто сопровождалъ его всюду, не оставлялъ его ни на минуту. Въ исторіи не извѣстно ни одного примѣра соединенія такой варварской тиранніи съ такимъ чудовищнымъ хапжествомъ. Даже въ тѣхъ деспотическихъ государствахъ застоя, гдѣ земля распредѣлялась между земледѣльцами и отбиралась у нихъ по произволу, гдѣ имъ раздавались сѣмена во время посѣвовъ и гдѣ они должны были представлять жатву въ общественные магазины, населеніе пользовалось большей самостоятельностью и могло располагать собою съ большей свободою, даже въ рабахъ человѣческое достоинство уважалось болѣе. Послѣдствія были ужасныя. Мы видѣли, что испанскіе воины, воспитанные въ правилахъ формальной религіи, обнаруживали болѣе жестокости и безжалостной черствости, чѣмъ монголы; они грабили индѣйцевъ, обращали ихъ въ рабство, тиранствовали безъ мѣры и все-таки ихъ господство въ окончательномъ результатѣ оказалось для индѣйцевъ несравненно благодѣтельнѣе господства миссіонеровъ. Когда свергалось испанское владычество, то индѣйцы во всѣхъ другихъ испанскихъ колоніяхъ оказались и болѣе благоденствующими и болѣе развитыми интеллектуально. Бѣдность колонистовъ была безпримѣрная, имущество ихъ было такое ничтожное, что у нихъ почти не было никакой потребности въ обмѣнѣ, утверждаютъ, что золотая и серебряная монета была имъ совершенно неизвѣстна. Огромное большинство жило въ самой крайней нищетѣ. Отъ дурной пищи, отъ самаго крайняго невниманія

къ ихъ потребностямъ, они всѣ были слабосильны и болѣзненны. Повальныя болѣзни свирѣпствовали между ними съ ужасной силой, и даже въ обыкновенное время больные составляли пятую часть населенія. Читатель не долженъ забывать, что всѣ эти возмущающіе человѣческую душу факты взяты мною не у тѣхъ, которые нападали на Парагвай, а у тѣхъ, которые восхваляли его до небесъ — у нихъ же я заимствовалъ и языкъ ханжества. Любопытно читать, какъ они, напр., говорятъ объ ужасной бѣдности индѣйцевъ и свирѣпствовавшихъ въ ихъ средѣ болѣзняхъ. Краснорѣчиво разъяснивъ читателю легкомысліе и непредусмотрительность индѣйцевъ, панегиристъ излагаетъ мѣры, принятыя миссіонерами: распредѣленіе земель по произволу, удержаніе въ своихъ рукахъ сѣмянъ, жатвы, рабочаго скота и проч. Затѣмъ онъ говоритъ: «не трудно себѣ представить, что всѣ эти средства предупреждали много зла, но все-таки они не помѣшали огромному большинству индѣйцевъ находиться въ крайней нищетѣ (détresse). Нищета эта требовала помощи, не обращая вниманія на то, происходила ли она отъ несчастья или отъ вины страждущихъ». Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе новыхъ мѣръ столь же благодѣтельныхъ, какъ и предъидущія. О болѣзняхъ, свирѣпствовавшихъ между индѣйцами, говорится такъ: «Не трудно понять, что занятія миссіонеровъ были весьма многосложны, чтобы съ ними справиться, нужно было часто столько-же мужества, сколько ревности и преданности дѣлу... по самому умѣренному разсчету, въ среднемъ уровнѣ пятая часть населенія состояла изъ больныхъ. Уходъ за больными составлялъ самую трудную часть обязанностей миссіонеровъ, этихъ врачей и тѣла и души... Обязанность ухаживать за больными была тяжела въ обыкновенное время, но ея тягость значительно увеличивалась во время эпидемій, которыя опустошали страну, а подобные случаи повторялись часто. Извѣстно, какія ужасныя опустошенія производила оспа между этимъ населеніемъ». Крайне забавна наивность, съ которой такимъ образомъ панегиристы выдавали слабыя стороны управленія миссіонеровъ.

Когда для испанскихъ колоній наступилъ день освобожденія, Парагвай оказался самой бѣдной и самой невѣжественной изъ всѣхъ этихъ колоній. Онъ освободился отъ Испаніи болѣе силою вещей, чѣмъ собственнымъ стремленіемъ. Нельзя сказать, чтобы испанскія колоніи отличались слишкомъ высокимъ политическимъ развитіемъ, но все-таки Парагвай рѣзко выдѣлялся даже между ними и поэтому повелъ свою жизнь совершеннымъ особнякомъ. Вотъ какъ разсказываетъ одинъ американскій журналъ о первомъ времени свободы Парагвая: «О значеніи словъ свобода, республика жители Парагвая знали не болѣе малолѣтнихъ дѣтей. Франсіа имѣлъ Ромэна исторію Рима, изъ которой его соотечественники узнали, что великая республика управлялась консулами и вотъ почему избраны были консулы.» Подумаешь, что рѣчь идетъ не объ отпрыскѣ цивилизованной Европы, но о какихъ нибудь Помирахъ Болоръ-Тага, а между тѣмъ дѣйствительно въ Парагваѣ введено было ни съ чѣмъ несообразное въ наше время управленіе двухъ консуловъ; но, какъ и слѣдовало ожидать при подобной политической неопытности, правленіемъ

въ самомъ скоромъ времени завладѣлъ Франсіа и обратилъ его въ такой деспотизмъ, который рѣдко встрѣчался даже въ государствахъ застоя. Онъ воспретилъ всякія сообщенія съ иностранцами и уединилъ Парагвай также строго, какъ Дарфуръ или въ прежнія времена Китай. Его управленіе впрочемъ рѣзко отличалось отъ китайскаго своей крайней нетерпимостью и тѣмъ, что оно было чисто военнымъ деспотизмомъ; онъ постоянно жилъ среди солдатъ. На границахъ устроена была цѣпь укрѣпленій, чрезъ которую не могъ проникнуть ни одинъ иностранецъ, ни одно иностранное коммерческое судно не могло останавливаться во владѣніяхъ Парагвая, точно также ни одинъ житель не могъ выѣзжать изъ страны безъ особаго разрѣшенія диктатора. Поля въ странѣ были запущены, огромныя пространства оставались не обработанными, невѣжество жителей въ дѣлѣ земледѣлія превосходило всякое вѣроятіе,—все это были плоды вліянія духовенства и опеки миссіонеровъ; но вѣдь и самъ Франсіа былъ плодомъ этого вліянія, поэтому не мудрено, если онъ началъ исправлять дѣло тѣми же пріемами, какими оно было испорчено: онъ воспретилъ, подъ угрозой строгихъ наказаній, обрабатывать и засѣвать поля, каждый разъ нужно было испрашивать на это разрѣшеніе и получать предписаніе относительно обработки и родовъ растеній, которыми поля должны быть засѣяны. Часто-ли встрѣчался въ государствахъ застоя подобный чудовищный деспотизмъ? На фабрикахъ и заводахъ предписывались машины, которыми слѣдовало работать, работники наказывались за лѣнь и небрежность, иногда самъ Франсіа занимался этимъ. Въ лицеѣ введены были военные порядки. Доносъ сдѣлался главнымъ орудіемъ управленія, пытки и смертная казнь обыденнымъ явленіемъ. Тиранъ постоянно мучился своими подозрѣніями, а достаточно было одного подозрѣнія, чтобы вызвать смертный приговоръ; увѣряли даже, что когда Франсіа ходилъ по улицамъ, то всѣ жители должны были входить въ дома и затворять окна и двери. Онъ былъ страстный игрокъ; и ни одна женщина не могла считать себя безопасною отъ его покушеній; духовенство во время частыхъ исповѣдей выпытывало все, что дѣлается въ странѣ и доносило диктатору. На основаніи подобнаго доноса былъ казненъ бывшій товарищъ Франсіа Іегросъ и съ нимъ сорокъ человѣкъ. Немудрено, что послѣ смерти Франсіа оказалось, что земледѣліе и промышленность страны были въ еще болѣе жалкомъ состояніи, чѣмъ въ началѣ его управленія. Оказалось необходимымъ измѣнить систему, и при Лопецѣ иностранная торговля была дозволена, но обращена въ правительственную монополію. Монопольная торговля правительства, столь часто встрѣчающаяся въ деспотическихъ государствахъ застоя и указывающая тамъ на самый низкій уровень развитія, была уже прогрессомъ для Парагвая. Въ другихъ отношеніяхъ положеніе страны нисколько не улучшилось, жители, по прежнему, отъ перваго до послѣдняго считались въ крѣпостномъ владѣніи правительства, собственность гражданъ отбиралась въ пользу правительства, когда это признавалось нужнымъ, безъ всякаго вознагражденія. Когда Франсіа вздумалъ дать правильность улицамъ Ассумсіона, онъ безъ всякаго вознагражденія предписывалъ

гражданамъ срывать свои дома. Съ той же самой безцеремонностью въ послѣднее время все взрослое населеніе страны обращено было въ солдатъ. Въ странѣ двѣ трети земли считались собственностью государства. Аргентинскую республику и Уругвай никакъ нельзя считать образцами порядка и благосостоянія, однакожъ разница въ ихъ производительности и производительности Парагвая такова, что въ нихъ при населеніи въ 1.600,000 считалось 11.800,000 овецъ, а въ Парагваѣ при населеніи въ 800,000 считалось 450,000 овецъ, т. е. относительно населенія болѣе, чѣмъ въ тринадцать разъ менѣе. Карлосъ Лопецъ, смѣнивши Франсіа, былъ такъ же подозрителенъ, какъ любой восточный деспотъ, дѣтей и членовъ своего семейства онъ подозрѣвалъ на столько же, какъ и своихъ приближенныхъ, онъ неоднократно внезапно входилъ къ нимъ и дѣлалъ обыски. Франциско Лопецъ, старшій сынъ Карлоса, долго жилъ въ Европѣ, чтобы познакомиться съ европейской цивилизаціей, и ничто не можетъ быть интереснѣе, какъ то вліяніе, которое произвела на него эта цивилизація. Когда власть досталась ему въ руки, онъ вообразилъ, что онъ предназначенъ быть великимъ завоевателемъ. Онъ одновременно вызвалъ на борьбу Бразилію, Уругвай и Аргентинскую республику. Это было такъ же благоразумно, какъ еслибы Саксонія вызвала на борьбу Пруссію, Австрію и Баварію. Не смотря на это, онъ встрѣчалъ въ странѣ только одно безусловное повиновеніе своимъ безумнымъ предпріятіямъ. Войну онъ велъ съ помощью слѣдующихъ пріемовъ. Онъ отдалъ приказъ, что если бѣжитъ солдатъ, то стоящіе съ нимъ рядомъ два солдата, получаютъ по 25 ударовъ, капралъ сорокъ, а сержантъ пятьдесятъ. Генераловъ, если они не одерживали предписанныхъ имъ побѣдъ или должны были отступать передъ превосходной силой, онъ бросалъ въ темницу и разстрѣливалъ. Такъ, въ 1865 году, генералъ Роблесъ долженъ былъ просидѣть шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и былъ разстрѣлянъ съ двумя своими адъютантами, полковникъ Эстигарибія былъ объявленъ измѣнникомъ. Въ томъ же году, за неудачный исходъ битвы, Лопецъ велѣлъ разстрѣлять десятаго изъ солдатъ и половину офицеровъ. Подозрѣвая всѣхъ и каждаго, Лопецъ составилъ слѣдственную коммиссію изъ трехъ священниковъ. Коммиссія эта хватала безразлично и парагвайцевъ, и иностранцевъ, обращая очень мало вниманія на политическія затрудненія, которыя чрезъ это могутъ произойдти. Двухъ иностранцевъ она пытала нѣсколько разъ, заставляла ихъ писать письма къ друзьямъ о мнимомъ заговорѣ, въ которомъ они будто-бы участвовали. Она ихъ содержала въ цѣпяхъ и принудила написать памфлетъ, который былъ отпечатанъ. Все это дѣлалось для того, чтобы оправдать свой варварскій образъ дѣйствія. Съ тою же цѣлью члены коммиссіи угрозами принудили арестованныхъ повторять возведенныя ими на себя обвиненія передъ американцами Соединенныхъ Штатовъ. Имъ чрезвычайно хотѣлось выставить заговорщикомъ представителя Соединенныхъ Штатовъ въ Парагваѣ, который всѣми зависящими отъ него средствами сопротивлялся варварскимъ поступкамъ правительства съ иностранцами, для этого приводились въ исполненіе всѣ эти чудовищныя измышленія. Эти же иностранцы слыша-

ли, какъ одинъ негръ разъ за разомъ подвергался пыткѣ. Казни постоянно повторялись. Лопецъ велѣлъ арестовать своего брата и заковать его въ цѣпи Этотъ несчастный и цѣлая масса знатныхъ и незнатныхъ мужчинъ и женщинъ должны были пѣшкомъ въ цѣпяхъ идти по солнечному жару; когда многіе изъ нихъ падали отъ безсилія, ихъ хлестали и убивали саблями. Женщины, такъ называемыхъ, лучшихъ фамилій, подвергались всякимъ оскорбленіямъ. Онѣ должны были идти босыя и въ цѣпяхъ. Иностранецъ, участвовавшей въ этой компаніи, видѣлъ, какъ одинъ офицеръ топталъ ногами голову упавшаго старика, пока его волосы всѣ покрылись кровью. Восьмидесятилѣтній вице-президентъ Парагвая Санхецъ былъ подвергнутъ пыткѣ и разстрѣлянъ Когда полковникъ Мартинецъ принужденъ былъ сдаться непріятелю, Лопецъ велѣлъ арестовать его жену, два раза сѣкъ ее плетьми, потомъ пыталъ и подвергалъ безчисленнымъ жестокостямъ; послѣ всѣхъ этихъ ужасныхъ истязаній, онъ ее казнилъ. Изъ такъ называемаго высшаго общества Парагвая разъ за разомъ было сослано сначала 900, а потомъ 800 женщинъ, ихъ приказано было употреблять въ сельскія работы По показанію генерала Рекина, изъ находившихся у него одного подъ стражею преступниковъ съ 31 мая по 14 декабря 1868 года 432 человѣка разстрѣляны, *5 заколоты штыками, 1 пикой* (какъ должны были дѣйствовать подобныя наказанія на нравственное настроеніе солдатъ). Заключеніе было таково, изъ остальныхъ—167 человѣкъ умерли въ темницѣ, 216 осуждены на работы и только 10 освобождены. Въ числѣ разстрѣлянныхъ было 117 иностранцевъ. Съ своимъ семействомъ Лопецъ поступалъ нелучше, чѣмъ съ прочими. Онъ казнилъ двухъ своихъ братьевъ и двухъ мужей своихъ сестеръ. Всѣ его приближенные находились постоянно въ томъ же положеніи, какъ приближенные самаго свирѣпаго восточнаго деспота. Изъ нихъ онъ казнилъ Сатурнино Бедойя и министра Биржеса. Въ разсказахъ объ этихъ чудесахъ можно встрѣтиться съ изображеніями вродѣ слѣдующаго: «За весьма немногими исключеніями, Лопецъ пожертвовалъ лучшей и самой почтенной частью населенія Парагвая; онъ разстрѣливалъ самыхъ знатныхъ лицъ безъ всякаго суда. Званіе уполномоченнаго иностранной державы не спасало отъ преслѣдованій этого мрачнаго тирана. Португальскаго вице-консула Перейра онъ пытками заставилъ обвинить донну Ракольде и потомъ замучилъ ее до смерти. Утверждаютъ, что онъ умертвилъ женъ всѣхъ бѣжавшихъ парагвайцевъ, такой же участи подвергались иностранные купцы. Всѣхъ жертвъ насчитываютъ до 180,000 человѣкъ».

Передъ нами картина самаго мрачнаго восточнаго деспотизма и все это происходило съ 1865 по 1869 годъ, сдѣлано человѣкомъ, который долго жилъ въ Европѣ съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ плодами ея цивилизаціи. Цѣлый народъ согласился быть орудіемъ такого безумнаго самодурства и болѣзненной подозрительности одного человѣка. Народъ этотъ воспитанъ подъ такимъ вліяніемъ учителей формальной религіи, которымъ всѣ защитники этого начала гордились, которое выставляли на показъ, какъ самый лучшій результатъ своихъ принциповъ. Когда намъ

сдѣланными вдоль этого берега, это былъ рѣшительно перлъ. Поэтому католики дѣлали всѣ свои усилія, чтобы завладѣть этой прекрасной добычей и водворить тамъ господство своего ученія и вліяніе миссіонеровъ. Миссіонерамъ дѣйствительно удалось породить тамъ междоусобную войну, поддержать короля и завладѣть страной. Послѣ этого ихъ хвастовству не было конца. Они разсказывали въ Европѣ чудеса о богатствѣ и благосостояніи страны, о массахъ обращеній, которыя они тамъ дѣлали, о ревности, съ которою жители предаются новому ученію, и о ихъ страстной любви къ миссіонерамъ и духовенству Слова миссіонеровъ дѣйствительно подтверждались возникновеніемъ церквей, огромнымъ вліяніемъ, которое имѣли въ странѣ миссіонеры, фанатической ревностью, съ которою жители себя бичевали и проч. Но вотъ случилось обстоятельство, которое вовсе не гармонировало со всѣми этими восторженными разсказами. Въ началѣ XVI вѣка на Конго напали гагисы. Войско, будто бы, хорошо обученное и фанатически-преданное католической религіи и ея учителямъ, не хотѣло драться и разбѣжалось Столица была сожжена, король бѣжалъ. Враги, которые сдѣлали такой страшный погромъ, оказались до такой степени мало-сильными и грозными, что 800 воиновъ, присланныхъ изъ Португаліи и нѣсколько сотъ, взятыхъ изъ Анголы, были достаточны, чтобы ихъ прогнать. Король снова водворенъ былъ въ своихъ владѣніяхъ, и власть миссіонеровъ еще болѣе утвердилась. Королю подчинены были независимые роды, и владѣнія миссіонеровъ распространились на Лоанго и Каконго. Сюдя по началу, можно было бы подумать, что жители Конго были такъ же преданы своимъ миссіонерамъ, какъ жители Египта, сѣверной Африки и Испаніи своему духовенству во время арабскаго завоеванія и что участь этихъ миссіонеровъ будетъ такая же, какъ христіанскихъ патріарховъ и священниковъ; но превосходство португальскаго оружія дало совершенно другой оборотъ дѣлу. Напуганные жители втеченіе долгаго времени показывали самую восторженную христіанскую ревность и самый жгучій фанатизмъ. Духовенство трезвонило о великихъ своихъ подвигахъ. Но вотъ въ 1636 году началась междоусобная война между королемъ Конго и графомъ его провинціи Соньо; при этомъ неожиданно оказалось, что въ Конго существуетъ партія, которая относится враждебно къ католическому духовенству и что эта партія способна грозно поднять голову Энтузіазмъ и ожесточеніе были поразительны, плѣнные, попадавшіеся португальцамъ, предпочитали смерть. Кончилось тѣмъ, что провинція Соньо навсегда отдѣлилась отъ Конго, миссіонеры были прогнаны къ дикимъ на смерть. Однакожъ католическое духовенство не упало духомъ, оно произвело смуту, графъ Соньо былъ утопленъ, и миссіонеры снова овладѣли управленіемъ. Этимъ дѣло не кончилось. Партія, которую духовенство подавляло съ такою энергіею, какимъ-то чудеснымъ образомъ продолжала расти, наконецъ она укрѣпилась до такой степени, что король Конго донъ Антоніо I взялъ сторону народа, миссіонеры и португальцы должны были бѣжать, ихъ партія была истреблена и христіанство исчезло Духовенство однакожъ не такъ легко отступилось отъ своего любимаго дѣтища,

прославленнаго за христіанскую, будто-бы, ревность и за католическій фанатизмъ. Миссіонеры возвратились въ страну съ войскомъ изъ негровъ и португальцевъ. Король-демагогъ ополчился, чтобы встрѣтить враговъ вооруженною силою. Одушевленіе въ народѣ было такъ велико, что всѣ поголовно встали, чтобы отстаивать свое, будто-бы, давно уже забытое, презираемое и ненавидимое язычество или, лучше сказать, свое безвѣріе, которое было замѣнено благотворнымъ свѣтомъ христіанства. Миссіонеры говорятъ, что, будто-бы, около короля собралось 900,000 воиновъ. Они были побѣждены, король убитъ. Но побѣдители ничего не выиграли чрезъ свою побѣду. Съ тѣхъ поръ эта страна не знала спокойствія, отъ безпрерывныхъ междоусобій и постоянной рѣзни она совершенно опустѣла, король сдѣлался простымъ старшиной. Чрезъ сопротивленіе, которое ничѣмъ невозможно было прекратить, миссіонеры вытѣснялись изъ страны все болѣе и болѣе. Еще въ началѣ XVIII вѣка они господствовали въ Соньо, но въ серединѣ этого вѣка тамъ вполнѣ изчезли и христіанство, и цивилизація. Во второй половинѣ XVIII вѣка язычество господствовало безраздѣльно, всѣ попытки вновь ввести христіанство встрѣчали неодолимую ненависть, и христіанамъ невозможно было безопасно входить въ страну; въ особенности миссіонеровъ преслѣдовали съ ожесточеніемъ, отравляли и убивали. Страна дошла до крайней степени нищеты и запустѣнія — чтобы оградить себя отъ дикихъ звѣрей на дорогѣ въ С.-Паоло, необходима стража изъ 50 или 60 человѣкъ. Конго для католическаго духовенства было, по крайней мѣрѣ, такимъ же любимымъ дѣтищемъ, какъ и Парагвай, имъ хвалились и гордились, по крайней мѣрѣ, столько же. Поэтому оно передъ нашими глазами вполнѣ разоблачаетъ значеніе формальной религіи, вліяніе, которое она можетъ оказывать на народъ, и средства, которыми она поддерживаетъ свое господство. Оказывается, что для развитія инстинктовъ міровой жизни она не можетъ имѣть никакого значенія, она ихъ убиваетъ, а не развиваетъ, она дѣлаетъ людей безнравственными, а не нравственными. Въ Конго внѣшнее впечатлѣніе обличало въ народѣ самую поразительную и фанатическую набожность; въ отдѣльныхъ личностяхъ, способныхъ къ искреннему религіозному изувѣрству, эта черта искусственно раздувалась до послѣднихъ крайностей. Насиліе и терроризмъ заставляли всѣхъ говорить въ одномъ извѣстномъ духѣ, и все это вмѣстѣ побуждало всякаго посторонняго наблюдателя считать страну до крайности религіозною, между тѣмъ какъ въ массѣ населенія не было даже и малѣйшей тѣни религіозности. Всего менѣе религіозно было само фанатическое духовенство, его тайный развратъ, его грубый цинизмъ превышалъ всякую мѣру описанія. Формальная религія не можетъ даже дѣлать людей религіозными, она ихъ дѣлаетъ только безнравственными и невѣжественными, а между тѣмъ если бы она ихъ даже дѣлала религіозными, то между ложнымъ направленіемъ, которое получаютъ инстинкты міровой жизни чрезъ безсознательную религіозность, и тѣмъ правильнымъ ихъ развитіемъ, которое дѣлаетъ людей нравственными, еще громадная разница: религіознымъ можетъ быть и людоѣдъ, но нравственнымъ—никогда. Когда владычество

разсказываютъ о всѣхъ ужасахъ восточнаго деспотизма, то защитники этого деспотизма могутъ еще ссылаться на то, что всѣ эти разсказы преувеличены. Если-бы защитники формальной религіи имѣли тѣ же самые шансы, то ихъ начало стало-бы на одну ногу со всѣми другими началами, порождавшими государства застоя. Къ ихъ несчастью, они этого шанса не имѣютъ; положительно извѣстно, что во всемъ сказанномъ выше если и есть преувеличенное, то очень немного, и во всякомъ случаѣ осталось въ неизвѣстности гораздо болѣе злодѣйствъ, чѣмъ ихъ раскрыто. Если-бы послѣ всего этого кто-либо поставилъ государства, задерживаемыя формальною религіею, ниже государствъ застоя, то его невозможно было-бы упрекнуть въ преувеличеніи. Сравнивая эти два явленія, мы можемъ сказать, что общества застоя, военный деспотизмъ убиваютъ тѣло, формальная же религія губитъ и душу. При господствѣ военнаго деспотизма населеніе обыкновенно недовольно, оно часто жестоко ненавидитъ своихъ властителей, и въ этомъ для него заключается зародышъ прогресса, который при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ вырвать его изъ омута и вывести на путь развитія. Мало этого, если мы въ государствахъ застоя встрѣчаемся гдѣ нибудь съ обществомъ, которое находится подъ деспотическимъ управленіемъ и довольно этимъ деспотизмомъ, то неизбѣжно одно изъ двухъ—или деспотизмъ этотъ лучше предшествующихъ ему управленій и ведетъ народъ по пути прогресса, или онъ опирается на духовенство формальной религіи, которое фанатизируетъ народъ. Способность дѣлать людей довольными въ то время, когда они ведутъ все общество къ варварству и нищетѣ, стремленіе въ народѣ энергически отстаивать такое ненормальное состояніе составляетъ самую характеристическую черту вліянія формальной религіи. Но эта же самая черта показываетъ намъ все могущество инстинктовъ міровой жизни, она доказываетъ, какъ поверхностно понимаютъ природу человѣческую тѣ люди, которые убѣждены, что стремленіе улучшать свое матерьяльное благосостояніе составляетъ самый существенный изъ стимуловъ человѣческой дѣятельности и что стимулъ этотъ дѣйствуетъ безконечно; они увѣрены, что какъ-бы много ни пріобрѣлъ человѣкъ, но наслажденія, которыя онъ ожидаетъ отъ еще большаго увеличенія своихъ доходовъ, будутъ побуждать его къ наибольшему напряженію своихъ силъ, что въ природѣ человѣка не существуетъ болѣе сильнаго стимула и что лучшаго ничего невозможно придумать. Внимательное разсмотрѣніе условій жизни въ обществахъ, задерживаемыхъ формальною религіею, бросаетъ много свѣта на свойства человѣка съ этой точки зрѣнія.

Мы имѣемъ въ исторіи одинъ весьма характеристическій примѣръ, который выставляетъ формальныя религіи съ другой стороны, но зато же въ самомъ яркомъ и истинномъ свѣтѣ. Онъ показываетъ, какъ они водворяются и распространяютъ, чѣмъ они поддерживаются и почему они нетолько не развиваютъ въ людяхъ инстинктовъ міровой жизни, но иногда даже просто не дѣлаютъ ихъ религіозными. Все тутъ разсчитано на обманъ, все есть самая грубая и наглая ложь. Въ 1485 году на западномъ берегу Африки открыто было Конго. Между всѣми открытіями,

миссіонеровъ въ Конго кончилось, и ничто не мѣшало уже разоблачать истинную суть ихъ управленія, тогда только узнали, какимъ образомъ созданъ былъ тотъ лживый призракъ фанатической религіозности, который, къ крайнему удивленію міра, оказался никогда не существовавшимъ. Загадка разгадывалась очень просто. Забравъ въ руки власти страны посредствомъ поддержки, которую могли имѣть миссіонеры въ европейски-обученомъ войскѣ, они воспользовались своимъ вліяніемъ, чтобы прежде воспретить язычество. За соблюденіе языческихъ обрядовъ налагались строжайшія наказанія. Но такъ какъ старшины опасались коснуться нѣкоторыхъ укоренившихся суевѣрій, отъ которыхъ народъ не въ состояніи былъ-бы отстать, то миссіонеры придумали очень ловкое средство: они слили католическую религію съ мѣстными суевѣріями и сдѣлали изъ нея религію, которая язычникамъ представлялась не болѣе, какъ видоизмѣненіемъ ихъ язычества; все существо своего суевѣрія они тутъ встрѣчали, но только въ нѣсколько другой формѣ. Затѣмъ миссіонеры научали наивное правительство негровъ, какъ увеличивать свои доходы на счетъ населенія, дѣло весьма плохо знакомое полудикимъ начальникамъ, и въ которомъ они весьма желали умудриться. Конечно уроки давались имъ не даромъ, и крохи на долю духовенства выпадали въ такомъ изобиліи, что Конго сталъ славится многочисленностью и богатствомъ своихъ церквей. Въ этомъ отношеніи миссіонеры такъ же ловко успѣвали распространять церковное, какъ теперь въ нѣкоторыхъ странахъ распространяютъ почтовое вѣдомство. Религію они приспособили къ жителямъ, церкви они приспособили къ мѣстности. Рядомъ съ городами и окружающими ихъ населенными пространствами была суровая, первобытная дичь, гдѣ было больше звѣрей, чѣмъ бродячихъ, полуосѣдлыхъ и осѣдлыхъ людей. И вотъ въ центрахъ были соборы и богатые церкви, а въ дикихъ и ненаселенныхъ мѣстахъ—полу-церкви и четверть церкви, часовень было втрое болѣе, чѣмъ церквей. Если священникъ ѣхалъ куда нибудь, то старшина обязанъ былъ заранѣе дать объ этомъ знать, и жители должны были собраться, чтобы встрѣтить его; тогда собранію придавался видъ добровольнаго и оно приписывалось преимущественно желанію матерей крестить своихъ дѣтей. Число крещенныхъ увелпчивалось съ самымъ безсовѣстнымъ нахальствомъ въ десятеро и болѣе, и такимъ образомъ Европа извѣщалась о тысячахъ и десяткахъ тысячь вновь обращенныхъ и рукоплескала благочестивымъ подвигамъ. Самыми могущественными средствами управленія были эпитиміи и униженія, налагавшіяся на старшинъ и на другихъ начальниковъ; графъ Соньо, напр., долженъ былъ въ изгребномъ платьѣ, съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ и съ веревкой на шеѣ стоять на колѣнахъ передъ церковью и служить посмѣшищемъ для своихъ вельможъ, которые величались передъ нимъ въ роскошныхъ одеждахъ. Миссіонеры нетолько научили правительство увеличивать свои доходы, но постоянно побуждали его къ завоеваніямъ, эти завоеванія были въ томъ же родѣ, какъ теперь совершаются турками на верховьяхъ Нила Они нападали на сосѣднія деревни и области и массами уводили населеніе, чтобы продавать въ рабство. Въ такихъ дѣйствіяхъ они нетолько не

видѣли варварства, но придавали имъ видъ въ высшей степени благочестивыхъ поступковъ. Прежде чѣмъ выводить рабовъ на невольничій рынокъ, они ихъ крестили, и это составляло главную массу тѣхъ списковъ обращенныхъ, которыми они удивляли Европу. Государей и старшинъ они увѣряли, что подобными подвигами они заслужатъ себѣ царство небесное. Миссіонеры такъ пристрастились къ этому роду торговли, что бразильскіе корабли главный свой грузъ рабами получали изъ Конго. Вскорѣ плѣнныхъ и взятыхъ облавами оказалось уже слишкомъ мало, и миссіонеры придумали не мудреное средство, чтобы увеличить свою добычу—они продавали въ рабство всѣхъ тѣхъ, которые обвинялись въ колдовствѣ. Извѣстно, что на свѣтѣ нѣтъ людей, которые бы превосходили негровъ суевѣріемъ и мнительностью, и нѣтъ ни одного негра, который бы на своей родинѣ не подозрѣвался въ колдовствѣ. Такимъ образомъ миссіонеры открыли себѣ неизсякаемый источникъ; въ рабство же продавались обвиненные въ соблюденіи языческихъ обрядовъ и проч. Рабы явились въ такомъ изобиліи, что утратили всякую цѣну, миссіонеры дарили ихъ капитанамъ кораблей, отдавали за бутылку вина. Оказался какой то кардиналъ Цибо, который выдумалъ вдругъ настаивать на уничтоженіи торга невольниками; но миссіонеры рѣшительно отказались, находя, что торговля рабами благочестивое дѣло, такъ какъ оно даетъ міру много новыхъ христіанъ. Они согласились на одну уступку: такъ какъ послѣ крещенія рабы могутъ попадать въ руки еретикамъ или невѣрующимъ, то для того, чтобы это не могло случиться, они создали изъ торговли рабами монополію для португальцевъ Они считали это великой жертвой съ своей стороны, но читатель, можетъ быть, согласится со мною, что отъ этого рабамъ было хуже, а не лучше. Школъ грамотности они не заводили, напротивъ предпочитали народное невѣжество. Они такъ мало заботились о томъ, чтобы у негровъ распространились какія бы то нибыло религіозныя понятія, что готъ, можетъ быть, не сдѣлалъ бы грубой ошибки, кто бы предположилъ, что большинство жителей не имѣло ни малѣйшаго понятія о томъ, что христіанство есть что-то другое, чѣмъ язычество и что христіане не поклоняются идоламъ. Послѣ всего этого читателю не трудно будетъ понять, почему миссіонеры раззорили Конго, почему жители Конго питали къ нимъ такую жгучую ненависть и почему христіанство тамъ вполнѣ стушевалось. Не надо упускать изъ виду, что я не счелъ нужнымъ дополнять мрачную картину разсказами о варварскомъ цинизмѣ и сластолюбіи католическаго духовенства, о томъ, какъ они любили наказывать молодыхъ женщинъ по обнаженному тѣлу и т. д.

Мы уже говорили выше, что нормальное удовлетвореніе инстинктовъ міровой жизни возможно для человѣка только тогда, когда онъ стремится постоянно плодить жизнь на землѣ и будетъ употреблять для этого всѣ свои силы и средства, а такъ какъ инстинкты міровой жизни составляютъ самый сильный стимулъ для человѣческой дѣятельности, то онъ только при такомъ условіи и будетъ наиболѣе счастливъ. Мы показали, что какъ скоро человѣкъ будетъ ненормально развивать въ себѣ

вкусъ и искусственныя потребности въ то время, когда у него въ виду будутъ люди, которыхъ самыя необходимыя потребности будутъ не удовлетворены, то его инстинкты міровой жизни останутся не удовлетворенными, будутъ его тревожить и существенно уменьшать его счастье, и вмѣстѣ съ тѣмъ они будутъ мѣшать спокойному и правильному развитію всего общества. Въ тоже время мы показали, что нормальное удовлетвореніе инстинктовъ міровой жизни невозможно, если общественное мнѣніе будетъ неправильное и будетъ возвеличивать людей за вредную дѣятельность. Инстинктъ, побуждающій человѣка угождать общественному мнѣнію, явленіе здоровое и нормальное, самый проницательный человѣкъ не можетъ имѣть такого яснаго понятія объ истинныхъ потребностяхъ своихъ ближнихъ, какъ эти ближніе сами; стремленіе удовлетворять потребностямъ своихъ ближнихъ такъ, какъ они сами этого желаютъ, неизбѣжное условіе при правильномъ удовлетвореніи инстинктовъ міровой жизни. Если человѣкъ, дѣйствуя на пользу общества, по своему убѣжденію будетъ не возвышаться, а падать во мнѣніи общества, то онъ неизбѣжно будетъ чувствовать себя несчастнымъ, и для большинства людей такой образъ дѣйствія прямо невозможенъ. Принимая въ соображеніе эти начала, намъ уже нетрудно будетъ себѣ объяснить кажущіяся противурѣчія, съ которыми мы встрѣчаемся въ государствахъ, задерживаемыхъ въ развитіи формальною религіею. Общественное мнѣніе считаетъ высшимъ достоинствомъ въ человѣкѣ аскетизмъ. Человѣкъ, который не только лишаетъ себя самаго необходимаго, но подвергаетъ себя добровольно истязаніямъ и мученіямъ, поражаетъ общество своимъ величіемъ. А между тѣмъ такое воззрѣніе прямо приводитъ къ крайнему развитію тѣхъ недостатковъ, отъ которыхъ всего болѣе страдали государства застоя, къ обожанію за силу, богатство и геройство. Нигдѣ сильные не стремятся въ большей степени возвеличиваться вредной дѣятельностью, нигдѣ они не обнаруживаютъ такой жадности до власти и богатства, нигдѣ наклонность къ завоеваніямъ не принимаетъ столь значительныхъ размѣровъ. Стоитъ однакоже вникнуть въ условіе жизни подобнаго общества, чтобы противурѣчіе изчезло, и вполнѣ выяснилась неизбѣжная связь между подобными стремленіями. Какъ скоро между людьми поселяется убѣжденіе, что человѣкъ предназначенъ плодить жизнь на землѣ, то аскетизмъ сдѣлается невозможнымъ, онъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ такимъ началомъ, Поэтому учители формальной религіи никогда не давали людямъ подобнаго воззрѣнія на свои обязанности. Они исходили изъ совершенно другой точки зрѣнія. Человѣкъ долженъ жить не для людей, ни для земной дѣятельности, а для Бога. Богу нужно, по ихъ мнѣнію, служить, потому что онъ великъ, великъ въ томъ же смыслѣ, какъ былъ великъ Тамерланъ, Чингисханъ и прочіе бичи человѣчества, но только въ огромныхъ размѣрахъ. Если Чингисханы и Тамерланы требовали себѣ поклоненія, то насколько-же болѣе должно было быть поклоненіе такому могущественному и сильному Чингисхану, какъ Богъ. Имъ не приходило въ голову, что если бы ихъ воззрѣніе на Бога было справедливое, и если бы этотъ всемогущій Богъ понималъ свое величіе такъ же,

какъ Чингисханъ, то при его могуществѣ ему ничего бы не стоило изнурять человѣчество барщинами и податями въ пользу своихъ небесныхъ палатъ и полчищъ, однакоже въ природѣ не было ни одного явленія, которое бы указывало на то, что этотъ ихъ Богъ требуетъ въ свою пользу, хотя самую ничтожную частичку человѣческихъ трудовъ и заработковъ, напротивъ они могли видѣть совершенно ясно, что религіозный инстинктъ вложенъ въ нихъ для того, чтобы они плодили жизнь на землѣ, работали въ пользу людей; Богу отъ нихъ ничего другаго не надо Если бы они даже захотѣли обратить свои труды именно въ его пользу, то они очень скоро бы увидали, что онъ не указалъ имъ ни одного раціональнаго пути для того, чтобы передать ему ихъ приношеніе, сколько бы они его объ этомъ не просили, онъ не протянулъ бы имъ изъ облаковъ своей руки, чтобы принять ихъ лепту на небо. Онъ прямо говорилъ имъ, если вы хотите служить мнѣ, помогайте вашимъ братьямъ, все, что вы для нихъ сдѣлаете, вы сдѣлаете для меня Въ этомъ родѣ величія они должны были бы увидать безконечную разницу между божествомъ, даже въ томъ смыслѣ, какъ они его понимали и восточнымъ деспотомъ. Какъ же послѣ этого мы должны смотрѣть на этихъ самозванныхъ казначеевъ, которые собирали подати для Бога и потомъ употребляли ихъ на себя и на содержаніе своихъ любовницъ; даже разсуждая съ ихъ собственной точки зрѣнія, это было дерзкое святотатство и наглое воровство. Понятіе, которое они внушали народу о Богѣ, было безсмысленно, противурѣчиво и нелѣпо, но оно было таково, что нужно было имѣть трудно-досягаемую степень проницательности, чтобы разоблачить эту ложь. Унижая божество до степени, хотя всемогущаго, но грязнаго, восточнаго деспота, которому было пріятно, что люди унижались и раболѣпствовали передъ нимъ, который съ удовольствіемъ, будто бы, смотритъ, какъ они ради его тиранятъ и мучатъ себя и другихъ, который требуетъ отъ людей взятокъ и приношеній, чтобы прощать имъ ихъ злые дѣла, учители формальной религіи рисковали возбудить противъ себя глубокое негодованіе въ людяхъ, которыхъ они сами же учили смотрѣть на божество съ священнымъ почитаніемъ. Чтобы предупредить такую печальную катастрофу, нужно было позаботиться, чтобы завѣса не спала съ глазъ легковѣрныхъ учениковъ, нужно было безжалостно преслѣдовать все, что могло развить ихъ умственно, дать имъ возможность почувствовать возмутительную сторону преподававшагося имъ ученія, а для этого необходимо было безжалостно преслѣдовать и уничтожать все, что могло породить подобный результатъ. Но во имя чего могли производиться эти преслѣдованія? Чтобы ихъ оправдать, необходимо было воспользоваться ложными воззрѣніями людей на величіе, и эти ложныя воззрѣнія примѣнялись къ Богу, затѣмъ къ сильнымъ земли, и послѣдовательно доводились до крайней степени нелѣпости. Та причина, которая втеченіе тысячелѣтій задерживала развитіе государствъ застоя, начала тутъ дѣйствовать съ неумолимой силою. Крайности, до которыхъ доходило въ этомъ отношеніи духовенство, дѣйствовали до такой степени убійственно на всякій зародышъ развитія, что общества, задерживаемыя формальною

религіею, внушали къ себѣ неодолимое отвращеніе даже весьма испорченнымъ людямъ, если они только воспитаны были въ другой средѣ. Во время Фердинанда и Изабеллы историки изображаютъ намъ состояніе Испаніи цвѣтущимъ, а Фердинанда и Изабеллу мудрыми и, пожалуй, еще великими государями, но даже въ это время мы видимъ, что распространяемыя въ народѣ духовенствомъ понятія о неприступности величія, о необходимости преслѣдовать безъ жалости всякое свободное проявленіе чувства и мысли по отношенію къ этому величію порождали между людьми такія черствыя и натянутыя отношенія, которыя были несносны даже для самыхъ тщеславныхъ и властолюбивыхъ людей, воспитанныхъ въ другой средѣ. Еще до реформаціи фламандцы питали самое глубокое отвращеніе къ Испанцамъ за эти качества. Филиппъ-Прекрасный былъ менѣе всего человѣкъ лишенный тщеславія и презиравшій раболѣпіе, но онъ былъ воспитанъ среди Фламандцевъ, и испанская жизнь, испанское понятіе о величіи было до такой степени ему противно, что ему нужно было дѣлать надъ собою усиліе, чтобы жить въ Испаніи и въ кругу Испанцевъ. Онъ сильно желалъ власти надъ Испаніей, но отвращеніе его къ Испанцамъ было такъ велико, что оно заставляло его дѣлать самыя грубыя политическія ошибки. Въ это время Испанія во многихъ отношеніяхъ стояла на ряду съ передовыми націями Европы. Мы уже говорили о томъ, какъ Испанцы проявляли свои способности тамъ, гдѣ они встрѣтили менѣе препятствій къ своему развитію. Въ военномъ дѣлѣ препятствій этихъ также не было, и Испанцы оказались тотчасъ весьма способными воинами, уже въ X вѣкѣ они превосходили въ этомъ отношеніи арабовъ; про одного изъ самыхъ способныхъ военачальниковъ Магомета Альмансора разсказываютъ, что онъ назначилъ христіанамъ двойное жалованье и покровительствовалъ имъ во всѣхъ спорахъ съ магометанами. Любовь къ свободѣ и къ болѣе совершеннымъ учрежденіямъ обнаруживалась тогда въ Испаніи съ большею силою, чѣмъ въ значительной части Европы, но этотъ зародышь совершенно уничтожался суровыми чувствами, которые распространялись въ народѣ духовенствомъ. Мы очень ясно видимъ, какъ оно и именно оно мѣшало развитію народа и тянуло его назадъ. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно интересно изучать вліяніе духовенства даже на отдѣльныя личности, напр., на характеръ Изабеллы. Изабелла, которая возставала противъ обращенія въ рабство Индѣйцевъ, которая лишила Колумба своей милости, какъ скоро она узнала, что въ Испанію, по его приказанію, было привезено триста рабовъ, и тотчасъ велѣла ихъ освободить, эта Изабелла вводитъ въ Испаніи инквизицію. Испанцы не видѣли никакого противурѣчія между такимъ произвольнымъ судилищемъ, какъ инквизиція, и учрежденіями вродѣ арагонской юстицы, которая представляла изъ себя судью и толкователя законовъ до того независимаго отъ короля, что король долженъ былъ вступать передъ лицо этого судилища съ непокрытою головою и преклонять передъ нимъ колѣна Когда мы видимъ въ обществѣ, находившемся подъ вліяніемъ формальной религіи, вродѣ общества ацтековъ, людей, которые откармливались въ клѣткахъ

и потомъ приносились въ жертву богамъ, мы приходимъ въ ужасъ отъ такого варварства. Но ацтеки не были даже знакомы съ желѣзомъ, они не умѣли расчищать лѣса. Испанцы жили въ странѣ, которая втеченіе тысячелѣтій уже знакома была съ желѣзомъ, которая болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ тому назадъ была знакома съ цивилизаціей, породившей наибольшее, дотолѣ извѣстное на землѣ, умственное развитіе. Это была греческая цивилизація, которая именно отличалась тѣмъ, что о человѣческихъ жертвахъ въ ней не было и помину даже и тогда, когда она не обращала на себя еще ни чьего вниманія. Испанцы уже много столѣтій признавали себя христіанами, а христіанство уничтожило нетолько человѣческія, но даже всякія кровавыя жертвы. И не смотря на все это, испанцы числомъ принесенныхъ ими человѣческихъ жертвъ едва ли не превосходили ацтековъ, они доказали, что формальная религія способна создавать у народовъ такое нравственное настроеніе, при которомъ тысячелѣтія могутъ проходить надъ головою человѣчества, порождая одни только шаги назадъ. Точно такъ же, какъ у ацтековъ, испанское духовенство сдѣлало изъ человѣческихъ жертвоприношеній любимое зрѣлище для народа; государи угощали подобными праздниками своихъ невѣстъ и наслаждались ими въ минуты перваго упоенія любви. У полудикихъ народовъ для подобныхъ жертвъ предназначаются самые жалкіе люди. На Таити запрещено было приносить въ жертву беременныхъ женщинъ, старшины должны были избирать для этого людей, которые не имѣли ни родственниковъ, ни друзей, которые не пользовались ничьимъ уваженіемъ и никому не могли внушить сожалѣнія; инквизиція выбирала свои жертвы между самой интеллигентной, самой полезной частью населенія. Жрецъ дикаря приносилъ свою жертву безъ разсчета, исключительно вслѣдствіе ложной вѣры; инквизиторъ дѣлалъ это для обогащенія, его жадность возбуждалась перспективой на конфискацію имущества. Инквизиція, это изобрѣтеніе религіозной борьбы греческой имперіи, введена въ Испаніи Изабеллой въ 1481 году и встрѣчена была народомъ съ отвращеніемъ. Не смотря на то, что инстинкты народные возмущались противъ этого варварства, она втеченіе перваго же года сожгла двѣ тысячи человѣкъ и кромѣ того произнесла приговоры надъ семнадцатью тысячами. Таковъ былъ первый пріемъ — въ Севильѣ обнаружилось неудовольствіе, Арагонцы возмутились и убили перваго инквизитора Сарагоссы. Скоро они привыкли — уже въ 1483 году царилъ знаменитый инквизиторъ Торквемада, который сжегъ десять тысячъ человѣкъ [1]) и приговорилъ четыреста тысячъ. Во время самаго ужаснаго преслѣдованія Галеріемъ христіанъ, въ Палестинѣ жертвъ было въ двадцать разъ менѣе. Съ такими великими бичами человѣчества не могли уже болѣе сравняться никакіе жрецы ацтековъ и Таити. Жертвы совершались съ величайшей торжественностью и роскошью, матери доносили на своихъ дѣтей, никто не

[1]) Другіе считаютъ число жертвъ въ двѣ тысячи, но опровергающіе ихъ, говорятъ, что двѣ тысячи жертвъ погибло втеченіе одного года. Тутъ спорить нечего, число жертвъ, во всякомъ случаѣ, ужасно.

былъ безопасенъ отъ навѣтовъ, потому что тайные доносчики получали въ награду четвертую часть конфискованнаго имущества.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Государства, задерживаемыя формальною религіею. — Связь между аскетизмомъ и стремленіемъ къ великолѣпію, Хименесъ, Карлъ V, движеніе къ свободѣ въ Испаніи, народъ — орудіе духовенства. — Филиппъ II, какимъ образомъ изъ формальной религіи вытекаетъ господство военнаго элемента и страсть къ завоеваніямъ — запосчивая политика — Многочисленность духовенства, презрѣніе народа къ земнымъ благамъ, нищенство и великолѣпіе, духовенство порицаетъ трудъ и экономію, изгнаніе мавровъ, понятіе дворянъ о величіи, реформаторы, вліяніе женщинъ, духовенство во главѣ правительства и во главѣ оппозиціи, народъ доволенъ, прогрессъ вѣчение тысячи лѣтъ, французская революція, внезапное разложеніе Испаніи. — Испанская Америка и вліяніе идей Соединенныхъ Штатовъ.

Начиная отъ государей Вавилона и Египта и кончая императорами и вельможами Рима, мы въ государствахъ застоя постоянно встрѣчаемся съ сильными, которыхъ воображеніе наполнено картинами великолѣпія и роскоши; въ этомъ они видятъ жизнь полную наслажденій и къ этому они стремятся съ страстнымъ увлеченіемъ. Ихъ вдохновляетъ созданный въ западной Азіи девизъ: «пей, ѣшь и наслаждайся, все остальное ничтожно»; вести то, что они называютъ изящною жизнью, они считаютъ наиболѣе достойнымъ ихъ счастьемъ. Ихъ вкусъ такъ неразвитъ, что они не способны вести изящной жизни, они раззоряютъ государства для образа жизни, хотя дорого стоющаго, но грубаго и жалкаго; однакоже и они, и весь окружающій ихъ народъ воображаютъ, что это именно и есть жизнь полная наслажденій. Не такъ учитъ разсуждать сильныхъ духовенство формальныхъ религій. Оно проповѣдуетъ аскетизмъ, но на какомъ же основаніи прививать людямъ такое противуестественное стремленіе? Основаніе — это религіозное чувство, которое возбуждается какъ можно сильнѣе, но которое не идетъ рука объ руку съ развитіемъ понятія о назначеніи этого чувства и о величіи; напротивъ, понятія эти сохраняются въ прежнемъ грубомъ ихъ видѣ: мало этого, духовенство старается ихъ развить до крайности въ томъ ложномъ направленіи, которое они приняли. Оно старается, чтобы величіе, проявляющееся въ роскоши и великолѣпіи, порождало посредствомъ контраста съ бѣдностью возможно сильныя чувства. Народъ долженъ быть бѣденъ, онъ долженъ жить не для этой, а для будущей жизни; эта жизнь должна быть долиной слезъ и печали, а храмы должны быть великолѣпны, люди, назначенные Богомъ для управленія народомъ и его совѣстью, должны ослѣплять своимъ величіемъ, бѣдный народъ долженъ невольно падать ницъ и

цѣловать прахъ земли; подавленный грандіозностью величія, онъ долженъ чувствовать къ нему неодолимую привязанность, онъ долженъ быть готовъ жертвовать для него всѣмъ: и имуществомъ, и жизнью, и счастьемъ. Сильные земли должны представлять изъ себя неизмѣримое величіе по отношенію къ массамъ, но люди должны понимать, что Богъ точно такъ же возвышается надъ этими сильными, какъ сильные надъ народомъ. Вотъ почему сильные, высасывая изъ народа все, что возможно, доводя его до крайней нищеты, чтобы сдѣлать между собою и имъ разницу неизмѣримою, не должны растрачивать эти сокровища на мирскія наслажденія; они должны обладать ими не для того, чтобы ими пользоваться, а только чтобы ослѣплять, они сами должны вести такую же аскетическую и тяжелую жизнь, какъ народъ, наполненную молитвою и бичеваніемъ. Не было высшаго общества и двора столь великолѣпнаго и въ тоже время до того натянутаго, тяжело и невыносимо скучнаго, какъ въ Испаніи. Одинъ изъ прекрасныхъ образцовъ этой группировки чувствъ мы видимъ въ кардиналѣ Хименесѣ. На тѣлѣ онъ носилъ власяницу и нищенскую монашескую одежду и прикрывалъ это великолѣпнымъ костюмомъ своего званія; онъ питался зеленью и кореньями, онъ спалъ на доскахъ и въ тоже время онъ былъ окруженъ безмѣрнымъ великолѣпіемъ и блескомъ, своей роскошью превосходилъ царей. Какъ тогда было распространено это направленіе въ Испаніи, видно изъ примѣра Карла V. Карлъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, человѣкъ весьма склонный поражать своимъ величіемъ, онъ былъ способенъ бичевать себя и предаваться аскетическимъ упражненіямъ. Не смотря на это чувство, черствость испанцевъ внушали ему неодолимое отвращеніе. Уже въ это время духовенство такъ настроило воображеніе испанцевъ, такъ укоренило въ нихъ наклонность создавать себѣ чрезмѣрныя понятія о своемъ величіи, наклонность къ мученичеству, къ непримиримой неуступчивости, что свобода не могла развиться въ Испаніи, хотя для этого существовали весьма благопріятныя условія. Чувства индивидуальной самостоятельности были сильно развиты въ Испаніи въ это время, тамъ было много людей способныхъ одушевиться истиннымъ энтузіазмомъ отъ идей свободы; Падила и Пашеко представляютъ намъ въ этомъ отношеніи прекрасный примѣръ. Города были такъ сильны, что они одни сами по себѣ были способны бороться съ верховной властью и ограничить ее. Кромѣ того на ихъ сторонѣ было много дворянъ. Во главѣ двадцати тысячной арміи, которую выставили города во время борьбы съ Карломъ V, стоялъ Жиронъ, человѣкъ весьма знатнаго происхожденія. Дворянство было сильно, привыкло къ самостоятельности и очень хорошо знало, что верховная власть всѣми средствами стремится его унизить. Еслибы всѣ эти элементы, правильно понявъ свои интересы, соединились, то верховная власть не имѣла бы никакихъ средствъ съ ними бороться, и водворилось бы свободное управленіе. Но духовенство успѣло уже пріучить народъ къ такой нетерпимости, что всякій дѣлалъ самыя заносчивыя требованія и никто не хотѣлъ дѣлать нималѣйшихъ уступокъ ради общихъ цѣлей. Кромѣ того, что недовольные верховною властью были многочисленны и сильны, они

боролись среди необыкновенно благопріятныхъ обстоятельствъ. Карлъ V крайне нуждался въ деньгахъ и готовъ былъ имъ сдѣлать всѣ уступки, лишь бы что нибудь отъ нихъ получить; кромѣ того онъ долженъ былъ отозвать войска, которыя онъ противъ нихъ употреблялъ, потому что французы вошли въ Наварру. Но города тотчасъ же перессорились между собою, потому что каждый дѣлалъ ни съ чѣмъ несообразныя требованія. Между дворянствомъ и городами нетолько не господствовало единодушія, какъ во время всѣхъ англійскихъ движеній, породившихъ англійскую свободу, но взаимная ненависть не имѣла предѣловъ. Въ Валенсіи дворянство возбудило противъ себя такую ненависть, что горожане ополчились на дворянъ, изгнали ихъ изъ города, разграбили ихъ дома, раззоряли ихъ земли и замки; точно такое же энергическое движеніе обнаружилось противъ дворянства въ Маіоркѣ Дворянство должно было отдать себя во власть Карла V, которому пришлось защищать его — обстоятельство не слишкомъ благопріятное для независимости этого класса. Послѣ этого не трудно понять какимъ образомъ тѣ гранды, которые называли себя равными королю при Филиппѣ II, уже дошли до того, что они подобно лакеямъ стояли у дверей въ то время, когда онъ съ ними говорилъ. Ненависть между городами была такъ велика, что они почти всѣ подъ вліяніемъ господствовавшихъ между ними враждебныхъ чувствъ, открывали правительству свои ворота въ то время, когда для правительства было невозможно принуждать ихъ къ тому силою. Только Толедо оказалъ энергическое сопротивленіе и не смотря на то, что онъ былъ одинъ, правительство было такъ слабо, что оно не могло его взять; Валенсія, не смотря на разобщеніе и онархію, могла бороться два года. Чтобы подавить возстаніе въ Маіоркѣ, Карлъ долженъ былъ напрягать всѣ свои силы. Во время всѣхъ этихъ движеній, народъ былъ несчастнымъ орудіемъ и игрушкой духовенства. Фламанское воспитаніе Карла, которое внушало ему крайнее отвращеніе къ нравамъ, водворяемымъ духовенствомъ въ Испаніи, было для него нетолько непріятно, но опасно. Нужно было смирить Карла; при его могуществѣ, при его энергіи и проницательности задача была нелегкая; однакоже духовенство нетолько не отступило передъ ней, но вполнѣ достигло своей цѣли. Карлъ долженъ былъ склонить свою голову, поддѣлываться подъ испанскіе нравы, говорить на ихъ языкѣ. Нужно удивляться той увѣренности въ своей силѣ, съ которою дѣйствовало духовенство. Въ Толедо, напр., Пашеко произвела возстаніе на деньги духовенства, а когда по его политическимъ разсчетамъ нужно было повернуть дѣла въ пользу правительства, тогда то же самое духовенство стала распространять въ народѣ слухъ, что Пашеко колдунья — народъ возсталъ и отворилъ осаждающимъ городскіе ворота. Оно такъ вело свои дѣла, что Карлъ даже не наказывалъ бунтовщиковъ тамъ, гдѣ это было невыгодно для духовенства. Никто лучше духовенства формальныхъ религій не понималъ, какое безусловное вліяніе имѣютъ на дѣятельность человѣка, привитыя ему идеи и воззрѣнія: человѣкъ будетъ искать свое счастье и источникъ блаженства не въ обладаніи вещами, не въ развитіи своихъ способностей и

силъ, даже не въ величіи и славѣ, а именно тамъ, куда будутъ направлять его привитыя ему идеи. Вотъ почему духовенство такъ заботилось о вліяніи на воспитаніе всего народа и въ особенности сильныхъ. Плоды этой дѣятельности оказались вполнѣ, когда на престолъ вошелъ воспитанный имъ государь Филиппъ II. Тутъ передъ нами рѣзко выясняется связь, которая существуетъ между направленіемъ духовенства формальныхъ религій, военнымъ элементомъ и стремленіемъ къ завоеваніямъ. Духовенство формальныхъ религій очень хорошо знаетъ по опыту, какое могучее средство для распространенія своего направленія представляетъ ему насиліе, и опытъ наконецъ принуждаетъ его исключительно сосредоточиваться на насильственныхъ пріемахъ Оно убѣждается, что такое орудіе въ связи съ другими пріемами вполнѣ приводитъ къ цѣли. Люди, обращенные насиліемъ, дѣлаются мало по малу подъ вліяніемъ того же самаго насилія, соединеннаго съ ханжествомъ рѣчи, фанатиками и защищаютъ самыми грубыми средствами то начало, которое они принимали такъ неохотно. Мы видимъ, что вся жизнь Филиппа II проходила въ безпрерывномъ употребленіи военной силы противъ своихъ подданныхъ всѣхъ частей государства, для водворенія между ними единообразнаго и вполнѣ согласнаго съ цѣлями духовенства направленія. Мавры обращены въ католическую религію, но этого для духовенства уже мало — оно находитъ, что они не достаточно ревностные католики; инквизиція постоянными преслѣдованіями и терроромъ старается принуждать ихъ къ ханжеству; она придирается къ богатымъ людямъ, сжигаетъ ихъ и конфискуетъ ихъ имущества. Когда духовенство видитъ, что мавры переносятъ все это терпѣливо, духовенство идетъ далѣе. Оно требуетъ отъ Филиппа мѣръ болѣе энергическихъ Онъ наполняетъ страну солдатами, онъ требуетъ, чтобы мавры отказались отъ своего языка и говорили исключительно по испански, чтобы они приняли нравы и костюмъ кастильцевъ, чтобы они отказались отъ бани, чтобы ихъ женщины отступились отъ старинныхъ обычаевъ, чтобы никто не смѣлъ оставлять мѣста своего жительства безъ разрѣшенія властей, чтобы они не смѣли имѣть у себя какое-бы то ни было оружіе За нарушеніе каждаго изъ этихъ правилъ предписывалась смертная казнь. Даже и послѣ этого мавры остались спокойными, они умоляли только о пощадѣ; даже губернаторъ Гренады Мондехаръ отправился въ Мадритъ, чтобы разъяснить Филиппу всю жестокость этихъ мѣръ Но духъ духовенства формальныхъ религій таковъ, что они дѣлаются тѣмъ требовательнѣе и нетерпимѣе, чѣмъ болѣе они встрѣчаютъ покорности. Духовенство настаивало на самыхъ безпощадныхъ мѣрахъ. Вспыхнуло отчаянное возстаніе, полилась кровь Относительно побѣжденныхъ жителей Филиппъ отдалъ приказъ продать въ рабство всѣхъ тѣхъ, которымъ было болѣе одинадцати лѣтъ. Въ этомъ же родѣ Филиппъ распоряжался во всѣхъ частяхъ своихъ владѣній, его правленіе все состояло изъ систематическаго возбужденія бунтовъ и самаго безжалостнаго ихъ подавленія. Все это направлено было къ водворенію исключительнаго господства духовенства и тѣхъ чувствъ и воззрѣній, которыя составляютъ неизбѣжное условіе этого

господства Идеи, которыми духовенство пропитало Филиппа съ самыхъ малыхъ лѣтъ, заставили его смотрѣть на себя, какъ на избранника божьяго, предназначеннаго водворять всюду исключительное господство католичества въ испанскомъ смыслѣ. Онъ не успѣлъ еще справиться съ своими подданными, а дѣлалъ уже самые смѣлые завоевательные планы—онъ мечталъ о господствѣ надъ всѣмъ міромъ Въ высшей степени экзальтированное духовенствомъ воображеніе до такой степени владѣло всѣмъ его существомъ, что заносчивость его политики напоминаетъ скорѣе душевно-больнаго, чѣмъ здороваго человѣка. Его политика по отношенію къ Англіи, къ Турціи, къ папѣ была такая же безсмысленная, какъ и по отношенію къ собственнымъ своимъ владѣніямъ, а между тѣмъ вы совершенно ясно видите, что и Филиппъ, и всѣ его совѣтники были умные и способные люди; безумная заносчивость ихъ политики была прямымъ результатомъ вліянія формальной религіи, противъ котораго не могли устоять даже такіе умственно-сильные люди, какъ Филиппъ и Альба. Филиппъ могъ быть самымъ богатымъ государемъ Европы: кромѣ американскихъ владѣній, о богатствахъ которыхъ такъ много кричали, онъ обладалъ лучшими частями Италіи, Нидерландами — этимъ перломъ тогдашней Европы, наконецъ сама Испанія, когда она досталась Филиппу, была еще во многихъ частяхъ богатая и цвѣтущая страна. Не смотря на это, заносчивость и безсмысліе политики Филиппа были такъ велики, что, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ своего воображенія, онъ постоянно принималъ на себя такія задачи, которыхъ выполненіе стоило ему огромныхъ денегъ и все-таки было невозможно Онъ долженъ былъ постоянно содержать такое огромное войско, что онъ былъ совершенно не въ состояніи удовлетворять его; войско, не получая жалованья, бунтовало и вмѣсто того, чтобы увеличивать его силу, уменьшало ее. Требуя себѣ удовлетворенія, оно безжалостно грабило и раззоряло его владѣнія и онъ долженъ былъ терпѣть это; оно разбѣгалось и наполняло страну разбойниками. Въ то время, когда Филиппъ раззорялъ тѣ части своихъ владѣній, гдѣ жили, по его мнѣнію, непокорные сыны церкви, его войска грабили мѣстности, населенныя ревностными католиками. Филиппъ дѣлалъ долги, гдѣ только могъ и никогда не платилъ ихъ; этимъ онъ поставилъ себя въ такое положеніе, что ему наконецъ совершенно невозможно было доставать денегъ. Онъ дожилъ до того, что онъ долженъ былъ, наконецъ, убѣдиться въ нелѣпости своего образа дѣйствія и при той гордости, которую онъ развилъ въ себѣ, это должно было казаться ему жестокимъ униженіемъ. Великія его предпріятія противъ Англіи и Турціи, несмотря на громадныя пожертвованія, неудались и нанесли его врагамъ такъ мало вреда, что давали имъ поводъ смѣяться надъ нимъ; онъ долженъ былъ сознаться въ несостоятельности своей внутренней политики и измѣнить ее; онъ долженъ былъ сближаться съ людьми, которыхъ онъ ненавидѣлъ и подозрѣвалъ и давать имъ вліяніе. Неудовлетворенное войско сдавало его врагамъ города, которые ввѣрены были его охраненію и торговало взятыми крѣпостями. Онъ умеръ, окруженный непобѣжденными врагами и ненавидимый всѣми. Онъ умеръ, но система духовен-

ства, система заносчивой политики, невѣжества и солдатчины остались. Испанцы не лишены были духа изслѣдованія и по природѣ своей были склонны къ ѣдкой сатирѣ, этому великому орудію народнаго развитія; но при Филиппѣ правдивая исторія сдѣлалась уже невозможною, а сатира была подточена насиліемъ въ своемъ корнѣ Извѣстный историкъ Маріана, который боялся короля и инквизиціи, какъ огня и отличался крайней, даже жалкой осторожностью, все-таки былъ брошенъ въ темницу; подозрительныя власти, не будучи въ состояніи отыскать чего-либо враждебнаго имъ въ его сочиненіяхъ, предположили въ нихъ скрытые нападки и осудили его. Въ то время, когда духовенство уничтожало всякую оппозицію системой террора, водворяемой инквизиціею, оно старалось прививать народу свое міровоззрѣніе, безмѣрно размножая число духовныхъ лицъ. При такой многочисленности духовенство могло быть только бѣдно и жалко, но чѣмъ оно было бѣднѣе, тѣмъ сильнѣе оно чувствовало свою зависимость отъ господствовавшей системы и тѣмъ усерднѣе поддерживало ее. Этого именно и нужно было князьямъ церкви. Въ народѣ оно распространяло такое презрѣніе къ жизни и ея благамъ, что оно сдѣлало его почти столь же лѣнивымъ, какъ номадовъ. Люди считали достоинствомъ запускать свои поля и пренебрегать всѣми удобствами жизни. Развивая такія наклонности въ народѣ съ одной стороны, безмѣрную жадность въ высшихъ съ другой, духовенство, сверхъ всего этого, плодило еще наклонность къ нищенству; оно учило презирать человѣка, который своимъ трудомъ стремится обезпечивать себѣ благосостояніе, потому что онъ заботится о мірскомъ, и въ то же время признавало высшей добродѣтелью и нищенствовать, и подавать нищимъ. Самые лучшіе умы того времени подвергались этому гибельному и заразительному вліянію. Намъ говорятъ напр., что знаменитый Лопе-де-Вега большую часть изъ получаемыхъ имъ значительныхъ денегъ, раздавалъ нищимъ, а остальное тратилъ на безумный блескъ. Если къ этому присовокупить разбойниковъ, которыхъ плодила заносчивая политика, солдаты, не получавшіе жалованья, и разныя жертвы безумныхъ преслѣдованій, то мы будемъ имѣть передъ собою всѣ элементы, изъ которыхъ составился упадокъ испанскаго общества. Духовенство нетолько гордилось тѣмъ, что оно распространяетъ подобное направленіе въ народѣ, но считало чуть-ли не преступленіемъ въ рабочемъ человѣкѣ трудолюбіе, экономію и стремленіе къ благосостоянію. Жуанъ-де-Рибера, знаменитый архіепископъ Валенсіи, въ запискѣ, поданной наслѣднику Филиппа II, Филиппу III, требуетъ изгнанія мавровъ на томъ основаніи, что они нетолько промышленнѣе, но и воздержаннѣе и экономнѣе испанцевъ «Селенія, говоритъ онъ, обитаемыя испанцами въ Кастиліи и Андалузіи отличаются своей бѣдностью въ то время, какъ земледѣльцы мавры пользуются большимъ благосостояніемъ. Фермеры испанцы едва въ состояніи оплачивать свою арендную плату, между тѣмъ какъ мавры умѣютъ извлекать доходъ даже изъ самой безплодной почвы; въ самыхъ неблагопріятныхъ мѣстностяхъ они нетолько платятъ владѣльцамъ треть жатвы, но содержатъ свои семейства въ значительномъ довольствѣ». Онъ самъ

вынужденъ сознаться, что если разомъ изгнать мавровъ изъ Валенсіи, то страна обратится въ пустыню. Я полагаю, что едва-ли легко было-бы найдти въ государствахъ застоя вельможу, который былъ-бы способенъ предложить своему государю изгнать часть подвластнаго ему населенія на томъ основаніи, что она отличается трудолюбіемъ и производительностью, можетъ платить болѣе всѣхъ другихъ и все-таки еще пользоваться благосостояніемъ. Изгнаніе мавровъ, при чемъ, по свидѣтельству даже умѣренныхъ историковъ, до 800,000 человѣкъ самаго промышленнаго населенія оставило свое мѣсто-жительство, тѣмъ замѣчательно, что оно повлекло за собою обѣдненіе и уменьшеніе доходности земель многихъ самыхъ знатныхъ владѣльцевъ и значительный убытокъ для разстроеннаго государственнаго казначейства; но духъ, который поселило духовенство въ высшемъ сословіи былъ таковъ, что оно перенесло эту мѣру и перенесло почти безъ протеста [1]). Теченіе царствованія Филиппа III бѣдность приняла въ Испаніи огромные размѣры. Высшее сословіе было точно также раззорено, какъ и рабочія массы. Страна, въ особенности внутреннія провинціи Кастиліи покрылись пустырями, поля оставались безъ обработки. Не смотря на значительное уменьшеніе населенія, Испанія не могла уже содержать себя своимъ хлѣбомъ, и хлѣбъ ввозился туда Голландцами. Безсмысліе испанской политики дошло до того, что они воспретили этотъ ввозъ подъ страхомъ варварскихъ наказаній. Финансы государства такъ запутались, что пришлось прибѣгать къ мѣрамъ, къ которымъ рѣдко прибѣгаютъ даже въ государствахъ застоя. Предписано было духовенству и богатымъ людямъ представить инвентарь своего имущества, золотой и серебряной посуды, утвари и драгоцѣнностямъ церквей. Мѣра эта встрѣтила такую сильную оппозицію, что исполненіе сдѣлалось невозможнымъ. Мѣдная монета получила насильственный курсъ, почти равный съ серебромъ; мѣра эта оказалась столь-же неудачною, страна была наводнена фальшивою монетою, и золото, и серебро ушло за границу. Среди такой постоянно возрастающей бѣдности казны и вельможъ, гордость и страсть къ суровому блеску только возрастала. Король — это былъ богъ земной, онъ долженъ былъ быть незримымъ. Подобно Филиппу II, Филиппъ III былъ заключенъ въ своихъ дворцахъ, какъ въ темницѣ; раззоренный до питки, онъ долженъ былъ окружить себя блескомъ и великолѣпіемъ, которое поглощало послѣднія стредства страны. Каждый вельможа поступалъ точно также, знатныя лица требовали, чтобы имъ служили на колѣнахъ. Эрцгерцогъ Альбертъ былъ до того неблагоразуменъ, что требовалъ отъ Фламандцевъ подобнаго раболѣпія въ самое критическое время, возбудилъ этимъ всеобщее негодованіе и такой грубой политической ошибкой показалъ, до какой степени подобныя чувства всасывались Испанцами съ молокомъ матери. При Фи-

---

[1]) Конечно, въ видѣ возраженія, мнѣ могли бы указать на переселеніе крымскихъ татаръ и черкесовъ, совершившееся не въ началѣ XVII, а во второй половинѣ XIX столѣтія, но я отказываюсь разсуждать объ этомъ предметѣ, объяснять эту мѣру я предоставляю тѣмъ, которые ее придумали и приводили въ исполненіе.

липпѣ III Испанія, по старой памяти, считалась еще въ Европѣ грозной державой, но при его наслѣдникѣ ея упадокъ сдѣлался очевиденъ для всѣхъ. Она, относительно цивилизованной Европы, заняла уже тоже мѣсто, которое занимаютъ государства застоя. Ея правители чувствовали, что для того, чтобы спасти ее отъ ничтожества и погибели, необходимо вырвать ее изъ того состоянія, въ которомъ она очутилась. Но какъ же вырвать? И вотъ въ Испаніи, точно также какъ въ Турціи и Персіи, мы видимъ реформатора за реформаторомъ, но всѣ великія реформы приводятъ только къ тому, что страна погружается все далѣе въ грязь невѣжества и нищеты. Рядъ этихъ рисующихся геніевъ-политиковъ начинается съ графа Оливареца при Филиппѣ IV, въ первой половинѣ XVII вѣка, который состязался въ славѣ съ Ришелье. Тутъ передъ глазами нашими проходитъ замѣчательная картина. Оказывается, что народъ вовсе не желаетъ преобразованій, и мѣры великихъ реформаторовъ возбуждаютъ только одно возстаніе за другимъ Съ одной стороны, мы видимъ въ рядахъ правительства на главныхъ и самыхъ видныхъ мѣстахъ духовенство, съ другой стороны, въ рядахъ бунтовщиковъ на первыхъ мѣстахъ опять-таки духовенство. Коммиссія теологовъ рѣшаетъ вопросъ о правѣ Филиппа IV нарушить привиллегіи Каталоніи; во время бунта епископы и священники своимъ вліяніемъ успокоиваютъ народъ и онъ расходится по домамъ. Духовенство не довольствуется тѣмъ, что оно воспитываетъ королей въ своемъ духѣ и дѣлаетъ ихъ неспособными къ управленію, оно подчиняетъ ихъ вліянію женщинъ, которыя не только подчиняются ему, но энергически отстаиваютъ его интересы. Передъ такой двойной силой министрамъ-реформаторамъ остается только лебезить. Филиппъ IV подчинялся своей женѣ, его наслѣдникъ Карлъ II своей матери, а та, въ свою очередь, была въ полной зависимости отъ великаго инквизитора Нитара. Они такъ повели дѣла, что въ Испаніи угасли и послѣдніе остатки интеллектуальной дѣятельности; изданъ былъ указъ, предписывавшій закрыть всѣ театры. Избавившись отъ вліянія своей матери, Карлъ II подчинился вліянію герцогини Торра-Нова, своего духовника и секретаря. Затѣмъ имъ попеременно управляли его жена и опять мать; послѣ смерти матери — вторая жена. Когда на престолъ вошелъ Филиппъ V, Испанія вполнѣ подчинилась французскому вліянію. Людовикъ XIV управлялъ ею, какъ своей провинціей. Но и послѣ такого позора, казалось, что злая судьба рѣшила, чтобы участь Испаніи всегда была въ рукахъ женщинъ, которыя въ свою очередь зависили отъ поповъ. Филиппъ V попалъ въ руки старой принцессы Урсинской, жены одного изъ испанскихъ грандовъ, воспитанной въ школѣ римскаго духовенства. Въ это время Испанія была совершенно въ такомъ же состояніи, какъ современная Персія. Внутри поля были запущены, а прибрежныя страны были совершенная пустыня. Она не имѣла ни войска, ни флота; король не имѣлъ даже столько денегъ, чтобы содержать свою гвардію — какъ въ Персіи, солдаты жили ремесломъ или мелочной торговлей Уже Карлъ II не смѣлъ выходить безъ конвоя и подвергался на улицахъ оскорбленіямъ. Въ Мадридѣ всѣ ходили съ ору-

жіемъ и убійства совершались ежедневно. И не смотря на все это, испанцы все таки были довольны,—въ этомъ-то именно и заключается великая опасность вліянія формальной религіи. Разузнавъ о жалкомъ состояніи Испаніи, Англичане и Голландцы вообразили, что имъ стоитъ только показаться въ предѣлахъ страны, и къ нимъ присоединятся массы недовольныхъ, раззоренныхъ правительствомъ, вельможами и духовенствомъ. Они высадились у Кадикса, но лишь только углубились внутрь страны, ихъ встрѣтили такъ, что они тотчасъ же должны были удалиться. Преданность испанцевъ существующимъ порядкамъ была поразительная. Чрезъ эти порядки они растеряли всѣ свои владѣнія. Отъ нихъ отдѣлились Голландія, потомъ Нидерланды, Португалія, Миланъ, Сардинія, Неаполь, Сицилія; въ самой Испаніи они потеряли пункты огромной стратегической важности—Гибралтаръ и Минорку. Они не могли ни управлять, ни оплодотворять собственную свою страну; въ администраціи, въ промышленности, вездѣ, гдѣ нужны были знанія и интеллектуальная дѣятельность, во главѣ стояли иностранцы. Но всѣ эти несчастія, всѣ эти удары, нанесенные испанской гордости, самому чувствительному мѣсту испанскаго характера, не были въ состояніи заставить народъ опомниться. Онъ отстаивалъ старое съ геройской и фанатической ревностью. Великая борьба, которая завязалась тогда между Каталоніей и прочей Испаніей, съ двумя претендентами во главѣ, Филиппомъ и Карломъ, не была борьба между старой и новой системой; всякій отстаивалъ старое, но считалъ свое дѣло болѣе истинно-національно старымъ Въ странѣ самоуправленія Каталоніи въ главѣ движенія стояло духовенство; въ Барцелонѣ оно учредило Совѣтъ Совѣсти, который состоялъ исключительно изъ духовныхъ и распоряжался съ безусловнымъ деспотизмомъ и произволомъ — триста убійцъ были исполнителями приговоровъ. Удары этихъ убійцъ направлялись опять-таки противъ духовенства, будто-бы слишкомъ мало сочувствовавшаго національно-религіозному характеру. Епископы, священники, монахи геройски участвовали въ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Лишь только борьба кончилась, Филиппъ, боровшійся съ помощью французскаго войска противъ этого національно-религіознаго начала, ввѣрилъ управленіе страною великому инквизитору, кардиналу Гуидиче. Разстроенные финансы принудили наконецъ снова прибѣгнуть къ реформамъ, и великимъ реформаторомъ явился Ори. Реформы эти живо напоминаютъ Персію—Испанія раздѣлена была на двадцать одну провинцію, и каждая провинція отдана была въ распоряженіе откупщику, который давалъ правительству впередъ деньги. Наконецъ, не возможно было не убѣдиться, что корень всего зла заключается въ инквизиціи и въ ея террористическомъ вліяніи; но лишь только Ори рѣшился коснуться ее и ограничить привеллегіи духовенства, опираясь на содѣйствіе духовенства же, во главѣ котораго стоялъ іезуитъ Робине, инквизиція провозгласила его покушеніе ересью. Филиппъ, раздраженный, вздумалъ было бороться, но долженъ былъ преклонить свою голову передъ священнымъ трибуналомъ и былъ счастливъ, что ему удалось вырвать своего духовника изъ когтей грознаго судилища. Въ 634 году по Р. Х. король

Сизенандѣ долженъ былъ поклониться въ ноги толедскому собору и умолять его со слезами и рыданіями. съ тѣхъ поръ прошло болѣе тысячи лѣтъ, въ Испаніи разцвѣла и погибла арабская цивилизація, страна эта играла великую роль въ жизни Европы и перестала ее играть, втеченіе двухъ столѣтій надъ нею уже работало вліяніе возникающей западной цивилизаціи. И что же, послѣ всего этого повторяется положеніе, которое мы видѣли болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, едва нѣсколько смягченное въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Вотъ результаты, къ которымъ приводитъ господство формальной религіи съ ея іерархическимъ, фанатизирующимъ народъ и склоннымъ къ насилію духовенствомъ. Лишь только Филиппъ освободился отъ вліянія принцессы урсинской, онъ подпалъ вліянію своей жены, которая, въ свою очередь, была въ рукахъ у кардинала Альберони. Фердинандъ VI былъ подъ вліяніемъ своей жены и своего духовника. Во второй половинѣ XVIII вѣка, при Карлѣ III. мы видимъ, что воры и разбойники составляютъ въ Испаніи политическую партію точно такъ же, какъ въ худшія времена въ государствахъ застоя. Когда государь этотъ сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, касавшіяся костюма, подъ которымъ обыкновенно скрывались бандиты, то вспыхнуло возстаніе, которое поддерживалось ненасытнымъ духовенствомъ. Король долженъ былъ обѣщать бунтовщикамъ удалить своего министра реформатора Скиласа, и дѣйствительно Скиласъ вынужденъ былъ выѣхать изъ Испаніи. Страна до такой степени обнищала и опустѣла, что потребовалось заселять огромныя пустыни иностранными колонистами, чтобы хотя сколько нибудь помочь всеобщему голоду. Но духовенство было рѣшительно противъ этой мѣры, и когда Олавидецъ нашелъ средства привлечь въ страну нѣмцевъ, швейцарцевъ и итальянцевъ и поселить ихъ въ мѣстностяхъ, которыя до тѣхъ поръ служили прибѣжищемъ бандитамъ, инквизиція жестоко отомстила ему за это, она бросила его въ темницу и приговорила его къ тяжкимъ наказаніямъ. Въ это время во Франціи собирались тучи великой революціи, и для Испаніи, казалось, наконецъ переполнилась чаша зла. Какъ ни могущественно было вліяніе духовенства, но ужасный его гнетъ сдѣлался наконецъ невыносимымъ, терпѣніе народа по видимому лопнуло, слѣпая его вѣра поколебалась. Сдѣланъ былъ первый серіозный шагъ противъ духовенства. Были изгнаны іезуиты, инквизиція лишена была права арестовывать людей, противъ которыхъ не было доказательствъ и присвоивать себѣ имущество осужденныхъ. Такой воробьиный шагъ былъ уже великимъ началомъ, онъ разразился надъ народомъ подобно громовому удару; ревностные католики удивлялись, какъ это Испанія не провалилась сквозь землю и не погибла отъ небеснаго огня, какъ Содомъ и Гомора.

Пока испанцы мѣняли свои реформы, охали надъ своимъ упадкомъ, пробовали и не смѣли сдѣлать шага впередъ, надъ Европою разразились громы переворотовъ 1789 года. Испанія перепугалась и переполошилась. Какъ можно было такъ смѣло идти по пути прогресса? Какъ можно было нападать на монаховъ, на инквизиціи, поколебать въ народѣ вѣру въ Бога и бросить въ его сердце адское сѣмя скептицизма?—И кто же

дѣлалъ все это — король, правительство. Какъ неопытные, легковѣрныя юноши, они поддались вліянію соблазнителей человѣчества и захотѣли отдать этому изчадію ада на съѣденіе свой добрый народъ. Долой министровъ, долой дурныхъ совѣтниковъ короля, долой коварныя заботы о просвѣщеніи и народномъ благосостояніи, Горе тому, кто сосредоточивается на попеченіяхъ о земныхъ благахъ! спасеніе въ одной вѣрѣ. При Карлѣ IV всѣ литературныя и ученыя общества уничтожены, противъ иностранцевъ приняты самыя крутыя мѣры. Правительство энергически протестуетъ противъ поступковъ съ Людовикомъ XVI. Когда пришла вѣсть о его казни, народъ подымается; во многихъ городахъ избиваютъ французовъ; Каталонья, Биская, Наварра предлагаютъ деньги и солдатъ, чтобы воевать съ безбожнымъ народомъ. Но увы, все напрасно, разслабленная страна не въ состояніи противиться могучему потоку; новая жизнь, которой она такъ боялась, къ воспріятію которой она никогда не готовилась, не шутила съ нею. Горе живущимъ на окраинахъ цивилизаціи, которые думаютъ только о томъ, какъ бы сопротивляться ея потоку, они обрѣкаютъ себя сдѣлаться ея жалкими жертвами Испанія упустила то время, когда новыя идеи могли въ ней укрѣпиться и развиться, и западная цивилизація не явилась къ ней благотворнымъ геніемъ, она ворвалась среди дыма и пепла, мрачнымъ призракомъ съ огнемъ и мечомъ. Испанцы дрались съ иностранцами, дрались между собою, дрались въ Европѣ и въ Америкѣ. Страна покрыта была кровью и развалинами, раззореніе внесено было и туда, гдѣ и прежде царила только одна горькая бѣдность, гдѣ повидимому нечего было раззорять. Страхъ и анархія всюду сбиваютъ въ искусственныя группы заклятыхъ враговъ; кидаясь другъ другу въ объятія, они думаютъ только о томъ, когда они будутъ другъ друга душить Монахи, гордые дворяне, кичливые царедворцы говорятъ языкомъ красныхъ демагоговъ и съ проклятіемъ въ сердцѣ льстятъ тѣмъ, для которыхъ готовятъ цѣпи и темницу; гордые друзья свободы и проповѣдники равенства лебезятъ передъ Наполеономъ, чтобы бичевать своихъ враговъ. Куда они идутъ, что выйдетъ изъ всего этого,—никто не знаетъ; ясно только одно, что въ странѣ происходитъ такой внезапный и быстрый процессъ разложенія, какой рѣдко встрѣчался въ исторіи. Въ Америкѣ, на огромномъ пространствѣ отъ бассейна рѣки Колумбіи до степей Патагоніи происходитъ наплывъ идей изъ Соединенныхъ Штатовъ. Идеи эти не только не успѣли обратиться въ чувства народныя, но они не поняты и не усвоены даже самыми горячими своими защитниками, а между тѣмъ страна внезапно очутилась въ такомъ положеніи, что ради ихъ уже льется кровь, старые порядки разрушены и пали невозвратно; они пали такъ быстро, что никто не понималъ, какъ это случилось; нужно создавать новыя; а какъ строить тамъ, гдѣ еще не заготовленъ строительный матерьялъ? Отдѣляясь отъ Испаніи, колоніи мечтаютъ о томъ, чтобы создать такое-же могущественное федеративное государство, какъ Соединенные Штаты. Между тѣмъ это имъ не только не удается, но онѣ дробятся на все болѣе мелкія республики, дробится и то, что уже было соединено въ одно

цѣлое. Доходитъ до того, что всѣ эти государства за исключеніемъ одной Мехики по населенію своему равняются нашимъ губерніямъ и даже уѣздамъ, а въ Мехикѣ царствуютъ такіе порядки, что она до сихъ поръ утратила уже въ пользу Соединенныхъ Штатовъ приблизительно половину своей территоріи. Создавая изъ себя республики, эти государства принимали конституціи, которыя носили на себѣ явные слѣды полнаго подражанія Соединеннымъ Штатамъ, за исключеніемъ торжественнаго провозглашенія господства католической религіи. Но написать конституцію и выполнить ее — это большая разница. Вмѣсто конституціонной жизни вы встрѣчаете вездѣ средневѣковую анархію со всей ея обстановкой. Народъ и высшее сословіе понимаютъ управленіе только въ видѣ военнаго и духовнаго деспотизма, партіи борются постоянно съ оружіемъ въ рукахъ, и понятіе о борьбѣ другаго рода для нихъ совершенно не доступно; безпрерывные грабежи, набѣги, прекращеніе торговли, даже таможенные сборы, которые составляютъ главный доходъ правительства и которыми старается завладѣть всякая изъ партій,—все это даетъ республикамъ Америки поразительное сходство съ государствами застоя и даже съ государствами болѣе низкаго разряда, потому что ихъ, напр., нельзя сравнивать съ арабами цвѣтущихъ временъ. Если они имѣютъ сходство съ арабами, съ точки зрѣнія анархическихъ движеній, то они далеко ниже ихъ въ умственной дѣятельности и въ трудолюбіи, въ области промышленности и земледѣлія. Населеніе бывшихъ испанскихъ колоній Америки до сихъ поръ рѣзко обнаруживаетъ тѣ чувства, въ которыхъ оно воспитано было духовенствомъ формальной религіи — наклонность къ деспотизму, пренебреженіе къ интеллектуальной жизни и къ условіямъ матерьяльнаго благосостоянія. Въ то время когда они освобождались и организовывались, вы видите, что они нисколько не заботились о томъ, чтобы создать для себя благопріятныя условія развитія. Они не стараются создать изъ себя сильное государство, которое могло бы охранять ихъ торговлю и внутреннее спокойствіе, они не стараются создать общество, достаточно многочисленное и богатое, чтобы оно соединяло въ себѣ всѣ условія, необходимыя для самостоятельнаго научнаго развитія. Вы не видите тутъ ни однаго изъ тѣхъ стремленій, которыя неизбѣжны въ каждомъ обществѣ съ потребностями цивилизаціи. Въ южной Америкѣ колоніи, расположенныя отъ границъ Гвіаны до Чили и Лаплаты, освобождались при такихъ условіяхъ, при которыхъ имъ очень легко было составить одно государство — во главѣ движенія у нихъ стоялъ одинъ и тотъ же Боливаръ. Они бы обладали тогда территоріею, равняющеюся пространству европейской Россіи и имѣли бы десять мильоновъ населенія; они имѣли бы достаточно силы, чтобы охранять свою торговлю; для защиты своей территоріи имъ нужно было бы только самое незначительное войско; они создали бы себѣ несравненно болѣе благопріятныя условія для интеллектуальнаго развитія, а потребности въ самоуправленіи имъ очень легко было бы удовлетворить федеративнымъ устройствомъ. Но все это интересовало ихъ весьма мало — свойственное грубымъ и эксцентрическимъ

натурамъ стремленіе расталкиваться взяло у нихъ верхъ надъ всѣми потребностями цивилизаціи.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Государства, задерживаемыя формальною религіею.—Судьбы Испаніи въ XIX столѣтіи. — Проповѣдь либерализма и ненависть всѣхъ партій къ либеральнымъ идеямъ.—Разница между европейскими и испанскими реакціонерами — Сходство между испанской анархіей и анархіей въ государствахъ застоя.—Очарованіе и разочарованіе Европы.—Вліяніе формальной религіи въ Португаліи —Способности Португальцевъ и ихъ открытія, всѣ ихъ успѣхи уничтожаются вліяніемъ формальной религіи, сходство съ Испаніею. — Испанское господство. — Утрата колоній, обезлюденье. — Вліяніе Англіи.—Почему цивилизація Испанцевъ, Португальцевъ и ихъ бывшихъ колоній неблагонадежна. — Огромное и вредное значеніе ложнаго направленія инстинктовъ міровой жизни, сравненіе съ другими инстинктами.—Вредъ этого ложнаго направленія въ другихъ государствахъ Европы. — Современное состояніе Испанцевъ и Португальцевъ. — Тиморъ. — Вліяніе Соединенныхъ Штатовъ и сходство между южной Америкой и государствами застоя.—Отсталость и фанатизмъ въ Португаліи и Испаніи.

Въ то время, когда въ Америкѣ комбинація изъ прогрессивныхъ идей Соединенныхъ Штатовъ и укоренившагося вліянія духовенства порождала средневѣковую анархію вмѣсто царства свободы и цивилизаціи, западное просвѣщеніе имѣло еще болѣе существенное вліяніе на Испанію; страна эта была даже завоевана самымъ прогрессивнымъ изъ народовъ материка Европы. Въ концѣ 1809 года Наполеонъ побѣдоносно прошелъ по Испаніи и провелъ дѣло реформъ совсѣмъ другимъ аллюромъ; въ Мадридѣ онъ разомъ уничтожилъ инквизицію, всѣ привилегіи, феодальныя права и предписалъ уменьшить число монастырей. Въ то время, когда Французы дѣйствовали такимъ образомъ, боровшаяся съ ними національная партія провозглашала конституцію 1812 года, весьма либеральную для того времени. Народъ, никогда не мысливший и глубоко погрязшій въ суевѣріи и невѣжествѣ, вдругъ, среди грома оружія, услыхалъ пропаганду такихъ идей, существованіе которыхъ онъ и не подозрѣвалъ. Идеи проповѣдовались, невольно дѣйствовали на людей, а высшее сословіе все оставалось въ убѣжденіи, что нужно управлять народомъ по прежнему. Послѣ военнаго деспотизма наполеоновскихъ генераловъ, водворился деспотизмъ Фердинанда VII, господство партіи такъ называемыхъ Персіанъ, потому что они выставляли образцомъ порядки древней Персіи. Духовенство пріобрѣло все прежнее свое вліяніе, снова введена была инквизиція, монастыри получили обратно свои имущества; все, что проповѣдовало

либеральныя идеи, было разослано въ ссылку и брошено въ тюрьмы. Черезъ нѣсколько лѣтъ, мы видимъ Испанію въ томъ же анархическомъ состояніи, въ которомъ находится Персія. Всеобщее казнокрадство ставитъ правительство въ самое затруднительное положеніе, ему нужны деньги для войны съ своими колоніями, а денегъ нѣтъ; оно безъ церемоніи вымогаетъ деньги силою у тѣхъ, у кого предполагаетъ достатокъ. Такой образъ дѣйствія и жестокія преслѣдованія прогрессивной партіи плодятъ заговоры, къ этому присоединяется третій, свойственный государствамъ застоя источникъ безпорядковъ — войско не получаетъ содержанія. Изъ этого выходятъ бунты и наконецъ общее возстаніе. Причины, которыя произвели это явленіе и ходъ его вполнѣ напоминаютъ государства застоя. Это одно изъ тѣхъ анархическихъ явленій, какія вы встрѣчаете въ мѣстностяхъ застоя тысячами, но теперь оно уже называется революціею и, дѣйствительно, оно несетъ знамя и провозглашаетъ идеи, выработанныя въ западной Европѣ; но все это только на поверхности, въ сущности чувства, которыя вырабогались подъ вліяніемъ формальной религіи—деспотизмъ, нетерпимость, вражда противъ умственной жизни, господствуютъ съ полной силой. Вмѣшательство реакціонеровъ Европы, которое подавило испанское псевдо-либеральное движеніе, показало, однакоже, тотчасъ же разницу между Испаніей и западной Европой; первое его послѣдствіе состояло въ томъ, что возобновленіе инквизиціи сдѣлалось невозможнымъ. Партія, которой иностранныя войска доставили господство въ Испаніи, была партія абсолютной монархіи, партія, которая во Франціи, въ Германіи и въ другихъ частяхъ Европы стремилась водворить господство формальной религіи, и все-таки эта партія, по своимъ воззрѣніямъ, рѣзко отличалась отъ партіи, защищавшей религіозный абсолютизмъ въ испанскомъ духѣ. Воззрѣнія испанскаго національно-религіознаго абсолютизма вполнѣ совпадали съ идеями государствъ застоя: они относились такъ враждебно къ новому правительству, что Фердинанду приходилось казнить тѣхъ, которые требовали, чтобы его обожали, какъ Бога. Не смотря на казни, воины вѣры и защитники національно-религіознаго абсолютизма, возставали разъ за разомъ, подвергались новымъ казнямъ, и все таки, наконецъ, въ тридцатыхъ годахъ взяли верхъ и овладѣли правительствомъ Господство ихъ продолжалось недолго, иностранное вліяніе скоро лишило ихъ власти. Тогда Испанія попала въ тоже самое состояніе, въ которомъ мы видимъ американскія республики и государства застоя. Въ государствахъ застоя толпы бродягъ и разбойниковъ скоплялись въ какомъ-нибудь неприступномъ мѣстѣ и оттуда постоянно дѣлали набѣги и разоряли сосѣднюю страну въ то время, когда въ ее сердцѣ бродили анархическіе элементы и вспыхивали возстанія. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока страна не доходила до окончательнаго разложенія. Точно тоже мы видимъ въ Испаніи. У подошвы Пиринейскихъ-горъ поселился Донъ Карлосъ съ своими сподвижниками изъ партіи національныхъ абсолютистовъ; они дѣлали набѣгъ за набѣгомъ на Испанію и проникали за предѣлы Кастиліи и Ламанша. Набѣги эти, точно такъ же какъ въ государствахъ застоя, имѣли исклю-

чительною цѣлью захватить добычу; они угоняли скотъ, грабили, вымогали деньги и совершали самыя варварскія неистовства. Въ тоже время въ городахъ, и въ особенности на югѣ страны, возникали возстанія, которыя провозглашали противуположныя начала. Наконецъ, вся страна запылала бунтомъ. Около сороковыхъ годовъ мы находимъ въ Испаніи положеніе, которое еще живо напоминаетъ государства застоя. Тамъ мы встрѣчаемся съ слѣдующими порядками: полиція платитъ судьямъ постоянное жалованье, затѣмъ она дозволяетъ разбойникамъ грабить страну, однакоже, постоянно наблюдая за ними, когда они наживутся, тогда она ихъ хватаетъ и сажаетъ въ тюрьму; затѣмъ она выжимаетъ изъ нихъ и изъ ихъ семействъ все награбленное; когда она видитъ, что съ нихъ уже нечего болѣе взять, она ихъ освобождаетъ и снова дозволяетъ имъ грабить — это губки Веспасіана и воззрѣнія Мехмета-Али въ самомъ грубомъ и безцеремонномъ видѣ. И это дѣлалось въ то время, когда Испанія считала себя весьма либеральною и примкнула къ знаменитому союзу четырехъ державъ (Англіи, Франціи, Португаліи и Испаніи) противъ [1]) реакціоперовъ и защитниковъ деспотическаго управленія. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго дня въ Испаніи постоянное броженіе не прекращалось; извѣстно, что съ 1833 по 1861 годъ въ Испаніи смѣнилось 47 министерствъ и 531 министръ. Передъ послѣдней революціей мы опять видѣли порядки очень похожіе на порядки XVII и XVIII вѣка — управленіе женщины, которая въ рукахъ у духовенства и показываетъ ему фанатическую, самоотверженную преданность, въ управленіи гоненіе на мысль и самый неограниченный и безусловный произволъ. Втеченіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ, много разъ уже провозглашали въ цивилизованномъ мірѣ, что Испанія и ея бывшія американскія колоніи, наконецъ, начинаютъ жить конституціонной жизнью свободнаго государства; не разъ они воспламеняли Европу и Америку провозглашеніемъ прогрессивныхъ идей, которыя превосходили даже то, на что способны были ихъ болѣе цивилизованные сосѣди; они нетолько провозглашали эти идеи, они освящали ихъ въ своихъ законодательныхъ памятникахъ. Каждый разъ для цивилизованнаго міра за этимъ слѣдовало самое жестокое разочарованіе, высказанное на словахъ тотчасъ же затоплялось гигантскимъ потокомъ обильнѣйшихъ проявленій самыхъ грубыхъ чувствъ. Когда въ Европѣ испанцы провозглашали свою конституцію 1812 года, когда американскія колоніи геройски боролись за свою свободу и, освободившись, сзывали другъ друга на панамскій конгрессъ для составленія единаго и прочнаго государства, тогда всякій цивилизованный человѣкъ смотрѣлъ на нихъ съ глубокимъ участіемъ и вниманіемъ. Но уже среди этихъ громкихъ провозглашеній великихъ началъ, на которыхъ покоится современная цивилизація, раздавались такія раздирающія душу фальшивыя ноты, которыя разомъ уничтожали иллюзію. Еще не успѣла Мехика окончательно освободиться, какъ она уже

---

[1]) Этотъ союзъ четырехъ державъ, которымъ такъ гордятся испанцы, въ сущности заключаетъ въ себѣ такое же вмѣшательство великихъ державъ въ дѣла Испаніи и Португаліи, какое мы постоянно встрѣчаемъ въ Турціи — это жалкій либерализмъ, навязанный штыками Европы.

провозгласила конституцію, заимствованную у Соединенныхъ Штатовъ и что же?—Въ этой конституціи встрѣчается основной законъ, что всякое вѣроисповѣданіе кромѣ католическаго воспрещается, изъ XIX вѣка вы прямо брошены въ начало XVI. Всѣ громкія слова, заимствованныя у цивилизаціи, оставались словами и за ними являлась варварская дѣйствительность Люди, которые овладѣли правительствомъ, прикрываясь знаменемъ конституціи 1812 года, подвергли все мыслящее такимъ варварскимъ преслѣдованіямъ, что въ 1820 году въ одной Валенсіи освобождено было 1,400 политическихъ преступниковъ. Послѣ движенія 1820 года на границахъ Португаліи и Франціи составились апостольскія хунты изъ священниковъ, разбойниковъ и бродягъ для возстановленія неограниченной власти. Когда французское войско помогло имъ завладѣть властью, они своими неистовствами навели ужасъ на Французовъ. Вотъ образецъ испанскихъ пріемовъ. Въ Августѣ 1824 г. казнено было 600 политическихъ преступниковъ, въ сентябрѣ 800, въ октябрѣ 1,200. Испанцы никогда не вѣрили идеямъ, которыя провозглашались ихъ предводителями, а предводители никогда не были убѣждены, что народъ принимаетъ эти идеи серьезно и будетъ настаивать на ихъ выполненіи. Утверждаютъ, что Нарваецъ и Браво обязаны были своимъ господствомъ исключительно тому, что либералы не довѣряли прогрессистамъ, прогрессисты демократамъ и что явились еще отщепенцы, называвшіеся партіей иберійскаго королевства. Про предшественника Браво говорили, что онъ умеръ въ мирѣ со всѣми своими врагами, потому что онъ ихъ всѣхъ разстрѣлялъ. Все это показываетъ намъ, съ какимъ ужаснымъ трудомъ наплывающая извнѣ цивилизація должна стирать грубыя и ложныя чувства застоя, воспитанныя въ народѣ духовенствомъ формальной религіи.

Все случившееся въ Испаніи, въ ея колоніяхъ, въ Парагваѣ, можетъ достаточно разъяснить намъ вліяніе формальной религіи, но тотъ, кто не успѣлъ еще убѣдиться, что дѣйствуетъ именно формальная религія, а не что-либо другое, тотъ можетъ обратиться къ исторіи Португаліи. Тутъ онъ увидитъ, какъ совершенно однородныя причины порождали тѣ же самыя послѣдствія. Исторія показываетъ въ португальцахъ народъ болѣе способный и болѣе предпріимчивый, чѣмъ испанцы. Это въ особенности обнаруживается въ славное для нихъ время морскихъ открытій. Конечно, на долю испанцевъ выпала счастливая кость открытія Америки. Въ глазахъ недальновидной критики человѣчества успѣхъ всегда прикрываетъ недостатки разсудка, но если разсматривать дѣло съ болѣе разумной точки зрѣнія, то никакъ нельзя сочувствовать этимъ слѣпымъ увлеченіямъ и восторгамъ людей. Португальцы, дѣлая одно открытіе за другимъ, слѣдуя вдоль береговъ Африки, дѣйствительно, проложили водный путь въ богатую Индію и сдѣлались тамъ весьма опасными соперниками магометанской цивилизаціи. Они не остановились на этомъ, пошли далѣе и проникли до Японіи. Они открыли, такимъ образомъ, самые богатые рынки для всемірной торговли. Такой образъ дѣйствія въ одно и тоже время и смѣлый, и раціональный заслуживаетъ полнаго признанія со стороны человѣчества. Въ тоже время испанцы, какъ слѣпые, кинулись въ откры-

тое море, не зная, куда и зачѣмъ они идутъ и что они тамъ найдутъ. Можно удивляться счастью испанцевъ, которые, сдѣлавъ такую нелѣпость, встрѣтили такую неожиданную удачу, но объ нихъ можно только тоже сказать, что объ сумашедшемъ, который кинулся въ воду, чтобы утопиться и выздоровѣлъ. Всѣ великіе учители формальныхъ религій поступали точно такъ же, какъ Колумбъ,—съ необыкновенной энергіей, съ неотразимымъ энтузіазмомъ они увлекали людей на путь, котораго окончательный исходъ они не понимали и не могли предвидѣть; но всѣ эти энтузіасты задерживали развитіе человѣчества втеченіе сотенъ и тысячъ лѣтъ, одному Колумбу удалось произвести другое; но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что примѣръ нераціональной смѣлости и нераціональнаго энтузіазма заслуживаетъ хвалы или подражанія. Португальцы начали свои открытія гораздо ранѣе испанцевъ, и только зависть заставила послѣднихъ пуститься на отчаянную штуку. До 1492 года, когда Колумбъ вышелъ въ море для открытія Америки, португальцы открыли уже Конго, объѣхали мысъ Доброй Надежды, проникли въ Аббиссинію, достигли Адена, посѣтили Гоа и весь западный берегъ Индостана. Но къ несчастью способности Португальцевъ не могли спасти ихъ отъ господства формальной религіи. Въ концѣ среднихъ вѣковъ господство духовенства было въ Португаліи немного слабѣе, чѣмъ въ Испаніи. Изгнанные изъ Испаніи евреи кинулись было въ болѣе терпимую Португалію, но свободномысліе португальцевъ оказалось не слишкомъ надежнымъ подъ вліяніемъ испанцевъ — и евреи и мавры были изгнаны. Въ исторіи, кажется, нѣтъ другаго примѣра, чтобы такое маленькое государство, какъ Португалія, втеченіе такого короткаго времени, открыло такое множество важнѣйшихъ пунктовъ для международныхъ сношеній человѣчества. Въ 1485 году они начали рядъ своихъ открытій, въ 1517 г. они открыли уже торговыя сношенія съ Китаемъ. Имъ принадлежали самые важные пункты для торговли съ Африкой, съ Персіей, съ Индіей, съ Китаемъ и Японіей, они извлекали огромныя выгоды изъ богатой природы острововъ, лежащихъ между Азіей и Новой Голландіей и изъ богатыхъ своихъ владѣній въ Америкѣ; они были истинными посредниками всемірной торговли и всемірнаго обмѣна произведеній. Но въ 1526 г., сорокъ пять лѣтъ спустя послѣ Испаніи, введена была въ Португаліи инквизиція и судьба страны была рѣшена. Она захватила въ свои руки всемірную торговлю, она была дверью, чрезъ которую населеніе земнаго шара знакомилось съ европейской цивилизаціей, языкъ свой она сдѣлала всемірнымъ, международнымъ коммерческимъ языкомъ — значеніе это португальскій языкъ сохранилъ до сихъ поръ по берегамъ Африки и въ разныхъ частяхъ Индіи,—и все-таки португальцы не сдѣлались богатымъ и великимъ народомъ. Время, когда они опоясали весь міръ сѣтью принадлежавшихъ имъ торговыхъ центровъ, казалось имъ свѣтлой зарей, предвѣщавшей ихъ будущее величіе, но это была не утренняя, это была вечерняя заря, за которой слѣдовала ночь невѣжества, бѣдности и страданій. Сила инквизиціи возрастала съ каждымъ днемъ, народъ былъ недоволенъ и ропталъ, но скоро она пустила такіе глубокіе корни, что

она сдѣлалась грозна даже для властей церкви, передъ нею трепетали даже епископы, многихъ изъ нихъ она бросала въ темницы и даже подвергала пыткамъ. Сожженіе, казни еретиковъ—сдѣлались и въ Португаліи любимымъ зрѣлищемъ. Къ концу XVI вѣка Португалія уже представляетъ собою жалкое зрѣлище бѣдности, земледѣліе упало, поля запустѣли и страна получаетъ большое сходство съ мѣстностями застоя, на половину заселенными номадами. Въ это время въ Португаліи было болѣе пастуховъ, чѣмъ земледѣльцевъ, склонность къ лѣнивой и безпечной жизни овладѣла всѣмъ рабочимъ людомъ. Населеніе уменьшалось. Такой жалкій упадокъ приписывался большимъ переселеніямъ. Большія переселенія въ многочисленныя колоніи мы встрѣчаемъ также въ Англіи и въ Голландіи, однакоже мы видимъ, что чрезъ это страны эти богатѣютъ, а не падаютъ. Въ колоніяхъ также введена была инквизиція и жестокости, которыми сопровождалось ея господство, отвращали туземное населеніе и уменьшали значеніе португальцевъ. Въ колоніяхъ проповѣдь презрѣнія къ благамъ земнымъ сдѣлала португальцевъ столь же невѣжественными и бездѣятельными, какъ и въ метрополіи. Мы уже выше говорили, какъ въ Макао португальцы нищенствуютъ, какъ и въ своей родинѣ, въ то время когда китайцы дѣлаютъ все и вполнѣ забираютъ ихъ въ свои руки. Во время политическихъ движеній мы видимъ у португальцевъ точно также, какъ у испанцевъ, духовенство въ главѣ обѣихъ борящихся партій. Когда Португалія присоединилась къ Испаніи, то во главѣ правительства стоялъ сначала кардиналъ Генрихъ, а потомъ архіепископъ Лиссабонскій Алмада; передъ собраніемъ государственныхъ чиновъ, защитникомъ правъ Филиппа былъ епископъ Лейра. Но народныя массы были противъ присоединенія и у нихъ во главѣ стояли монахи, которые произносили самыя смѣлыя рѣчи и возбуждали народный энтузіазмъ. Они подчинили народъ пріору де крато дону-Антонію, который провозгласилъ себя королемъ. Также какъ въ Испаніи, духовенство въ Португаліи овладѣло воспитаніемъ королей и высшихъ лицъ. Замѣчательный и рѣдкій образецъ нравственныхъ уродовъ, которыхъ способно было порождать такое воспитаніе, представляетъ собою король Себастьянъ. Онъ гордился своимъ раболѣпіемъ и принялъ титулъ весьма послушнаго. Его презрѣніе къ благамъ жизни, ко всему, что порождаетъ народное благосостояніе, къ наукѣ было поразительное, онъ убилъ возникающую португальскую литературу. Чтобы сохранить непорочность, онъ рѣшился на безбрачіе и накликалъ на Португалію испанское владычество Онъ думалъ только о томъ, какъ-бы умереть за вѣру и для этого раззорялъ свое государство такими безсмысленными войнами, что удивлялъ и смѣшилъ даже Филиппа и Альбу, которые его считали полоумнымъ. Геніяльные писатели въ Португаліи, какъ и въ Испаніи, упражнялись въ сочиненіи поэтическихъ и театральныхъ произведеній религіознаго содержанія. Во время испанскаго владычества, втеченіе первой половины XVI столѣтія, господство духовенства и въ особенности инквизиціи достигло крайняго своего предѣла. Гоненіе на португальскую литературу было такъ велико, что португальскіе поэты вынуждены были

писать по испански Утверждаютъ, что когда прекратилось испанское владычество, то отъ прежняго населенія Португаліи осталось менѣе трети. Въ это время Португалія утратила самые важные изъ своихъ морскихъ пунктовъ и завоеваній въ Азіи и въ Африкѣ. Утративъ Ормуздъ, она лишилась вліянія на персидскую торговлю. Въ Индостанѣ у ней отнята большая часть ея владѣній, голландцы отобрали у нея Малакку, Цейлонъ, Зондскіе острова. Португалія освободилась отъ власти Испаніи, но не освободилась отъ вліянія духовенства. Типическій характеръ жизни подъ вліяніемъ формальной религіи воспроизводитъ тутъ явленія поразительно-сходныя съ тѣмъ, что дѣлается въ Испаніи. Къ концу XVII вѣка Португалія уже такъ запустѣла, что чувствуетъ крайнюю необходимость въ заселеніи своихъ земель; вездѣ гдѣ необходима интеллектуальная дѣятельность, она должна прибѣгать къ иностранцамъ. Въ XVIII вѣкѣ она почти сдѣлалась провинціей Англіи точно также, какъ Испанія—провинціей Франціи. Пройдя чрезъ всѣ эти бѣдствія, Португалія начала отъ нихъ освобождаться тѣмъ же путемъ, какъ и Испанія. Она настолько же позже приняла инквизицію, насколько ранѣе начала отъ нея освобождаться. Если она, подобно испанцамъ, изгоняла мавровъ и евреевъ, то она теперь точно также изгоняла іезуитовъ. При этомъ оказалось, что они до такой степени завладѣли народнымъ просвѣщеніемъ, что съ ихъ изгнаніемъ всѣ школы лишились учителей. Преподаваніе они довели до самаго жалкаго вида, профессора занимались своимъ дѣломъ только четыре мѣсяца въ году. Втеченіе настоящаго столѣтія развитіе Португаліи было точно такое же конвульсивное, какъ и въ Испаніи.

Если мы обратимся къ совершенному состоянію всѣхъ этихъ мѣстностей, то мы найдемъ, что западная цивилизація имѣетъ на нихъ несомнѣнное вліяніе и кладетъ свою печать на ихъ образъ жизни, воззрѣнія и чувства. Но мы не должны забывать, что надъ заселеніемъ пиринейскаго полуострова прошла уже не одна цивилизація, но, навязанная извнѣ, она погибала отъ сильно-укрѣпившагося тамъ господства формальной религіи тотчасъ сама собою, какъ скоро прекращалось внѣшнее цивилизующее давленіе. Въ началѣ христіанской эры Испанія была цивилизованнѣе Европы, но подъ деспотической рукой духовенства страна пришла въ совершенный упадокъ, когда она была завоевана арабами. Арабы снова дали ей сильный толчекъ на пути цивилизаціи; наука, промышленность, земледѣліе одинаково процвѣтали тамъ въ это время; населеніе было густо и пользовалось благосостояніемъ. Области бѣднѣли по мѣрѣ того, какъ онѣ завоевывались испанцами и подпадали вліянію католическаго духовенства. Когда въ рукахъ у мавровъ осталась одна Гренада, она казалась раемъ по сравненію съ прочими частями Испаніи. Послѣ этого Пиренейскій полуостровъ еще разъ игралъ блестящую роль въ исторіи Европы, но, задавленный формальной религіей, одичалъ, обѣднѣлъ и пересталъ ее играть именно въ то время, когда у его сосѣдей проснулась умственная жизнь. Послѣ всѣхъ этихъ опытовъ прошедшаго, мы могли бы поставить испанцевъ и португальцевъ въ ряды цивилизующихъ человѣчество націй только въ такомъ случаѣ, если-бы они не-

только воспринимали цивилизацію, но существенно способствовали ея развитію у передовыхъ націй. Составляя изъ нихъ особый отдѣлъ народовъ, задерживаемыхъ формальной религіей, мы ихъ выдѣлили изъ массы государствъ застоя и дали имъ—относительно ведущей впередъ человѣчество цивилизаціи—то положеніе, которое постоянно принималось многочисленными и сильными народами, гдѣ господствовали формальныя религіи, относительно идущихъ въ главѣ развитія. Громадное значеніе формальной религіи вполнѣ оправдываетъ выдѣленіе этой группы, и если мы видимъ, что вліяніе формальной религіи способно разлагаться отъ внѣшняго наплыва цивилизаціи, то мы видимъ съ другой стороны, что оно способно также задушить и уничтожить эту цивилизацію—такъ было въ Византіи, въ Египтѣ, такъ повліяли на арабскую цивилизацію туранскія племена. Правда, что тутъ воспроизводятся всѣ тѣ же самыя черты, которыя создавали общества застоя, но изъ нихъ рѣзко выдѣляется черта аскетизма и систематической вражды противъ жизни. Въ государствахъ застоя человѣкъ возвеличивается за вредную дѣятельность, за геройство и грабежъ, но ему не говорятъ: убивай жизнь только потому, что она жизнь. Формальная религія представляетъ намъ крайній предѣлъ, до котораго можетъ дойти вредное вліяніе ложной идеи, если ея орудіемъ служитъ сильный инстинктъ. Всѣ человѣческіе инстинкты не дѣйствуютъ сами; они направляются идеями и относительно каждаго инстинкта, если онъ только силенъ, мы можемъ указать на ложную идею, которая дѣлала его гибельнымъ для цѣлыхъ народовъ; слѣдя за дѣйствіемъ этихъ, болѣе или менѣе гибельныхъ идей, мы наконецъ убѣждаемся, что человѣкъ можетъ достигнуть правильнаго отправленія своего инстинкта только тогда, когда каждый человѣкъ будетъ постоянно наблюдать за дѣйствіемъ у него этого инстинкта, анализировать его и, такимъ образомъ отрѣшаясь отъ всякихъ привитыхъ ему мнѣній, самодѣятельностью разсудка прокладывать себѣ путь къ нормальному образу дѣйствія, порожденному совокупными силами инстинкта и разума. Вліяніе такихъ ложныхъ идей на инстинктъ питанія мы видимъ, напр., въ обжорствѣ, отъ котораго дошли до крайняго разслабленія и тупоумія высшія сословія во многихъ государствахъ застоя, гдѣ они думали, что жирное тѣло необходимо для важной осанки; въ пьянствѣ, отъ котораго такъ часто погибаютъ дикари. Излишество тутъ всегда происходитъ отъ ложной идеи о наслажденіи, которое порождается употребленіемъ вина или пищи; человѣкъ на подобной ступени развитія такъ ненаблюдателенъ, что онъ никакъ не въ состояніи сравнить всѣ послѣдствія отъ извѣстнаго употребленія пищи и напитковъ; у него остаются въ памяти только немногіе моменты, которые онъ разукрашиваетъ воображеніемъ, вовсе упуская изъ виду страданія и неудобства; такой ложной картиной онъ постоянно стимулируетъ себя и даетъ инстинкту необузданное направленіе. Точно такая же неспособность—представлять себѣ въ истинномъ свѣтѣ назначеніе инстинктовъ мировой жизни порождаетъ гибельное вліяніе формальныхъ религій. Хотя инстинктъ питанія считается первостепеннымъ инстинктомъ у человѣка, но если мы сравнимъ послѣдствія, которыя происходили для че-

ловѣчества отъ направленія ложными идеями инстинктовъ питанія, съ такими же послѣдствіями отъ ложныхъ идей, направлявшихъ инстинкты міровой жизни, то мы очень легко убѣдимся, какъ ничтожно для жизни человѣчества значеніе инстинктовъ питанія по сравненію съ инстинктами міровой жизни. Первый инстинктъ создаетъ только животное, будетъ-ли это животное исполнять такое же назначеніе, какъ всѣ другія млекопитающіяся, или превратится оно въ человѣка, исполняющаго свое призваніе плодить жизнь на землѣ — это не зависитъ отъ инстинктовъ питанія. Человѣкъ, который настолько же мало способенъ плодить жизнь на землѣ, какъ животное, такая рѣдкость, что можно спорить о томъ, встрѣчаются ли подобные люди,—поэтому мы и не видимъ племенъ, которыя бы погибали собственно отъ обжорства; распространенную способность съѣдать за одинъ присѣстъ пудъ или два мяса и жиру мы встрѣчаемъ только у дикарей очень низкаго развитія. Даже дикія племена погибаютъ уже не отъ обжорства, а отъ пьянства, т. е. нестолько отъ чрезмѣрной склонности къ пищѣ, сколько отъ ненормальнаго направленія склонности къ возбужденію нервовъ, а эта склонность уже чисточеловѣческая, она необходима человѣку для исполненія особеннаго его назначенія и рѣзкой чертою отдѣляетъ его отъ животнаго; въ ряду всѣхъ пріемовъ, въ которыхъ выражается потребность искусственнаго возбужденія нервовъ, только такіе, какъ пьянство, общи человѣку съ животнымъ, да и тѣ у человѣка принимаютъ уже сравнительно громадный размѣръ. За предѣлами дикой жизни отъ ложнаго направленія инстинктовъ питанія гибнутъ уже только незначительныя части общества, и притомъ гибнутъ не сами по себѣ, а потому, что они, ослабѣвъ, лишаются своего значенія другими, дававшими болѣе нормальное направленіе инстинктамъ питанія. Роль ложнаго направленія инстинктовъ міровой жизни грандіозна въ сравненіи съ этимъ Какъ скоро даже только одинъ изъ инстинктовъ міровой жизни,—тотъ, который служитъ источникомъ религіозному чувству, развивается усиліями духовенства и затѣмъ получаетъ ложное направленіе, вліяніе его поразительно. Народы, заселяющіе громадныя пространства земель,почти цѣлыя части свѣта, прекращаютъ заботы о матеріяльномъ своемъ благосостояніи, къ которымъ должны были бы ихъ побуждать всѣ другіе инстинкты; они впадаютъ въ нищенство, въ бѣдность и невѣжество; и народныя массы, и высшія сословія не дозволяютъ цивилизаціи проникать въ свою среду, хотя эта цивилизація рвется къ нимъ, и въ особенности высшіе классы имѣютъ самыя очевидныя доказательства, что жизнь ихъ должна очень украситься отъ такой перемѣны. Мало этого,—дѣйствіе той же самой силы въ качествѣ могучаго начала, задерживающаго развитіе на перекоръ очевиднымъ интересамъ тѣхъ, которые ей содѣйствуютъ, весьма замѣтно проявляется во всѣхъ странахъ Европы. Она порождаетъ разницу благосостоянія между католическими и другими кантонами Швейцаріи. Подъ вліяніемъ ложныхъ идей здѣсь масса народа задерживаетъ движеніе во вредъ себѣ; въ Австріи тоже дѣлаетъ высшее сословіе. Есть ли хотя одна страна въ Европѣ или Америкѣ, гдѣ бы это вліяніе нетолько осталось незамѣтнымъ, но даже перестало бы

быть могучимъ дѣятелемъ. Въ Швеціи оно обнаружилось съ наибольшей силой, послѣ Пиринейскаго полуострова, оно дѣлаетъ конвульсивнымъ развитіе Италіи, въ Соединенныхъ-Штатахъ Америки оно поддерживало рабство и до сихъ поръ составляетъ политическую опасность; въ Европѣ нѣтъ страны, гдѣ бы перестало дѣйствовать это зловредное вліяніе, оно является парализирующимъ началомъ и въ Англіи, и въ Бельгіи, и во Франціи, и въ Пруссіи.

Не смотря на всѣ страданія, которыя испанцамъ и португальцамъ приходится переносить въ борьбѣ за цивилизацію противъ этого ложнаго направленія, страны, задерживаемыя формальной религіей, не достигли даже той степени интеллектуальнаго развитія и благосостоянія, какая уже неоднократно встрѣчалась въ государствахъ застоя, онѣ еще не вышли за крайній предѣлъ, до котораго доходили эти государства, и выйдутъ ли — это также невозможно опредѣлительно сказать объ нихъ, какъ и о государствахъ застоя, которыя подпали вліянію западно-европейской цивилизаціи; до сихъ поръ они не стоятъ еще на своихъ ногахъ, судьбы ихъ развитія вполнѣ зависятъ отъ судьбы внѣшней, дѣйствующей на нихъ цивилизаціи. Послѣднія свѣдѣнія изъ колоній португальцевъ показываютъ, что они носятъ на себѣ гораздо болѣе печать варварства, чѣмъ цивилизаціи. Намъ говорятъ, что въ той части Тимора, которая принадлежитъ португальцамъ, втеченіе трехсотъ-лѣтняго ихъ господства не устроено ни одной дороги Грабительство чиновниковъ совершенно приравниваетъ ихъ къ чиновникамъ государствъ застоя, офицеры до такой степени невѣжественны, что, получивъ небольшую мортиру и бомбы, они не знали что съ ними дѣлать; когда вспыхнуло возстаніе, то начальникъ войска такъ перепугался, что сказался больнымъ и отказался идти противъ инсургентовъ, точно такъ же, какъ это не разъ дѣлалось въ Турціи и Персіи. Въ Америкѣ мы видѣли современное состояніе Парагуая, въ другихъ мѣстностяхъ положеніе почти не лучше. Не смотря на крайне благопріятныя природныя условія для развитія и умноженія населенія, населеніе то увеличивается, то уменьшается отъ господства анархіи; города точно такъ же, какъ въ государствахъ застоя, то заселяются, то пустѣютъ. Въ Монтевидео, напримѣръ, одно время населеніе съ 26,000 низошло до 15,000. У путешественниковъ, описывающихъ города испано-португальской Америки, можно встрѣтить выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «Я полагалъ, что передо мною Сирія или Палестина, не доставало только кедровъ и пальмъ, чтобы имѣть передъ собою городъ изъ окрестностей Ливана и Іордана». Въ городахъ этихъ вы встрѣчаете часто странную смѣсь восточнаго, съ созданнымъ подъ вліяніемъ Соединенныхъ-Штатовъ. Городъ, какъ шахматная доска, съ совершенно прямыми улицами и правильными квадратами, и въ немъ дома съ восточной архитектурой, разрисованныя фаянсовыя башни. Монтевидео описывался, напримѣръ, съ замѣчательно низкими домами, съ немощеными улицами, тутъ грязь, пыль и вонь такая же, какъ на Востокѣ. Смѣсь восточнаго съ западнымъ не менѣе поразительна въ Буэносъ-Айросѣ. Это современный Каиръ, перенесенный съ Нила на берега

Ла-Платы, порою онъ напоминаетъ даже города Персіи. Въ лучшихъ частяхъ его мощеныя улицы, блестящіе экипажи, но также и фаянсовыя башни, и дома съ восточной архитектурой, тротуары, по которымъ едва можетъ пройдти одинъ человѣкъ, дома съ такимъ небольшимъ числомъ оконъ и съ такими рѣшетками, что они похожи на темницы Въ отдаленныхъ частяхъ — улицы грязныя, совершенно непроходимыя во время дождей, съ дырами и провалами; какъ въ Персіи, въ глубокихъ ямахъ, среди кучь сѣрой земли, валяются черепы быковъ и лошадей и цѣлые остовы животныхъ. Путешественники удивляются здоровому воздуху, который, не смотря на все это, не развиваетъ въ городахъ чуму, такъ часто посѣщающую Востокъ. Низкіе дома, окруженные заборомъ изъ колючихъ растеній, опять-таки напоминаютъ Востокъ. Въ окрестностяхъ большихъ городовъ и въ самыхъ людныхъ мѣстахъ вы встрѣчаете плантаціи и фермы, но уже тутъ васъ поражаетъ характеръ производительности, который напоминаетъ человѣка съ Востока. На первомъ планѣ у жителей презрѣніе къ жизни и ко всѣмъ ея удобствамъ. Почва роскошная, она даетъ урожаи самъ сто, но воздѣлывается она съ такими пріемами, что, описывая ихъ, путешественникъ восклицаетъ: «Во времена Януса, во время золотаго вѣка, когда Сатурнъ училъ народы Лаціума земледѣлію, орудія не могли быть болѣе несовершенными и болѣе варварскими.» Но почва еще болѣе способна содержать стада, они плодятся сами, безъ всякихъ усилій, въ дикомъ состояніи, и вотъ на этомъ то предметѣ и сосредоточиваются сельскіе хозяева. Рядомъ съ фермами, которыя производятъ хлѣбъ, и производятъ его часто, не смотря на безмѣрно благопріятныя условія, въ недостаточномъ количествѣ для пропитанія страны, плодятся фермы, которыя исключительно занимаются воспитаніемъ скота. Животные продукты производятся и являются на рынкѣ въ такихъ огромныхъ массахъ, что ихъ некуда дѣвать, между тѣмъ всѣ другія потребности населенія остаюгся неудовлетворенными или удовлетворяются самымъ жалкимъ образомъ, какъ будто человѣкъ имѣетъ одно назначеніе—ѣсть мясо. Но и такое сельское хозяйство группируется только по рѣкамъ, около центровъ, около большихъ и не большихъ городовъ; Буэносъ Айросъ окруженъ имъ только на нѣсколько верстъ. Далѣе безконечная степь, съ отдѣльными землянками, какъ на Востокѣ, съ безконечными стадами, съ гаучо, смѣшанной крови индѣйцевъ съ испанцами: полуодѣтый, басой, часто на лошади безъ сѣдла, онъ представляетъ изъ себя типическую фигуру азіатскаго номада; ихъ бездомная, бродячая жизнь дѣлаетъ ихъ совершенными дикарями, и они наконецъ сливаются съ бродячими индѣйцами. Мебель въ землянкахъ представляетъ также не мало сходства съ мебелью первобытнаго человѣка, напр. стулъ изъ двухъ бычачихъ головъ. Печи нѣтъ, дымъ отъ очага выходитъ, какъ знаетъ. На земляномъ полу кучами гніютъ остатки животвыхъ продуктовъ, и ихъ тутъ же клюютъ птицы,—вонь не выносимая, миріяды насѣкомыхъ наполняютъ грязное помѣщеніе; вмѣсто посуды—рогъ. Все это населеніе, и высшее, и низшее, и образованное, и дикое находится подъ вліяніемъ одной нравственной силы духовенства. Во время испанскаго владычества его вліяніе на массу на-

рода было такъ велико, что увѣряютъ будто оно внушило на берегахъ Ла-Платы фанатическую ненависть къ англичанамъ, убѣдивъ населеніе, что еретики англичане, подобно дьяволу, имѣютъ хвостъ. Послѣ освобожденія даже высшее сословіе такъ мало эманципировалось, что въ борьбѣ унитаріевъ съ федералистами и та и другая партія опирались на духовенство. Въ Буэносъ Айросѣ унитаріи при устройствѣ управленія и представительства дѣйствуютъ чрезъ духовный сенатъ, а федералисты, захвативъ власть, дѣйствуютъ чрезъ іезуитовъ. Можно запутаться какъ въ лабиринтѣ въ этой борьбѣ, которая ведется чрезъ духовенство и противъ духовенства. Жалко смотрѣть на роль, которую при этомъ играютъ представительныя учрежденія: конституціи передѣлываются безпрерывно, сообразно съ минутными потребностями имѣющихъ власть. Въ Мехикѣ съ 1821 по 1861 г., втеченіе сорока лѣтъ тридцать шесть разъ измѣнялась конституція, семьдесятъ два раза перемѣнился глава государства съ различными титулами и правами. Учрежденія называются представительными, но если господствующему генералу вздумается, то представителямъ противной партіи безъ церемоніи воспрещаютъ засѣдать въ палатѣ. Люди называются свободными, но никто не удивляется, если эти свободные люди разстрѣливаются безъ суда сотнями. Ничто не можетъ такъ живо напоминать избраніе алжирскаго дея или взятіе Испагани, какъ политическое движеніе въ республикахъ Америки. Среди улицъ съ дырами и провалами, въ грязныхъ и безобразныхъ харчевняхъ, гаучо играютъ въ азартныя игры до тѣхъ поръ, что нѣкоторые выходятъ оттуда совершенно нагими,— вдругъ начинается тревога, всѣ бѣгутъ на главную площадь, во главѣ толпы грозно стоятъ мясники и водоносы точь въ точь, какъ банщики и ремесленники Алжира и Испагани, является военная сила и разгоняетъ ихъ выстрѣлами, толпы разбѣгаются во всѣ стороны и безъ оглядки бѣгутъ за городъ, тамъ они присоединяются къ гаучо и къ монтонера и подъ предводительствомъ какого нибудь генерала подступаютъ къ городу и осаждаютъ его. Взгляните на это осаждающее войско—какая смѣсь одеждъ и лицъ! Вотъ мясники и ремесленники въ яркихъ разноцвѣтныхъ костюмахъ съ пиками въ рукахъ, вотъ толпы индѣйцевъ нагіе, на лошадяхъ безъ сѣдла и попоны; вотъ полунагіе и грязные гаучо въ остроконечныхъ шапкахъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ, разукрашенныхъ колокольчиками и съ пиками вмѣсто оружія; вотъ такъ называемое пѣхотное войско, оборванное, босоногое съ допотопными ружьями, чаще всего никуда не годными; вотъ наконецъ гвардія изъ негровъ, единственная, которая имѣетъ единообразный костюмъ и нѣкоторое понятіе о дисциплинѣ. Сравните съ этимъ войскомъ афгановъ, которые осождали Испагань и скажите, не поражаетъ ли тутъ сходство? Припомните генераловъ, которые имѣютъ подъ своей командой полтораста человѣкъ и величаютъ себя громкимъ именемъ главнокомандующихъ. Всюду господствуетъ полнѣйшая разнокалиберщина, полное отсутствіе общихъ началъ и всякой симетріи, и населеніе въ полной зависимости отъ капризовъ сильныхъ. Вотъ вамъ Перу, гдѣ рядомъ съ свободнымъ работникомъ, который получаетъ 65 р. въ мѣсяцъ, работаетъ кабальный китаецъ, ко-

торый словленъ обманомъ въ Китаѣ, закабаленъ на семь лѣтъ и болѣе и долженъ наравнѣ съ каторжниками работать на островахъ, едва поддерживая свое существованіе, или, какъ скотъ, продается на плантаціи. Вотъ Чили—перлъ между испано-американскими республиками, имѣющій конституцію, похожую на конституцію Массачусетса и гдѣ крупное землевладѣніе господствуетъ въ такихъ размѣрахъ, что владѣнія одного лица равняются цѣлымъ германскимъ княжествамъ (на одномъ закалывалось 4,000 телятъ въ годъ). Эти землевладѣльцы, не смотря на самыя благопріятныя условія сбыта по баснословнымъ цѣнамъ въ Калифорнію и Австралію, постоянно раззоряются и раззоряютъ періодически земледѣльцевъ и рабочихъ. Воскресите въ своемъ воображеніи полную картину этихъ городовъ, селеній и безпредѣльныхъ степей,— въ городахъ и деревняхъ населеніе суевѣрное, фанатическое, буйное и лишенное всякихъ потребностей, въ степяхъ полукочевое, кочевое и наконецъ бродячее,—сопоставьте съ ними города и степи сѣвернаго берега Африки, Аравіи, Сиріи и Персіи и скажите, гдѣ тутъ разница.

Конечно вліяніе западной цивилизаціи замѣтнѣе на Пиринейскомъ полуостровѣ, чѣмъ въ Америкѣ, но можно ли сказать, что населеніе тутъ уже перешло за черту, до которой доходили государства застоя, что оно вошло въ кругъ европейской цивилизаціи, не только по покрою своего платья и по нѣкоторому внѣшнему подражанію. Португалія ушла далѣе Испаніи, однакоже мы узнаемъ, что тамъ изъ 9 милльоновъ гектаровъ обработывается только два, да и то не каждогодно, а въ нѣсколько лѣтъ разъ; въ области Бейра огромныя пространства лежатъ въ пустѣ, а между тѣмъ жители не имѣютъ ни хлѣба, ни занятія и ищутъ себѣ земледѣльческой работы за границею. Португальскій земледѣлецъ употребляетъ мяса и пшеницы вчетверо менѣе, чѣмъ французскій и не имѣетъ молока. Какъ въ Испаніи, такъ и въ Португаліи, сельское населеніе наполовину бродячее и состоитъ изъ пастуховъ. Сельское хозяйство по характеру своему поразительно напоминаетъ востокъ съ его стадами и въ особенности Грецію, относительно которой мы имѣемъ статистическія данныя; разница только та, что въ Греціи столько же мелкаго скота, сколько и въ Португаліи, между тѣмъ какъ по пространству своему Португалія вдвое больше. Съ своими пустынными полями сѣверная Испанія напоминаетъ Персію, а на югѣ ея города съ узкими улицами, ея поля съ пріемами обработки, сохранившимися еще отъ арабовъ, носятъ также не мало восточнаго колорита. Къ бывшей мавританской крѣпости Ронда, несмотря на значительную ярмарку, не было дороги, дорога устроена только нѣсколько лѣтъ тому назадъ и не потому, что этого требовало удобство жителей, а потому, что въ Ронду долженъ былъ пріѣхать герцогъ Монпансье съ женою. Въ Испаніи до сихъ поръ мы встрѣчаемъ интересныя черты, общія у ней съ самыми фанатическими мѣстностями государствъ застоя. Въ Персіи, напр., мы находимъ, что втеченіе года самыя видныя мѣста занимаютъ дни религіозной печали, когда народъ фанатизируется различными зрѣлищами, изображающими смерть мучениковъ за вѣру. Въ испанскомъ году всего болѣе выдвигается страстная

недѣля. Тутъ процессіямъ и мрачнымъ зрѣлищамъ нѣтъ конца, даже представленія и танцы входятъ въ составъ религіозныхъ церемоній. Въ другихъ частяхъ Европы, гдѣ менѣе фанатизма, мы видимъ противуположное явленіе—тамъ праздники, напоминающіе радостныя происшествія, выступаютъ на первый планъ, и во время этихъ праздниковъ свѣтскія удовольствія берутъ перевѣсъ надъ духовными.